

С. Д. СКАЗКИН

Академия наук СССР
Отделение истории

С.Д.СКАЗКИН

КОНЕЦ АВСТРО-РУССКО-ГЕРМАНСКОГО СОЮЗА

Исследование по истории
русско-германских
и русско-австрийских отношений
в связи с восточным вопросом
в 80-е годы XIX столетия

Издательство «Наука»
Москва 1974

В книге академика Сказкина отражены сложные международные противоречия в Центральной и Восточной Европе в те годы, когда Германская империя вышла на европейскую арену. Именно в тот период закладывались основы будущих коалиций, противоречия между которыми привели к первой мировой войне.

Первое издание книги вышло в 1928 г. и ныне стало библиографической редкостью. Монография полностью сохранила свое научное значение и является хорошей школой для молодых историков, овладевающих марксистско-ленинской методологией исторического исследования.

Ответственный редактор

академик А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ

С $\frac{11101\text{-}0306}{042(01)\text{-}74}$ -80-74

Сергей Данилович
СКАЗКИН

Книгу эту, опубликованную впервые около полувека тому назад, естественно, готовил к нынешнему изданию сам автор. Но случилось так, что раньше чем работа — не простая и не скорая,— была завершена, Сергея Даниловича не стало. И книге суждено выйти из печати, когда автора, написавшего этот труд и готовившего его к переизданию, уже больше нет с нами.

В советской исторической науке, в среде советских историков Сергей Данилович Сказкин всегда занимал особое, только ему одному присущее место.

Сергей Данилович окончил Московский университет еще в дореволюционное время — в 1915 г., но как ученый он сформировался в советскую эпоху. С 1920 г. началась его преподавательская работа в Московском университете. С тех пор прошло более пятидесяти лет, полстолетия! И на протяжении всего этого долгого, меняющегося времени С. Д. Сказкин всегда оставался самым любимым, самым популярным среди студентов профессором. Ученик А. Н. Савина, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера С. Д. Сказкин закономерно стал специалистом по истории средних веков. Основные лекционные курсы, которые он читал в университете, в МИФЛИ, Московском городском пединституте, Высшей партийной школе и других высших учебных заведениях Москвы, были курсы по истории средних веков. С 1949 г.— и на протяжении четверти века, до смерти — Сергей Данилович был руководителем кафедры истории средних веков МГУ.

Стены Московского университета на Моховой за полвека, прошедших с тех пор, как С. Д. Сказкин начал читать в них свои лекционные курсы, видели многое. Менялся состав студентов, от выпускников старых гимназий до взрослых, прошедших через испытания гражданской войны «парттысячников», менялась температура в аудиториях, менялось их внешнее убранство. В иных аудиториях профессора читали лекции в почти пустых залах: либо предмет казался скучным, либо манера чтения профессора отпугивала студентов, либо то и другое. Перед дверьми аудиторий, где читал лекции профессор Сказкин, студенты собирались задолго до начала лекции; зал быстро заполнялся; опоздавшим было некуда протиснуться.

Сергей Данилович читал лекции глуховатым, негромким голосом, не напрягая голосовые связки, но в аудитории стояла

такая тишина, что ни одно слово не пропадало. Он не был оратором типа революционных трибунов, оратором стиля Мирабо; то была профессорская, неторопливая, взвешенная, обдуманная — не речь, а лекция. Но Сергей Данилович владел чудодейственным даром образного мышления; может быть, потому, что он сам был художник и более всего любил живопись, он умел с удивительным мастерством воссоздавать зрительно перед аудиторией картины, портреты тех исторических событий и лиц, о которых шла речь. Я думаю, что когда он читал лекцию, скажем, о Столетней войне и речь в ней заходила об освобождении в 1429 г. осажденного англичанами Орлеана, то образ простой крестьянской девушки из Домреми, образ Жанны д'Арк представлялся самому лектору столь явственно, столь отчетливо, что это передавалось искусством образного изображения и его слушателям: они тоже видели, тоже зрительно представляли себе орлеанскую деву. Но секрет постоянного и, я бы даже сказал, нарастающего успеха лекций Сергея Даниловича у московского студенчества заключался не только в образной, изобразительной силе устного исторического повествования, не только в пластичности и художественной выразительности его речи.

Не следует забывать: Сергей Данилович был вместе с Евгением Алексеевичем Косминским одним из первых, а порою и самым первым творцом марксистской научной концепции истории средних веков. Поколение старших медиевистов: Д. М. Петрушевский, А. Н. Савин, при жизни которых начинал свою работу Сергей Данилович, при всех своих заслугах перед наукой, не были марксистами, и целостной марксистской концепции истории средневековья в ту пору просто не существовало. Задача ее создания пала целиком на плечи более молодого поколения ученых, ставших профессорами уже в советское время. Притягательная сила лекций Сергея Даниловича объяснялась во многом и тем, что его лекции были творческим процессом и восприимчивая аудитория чувствовала себя соучастницей этого творчества. Каждая лекция, и это в особенности относится к тому времени — второй половине 30-х годов, когда после известных постановлений о гражданской истории впервые восстанавливался в полном объеме, но совсем по-новому, курс средневековой истории, каждая лекция была своего рода открытием. Освобожденная от мертвящих оков схематического вульгарного социологизма, освещенная лучами марксистской методологии, история далекого прошлого как бы заново оживала во всем своем неповторимом своеобразии. Не каждому лектору было под силу это сочетание художественной выразительности, основанной на точном, совершенном знании эпохи, с научной строгостью. Сергею Даниловичу это было по плечу. Не случайно он стал не только самым популярным в Московском университете профессором, не только первым, вместе с Е. А. Косминским, редактором и одним из авторов университетского курса истории средних веков, переиздавав-

шегося не раз, но и общепризнанным руководителем советской школы медиевистики.

Я не буду здесь останавливаться на научных трудах С. Д. Сказкина в области медиевистики[1]. Эта большая и важная тема требует особого рассмотрения, и я не считаю себя вправе высказывать здесь свои суждения, так как предмет далек от моей специальности и это уже сделали[2], да и дальше будут делать ученые, работающие в этой области исторической науки. Здесь достаточно напомнить, что труды С. Д. Сказкина по разным разделам и аспектам истории средневековья, как, впрочем, и по другим областям исторической науки, получили столь полное и всеобщее признание, что уже в 1943 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1958 г. — действительным членом этой же академии, а в 1972 г. ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

Но в этих немногих вступительных строках, предваряющих книгу Сергея Даниловича, мне представляется важным сказать не столько о научной, академической и общественной стороне деятельности С. Д. Сказкина — она отмечена самым широким признанием, высокими званиями, орденами, непоколебимым научным авторитетом и потому наиболее известна, сколько о другом.

Когда в начале статьи я говорил, что Сергей Данилович занимал особое место и положение среди советских ученых, то я имел в виду не только его никем не оспариваемый научный авторитет, признание его научных заслуг, но и тот исключительный моральный престиж, которым всегда и в полной мере обладал Сергей Данилович.

Ученый твердых принципов, советский патриот, воодушевленный высокими чувствами гражданственности, последовательный защитник марксистско-ленинской методологии, Сергей Данилович был в то же время человеком щедрого сердца, внимательным к людям, нетерпимым ко злу и отзывчивым к добру. Все сходились на том, что Сергей Данилович был самым справедливым человеком. Я знал Сергея Даниловича более сорока лет, с 1928 г., и за это долгое время жизнь создавала порою непростые или нелегкие ситуации, но в каком бы положении ни оказывался Сергей Данилович, с какими бы трудными обстоятельствами ему ни приходилось сталкиваться, всегда и во всем он оставался chevalier sans peur et sans reproche — рыцарем без страха и упрека. Его нравственный, моральный авторитет был равно велик для советских людей всех поколений — и молодых, начиная со студентов, только вступающих в жизнь, и для зрелых, давно сложившихся и пользующихся заслужен-

---

[1] См. библиографию трудов С. Д. Сказкина в его книге «Избранные труды по истории». М., 1973, стр. 427—443.

[2] См. *Е. В. Гутнова и др.* Акад. С. Д. Сказкин.— «Вопросы истории», 1966, № 4, и др.

ным признанием ученых. Об этом нельзя не сказать, ибо без этих черт, не укладывающихся в формальные анкетные сведения, облик Сергея Даниловича Сказкина — крупного советского ученого и большого человека — не был бы полон.

И вот теперь, после всего сказанного, следует вернуться непосредственно к книге, выходящей ныне вторым изданием. Сергей Данилович предпослал — незадолго до смерти — второму изданию предисловие, в котором сказано все главное. Мне остается добавить лишь немногое — то, о чем Сергей Данилович, по понятной авторской скромности, не счел возможным сказать. Роль этой книги в развитии советской исторической науки, по моему глубокому убеждению, очень велика и, может быть, даже в какой-то мере недооценена.

С. Д. Сказкин был ученым широких научных интересов, и в его научной биографии проблемы внешнеполитической истории, по крайней мере в первую половину его большого научного пути, занимали почти равноправное положение наряду с проблемами медиевистики.

Его книга создавалась в середине 20-х годов. Об этом нельзя забывать прежде всего потому, что то был период становления советской исторической науки, когда лишь прокладывались — еще неуверенно, в поисках, и порою с немалыми издержками — основные направления, по которым она должна была развиваться. Этот путь поисков не был ни простым, ни легким, и порою уводил молодую советскую историческую науку в сторону. Стоит напомнить в этой связи, что во многих высших учебных заведениях в ту пору и курса истории в строгом смысле слова, т. е. как систематического всестороннего изложения и анализа исторических событий в хронологически-последовательном порядке, не было или почти не было; их заменяли нередко либо так называемый ИРОФ — история развития общественных формаций, либо история революционных движений, либо история классовой борьбы. Не случайно в 1934 г. потребовались известные специальные решения ЦК ВКП(б), чтобы восстановить историю как науку в ее законных правах.

Об этом приходится напоминать для того, чтобы правильно оценить значение труда С. Д. Сказкина, опубликованного впервые РАНИОНом в 1928 г. То была книга для того времени не только необычная, редкая, но, я сказал бы, даже в какой-то мере исключительная. В ту пору, когда большинство работ по всеобщей истории базировалось в основном на литературе и печатных источниках (и за это советских историков нельзя было винить, это было вполне объяснимо), С. Д. Сказкин создал труд совершенно иного уровня исследования. Сергей Данилович первым из советских всеобщих историков построил свое исследование на основе новых, никем до него не изученных и остававшихся неизвестными архивных документов Министерства иностранных дел России. Он был также первым из советских

историков, кто изучил и использовал — в сопоставлении с документальными материалами архивов царской России — привлекавшие тогда всеобщее внимание историков публикации дипломатических документов, прежде всего известного 40-томного собрания германских документов — «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette» и других сходных изданий.

Новизна и широта базы источников, исключительная тщательность их исследования, высокая техника исторического письма и, наконец, мастерское, превосходное в литературном отношении, историческое повествование, развертываемое на страницах этого труда, сделали работу С. Д. Сказкина сразу же выдающимся достижением советской исторической науки.

На первый взгляд, неспециалисту, читателю, не занимающемуся историей международных отношений второй половины XIX в., этот труд, даже если судить по его названию и подзаголовку, может показаться несколько узким академическим исследованием сравнительно частных дипломатических вопросов. Но такое мнение было бы ошибочным.

В предисловии к своему исследованию Сергей Данилович писал: «Автор никоим образом не хотел писать только дипломатическую историю». Действительно, внимательный читатель легко увидит и поймет, что это исследование на самом деле не узкодипломатическая история, а глубокий, основанный на огромном конкретно-историческом материале анализ важнейших узлов международной политики, рассматриваемой в тесной связи, в контексте со всей социально-экономической историей эпохи.

В этом смысле труд Сергея Даниловича Сказкина имел принципиально важное значение: он был первым фундаментальным исследованием, возвестившим рождение советской школы истории международных отношений нового времени. Все последующие работы советских историков по этой проблематике были продолжением начатого Сергеем Даниловичем Сказкиным.

Для своего времени, для конца 20-х годов, эта книга обладала еще одной особенностью — она была в высшей степени актуальна в лучшем, глубоком понимании этого слова. Может быть, современным читателям, читателям последней трети XX в. это утверждение покажется неожиданным, парадоксальным. Но не следует упускать из виду, что эта книга создавалась лишь спустя несколько лет — 6—7—8 — после того, как закончилась первая мировая империалистическая война, и была опубликована за 11 лет до начала второй мировой войны. Что могло быть тогда важнее для науки, для ученых, для народа, не желавшего войны, чем исследование тщательно укрытых от посторонних глаз действий сложных механизмов, в глубокой тайне подготавливавших приближение часа войны?

Исследование это замышлялось как двухтомное; по первоначальному намерению автора оно должно было быть доведено

до 1887 г.; в силу ряда причин замысел этот не был осуществлен. Однако первый том, с большой тщательностью подготовленный и отработанный Сергеем Даниловичем, был построен так, что он в сущности представлял собою законченное целое. Это нетрудно объяснить. Ведь намеченная хронологическая грань окончания исследования — 1887 год — не является завершающим рубежом эпохи; с равным правом автор мог остановиться на 1885 годе, как и на 1887-м.

Эти хронологические рубежи, видимо, требуют некоторых пояснений: для читателя-неспециалиста они мало что говорят; ведь эти даты не начинают красной строкой новую главу европейской или мировой истории. А между тем они весьма важны для понимания и авторского замысла, и самого предмета исторического труда, и, наконец, творческого стиля С. Д. Сказкина.

Сергей Данилович Сказкин дал своей книге подчеркнуто ограничительное наименование: «Конец австро-русско-германского союза», с подзаголовком: «Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия». Это тщательно продуманное и взвешенное название труда, строго локализующее его географические и хронологические границы, полностью соответствует содержанию книги. С. Д. Сказкин действительно рассматривает все те вопросы, которые названы на титульном листе книги.

И вместе с тем с полной определенностью можно и должно сказать, что этот труд по своему содержанию значительно шире своего названия. Ученый анализирует не только вынесенные им в заголовок вопросы, но и заложенные в них тенденции, и весь широкий исторический контекст, в котором развивались русско-германские и русско-австрийские отношения указанных в подзаголовке лет.

Следует обратить внимание на первоначальную исходную дату, взятую автором — 1879 год, который вошел в историю международных отношений, в историю дипломатии прежде всего и главным образом как год создания двойственного германо-австрийского союза. Этот союз двух срединных монархий, в котором Германии принадлежала, конечно, ведущая и руководящая роль, и положил начало созданию системы военно-политических блоков в Европе. Несмотря на бесчисленные заверения в том, что двойственный союз преследует сугубо оборонительные задачи, с первого дня своего возникновения, по самой своей природе, по своей сути, это был агрессивно-милитаристский союз, направленный в конечном счете своими остриями (хотя и тщательно замаскированными) против Франции и против России.

Как известно, в 1882 г. стараниями бисмарковской дипломатии двойственный союз был превращен с присоединением Италии в Тройственный союз. Тем самым процесс создания агрессивно-милитаристского блока в основном был завершен, и его опасность стала осознаваться руководителями европейских государств. Естественным ответом на создание возглавляемого Германией Тройственного союза должно было стать образование русско-французского союза. Бисмарка страшила эта перспектива, и усилия германской дипломатии после 1879 г. как раз и были направлены на то, чтобы не допустить, предотвратить заключение союза между Россией и Францией. Восстановление союза трех императоров, оказавшегося, впрочем, как и можно было предвидеть, недолговечным,— он распался в 1887 г.,— и было тем средством, с помощью которого канцлер германской империи рассчитывал сделать невозможным образование русско-французского союза.

Этим магистральным проблемам истории европейских международных отношений и посвящена работа С. Д. Сказкина. Ограничительное наименование, данное автором его труду, в большей мере раскрывает его личные черты — его скромность, его строгую точность, чем действительное содержание книги.

По существу труд С. Д. Сказкина посвящен истории подготовки первой мировой империалистической войны 1914 г. Он не ставил своей задачей проследить всю историю подготовления войны. Но узловые, центральные проблемы предыстории первой мировой войны были изучены автором с такой глубиной, тщательностью, полнотой, и, я добавлю, с таким блеском, что ныне ни один серьезный исследователь этой эпохи не сможет пройти мимо труда Сергея Даниловича Сказкина.

Конечно, всякое произведение науки или искусства несет на себе отпечаток времени, когда оно создавалось. Этот отпечаток времени, отпечаток 20-х годов, в какой-то мере чувствуется и на книге, которую сейчас, спустя полвека после ее создания, прочтет читатель наших дней.

Но книги, как известно, также как и произведения искусства, проверяются самой верной и строгой мерой — временем. Время проводит строгий и жесткий отбор: среди великого множества изданий, все расширяющимся потоком непрерывно выходящих в свет, испытание времени выдерживают сравнительно немногие книги.

Труд Сергея Даниловича Сказкина принадлежит к числу этих немногих книг. Он и сегодня, когда давно пересохли чернила, которыми книга писалась, пожелтела бумага, и даже автора нет больше с нами, продолжает жить, он будет с уважительным вниманием, неслабеющим интересом, с большой пользой — как путешествие в почти забытый и вновь открываемый мир — прочтен не только читателем старших поколений, но и молодой порослью советских людей, вступающих в жизнь в последние десятилетия XX в.

Что может быть выше судьбы книг, которым суждена такая долгая жизнь?

А. З. Манфред

Предисловие ко второму изданию

Предлагаемая вниманию читателя книга «Конец австро-русско-германского союза» была впервые опубликована сорок пять лет тому назад — в 1928 г.

Сорок пять лет — большой срок для любой исторической эпохи; тем более он велик для нашего, насыщенного событиями огромной важности времени. Исходя из этих соображений автор в течение длительного времени отказывался от переиздания этой книги, откладывая его до той поры, когда у него появится и время и возможность пересмотреть весь текст работы в свете многочисленных документальных публикаций и специальной исторической литературы, вышедшей в свет за минувшие десятилетия.

Но пора эта так и не пришла: иные научные интересы, иные обязанности, новые научные задачи все дальше уводили автора от круга вопросов, разрабатывавшихся в этой книге.

Когда в середине 20-х годов автор работал в архиве Министерства иностранных дел России над дипломатическими документами 70—80-х годов прошлого столетия — документами, по большей части тогда еще никем не изученными и даже не прочитанными, он предполагал довести свое исследование до полного крушения союза трех императоров, совершившегося фактически в 1885—1886 гг. на почве резкого обострения австро-русских отношений. Однако исключительное обилие дипломатических и иных документальных материалов, относящихся к этому времени, и сложность самого предмета исследования — по существу здесь приходилось исследовать основные вопросы европейской политики тех лет — побудили автора расчленить исследование на два тома. Первый том охватывал 1879—1884 гг., т. е. очень сложный период международных отношений, сложившихся в Европе после Берлинского конгресса 1878 г. и заключения австро-германского союза 1879 г. Во втором томе, материалы к которому были также собраны и изучены, предполагалось проследить нарастание противоречий между участниками австро-русско-германского союза, приведшее к распаду этой недолговечной дипломатической комбинации. Однако, как уже говорилось, новые научные задачи, увлекшие автора, помешали осуществлению замысла; второй том так и не увидел света.

Если автор, после долгих колебаний и уступая настояниям друзей, решился все же на переиздание книги, то к этому его побудили некоторые соображения. Книга давно уже стала библиографической редкостью, но наибольшее значение имели мотивы, связанные с вопросами развития советской историографии. Книга впервые увидела свет в 1928 г. под грифом ныне уже мало кому известной РАНИОН (Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук). Она была одним из первых советских исследований по вопросам истории внешней политики сравнительно недавнего прошлого.

Вопросы внешней политики, в особенности истории международных отношений последней трети XIX — начала XX в., в те годы привлекали большое внимание. Это было вполне понятно: еще не прошло и десяти лет, как закончилась первая мировая война, и историческая наука и в нашей стране и за рубежом старалась изучить, понять и осмыслить весь сложный комплекс причин — и ближайших и более отдаленных, приведших в 1914 г. к возникновению империалистической войны, охватившей постепенно большинство стран Европы, а затем и остального мира. Проблемы эти, как легко понять, имели не только академическое или познавательное значение; за ними скрывались и жгучие политические и социальные вопросы: кто ответствен за возникновение войны, принесшей народам столько страданий и жертв? Как прорастают и зреют семена войны, как втайне ведется ее подготовка? Как уроки прошлого должны быть поняты и учтены для предотвращения возможности повторения новой, второй, мировой войны?

Откликаясь на эту рожденную самой жизнью потребность, молодая советская историческая наука, находившаяся еще в стадии своего становления, создала первые научные труды по этой тематике. Я имею в виду пользовавшиеся в свое время большой известностью труды М. Н. Покровского [1] и Е. В. Тарле [2]. Книги этих ученых обладали серьезными достоинствами: в живой, яркой форме, широкими мазками в них изображалась историческая картина подготовки первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. По сравнению с односторонними и по большей части тенденциозными работами, появлявшимися в то время в западной литературе (К. Каутский, Фридъюнг, Р. Пуанкаре и др.), эти работы представляли тогда шаг вперед. Однако ряд положений указанных трудов представлялся спорным и вызвал критические замечания в литературе. К тому же по самому своему характеру книги Е. В. Тарле и М. Н. Покровского являлись обобщающими трудами: авторы опирались

[1] *М. Н. Покровский.* Империалистическая война. М., 1928. В данный сборник вошли многие из его статей по этой проблематике, публиковавшиеся в ряде изданий.

[2] *Е. В. Тарле.* Европа в эпоху империализма, 1871—1919 гг. М.— Л., 1927; 2-е изд. М.—Л., 1928.

в своих работах не на собственные изыскания в архиве Министерства иностранных дел, а главным образом на опубликованные документальные материалы (официальные публикации дипломатических документов, весьма многочисленные воспоминания, письма и т. д.) и на литературу вопроса. Для того времени такие обобщающие труды были, безусловно, нужны, однако появление этих работ не снимало другой задачи, поставленной наукой в порядок дня. Глубокое изучение вопроса требовало не только суммарного освещения проблем, но и тщательного, скрупулезного исследования конкретных форм политической борьбы держав так, как она запечатлелась в повседневных дипломатических документах. Это значило, говоря иными словами, что пришло время, когда сама историческая наука потребовала, чтобы историк пошел в архив Министерства иностранных дел и взялся за терпеливое, тщательное изучение истории дипломатической борьбы с тем, чтобы, отправляясь от исследованного конкретно-исторического материала, переходить к обобщениям.

«Конец австро-русско-германского союза» и был первым советским исследованием истории европейских международных отношений конца XIX в., основанным на тщательном изучении документальных материалов архива Министерства иностранных дел России и иных, доступных в то время советскому историку источников. И в этом, как мне думается, заключено прежде всего историографическое значение данной работы.

Однако с тех пор как была издана впервые эта книга, советская историческая наука и мировая историография в целом прошли большой и во многом плодотворный путь и обогатились целым рядом ценных публикаций дипломатических документов и множеством оригинальных исторических исследований.

Когда автор этой книги работал над ее созданием, исторической науке была известна лишь одна крупная публикация исторических документов, вызвавшая в свое время большой интерес,— сорокатомная публикация германских дипломатических документов, подготовленная германским министерством иностранных дел [3]. Выход в свет этого крупного издания документальных дипломатических материалов, осуществленный в сравнительно недолгий срок в 1922—1927 гг., воспринимался первоначально как большое событие в исторической науке. Однако внимательное изучение опубликованных томов, анализ методов публикации исторических документов, примененных составителями, должны были вскоре же убедить в крайней тенденциозности этого издания, идущей явно в ущерб научной точности и объективности. Составители и редакторы этого издания не только произвольно сокращали публикуемые документы, меняя по

[3] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. I—XL. Berlin, 1922.

существу их смысл и содержание, но и не останавливались перед тем, чтобы искусственно рассекать документы на отдельные части. Тем самым научное значение публикации было существенно снижено.

Наиболее точной и, по справедливости, лучшей научной публикацией дипломатических документов этой эпохи может быть признана известная советская публикация «Международные отношения в эпоху империализма», выходившая в тридцатые годы [4]. Однако это издание, задуманное в трех сериях (причем первая серия должна была начинаться с 1878 г.), так и не было полностью осуществлено, и документы, относящиеся к рассматриваемому в данной книге периоду, не были изданы.

Из крупных зарубежных публикаций дипломатических документов, посвященных предыстории первой мировой войны, лучшей, безусловно, является многотомная французская публикация [5]. Интересующему нас периоду 1879—1884 гг. посвящены тома II—VI первой серии этого издания. Редакторы и составители этого издания придали ему строго научный характер: документы публикуются в порядке хронологической последовательности и, насколько это возможно, полностью. По сравнению с германской публикацией французское издание дипломатических документов является, несомненно, большим шагом вперед. Ни один исследователь, изучающий данную эпоху, уже не сможет пройти мимо этого важного, богатого содержанием французского источника.

Здесь не представляется возможным — это потребовало бы специального разбора — останавливаться на том большом вкладе в историю международных отношений конца XIX в., который был внесен советскими историками в последние десятилетия. Отметим здесь лишь большое значение получившего широкое признание коллективного труда «История дипломатии» [6] и в особенности, по существу заново написанного В. М. Хвостовым, второго тома этого издания «Дипломатия в новое время», имеющего самостоятельную ценность [7], а также исследований А. С. Ерусалимского [8], А. З. Манфреда [9], Ф. А. Ротштейна [10] и других.

[4] «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917». М., 1931 (издан ряд томов из 2-й и 3-й серий).
[5] «Documents diplomatiques français (1871—1914)». Paris, 1929.
[6] «История дипломатии», под ред. В. П. Потемкина, т. I—III. М., 1941—1945; 2-е издание под ред. В. А. Зорина, В. С. Семенова, С. Д. Сказкина, В. М. Хвостова, т. I—III. М., 1959—1965.
[7] *В. М. Хвостов.* Дипломатия в новое время.— «История дипломатии», т. II. М., 1963.
[8] *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века, изд. 2-е. М., 1951.
[9] *А. З. Манфред.* Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952.
[10] *Ф. А. Ротштейн.* Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960.

За пределами нашей Родины среди трудов, созданных зарубежными учеными-историками, ряд работ тематически или по хронологическому охвату перекликается с кругом проблем, исследуемых в этой книге. Таковы работы П. Ренувена[11], С. Фея[12], В. Лангера[13], Р. У. Сетон-Уотсона[14] и других. Здесь нет возможности назвать множество имен авторов частных исследований или специальных этюдов, разбросанных по множеству журналов, сборников и специальных изданий. Нельзя не заметить при этом, что большинство этих авторов не использовало дипломатических документов русских архивов.

Словом, как и должно было ожидать, появившаяся в течение последних сорока лет историческая литература, где в той или иной мере затрагивались вопросы, рассматриваемые в данном исследовании, достаточно велика.

Перед автором стояла альтернатива: либо пересматривать заново весь текст исследования, учитывая опубликованные за последние сорок лет издания дипломатических документов, мемуары, переписку и другие печатные источники, а также обширную советскую и зарубежную литературу, относящуюся к предмету исследования, либо печатать текст издания 1928 г. в основном таким, каким он был создан в то время. Автор счел возможным второе, так как новых монографий на ту же тему после 1928 г. не появилось. Однако в настоящем издании почти полностью опущена глава II книги второй, в первоначальном виде сейчас уже в значительной мере устаревшая.

При переиздании этого исследования много потрудились мои товарищи, которым я приношу большую благодарность. Особенно хотел бы отметить работу заведующего сектором истории Франции Института всеобщей истории Академии наук СССР А. З. Манфреда и заведующего сектором международных отношений того же института А. О. Чубарьяна.

Благодарю также всех лиц, приложивших большой труд при подготовке текста книги к публикации.

1 марта 1973 г.

С. Д. Сказкин

---

11 P. Renouvin, E. Préclin, G. Hardy. La paix armée et la grande guerre (1871—1919). Paris, 1947.

12 С. Фей. Происхождение мировой войны, т. I. М., 1934.

13 W. L. Langer. European Alliances and Alignments 1871—1890. New York, 1931.

14 R. W. Seton-Watson. Disraeli, Gladstone and the Eastern Question. London, 1935.

Предисловие

Задача моего исследования — история русско-австрийских и русско-германских отношений после Берлинского конгресса до распада союза трех императоров в 1887 г.— могла быть выполнена мною только на две трети.

Мне остались недоступными австрийские дипломатические документы, быть может наиболее интересные для моей темы источники, и, таким образом, из исследования выпала интереснейшая страница европейской политики в одном из наиболее важных ее пунктов — в восточном вопросе. Балканский вопрос вплоть до мировой войны 1914—1918 гг.— это не только вопрос о проливах, это не только история русско-австрийских, русско-английских и затем, в связи с появлением на Востоке Германии, русско-германских отношений. Балканский вопрос всегда, а в конце XIX столетия в особенности, был вопросом австрийским, был тесно связан с жизнью и смертью дуалистической империи. Именно это обстоятельство, после того как европейский империализм в лице Германии и ее предприятий на Востоке вдохнул как будто новую жизнь в дряхлеющее тело Дунайской монархии, превратило его в крупнейший европейский вопрос и поставило на очередь вопрос не только о турецком, но и об австрийском наследстве. Агония монархии Габсбургов, разлагаемой изнутри национальными движениями ее многочисленных народов, агония, затянувшаяся более чем на полвека, кладет свой отпечаток на все события международной жизни в Европе и имеет несравненно большее значение для внешней политики Европы, и в частности России, чем обыкновенно принято думать. Разложение Австро-Венгрии вливало силы в славянское движение и в Австрии и на Балканах, питало в свое время праздные политические иллюзии русских панславистов, подталкивало не раз русское правительство к решительным выступлениям и против Турции и против самой Австрии. Конец Дунайской монархии, появление вместо нее новых крупных славянских государств,— все это факты, которые выдвигают новые проблемы не только для политика, но и для историка.

История русско-австрийских отношений в связи со славянским вопросом в целом, изученная по австрийским и русским архивным данным, была бы поучительнейшей и интереснейшей работой. Всего этого, однако, я мог касаться лишь в том раз-

мере, в каком австрийская политика находила свое отражение в доступных моему изучению германских и русских документах. Быть может, лишь в одном отношении недоступность австрийских документов оказалась фактом, благоприятным если не для самой работы, то для ее автора. Архивная работа над дипломатическими документами требует огромной затраты труда и времени. Издание известной коллекции германских документов «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette» было делом не одного десятка ученых специалистов. Естественно, что работа в одиночку и трудна и неизбежно связана с некоторыми пропусками и пробелами,— обстоятельство, вполне оправдывающее просьбу автора отнестись к его работе с должным снисхождением. Совершенно очевидно также, что изучение поставленной темы с трех сторон, т. е. с русской, австрийской и немецкой, при условии, что для первых двух требуется архивная работа над источниками,— задача непосильная для одного исследователя. Даже и в ее нынешнем виде работа могла быть осуществлена благодаря тому, что указанная выше немецкая публикация и непрекращающийся поток дальнейших изданий источников позволили автору сосредоточить свое внимание на разработке сырого материала только с одной стороны — с русской, и эта предварительная стадия работы отняла у него наибольшее количество времени. Было и еще одно затруднение, вытекающее уже не из состояния материала, а из метода работы. Автор никоим образом не хотел писать только дипломатическую историю. Однако истолкование дипломатических источников с точки зрения социально-экономической истории эпохи заставило его проделать большую предварительную работу, необходимую, но непосредственно лишь отчасти вошедшую в состав этой книги и отразившуюся главным образом на общих формулировках и конечных выводах ее. Автор прекрасно знает, что в области этой предварительной работы могут быть весьма существенные недостатки, сказавшиеся на истолковании фактов дипломатической истории, но исследователь в области новой и особенно новейшей истории стоит всегда перед опасностью погибнуть в безбрежном море исторического материала, если только он вовремя не поставит себе границу, хотя он и рискует при этом оставить некоторые проблемы своей работы не разъясненными до конца.

Общие контуры и задачи работы представляются автору в следующем виде. Разложение монархического треугольника есть результат совпадения двух самостоятельных процессов. Во-первых, объективная обстановка, сложившаяся после объединения Германии, сделала невозможным дружественные отношения России и Австрии, базировавшиеся прежде на общности их интересов в отношении к Германии. Поворот Австрии к Востоку и те экономические задачи, которые диктовались ей в этом направлении временем, при чрезвычайной сложности ее внутренних отношений, привели к тому, что Австрия не смогла удовлетворительно решить балканский вопрос ни как проблему своей славянской политики, ни как проблему австро-русских отношений. Россия, мало заинтересованная на Балканах экономически, оказалась еще более слабой в восточной части полуострова, чем Австрия в западной. Эта атмосфера взаимных неудач, объясняющихся не столько противоположностью интересов Австрии и России, сколько естественным развитием славянских народов в самой Австрии и славянских государств на Балканах, ослабляла необходимость австро-русского соглашения, с одной стороны, и вызывала постоянные недоверие и недоразумения между ними — с другой. Для России союз с Австрией уже в 1884 г. оказался в сущности ненужным. Изложению этих отношений и посвящена настоящая работа. Вполне понятно, какое огромное значение имел для исследования балканский вопрос в 80-х годах. Отсутствие работ, которые давали бы верное представление о политике русского правительства в восточном вопросе за это время, заставило автора заново осветить указанный вопрос на основании архивных данных.

Введение

80-е и первая половина 90-х годов XIX в. должны иметь свою собственную экономическую и социально-политическую характеристику. Отделить этот период от предшествующего нетрудно. «Великий крах» 1873 г. и последовавший за ним не только европейский, но и общемировой кризис имели своим последствием гибель фритредерских тенденций, сказавшихся вслед за кобденовским англо-французским договором на политике всех стран Европы. Одновременно с этим происходит поворот господствующих классов, настроенных довольно либерально в 60-е годы, к консервативной политике. Начало этого периода отчетливо датируется концом 70-х годов: переходом Германии к системе высоких таможенных тарифов, такими же мероприятиями в Австрии и России. Последние два государства, более слабые в экономическом отношении, чем Германия, никогда, правда, не отличались либерализмом в своей экономической политике, но все же их тарифы конца 50-х и особенно 60-х годов знаменовали собой максимум уступок фритредерским веяниям. Законодательство конца 70-х и начала 80-х годов покончило раз и навсегда с этими «вредными иноземными доктринами», и протекционная политика укрепилась на страже «национального труда» и отечественной промышленности.

Труднее установить границу между этим периодом и эпохой империализма, к которой он непосредственно примыкает и с которой он имеет много общего. Именно это последнее обстоятельство и было причиной того, что 80-е годы отошли в прошлое с вполне определенной политической оценкой, но не успели получить ни исторической, ни экономической формулировки. Внимание экономистов и политиков привлекли экономическое развитие и мировая политика конца XIX и начала XX в., насыщенные предвестием грядущих мировых бурь и катастроф и нашедшие яркую и отчетливую характеристику в трудах Гильфердинга. 80-е же годы привлекались к изучению лишь постольку, поскольку уже в это время можно было заметить элементы, сконцентрировавшиеся и оформившиеся позже в явлении, получившем название финансового капитала[1]. Между

[1] См., например: *Р. Гильфердинг.* Финансовый капитал. М.—Л., 1925, стр. 340.

тем этот период имел свои собственные отличительные черты, которые не позволяют выносить его за одну скобку с империализмом.

Характерной чертой 80-х годов по сравнению с предшествующим периодом является протекционистская политика континентальных государств, проводимая в интересах отечественного производства. Протекционизм как система экономической политики свойствен и эпохе империализма, но политика империализма есть политика картелированной и трестированной промышленности, уже добившейся монополии на внутреннем рынке и опирающейся на него в борьбе за внешние рынки сбыта. Сообразно с этим и центр тяжести внешней политики европейских государств перенесен на борьбу за внешние рынки сбыта.

Политика 80-х годов, вызванная кризисом, сознательно ставила себе более скромные цели: устранить на внутреннем рынке иностранную конкуренцию и добиться таких условий, при которых национальной промышленности обеспечивалось бы беспрепятственное развитие. Если позже результатом этого «неомеркантилизма», как называли его противники данной политики — либералы, была монополизация внутреннего рынка трестированной промышленностью, то этого в начале 80-х годов, конечно, нельзя было предусмотреть, а размеры концентрации промышленности и ее слияние с банками, характерное для эпохи финансового капитала, были явлением новым для экономических отношений 80-х годов.

Внешняя политика 80-х и первой половины 90-х годов почти целиком определяется основной тенденцией экономического развития этого периода — защитой экономической самостоятельности и борьбой за господство на национальном рынке. Политика, направленная к тому, чтобы оградить себя от продуктов иностранного производства, выступает под флагом национализма и ведет ожесточенную борьбу с идеалами либерализма: космополитизмом и фритредом, но она еще далека от шовинизма и взывает, в духе своих экономических задач, скорее к обороне, чем к наступлению. Этим объясняются сравнительное затишье в международных отношениях вплоть до конца 90-х годов и характер союзов, заключаемых в это время. В отношениях трех восточных держав экономические предпосылки оказались мало благоприятными для тесной дружбы, но и экономический антагонизм между ними не был настолько силен, чтобы преодолеть политическую необходимость союза. В результате мы видим, что основная линия политики идет по-прежнему в русле традиционных отношений русско-германской дружбы, осложненной после объединения Германии вхождением отныне вечного спутника ее, Австрии, в качестве третьего, но эта линия политики подвергается все время нападкам со стороны кругов, опасающихся давления Германии

на экономическую политику русского правительства в интересах германской промышленности.

Ниже мы подробно осветим этот вопрос. Здесь лишь упомянем, что антинемецкие настроения в России достигли своего наивысшего напряжения не в эпоху открытой таможенной войны с Германией в 1892—1893 гг., а гораздо раньше, в 1886—1888 гг. Это обстоятельство объясняется тем, что в 90-х годах курс русской политики вполне определился и промышленники были уверены, что правительство будет охранять их интересы, тогда как в 80-е годы такой уверенности не было, и антигерманская агитация в значительной мере была формой нажима на правительство и была направлена, как мы увидим, не столько против Германии, сколько против немцев, действовавших внутри России.

Борьба за экономическую самостоятельность, «защита национального труда» и тому подобные лозунги, созданные этой эпохой, лежат в основе всего политического мировоззрения господствующих классов, творивших внешнюю политику, и поэтому нуждаются в конкретно-историческом изображении.

Фритредерским веяниям, господствовавшим в Европе с начала 60-х годов, был положен конец в начале 80-х годов. Экономический либерализм в своем падении увлек за собой и либерализм политический. Их общая судьба знаменовала собой крупный сдвиг в экономической и социальной истории Европы. И тот и другой погибли в бурю крупнейшего экономического кризиса, начавшегося «великим крахом» 1873 г. и продолжавшегося почти без перерыва до 1887 г. Значение и сила либерализма в тогдашней Европе покоились на экономическом своеобразии этого периода. Период великого железнодорожного строительства в 50—60-х годах создал совершенно новые перспективы и в экономическом и в политическом отношении, превратил идею «мирового хозяйства» в самую подлинную реальность, придал неожиданный размах предпринимательству, в котором вдохновение, промышленный энтузиазм и подлинный творческий подъем причудливо сочетались с авантюризмом и просто мошенничеством. И то и другое соединялось подчас в одном и том же человеке, создавая такие сложные и исключительные типы людей, ажиотеров и предпринимателей, с одной стороны, и мучеников за идею — с другой, какие известны и другим эпохам больших экономических подъемов. Классический тип Джона Лоу был близок этой эпохе европейской истории. Вся империя Наполеона III, этот «цезаристский социализм на сен-симонистской основе»[2], деятельность его сподвижников в лице братьев Перейр, основателей знаменитого в истории европейских банков Crédit mobilier, предприятия Лессепса и других

[2] Ироническая характеристика Руд. Мейера (см. *R. H. Meyer.* Politische Gründer und die Korruption in Deutschland. Leipzig, 1877, S. 9).

эпигонов сен-симонизма были блестящим примером великих идей, превращенных в ценные бумаги, и великих проектов, оказавшихся в конце концов грандиозным надувательством. К такому же разряду людей принадлежал в Германии хорошо известный в России доктор Струсберг, неутомимый строитель железных дорог, кончивший свою жизнь разорением и тюрьмою.

Исключительный экономический подъем и железнодорожное строительство 50-х и 60-х годов обеспечили успех европейскому либерализму и континентальному фритреду. Тяжелая индустрия, главная противница фритреда на континенте, была в то время удовлетворена громадными заказами на железнодорожные материалы, которые, она, как оказалось, была не в силах покрыть полностью. Предпринимательский размах грюндеров оказался возможным благодаря привлечению не только крупных, но и мелких капиталов, собираемых при помощи акционерных компаний. Все это возможно было лишь на основе свободной игры экономических сил и полного невмешательства государства в экономические отношения. Соединение фритреда с манчестерством было знамением времени и в крайнем своем проявлении выразилось в том принципиально отрицательном отношении к государству и государственной власти, против которого так горячо и красноречиво протестовал Лассаль. «Вы, господа, конечно, не принадлежите к манчестерцам, к этим новейшим варварам, которые ненавидят государство, не то или иное определенное государство, не ту или иную форму правления, а государство вообще, и которые... скорее всего хотели бы устранить всякое государство, ограничить самым необходимым деятельность правосудия и полиции и вести при помощи акционерных компаний войну до тех пор, пока нигде в мире не останется больше ни одного нравственного убежища, из которого можно было бы оказать сопротивление их капиталистически вооруженной страсти к наживе»[3]. Война, о которой говорит здесь Лассаль, была, конечно, самая бескровная. Либерализм в его теориях 60-х годов был проникнут пацифизмом, космополитизмом, идеей мирного сожительства народов, преуспевающих на благородном поприще личного обогащения, гармонически сочетающегося с общим благом.

Развитие железнодорожного строительства в форме акционерного предпринимательства заложило основы современной эпохи капиталистического хозяйства. Железные дороги дали наконец континентальной Европе то преимущество, которое Англии было дано самой природой в виде ее морей, и создали в сравнении с Англией по крайней мере приблизительное равенство объективных условий для будущего хозяйственного развития континента. 50-е и 60-е годы — эпоха консолидации

[3] *F. Lassalle.* Gesammelte Reden und Schriften. Hrsg. E. Bernstein, Bd. II. Berlin, 1919, S. 485 (из защитительной речи Лассаля «Die indirecte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen»).

буржуазии, проникновения в широкие массы населения интереса к биржевой игре, спекуляции и предпринимательству («демократизация биржи»), ибо, гласила мудрость этих десятилетий устами Камфгаузена, «задача времени заключается в том, чтобы не терять процентов», а известно, что «с чистой совестью железной дороги не построишь»,— изречение, дошедшее до нас от этого времени[4]. Именно в этой отрасли хозяйства и в промышленности, доставляющей материал для железнодорожного строительства и пароходостроения, отчетливо бьется пульс эпохи, сильнее всего проявляются ее характерные черты[5].

В какой мере главными потребителями являлись именно железные дороги, можно судить по цифрам, приводимым в работах второго конгресса Центрального союза германских

---

[4] *R. H. Meyer.* Politische Gründer..., S. 26. Слова одного из редакторов либеральной «National-Zeitung» Михаэлиса: «Der Moralist ist der geschworene Feind aller wirtschaftlichen Vorgänge», переведенные венским предпринимателем Офенгеймом специально на железнодорожный жаргон того времени: «Mit Moral baut man keine Eisenbahnen».

[5] Ниже приведена таблица, дающая представление о росте железнодорожного хозяйства Европы за период с 1845 по 1885 г. (см. *F. X. Neumann-Spallart.* Uebersichten der Weltwirtschaft Jahrg. 1883—1884. Stuttgart, 1887, S. 510).

Протяженность железных дорог (в км)

Страна	Годы						
	1845	1855	1865	1875	1880	1882	1885
Германия	2143	7826	13 900	27 981	33 634	34 381	36 779
Франция	870	5529	13 577	21 596	25 932	28 056	32 491
Великобритания и Ирландия	4082	13 414	21 386	26 819	28 854	29 613	30 843
Россия	144	1 044	3 819	18 906	22 664	23 554	25 620
Австро-Венгрия	1058	2 829	6 397	16 766	18 460	19 683	22 351
Италия	128	912	4 367	7 709	8 713	9 012	10 354
Испания	—	475	4 823	6 120	7 493	7 849	9 185
Швеция	—	37	1 302	3 540	5 882	6 288	6 892
Бельгия	577	1333	2 250	3 499	4 111	4 231	4 410
Швейцария	4	208	1 321	2 055	2 618	2 702	2 761
Балканские страны	—	—	66	1 537	1 469	1 655	2 122
Румыния	—	—	—	1 233	1 387	1 478	1 682

Бросаются в глаза два десятилетия (1855—1875 гг.) усиленного железнодорожного строительства. В Германии, Австрии и России в период до середины 70-х годов строятся главным образом частные железные дороги. По Кольбу, общая протяженность железных дорог во всем мире с 1860 по 1871 г. увеличилась со 106 886 до 233 988 км (*G. Fr. Kolb.* Handbuch der vergleichenden Statistik der Völkerzustands- und Staatenkunde, 7. Aufl. Leipzig, 1875, S. 794). Не меньший прогресс заметен и в области мирового водного транспорта. Цифры для Гамбурга: в 1841—1845 гг.— 211 пароходов с 39 570 т, в 1867 г.— 487 со 183 000 т (*A. Sartorius von Waltershausen.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. 1815—1914. Jena, 1920, S. 202).

промышленников в 1878 г.: 5—7% всего потребляемого железа приходилось на долю сельского хозяйства, 60—65 — железные дороги, 30% — на промышленность[6]. В общем мировом масштабе некоторое представление дают следующие цифры французского экономического журнала «Moniteur des intérêts industriels». В 1872 г. номинальная стоимость ценных бумаг, обращавшихся на европейских и американских биржах, достигла 12,64 млрд. франков, из которых 1,95 млрд. приходилось на долю кредитных учреждений, а 5,2 млрд.— на долю железнодорожных предприятий и промышленности[7].

В эти же годы получили пышное развитие и колоссальное значение для всей экономической жизни нового времени акционерные компании. Их развитие было исходным пунктом появления громадных капиталов, повинующихся немногочисленным группам финансовых организаторов. Как некогда абсолютные монархи больших земледельческих стран, собирая подати с пассивного земледельческого населения, получали в свое бесконтрольное распоряжение громадные суммы, употребляемые ими к вящей славе монарха, так и эти властители надежд современного европейца распоряжались вверенными им тысячами людей сбережениями, которые раньше не выходили из узкого круга местного хозяйственного оборота, а теперь ринулись в большие предприятия и мало-помалу втянули вслед за собой и своих владельцев, вступивших на тернистый путь большой политики, внутренней и внешней[8].

---

[6] *W. Lotz.* Die Ideen der deutschen Handelspolitik von 1860 bis 1891. Leipzig, 1892, S. 104.

[7] *A. Sartorius von Waltershausen.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte..., S. 265.

[8] В Пруссии с 1790 г. до июня 1870 г. было образовано всего 276 акционерных компаний, в следующий 21 месяц — 726. В течение первой половины 1873 г. вновь создано 196 акционерных компаний с капиталом в 166 млн. талеров. «Der deutsche Oekonomist» дает для 1871—1873 гг. по всей Германии 928 акционерных компаний с 2781 млн. марок капитала.

То же самое видим и в Австрии (*A. E. F. Schäffle.* Aktien Gesellschaften.— «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», Bd. XXV, 1869; *К. К. Гаттенбергер.* Венский кризис 1873 года. СПб., 1877, стр. 36—37). С 1853 по 1867 г. там было учреждено 5 акционерных банков с капиталом 71 400 тыс. гульденов, 5 страховых обществ с капиталом 50 000 тыс., 12 железнодорожных компаний с капиталом 412 119 тыс., 1 сельскохозяйственное общество с капиталом 1482 тыс., 13 фабричных с капиталом 12 382 тыс., 2 строительных с капиталом 400 тыс. гульденов. В общем капитал акционерных компаний, не считая банков, составлял 431 млн. гульденов, из которых 412 млн. были помещены в железнодорожные предприятия и 19 млн.— во все остальные.

Во время наибольшей учредительной горячки — 1869 г.— апрель 1873 г. (до кризиса) — были учреждены 642 акционерные компании с капиталом в 781 млн. гульденов. До 1853 г. в таком большом центре, как Вена, был всего один банк — Oesterreichische Nationalbank, учрежденный в 1816 г., который имел характер государственного банка. К концу 1852 г. из 183 968 млн. гульденов актива этого банка в долгу за правительством числилось 130 660 млн., т. е. 70%. Главный доход банка составляли уплачиваемые правительством проценты (из общего дохода в 5453 тыс. гульденов — 2738 тыс.). Значительная доля сумм, выданных в ссуду частным

Успех акционерных компаний покоился на их связи с банками в той форме, в которой эта связь до сих пор была мало известна в Европе, в особенности в восточной ее половине. Образцом для таких учреждений послужило знаменитое общество, открытое в Париже братьями Перейр под покровительством самого Наполеона III в 1852 г. Это Société générale de crédit mobilier производило наряду с обыкновенными операциями депозитных банков финансирование правительств, обществ, акционерных компаний и даже учреждение последних. Появление таких банков и эта их деятельность развертываются очень широко, и на основе временного подъема конъюнктуры и чрезмерного учредительства, вызванного главным образом железнодорожным строительством, вырастает грандиозная спекуляция, размеры которой во много десятков раз превышали капиталы, вложенные в промышленные предприятия. Финансирование акционерных промышленных предприятий и учреждение новых не было совершенно новым для банков: такими операциями издавна занимались крупные частные банковские фирмы. Новизна заключалась в том, что необходимые для этого средства составлялись из акционерного капитала самого банка и текущих счетов, тогда как прежде они брались из частного имущества банкира Таким образом, в горячку учредительства втягивались не только крупные капиталисты, но и мелкие вкладчики банков. Слабое государственное регулирование этой безудержной финансовой предприимчивости породило кроме крупных банков массу мелких предприятий типа старых меняльных лавок, которые занимались мелочной спекуляцией на капиталы, вкладываемые мелкими держателями в долю акций. Такие меняльные конторы в Вене сыграли огромную роль в деле втягивания в спекуляцию массы мелких сбережений, погибших во время краха 1873 г. Организаторы особых компаний типа меняльных лавок (Wechselstuben) создавали иногда крупные предприятия и собирали огромные капиталы. Имена Плахта, Штрейтмана, Вальтера и др., создавших «die höchsten Einrichtungen ohne Risico» под названием «Börsen Speculations-Consortium», «Consortium für Börsen Operationen», известны были не менее, чем

лицам, находилась в руках членов императорской фамилии (из 17 771 тыс. гульденов — около 3 млн.) (см. *К. К. Гаттенбергер*. Венский кризис 1873 года, стр. 21). 50-е и 60-е годы были годами акционерного учредительства не только в Восточной Европе, но и в Англии и Франции (см. Aktiengesellschaften, III. Statistik.— «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», 3. Aufl., Bd. I. Jena, 1909, статьи Молля, Юрашека и Халле). Для России общую сводку статистических данных см. там же и затем *С. А. Пионтковский*. Очерки истории России в XIX—XX веках. Харьков, 1928, стр. 76. В период 60—70-х годов в банки и кредитные учреждения привлекают 226,9 млн. руб., на постройку железных дорог — 698,5 млн. руб., т. е. 62,6% всей суммы вложений. См. также: *П. И. Лященко*. История русского народного хозяйства. М.—Л., 1927, гл. XVI—XVII.

имена Струсберга в Германии и России или Перейра во Франции [9].

Для вовлечения в такие предприятия публики печатались широковещательные программы Упомянутый здесь Плахт устраивал даже торжественные заседания акционеров и произносил зажигательные речи.

В «Kölnische Zeitung» после краха 1873 г. была опубликована любопытная таблица участников одного из таких консорциумов, из которой видно, что в нем принимали участие мелкие чиновники, ремесленники, домашняя прислуга — одним словом, мелкий люд, обираемый ловкими пройдохами. «Весь механизм, созданный во время спекулятивного периода, состоял из различных способов привлечения вместо прежних крупных состояний частных банкиров мелких средств средней и низшей публики к бирже, таких средств, которые прежде вовсе не шли в биржевую спекуляцию»,— говорит историк венского кризиса 1873 г. Гаттенбергер [10].

Обработка общественного мнения и заманивание в сети биржевой спекуляции легковерных простецов велись самыми различными путями. Плахт произносил речи, его коллеги печатали заманчивые проспекты; более «солидные» банкиры предпочитали подкупать газеты и таким образом обрабатывать публику через прессу. Развитие прессы и зависимость ее от новых господ положения — другое явление, характерное для этой эпохи. Здесь следует лишь заметить, что в странах, отсталых в экономическом отношении, в странах с преобладанием сельского хозяйства и земледелия все эти процессы экономического развития протекали в более обостренной форме и давали неожиданные эффекты.

Нельзя, конечно, утверждать, что в таких государствах, как Австрия или Россия, темп экономического развития был быстрее или что общие размеры национального богатства увеличивались значительнее, чем, например, в Германии. Но при абсолютно меньших цифрах, характеризующих эти две стороны экономического подъема, степень концентрации капиталов была значительнее, количественно размеры общественных групп, владельцев этих капиталов, были меньше, их влияние на правительство и политику заметнее и определеннее, чем в Германии. И в полуабсолютистской Австрии и в самодержавной России их влияние налагало на правительство тот налет своекорыстной,

---

[9] Организация их была очень проста. Желавший принять участие в барышах от игры на бирже вносил от 25 до 500 гульденов на определенное время (от 6 до 12 месяцев) и получал из них проценты. Владелец Wechselstube, собрав таким путем крупную сумму, начинал игру на бирже Прибыль распределялась между вкладчиками, за исключением 5% в пользу составителя консорциума (см. *К. К. Гаттенбергер*. Венский кризис 1873 года, стр. 73).

[10] Там же, стр. 78.

политики, проводимой в интересах немногочисленной части населения, которая делала это правительство одиозным в глазах остального населения. Необходимо отметить это явление, объясняющее нам такие факты быстрого подъема маленьких численно, но сильных капиталистически общественных групп на фоне сравнительно отсталого, бедного и малокультурного населения и своеобразную хищническую психологию нуворишей, орудующих последними изобретениями промышленной и финансовой техники в аморфной и мало способной к сопротивлению общественной среде. Новые явления, связанные с капиталистическим переустройством общества, использование в интересах класса государственной власти, захват прессы, обработка общественного мнения идут в странах, экономически отсталых, с гораздо большей интенсивностью и с большим напором, чем в странах старого капитализма, где веками сложившийся экономический уклад оказывает успешное сопротивление отрицательным сторонам новых явлений и новых форм экономических отношений. Новейшие орудия сельского хозяйства дают богатейшие урожаи именно на девственных почвах, зато и выпахивают их сильнее и истощают быстрее, чем первобытный плуг или русская соха!

Вот что пишет историк венского кризиса 1873 г. Гаттенбергер: «Австрийская, и в особенности венская, пресса получила в последние 10 лет громадное значение: в 1861 г. во всей Австрии (без Венгрии) было 310 периодических изданий, а в 1873 г.— в одной Вене 356, из которых 66 имели исключительно экономическое содержание, не считая тех журналов и газет, которые имели экономические отделы. В 1873 г. в Австрии (без Венгрии) было 866 периодических изданий, из которых возникли в 1861—1870 гг.— 342, в 1871—1873 гг.— 406, в 1873 (до кризиса в мае месяце) — 102»[11].

Эта пресса находилась в ближайшей связи с биржевой спекуляцией. Наиболее распространенные венские газеты, как «Neue Freie Presse», «Alte Presse», «Wiener Tageblatt» и др., принадлежали в 1872 г. акционерным компаниям: первая — Anglobank, вторая — Bankverein, третья — Stegerermühl, Papierfabrik- und Druckindustrie. Большинство газет существовало за счет объявлений и реклам. А сколько биржевые предприятия могли давать и действительно давали из своих доходов прессе, показывает опять-таки Плахт, по книгам которого значилось, что на рекламы он издержал 155 000 гульденов[12].

И Германия и Австрия в 70-х годах переживали эпоху, несколько напоминавшую промышленный переворот конца XVIII столетия в Англии, но переживали в иных условиях производственной техники и организации кредита, которые на-

[11] *К. К. Гаттенбергер.* Венский кризис 1873 года, стр. 79.
[12] См. там же, стр. 79—80.

ложили своеобразный отпечаток на весь ход этого развития. В Германии, индустриализировавшейся быстрее и сильнее, этот процесс приобретал более планомерный характер. В множестве разнообразных интересов, отвечавших различным отраслям промышленности, вырабатывается некоторая средняя линия экономической и общей политики, и смена системы экономической политики идет хотя и быстро, но все же последовательнее, чем в Австрии, где чередующемуся влиянию отдельных сильных капиталистических групп соответствуют зигзаги внутренней политики. О России мы здесь говорить не будем подробно, но и в ней более медленный темп развития, чем даже в Австрии, не должен скрывать от нас факта быстрого экономического подъема после реформ 60-х годов, совершающегося при всем своеобразии в формах, близких к тем, в каких он проходит в Западной Европе. И здесь до краха 1873 г. господствующие интересы и наиболее влиятельные капиталистические слои были представлены торговлей, железнодорожными компаниями и субсидирующими их банками, тогда как после кризиса центр тяжести переходит к промышленности, а вместе с ним совершаются разрыв с фритредом и переход к протекционизму.

Финансовый крах 1873 г. был первым симптомом начинающегося экономического кризиса. Волна спекуляции, вздыбившаяся на основе промышленного подъема и грюндерства 60-х и начала 70-х годов (в Германии в особенности благодаря 5-миллиардной контрибуции), рухнула внезапно, унося с собой бесчисленные золотые надежды. Кризис оживил прежде всего протекционистскую агитацию в среде крупной промышленности. Начавшийся с середины 70-х годов кризис сельскохозяйственный заставил перейти в лагерь протекционистов главную опору фритреда в Германии — прусских аграриев. Десятка полтора лет тому назад они сами всеми силами способствовали развитию парового транспорта, сулившего им уравнение цен на сельскохозяйственные продукты и повышение рентабельности самых отдаленных от рынков сбыта имений. Теперь железные дороги поставили их перед опасностью разорения, которым грозил им дешевый русский, американский и индийский хлеб, продукт девственных почв и низкой заработной платы.

Если в Германии, наиболее развитой в промышленном отношении среди трех восточных держав, переход к протекционизму был решен аграрными слоями, то в Австрии и России агитацию за протекционизм вели промышленники, боявшиеся не столько английской, сколько германской конкуренции[13].

Переход к протекционизму по времени почти совпал во всех трех государствах (в Австрии в 1878 г., в Германии в 1879 г., в России перевод пошлин на золото, повысивший

[13] *A. Zimmermann.* Die Handelspolitik des Deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart. Berlin, 1901, Kap. III, § 1.

их приблизительно на 1/3, с 1877 г. и 10% надбавки с 1880 г.). Кризис отразился не только на экономической политике государств. Глубоко затронув интересы самых разнообразных общественных слоев, он вызвал перегруппировку партий, пересмотр их программ. Эпоха экономического безвременья и обостренной социальной борьбы проходит под лозунгом критического отношения к принципам либерализма, на которого, как на вола, взвалили все прегрешения эпохи грюндерства и все несчастья великого краха. Торговый и банковский грюндерский капитал фритредерской эпохи, выступавший в обличье либеральных свобод, оказался теперь виноватым в разорении крестьянства, ремесла, в разрушении патриархальных нравов в деревне, в погоне за легкой наживой и в насаждении язвы пролетариата в городе. Его обвиняли в спекуляции, биржевых вакханалиях, крахах и разорениях. Если послушать критику, раздававшуюся из консервативного лагеря, то либерализм оказывался не чем иным, как интернациональным заговором биржевиков, «золотым интернационалом», призванным разрушить нации и отечества[14], либеральные свободы — сомнительными ценностями отрицательного свойства, выражающими дух величайшей абстракции нового времени — денег и разрушающими положительные блага доброго старого времени, патриархальный уклад ремесленника, крепкую добродетель земельного труженика, преданность нации, вере и престолу.

Во всем этом верно было лишь то, что землевладение — крупное в большей степени, чем мелкое,— переживало трудные времена. Быстрый упадок цен на продукты сельского хозяйства и понижение земельной ренты грозили разорением тем, кто заложил свои имения при более благоприятных условиях и теперь не знал, чем платить проценты, не соответствовавшие больше доходности земли. Хищническая работа капитала в деревне и в мелком крестьянском хозяйстве лишь усугубляла эти неблагоприятные условия кризиса, из которого сельское хозяйство намеревалось выйти лишь одним путем — повышением ввозных пошлин на сельскохозяйственные продукты. Консерваторы попроще видели в этой политике единственное средство против зла. Более дальновидные готовы были идти на компромисс с рабочими, привлечь и их на свою сторону в борьбе против ненавистного капитализма и со вниманием прислушивались к речам, которые шли из лагеря так называемых аграрных со-

[14] Таковы прежде всего памфлеты О. Глагау: *O. Glagau*. Der Bankerott des Nationalliberalismus und die «Reaction». 8. Aufl. Berlin, 1878; *idem*. Der Börsen- und Gründungs-Schwindel in Deutschland. Leipzig, 1877; *idem*. Der Börsen- und Gründungs-Schwindel in Berlin. Leipzig, 1877; *C. Wilmanns*. Die «goldene» Internationale und die Notwendigkeit einer sozialen Reformpartei. 4. Aufl. Berlin, 1876. К этой же литературе, хотя и из другого лагеря, примыкает направленный прямо против Бисмарка за его связь с грюндерами замечательный памфлет Рудольфа Мейера (*R. H. Meyer*. Politische Gründer...).

циалистов[15]. Проблема понижения доли капитала в национальном продукте с целью повышения доходов землевладельца и сельского хозяина путем увеличения заработной платы индустриальных рабочих и усиления их покупательной способности, которая прежде всего должна была поднять спрос на продукты сельского хозяйства (Руд. Мейер, Родбертус), казалась им не лишенной интереса. Из этого частичного совпадения интересов таких разнородных общественных групп создался тот демократический налет на консерватизме 80-х годов, который составляет своеобразную черту этой эпохи и объясняет полный провал манчестерства и успех рабочего законодательства.

Либералам оставалось только оплакивать гибель высоких идеалов свободы и прогресса. Во время прений о таможенной реформе весной 1879 г. Евгений Рихтер бросил Бисмарку упрек в том, что он становится на точку зрения классовых интересов и разжигает классовую рознь. «Развивается агитация, призыв к эгоизму, хуже которых не было даже в письмах Лассаля к рабочим. Канцлер говорит, что он научился от прогрессистов собирать вокруг себя недовольных, но прогрессисты,— уверял оратор,— никогда не стояли на точке зрения классовых интересов. Зато теперь все реформы имеют в виду классовые интересы крупного капитала, представлен ли этот капитал крупным землевладением, или крупной индустрией, или, наконец, крупным лесным хозяйством»[16]. Рихтер был прав, направляя свое красноречие против таможенной реформы. Ей, по выражению историка этой эпохи Макса Ницше, выпало на долю быть «могильщиком немецкого либерализма»[17], да и не только немецкого, а и общеевропейского, прибавим мы. «Социалистические» речи богемских аристократов, рабочее законодательство консерватора графа Тааффе в Австрии, поношение, которому подвергся либерализм вообще, а чиновно-бюрократический, петербургский в особенности, со стороны ярого протекциониста и московского мудреца Каткова,— все это явления одного и того же порядка.

Обнажение классовых интересов в эпоху кризиса сказалось даже на политической фразеологии и было хорошо отмечено современниками. Полированные фразы политических краснобаев, высокая принципиальность либеральных доктринеров заменилась грубой манерой чисто материальных расчетов, подчеркиванием экономических интересов, появлением на парламент-

[15] *Ф. Меринг*. История германской социал-демократии, т. IV. М.— Пг., 1923, стр. 30.

[16] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags» 4. Legislaturperiode, II. Session 1879, Bd. I. Berlin, 1879, S. 427—428.

[17] *M. Nitzsche*. Die handelspolitische Reaktion in Deutschland. Stuttgart und Berlin, 1905, S. 195.

ской трибуне «хозяина-практика»[18]. Трейчке писал, подводя итоги прениям в рейхстаге в 1879 г. по поводу таможенной реформы[19]: «В большей степени, чем многие спорные положения тарифа, вызывает раздумье вошедшая вновь в практику политика экономических интересов, дошедшая в течение этой сессии до печальной виртуозности. Прения по поводу тарифа издавна были слабой стороной парламентаризма и потому, что они заставляют каждого, даже сведущего депутата, голосовать иногда по поводу непонятного для него дела, и потому, что они широко раскрывают дверь классовому эгоизму. Здоровое нравственное чутье (Sinn) немцев, правда, предостережет их от явной коррупции, которая обыкновенно играет роль при подобных обстоятельствах в других государствах, но личный интерес выступил поразительно нескромно, с претензией быть патриотической реальной политикой и упрекал в доктринерстве каждого, кто осмелился говорить о благе целого. Различные группы заинтересованных лиц соединились в самые противоестественные комбинации; дюжины заинтересованных голосовали за такие статьи тарифа, которые ими втихомолку совсем не одобрялись, просто для того, чтобы приобрести себе союзников для благоприятного решения своих делишек. Поднимается горькое сознание, что и без того потрясенное уважение к немецкому парламентаризму ничего не приобрело за эту сессию. Подобно тому как немецкая пресса все более и более впадает в тон американских газет, явно идут на ущерб чуткость и нравственное превосходство многих из наших парламентских деятелей».

Трейчке был решительно неправ. По части фразы, и притом, как мы видели, фразы не совсем пустой, консерваторы нисколько не уступали либералам. Консервативная печать с большим жаром проповедовала «защиту национального труда и спасение маленького человека». Идеалам свободы и прогресса она противопоставляла идеалы христианского государства, патриотизма, национальной экономической независимости и мощи; свободе (распущенности!) индивидуума — моральное ограничение личности в интересах нации, а что касается классовой розни, то именно в ее углублении консерваторы обвиняли либералов, выступив с социально-христианской проповедью классового единения.

Австрийские консерваторы посещали рабочие митинги и говорили на них прямо-таки «социалистические» речи, приводя в негодование такого рыцаря прогресса и либерализма, как австрийский кронпринц Рудольф[20].

---

[18] *M. Nitzsche*. Die handelspolitische Reaktion..., S., 214.

[19] *H. Treitschke*. Der Reichstag und die Finanzreform.— «Preussische Jahrbücher», 1879, Juli.

[20] Kronprinz *Rudolf*. Politische Briefe an einen Freund, 1882—1889. Wien, 1922, S. 84. Интересный материал, относящийся к консервативной доктрине «спасения маленького человека», можно найти в многотомной и тя-

Итак, переход к новой экономической системе совершился и быстрее и легче, чем можно было предполагать. Германия вступила на путь прикрытой, «тихой» таможенной войны с Австро-Венгрией и Россией[21]. Хотя Бисмарк и уверял, что экономика не влияет на политику, это его уверение показывает лишь, перед какими трудностями стояла его внешняя политика в 80-е годы. Правда, конкретная обстановка 80-х годов показала, что сама по себе система автономных тарифов, введенная во всех трех восточных державах, не была достаточным основанием для вооруженного конфликта между ними, но в какой мере эта обстановка была мало благоприятна для крепости союзов — показывают русско-германские отношения середины 80-х годов и возглавляемая Катковым, нашедшая широкий отзвук антинемецкая агитация в России. Недаром еще в 1879 г. по поводу введения нового тарифа Катков перевел приведенную выше фразу Бисмарка на иронический язык русской пословицы: «Германский канцлер подает нам добрый пример придерживаться в торговых сношениях известного изречения народной мудрости: «Счет дружбы не теряет». Принимая меры к сокращению привоза в Германию русских товаров, он тем самым развязывает русскому правительству руки на принятие мер к сокращению привоза в Россию товаров из Германии — мер, которые без шага, сделанного князем Бисмарком, могли бы показаться щекотливыми ввиду существующих между обеими странами столь приязненных отношений»[22].

Таможенные реформы 80-х годов также покончили с идеей экономического объединения Средней Европы, несмотря на то, что в 80-е годы о нем говорили и писали нисколько не меньше, чем раньше, в 50-е годы (проект Брука) или позже (Mitteleuropa Наумана)[23]. Непосредственные интересы австрийской крупной буржуазии, боявшейся выпустить из своих рук монопольное господство над своими венгерским и южнославянским рынками, оказались сильнее заманчивых перспектив совместного с германской промышленностью овладения рынком всего Ближнего Востока. Разобщенная с Германией экономически, изолированная политически и вечно боящаяся потонуть в славянском море, австрийская буржуазия обнаружила полную немощь и во внешней политике. Экономический кризис неудержимо влек ее к восточному рынку, но вечный страх, как бы включение в состав монархии новых славянских крестьянских государств не

желовесно документированной истории австрийской социал-демократии Брюгеля (см. *L. Brügel*. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie, Bd. III. Wien, 1922, S. 33—38).

[21] *M. Nitzsche*. Die handelspolitische Reaktion..., S. 193.

[22] «Московские ведомости», 27.IV 1879.

[23] *A. Matlekovits*. Die Zollpolitik der Österreichisch-Ungarischen Monarchie und des Deutschen Reichs seit 1868 und deren nächste Zukunft. Leipzig, 1891, Kap. VII, § 2 («Ansichten über die Zollunion»).

пошло на пользу абсолютистским стремлениям короны и не превратило бы Австро-Венгрию в славянскую полуабсолютистскую державу, заставлял громко протестовать против наступательной политики на Востоке и видеть своих самых близких союзников в венгерских дворянах, еще больше боявшихся для себя тех же самых «славянских последствий», а сербского сырья в особенности. В результате — балканская политика Австрии, о которой Бисмарк сказал однажды: «У Австрии хороший аппетит, но плохое пищеварение». Каким образом благодаря этому обстоятельству сделался излишним русско-австрийский союз — речь идет в первой части этой работы.

Экономические перемены в Европе, описанные выше, имели и другие, менее непосредственные последствия, проявившиеся во внешней политике европейских государств. Грюндерство нашло в остальных странах Ближнего Востока широкое поле деятельности, более даже широкое, чем в Европе, где старый культурно-правовой уклад все же оказывал некоторое сопротивление «капиталистически вооруженной страсти к наживе». В результате железнодорожного безумия и грандиозных сооружений Египет попал в руки англо-французских капиталистов, турецкая казна не выходила из состояния переменного краха, и угроза таких же последствий нависла над молодыми славянскими государствами на Балканах. Железнодорожный вопрос сделался одним из самых крупных политических вопросов на Балканах в 80-е годы. Восточный вопрос в целом благодаря всему этому не перестает быть одним из важнейших центров внимания в политике европейских государств и той осью, вокруг которой вращаются австро-русско-германские отношения.

Таковы основные линии связи между экономикой эпохи и ее политикой. Дальнейшее исследование внесет бо́льшую точность и конкретность в это изображение.

КНИГА ПЕРВАЯ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«СЫТАЯ ГЕРМАНИЯ»

Глава первая

Германия на историческом повороте

В своих мемуарах и многочисленных документах, относящихся к заключению союза двух держав — Германии и Австрии (Zweibund), Бисмарк хотел внушить своим ближайшим потомкам мысль, что в 1879 г. он был поставлен перед необходимостью выбора между Россией и Австрией и что выбор в пользу последней был им сделан под давлением русской враждебности и под влиянием тяжелого для него сознания русской неблагодарности. Письмо Александра II от 3 августа 1879 г. с угрозами по адресу Германии, враждебное поведение русской прессы, перегруппировка русских войск на германской границе — вот что, по его словам, заставило его спешить с заключением австро-германского союза, тем более что из Вены шли известия о предстоящей отставке графа Андраши, наиболее ревностного сторонника австро-германского сближения.

Во всех этих рассуждениях Бисмарка верно лишь одно, что в 1879 г. наступил, наконец, давно жданный им благоприятный момент для заключения союза двух держав. Не будет натяжкой утверждать, что так называемые русские угрозы в 1879 г. были весьма на руку Бисмарку, и едва ли когда-нибудь они были для него так приятны — а они не раз доставляли ему истинное удовольствие,— как в этот момент. Но в основном австро-германский союз не был мерой ad hoc, политической комбинацией временной и на короткий срок. Выбор, о котором говорит Бисмарк в «Gedanken und Erinnerungen», был сделан им давно, и коренился он в тех условиях, при которых произошло объединение Германии. Необходимость союза двух держав была предопределена для него в тот момент, когда малая, но крепкая Германия оказалась в силу объективных исторических условий более приспособленной к существованию, чем рыхлое создание великогерманских утопий. Если в 1866 г. после Садовой осторожность в отношении Австрии диктовалась возможным вмешательством Франции [1], то отсюда еще не следует заключать, что эта возможность была единственной причиной того, что Пруссия не уничтожила Австрии раз и навсегда.

Поставить ребром вопрос о дальнейшем существовании Австрии казалось нужным Бисмарку лишь в том случае, если

---

[1] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II. Stuttgart, 1893, S. 33.

бы в результате вооруженного вмешательства Наполеона III над Пруссией нависла угроза военного разгрома и полного политического унижения. При отсутствии этой угрозы он, наоборот, считал необходимым щадить самолюбие своей неудачливой соперницы и готовить почву для союза с ней. Этим определялась и вся дальнейшая его политика, направленная к сохранению Австрийской империи: его одобрение системы дуализма и фактического преобладания венгерских интересов в политике двуединой монархии, его поддержка венгров, когда им грозила опасность усиления славянского элемента в противовес дуализму (как, например, в 1871 г. при Гогенварте), и, наконец, то предпочтение интересов Австрии интересам России в восточном вопросе, которое заставило его в конце концов показать своим бывшим друзьям, русским, что выбор уже сделан, и сделан не в их пользу.

Где следует искать объяснения этой политике Бисмарка в отношении Австрии, и можно ли признать ее дальновидной и достаточно обоснованной обстоятельствами? Не лучше ли было бы покончить с этим политическим «трупом», вместо того чтобы привязывать к нему живое тело только что созданной монархии, которой предстояло несомненное великое будущее. После поражения Германии в 1918 г. такого рода вопросы сделались обычными; до него они приходили в голову лишь единицам [2]. При этом всякий раз высказывалась мысль, что ошибка Германии заключалась в разрыве с Россией в 1890 г. Уверенность приговора черпали прежде всего в той резкой критике, которая в 90-х годах раздалась на страницах «Hamburger Nachrichten», инспирированной попавшим в немилость старым канцлером.

В последнее время досталось, впрочем, и самому Бисмарку. На этот раз обвинения по его адресу идут не со стороны его принципиальных врагов, а из среды дипломатов-профессионалов старой Германии. Эта критика звучит резким диссонансом в хоре восторженных восхвалений, приносимых в дань и политической мудрости Бисмарка и великому прошлому «его» Германии. Политика «нового курса» — таков смысл заявлений Лихновского, бывшего германского посла в Лондоне — ничем принципиально от политики Бисмарка не отличалась, несмотря на то, что новые люди во главе с таинственным Гольштейном старались вначале подчеркнуть свое несогласие с политикой старого канцлера, боясь его возвращения. Лихновский вменяет в вину Бисмарку недостаточное знание внутренних политических условий в Австрии, недооценку славянского национального движения и в результате неверный курс его балканской политики; он обвиняет его в том, что он, упрямый консерватор, придавал слишком большое значение в политике элементам личным, династическим, что он, наконец, проявил неоснова-

[2] *A. Tirpitz.* Erinnerungen. Leipzig, 1919.

тельный страх перед воображаемыми коалициями, которые создавались в его уме болезненной нервозностью [3]. Все это привело к союзу с обанкротившейся фирмой «Австрия». Политика же его преемников была просто связью с двумя трупами: австро-мадьярским и турецким. В результате — разгром 1918 г.

Нет ничего легче, как судить о политике с точки зрения событий, совершившихся 30—40 лет спустя, и притом в эпоху, когда каждое десятилетие меняет до неузнаваемости жизненные условия и физиономию общества. Но стоит ли подходить к ней с такой оценкой, похожей на запоздалое сожаление, забывая о том, как часто колебалась судьба двух европейских коалиций во время войны и каковы были бы рассуждения, если бы чаша весов склонилась на сторону центральных держав? Мы ставим себе иную задачу. Она заключается в том, чтобы вскрыть те объективные условия, которые, преломившись определенным образом в голове Бисмарка, заставили его держаться аксиомы — а он до известной степени допускал и аксиомы — сохранения Австрийской империи как великой державы, ибо из этого вытекала вся его политическая система. Но даже принимая поправку на время, критика Лихновского едва ли правильна по существу. У Бисмарка был вполне определенный взгляд на внутренние отношения в Австро-Венгрии, и он высказал его в тот момент, когда события задали ему вопрос, какова должна быть политика Германии в случае войны между Австрией и Россией.

29 сентября 1876 г., за день до того, как тот же вопрос был задан ему русским правительством через генерала Вердера, во время напряженных международных отношений, предшествовавших русско-турецкой войне, он сказал князю Гогенлоэ [4]: «Если разразится конфликт между Россией и Англией, это не нанесет нам никакого ущерба. Англия и Россия не могут сильно повредить одна другой, и мы можем оставаться спокойными зрителями борьбы. Гораздо было бы хуже, если бы в схватку вступили Австрия и Россия. Если мы останемся нейтральными, то потерпевшая сторона этого нам никогда не простит. Если бы Австрия была окончательно уничтожена, то никакой выгоды от этого мы бы не получили; мы, конечно, могли бы присоединить к себе немцев, но мы не знали бы, что делать со славянами и венграми. Общественное мнение в Германии не позволило бы нам выступить с Россией против Австрии. Гибель Австрии делает для нас Россию опасной. Если же Австрия будет существовать, мы сможем удерживать Россию от всякого решительного выступления».

[3] *K. M. Lichnowsky.* Auf dem Wege zum Abgrund, Bd. I. Dresden, 1927, S. 5, 6, 9, 10.

[4] *Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst.* Denkwürdigkeiten, Bd. IIE, Stuttgart, 1908, S. 202.

В коротких фразах, записанных Гогенлоэ, перед нами политическое credo, показывающее, что в 1866 г. Пруссия, по мнению Бисмарка, не только не могла, но и не должна была добиваться окончательного уничтожения Австрии, ибо все приведенные здесь рассуждения для 1866 г. имели еще большую силу, чем 10 лет спустя. Если прибавить сюда страх, который был всегда свойствен пруссаку и малогерманцу Бисмарку, перед усилением католической Южной Германии в ущерб Пруссии, если бы обстоятельства заставили присоединить соседние провинции Австрии к Германии; если вспомнить о трудности, какую представлял бы в этом случае чешско-богемский клин, то станет вполне понятной боязнь Бисмарка — не трогать преждевременно австрийского вопроса в целом.

Если сохранение Австрии было необходимо, то союз с ней становился неизбежным. Австрия после разгрома могла быть или врагом или другом: оставаться нейтральной она не могла. Союз был не только единственно возможной для Пруссии формой решения «квадратуры круга» германского объединения: он вытекал из соображений и внутренней и внешней политики новой Германии и стоял на очереди с такой же неизбежностью, как в свое время для Пруссии был неизбежен предварительный разгром Австрии. Нет ничего удивительного поэтому, что первое упоминание о будущем союзе мы слышим от Бисмарка в день битвы при Садовой: «Со спорным вопросом покончено, теперь следует снова добиться дружбы с Австрией» [5].

До 1870 г. союз был желателен ввиду предстоящей борьбы с Францией Наполеона III. Но он оказался неосуществимым (миссия Тауфкирхена) [6]. Идея реванша за Садовую была еще очень сильна в правящих кругах Австрии, и Бейст носился с мыслью создать в противовес северогерманскому союзу союз южногерманских государств под главенством Австрии [7]. После войны 1870 г. союз с Австрией обеспечивал Пруссии ее гегемонию в Германии — каким образом, мы увидим несколько позже — и независимость ее политики от России, а после русско-турецкой войны и германскую гегемонию в Европе [8]. Все рассуждения Бисмарка в 1879 г. и вся его политика до этого времени и после этого показывают, что союз только с Россией всегда казался ему наихудшим выходом из положения, в каком оказались Пруссия и Германия после двух войн, предпринятых

[5] *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. I. Stuttgart, 1910, S. 444, Bem. 2.
[6] *Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst*. Denkwürdigkeiten, Bd. I. Stuttgart und Leipzig, 1907, S. 227, 230; *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. I, S. 444—445.
[7] *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. I, S. 443.
[8] *O. Bismarck*. Gedanken und Erinnerungen, Bd. II, S. 253: «Die Erhaltung der östreichisch-ungarischen Monarchie als einer unabhängigen starken Grossmacht ist für Deutschland ein Bedürfniss des Gleichgewichts in Europa, für das der Friede des Landes bei eintretender Nothwendigkeit mit gutem Gewissen eingesetzt werden kann»

в интересах объединения. Обо всем этом мы скажем достаточно впоследствии. Сейчас для нас более важен другой вопрос: в какой мере, предпочитая Австрию, Бисмарк учитывал сложность внутренних австрийских отношений? Не сделал ли он, действительно, неудачный шаг, связав судьбу Германии с разноязычным и разноплеменным государством, которое в век национальных движений казалось странным пережитком средневековья, готовым каждую минуту развалиться на свои составные, некогда самостоятельно существовавшие части? Ведь национальный вопрос и в его время был достаточно силен в Австрии, а кому же как не ему, Бисмарку, было не знать силы и значения национального движения, на котором он строил свою политику превращения Пруссии в Германию и которое он поддерживал в Италии. Совсем не случайно в тот момент, когда после битвы при Садовой над Пруссией нависла опасность наполеоновского вторжения, Бисмарк не остановился перед мыслью бросить национальное восстание в Венгрии и Богемии против Австрии и Наполеона [9].

Не может быть сомнения в том, что для Бисмарка были ясны внутренние слабости Австрийской монархии. «Никто не может с уверенностью судить о будущем Австрии, а между тем это необходимо при длительных и органических соглашениях. Факторы, содействовавшие возникновению Австрии, так же многообразны, как и ее племенной состав (Völkermischung); и к разъедающему, а может быть, и окончательно разлагающему действию этого последнего присоединяется ускользающее от всякого расчета влияние конфессионального элемента на руководящих политиков Австрии в зависимости от падения или усиления веса римской курии. Не только панславизм, Болгария или Босния, но и сербский, румынский, польский, чешский вопросы и даже еще и теперь вопрос итальянский в Трентино, в Триесте и на Далматинском побережье могут превратиться в пункты кристаллизации не только внутренних австрийских, но и общеевропейских кризисов, которые лишь в том случае следует считать затрагивающими немецкие интересы, если Германская империя вступит с Австрией в солидарный союз со взаимным ручательством» [10].

Как вышел из этого затруднения Бисмарк? В его политике после 1866 г. вполне ясна тенденция поддерживать политическую комбинацию, которая в самой Австрии явилась результатом ее разгрома, т. е. систему дуализма с фактическим преобладанием Венгрии. Эта ставка на венгров вполне соответствовала историческому опыту. Начиная с XVIII столетия, когда Мария Терезия, спасая свое наследство от Фридриха II, принуждена была подтвердить вольности венгерского дворянства, интересы

[9] Ibid., S. 34, 35.
[10] Ibid., S. 254, см. также S. 233, 237.

Пруссии и Венгрии, этих двух дворянско-землевладельческих крыльев Средней Европы, оказались связанными общей исторической судьбой [11]. Господство венгров в австрийской монархии было залогом господства Пруссии в Германии, и наоборот. Политическое преобладание венгров в дуалистической империи было результатом сравнительной слабости австрийского элемента в Цислейтании, а эта слабость была естественным последствием изгнания Австрии из Германии. Австрийская буржуазия принуждена была согласиться на «парламентский абсолютизм» венгерского дворянства в пределах земель венгерской короны и получить в награду за это конституцию, дававшую ей, как оказалось впоследствии, призрачное преобладание в австрийской половине империи. Но система «двойного централизма» как удачно окрестил новый строй Реннер, предупреждала федерализацию Австрии, была плотиной против славянства — и в этом было ее основное значение.

Бейст думал, что при помощи соглашения 1867 г. можно было бы «соединенными силами» снова поставить на очередь борьбу с Пруссией за господство в Германии. Он, как известно, жестоко ошибся [12]. Венгры имели свое мнение о политике двуединой монархии. Ближайшие по времени к 1867 году события — война 1870 г., попытки федерализма в Австрии в 1871 г. (министерство Гогенварта) — показали, в какой мере Пруссия и Венгрия были связаны друг с другом. Всякая попытка Австрии выступить против Пруссии наталкивалась на сопротивление венгров, всякий приступ к федеральному устройству встречал дружный отпор и Венгрии и Пруссии [13]. Поддержка системы дуализма и господства венгров сделалась одним из важнейших пунктов политики Пруссии в объединенной Германии. Именно в этом южнонемецкий историк Шюсслер видит одну из чреватых последствиями ошибок, вызванных своекорыстной узостью политического кругозора прусского юнкерства, упорно державшегося в своих классовых интересах за венгров и не допускавшего естественного расширения политического строя Австрии путем включения в него славян [14]. Шюсслер до известной степени прав. В австрийской политике Бисмарка дуализм и венгры были отнюдь не сильными пунктами. Он почувствовал это в середине 80-х годов, когда все его попытки толкнуть Австрию на более активную политику на Балканах потерпели неудачу. Здесь мы подходим к следующему принципу политики Бисмарка, вытекавшему с необходимостью из первых двух: сохранения Австрии и

[11] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II, S. 234; «populäre ungarisch-deutscher Sympathie».

[12] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, Bd I, Kap. XI («Abschluss des Ausgleiches»); см. также S. 443.

[13] Ibid., Kap. XVI («Hohenwart-Krisis»), особенно S. 570—574.

[14] *W. Schüssler.* Oesterreich und das deutsche Schicksal. Leipzig, 1925, Kap. III.

союза с ней. Дело идет о поддержке Германией восточной политики Австрии и в связи с этим о взаимоотношениях между Германией и Россией, соперницей Австрии на Балканах.

Еще в начале 40-х годов видный немецкий экономист и политик Фридрих Лист, рисуя перед немецкой буржуазией заманчивые перспективы национального объединения, представлял себе Германию в виде двух экономических центров, связанных между собой: южнонемецкий, австрийско-баварский центр, долженствующий охватить экономически весь юго-восток Европы, и северонемецкий, прусский центр, хозяйственная энергия которого должна была направиться в заморские колонии. В целом должна была создаться огромная мировая держава, достойная награды за патриотическую добродетель немцев, осуществивших наконец свое объединение в образе единой великой Германии. Историческая действительность разрушила эти мечты. Австрийский абсолютизм, уже с начала XIX в. запутавшийся в сетях венских банкиров, в области экономической политики сделался верным стражем интересов крупных промышленников — силезских, богемских и нижнеавстрийских. Последние совсем не склонны были пускать на внутренний рынок, особенно в богатую земледельческую Венгрию, конкурентов из Германии. Результатом этого были высокие запретительные тарифы Австрии в те годы, когда Пруссия, перейдя к системе свободной торговли, начала дело уничтожения внутренних таможен в Германии и ее экономического объединения в виде немецкого таможенного союза [15]. Таким образом, и в экономической области Венгрия, на которую ориентировалась австрийская промышленность, оказалась причиной слабости Австрии на поле таможенной борьбы с Пруссией [16] и косвенно содействовала усилению этой последней. Политика Австрии заставила вскоре и наиболее сильные южнонемецкие государства Вюртемберг и Баварию примкнуть к немецкому таможенному союзу (1829 г.). В Австрии понимали опасность такого оборота дел, но ни в это время (Меттерних), ни тем более позже, когда для Пруссии стали ясны политические последствия экономического объединения, ничего против этого предпринять не смогли. Интересы узкого круга предпринимателей оказались сильнее, чем самые заманчивые планы великогерманских и среднеевропейских мечтателей. Сопротивлению Пруссии и австрийских промышленников обязан

[15] Значение прусского фритреда для объединения Германии — факт общеизвестный. В свое время Шмоллер очень удачно сказал по этому поводу: «Nur eine freisinnige Handelspolitik konnte den Zollverein mit Preussen an der Spitze erhalten» (*G. Schmoller.* Characterbilder. München und Leipzig, 1913, S. 283).

[16] Над выяснением этой причины слабости Австрии «в наказание за ее корыстолюбие по отношению к Венгрии» больше всего потрудились сами венгры. См. интересные главы в большой работе будапештского профессора и венгерского политика Ланга (*L. Lang.* Hundert Jahre Zollpolitik. Wien und Leipzig, 1906 («Zollverein» u. a.).

своим крушением в начале 50-х годов грандиозный проект Брука, проект 70-миллионного среднеевропейского союза [17]. Результаты оказались налицо. Линии политического объединения Германии в 1870 г. совпали с линией предшествующего объединения экономического. Австрия была выброшена за борт. Возврат к покровительственным тарифам в конце 70-х годов окончательно похоронил мечты об экономическом единстве Германии и Австрии. В 80-х годах эти державы в экономическом отношении оказались менее связаны, чем в начале столетия.

Этот ход развития экономических отношений между Германией-Пруссией и Австрией имел некоторое значение и в создании политической доктрины Бисмарка. Дело в том, что, начиная с Листа и Брука и кончая их многочисленными последователями в 80-е и 90-е годы XIX столетия [18], идея великой Германии сначала и «Средней Европы» впоследствии всегда оказывалась тесно связанной с идеей экономического, а иногда, кроме этого, и политического господства союза Австрии и Германии на Ближнем Полувостоке [19] и Востоке просто. В основе этого лежало вполне реальное наблюдение, что Германия и до объединения и тем более после него может проникнуть на Восток легче всего через Австрию и только путем хозяйственной сделки с этой последней, так как Австрия экономически давно уже связана с Востоком. Но для «малой Германии», «расширенной Пруссии», подобного рода политическое устремление скрывало в себе не меньшую опасность, чем попытки Австрии в 50-х годах войти в состав таможенного союза. Политические последствия таможенного объединения были слишком хорошо известны прусским политикам из истории XIX в. Таможенное объединение с Австрией грозило Пруссии в конечном счете потерей ее командующей роли в Германии. Прусские политические деятели могли считать себя удовлетворенными тем, что южнонемецкие государства принуждены были войти в экономическую систему Северной Германии и окончательно оторвались от Австрии таможенным законодательством 80-х годов и фактически начавшейся скрытой таможенной войной с Австрией.

Интересно отметить, что, когда в конце 70-х годов, в эпоху жестокого экономического кризиса и перехода к протекционизму, в Германии началась усиленная агитация за приобретение колоний, в которых хотели видеть и панацею против эмиграции и новые рынки сбыта [20], под колониями подразумева-

[17] *R. Charmatz.* Minister Freiherr von Bruck. Der Vorkämpfer Mitteleuropas. Leipzig, 1916, S. 241—281 («Die Aufgaben Österreichs»).

[18] Подробное исследование этих планов в 80-х и 90-х годах см. *A. Matlekovits.* Die Zollpolitik der Österreichisch-Ungarischen Monarchie und des Deutschen Reiches seit 1868 und deren nächste Zukunft. Leipzig, 1891 («Ansichten über die Zollunion»), S. 822—875.

[19] Halborient — Венгрия и славянские области Австрии.

[20] *M. Hagen.* Bismarcks Kolonialpolitik. Stuttgart — Berlin, 1923, S. 9, 12.

лись главным образом заморские приобретения, а не Восток, как это было 30—40 лет назад. Наряду с прочими причинами здесь несомненно сыграло роль передвижение экономических интересов с востока на север и запад [21]. Поскольку сама Пруссия никогда не была связана экономически с Востоком, формула незаинтересованности Германии в восточных делах сделалась одним из принципов политики Бисмарка, северянина-пруссака и малогерманца. Еще в 50-х годах восточное направление германской политики казалось ему нежелательным. «Устье Дуная представляет для Германии очень мало интереса; в 10 000 раз больше ее интересует Адриатическое море, английское господство на Ионических островах и Морея» [22]. В 80-х годах он повторяет ту же мысль в чисто экономической оболочке. Для Германии, говорит он, было бы гораздо лучше, если бы Дуная не было совсем. Торговля австро-венгерской монархии пошла бы тогда через Гамбург, и это привело бы Австрию к более тесному экономическому и политическому тяготению к Германии [23]. Но «Дунай не течет вверх».

Если для Бисмарка сохранение Австрии как великой державы было одним из положений его политики, то поддержка ее интересов на Востоке становилась неизбежной, ее активная политика в том же направлении весьма желательной. Здесь могли найти удовлетворение честолюбие династии, здесь была арена для подвигов армии — двух сил, игравших в Австрии огром-

[21] *Fr. List.* Die politisch-ökonomische Nationaleinheit der Deutschen.— *Idem.* Gesammelte Schriften, II. Teil. Stuttgart und Tübingen, 1850, S. 371; Die Ackerverfassung, die Zwergwirtschaft und die Auswanderung.— Ibid., II. Theil, S. 210 f.; *W. Roscher* und *R. Jannasch.* Kolonien, Kolonialpolitik und Auswanderung. Leipzig, 1885. О Венгрии, как объекте переселенческой деятельности, см. *G. Höfken.* Deutsche Auswanderung und Kolonisation mit Hinblick auf Ungarn. Wien, 1850, S. 5; *Фр. Лист.* Национальная система политической экономии. СПб., 1891. Восток не перестает привлекать внимание экономистов, но главным образом австрийских и венгерских (см. вышеупомянутую главу в книге Матлековича и особенно: *P. Dehn.* Deutschland und Orient in ihren wirtschaftspolitischen Beziehungen, Th. 3. München und Leipzig, 1884). Восток имеет в виду и инициатор агитации конца тех годов Фабри (см. его брошюру: *F. Fabri.* Bedarf Deutschland der Colonien? Gotha, 1884; см. по этому поводу: *M. Hagen.* Bismarcks Kolonialpolitik, S. 27), хотя у него Восток играет второстепенную роль. Фабри был южногерманцем, и здесь небезынтересно отметить тот факт, что крупнейшие политические деятели и предприниматели 80-х годов, проповедовавшие «восточную политику» или работавшие на Востоке, были главным образом также южногерманцы: Прессель, составитель первого плана Багдадской железной дороги, «известный» строитель железных дорог на Востоке Гирш. О значении идеи Фр. Листа в доктринах великой Германии см. *A. Rapp.* Studien zur Geschichte der nationalen Bewegung in Deutschland, I. Heft: Das österreichische Problem in den Plänen der Kaiserpartei von 1848. Tübingen, 1919, S. 4; «Grossdeutsch-Kleindeutsch. Stimmen aus der Zeit von 1815 bis 1914», ausgewählt und eingeleitet von A. Rapp. München, 1922, S. XXI, XXV, LIII.

[22] *H. Poschinger.* Fürst Bismarck und die Diplomaten. Hamburg, 1900, S. 10.

[23] *E. C. Corti.* Alexander von Battenberg. Wien, 1920, S. 126. Слова Бисмарка по поводу Дунайской комиссии в Лондоне в 1883 г.

ную роль, несмотря на конституционализм; здесь, наконец, было широкое поле деятельности для австрийской промышленности и австрийских банкиров, для всевозможных строителей железных дорог и культуртрегеров, стоявших в такой трогательной близости к австрийским правящим кругам[24]. Австрия, занятая на Востоке, была безопасна для Пруссии в Германии. Бисмарк получал в свои руки рычаг, при помощи которого он мог регулировать в интересах Германии и взаимные отношения двух соперников на Востоке, России и Австрии, и отношение каждой из них к Германии. Эта позиция незаинтересованности была настолько сильна в международно-политическом отношении, что ради нее можно было пренебречь интересами некоторых германских предпринимателей, хотя бы среди них был «сам» Блейхредер[25]. Вес Германии в системе союзов Бисмарка в 80-х годах в значительной мере покоится на этой ее незаинтересованности в балканских делах. Но именно здесь же следует искать и наиболее слабый пункт его системы. Сущность этой слабости, в кратких словах, заключалась в том, что «малая Германия», Германия Бисмарка, была фатально обречена на то, чтобы оглядываться на абсолютистскую Россию и поддерживать дуализм в Австрийской монархии. Из этих двух обстоятельств первое сильно ограничивало размеры поддержки, какую могла оказать Германия Австрии в ее деятельности на Востоке, а второе делало Австрию бессильной в том же направлении.

Австро-Германия, Восток и Россия — эти проблемы были поставлены в Германии еще в начале XIX в. Их взаимоотношения нашли довольно отчетливые формулировки у немецко-австрийских политиков в 1848 г. Немецкие либералы, в особенности великогерманцы, были убеждены, что свободная великая Германия легко может сделаться центром тяготения для всех негерманских народов, живущих под скипетром Габсбургов, а также и Польши. Фантазия шла даже дальше, вниз по течению Дуная: не только свободная Венгрия, но и свободная Румыния должны стать союзниками свободной Германии[26]. Такой Германии Россия была не страшна.

Как ни были фантастичны подобного рода планы, в основе их лежала верная мысль, что, лишь поддерживая национальное движение на Востоке, свободная Австро-Германия могла бы рассчитывать и на успех ее движения на Восток и на крепость своих позиций в отношении к России. С объединением Германии не по рецептам немецких либералов, а прусским «железом»

[24] *P. Dehn*. Deutschland und Orient..., T. I. München und Leipzig, 1884. S. XII—XIII. О связи Бейста с Гиршем и о похождениях последнего эта работа дает очень много интересного материала.

[25] В 80-х годах и он подвизался на Балканах (см. *P. Dehn*. Deutschland und Orient..., T. I, S. 53—54)

[26] См. предисловие Раппа к сборнику «Grossdeutsch-Kleindeutsch», S. XXIV, а также: *A. Rapp*. Studien zur Geschichte der nationalen Bewegung in Deutschland, I. Heft, S. 22—23.

и кровью австрийцев и французов все эти политические фантазии были сданы в архив. Но для Австрии они нисколько не утратили своего значения и после этого. Как раз в 60-х годах, в эпоху сильно затянувшегося конституционного переустройства, в Австрийской монархии раздавались голоса, предостерегавшие ее от централистских увлечений. Лишь свободная Австрия, лишь Австрия, удовлетворившая национальные требования своих народов, может быть сильной на Балканах и страшной для России. В начале 60-х годов Л. Кошут рекомендовал конфедерацию, как средство решения балканского вопроса в интересах Венгрии[27]. Умеренный либерал Фишгоф приходил к такому же выводу в отношении к Австрии накануне установления дуализма и непосредственно после разгрома Австрии Пруссией в сентябре 1866 г.[28] Австрия, потеряв свою власть в Италии и Германии, должна посвятить все силы своей отныне единственной «жизненной задаче» — восточному вопросу. Если Австрия не будет медлить и разрешит внутренние вопросы в духе свободы и справедливости, она сможет взять на себя протекторат над румынами и южными славянами в Турции и добиться важных для нее в политическом и экономическом отношении устьев Дуная. Согласие Европы и одобрение ее собственных народов будет обеспечено. Единственный ее враг теперь — Россия. Но у нее зато может быть и сильный союзник — Германия. Нужно лишь решить вопрос внутреннего переустройства в духе Кремзира (1848 г.), т. е. федерализма.

Действительный ход событий в следующем году показал, что в таких вопросах, как государственное устройство, одержи-

[27] «Soviel ist jedenfalls sicher, dass ohne die vorgeschlagene Konföderation (под главенством Венгрии.— *С. С.*) die Orientkrise entweder einen uns feindlichen Kurs nimmt oder zum mindesten die Präponderanz einer oder der anderen Grossmacht im Orient hervorrufen wird. Im Falle einer Konföderation aber nimmt die Orientkrise eine für uns freundliche Richtung, sichert die Erkämpfung unserer Freiheit, leitet für sie jede Gefahr von aussen her ab und vereitelt nicht nur jedwelche Präponderanz im Osten, sondern erhebt unsere Nation zum Stützpunkte der Freiheit der Nachbarvölker und sichert ihr also den führenden Einfluss»,— *писал Л. Кошут* в 1862 г. Из того же письма: «Das türkische Reich geht seinem Zerfall entgegen. Die christlichen Völker werden frei. Doch wird es ihnen nicht an Kraft fehlen, ohne Stütze bestehen zu können? Wenn eine Konföderation mit Ungarn sie dieser Stütze teilhaftig werden lässt, werden sie nach keiner anderen suchen, weil sie es vorziehen, lieber frei, als russisch zu sein. Doch kommt eine solche Konföderation nicht zustande, so wird sich jedes slawische Element auf Russland stützen, das uns mit den Riesenarmen der panslawistischen Tendenz bis zum Adriatischen Meer hinunter so umarmen wird, dass über unserem nationalen Sein und über unserer Selbständigkeit ewig das Schwert des Damokles schweben wird» (Из письма Кошута к графине Карольи от 1862 г., цит. по: *O. Jászi*. Der Zusammenbruch des Dualismus und die Zukunft der Donaustaaten. Wien, 1918, S. 1).

[28] *A. Fischhof*. Ein Blick auf Oesterreichs Lage. Wien, 1866, S. 17. См. о Фишгофе: *R. Charmatz*. Adolf Fischhof. Das Lebensbild eines österreichischen Politikers. Stuttgart und Berlin, 1910; *V. Bibl*. Der Zerfall Österreichs, Bd. II. Wien, 1924, S. 301—302.

вают верх не дальновидные планы, а так или иначе понятые интересы господствующих классов. Система дуализма была системой австро-мадьярского буржуазно-дворянского господства над остальными народами Австрии. А отсюда легко сделать вывод и относительно внешней политики Австрии, исходя из противоположности ее внутреннего строя программам немецких и австрийских либералов и радикалов. С другой стороны, успехи Пруссии в Германии осуществились, как известно, не без помощи России. Малая Германия оказалась достаточно крепкой, чтобы отстаивать свое место под солнцем, но без союзников, которые парализовали бы ее врагов, она обойтись не могла, а ее международное положение требовало сугубой осторожности в отношении России.

Все это надо иметь в виду, когда говоришь о германской политике подталкивания Австрии на Восток. В Австрии были элементы, которые также были не прочь вести на Балканах активную политику, например двор и военные круги. Но эта политика встретилась с довольно упорным сопротивлением внутри. В основе его лежала та самая система дуализма, которую считал нужным поддерживать Бисмарк. Посредническая роль Германии между Австрией и Россией на Балканах могла быть признаваема сторонами до тех пор, пока она была для них выгодна. До русско-турецкой войны выгоды — реальные или мнимые — другой вопрос — были налицо. Австро-Венгрия получила Боснию и Герцеговину, Россия смогла без вмешательства Европы поколотить турок и вернуть себе Бессарабию. Но после войны дело стало гораздо сложнее.

Обычное представление русских того времени, что Австрия готова захватывать на Балканах все, что там плохо лежит, не соответствовало действительности. Наоборот, даже оккупация Боснии и Герцеговины, которую так желали двор и военные круги, вызвала бурю протестов и в Австрии и в Венгрии. Андраши, согласившийся на оккупацию, чтобы предупредить еще большую опасность — соединение Боснии и Герцеговины с Сербией, на время сделался самым непопулярным человеком в Венгрии. Причины этого лежали в том, что ни одна из двух господствующих при системе дуализма наций не желала дальнейшего усиления славянского элемента в государстве, так как оно грозило им потерей их политического (а вместе с тем и экономического) преобладания. У венгров были еще и специальные опасения: включение Сербии грозило им конкуренцией сербского сырья. Бисмарк любил повторять подозрительным русским дипломатам фразу Андраши по поводу оккупации, что мадьярская ладья полна и достаточно бросить в нее горсть, будь то золота или грязи,— она опрокинется. Эта фраза точно передавала австро-венгерские опасения. В результате австрийская политика на Балканах приняла очень своеобразную форму, которую лучше всего выражает формула «экономическая аннексия без по-

литической» и которая легче всего могла осуществляться при сохранении дряблой Турции.

Несмотря на то что после Крымской войны на Балканы экономически проникли французы и англичане, поле деятельности для австрийских промышленников оставалось еще широким. У Австрии были значительные экономические интересы, имевшие тенденцию расширяться, в особенности в западной части полуострова. Но она могла их поддерживать лишь путем крайне не выгодных для славянских государств торговых договоров, заключаемых при посредстве узких слоев непосредственно заинтересованных в торговле с Австрией крупных барышников, и в силу этого обречена была поддерживать в странах национального возрождения политически наиболее реакционные слои. В восточной части Балкан ее торговая деятельность вызывала подозрение русских и была также проникнута симпатией к крупной буржуазии. Таким образом, историческая действительность прямо противоположна мечтам либеральных великогерманцев революционной эпохи. «Первородный грех» германского национального объединения в виде прусско-юнкерской «малой Германии» лег пятном и на исторически осуществленную «Среднюю Европу» в образе австро-германского союза. Австрия, а косвенно и Германия оказались препятствием на пути славянских национальных движений, тогда как абсолютистская Россия — «страшилище» всей либеральной Европы в 1848 г.— не раз становилась их оплотом.

В исторически сложившейся обстановке для Австрии решение балканского вопроса связалось с решением славянского вопроса внутри нее. Система дуализма была причиной ее вялости и нерешительности на Балканах в настоящем и грозила в будущем тяжкими потрясениями. Но она ослабляла и позицию Бисмарка в сфере международных отношений. Единственной конкретной целью русской политики на Балканах, где у России особых экономических интересов не было, было регулирование, если не окончательное решение пресловутого вопроса о проливах. Его радикальное решение в пользу России вовсе не зависело ни от Германии, ни от Австрии, да такое решение, впрочем, и не входило в планы русского правительства в 70-х и 80-х годах. Возможна была лишь подготовка к нему в виде укрепления России на подступах к Константинополю, в Болгарии. Но Австрия, отказываясь от дальнейшего продвижения на Восток, не желала пускать туда и Россию и всячески поддерживала болгар в их борьбе против «русского влияния». В свою очередь Россия, как соперница Австрии, пользовалась симпатиями патриотов в западной части Балкан. В результате интересы каждой из двух держав, так сказать, расплывались по всему полуострову, не могли сконцентрироваться на определенной территории и, будучи качественно различными, оказывались недоступными ни дележу, ни разграничению.

Бисмарк стоял, таким образом, перед опасностью потерять в балканском вопросе тот рычаг, при помощи которого он так хорошо приводил в движение своих двух друзей в нужном для Германии направлении. Именно в этом и заключалась та трудность, с которой встретился Бисмарк уже в 80-х годах. Исходным моментом ее была политика Бисмарка при объединении Германии, ее конечным пунктом — антигерманское направление балканского движения в конце XIX и в XX столетии. Шюсслер, таким образом, прав, выводя катастрофу 1914 г. из политики пруссаков и венгров (он, впрочем, больше винит вторых) в Германии и Австрии и сводя ее, таким образом, к социальным условиям, в которых произошло объединение «малой Германии». Но едва ли имеют какой-нибудь исторический смысл обвинения Лихновского. Как реальный политик, Бисмарк строил свои расчеты не на идеальных планах наилучшего устройства, результаты которых были к тому же весьма гадательны, а на реальном соотношении сил. Он не был бы Бисмарком и потонул бы в море прекраснодушных либеральных мечтателей 40-х годов, если бы вздумал свою практическую политику в деле национального объединения строить по их планам. Точно так же и в своем отношении к Австрии он, конечно, не мог бы рассчитывать на усиление Германии при помощи союза с ней, если бы ему пришла мысль действовать в духе Кошута и Фишгофа, вместо того, чтобы поддерживать систему дуализма. Как ни были сильны национальные раздоры в Австрии в его время, мадьяры и австрийцы в Австро-Венгрии были еще сильнее. Не нужно забывать также, что национальная борьба в Австрийской монархии не была борьбой против государства, а борьбой за власть в нем, что симпатии так называемого панславизма (в Австрии) к России могли существовать только до тех пор, пока славяне не были допущены к власти, и что, наконец, этот пучок разъяренных национальностей, готовых, как это могло казаться перед мировой войной, броситься друг на друга, был брошен против России и ее союзников и развалился год спустя после того, как закончила свое существование старая Россия.

Мы забежали несколько вперед и коснулись вопросов, которые будут служить предметом дальнейшего изложения. Возвратимся снова назад, к исходной точке наших рассуждений — к вопросу о том, в какой мере выбор между Австрией и Россией был заранее предопределен для Бисмарка, поскольку он был малогерманцем.

Мы видели уже, что при основных принципах его политики сохранение Австрии как великой державы, союз с ней и поддержка ее политики на Востоке были тесно связаны с судьбами германского национального объединения. Международные отношения толкали Бисмарка в ту же сторону. Союз с Австрией был нужен не только потому, что этим обезоруживался и превращался в союзника один из врагов, мечтавших о реванше.

«Нам нельзя допустить, чтобы мы остались на Европейском континенте в полном одиночестве между Россией и Францией, имея рядом поверженную и брошенную нами на произвол судьбы Австрию»,— писал он в сентябре 1879 г.[29]

Обратим внимание на слова «zwischen Russland und Frankreich». Это соображение всегда стояло перед Бисмарком. Суть его заключалась в том, что Бисмарк никогда не считал выгодным и удобным для Германии союз только с одной Россией. Не надо забывать, что столетняя дружба России с Пруссией, которую старался всячески поддерживать и охранять сам Бисмарк, имела в его глазах лишь относительное значение. С его точки зрения, с точки зрения руководителя политики более слабого, чем Россия, государства, союз с одной Россией, при существовании ее «естественного» союзника, Франции, поставил бы Германию в зависимость от России и заставил бы ее служить русским планам, если не во вред себе, то во всяком случае без всякой для себя пользы. После 1878 г. Бисмарк любил мистифицировать русских дипломатов, уверяя их в том, что до русско-турецкой войны был момент в его политике, когда он готов был идти с русскими в огонь и воду («durch dick und dünn») и что он предлагал Горчакову оборонительный и наступательный союз. В какой мере это было правдой, покажет дальнейшее. В данном случае нас занимает более общий вопрос о роли России в политических расчетах Бисмарка. Из этих расчетов для нас станет совершенно очевидным, что подобного рода предложение в обстановке 70-х годов было вообще немыслимо.

В своих мемуарах, вспоминая о предложении союза, сделанном ему накануне русско-турецкой войны графом Петром Шуваловым,— в какой мере эти предложения носили официозный характер, Бисмарк не знал — он замечает[30], что против русско-германского союза без Австрии в это время у него были те же соображения, что и в 1863 г. Страницы «Gedanken und Erinnerungen», посвященные эпизоду 1863 г., представляют собой поэтому большой интерес для историка русско-германских отношений[31]. Дело идет о предложении Александром II во время польского восстания более тесного союза, чем знаменитая конвенция Альвенслебена того же года, обеспечившая России беспрепятственное подавление польского восстания. Раздраженный австрийско-польскими интригами и вмешательством западных держав, царь решился обнажить свой меч и приглашал Пруссию идти с ним вместе, указывая ей на общность ее интересов с Россией.

---

[29] Бисмарк — императору Вильгельму, 15 сентября 1879 г.— «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. III. Berlin, 1926, N 477. S. 80.

[30] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II, S. 220.

[31] Ibid., Bd. I, S. 62.

В чем заключалась общность и каких интересов, понять нетрудно. Вспомним, что это происходило до 1866 и 1870 гг. и означало ни больше, ни меньше как совместную борьбу против Австрии и Франции. Перед Пруссией открывалась перспектива быстрого решения германского вопроса с помощью России. Бисмарк решительно отсоветовал королю принять это предложение. Почему? В своих рассуждениях он приводит ряд соображений: национальных [32], политических, стратегических. Но все они в конечном счете сводятся к одному: при существовании соперничества Австрии и России на Востоке Пруссия стоит перед опасностью большего разгрома Австрии, чем это допустимо с точки зрения прусских интересов. Бисмарк думал, что Пруссия и Россия едва ли пришли бы к единодушному решению относительно будущей судьбы разгромленной Австрии. Для близкого будущего в 1863 г. это значило, что от России, в зависимость от которой стала бы Пруссия, едва ли можно ожидать решения немецкого национального вопроса в пользу прусской гегемонии в Германии. «Тильзит, Эрфурт, Ольмюц и другие исторические воспоминания говорили: «vestigia terrent»»,— восклицал Бисмарк [33]. В более отдаленном будущем союз с Австрией оказывался невозможным, и Германия-Пруссия попадала в полную зависимость от России.

Бисмарк думал, что его доводы против тесного союза с Россией лишь в том случае можно было бы считать неправильными, если бы можно было быть заранее уверенным в том, что несомненный быстрый разгром Австрии русско-прусскими войсками закончился бы заключением союза трех императоров при условии, конечно, весьма бережного отношения победителей к побежденной Австрии. Из всего текста следует, однако, что такая возможность была маловероятна. Итак, не только в 1877 или 1879 г., но и в 1863 г. союз с Россией, и только с ней одной, т. е. выбор в пользу России, был абсолютно неприемлем для Бисмарка. Лишь одно возражение можно было бы привести против такого вывода: что все это рассуждение Бисмарка — плод позднейших домыслов. Но это едва ли так. В 90-х годах, когда писались мемуары, необходимость австро-германского союза не нуждалась в доказательствах. Наоборот, тенденция мемуаров заключалась в том, чтобы показать, что политики «нового курса» совершили грубейшую ошибку, порвав связь с Россией невозобновлением «союза перестраховки» 1887 г.

Последняя фраза из рассуждений Бисмарка о событии 1863 г. интересна для нас тем, что в ней указан способ, каким был решен трудный вопрос о взаимоотношениях между Австрией,

[32] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. I, S. 64; «Die deutsche Einheit musste ohne fremde Einflüsse zu Stande kommen, aus eigner nationaler Kraft».

[33] Ibid., S 66.

Россией и Германией с точки зрения интересов Германии-Пруссии. Союз трех императоров был той комбинацией, в которой наилучшим образом разрешались международные задачи, ставшие перед Германией после франко-прусской войны. Он предупреждал франко-русское сближение, гарантировал целость Австрии, открывал последней благоприятные виды на Балканах и соединял воедино три восточные державы, из которых две сближались не столько по причине общности, сколько в силу противоположности их интересов и давали в руки третьей из них (Германии) средство пользоваться одной против другой. Лишь в союзе трех русская дружба оказывалась полноценной для Германии, так как выгодные ее стороны сохранялись в полной мере, а невыгодные парализовались присутствием Австрии. Но существование союза трех нисколько не препятствовало более тесному сближению Германии с одной из двух ее союзниц. Возникал лишь вопрос, с которой из двух союз должен быть более тесным с точки зрения международных отношений. И на этот вопрос не могло быть двух ответов: с Австрией, потому что она была слабейшей.

Итак, с точки зрения внутренней политики малой Германии и с точки зрения ее международного положения союз с Австрией, более тесный, чем союз с Россией, был исторической необходимостью. Тенденция мемуаров Бисмарка показать, что в 1879 г. сами русские были виноваты в том, что он заключил союз двух держав, является одним из приемов, при помощи которых он скрывал свои истинные намерения. Больше этого. Никакого выбора, о котором говорит Бисмарк в своих мемуарах, в действительности не было в 1879 г. Это лучше всего доказывают страницы его мемуаров, посвященные рассуждениям на тему о том, почему союз с Австрией (а при этом всегда подразумевается и с Россией), т. е. союз трех императоров, для него выгоднее, чем союз только с одной Россией. Это те аргументы, которых мы касались выше, аргументы, вытекавшие из исторически осуществившегося национального объединения Германии и международных последствий этого факта [34]. Союз двух держав был последним звеном в цепи этих последствий. Совершенно очевидно, что австро-германский союз для Австрии мог иметь смысл только как гарантия ее существования от посягательств России, а эти посягательства могли быть вызваны столкновением Австрии и России на Балканах [35].

Политика Бисмарка принимала некоторый характер выбора лишь тогда, когда, отстаивая существование Австрии, он неизбежно принужден был поддерживать до известного предела и

[34] Ibid., S. 233—236.

[35] На этом антагонизме была построена политика графа Андраши, стремившегося к привлечению Германии на свою сторону (см. *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, 1871—1914, Bd. I. Stuttgart, 1923, S. 36).

ее балканскую политику. В крупном масштабе такой была политика Бисмарка в годы русско-турецкой войны и ее подготовки, но и в это время поддержка, которую он оказал Австрии, была поддержкой до известного предела. Этот предел полагался необходимостью сохранять дружбу с Россией и был тем уже, чем сильней была Россия. Этим объясняется желательность для Бисмарка русско-турецкой войны и ослабления России: больше можно было дать Австрии, легче договориться с Россией. Но даже и русско-турецкая война не устраняла трудности, лежавшей в основе позиции Бисмарка между Австрией и Россией. Ведь нужно было, не устраняя причин их соперничества на Балканах, лавировать между интересами той и другой из них, доказывая не только на словах, но и фактами выгодность для каждой из них союза с Германией. Такая задача в отношении Австрии не представляла больших затруднений: испытав на деле сладость германской дружбы в 1877—1878 гг., Австрия под угрозой России инстинктивно тянулась к Германии. Гораздо труднее обстояло дело в отношении сильнейшей из двух союзниц — России. Но тем ценнее были те результаты, которых удалось достичь Бисмарку. Все эти трудности были разрешены им в той хитроумной комбинации, которая называлась союзом трех императоров и в которой в ее завершенном виде (в 1881 г.) союз трех держав заключал в себе сепаратное соглашение двух союзников против третьего. «Draht nach Russland» (контакт с Россией) был действительно крупным успехом его политики. Каким образом это было им достигнуто и в какой мере успешно в этой комбинации разрешались трудности позиции Бисмарка между Австрией и Россией, покажут последующие разделы работы, посвященные политике Бисмарка во время русско-турецкой войны и непосредственно после нее, в связи с последствиями Берлинского конгресса.

Глава вторая

Германия между Англией и Россией

В предшествующем разделе мы попытались изобразить ту логику событий и отношений, которая должна была с неизбежностью привести Бисмарка к союзу с Австрией со всеми его последствиями, как внутренними для обоих государств, так и международными. Но ход нашего рассуждения был бы не полон и не до конца убедителен, если бы он не подтверждался доказательствами, так сказать, отрицательной инстанции. В самом деле, может быть, для Германии возможны были и иные международные комбинации, если не равноценные с теми, какие были действительно осуществлены, то во всяком случае достаточно выгодные. Кроме России и Австрии на шахматной доске большой европейской политики выступали Франция и Англия. Если исключить первую, которая могла быть только врагом Германии, то оставалась Англия, и с ней Бисмарк считал необходимым поддерживать самые лучшие отношения.

Теоретически допустимы были две комбинации, которые могли бы радикально изменить его систему: или союз с Англией и Россией, неизбежно заострявшийся против Австрии, или союз с Австрией и Англией, острие которого могло быть направлено только против России. При этом полная или возможно полная изоляция Франции была для Германии важнейшей целью всякой системы. Подчеркиваем, что сейчас речь идет о таких комбинациях, которые связаны были с радикальным изменением политической системы Бисмарка и должны были бы привести в первом случае к разрыву с Австрией, во втором — с Россией. Совершенно ясно, что первая комбинация практически исключалась всей международной обстановкой, в которой происходило национальное объединение Германии. Наоборот, вторая комбинация была весьма возможна и как будто сама напрашивалась ходом исторического развития. Она была предметом настойчивых желаний венгров в Австро-Венгрии, мечтавших о том, чтобы при помощи союза двух держав вбить осиновый кол в традиционную русско-прусскую дружбу и навсегда связать Германию с Австро-Венгрией. Заметим мимоходом, что политическая система, действительно осуществленная Бисмарком, была близка ко второй комбинации, ибо фундамент всей системы Бисмарка 80-х годов, австро-германский союз, всегда имел тенденцию стать в максимально хорошие отношения к Англии вследствие того, что сила, его скреплявшая, австро-русский антагонизм, толкала

его на сближение с Англией, такой же соперницей России в восточной части Балкан, какой Австрия была в западной.

Едва ли подлежит сомнению, что, если бы Англия силою обстоятельств принуждена была бы принимать на континенте более заметное участие, чем то, которое диктовалось ей ее счастливым островным положением,— политика Бисмарка была бы иной. В фактической обстановке Бисмарк, однако, не нашел возможным порывать связь с Россией, и поэтому австро-германский союз нуждался в дополнении, которое гарантировало ему и дружбу России и полную политическую изоляцию Франции. Так как в 70-х годах у Англии и Германии не было никаких оснований ни для вражды, ни для дружбы, а в 80-х годах, с переходом Германии к колониальной политике, появились скорее первые, чем вторые, то дружба с Англией для Германии оказалась возможной только через Австрию.

Поддерживая балканскую политику своего союзника, Бисмарк готов был оказывать вместе с тем и некоторые услуги Англии, но эти услуги имели границу, определяемую его отношениями к России, и практически редко выходили за границы осторожного сочувствия австро-английской дружбе, сочувствия, приправленного постоянным напоминанием Австрии о том, что во всяком выступлении против России Англия должна идти на корпус впереди Австрии, ибо балканская политика России затрагивает Англию более непосредственно, чем Австрию. Такая политика Бисмарка была единственно возможной и разумной с точки зрения тех интересов, представителем которых он был, и после того, как все его попытки втянуть Англию в более активную политику на континенте не имели успеха. Вышесказанное определяет наше отношение к тем попыткам, которые делались в последнее время и в политической и в исторической литературе, к попыткам показать, что Бисмарк не только был готов, но и всячески стремился к радикальной перемене своей политики, к разрыву с Россией и к полному осуществлению той комбинации, о которой мечтали венгры: к системе Англия — Германия — Австрия против России (само собою разумеется, и против Франции). В какой мере верны такие утверждения?

Вступая в область неосуществившихся возможностей, историк стоит перед соблазном более или менее фантастических построений. В особенности легко они создаются в сфере внешней политики, где политик-практик, как бы ни был он талантлив и предусмотрителен, может строить только самые общие расчеты и, делая первый шаг, не знает наверняка, что за ним последует. Основные линии политики ясны, и то не всегда, лишь историку, исследующему много времени спустя после того, как события совершились. Самый же процесс создания этих основных линий предугадываем с той степенью ясности, которая может иметь для политика практическое значение, лишь с большим трудом. Это своеобразие работы дипломата создало особый

метод, при помощи которого он старается получить ключ к пониманию обстановки. Это так называемое «зондирование» — термин, хорошо знакомый каждому дипломату. Виды зондирования чрезвычайно разнообразны и предназначены не только для того, чтобы узнать, на каких условиях возможно то или иное соглашение, но гораздо чаще для того, чтобы вынудить другую сторону на откровенность и получить сведения о фактах, необходимых политику для ориентировки. Поэтому, чтобы знать истинное значение этих нащупываний, историк должен иметь сведения о действительных намерениях руководителей политики. Вот этих сведений у нас нет, когда мы имеем дело с политикой Бисмарка. Он был единственным центром внешней политики Германии, мозгом огромной системы; он не нуждался в советах и не терпел возражений. Своим агентам он давал задание и вводил их в свои планы лишь постольку, поскольку это нужно было для точного выполнения его задания, не больше. Что же касается способов, при помощи которых он «щупал» своих противников на дипломатическом поле брани, то тут он едва ли имел себе равных. Поэтому ко всякому политическому шагу Бисмарка и ко всякому его заявлению приходится относиться с особой осторожностью. Раз мы не знаем и не можем знать его намерений в каждом данном случае, единственное средство правильно судить о них — это истолковывать их, принимая во внимание общую международную ситуацию в данный момент и общие линии его политики, которые у него, как у гениального политика, довольно точно отражали объективные соотношения сил, определяемые им с точки зрения широко понятых интересов его класса.

Мы можем теперь формулировать проблему об одном из возможных направлений политики Бисмарка, а именно: Англия — Австрия — Германия против России.

Проблема заключается совсем не в том, чтобы показать, почему эта комбинация оказалась невозможной. Это ясно и из документов и из объективной обстановки: причина — отказ Англии от активной политики на континенте. Сущность задачи сводится к тому, чтобы определить, в какой мере намерения Бисмарка заключить союз с Англией могли быть серьезными даже в тех случаях, когда его предложения союза Англии являются фактом, и какой смысл могли иметь эти предложения.

Быть может, на эти вопросы не стоило бы отвечать, так как, были или не были серьезными эти намерения, результат получился все равно отрицательный. Но это необходимо сделать, во-первых, для того, чтобы правильно судить о политике Бисмарка в эпоху балканского кризиса 1875—1877 гг., в особенности о русской стороне этой политики. Во-вторых, вопрос об английской политике Бисмарка превратился в Германии после войны в крупную проблему и получил значение в связи с общей оценкой политического наследства Бисмарка в сравнении с

политикой «нового курса». Ошибку «нового курса» видели в том, что его политика беспомощно колебалась между двумя колоссами, Англией и Россией, не сумев связать себя ни с одним из них, в результате чего и произошли политическая изоляция австро-германского союза и «окружение» Германии. Сторонники и западной и восточной ориентации германской политики подкрепляли себя ссылками «на Бисмарка».

Уже первый страстный обвинитель политики Вильгельма II, бывший секретарь германского посольства в Лондоне барон Эккардштейн, посаженный старым правительством за свои разоблачения в психиатрическую больницу [1], доказывал, что сближение с Англией было одним из основных пунктов политических завещаний Бисмарка, не исполненным его бездарными преемниками. Главный интерес брошюры Эккардштейна, а затем его мемуаров, лежал в разоблачениях, касающихся политики Гольштейна, отказавшегося в конце 90-х годов от соглашения, которое предлагало Германии английское правительство. Но Эккардштейн пустил в обращение также немало новых фактов, касающихся политики Бисмарка. Он утверждал, что Бисмарк всегда стремился к союзу с Англией, не раз пробовал заключить с ней союз, и лишь нежелание этой последней заставило его, за отсутствием лучшего, держаться России. Данные, опубликованные Эккардштейном, произвели огромное впечатление на немецкую публику, еще не привыкшую в то время к нарушению дипломатических тайн. Без кригической проверки они были приняты и некоторыми историками (Рахфаль [2]). Лишь публикация «Die Grosse Politik» внесла первые сомнения относительно достоверности сообщенных Эккардштейном фактов, из которых не все были подтверждены документально. Критический разбор новых данных был проделан Ротфельсом в его работе, посвященной английской политике Бисмарка. Ротфельс привлек, кроме этого, архивный материал. Выводы его таковы, что серьезные попытки Бисмарка войти в союзные отношения с Англией относятся только к концу 70-х и к 80-м годам, но по обе стороны канала существовали основания для некоторой сдержанности, и в результате все попытки окончились неудачей [3].

Проверка всех этих фактов необходима для всякого, изучающего историю русско-германских отношений, в особенности фактов, относящихся к 70-м годам, ибо в это время для Бисмарка вопрос мог быть поставлен только в виде дилеммы: идти ли Германии с Россией или с Англией и в последнем случае обя-

[1] См. *Ph. Scheidemann*. Der Zusammenbruch. Berlin, 1921, S. 61 (русск. пер.: *Ф. Шейдеман*. Крушение Германской империи. М.— Пг., 1923, стр. 95); *H. Eckardstein*. Lebenserinnerungen und Politische Denkwürdigkeiten, Bd. I—III. Leipzig, 1919—1921.

[2] См. *F. Rachfahl*. Bismarcks englische Bündnispolitik. Freiburg, 1922; *idem*. Deutschland und die Weltpolitik, 1871—1914, Bd I. Stuttgart, 1923.

[3] *H. Rothfels*. Bismarcks englische Bündnispolitik. Berlin und Leipzig, 1924 S. 125—126.

зательно против России (и конечно, и при всяких условиях с Австрией,— но это само собой разумеется). Эккардштейн, ссылаясь на Мюнстера, бывшего германского посла в Лондоне, рассказывает, что в декабре 1875 г. Бисмарк отправил в Лондон Лотара Бухера с поручением нащупать почву насчет соглашения с Англией. Факт этот до сих пор не нашел документального подтверждения; единственный источник этого утверждения — письмо Мюнстера — относится к гораздо более позднему времени, к 14 декабря 1898 г. Даже если считать миссию Л. Бухера в Лондон несомненной, содержание ее остается неизвестным. Эккардштейн склонен толковать некоторые весьма неопределенные выражения письма Мюнстера в том смысле, что Бисмарк добивался соглашения по экономическим и колониальным делам, но англичане не пошли ему навстречу. Рахфаль сделал отсюда вывод, что у Бисмарка был «гениально смелый» план: порвать с Россией и войти в соглашение с Англией, результатом которого было бы развитие колониального могущества Германии [4]. Для таких утверждений нет никаких оснований. Хотя в это время Бисмарк уже начинал интересоваться колониями, он обнаруживал в этом вопросе еще большую сдержанность [5], да и момент для соглашения с Англией нельзя было выбрать более неудачно: не так давно, во время «тревоги 1875 г.», английское правительство было настроено против Германии. Начавшийся кризис на Балканах мог быть более серьезным основанием для переговоров, если только они действительно имели место [6]. Но все это относится к области гаданий.

Второй случай, когда Бисмарк будто бы предложил Англии союз, относится к 1876—1877 гг. Эккардштейн упоминает о нем мельком. Утверждения идут с английской стороны, от английского посла в Берлине Одо Рассела, но до нас показания Рассела дошли косвенным путем, в передаче английского посла в Париже Лайонса [7]. 3 января 1876 г. Рассел имел беседу с Бисмарком, и у него осталось впечатление, что канцлер готовится к разрыву с Россией и склонен думать, что Англия, как показала «тревога 1875 г.» и скупка англичанами акций Суэцкого канала, имеет и желание и средства, чтобы играть крупную роль в европейской политике. Так как в случае конфликта между Россией и Германией обязательно вмешается Франция, то английский флот не может оставаться нейтральным, а должен стать на сторону Германии. Взамен этого Германия предлагает Англии помощь в восточных делах против России. Последнее, думал Рассел, скорее всего позволит Германии поссорить Англию с Россией.

[4] *F. Rachfahl*. Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 7; *idem*. Deutschland und die Weltpolitik, Bd. I, S. 84.

[5] *M. Hagen*. Bismarcks Kolonialpolitik, S. 65—67.

[6] *H. Rothfels*. Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 25.

[7] Lord *Newton*. Lord Lyons, vol. II. London, 1913, p. 96.

Приведенные заявления Рассела свидетельствуют лишь о том, что они неточно переданы, или среди английских дипломатов были люди не очень осведомленные и не очень ловкие. Совершенно непонятно, из-за чего хлопотал Бисмарк. Ведь из заявлений Рассела с совершенной очевидностью вытекает, что Бисмарк готов был добровольно взять на себя ту малопочетную, но традиционную роль дурака на континенте, который своими боками отстаивает английские интересы, ибо попасть в перепалку с русскими он мог только из-за балканских дел, в которых, по его глубокому убеждению, Германия абсолютно не была заинтересована. О разговоре Бисмарка с Расселом 3 января 1876 г. есть, правда, тоже косвенное показание в документах «Die Grosse Politik». Там говорится, что Бисмарк имел разговор с английским послом касательно позиции держав в турецком вопросе. Его намерением было вызвать обмен мнений и «таким способом сблизиться с лордом Дерби».

Есть еще одно выражение, которое можно было бы при большой фантазии истолковать как намек на предложение союза. Канцлер выразил свое глубокое убеждение, что для англичан, которые sua bona si norint, наибольший интерес на континенте заключается в существовании могущественной и мирной Германии, с которой они должны поддерживать наилучшие отношения. Вот и все. Ни о каком предложении союза нет и речи. А между тем документ этот имеет официальное значение и представляет собой передачу разговора, предназначенную для осведомления германского посла в Лондоне Мюнстера. Основное содержание разговора все время вращается вокруг балканского вопроса, и только здесь можно найти разгадку его истинного значения. Рассел заметил Бисмарку, что англичане не будут возражать против оккупации или даже аннексии Боснии и Герцеговины Австрией. «При этом,— говорится дальше,— было между прочим упомянуто», что, если Австрия, несмотря на протесты венгров, пойдет на аннексию, Россия в качестве компенсации будет стараться возвратить себе Бессарабию, и Румыния вследствие этого потеряет устья Дуная. Был затронут также и вопрос об отношении Англии к Египту [8]. Не может быть сомнения, кем это «было упомянуто». Выражение о Горчакове [9], вставленное в текст этих размышлений о компенсациях, ссылка на то, что от потери устьев Дуная Германия теряет больше, чем Англия, изобличают приемы Бисмарка.

Два дня спустя, 5 января, Бисмарк развивал тот же план компенсации русскому послу Убри [10] и затем много раз возвращался к нему в течение этого года — факт, свидетельствующий о том, что в данном случае дело шло о международной комбинации, которая казалась ему почему-то важной [11]. Нетрудно догадаться почему. Нужно только удивляться тому, что Рахфаль, и на этот раз в согласии с версией Рассела, усмотрел в этом разговоре попытку Бисмарка договориться с Англией за счет России [12]. Руководители английской политики оказались проницательнее и Рассела и Рахфаля. Биконсфильд, который был очень далек от подозрительности по отношению к Бисмарку, весьма свойственной лорду Дерби, тем не менее отклонил и присоединение к Берлинскому меморандуму и весь план компенсаций, заявив, что положение Англии в Египте окажется невозможным, если русские двинутся по направлению к Константинополю. Следовательно, он не усмотрел в словах Бисмарка готовности соглашения за счет России.

Разгадку всего следует искать в пресловутом плане компенсаций, к которому подозрительно отнесся Дерби и который дал Горчакову повод назвать Бисмарка дьяволом-искусителем [13]. Никаких «гениально смелых» планов в сторону новой ориентировки германской политики здесь не было. Наоборот, с лисьей хитростью и ловкостью Бисмарк упорно шел к тому, чтобы дипломатически создать своим «друзьям», русским, легкую дорожку к Константинополю. Подготовить им путь к «победе» (кто же сомневался, что русские поколотят турок, если будут драться с ними один на один), которая их надолго ослабит и экономически и политически,— этот план действительно был в такой же мере прост, как и гениален. И «друзьям» угодить и себя не забыть, или, как он выражался в более торжественном тоне: «Открыть свободный путь царю Александру и обеспечить мир остальной Европе» [14],— такова была задача Бисмарка, которая в случае удачи сулила Германии гегемонию на континенте.

Только с точки зрения этой общей задачи и всегда в связи с ней можно рассматривать посулы Бисмарка Англии. Заинтересовать ее в мире за счет Турции и обеспечить России нейтралитет Англии на случай столь желательной для него русско-турецкой войны — таковы были цели, достойные мастера дипло-

[8] Бюлов писал («Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. II, 3, Aufl. Berlin, 1926, N 227, S. 31): «Ich füge noch ergebenst hinzu, dass das Gespräch sich auch auf Englands Stellung zu Ägypten gelenkt hatte». Ротфельс (*H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 28) неправильно цитирует это место, списав его у Рахфаля (см. *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, Bd. I, S. 87).

[9] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 227, S. 30: «Fürst Gortschakow, um seinen Ruhm als Wiederhersteller des im Pariser Frieden Eingebüssten vollständig zu machen, vielleicht daran denken könnte, das damals abgetretene Stück von Bessarabien zurückzugewinnen, und dass dadurch Rumänien die Donaumündungen verlieren würde...»

[10] *С. Горяинов.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, стр. 287—288.

[11] «Die Grosse Politik...», Bd. II, S. 69, 73—75, 105, 153—154.

[12] *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, Bd. I, S. 87.

[13] *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, Bd. I, S. 32; *С. Горяинов.* Босфор и Дарданеллы, стр. 248.

[14] *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, Bd. I, S. 181.

матического искусства. И когда эти цели были достигнуты, заигрывания с Англией прекратились [15].

Мы не будем пока рассматривать другие случаи, которые могли бы быть истолкованы как желание Бисмарка объединиться с Англией и против России. Один из них, относящийся к 1879 г. и падающий на время начальных переговоров о восстановлении союза трех императоров, представляет для нас выдающийся интерес как раз в силу этого совпадения, и о нем будет достаточно говорено в своем месте.

Предшествующий анализ нам был необходим лишь для того, чтобы показать, что в политике Бисмарка 70-х годов до Берлинского конгресса Англия играла второстепенную роль, имела значение вспомогательного фактора, центром же внимания Бисмарка были Австрия и Россия и их взаимоотношения на Востоке, переживавшие новый и опасный кризис.

Отношения Германии к Австрии и России, к двум ее континентальным соседям,— к Австрии, потому что Бисмарк считал необходимым тесный союз с ней, к России, потому что он не считал возможным допускать превращение России во врага Германии,— имели для Бисмарка первостепенное значение не только в эпоху нового кризиса на Балканах. Важно отметить, что, как бы ни было спокойно время непосредственно после франко-прусской войны, политические комбинации германского канцлера уже пошли по той линии, которая впоследствии в более ясной и точной формулировке легла в основание его системы союзов в 80-е годы: сближение с Австрией при обязательном сохранении дружественных отношений к России [16]. Союз трех императоров, начатый свиданием трех монархов в 1872 г. и оформленный в 1873 г. [17], несмотря на всю неопределенность целей, положенных в его основу, имел в своей основе соперничество между Австрией и Россией из-за дружбы с Германией. Первая хотела войти клином между Россией и Германией и оттеснить Россию, вторая, боясь этого со стороны Австрии, взывала к солидарности трех императоров на благородном поприще заботы о всеобщем мире в Европе. Бисмарк пожинал плоды этого соревнования, стараясь лишь об одном, чтобы ни та, ни другая из его соседок не увлекла его исключительно на свою сторону. Историк союза двух держав Эдуард Геллер едва ли прав, считая, что Дунайская монархия была для Бисмарка в начале 70-х годов не больше как одной из пешек на шахматной доске европейской политики, наравне с Россией и Англией [18]. Какое

[15] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 41.

[16] Эту мысль мы находим у Бисмарка уже в 1867 г. Графу Тауфкирхену он сказал, что считает возможным союз с Австрией, предусматривающий турецкие дела, но при условии, что в эту комбинацию будет включена и Россия.— Das Staatsarchiv, Bd. XXX. Hamburg, 1877, S. 56.

[17] «Die Grosse Politik...», Bd. I. Berlin, 1926, S. 197—209.

[18] *Ed. Heller.* Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis in Bismarcks Aussenpolitik. Berlin, 1925, S. 4.

место должна занять каждая из двух его союзниц в системе трех и в отношении их к Германии, было давно ему понятно. В начале 70-х годов о восточном вопросе, казалось, забыли. Не было еще нужды точно распределять роли союзниц. Тем не менее в потенции восточный вопрос уже был решен Бисмарком в том смысле, который в ближайшем будущем будет понят одним из его союзников как предпочтение, оказанное им другому. Бисмарк считал, что если бы Австрия намеревалась округлить свои владения со стороны Боснии и Герцеговины, то в этом он не усмотрел бы ничего удивительного. Такое округление не только естественно, но и желательно [19].

Из опыта 1875 г. (военная тревога) Бисмарк вынес для себя поучение, что всякий намек на новое кровопускание по отношению к Франции вызывает опасения Англии и России и может повести к наименее желательной для него комбинации англо-франко-русского сближения. Непосредственно опасна была для него и франко-русская кооперация. Поэтому даже в том случае, если бы Германии не нужны были новые войны — а «сытая Германия» («saturiertes Deutschland») в них, по мнению Бисмарка, действительно не нуждалась,— ослабление сил России, как наиболее опасного члена возможных антигерманских коалиций, и отклонение ее внимания в сторону от франко-германских отношений лежало целиком в интересах политики Бисмарка. 13 августа 1875 г. он указывал своему императору, что было бы полезно, чтобы общественное внимание и политика других держав на известное время отвлеклись в сторону от франко-германского вопроса [20]. А какое значение придавал он восточному вопросу в русско-германских отношениях, свидетельствует одно его замечание Луциусу фон Балльгаузену в марте 1884 г. Он, Бисмарк, долгие годы напрягал свои силы и внимание, чтобы избежать конфликта с Россией, и лишь после того, как прорыв турецкой плотины понизил высокое давление вод, он почувствовал себя легче в этом отношении [21].

Но значение восточного кризиса 1875—1878 гг. было не только в этом. Он был тем двигателем, при помощи которого взаимоотношения европейских держав сложились в желательном для Бисмарка смысле. Кризис заставил его точно формулировать отношения к его двум союзникам, наполнить определенным содержанием уже существующие, но пока еще не до конца ясные очертания этих отношений и поставить их на почву формальных союзных отношений. Балканский кризис был исходным моментом для всей его системы союзов в 80-е годы.

[19] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, Bd. II. Stuttgart, 1913, S. 31.

[20] *O. Bismarck.* Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen, Bd. I. Stuttgart und Berlin, 1901, S. 260.

[21] *Lucius von Ballhausen.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart und Berlin, 1921, S. 286.

Глава третья

«Великий выбор»?

Положение Германии среди европейских держав Бисмарк охарактеризовал однажды так: «Эльзас-Лотарингия и Балканы являются двумя фокусами всех мыслимых европейских осложнений» [1].

Положение Германии в случае таких осложнений имеет и свои недостатки и свои преимущества. Недостатки вытекают из ее географического положения в центре Европы, среди соревнующихся великих держав, но это же географическое положение ее имеет и преимущества, заключающиеся в том, что «будущие комбинации в самом опасном пункте европейской политики, в восточном, затронут Германию позже, чем державы, более непосредственно заинтересованные в Средиземном море и на Востоке» [2]. Эти державы: Австрия, Англия и Россия. Их взаимоотношения на Востоке являются поэтому предметом самого тщательного и напряженного внимания Бисмарка. Он прекрасно понимал, что позиция Германии в восточном вопросе всегда найдет свое отражение в отношении этих трех держав к Германии. В разгар нового кризиса на Балканах, в 1876 г., Бисмарк писал: «То обстоятельство, что мы из-за восточных неурядиц легко можем попасть на долгое время в плохие отношения с Англией, еще легче с Австрией и, наконец, в особенности легко с Россией, имеет для будущего Германии бесконечно большее значение, чем отношения Турции к ее подданным или другим державам» [3].

Градация опасности, установленная здесь Бисмарком, не случайна. Англия была далека, Австрию уже в это время Бисмарк начинал считать своей будущей союзницей, но именно это обстоятельство делало особенно опасным разлад Германии с Россией из-за восточного вопроса. Против России, в качестве силы, враждебной к Германии, в Европе нельзя было найти противовеса при создавшейся после 1870 г международной обстановке. Некоторой компенсацией могла бы быть дружба с Англией, и такая компенсация была неизбежным условием, при котором вообще можно

[1] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. VI. Berlin, 1926, S. 76

[2] *H. Hofmann*. Fürst Bismarck 1890—1898, Bd. I. Stuttgart und Berlin, 1922, S. 165.

[3] «Die Grosse Politik...», Bd. II. Berlin, 1926, S. 64.

было бы отважиться на политику, направленную против России, но, как мы видели в предшествующем разделе, Англия обнаруживала мало охоты идти на серьезные обязательства на континенте и связывать себя договорами, довольствуясь той формой политики, быть может менее прибыльной, зато безопасной, о которой так хорошо сказал сам Бисмарк: «Политика Англии заключается в том, чтобы бить своих морских противников своими сухопутными союзниками». Этот остроумный прием англичан был предметом постоянных забот Бисмарка и постоянных наставлений, читаемых им менее ловкому и талантливому австрийскому союзнику, на ту тему, что Австрия должна зорко смотреть за тем, чтобы не оказаться в роли «таскающего каштаны из огня» для Англии. В 1870 г. Бисмарк сказал: «До тех пор пока наши отношения к Австрии не поставлены на лучшую и более прочную основу, до тех пор пока в Англии не возобладало убеждение, что своего единственного и наиболее надежного союзника на континенте она может найти только в Германии,— наибольшую цену для нас представляют добрые отношения с Россией» [4].

«Тревога 1875 г.» и восточный вопрос 1875—1878 гг. не только остро поставили проблемы отношения Германии к этим трем державам, но и ускорили ответ, потенциально скрытый в обстоятельствах рождения германско-прусской империи. В 1875 г. в России, «кажется» (так писал Бисмарк), догадывались, что существует предел, дальше которого интересы ее не допускают уменьшения французского влияния в Европе. Эта догадка испортила много крови Бисмарку. 1876 год в самом начале своем дал ему крепкое убеждение и в другом факте: Англия не желала принимать на себя никаких обязательств на континенте. Таким образом, восточный вопрос уже в 1876 г. стал перед Бисмарком своей, так сказать, восточной стороной по преимуществу. В центре его для Бисмарка оказались взаимоотношения между Австрией и Россией и их отношение к Германии, причем, решая политическую задачу, которую ставила ему история, Бисмарк должен был постоянно считаться с тем, что Англия на континенте могла играть лишь «вспомогательную» роль.

Как решил эту трудную задачу Бисмарк? И до и после Берлинского конгресса его политика, основанная по-прежнему на принципе сохранения австрийской монархии, сводилась к тому, чтобы при помощи «дружеских услуг» ослабить своего наиболее сильного и наименее надежного союзника, Россию, «естественную» союзницу Франции. Это достигалось поддержкой активной русской политики на Балканах. До Берлинского конгресса Бисмарк старается дипломатическим путем устранить все препятствия к русскому «победоносному» маршу на Константинополь и ослабить Россию материально. После конгресса поддержка русской политики на Балканах становится для него средством ос-

[4] Ibid., S. 19.

лабления международной позиции России в Европе. Но если бы Россия снова оказалась достаточно сильной и не в меру беспокойной, то почему бы и не повторить еще раз опыт с русскими «победами», опыт, так блестяще оправданный примером 1877—1878 гг.; почему бы снова не оказать русским дружескую услугу?!

Мы увидим дальше, что Бисмарк не жалел усилий, чтобы и в 80-х годах активизировать русскую политику на Балканах, и если это ему не удавалось в той мере, в какой ему было желательно, то в этом была не его вина. Чем больше было шуму на Балканах, тем тише в Европе, тем смирнее была Россия. Активная политика России на Балканах была, с точки зрения Бисмарка, источником ее слабости. Именно в этом лежит смысл заявлений Бисмарка, что Германия ничего не имеет против того, чтобы русские захватили Константинополь. Само собой разумеется, что поддержка, которую готов был оказывать Бисмарк своим друзьям, русским, не была бесплатной. Кроме России существовала Австрия, и эта Австрия, по мнению Бисмарка, должна была иметь интересы на Балканах и должна была стать союзницей Германии. Отсюда правило Бисмарка, которое он не раз принимался вкладывать в голову своим русским друзьям: он готов дипломатически поддерживать на Балканах все мероприятия, относительно которых австрийцы договорятся с русскими.

Но самая пикантность дружбы Бисмарка по отношению к русским заключалась в том, что русские абсолютно не могли ни к чему придраться. Поскольку дело шло о том, чтобы предупредить вмешательство держав в русско-турецкую распрю и рассеять тяжелые воспоминания Севастопольской кампании, дипломатическое искусство канцлера было целиком к их услугам.

Итак, восточный вопрос сводился для Бисмарка к вопросу об отношениях Германии к Австрии и России в тот момент, когда на очереди снова стоял восточный кризис. Теоретически для него возможно было несколько решений. Можно было пренебречь интересами одного из своих союзников в пользу другого. Но он не считал возможным союз только с Россией. Такое решение исключалось всем предшествующим ходом истории Средней Европы. Это обстоятельство было настолько очевидно для Бисмарка, что на русский запрос, сделанный через германского военного агента, генерала Вердера, как будет вести себя Германия в случае войны России с Австрией,— русские выражали надежду на то, что Германия будет соблюдать в отношении России такой же благожелательный нейтралитет, как и Россия в 1870 г.[5],— Бисмарку пришлось лишь повторить то, что он сказал накануне этого (29 сентября 1876 г.) князю Гогенлоэ, как бы предвосхищая русский запрос[6]. «Россия станет для нас опасной, если Австрия погибнет». Эти слова в переводе на учтиво-дипломатический язык звучали в ответе на запрос генерала Вердера так: «Германия может допустить, чтобы ее союзники выигрывали или проигрывали сражения, но сохранение и той и другой союзницы как великой державы является для Германии политической необходимостью»[7]. Но и такой ответ Бисмарк дал не сразу. Сначала он постарался просто увильнуть от всякого ответа и излил весь свой гнев на неудачного дипломата, генерала Вердера, позволившего так глупо использовать себя в качестве орудия «горчаковской интриги»[8]. Лишь через две недели он дал Швейницу инструкцию, заключавшую в себе ответ, приведенный выше.

Таким образом, и в 1876 г. на вопрос о выборе между Россией и Австрией в смысле горчаковского запроса у Бисмарка был вполне определенный и давно заготовленный ответ: Германия не могла допустить разгрома Австрии[9]. Был ли ответ Бисмарка, переданный русскому правительству через Швейница, основан на справедливом равенстве в отношении его к обоим союзникам, или он скрывал в себе предпочтение, оказанное Австрии,— вопрос в конце концов второстепенный. Для нас совершенно ясно, что проблема политики Германии по отношению к кризису на Балканах решалась Бисмарком при непременном условии сохранения Австрии как великой державы. Что именно в этом лежал для него центр тяжести всего балканского вопроса, свидетельствует его застольная речь, произнесенная незадолго до его знаменитой речи в рейхстаге 6 декабря 1876 г. Если в рейхстаге он подчеркивал свою дружбу с Россией и предостерегал каждого из «друзей» Германии от желания использовать ее друг против друга, то в застольной речи ударение было поставлено на своем

[5] Телеграмма Вердера из Ливадии от 1 октября 1876 г. («Die Grosse Politik...», Bd. II, N 239, S. 53).

[6] *Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst.* Denkwürdigkeiten, Bd. II. Stuttgart, 1908, S. 202.

[7] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II. Stuttgart, 1898, S. 214.

[8] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 240, S. 54. «Die Frage ist ebenso dreist wie unzeitig, intrigue cousue de fil blanc». См. подробный анализ: *Ed. Heller.* Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis in Bismarcks Aussenpolitik. Berlin, 1925, S. 16.

[9] Утверждение Э. Геллера (*Ed. Heller.* Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis..., S. 15), что еще 28 сентября Бисмарк готов был в случае австро-русской войны соблюдать благожелательный к России нейтралитет, а 29 сентября стал на противоположную точку зрения, и, таким образом, «innerhalb 24 Stunden seine Ansicht grundlegend geändert hat»,— сплошная нелепость, объясняющаяся тем, что автор вникает не в смысл событий, а в содержание слов, вращаясь все время в ограниченном круге документов. Заявление Бисмарка князю Гогенлоэ от 28 сентября гласит: «Was wir tun, wenn Russland und Oesterreich in Krieg geraten, darüber brauchen wir uns noch nicht schlüssig zu machen. Russland gegenüber handeln wir, wie Russland uns gegenüber gehandelt hat» (*Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst.* Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 201). Толковать слова в смысле благожелательного к России нейтралитета в случае нападения последней на Австрию нет никаких оснований. Смысл их едва ли даже и относился к войне между Россией и Австрией. Об этой возможности «brauchen wir uns noch nicht schlüssig zu machen». Все документы «Die Grosse Politik» (Bd. II, N 240—242) говорят, что запрос Вердера был неожиданностью для Бисмарка и что все его рассуждения о политике Германии в отношении России касаются возможной русско-турецкой войны.

месте. «Если бы неприкосновенности Австро-Венгрии грозила опасность, Германия была бы принуждена вступиться за нее, так как Германия не может допустить, чтобы Австро-Венгрия была поражена насмерть. Неприкосновенность и бытие Австро-Венгрии есть необходимость не только с точки зрения европейского равновесия, но и с точки зрения симпатий и традиций немецкой нации. Одной Венгрии было бы недостаточно, чтобы восполнить собой исторически необходимое место, занимаемое монархией в семье европейских государств» [10].

Позиция Бисмарка в отношении Австро-Венгрии была бы ясна, если бы не некоторые его замечания, связанные с той самой инструкцией Швейницу, в которой Бисмарк дал, казалось бы, недвусмысленный ответ русскому правительству на заданный им через генерала Вердера вопрос. Дело идет о том утверждении Бисмарка, которое он любил повторять русским дипломатам после Берлинского конгресса, что в 1876 г. он готов был идти с русскими в огонь и воду («durch dick und dünn»), но что Горчаков отклонил это предложение [11]. Императору Вильгельму I он рассказывал позже об этом событии несколько более осторожно [12]. Он пробовал-де, зондировать Горчакова насчет договора, которым Германия обязывалась бы оказать России более существенную поддержку на Востоке, получив от России в виде компенсации гарантию Эльзас-Лотарингии. Горчаков будто бы с самого начала отклонил это предложение.

Ни сохранившаяся инструкция Швейницу от 23 октября 1876 г. [13], ни мемуары Бисмарка не говорят ни слова об этом предложении. Из письма графа Герберта Бисмарка его брату Вильгельму [14] следует, что Бисмарк дал Швейницу во время пребывания последнего в Варцине 11—13 октября 1876 г. словесное поручение затронуть в разговоре с Горчаковым вопрос о союзном и гарантийном договоре. Все это очень неопределенно. Что значит это выражение «durch dick und dünn»? Значит ли это, что Бисмарк готов был даже допустить разгром Австрии, как это могло бы следовать из всего эпизода с запросом генерала Вердера, к которому инструкция Швейница имела непосредственное отношение, или, может быть, дело шло лишь о более активной поддержке русской политики на Востоке, что, в конечном счете, не могло осуществиться без ущерба для интересов той же Австрии на Балканах? Свидетельство Швейница должно быть последним источником для ответа на эти вопросы, ибо содержание словесных инструкций, о которых упоминает

---

[10] *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. II. Stuttgart, 1913, S. 367.

[11] См. «Русско-германские отношения. 1873—1914».— «Красный архив», т. I. M., 1922, стр. 72; «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 251, 252, Bem., S. 80—81; Bd. III. Berlin, 1926, N 455.

[12] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 455.

[13] «Die Grosse Politik..», Bd. II, N 251.

[14] Ibid., S. 81, Bem.

Герберт Бисмарк, могло быть известно только ему одному. Швейниц дважды высказывался по этому поводу: один раз в 1896 г., в связи с известными разоблачениями Бисмарка в «Hamburger Nachrichten» относительно «союза перестраховки» [15], в другой раз в своих недавно опубликованных мемуарах [16]. Более полным и подробным является первое показание, проникнутое некоторой долей негодования на Бисмарка, разоблачившего в пылу полемики государственную тайну. Надо заметить, что и заметка и мемуары Швейница, этого среднего дипломата, устойчивого в любви и ненависти, в симпатиях и антипатиях политика и попросту добродетельного человека, проникнуты прочными симпатиями к официальной России, с которой он был в течение долгого времени связан (как германский посол он прожил в России с 1876 до 1892 г.). Он сам сказал однажды Бисмарку, что его личные отношения к Александру II не позволяют ему обманывать царя, на что последовал сердитый ответ: «В таком случае Вы вообще не можете быть послом» [17]. Для нас его показания приобретают тем больший интерес, что в довольно бесхитростном рассказе явно проступает оценка автором его всего эпизода, оценка, имеющая для нас не меньшее значение, чем факты, им сообщаемые. Невольно напрашивается мысль, что мы имеем дело с тонко задуманной интригой, которая по какой-то причине не имела конца.

Вот что рассказывает Швейниц в своей заметке 1896 г.: «Осенью 1876 г. Александр II был, как известно, принужден против своей воли выступить изолированно против Турции. Фельдмаршал Мантейфель передал ему в Варшаве письмо императора Вильгельма и присоединил к его содержанию словесные заявления (Ergiessungen!), которые укрепили в царе убеждение, что он может рассчитывать на услуги с нашей стороны в ответ на русские услуги 1870 г. в смысле благодарственной телеграммы из Версаля. Вскоре после этого царь сказал об этом генералу Вердеру в Ливадии и уполномочил его написать императору Вильгельму, что он, царь, питает крепкую уверенность в том, что Германия в случае, если того потребуют обстоятельства, так же изолирует Австрию, как и он в 1870 г. Бисмарк резко порицал Вердера за то, что тот взялся исполнить такое поручение, и приказал мне прервать мое пребывание в отпуску в Рейнгартсвальде и явиться к нему в Варцин. Здесь он излил передо мной свой гнев на Вердера. Он утверждал, что между нападением на нас Франции и позицией Австро-Венгрии в отношении Балканского вопроса нет никакой аналогии, и уполномочил меня немедленно же отправиться в Крым,

---

[15] *V. Valentin.* Neues über die Vorgeschichte des Rückversichtigungsvertrags. Eine Aufzeichnung des Botschafters General v. Schweinitz.— «Zeitschrift für Politik», Bd. XII. Berlin, 1923.

[16] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten, Bd. I—II. Berlin, 1927.

[17] Ibid., Bd. I, S. IX.

чтобы рассеять иллюзии императора Александра. При этом князь мне сказал, что он вполне допускает, чтобы мы, если бы можно было положиться на Горчакова и если бы Россия предложила нам соответствующие выгоды, пошли с ней и в огонь и в воду («durch dick und dünn»). На мой вопрос, что может дать нам Россия взамен, канцлер ответил: «Например, гарантию Эльзас-Лотарингии»».

Дальше Швейниц рассказывает, что проездом через Берлин в Россию он получил от императора Вильгельма пространную инструкцию, одобренную канцлером, в которой он нашел запрещение давать какие-либо заверения, имеющие форму договора[18]. В силу этого он не нашел возможным дать ход идее Бисмарка насчет соглашения «durch dick und dünn» с Россией в обмен за гарантию Эльзас-Лотарингии, но он все же счел своим долгом сказать Горчакову, что Германия охотно пошла бы на договор с целью гарантировать свои завоевания. Горчаков ответил, что это принесет Германии мало пользы. «В наше время,— сказал он,— трактаты имеют небольшую цену» [19].

Позже царь упрекал Швейница за то, что он не довел до его, царя, сведения об этом деле. Бисмарк сказал Петру Шувалову во время одного из визитов последнего в Фридрихсруэ, что Швейниц был уполномочен обещать России безусловное содействие Германии, если бы русские дали упомянутую выше гарантию. Шувалов рассказал об этом царю и вызвал этим у царя неблагожелательство к Швейницу. Шувалов расспрашивал об этом Швейница лично, и, кроме этого, Швейниц получил от Бисмарка резкий запрос, почему он не исполнил данного ему поручения. «Я указал ему (Бисмарку.— *С. С.*),— пишет Швейниц,— на вышеупомянутое вполне определенное запрещение, на что он ответил ворчливым письмом, что я прав, конечно, если основываться на букве инструкции, но что я должен был помнить его выражение «durch dick und dünn»» [20]. Передавая этот же рассказ со свойственной ему точностью в своих мемуарах [21], Швейниц дает некоторые интересные добавления к своему донесению о разговоре с Горчаковым [22]. На вопрос Горчакова, чего вы потребуете от нас, если Турция развалится, я мог бы ответить, пишет Швейниц, если бы моя инструкция не имела ясно выраженного запрещения входить в формальные обязательства, что если вы будете делить Турцию, то к нам должны отойти назад польские провинции, взятые у нас в 1807 г. Но я

---

[18] В инструкции («Die Grosse Politik...», Bd. II, N 251, S. 76) мы действительно находим выражение: «Wir können daher vertragsmässige Zusicherungen, die uns dauernd binden würden, nicht geben...».

[19] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 252. Швейниц дословно повторяет свое официальное донесение о разговоре с Горчаковым от 1 ноября 1876 г.

[20] «Zeitschrift für Politik», Bd. XII, S. 231.

[21] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 357—362.

[22] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 252.

не «имел полномочий на это или на что-либо в этом же роде...» [23].

«Моя инструкция,— говорит он несколько раньше [24],— конечно, позволяла мне поддерживать иллюзии (царя.— *С. С.*) туманными ссылками на услуги, оказанные нам Россией в 1870 г.; но так как у меня не было никаких сомнений насчет того, что ничего подобного Бисмарк сделать не собирается, то я хотел снять с себя вину в том, что я поощрял русского императора к военным выступлениям». Сопоставляя эти слова Швейница с тем своеобразным сочетанием фактов, какое мы находим в его заметке 1896 г. (царя уверяют, что Германия воздаст ему за его поведение в 1870 г., а затем, когда царь, ссылаясь на эти уверения, ставит вопрос прямо, его начинают «водить за нос»), мы невольно начинаем читать между строк тенденцию всего этого рассказа и в заметке 1896 г., и в мемуарах. Швейниц хочет как будто сказать, что сам он серьезного значения такому зондированию не мог придавать и не придавал и что истинный смысл этого предприятия Бисмарка заключался не в предложении союза «durch dick und dünn», а в чем-то другом, на что он намекает в своей последней из приведенных нами фразе: в подталкивании русского правительства на военное выступление против Турции.

Таковы наши документы. Какие выводы мы можем сделать из них?

Совершенно очевидно, что Бисмарк ни на минуту не допускал какой бы то ни было конспирации против Австрии. Об этом недвусмысленно говорят все показания источников, будем ли мы их рассматривать с формальной стороны или по содержанию. Намеки Бисмарка на возможность тесного союза с Россией весьма неопределенны и совершенно непохожи на его всегда ясные и логически законченные концепты и инструкции, которыми он снабжал своих агентов. Неясности его выражений вполне соответствует его образ действий в этом вопросе. Если бы это было серьезное дело, Бисмарк не задумался бы постучаться к русскому правительству в десятый раз несмотря на девять предшествующих отказов. Посмотрим на заявление Бисмарка со стороны его содержания. Хронологически его размышление вслух в присутствии Швейница тесно связано с запросом русского правительства через Вердера, но логический ответ на этот запрос был дан им в инструкции совершенно недвусмысленно: Австрия и Россия могут сколько угодно проигрывать или выигрывать сражения, но Германия не может допустить того, чтобы один из ее союзников нанес смертельный удар другому. (В инструкции Швейницу Бисмарк в первую очередь, конечно, беспокоился за судьбу России.) Иначе и быть не могло.

---

[23] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten. Bd. I, S. 361—362.

[24] Ibid., S. 359—360.

Ведь трудность позиции Бисмарка в случае разрыва между Россией и Австрией обнаружилась бы гораздо раньше, чем дело дошло до открытой борьбы между ними. Лишь имея за своей спиной благожелательный нейтралитет Германии, русские могли бы отважиться на разрыв с Австрией, и в таком случае, состоялась бы война или нет, Австрия была бы потеряна для Германии и Германия превращалась бы в русского прислужника: случилось бы то самое, чего больше всего старался избежать Бисмарк.

Интересно отметить, что Бисмарк, говоря Швейницу о союзе с Россией «durch dick und dünn», как будто намеренно избегает логически соединять его с запросом Вердера. Сам Швейниц, получив инструкцию, считал вполне возможным говорить с русскими о союзе, и лишь прямое запрещение поднимать эти вопросы, а не противоречие этого предложения содержанию инструкции, заставило его думать, что Бисмарк дурачит русских[25], и он, преступив обязанности посла, постарался рассеять иллюзии и снять с себя неприятную обязанность подталкивать царя на военные выступления. Какой же смысл могло иметь в таком случае заявление Бисмарка о союзе с Россией? Был ли это только ловкий маневр для того, чтобы соблазнить русское правительство, как думает Швейниц, или, может быть, Бисмарк действительно колебался некоторое время, стать ли ему на сторону России или Австрии, и только отказ Горчакова принудил его сделать выбор в пользу Австрии, как думает Рахфаль?[26]

Чтобы решить этот вопрос, последуем за диалогом между Горчаковым и Бисмарком в октябре 1876 г. и постараемся понять смысл его, оставшийся, по-видимому, неясным Швейницу. Задавая Бисмарку через Александра II и далее через Вердера известный вопрос, каково будет поведение Германии в случае войны между Россией и Австрией, Горчаков, конечно, совсем не думал, что его поймут в Берлине в том смысле, что Россия собирается воевать с Австрией. Для этого не было абсолютно никаких оснований. Конечно, всякий кризис на Балканах делал такую войну возможной. Но русско-австрийские отношения, значительно улучшившиеся после Рейхштадтского свидания 8 июля 1876 г.[27], никогда не были так удовлетворительны, как именно в это время. Почти накануне телеграммы Вердера в Вену был

[25] *H. L. Schweinitz*. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 359: «Meine Instruktion gestattete mir freilich... Illusionen zu nähren».

[26] *F. Rachfahl*. Deutschland und die Weltpolitik. 1871—1914, Bd. I. Stuttgart, 1923, S. 134—139.

[27] Это признает даже далеко не русофил Вертхаймер (см. *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. II, S. 330): «Die Entrevue von Reichstadt hat wohl nicht den Krieg zwischen Russland und der Türkei, aber den zwischen uns und dem Zarenreiche verhindert». См. также: *H. L. Schweinitz*. Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 349.

отправлен с чрезвычайной миссией с письмом царя граф Сумароков-Эльстон. Поручение, данное Сумарокову, проливает свет на то, каков мог быть действительный смысл горчаковского запроса.

Мы теперь знаем, что едва ли кто-либо из европейских политиков того времени, за исключением разве кое-кого из англичан, так же искренно желал мира на Балканах, как граф Андраши. Как истый венгр, он боялся всяких потрясений и изменений на Балканах, грозивших осложнениями национального вопроса в самой Австро-Венгрии. Возникновение крупных славянских держав на границе австро-мадьярской дуалистической монархии казалось ему великой опасностью. Еще большей опасностью было бы внедрение этих государств в самое тело Австро-Венгрии через Боснию и Герцеговину. А такая опасность была реальной, так как Сербия и Черногория открыто выражали желание присоединить к себе эти две провинции. Поставленный ходом славянского восстания 1874—1876 гг. перед необходимостью отказаться от принципа безусловного сохранения Турции, Андраши принужден был согласиться на присоединение Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии. Это было наименьшим из зол; это освобождало его от опасности получения этими провинциями автономии или присоединения их к Сербии и Черногории; это, наконец, примиряло его с двором, жаждавшим безопасного успеха, с армией, желавшей легких подвигов. И все же наилучшим для него исходом была бы мирная ликвидация балканского кризиса, с наименьшими потерями для Турции. Горчаков по личному опыту, вынесенному им из свидания с Андраши в Рейхштадте 8 июля 1876 г., знал, с каким трудом поддавался (да и поддавался ли?) Андраши на всякое предложение, имевшее в виду полный развал Турции[28]. А между тем надежды на окончательную ликвидацию Турции потерпели крушение. Сербско-турецкая война кончилась разгромом сербов, и русскому престижу, чем дальше, тем больше, грозила опасность потонуть в болоте балканских дел.

Война для России становилась неминуемой. Нужно было избегнуть Севастополя; нужно было найти цель, оправдывающую войну, и своими руками сделать то, что не могли сделать сербы. Посылая Сумарокова в Вену с предложением совместно выступить против Турции, Горчаков прекрасно понимал, что отрицательный ответ был вполне возможным. Одновременно с этим он делает свой запрос через Вердера. Мы теперь понимаем и логику событий, и действительный смысл истории с Вердером. Будущий историк этой эпохи Татищев, в то время сотрудник русского посольства в Вене, был довольно близок к истине, когда он говорил барону Орси 26 сентября 1876 г.: «Если Австро-Венгрия присоединится к нашей политике, то воз-

[28] *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. II, S. 319—325.

можно разрешение кризиса в ее интересах; если же нет, то мы решим вопрос несколько позже без нее и против нее» [29].

Сущность запроса Вердера, следовательно, сводилась к тому, чтобы узнать, согласна ли Германия оказать России безусловную поддержку всяким ее планам на Балканах, даже против интересов Австрии. Имея такую поддержку, Горчаков, конечно, добился бы от Австрии полного согласия на какой угодно план, подкрепляя свои требования в случае надобности угрозой войны, которая при этих условиях для Австрии была бы немыслима. Что именно это имел в виду Горчаков, а вовсе не войну с Австрией, свидетельствует его разговор с Швейницем [30], когда тот явился в Петербург с ответом Бисмарка. «Мы ждали от Вас серьезных предложений,— сказал разочарованный Горчаков,— а Вы привезли нам то, что мы уже давно знали». При этом он высказал свои сожаления, что в 1870 г. царь не послушал его совета и не взял с Пруссии формального обязательства за услугу, оказанную ей Россией против Австрии. Швейниц возразил ему, что такое обязательство ничем не изменило бы нынешнего положения; ведь тогда Франция напала на Пруссию, у Австрии же совсем нет таких намерений по отношению к России. Горчаков сказал, что со стороны Австрии опасностей никаких и нет, однако было бы очень хорошо, если бы у Германии были формальные обязательства по отношению к России. И тут же неожиданно задал вопрос: «Чего хотите вы от нас, чего вы потребуете, если Турция развалится?» Именно в этом вопросе и заключалось зерно вердеровского запроса.

Мы оставляем пока в стороне дальнейшую беседу Швейница с Горчаковым и зададим другой вопрос: как понял Бисмарк запрос генерала Вердера и что он на него ответил?

Швейниц сообщает, что Бисмарку и Бюлову русский запрос показался чрезвычайно странным и по форме, и по содержанию [31]. Сам Швейниц просто разводит руками и пускается во всевозможные психологические объяснения [32]. Но если у Бисмарка и было изумление, то оно продолжалось недолго. Интересовался же он больше логикой, чем психологией. В опасность войны он не поверил и официально объяснил запрос Вердера желанием Горчакова использовать благоприятный ответ, буде таковой состоится, для того чтобы поссорить Австрию с Германией, доведя ответ до сведения Вены. Но смысл запроса он угадал сразу. 26 июля 1879 г. в разговоре с Сабуровым он сказал, имея в виду балканский кризис 1876—1877 гг., что если бы русские тогда гарантировали ему владение Эльзас-Лотарингией, то он пошел бы за ними «durch dick und dünn» и предоставил бы все силы Германии на службу русским интересам на Востоке [33]. Но русские остались глухи к этим предложениям, уверял он. Делая такое заявление в 1879 г., Бисмарк лгал вдвойне (дипломатически, конечно). Именно этого самого и просили от него в 1876 г. через генерала Вердера; что ж касается выражения «durch dick und dünn», то оно, если в нем вообще был какой-нибудь смысл, означало совсем не то, что хотел получить от Бисмарка Горчаков, и поэтому ни в какой связи со второй половиной уверений Бисмарка Сабурову (что он готов был оказать безусловную поддержку России) оно в 1876 г. не стояло. Мы сейчас увидим, какой смысл оно имело в действительности. Были ли у Бисмарка колебания насчет того, какой ответ он должен был дать на запрос Вердера? Никаких. Об этом красноречиво свидетельствует один факт, недавно опубликованный биографом графа Андраши, Вертхаймером, факт, который был неизвестен ему в то время, когда он писал свою трехтомную монографию, посвященную венгерскому политику [34].

Оказывается, что Андраши, понимая серьезность последствий, какие мог иметь для Австрии его отрицательный ответ на миссию Сумарокова, постучался к Бисмарку с таким же запросом, с каким русские обратились к нему через Вердера. Запрос, правда, был менее категоричен и тоньше сформулирован, чем русский, но суть его была та же. 4 октября в Берлин прибыл с тайной миссией от Андраши барон Мюнх. Он сообщил Бисмарку содержание царского письма, доставленного Францу-Иосифу Сумароковым, и проект ответа, написанного графом Андраши. Ответ был одобрен, и Бисмарк постарался успокоить австрийцев. Если Россия оккупирует Болгарию, то Австрия, по его мнению, должна сделать то же самое с Боснией и Герцеговиной. Больше всего Бисмарк предостерегал Андраши от вмешательства в англо-русские отношения. Но Андраши нужны были не советы Бисмарка, а нечто другое. Мюнх спросил Бисмарка, может ли Австрия в случае войны с Россией рассчитывать на германское прикрытие против Италии. Смысл вопроса графа был тот же, что смысл запроса русских через Вердера,

[29] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, Bd. II, S. 341.

[30] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 252.

[31] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten, Bd. I, S. 349: «Mit vollem Rechte waren Fürst Bismarck und Herr v. Bülow durch Form und Inhalt dieser Frage höchlich befremdet; während das Drei-Keiser-Bündnis in voller Blüte stand, fragt einer der drei Freunde den zweiten, was dieser tun wird, wenn jener mit dem dritten schlägt. Bis dahin war immer nur die Möglichkeit eines isolierten Vorgehens Russlands gegen die Türkei in Betracht gezogen worden, während nach der Reichstadter Begegnung der Gedanke an einen russisch-österreichischen Konflikt ausgeschlossen zu sein schien».

[32] Ibid., S. 350.

[33] «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 72: «Si Vous nous aviez garanti la possession de cette province, j'étais prêt à Vous suivre «durch dick und dünn» et à engager toutes les forces de l'Allemagne au service de Vos intérêts en Orient. Mes ouvertures à ce sujet sont restées sans réponse, ou plutôt on a fait la sourde oreille...»

[34] *E. Wertheimer.* Neues zur Orientpolitik des Grafen Andrássy.— «Historische Blätter», hrsg. vom Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Wien, 1921, H. 2. См. также: *Ed. Heller.* Das deutsch-österreichisch-ungarische Bündnis..., S. 18—19.

несмотря на то что дело шло как будто об Италии. Австрийцы еще в меньшей степени могли думать о войне с Россией, чем русские о войне с Австрией. Андраши просто хотел узнать, окажет ли ему Германия безусловную поддержку против русских претензий. Бисмарк именно так и понял осторожный вопрос Андраши. Он показал Мюнху телеграмму генерала Вердера и прибавил, предупреждая свой ответ Горчакову, что он отклоняет просьбу Андраши на том же основании, на каком он отклонил просьбу русских. Давая Андраши такой ответ, Бисмарк, конечно, руководствовался отнюдь не чувством справедливости по отношению к своим «друзьям», злоумышлявшим друг против друга. Стать на сторону Австрии безусловно — значило предотвратить не только австро-русскую, но и, быть может, русско-турецкую войну, т. е. действовать в интересах венгров и их представителя, графа Андраши. А последнее совсем не входило в планы Бисмарка. Но в данном случае нас занимает другой вопрос. Если Бисмарк уже 4 октября имел готовый ответ на русский запрос, то какое значение имели его слова, сказанные им неделю спустя Швейницу относительно союза с Россией «durch dick und dünn», которые позволили Швейницу, несмотря на запрещение давать какие-либо обязательства, осторожно затронуть в разговоре с Горчаковым тему о союзе Германии с Россией.

Всякий, читающий внимательно второй том «Die Grosse Politik», будет изумлен настойчивостью Бисмарка, с которой он заботился в 1876 г. о том, чтобы облегчить русским решение начать войну с Турцией. Его старания были направлены к тому, чтобы дипломатическим путем предотвратить повторение Севастополя. В этом отношении его «услуги» России были несомненны, и он с полным правом мог говорить впоследствии, что Германия сделала для России больше, чем могла бы сделать Пруссия. План вознаграждения непосредственно заинтересованных на Востоке держав должен был быть тем средством, при помощи которого Бисмарк рассчитывал получить их нейтралитет и «локализировать» конфликт между русскими и турками. Этот знаменитый план компенсации достаточно отчетливо был формулирован им уже в беседе с английским послом Одо Расселом 3 января 1876 г. Австрия должна была оккупировать Боснию и Герцеговину, Англия — Египет, России разрешалось взамен этого получить обратно Бессарабию[35] и поколотить турок. Бисмарк не смутился тем, что англичане выразили свои опасения насчет движения русских к Константинополю. Он настойчиво возвращается снова и снова к идее компенсации. Он допускал даже такое решение балканского вопроса, при котором Англия получила бы Египет, а Россия — Черное море[36]. Не касаясь сейчас вопроса, в какой мере последняя возможность была реальной, отметим, что его основной план компенсации был достаточно скромен и осуществился полностью, хотя и не сразу.

[35] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 227.
[36] Ibid., N 294, S. 153—154.

Спрашивается, был ли возможен более широкий план раздела турецкого наследства? Ведь к более радикальному решению восточного вопроса настойчиво толкали русские, требовавшие от Германии уплаты по векселю 1870 г. С точки зрения Бисмарка, такой план, несомненно, был возможен. Об этом говорит его концепт № 294[37], затрагивающий английскую сторону этого вопроса (Англии — Египет, России — Черное море); об этом говорит вся его политика 80-х годов, направленная к установлению демаркационной линии между Россией и Австрией на Балканах, политика, потерпевшая крушение вследствие отказа и русских, и австрийцев. Но всякий такой план, реальный или только возможный, был допустим, с точки зрения Бисмарка, при одном непременном условии: чтобы он не был связан с необходимостью явно стать на сторону одного из союзников против другого. Содержание тех разговоров, которые он готов был вести через Швейница с Горчаковым, можно было бы формулировать так: «Я готов побеседовать с Вами о ваших пожеланиях, но при одном условии, чтобы они не были направлены против Австрии». «Я могу поддерживать ваши пожелания перед Англией, но для этого нужно не только вознаградить и ту, и другую, но и заплатить мне (гарантия Эльзас-Лотарингии)». Что расширение первоначального плана компенсаций было сопряжено с величайшими затруднениями даже для Бисмарка; что это расширение для русских было скорее журавлем в небе, чем синицей в руках[38], и абсолютно не соответствовало требованиям Горчакова о безусловной поддержке балканской политики России — все это совершенно несомненно. Понятно поэтому, что Горчаков отказался говорить, а Бисмарк не настаивал. Бисмарку оставалось одно: продолжать свою политику в прежнем направлении, подталкивать Россию на войну, стараясь в то же время обеспечить ей нейтралитет Австрии и Англии[39]. Россия была еще

[37] Ibidem.
[38] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 294. Бисмарк говорит по поводу возможного соглашения между Россией и Англией на основе: России — Черное море, Англии — Египет: «Ein solches Ziel bleibt vielleicht unerreicht, aber wissen kann man das auch nicht» (ibid., S. 153).
[39] Ibid., Bd. II, S. 36: «Wir können ohne Schaden für uns alles geschehen lassen respektive fördern, worüber Russland sich mit Österreich einigt».
В соответствии с этим Бисмарк говорит дальше: «Нашей задачей отнюдь не является влиять на решение Александра II». Войну ради России он вести не собирается, но он боится, что Александр II недостаточно твердо убежден, что Германия во всяком случае останется доброжелательным соседом. Вильгельму I он всемерно советовал заверить великого князя Николая, проезжавшего через Берлин в сентябре 1876 г., что «Russland, wenn es die Türken angreift auf unsere wohlwollende Neutralität fest rechnen kann, und dass wir bemüht sein werden, die anderen uns befreundeten Mächte

слишком сильна и не желала согласиться на то, чтобы гарантировать Германии Эльзас-Лотарингию за одни надежды на будущее. Она была недостаточно слаба для сохранения того равновесия сил в Европе, которое было желательно с точки зрения германских интересов, как их понимал Бисмарк.

20 октября 1876 г. он писал[40]: «Вся Турция, со включением различных племен, ее населяющих, как политическое целое не стоит того, чтобы цивилизованные европейские народы ради нее взаимно уничтожали друг друга в огромных войнах. Участие в судьбе ее земель и их обитателей ни для одного из правительств не имеет того значения, какое имеет забота перед последствиями, могущими прийти на место нынешнего положения, и перед их влиянием на устойчивость и на соотношение сил между непосредственно заинтересованными европейскими державами. Австрия, кажется, сделала правильный вывод из этих соображений, если она намерена в случае русско-турецкой войны сохранить нейтралитет и при помощи оккупации турецких провинций в виде залога установить границу, вне которой она могла бы спокойно ожидать возможного развития событий, считая, что они не наносят ущерба Австро-венгерской монархии. Если Андраши готов согласиться с этим, то это во всяком случае наименьшее зло в сравнении с возможностью австро-русской войны в большом стиле. В качестве совета я предложил бы английскому правительству действовать подобным же образом, т. е. войти в соглашение с Россией относительно Суэцкого канала и Египта, а также Константинополя, положив в основу сохранение турецкой власти здесь и в Адрианополе с соответствующим, как я думаю, населенным главным образом турками, округом. Если Малая Азия с Константинополем и окрестностями останется за султанами, то они все же будут крепче, чем Византийская империя в последние столетия ее существования, и Дарданеллы останутся в нейтральных руках. Согласно своим заверениям до последнего времени Россия не намерена укрепиться в Болгарии и имеет в виду лишь создание там автономных учреждений и возвращение утерянной двадцать лет тому назад части Бессарабии. Но все это будущие заботы. В данный же момент я думаю только, что если такой миролюбивый государь, как император Александр II, оказывается вынужден внутренними затруднениями оказывать помощь христианам в Турции, то Англии незачем объявлять войну России, а лишь занять Суэц и Александрию и тем сохранить европейский мир, хотя бы и за счет Турции. Если английское правительство побоялось бы, идя таким путем, попасть во враждебные отношения с Францией, то следовало бы попытаться войти с этой державой в соглашение, в результате которого обе западные державы определили бы для себя совместную область действий в Египте и Сирии».

Еще бы! Ведь именно Англию труднее всего было уговорить оставаться нейтральной. Англичане продолжали высказывать опасения: раз русские войдут в Константинополь, их оттуда не выгонишь[41]. Бисмарк успокаивал их, снова выдвигал свой план компенсаций, с некоторыми изменениями в пользу Англии. Даже если русские перевалят через Балканы — до Константинополя далеко. Времени будет достаточно, чтобы предпринять соответствующие шаги, а прибегать к военным действиям вообще нет необходимости. Всегда найдется такой клочок Турции, который можно было бы взять в качестве залога. Именно так и хочет поступить Австрия. Если Россия вторгнется в Турцию, Австрия займет Боснию. Пусть Англия занимает Египет. Если это ей кажется трудным или не кажется ей достаточной гарантией, пусть она занимает самый Константинополь. Так как Солсбери, которому Бисмарк приводил все эти резоны, не сказал в ответ

---

mit dem Einschreiten Russlands zu befreunden und ihnen gegenüber unsere Überzeugung zu betätigen, dann der Kaiser Alexander ohne eigennützige Hintergedanken nur den Schutz der Christen gegen die türkische Barbarei erstrebt» (ibid., S. 51), фраза не только дружественная, но и предостерегающая от всяких «convoitises» с русской стороны. Таких заверений можно найти очень много в инструкциях самого Бисмарка (ibid., Bd. II, S. 78; Bd. III, S. 85—86).

О его послах, выполнявших эти инструкции, нечего и говорить. «Из Берлина,— записал Валуев в своем дневнике 26 февраля 1877 г.,— всякого рода дружеские уверения — это все преимущественно на случай войны. Там все как будто сожалели бы, если бы мы ее избегли» (*П. А. Валуев.* Дневник 1877—1884. Пг., 1919, стр. 8). Валуев нисколько не ошибался: Бисмарк писал 9 ноября 1876 г. в виде комментария на письмо Александра II к Вильгельму от 21 октября (2 ноября) 1876 г. («Die Grosse Politik...», Bd. II, N 254): «...wenn der Kaiser Alexander gegen die Türkei Krieg führt, so ist das für uns kein Unglück, und wenn man ihn ohne Einmischung handeln lässt; so ist das ein Vorteil für den allgemeinen Frieden», и дальше еще красноречивее: «Конечно, возможно, что турки на конференции (Константинопольская конференция послов, декабрь 1876 — февраль 1877 г.— *С. С.*) так же, как и недавно во время ультиматума, окажутся неожиданно уступчивыми по отношению к русским требованиям и что вследствие этого напряженность отношений между Портой и Россией уменьшится, а между Россией и доброжелательно относившимися до сих пор к Турции державами увеличится,— но это все весьма маловероятно, а если бы случилось, то опасность войны передвинулась бы, к сожалению, на Запад. Если же этого не случится — а это более вероятно,— то Россия благодаря своей нынешней политике будет поставлена перед необходимостью начать войну и может избежать ее лишь с весьма значительной опасностью внутренних осложнений. Исходя из нынешнего положения, я считаю совершенно неприемлемой, а если бы она оказалась возможной, и совершенно неблагодарной для нас задачей употребить немецкое влияние на то, чтобы помешать русскому выступлению против Турции». Опасаясь, что в случае, если бы Германии удалось предотвратить войну, вся национальная ненависть русских в концентрированной форме обратилась бы на Германию. Бисмарк добавляет: «Не нахожу достаточно настойчивых слов просить его величество воздерживаться от какой-либо даже дружественной и невинной попытки в этом направлении» (ibid., S. 89—90).

[40] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 250, S. 71—72.

[41] Беседа Солсбери с Бисмарком (см. «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 263, S. 107).

на них ни слова, Бисмарк постарался еще раз рассеять подозрительность англичан по отношению к России и императору Александру [42]. «В Англии думают,— заметил он,— что у России есть ясный, продуманный и с холодным расчетом проводимый план. Он считает это заблуждением».

Уговаривая англичан, он нажимал и на своих. Попытка императора Вильгельма, попросту расположенного к царю, дать своему племяннику благой совет в смысле принятия лондонского протокола и оказать некоторое умиротворяющее воздействие на русских, была решительно отвергнута Бисмарком, который поставил даже вопрос о своей отставке, если бы Вильгельм не захотел отказаться от «вмешательства» в русские дела [43]. Как комментарий к этому благодушию старого императора могут служить слова верного слуги Бисмарка «маленького Буша» о глупости немцев, которые никак не могут понять, в какой мере русско-турецкая война в их интересах [44].

«Мы трудимся ради короля Пруссии»,— писал Валуев [45], и был прав. Думали ли русские «панслависты», что им так усиленно помогали все те же «проклятые немцы». Расчет Бисмарка был правилен. Россия даже и в случае победоносной войны едва ли была в состоянии решиться на новую кампанию против кого бы то ни было, а всякий приступ к решению балканского вопроса, хотя бы и частичному, не мог найти в интересах Австрии лучшего момента, как тот, в котором оказалась Россия в дни победоносного шествия к Константинополю, когда австрийские пожелания подкреплялись австрийской армией, нависшей всей тяжестью нетронутых сил над русским тылом [46]. Война началась.

В июне 1877 г. Бисмарк мог спокойно подводить «на водах» итоги своей политики последних лет. Остается только пожалеть, что он, как он писал, «не чувствовал себя достаточно работоспособным, чтобы дополнить и более тонко разработать картину» [47]. «Я хочу,— писал Бисмарк,— чтобы мы незаметно (ohne es zu auffällig zu machen) подталкивали англичан, если они намерены захватить Египет; я считаю, что это в наших интересах. Считаю выгодным для нашего будущего способствовать соглашению между Англией и Россией, которое имеет в виду такие же добрые отношения между ними, как и в начале этого столетия, и затем дружбу обеих с нами. Такая цель останется, быть может, и недостижимой; знать этого мы, впрочем, не можем. Если бы Англия и Россия пришли к соглашению на той основе, что первая получила бы Египет, а вторая — Черное море, то и та и другая были бы в состоянии на долгое время удовлетвориться сохранением status quo и в то же время в области их более важных интересов продолжать соперничество, которое едва ли сделает возможным для них участие в направленных против нас коалициях, не говоря уже о том, что таковые влекут за собой для Англии внутренние затруднения.

Какая-то французская газета сказала недавно обо мне, что у меня «кошмар коалиций». Страх перед таким кошмаром еще долго, а может быть, и всегда будет иметь весьма веское оправдание в глазах каждого германского министра. Коалиции против нас могут заключать западные державы с присоединением к ним Австрии. Еще более опасные коалиции могут возникать на австро-русско-французской почве; близость двух из этих трех последних держав давала бы постоянно в руки третьей из них средства для очень чувствительного нажима на нас. Принимая во внимание эти возможности, не столько в данный момент, сколько в будущем, я считал бы желательным для нас следующие результаты восточного кризиса: 1) перенесение центра тяжести русских и австрийских интересов и их взаимного соперничества на Восток; 2) создание для России повода принять крепкую оборонительную позицию на Востоке и у своих берегов и при этом искать нашего союза; 3) приемлемый status quo для Англии и России, который так же заинтересовал бы их в сохранении существующего положения вещей, как в этом заинтересованы и мы; 4) отчуждение Англии от остающейся враждебной в отношении нас Франции из-за Египта и Средиземного моря; 5) такие отношения между Россией и Австрией, которые делали бы затруднительными для обеих совместные антинемецкие конспирации, тем более что к ним весьма склонны централистские или клерикальные элементы в Австрии.

Если бы я был работоспособен, я мог бы дополнить и тоньше разработать картину, которая мне представляется не как картина каких-либо земельных захватов, но как общее полити-

---

[42] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 263, S. 107—108: «Da Lord Salisbury auf diese letzten Ausführungen nur mit Schweigen antwortete, bemühte sich Fürst Bismarck noch besonders, ihm das Misstrauen gegen Russland und Kaiser Alexander möglichst zu benehmen».

[43] Ibid., N 247 и 248.

[44] *Lucius von Ballhausen*. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart und Berlin, 1921, S. 109.

[45] *П. А. Валуев*. Дневник..., стр. 14. Пословица, означающая работу впустую.

[46] Австрийских сил в таком случае оказывалось достаточно для удовлетворительного решения вопроса без обращения к Германии, которая, в интересах своего собственного спокойствия, продолжала свято соблюдать формулу: «Балканский вопрос для Германии не стоит костей и одного померанского мушкетера». «Я вообще не понимаю,— говорил Бисмарк австрийскому послу графу Сеченьи в 1886 г.,— почему так боязливо вы смотрите на всякое осложнение на Балканском полуострове. Ваша пшеница зацвела бы, если бы русские вздумали начать войну с Турцией и стояли бы теперь под Константинополем. Раз Семиградье и оккупированные провинции в ваших руках, Россия всецело зависит от вас (Ganz à Votre merci); ей ничего не оставалось бы делать, как принять все ваши условия».

Замечание верное не только для 1886 г. Так он поступил в 1877 г., так он хотел, как мы увидим далее, сделать и в 1885 г.

[47] «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 294, S. 153—154.

ческое положение, при котором *все державы, кроме Франции, будут нуждаться в нас и будут по возможности воздерживаться от коалиций против нас в силу их взаимных отношений* (курсив мой.— *С. С.*).

Оккупация Египта, с точки зрения Англии, недостаточна, чтобы разрешить трудности, возникающие из-за Дарданелл. Система двойного заграждения, т. е. у Дарданелл — Англия, у Босфора — Россия, имеет для Англии ту опасность, что при известных обстоятельствах ее дарданелльские укрепления легче брать, чем защищать сухопутной армией; в этом, пожалуй, будет заключаться тайное намерение русских, но, быть может, в течение одного поколения они удовлетворятся закрытием Черного моря. Этот вопрос остается делом переговоров, и общий результат, как он мне представляется, мог бы быть получен с таким же успехом после решительных сражений этой войны, как и до них. Я считал бы его в такой мере для нас выгодным, что он покрыл бы некоторый ущерб, наносимый нашим интересам на Черном море, не говоря уже о том, что обеспечение последних возможно при помощи договоров. Даже если нельзя было бы предотвратить англо-русскую войну, наша цель, по-моему, осталась бы той же, т. е. посредничество ради заключения приемлемого мира за счет Турции».

Несмотря на сжатость этого концепта, перед нами торжество победителя. Мысли, развитые в нем, комментариев не требуют: их объяснением являются события международной жизни следующего за русско-турецкой войной десятилетия.

Глава четвертая

Двойственный союз и союз трех императоров в системе союзов Бисмарка в 80-е годы

Русско-турецкая война и Берлинский конгресс создали наконец ту международную ситуацию, которую Бисмарк считал желательной, с точки зрения германских интересов. Оказав поддержку Австрии, он уже стал фактически на почву тех отношений, которые были затем оформлены в австро-германском союзе.

Последний, однако, был для Бисмарка лишь основанием системы союзов и, рассматриваемый изолированно, не казался ему достаточной гарантией германской безопасности. В течение пяти лет (1879—1884) Бисмарк сумел окружить «сытую Германию» («saturiertes Deutschland») высокой стеной дружественных союзов, ограждавших ее мирное преуспеяние, внутреннее сосредоточение сил для той ее новой роли в недалеком будущем, для которой Бисмарк оказался слишком старым. В течение пяти лет Бисмарк создает системы оборонительных союзов, целью которых было обезопасить Германию от двух держав, способных скорее других нарушить соотношение сил в Европе, столь выгодно сложившееся для Германии после 1871 г. Такими державами были Франция и Россия. События 1870—1871 гг. сделали Францию вечным врагом Германии. Отныне в политических расчетах всякого германского правительства Франция была той силой, которая при всякой комбинации могла быть направлена только против Германии. Всякий враг Германии мог рассчитывать на дружескую помощь этой силы. Таким врагом Германии при известных обстоятельствах могла сделаться дружественная Россия, монархия, связанная с Германией родственными отношениями дворов, чувством монархической солидарности перед волнами революционных движений.

Опыт войны 1877 г. для практического политика, каким был Бисмарк, был совершенно достаточен для того, чтобы усомниться в значении тех сил русской общественности и государственности, которые были безусловно на стороне Германии. Как бы мы ни оценивали общественное и революционное возбуждение конца 70-х годов в России, внешних симптомов было слишком достаточно для того, чтобы считать внутреннее положение в России, а следовательно, и ее внешнюю политику неустойчивою (unsichere). И если Бисмарку можно было для «внутреннего употребления» преувеличивать значение русского нигилизма — в основе этого преувеличения все же, как мы увидим, лежал

и действительный страх,— то с момента перехода Германии к системе покровительственных пошлин врагами Германии становились в одинаковой степени и русские либералы и русские консерваторы. Одним словом, в России накопилось достаточно оснований для враждебных настроений, в которых могли утонуть и монархические симпатии и родственные чувства царствующих фамилий.

В этих трудных обстоятельствах крупнейший германский политик не мог оставаться дольше в том положении, при котором из трех крупных держав континента две были разгромлены и унижены Германией и третья обнаруживала желание запрашивать за свою дружбу такую цену, уплатив которую Германия оказалась бы во вражде со всем миром. Бисмарк блестяще вышел из этого положения. Его главными помощниками оказались сравнительная слабость Австрии и близорукая политика русского правительства.

В основу системы союзов Бисмарка в 80-х годах лег союз двух держав («Zweibund»), австро-германский союз 1879 г. Одновременно с переговорами о заключении союза двух держав Бисмарк ведет переговоры с Россией, закончившиеся австро-германо-русским секретным соглашением 6(18) июня 1881 г. В 1882 г. союз двух держав превращается со включением Италии в тройственный союз. Если прибавить сюда дружественные связи Германии с Испанией (с 1883 г.) и с Англией через посредство так называемого средиземноморского соглашения в 1887 г., то перед нами будет картина знаменитого «жонглирования» пятью шарами сразу, как впоследствии определял эту систему преемник Бисмарка Каприви. Результатом ее была полная изоляция Франции и данная Бисмарком Австрии и Румынии гарантия против «дружественной», но не менее страшной и беспокойной соседки их, России. Правда, австро-германо-румынский договор лишь подразумевал Россию, зато в австро-германском договоре 1879 г. Россия была названа прямо.

Едва ли какой-нибудь другой акт дипломатической деятельности Бисмарка оставил такую же огромную переписку, такое большое количество документов, написанных им самим с такой обстоятельностью и таким красноречием, как двойственный австро-германский союз. Причины этого заключались в том, что главным противником этого союза оказался сам император Вильгельм, видевший в таком союзе предательство по отношению к России. Бисмарк на этот раз оказался перед затруднением, котсрое он, по-видимому, недооценил. Ему пришлось уговаривать, убеждать и лично, и через близких императору лиц, нажимать, напирать и — даже страшно подумать — грозить «парламентской отставкой всего министерства». Поэтому к документам нельзя относиться с полным доверием. Элемент преувеличения ради большей убедительности в них очень значителен.

Нам нет нужды здесь повторять еще раз аргументы Бисмарка в пользу заключения австро-германского союза. Мысль Бисмарка в его многочисленных заметках, донесениях и телеграммах августа — сентября 1879 г. все время вращается вокруг четырех основных тем. Первая тема — это «русская опасность»: миру всей Европы, и в первую очередь миру Австрии и Германии, угрожает Россия: эта опасность кроется в неустойчивости русской политики, вытекающей из неопределенности ее внутреннего положения. Германия не имеет больше друзей в России и не может связывать свою судьбу только с Россией.

Вторая тема — кошмар коалиций: союз Австрии с Германией необходим как гарантия против антигерманских коалиций без России или с Россией в качестве члена такой коалиции. Он дважды необходим еще и потому — и это составляет предмет третьей темы,— что существование австро-германского союза не мешает ни продолжению дружественных отношений с Россией, ни союзу трех императоров. Наоборот, с самого начала Бисмарк смотрит на двойственный союз как на более тесное соглашение двух среднеевропейских держав в пределах союза трех императоров. Четвертая тема: двойственный союз полезен для самой России. Он наносит удар либерализму, нигилизму и панславизму, он укрепляет внутри России силы, направленные против революции, силы, благожелательные русско-германской дружбе и укреплению союза трех императоров.

Мы видели, что путь политики Бисмарка был предопределен уже давно, и тенденция Бисмарка представить дело так, будто в 1879 г. русские угрозы и его страх перед Россией заставили его решиться на выбор в пользу Австрии, является большим преувеличением, если не просто дипломатическим маневром. Тенденция эта весьма понятна. Ею Бисмарк затушевывал свою политику 1876—1877 гг., политику «неблагодарности» в отношении России, и хотел представить дело так, что сами русские виноваты в том, что не они, а австрийцы сделались отныне его ближайшими друзьями. Исследователь русско-германских отношений в годы, непосредственно следовавшие за Берлинским конгрессом, не может отделаться от впечатления, что Бисмарк ожидал от своей политики в эпоху восточного кризиса и Берлинского конгресса худших последствий со стороны России, чем они оказались на деле. Его постоянные внушения русским дипломатам в 1879 г., что он еще в 1876 г. готов был идти с русскими «durch dick und dünn» и что этого не случилось по вине Горчакова, представляют собой лишь повторение того, что он говорит в своих мемуарах относительно австро-германского союза. И в том и в другом случае виноваты русские. Но ложь его утверждения относительно 1876 г. была слишком очевидна, и поэтому пользоваться им было можно только в 1879 г. В мемуарах Бисмарк не решился повторить эту басню.

Наоборот, русские угрозы и русская неблагодарность играют большую роль в его объяснениях, касающихся австро-германского союза, и в его документах 1879 г.

Какое значение имела для него эта «русская опасность» в 1879 г., лучше всего определил он сам, сказав в разговоре с французским послом Сен-Валье 14 ноября 1879 г.: «Без опасений, вызванных русским честолюбием, я не мог бы достигнуть своей цели» [1] (т. е. союза с Австрией).

Реальным зерном «русской опасности» была вовсе не воинственность России — в том, что Россия после русско-турецкой войны надолго обречена сидеть смирно, Бисмарк едва ли сомневался,— а горчаковская политика, направленная к разрыву союза трех императоров и сближению с Францией.

Что Бисмарк не очень боялся России в 1879 г., во всяком случае не больше, чем обыкновенно, свидетельствует все его поведение с конца 1878 г. Немецкие и австрийские газеты ведут оживленную перебранку с русскими при благосклонном участии Бисмарка. Свое остроумие и свою аргументацию они черпают из неиссякаемых источников германского министерства иностранных дел. Бисмарк нисколько не боится подзадорить русских. Наоборот, принимаются все меры к тому, чтобы прижать «неблагодарных», ударить их побольнее. Переход Германии к системе протекционизма внес некоторую напряженность в русско-германские отношения. Но еще прежде, чем в рейхстаге началось обсуждение тарифа, Бисмарк воспользовался несколькими случаями чумы в Астраханской губернии, чтобы запретить ввоз некоторых статей русского сырья, способных «переносить заразу». Встревоженный представитель русских капиталистических интересов Катков писал в «Московских ведомостях»: «Германский канцлер в своих карантинных заботах, конечно, руководится мыслью, которая ничего общего с опасениями чумы не имеет. Но он может ошибиться в расчетах. Стеснение взаимного оборота между Россией и Германией падет тяжелее на Германию, чем на Россию... А между тем образ действий нашего «доброго союзника» будет отмечен в русской памятной книжке» [2].

Бисмарк, по-видимому, думал иначе, и нажим продолжался еще некоторое время. Австрийские газеты советовали воспользоваться случаем для того, чтобы потребовать отозвания русских войск с Балканского полуострова. Более враждебные к России венгерские газеты прямо заявляли о необходимости извлечь «политический капитал из русской чумы» [3].

[1] См. *С. С. Татищев.* Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II. СПб., 1903, стр. 702.
[2] «Московские ведомости», 23.I 1879.
[3] «National Zeitung», 1. II 1879: «Die Interessen mögen in das Spiel (русская чума) eingegriffen haben».

Русское правительство сразу догадалось, откуда дует ветер. 20 января 1879 г. Горчаков писал Новикову [4], русскому послу в Вене: «На императора произвело тягостное впечатление то обстоятельство, что берлинский кабинет принял меры, направленные против нашей торговли, не предупредив нас...» В своем ответе Горчакову от 22 января (3 февраля) из Вены Новиков вполне подтверждает опасения русского правительства: «Мне было сообщено конфиденциально, что вчерашнее распоряжение, запрещающее ввоз и транзит некоторых предметов из России, было опубликовано (австрийским правительством.— *С. С.*) по предложению из Берлина. В государственной канцелярии сожалеют о поспешности этой меры и предвидят протесты из коммерческих кругов Австрии». Австрийцы в то время изо всех сил старались поссорить русских с немцами [5].

Меры против русской чумы произвели большое впечатление в России. Швейниц именно им приписывает поворот общественного мнения в России против немцев [6], и он отчасти прав. Если до января 1879 г. против Бисмарка вопила главным образом московская славянофильская и панславистская пресса, то с новым годом эту роль неожиданно взяла на себя либеральная петербургская пресса во главе с «Голосом», напавшая на канцлера за его таможенную и консервативную политику. Но у Бисмарка имелись, кроме этого, особые причины, почему он, не переставая, возбуждал общественное мнение Германии слухами о «русской опасности». Ему было хорошо известно, что Горчаков вынес из Берлинского конгресса убеждение в том, что теперь необходим радикальный поворот русской политики от Германии к Франции.

Газета «Голос» едва ли привлекла бы благосклонное внимание немецкого канцлера, если бы она занималась только критикой его новой экономической политики. Но он знал, что газета имеет связь с министерством иностранных дел. Как раз в начале февраля в ней появились статьи, направленные против русско-германской дружбы и открывшие собой полемику, которую впоследствии окрестили названием «ссоры двух канцлеров». Статья эта подлила масла в огонь. Бисмарку нужна была «русская опасность» — теперь она была налицо. В развернувшихся затем в германском рейхстаге дебатах по поводу нового тарифа, в осо-

[4] Горчаков — Новикову, 20 января 1879 г.— А. К. М., Vienne, II, л. 39а. См. ниже, стр. 264, источники.
[5] *H. L. Schweinitz.* Denkwürdigkeiten, Bd. II. Berlin, 1927, S. 42: «Herr v. Giers hat mir schon öfters angedeutet, dass Graf Andrássy hier Misstrauen gegen uns zu erregen sucht; die Urheberschaft der gehässigen Pestmassregeln wird uns zugeschoben».
[6] Ibid., S. 40, Bem.: «Mehr Hass als alles dieses (т. е. Берлинский конгресс и последующая поддержка Австрии Германией.— *С. С.*) haben unsere pflichtmässigen Sicherheitsmassregeln gegen die Pest von Webljanka (ветлянская чума.— *С. С.*) erregt, welche geradezu einem Wendepunkt der Stimmung der Russen gegen die Deutschen bezeichnen».

бенности в газетных статьях по поводу этих дебатов, русская сторона таможенной реформы была освещена очень добросовестно, несмотря на то, что тариф был направлен в такой же мере против России, как и против Австрии и Англии. «С Россией в самом деле не церемонятся»,— замечал тот же Катков [7].

«Ссора двух канцлеров», как называли маленькую газетную интермедию в промежутке между Берлинским конгрессом и заключением австро-германского союза, стоит того, чтобы на ней остановиться. Горчаков и Бисмарк, учитель и ученик, два друга, превратившихся в двух заклятых врагов, подвели в ней итоги их политики и свели счеты друг с другом. Бисмарк взял реванш за 1875 год.

Лето 1878 г. было для русской читающей публики временем жесточайшего разочарования. Победоносная война, предпринятая ради бескорыстных целей освобождения братьев-славян, кончилась на глазах у всех провалом на Берлинском конгрессе. Славянофильская романтика и до и во время войны поддерживала общественное настроение и давала тон прессе. Но ни общество, ни сами славянофилы, далекие и от правительства и от практической политики, не знали дипломатической подоплеки войны, плохо представляли положение дел во время ее, смутно догадывались о том, в каком положении находились силы России на другой день после нее. Правительство имело тем больше основания скрывать все это, что, поддавшись энтузиазму «панславистов», как стали теперь презрительно называть в дипломатических кругах сторонников последней войны, оно очень скоро поняло, куда завело его «народное воодушевление». Не рассказывать же о том, что Европа не верит святым порывам и право разгромить турок обставила рядом обязательств, исполнения которых она теперь требовала. Это значило бы перенести на себя весь гнев общественного возбуждения; это значило бы утерять престиж, который хотели укрепить войной. Предпочли поэтому унять тех, кто догадывался о неудаче, был слишком красноречив, и предоставить общественному возбуждению идти по линии наименьшего сопротивления. Бранить свое правительство не полагалось; позволили поносить своекорыстную Европу и прежде всего ее «честного маклера».

Газетная война, как окрестили немцы перебранку русских газет с немецкими и австрийскими в 1878 и 1879 гг., имела свои более глубокие причины и, конечно, не исчерпывается только ссорой двух канцлеров. Сразу бросается в глаза разница между газетной войной 1878 и 1879 гг. В первой — господствующий тон задают победители, чувствующие себя побежденными,— славянофилы. Во второй — пальма первенства принадлежит петербургской либеральной прессе, в первую очередь «Голосу».

[7] «Московские ведомости», 24.I 1879.

22 июня И. Аксаков произнес в Московском славянском благотворительном обществе речь, которая произвела большой шум в России, еще больший за границей [8]. «Ты ли это, Русь-победительница, сама добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли — на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, подъятых тобой трудах, молишь простить тебе твои победы?.. Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией похваляя твою политическую мудрость, западные державы, с Германией впереди, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь под нее свою многострадальную голову!..» Кто же виноват в этом позоре? «Кривде и наглости Запада по отношению к России и вообще к Европе Восточной нет ни предела, ни меры: этой исторической аксиомы, как и никаких уроков истории, не ведают только русские дипломаты да петербургские руководящие сферы... Навеки не забыть нам услуг, оказанных русскою дипломатией России в эти последние два года» [9]. Эта трогательная тирада, являющая многострадальную Россию с шутовским колпаком на голове на потеху Европе, в гораздо большей степени подходит к самому И. Аксакову и к роли славянофильства в этот период. Попробовав единственный раз спуститься с заоблачных высот идеальных построений в гущу практической политики, славянофильство в лице его наилучшего из поздних представителей расписалось в своей полной несостоятельности.

За эту речь правительство выслало Аксакова из Москвы.

Высылая Аксакова, правительство прежде всего оберегало свой собственный престиж и защищало своих дипломатических агентов на Берлинском конгрессе; меньше всего оно заботилось о том, какое впечатление произведут выпады русской прессы против Германии на германское общественное мнение, и за это ему скоро пришлось поплатиться. Бисмарк ловко использовал в своих целях двусмысленность позиции русского правительства. Каким образом, мы сейчас увидим.

Два русских представителя на Берлинском конгрессе возвратились домой почти врагами. 8 августа 1878 г. Радовиц доносил Бисмарку [10], что он видел Шувалова, остановившегося в Берлине на два дня, и последний сообщил ему следующее. Он, Шувалов, нашел государя совершенно убитым и огорченным результатами конгресса. В этом виноваты Горчаков и Убри. Перед конгрессом они дали обещание ничего не писать в Петербург

[8] Она была издана в Берлине в том же году (см. «Речь И. С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 года в Московском славянском благотворительном обществе». Berlin, R. Behr's Buchhandlung, 1878).
[9] Там же, стр. 8—9.
[10] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. III. Berlin, 1926, N 440.

без ведома друг друга. Он, Шувалов, честно исполнил это обещание, но по прибытии в Петербург для него стало ясно, что два других его коллеги этого обещания не исполнили. Горчаков в частных письмах, подкрепляемый Убри, критиковал работу Берлинского конгресса и вызвал в императоре те дурные настроения, с которыми ему, Шувалову, пришлось встретиться. «Император,— рассказывал далее Шувалов,— назвал в общем деятельность конгресса как возглавляемую Бисмарком европейскую коалицию против России». Весь выигрыш достался, по его мнению, на долю Австрии; таково-де было намерение немецкой политики, и он, граф Шувалов, с самого начала попался на удочку Бисмарка.

Шувалов, писал Радовиц, пытался убедить царя в том, что он введен в заблуждение. Шувалов убежден, что ему удалось существенно изменить представление царя, в особенности на роль Германии во время конгресса... О Горчакове Шувалов сказал: он цепляется со стариковской суетливостью за свою должность; император не хочется его уволить, но император не знает, что с ним делать, так как для него совершенно очевидно, что Горчаков все меньше и меньше способен руководить делами. «Это подлинное публичное бедствие, но я не представляю себе, как с этим будет покончено»,— добавил Шувалов.
Шувалов обвиняет министров в недостатке последовательности
и несогласованности в принципах. Они боятся выступить против
некоторых течений, считающихся за национальные и народные.
Несмотря на невероятные усилия, ему, между прочим, не уда-
лось добиться в официальной и официозной русской прессе
опровержения той преступной лжи, которую распространяют
бесчисленные газетные листы по поводу конгресса, мирного до-
говора, результатов войны и т. д. (не говоря уже о всей кле-
вете против него лично). Эту агитацию даже поощряют, так как
правительство предпочитает оставлять народ в заблуждении,
что интересам России причинен тяжкий ущерб по вине чужого
государства: «Конечно, мира жаждет каждый, положение в стра-
не настоятельно его требует, но одновременно считают, что
неудовольствие, вызванное промахами собственной политики,
должно быть отведено на заграницу». Бисмарк сделал такую
пометку к слову «промахами»: «Публично разъяснять эти про-
махи и ответственность за них Горчакова будет задачей нашей
прессы, если отказываются это сделать сами русские... Горча-
ков — несчастье для России и для ее друзей; доброе намерение
последних недостаточно, чтобы исправить последствия его глу-
постей. Но то, что будут писать по этому поводу, должно быть
вежливо и благожелательно по отношению к России, в особен-
ности к императору. Россия достигла бы большего, если бы ее
политика последних трех лет велась более искусно. Горчаков
показал, что он в высокой мере обладает способностью вызы-
вать подозрения у друзей, раздражать врагов, не имея средств

ни одолевать последних, ни приобретать первых. У Франции он попрошайничает, неудачно ведет свои дела по отношению к Австрии, надменен с нами. Конечно, публично не следует говорить об этом дословно. Эти слова должны быть грациозно варьируемой темой в более сжатой форме».

Эта приписка — настоящая диспозиция в той войне, которая вскоре вспыхнула между двумя канцлерами. Вполне вероятно, что и главные сведения о настроениях в петербургских правящих сферах Бисмарк получил из того же источника. Граф Шувалов болтал повсюду. 13 сентября князь Рейс доносил из Вены о некоторых подробностях своего разговора с графом Шуваловым. В заседании, которое состоялось под председательством самого царя по вопросу о том, какое направление должна принять русская внешняя политика, он, Шувалов, выступил в защиту союза трех императоров, но ему ответили, что этот союз принес России плохие плоды. Он опровергал это положение, указывая на то, что без союза с Германией Россия не могла бы вести последней войны, не попав в конфликт со всей Европой. Россия не может ссориться ни с Австрией, ни с Германией, так как весьма сомнительно в случае разрыва с первой, чтобы Германия стала на сторону России, если бы ей пришлось выбирать. С последним положением будто бы согласен и сам император [11].

Эти сведения были для Бисмарка драгоценнейшим материалом. Если русская дружба для него была вообще необходима как гарантия против сближения России с Францией, то в этот момент едва ли не меньше ему нужна была и русская вражда. В последовавшей затем пресловутой ссоре между двумя канцлерами он бил зараз и своего личного врага и враждебное ему направление русской политики и пользовался благоприятным случаем для того, чтобы провести меры, явно направленные против России,— новый таможенный тариф и австро-германский союз, свалив затем вину на самих русских. Управляя с мастерством, достойным удивления, официальной и официозной и просто сочувствующей ему прессой, он не без намерения подливал масла в огонь газетной войны. Противников своих он знал очень хорошо.

Теперь, когда мы имеем все нити этой сложной махинации, можно удивляться тому, в какой мере Бисмарк был осведомлен во всем том, что происходило в петербургских сферах. Достаточно шаг за шагом проследить за первыми проблесками этой газетной войны.

Бисмарк был прав, нанося главный удар князю Горчакову. Намеренно ли впадал Горчаков в старческую забывчивость на Берлинском конгрессе — сказать трудно. Но история превращения Пруссии Ольмюца в Германию Франкфуртского мира была

---

[11] «Die Grosse Politik...», Bd. III. N 441.

ему известна не только по газетным статьям. Когда Бисмарк писал в своих «Gedanken und Erinnerungen» о том, что русские в 1875 г., кажется, начали догадываться, что их «kühle Staatsinteressen» требуют, чтобы значение Франции в Европе не уменьшалось дальше определенной границы, уже достигнутой Франкфуртским миром [12], то он имел в виду прежде всего князя Горчакова. Доказательством этого служит неприятное для него воспоминание о 1875 г. Какую позицию занимал Горчаков после Берлинского конгресса, нетрудно догадаться. В нашем распоряжении теперь вся переписка Горчакова конца 1878 и начала 1879 г. до его отъезда в Баден, т. е. неофициальной окончательной сдачи его в архив. Особый интерес представляет его переписка с русским послом в Вене Новиковым, отчасти уже опубликованная Татищевым в известном труде, посвященном царствованию Александра II.

Новиков доносил в январе из Вены, что русская оппозиция общему мнению в Европе начинает увеличивать здесь досаду. «В комиссиях, уполномоченных развивать основные линии Берлинского трактата, мы оказываемся по большей части изолированными, и я не могу в них обнаружить и следа союза трех империй, в то время как я замечаю почти всюду, что представители Германии и Австро-Венгрии выступают как один человек» [13].

Горчаков ответил Новикову длинным посланием 2 февраля 1879 г., в котором он подводил итоги русско-германским отношениям [14]. «Центр Европы стремится изолировать две ее окраины, разъединяя Францию и Россию. К несчастью, ошибки наполеоновской политики обеспечили успех этих усилий. В свое время Пруссия и Австрия свели счеты векового соперничества в Германии, после чего Германия раздавила Францию. Теперь Срединная Европа, втравив нас в войну с целью ослабить нас и сплотившись потом для того, чтобы отнять у нас ее результаты, еще теснее соединяется для утверждения своего преобладания, причем Австрия поддерживает Германию в Европе, Германия — Австрию на Востоке. По роковому совпадению Франция самоуничтожается демократической анархией, подобно тому как при Наполеоне III она уничтожала сама себя своею ложною политикою. Англия уединяется в своем своекорыстии, и мы остаемся одни в виду этого грозного сплочения европейских сил. Таково в общих чертах положение, против которого надлежит принять меры. При этих обстоятельствах мне нечего и говорить, что, на наш взгляд, соглашение «трех императоров» расторгнуто фактическим поведением наших двух союзников в отношении к

---

[12] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II. Stuttgart, 1898, S. 231.

[13] Новиков — Горчакову, 2 (14) января 1879 г.— А.К.М., Vienne, II, лл. 251—255.

[14] Горчаков — Новикову, 2 февраля 1879 г.— А.К.М., Vienne, II, лл. 61—68а. Черновик составлен и написан рукою барона Жомини.

нам. В настоящее время наша главная задача — закончить ликвидацию прошлого и впредь искать опоры лишь в самих себе». Не правда ли, отрывок, который похож на газетную передовую статью? Мы сейчас увидим, что это сходство не было случайным.

31 января 1879 г. петербургская газета «Голос» открыла против Бисмарка и его политики яростную кампанию, которая в вопросах внешней политики повторяла и развивала положения приведенного выше письма Горчакова — Жомини. Вот основные мысли этой статьи: «Тройственный союз можно смело считать несуществующим. Его заменил союз двойственный, союз Германии с Австрией. Такая перемена в международных отношениях ясно видна была еще в период Берлинского конгресса, когда наши союзники очутились на стороне наших противников... Недоброжелательство к нам князя Бисмарка не высказывалось так бесцеремонно и открыто, как оно проявилось в речах венгерского графа, но ни для кого из следивших за ходом прений на конгрессе не было тайной, что председателю конгресса гораздо ближе к сердцу были предложения лорда Биконсфильда, чем интересы, защищаемые Горчаковым и Шуваловым».

Бисмарк принял вызов с тем большей охотой, что подзадорить русскую прессу (т. е. русское правительство) было весьма кстати. Рейхстаг приступал к обсуждению нового таможенного тарифа, и всякое проявление враждебности со стороны русского общественного мнения развязывало ему руки в отношении к будущему. В середине февраля он позвал к себе своего маленького Буша, который так хорошо умел выполнять его поручения по газетной части, и дал ему канву для статей, которые скоро появились затем в «Grenzboten» [15].

---

[15] Бисмарк, конечно, не ограничился одной газетой «Grenzboten». Убри периодически присылал вырезки из газет «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», «Zeit» и «Post», в происхождении которых у него не было сомнения. Характерна статья газеты «Post», представляющая, так сказать, сводку всех аргументов, брошенных Бисмарком в немецкую прессу против Горчакова.

«Горчаков задумал мирный договор с Турцией в том стиле, в каком Германия заключила свой прелиминарный договор с Францией в Версале в 1871 г.»,— писала газета «Post» 21 августа 1879 г. в статье, явно инспирированной германским министерством (см. донесение Убри от 12 (24) августа 1879 г.— А.К.М., Berlin, II, лл. 205—207). «Горчаков охотнее всего урегулировал бы восточный вопрос, не допуская вмешательства какой-либо европейской державы, так как Германия тоже отстранила всякое вмешательство в ее переговоры с Францией. Русский канцлер оставил бы немецкого далеко позади себя в своем триумфе, ибо восточный вопрос есть мировой вопрос par excellence. Однако русский канцлер принужден был, прежде чем приступить к мирным переговорам, признать, что известные изменения в турецких владениях зависят от общего согласия Европы. Но он надеялся при помощи мастерского дипломатического хода добиться того, что он предложил изумленной Европе в виде Сан-Стефанского договора». Против этого восстала Англия. Шувалов стал совер-

«Горчаков,— сказал Бисмарк Бушу,— ведет не русскую политику, которая должна признавать нас за друзей России, а свою собственную. Он всегда хочет блистать, хочет, чтобы его хвалили в иностранной прессе, особенно парижские журналисты!» Как ловкий дипломат, Бисмарк старается выгородить при этом Александра II, об антигерманских настроениях которого он, конечно, так же хорошо знал, как и о «кознях» Горчакова. «Горчаков,— сказал он,— любит Францию, чего не следует говорить об императоре. Ему хотелось бы казаться другом Франции и ее опорой. Союз трех императоров удовлетворял его лишь в течение короткого времени». Его политика заигрывания с Францией, однако, отклонена этой последней. Такая политика, кажется, не поддерживается императором. «Теперь,— продолжал он,— ту же самую политику, которую следует отличать от политики императора, ведет газета «Голос», которая раньше была органом Горчакова. Сомнительно, чтобы и теперь эта газета не инспирировалась Жомини». Во всяком случае «Голос» ведет, по мнению Бисмарка, горчаковскую политику[16].

Необычайная осведомленность Бисмарка, как мы видели, объяснялась довольно просто. Бисмарк несколько позже говорил, что газету «Голос» ему рекомендовали сам Александр II и Горчаков[17]. А что газета «Голос» была, так сказать, на положении официоза, едва ли можно сомневаться. Бисмарк очень удачно выбрал момент нападения. Ходили слухи об отставке Горчакова. Бисмарк старается показать, что Горчаков никуда не годен. «Он старый, хилый, болезненный человек... — продолжает он свой наказ Бушу.— Следует вплести (в статью.— *С. С.*), что он, собственно, глупый политик. Самостоятельным он сделался только в последние четыре года. Это были приготовления к турецкой войне, и нельзя сказать, чтобы он провел их особенно ловко. Отношения с Австрией, даже с Румынией велись неискусно. А что он делал в течение полугода в Бухаресте? Женщины, артистки — вот что занимало его, старого дурака, больше, чем дела»[18]. Что же касается того направления политики, представителем которого был Горчаков, то тут Бисмарк не приводит аргументов и с удовольствием льет масло на огонь. Общий тон его внушений заключается в том, что Пруссия, а затем Германия оказали России ничуть не меньше услуг, чем она им. Статья в высшей степени вздорна и рассчитана на вызов. Достаточно указать, что Пруссия 1866 г. представляется в ней как исполнитель русского гнева на Австрию[19]. Но ее аргументы получили большое распространение в германской и австрийской прессе в течение всей газетной войны 1879 г.

шать свои поездки между Петербургом, Фридрихсруэ и Лондоном, и в результате их Бисмарк согласился разрядить тревожное положение при помощи конгресса в Берлине. Принимая во внимание создавшееся положение и слабость России после войны, нужно сказать, что она спасла очень многое, и спасла по милости Германии.

[16] *M. Busch*. Tagebuchblätter, Bd. II. Leipzig, 1899, S. 553—554.

[17] Убри — Гирсу, 17 (29) сентября 1879 г.— А.К.М., Berlin, II, лл. 257—258.

[18] *M. Busch*. Tagebuchblätter, Bd. II, S. 554—555.

Горчаков уехал на лето в Баден и хотя и тут не удержался и, встретив корреспондента газеты «Солей» («Soleil») Пейрамона, советовал Франции «быть сильной», но остыл настолько, что первый протянул Бисмарку руку примирения. Убри хлопотал об их свидании, и оно, может быть, и состоялось бы, если бы не явно выраженное нежелание Александра II, который под впечатлением свидания в Александрове и последовавшей затем поездки Бисмарка в Вену готов был метать в Бисмарка громы и молнии[20].

Темы, затронутые германской печатью в 1879 г., были выдвинуты практической рукой Бисмарка и вращались вокруг больного после Берлинского конгресса вопроса: возможно ли дальнейшее продолжение союза трех императоров. Этот вопрос для Бисмарка имел исключительный политический интерес: сохранение союзных отношений с Россией было в его глазах равносильно подчинению Австрии видам германской политики. Но печать очень скоро вышла за пределы деловито поставленной темы, вовлекла ее в круг широких принципиальных обсуждений и снова поставила вопрос о России и славянстве.

Осенью 1879 г. в «Preussische Jahrbücher» публицист Трейчке подвел итоги газетных рассуждений по русскому вопросу. Для нас взгляды Трейчке, как бы ошибочны они по существу ни были, представляют собой огромный интерес, как яркое отражение представлений, распространенных у наших соседей на суть исторических событий, совершившихся в России после русско-турецкой войны, и возможных последствий их для русско-германских отношений. В центре внимания Трейчке и всей средне-европейской прессы стоит пресловутый панславизм. Но и у Трейчке, и у Бисмарка, а под их влиянием и в прессе панславизм не выступает одиноко.

[19] Ibid., S. 553: «Preussen war 1866 der Exekutor des russischen Zornes auf Österreich».

[20] Убри — Гирсу, 16 (28) сентября 1879 г.— А.К.М., Berlin, II, лл. 245—252а. По поручению Горчакова Убри намекнул Бисмарку насчет свидания двух канцлеров по возвращении Бисмарка из Вены. «L'acceuil du Prince a été froid et compassé,— пишет Убри.— Son entrevu avec notre Chancelier difficile à combiner vu sa prochaine longue absense» (Александр II: «Je ne la crois pas même désirable»). Это примечание царя к секретной телеграмме Убри от 14 (26) сентября 1879 г. (А.К.М., Berlin, IV, лл. 159—160) показывает меру раздражения царя вследствие отклонения предложения. Инициатива этой встречи исходила, однако, не от самого Горчакова. На депеше Убри, более подробно рассказывающей о неудаче его миссии, мы находим примечание царя к тому месту, где говорится, что свидание не может состояться, так как Бисмарк уезжает надолго: «J'éspére qu'aprés célà l'idée de Jomini tombera dans l'eau» (Убри — Гирсу, 17 (29) сентября 1879 г.— А.К.М., Berlin, IV, лл. 17—18). Этого свидания побаивались австрийцы (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 479, S. 88).

Он — выражение элементарного самочувствия народной души, которая, не достигнув пока свободной самобытности, являет признаки стремления к разрушению, внутренней силы которого никто не может измерить. Нигилизм — таково наименование этих сил. Выросшее на русской почве, это слово было быстро подхвачено европейской прессой, возбужденной рядом таинственных убийств и покушений конца 70-х годов. Панславизм, таким образом, постоянно соединяется с нигилизмом и либерализмом, и не только соединяется, но и почти отожествляется с ними. В таком виде это нелепое триединство может показаться просто карикатурой, да оно, конечно, и было ею на самом деле. Для таких политиков, как Бисмарк, оно служило хорошим политическим средством устрашения кого следовало. Но мы ошиблись бы, если бы стали думать, что оно было только карикатурой и только средством нагонять страх на добрых немецких филистеров. Петербург в плену у Москвы, претендующей играть роль подлинного духовного и политического центра России, либерализм в плену у панславизма — таковы взгляды Трейчке и Бисмарка, таковы темы, усиленно разрабатываемые немецкой прессой в 1879 г.[21] Первый, как историк, больше обращает внимание на первую тему, второй, как политик, старался извлечь для себя поучение из второй.

«Антинемецкая политика Горчакова построена в расчете на популярность в России»,— говорит «Preussische Jahrbücher». «Голос», «Новое время» и «Петербургская газета» — лишь отражение аксаковских фантазий[22]. Общественного мнения в собственном смысле в России нет, но влиятельные круги в Петербурге мало-помалу подчиняются московскому направлению — таковы основные мысли «Preussische Jahrbücher» и Трейчке, который писал в нем в это время политические обозрения. «Трудно говорить о твердом политическом мнении в России. Пропасть, отделяющая отдельные классы, слишком глубока, образ мышления и чувствования слишком различен и — следует прибавить — слишком бессодержателен. Бесправная масса думает только о хлебе насущном, а носители государственной власти заняты изысканием удобнейших путей для устранения своих беспокойных соперников. Пока большой и важный круг современного общества, который мы называем средними классами, недостаточно силен, чтобы образовать ядро, к которому тянулись бы пролетарии (sic! — *С. С.*) и у которого правящие

[21] События 1879 г. в России служили предметом очень оживленного обмена мнениями в правящих кругах Германии. Гогенлоэ беседует на эту тему с Тургеневым в Париже и тщательно заносит в дневник свою беседу о состоянии России (*Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst*. Denkwürdigkeiten, Bd. II. Stuttgart, 1908, S. 266—267). Швейниц весьма пространно доносит об этом же Бисмарку (см. *H. L. Schweinitz*. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 48—56).

[22] «Preussische Jahrbücher», Bd. 44, 1879, S. 319.

круги находили бы направление для своего поведения, бесполезно говорить о национальном мнении, так как это выражение лишено всякого основания».

Слабость русской буржуазии как причина отсутствия в России подлинно национальной политики, крайняя неустойчивость официальной политики по той же причине — вот характеристика, какую давал Трейчке русской внешней политике. В устах апостола германского объединения и прусского верноподданного либерализма такие заявления для нас в особенности драгоценны. Они интересны и в другом отношении. Трейчке далек от того, чтобы совершенно отрицать общественное мнение в России, в частности наличность в нем националистических тенденций, но он не всегда безошибочно мог судить о том, что делалось в России, и не всегда мог разобраться в том хаосе, который царил в русской прессе по вопросам внешней политики. Он был прав лишь в одном отношении: в том, что русская пресса заслуживает очень небольшого внимания, когда она пытается толковать о внешней политике. Трейчке видит в панславизме теорию, которая в оболочке традиций о всемирно-историческом призвании борьбы с татарами и мусульманским миром содержала вполне реальные интересы: образование великого славянского государства, захват Босфора и Константинополя и т. д.[23]

«Если бы,— говорит Трейчке,— русские сражались только за христианство и цивилизацию, как утверждал с умиляющим пафосом князь Горчаков, то Берлинский трактат был бы блестящим триумфом для России». Если, наоборот, русские недовольны результатами Берлинского конгресса, если в последние месяцы слепая ненависть старалась разъединить двух старых союзников, связанных столькими интересами[24], то это нельзя объяснить злой волей состарившегося государственного человека (Горчакова). Причины ненависти лежат глубже: они коренятся в великих национальных страстях русского народа или по крайней мере его многоветвистых и влиятельных партий. «Не без основания говорят теперь в Москве, что петербургский период русской истории идет к концу. Те гордые планы, с которыми носился некогда великий создатель новой русской столицы, оказались будто бы невозможными и решительно отвергаются. Все более и более наступательная сила Русского государства направляется к востоку и югу. С того времени, как теперешний император дал волю общественному мнению, неудержимо растет сила старой столицы — матушки-Москвы и национальных воззрений, которые в ней гнездятся». Тема о соперничестве двух столиц, о повышающемся влиянии Москвы — довольно распространенная в прессе и публицистике этого времени. Москва

[23] «Unsere Aussichten».— «Preussische Jahrbücher», Bd. 44, 1879, S. 560.

[24] «Preussische Jahrbücher», Bd. 44, 1879, S. 559.

в представлении многих немцев — неофициальная столица славянства, центр русской торговли, промышленности и земледелия [25]. Рано или поздно она будет «столицей России» [26].

Вся эта газетная шумиха, с одной стороны, и более трезвые рассуждения Трейчке — с другой, имели под собой некоторое основание, объясняющееся той позицией, которую заняла петербургская либеральная пресса в 1879 г.

Для русской прессы 1879 г. очень характерно, что главными врагами Германии, подхватившими славянофильские выпады 1878 г., были благонамеренно-либеральные петербургские газеты, руководимые «Голосом» Краевского. Московская националистическая пресса молчала, а ее бард Катков, не без иронии говоря о шуме, поднятом петербургскими газетами в отношении Германии [27], замечал, что «выходки эти действительно бывают часто глупы и нелепы». Особенно забавны казались ему «ярые филиппики» против «реакционных стремлений» германского канцлера. В 1879 г. в русской прессе оказалась налицо любопытная комбинация. Ее органы в общем и мало и плохо занимались внешней политикой. Трейчке и другие наблюдатели из-за рубежа были правы, говоря о невежестве и бессодержательности материалов старых русских газет по внешней политике. Поэтому приходится говорить не о всех, а лишь о некоторых газетах, которые высказывали руководящие взгляды. Их авторитет опирался главным образом на то, что они инспирировались непосредственно из МИД. Таковой для Петербурга была газета «Голос» в горчаковский период русской политики; таковой сделалась с 80-х годов катковская газета «Московские ведомости». Впрочем, влияние и авторитет последней были несколько иного порядка, и об этом будет достаточно сказано в своем месте. Враждебный пыл петербургской прессы в 1879 г. против Германии был результатом совпадения целого ряда обстоятельств. Либерализм таких газет, как «Голос», имел, так сказать, железные основания. Газета Краевского была связана с крупными железнодорожными строителями (Поляков, Гинзбург и др.) и отражала железнодорожно-банковские, биржевые, в целом либерально-петербургские интересы, типичные не только для Петербурга, но и для всей Западной Европы эпохи континентального фритреда. Петербург, как известно, в этот период стоял в центре железнодорожного строительства и работал на железные дороги, пользуясь главным образом иностранным сырьем и полуфабрикатами. С конца 70-х годов лозунг «защита национального труда», лозунг протекционизма, был выброшен не только в Германии. Московские политики, сначала Аксаков, а затем

[25] «Der russisch-deutsche Krieg der Zukunft. Eine Studie von P. J.» 2. Aufl. Leipzig, 1882.

[26] «Zwei Meerengen». Stockholm, 1879 (брошюра, приписываемая королю Оскару Шведскому).

[27] «Московские ведомости», 20.VIII 1879.

с большим талантом и пониманием Катков, громили Петербург как город, чуждый русским интересам [28]. Петербургским газетам пришлось бороться на два фронта: против политики московских протекционистов, возглавляемых Катковым, и против такого же протекционизма германского, возглавляемого Бисмарком.

Но газетная война 1879 г. имела и более узкие цели. Газета «Голос» 31 января намекала на то, что Бисмарк силится дать иное направление «нашей собственной политике». Какой смысл имели такие усилия, достаточно ясно из донесений Убри в апреле и июне 1879 г., который писал, что Бисмарк прервал с ним почти всякие личные сношения и при редких встречах с ним избегал разговоров о внешних делах, распространяясь большей частью о тяжком внутреннем состоянии России и настаивая на необходимости строжайших мер против шайки крамольников и совершаемых ею преступлений [29]. Подобные советы в пору заката либерализма не только в Германии, но и в России, когда Александр II готов был «идти тем же путем против либерального и радикального движения», имели вполне определенный смысл [30]. Но главное было не в этом. Все усилия Бисмарка были направлены к тому, чтобы разрушить опасность франко-русского сближения. Горчаков — Жомини и их газета «Голос» старались бороться с такими попытками.

Таким образом, русская либеральная печать взяла на себя дело защиты «русских» интересов и дала повод даже таким публицистам, как Трейчке, смешивать ее с панславистской печатью. Курьезно в особенности то обстоятельство, что приведенные выше рассуждения Трейчке о новом национальном направлении русской политики, гнездящемся в старой матушке-Москве и влияющем на Петербург, оказались совершенно не соответствующими действительности. Москва молчала, говорил Петербург, как бы взяв на себя дело славянофилов. Истории русской прессы еще не существует. Мы здесь можем лишь отметить, что такие перемещения ролей знаменовали собой временный союз «официального либерализма» горчаковской политики с весьма умеренным либерализмом петербургским, союз двух потерпевших поражение. И тот и другой не хотели сдаваться сразу. Горчаков пугал Бисмарка, протягивая руки к Франции. Петербургский либерализм клеймил ретроградную политику и таможенные предприятия Бисмарка и в качестве ответной меры требовал разрыва с Германией и сближения с Францией [31]. Наоборот, Бисмарк бил своего личного врага, враждебное ему направление русской политики, казавшееся ему весьма возмож-

[28] «Московские ведомости», 3. II 1879.

[29] Донесения Убри приведены у Татищева (см. *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 536).

[30] *Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst.* Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 266.

[31] См. «Голос», 31, I, 10, 21.II 1879.

ным после Берлинского конгресса, и тот самый либерализм, который оказался на его пути и в Германии и в России. Нет ничего удивительного, что в Германии традиционно враждебные к России прогрессистские органы, стоявшие теперь в оппозиции, почувствовали внезапно необыкновенные симпатии к варварской России. Трейчке писал, что после того, как русско-германские отношения испортились, прогрессистские листки «внезапно стали относиться к русскому народу с трогательной нежностью»[32].

Эту сложность обстановки приходится иметь в виду для понимания и настоящего и будущего. Разбитое славянофильство неожиданно нашло защиту своих идеалов в «Голосе». Либерализм и «панславизм» оказались действительно временными союзниками в тот момент, когда история готова была пропеть им отходную. Но напрасно Бисмарк, нанося им удары, рассчитывая укрепить те направления русской политики, которые, как ему казалось, должны были восстановить дружбу России и Германии и предотвратить возможность франко-русского союза. Русский консерватизм скоро оказался в плену у московского национализма, этого подлинного наследника (но не последователя!) славянофильства и панславизма, и те самые круги, которые с восторгом приветствовали охранительную политику Бисмарка, а на его экономическую политику указывали, как на пример, достойный подражания, оказались могильщиками не только либерализма, но и русско-германской дружбы.

Но это случилось несколько позже, к середине 80-х годов. Пока же расчеты Бисмарка оказались правильными: «русская опасность» помогла заключить союз двух держав, а последний помог восстановить, и не только восстановить, но и укрепить союз трех императоров. История заключения этих двух союзов покажет нам вместе с тем, какой смысл имело для самого Бисмарка отожествление им либерализма, панславизма и нигилизма.

В начале апреля 1879 г. у Бисмарка были готовы не только план будущего союза с Австрией, но и все доказательства его необходимости, доказательства, которые он затем с таким талантом развивал в многочисленных докладных записках осенью 1879 г.[33] Нужен был лишь удобный случай, чтобы напасть на

[32] «Preussische Jahrbücher», Bd. 44, 1879, S. 569.

[33] *H. L. Schweinitz*. Denkwürdigkeiten, Bd. II, S. 60. 5 апреля 1879 г. Швейниц писал: «...Er (Bismarck.— *С. С.*) gab mir eine hochinteressante Darstellung seiner Auffassung unseres Verhältnisses zu Russland; das beständige Kokettieren Gortschakows mit Frankreich, die endlosen Rüstungen Miljutins, die Avant-Garden-Stellung der russischen Kavallerie an unserer Grenze, die tobsüchtige Sprache der Petersburger und Moskauer Presse haben in Kanzler die Überzeugung zur Reife gebracht, dass kein Verlass mehr auf Russland ist und selbst auf dessen Beherrscher nicht in demselben Grade wie früher; man könne sich also nicht um der unsicheren russischen Freundschaft willen mit den anderen Mächten verfeinden und nament-

главную твердыню русофильства, императора Вильгельма. Такой случай доставило Бисмарку известное письмо Александра II Вильгельму 3(15) августа 1879 г. В нем Александр II жаловался своему дяде на враждебное отношение к русским немецких агентов в Турции, которые во всех мелких вопросах становятся на сторону австрийцев и англичан, и обращал внимание Вильгельма на те «печальные последствия», которые могут из этого проистечь для русско-германской дружбы. Письмо это не заключало в себе ничего угрожающего, хотя и было послано, так сказать, не совсем обычным дипломатическим путем. Но в руках Бисмарка оно превратилось в драгоценнейший документ, из которого Бисмарк извлек, можно сказать, несметные богатства. С этого письма можно датировать начало той длительной обработки канцлером своего упрямого монарха, следы которой сохранились в многочисленных собственноручных записках Бисмарка[34].

24 августа 1879 г. Бисмарк, возвращая письмо царя, уверял[35] своего императора, что такие вещи можно писать, только решившись на окончательный разрыв. Письмо Александра II написано, по его мнению, Милютиным, министром, известным своей ненавистью к балтийским немцам и к немцам зарубежным. Милютин принадлежит к партии, которая охотнее начала бы войну с Австрией, чем с Турцией. Это именно он в 1876 г. сделал запрос из Ливадии через генерала Вердера, а теперь своими передвижениями войск на немецкой границе он вызывает в Германии тревогу. Если ныне влиятельные круги принуждают императора Александра в первую очередь держаться за нас, то они надеются либо привлечь на свою сторону и против нас Австрию, либо после усиления на 400 000 русской армии совместно с Францией сравняться силами и с той и с другой вместе. Следует иметь в виду и внутреннее положение в России. Император, очевидно, думает укрепить свое положение внутри воинственной внешней политикой и, по-видимому, совсем не замечает, что его внутренние враги также стремятся к войне. «У меня есть личные друзья в России, и консервативно настроенные из них все держатся того мнения, что Милютин прямо или косвенно стоит во главе всех недовольных в России, а именно — нигилистов». «Ведет ли он свою агитацию, для которой он находит самое сильное орудие в своем импера-

lich nicht mit England und Österreich. Mit letzterem müsse vielmehr ein engeres Verhältnis angestrebt werden, welches zu einem organischen, ohne Zustimmung der parlamentarischen Körperschaften nicht lösbaren zu entwickeln sei».

[34] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 446, 447, 455, 458, 461, 477, 482. К этим же документам относятся записка Бисмарка, изданная Х. Колем в «Bismarck-Jahrbuch», Bd. I. Berlin und Leipzig, 1894, S. 125—129, и письмо к королю Баварскому в кн.: *O. Bismarck*. Gedanken und Erinnerungen. Bd. II, S. 238—242.

[35] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 447.

торе, в интересах конституционной России под главенством великого князя Константина, или перед ним в качестве цели витает образ республики,— что более вероятно, или, наконец, его просто влечет нигилистический пыл к разрушению существующего порядка, тот пыл, который находит себе довольно пищи в злоупотреблениях в России,— все это безразлично для наших целей в этом деле. Можно лишь наверняка утверждать, что партия переворота в России находит в союзе трех императоров, и в особенности в союзе императора Александра с вашим величеством, крепкое препятствие к осуществлению своих планов и что для этих планов мировой пожар был бы более подходящим, чем мир...» Картина, которую Бисмарк нарисовал перед своим корреспондентом, не нуждается в комментариях. Такие вещи можно писать в расчете на то, чтобы застать врасплох своего читателя. Но на этот раз его расчеты не совсем оправдались. Родственные чувства старого Вильгельма оказались сильнее самолюбия императора. 31 августа канцлер узнал, к своему неудовольствию, что император согласился на предложенную ему русским царем встречу в Александрове. Царь хотел рассеять недоразумение и, может быть, даже предложить ему союз[36]. Это было в особенности некстати, так как могло расстроить все дело с Австрией.

Свидание в Александрове состоялось, и все расчеты, построенные Бисмарком на злополучном письме царя, пошли прахом[37]. Но дело, которое он считал неотложным и безусловно необходимым шагом германской политики, продолжало занимать все его внимание. Искусная работа внедрения мысли о необходимости австро-германского союза в голову старого императора началась сызнова. Теперь уже излишне было пугать императора нигилизмом Милютина. Обычное средство устрашения у Бисмарка — «бряцание чужим оружием», т. е. басня о готовящемся будто бы нападении на Германию Франции или России, тоже не подходило. Его многочисленные концепты и письма конца августа и сентября не носят уже характера аргументов ad hoc, а представляют собою стройную цепь умозаключений, полно и ярко рисующих обстановку, которая вынуждает его спешить с заключением союза двух держав. В них он развивает те самые четыре темы, о которых было упомянуто выше. Широкая трактовка «русской опасности» в прессе, в значительной мере вдохновляемой самим Бисмарком, и в его собственных деловых бумагах тесно сплетается у него с четвертой темой его размышлений и касается значения союза трех императоров для внутреннего положения в России. Она требует особого рассмотрения, к которому мы и перейдем несколько ниже. Что же касается двух средних тем, международных по преимуществу, то они настолько ясны из предыдущего, что никакого исторического комментария не требовали бы, если бы не одна недомолвка, как бы нарочно допущенная Бисмарком в его рассуждениях по поводу двойственного союза. Доказывая абсолютную необходимость австро-германского союза, Бисмарк, как практический политик, не нуждался в 1879 г. в том, чтобы указать пределы, в которых этот союз имел, с точки зрения интересов Германии, действительную ценность. А между тем этот вопрос, конечно, имел первостепенное значение. Взаимная гарантия территориальной неприкосновенности союзников была бы недостаточна для того, чтобы сделать союз с Германией привлекательным для Австрии. Умерив свои вожделения на Балканах, Австрия могла получить эту гарантию непосредственно от России. Такую возможность Бисмарк предвидел. Но, как крупный политик, он понимал, что радикальное изменение внешней политики Австрии по отношению к Балканам едва ли возможно без изменения всей ее внешней и внутренней политики, и поэтому он считал нужным поддерживать ее восточную политику в ущерб России. Австрия, уступившая России на Балканах, была бы наверняка потеряна для Германии и, весьма вероятно, превратилась бы в ее врага, ибо, отказавшись от своих устремлений на Восток, она снова обратила бы свое внимание в сторону Германии и могла бы найти в этом направлении русскую поддержку.

22 июля 1876 г. австрийский посол в Берлине Карольи доложил графу Андраши о беседе Одо Рассела с Бисмарком по поводу Рейхштадтского свидания. «У Германии,— сказал Бисмарк,— нет никаких интересов на Востоке, и тем не менее ей оттуда грозят две опасности. Одна заключается в возможности конфликта между Россией и Австро-Венгрией, другая — в таком соглашении между ними, которое привело бы к полному изменению (Umwälzung) внешней и связанной с ней внутренней политики, проводимой графом Андраши... Поэтому,— заключил Бисмарк свою беседу,— интересы Германии требуют, чтобы Австро-Венгрии на Востоке не был нанесен ущерб и чтобы все влияние Германии было обращено на недопущение конфликта между Россией и Австрией»[38]. Упоминание о политике графа Андраши совершенно недвусмысленно вскрывает значение этих слов Бисмарка. Венгры были наиболее надежным оплотом германских интересов в Австро-Венгрии. Русские панслависты, австрийские славяне и русофилы из придворных и военных кругов, возглавляемые эрцгерцогом Альбрехтом, были, как известно, самыми ярыми противниками политики венгерского графа и австро-германской близости. Бисмарк мог судить об этом по

[36] Телеграмма Бисмарка Бюлову, 1 сентября 1879 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 453, S. 25: «Freiherr von Manteuffel glaubt, Kaiser Alexander werde jetzt zu Bündnis mit uns geneigt sein».

[37] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 460.

[38] *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. II. Stuttgart, 1913, S. 329.

тому, как отнеслись эти элементы к свиданию трех императоров в Берлине в 1872 г.[39]

После русско-турецкой войны и Берлинского конгресса опасность непосредственного соглашения между Россией и Австрией за счет Германии была устранена. Зато другая опасность, идущая с Востока, возможность конфликта между Австрией и Россией, усиливалась параллельно продвижению Австрии на Восток.

С того момента, как Австрия завязла на тернистых путях Балканского полуострова и, побуждаемая страхом перед Россией, скрепила себя узами вечной привязанности к Германии, Бисмарк мог считать оконченной свою задачу подталкивания Австрии в сторону, противоположную путям, которые вели ее в Германию.

Малогерманская программа объединения была завершена до конца. Этим, однако, восточный вопрос не устранялся совершенно из поля зрения германского политика. Вставал вопрос, до каких пределов Германия должна была поддерживать восточную политику Австрии в будущем.

Ответ на этот вопрос станет понятным, если мы вспомним, что и Россия в результате войны завязла на Балканах не меньше, чем Австрия, что, побуждаемая соперничеством Австрии и страхом перед Англией, она не в меньшей степени, чем дунайская монархия, жаждала германской дружбы. Если мы примем во внимание главную задачу Бисмарка — обезопасить Германию от коалиций и создать ей мирную обстановку на продолжительный срок, для нас станет ясным, что в ответе на вопрос, до какого предела поддержка австрийских интересов на Востоке лежит в интересах Германии, заключалось все подлинное содержание австро-германского союза, то содержание, которое, будучи функцией многих переменных сразу, т. е. функцией отношения Германии ко всем заинтересованным на Востоке державам, могло изменяться, несмотря на неизменность буквального смысла союза. Выгодность позиции, созданной расчетом Бисмарка, заключалась в том, что он мог изменять это содержание в зависимости от того, в каком из двух своих союзников он больше нуждался в данный момент. Он, таким образом, имел все гарантии, какие давали ему союзные обязательства сначала с одним, а затем с двумя из своих соседей, и в то же время пользовался фактически всеми благами политики свободных рук. Конечно, это его преимущество могло продолжаться до тех пор, пока его политика оставалась строго оборонительной. Все это он понимал прекрасно, и об этой стороне своих отношений к двум своим союзникам он не раз высказывался весьма красноречиво.

Союз Германии с Россией наряду с двойственным австро-германским союзом является необходимым условием полноценности последнего — такова основная мысль тех поучений, кото-

[39] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, Bd. II, 1913, S. 66—67.

рые не раз читал Бисмарк своим менее ловким преемникам. 24 января 1892 г. в его органе «Hamburger Nachrichten» появилась статья, в которой он приоткрывал завесу над политикой последних 10 лет своего канцлерства и бросал в широкую читающую публику обвинения по адресу политиков «нового курса».

«Договор 1879 г. (Zweibund) имел силу только на случай нападения России на одного из союзников. Сообразно с этим Германия всегда была в Вене сторонницей той точки зрения, что союз защищает только австро-венгерскую монархию, а совсем не ее восточную (балканскую) политику против России. На этот случай Германия всегда давала Австрии совет искать опоры в сепаратных соглашениях с равно заинтересованными державами, как Италия и Англия. На основе такого понимания договора Германия была в состоянии входить всегда в соглашение с Россией и посредством этого с успехом воздействовать на Австрию в том случае, если бы эта последняя обнаружила склонность придать своей восточной политике нежелательное направление. Это выгодное положение, сохранение которого предъявляет высокие требования к дипломатическому искусству, было признано позже слишком сложным; кроме того, добрые отношения с Петербургом расстроились из-за личных неудовольствий, и это привело к русско-французскому сближению. Положение, в которое попала вследствие этого Германия, нельзя считать благоприятным. Если раньше Германия могла в любой момент столковаться с Россией, и притом, как мы можем предполагать, на основе определенного, в настоящее время уже более не существующего соглашения, которое существовало наряду с австро-германским договором, то теперь, в результате охлаждения русско-германских отношений, для Австрии появилась вполне осуществимая возможность оказывать давление на Германию путем обращения в Петербург — обстоятельство, которое нисколько не противоречит ее договору с Германией...» И дальше: «Опасность, что Австрия будет искать соглашения с Россией через голову Германии, пока невелика, но, спрашивается, может ли Германия сохранять на продолжительное время нынешнее положение вещей, не поддерживая в то же время восточную политику Австрии противно интересам мира и своим собственным. Если мы не ошибаемся, имеются уже теперь налицо признаки того, что немецкая политика перестала быть нейтральной в восточных делах, каковой она была раньше к выгоде Германии. На этом пути Германия мало-помалу попадает в зависимость от Австрии, что совсем не соответствует ни ее положению как великой державы, ни ее национальному достоинству; в конце концов ей придется из-за балканской политики Вены рисковать своим достоянием и кровью...»[40]

[40] *H. Hofmann.* Fürst Bismarck 1890—1898. Bd. II. Stuttgart und Berlin, 1922, S. 4. См. также: ibid., Bd. I, S. 100, 112 (инспирированные Бисмарком статьи в «Hamburger Nachrichten»).

Обратимся теперь к «Gedanken und Erinnerungen» Бисмарка. Старые и давно знакомые страницы получают в свете новых документов совершенно новый смысл. Глава о союзе трех императоров (Dreibund), в которой о договоре 1873 г. говорится всего на четырех страницах из 32, а о тройственном австро-германо-итальянском союзе (1882 г.) — мимоходом на последней странице, вполне реабилитирует свое название... В ней действительно говорится о Dreibund, т. е. о союзе трех императоров, но говорится в таких выражениях, которые понятны лишь для тех, кто знал о существовании «договора 6 (18) июня 1881 г.» Одно из мест этой главы повторяет иногда дословно приведенный выше отрывок из «Hamburger Nachrichten», но вводит в то же время международное значение союза трех императоров в круг замечаний Бисмарка о внутреннем строе Австро-Венгрии.

Этот отрывок в настоящее время приобретает большой интерес. Бисмарк, говоря о том, что он всегда считал необходимым поддерживать дружественные отношения с Россией наряду с австро-венгерским союзом, замечает: у Германии не существует полной гарантии в том, что избранная ею комбинация (Zweibund) не потерпит крушения; наоборот, до тех пор пока германская политика не разрушает моста, соединяющего ее с
Петербургом, и не создает непроходимой пропасти между Гер-
манией и Россией, всегда есть возможность сдерживать анти-
германские вожделения в Австро-Венгрии. До тех пор пока этот
непоправимый разрыв не произошел, *Вена имеет возможность*
сдерживать элементы, враждебные или чуждые (курсив мой.—
С. С.) союзу с Германией. Наоборот, если наш разрыв с Рос-
сией, и не только разрыв, но даже просто отчуждение окажут-
ся непоправимыми, вырастут также и притязания Вены, где
появится уверенность в том, что немецкого союзника можно ис-
пользовать, во-первых, для расширения casus foederis, который
пока, согласно опубликованному тексту, прикрывает Австрию
лишь от русского нападения, и, во-вторых, подвести под casus
foederis защиту австрийских интересов на Балканах и Востоке,
что уже не раз и не без успеха пробовала делать наша пресса.
Естественно, что жители Дунайского бассейна имеют потреб-
ности и планы, которые выходят за пределы нынешних границ
австро-венгерской монархии; и германская имперская конститу-
ция указывает путь, следуя которому Австрия может достиг-
нуть примирения политических и материальных интересов, про-
стирающихся от восточных границ румынского племени и до
бухты Катарро (т. е. включая Румынию и Сербию? — *С. С.*).
Но в задачу Германской империи не входит жертвовать кровью
и достоянием своих подданных ради осуществления соседских
желаний. Сохранение австро-венгерской монархии как незави-
симой, крепкой, великой державы является для Германии тре-
бованием европейского равновесия, ради которого в случае на-

добности с чистой совестью можно поставить на карту мир страны. Однако в Вене должны воздерживаться от того, чтобы кроме этой гарантии заполучить поддержку таких притязаний, которые не заключаются в союзном обязательстве [41].

Итак, поскольку дело касается только международного значения союза трех императоров, и в частности связи Германии с Россией, сущность рассуждений Бисмарка можно свести к следующим положениям: поддерживать дружественные отношения с Россией, говорит Бисмарк в «Gedanken und Erinnerungen», на основе вполне определенного соглашения, ныне уже не существующего, прибавляет он в статье «Hamburger Nachrichten», необходимо для самого союза двух держав, потому что, если мост между Берлином и Петербургом будет разрушен, Австрия сможет сговориться с Россией через голову Германии, и тогда австро-германский союз ослабеет, ибо его крепость основана на австро-русском соперничестве на Балканах. Русско-германская дружба страшна Австрии, повышает для нее цену германской помощи, а тем самым бьет по врагам Германии и союза с ней в самой Австрии. Вот те два расчета, которые проходят красной нитью через отрывки, приведенные выше. Спрашивается, являются ли они позднейшим домыслом, аргументом, изобретенным против политиков «нового курса», порвавших «Draht nach Russland»? Я думаю, что нет. В статье «Hamburger Nachrichten» в доказательство того, что Германия никогда не давала повода Австрии толковать союз двух держав в смысле поддержки ее балканской политики, Бисмарк говорит: «На этот случай Германия всегда давала Австрии совет искать опоры в сепаратных соглашениях с равно заинтересованными державами, как Италия или Англия».

Но самый договор 6(18) июня 1881 г. был в своей дополнительной части соглашением с равно заинтересованной на Балканах державой — Россией. Такое же значение имело и англо-австро-итальянское соглашение 1887 г.

Вместе с этим ясно, что и двойственному союзу Бисмарк не придавал того широкого исключительного значения, какое этот союз получил позже, в иных условиях мирового хозяйства и политики Германии.

Подчеркнутые мною фразы из «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка вводят нас в круг доводов, определявших континентальную политику Бисмарка, которые он черпал из размышлений над внутренним положением европейских держав вообще и своих союзников в особенности. Эти доводы составляют зерно четвертой темы размышлений и доказательств Бисмарка в 1879 г. Двойственный союз полезен для самой России. Он наносит удар либерализму, нигилизму и панславизму, он укрепляет внутри России силы, противоборствующие революции, силы, благожела-

[41] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II, S 252–253.

тельные русско-германской дружбе и укреплению союза трех императоров. Последнее издание Священного союза — союз трех императоров с возможным впоследствии присоединением монархической Италии был, по мнению Бисмарка, лучшим оружием в предстоящей борьбе двух европейских направлений. «Я,— прибавляет Бисмарк,— в современных терминах обозначил бы их как систему порядка на основе монархического принципа, с одной стороны, и, с другой — как социальную республику, к уровню которой рано или поздно должно склоняться всякое антимонархическое развитие до тех пор, пока невыносимое положение вещей, созданное этим уклоном, не сделает разочарованные народы более восприимчивыми к идее насильственного возврата к монархическим установлениям в форме цезаризма. Избежать этого circulus vitiosus или по возможности предупредить впадение в него нынешнего поколения и его ближайших потомков я считал задачей, которая должна была быть для еще здоровых монархий более важной, чем соперничество из-за влияния на национальные фрагменты, населяющие Балканский полуостров»[42]. Значение этой тирады заключается, конечно, не в своеобразной философии истории с монархической точки зрения, а в том неожиданном, на первый взгляд, прибавлении о «национальных фрагментах на Балканах», которым сопровождается рассуждение Бисмарка о значении союза трех императоров в борьбе с европейской революцией. Как бы ни была широка мысль Бисмарка о социальной революции в виде ли демократической республики или в образе страшной для немецких филистеров, но в общем чрезвычайно благонамеренной социальной республики немецких ревизионистов 90-х годов, его мысль не случайно скользит от революции к балканскому вопросу. Именно здесь были заложены те революционные опасности, которые в практическом отношении были гораздо ближе и непосредственнее связаны с бытием монархического треугольника, чем русская или германская революции, а самое главное, гораздо непосредственнее затрагивали интересы бисмаркианской Германии. Дело идет о том значении, которое имели «национальные фрагменты на Балканах» для взаимоотношений между прусской «малой Германией», дуалистической Австро-Венгрией и абсолютистской Россией.

В проекте общей инструкции от 7 ноября 1880 г. по греческому вопросу, привезенном Радовицем из Фридрихсруэ, мы находим одно любопытное место, которое помогает нам дешифрировать мысль Бисмарка. Германия, говорится в инструкции, готова поддерживать стремление Греции к расширению. «Не говоря об элементах христианства и цивилизации, которые присущи грекам в противоположность туркам, греки вместе с албанцами и румынами образуют основную неславянскую часть

[42] *O. Bismarck.* Gedanken und Erinnerungen, Bd. II, S. 229.

Балканского полуострова и являются одним из противовесов панславизму. В последнем скрывается опасность для Восточной Европы. Она заключается не в перевесе сил России, но в распространении революции среди неспособных по природе подчиняться славянских племен вплоть до Богемии и Иллирии. Расширение Российской империи, включение в нее турецких провинций и даже Константинополя было бы неопасным для Германии, а для Австрии — в меньшей степени, чем там принято думать... Наоборот, панславизм с его революционными целями опасен был бы для обеих держав, для Австрии еще в большей степени, чем для нас, а больше всего для самой Российской империи и ее династии. Революционное славянство с русским императором во главе или без него всегда будет союзником всех республиканских элементов не только во Франции, но и в Италии, Испании, быть может, даже в Англии. В Англии указывают на эти начала, лежащие в основе гладстоновской доктрины»[43]. Как должны мы понимать эти фразы? Панславизм — явление, опасное для Германии, Австрии и абсолютистской России. Вспомним теперь, что́ говорит Бисмарк в документах, относящихся к 1879 г., о значении союза двух держав как средства против либерализма, панславизма и нигилизма в России, с одной стороны, и, с другой — в своих мемуарах — о значении русско-германского союза для обуздания антигерманских элементов в Австро-Венгрии, и в таком случае круг рассуждений Бисмарка замкнется в монархический треугольник, скрепляемый не только требованиями внешней безопасности, но и стремлением к внутренней устойчивости в каждой из трех союзных монархий.

В своем месте я сказал[44], что прусская «малая» Германия была фатально обречена на то, чтобы оглядываться на абсолютистскую Россию и поддерживать дуализм в австрийской монархии. Второе из этих двух положений было объяснено мною с достаточной подробностью в том месте, где я останавливался на австро-германских отношениях в связи с восточной политикой Австрии. Обратим внимание на первое положение. Его можно было бы формулировать в виде темы «Союз двух держав и русский абсолютизм», а основную задачу этой темы свести к вопросу: в какой мере русский абсолютизм был необходим для

[43] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 719, S. 19. О взглядах Бисмарка на «slawische Revolution» см.: «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 461, а также N 477, S. 81: «Weshalb ich der mit Österreich den Vorzug gebe, das habe ich in früheren alleruntertänigsten Berichten darzulegen gesucht. Ich erlaube mir nur noch hinzuzufügen, dass wir, abgesehen von der grösseren Sicherheit eines österreichischen Bündnisses, uns bei Österreich mit einer notwendig friedliebenden, defensiven und konservativen Macht verbinden, bei Russland aber mit der eroberungssüchtigen und kriegerischen slawischen Revolution»; о «panslawistische Revolution» см.: ibid., N 482, S. 93; о взгляде Андраши — ibid., N 455, S. 34.

[44] См. выше, стр. 46.

среднеевропейских держав в их исторически сложившейся форме, и в особенности для Германии Бисмарка.

Поддержка Бисмарком австро-венгерского дуализма объяснялась не только тем, что Венгрия оказывалась тяжелым жерновом, повешенным на шею Австрии и сковывавшим свободу ее движений в направлении к Германии. Еще одна возможная форма внутреннего устройства дунайской монархии — австро-венгро-славянский триализм или федерализм — была для Бисмарка еще менее приемлема, чем австрийский централизм. Появление чехов среди господствующих наций австрийской монархии усиливало опасность австро-французского союза[45]. Хотя эта опасность несколько уменьшилась после разгрома Франции в 1870 г., зато на горизонте появилась другая угроза — оживление славянского движения в связи с событиями на Балканах, и в этом случае возникала другая опасность — поддержка славянского движения Россией. События 1875—1877 гг. показали, что русский абсолютизм против своей воли и желания был вовлечен в водоворот событий на Балканах и принужден был, так сказать, вопреки своей природе, поддерживать национальное движение на Балканах. Но, как известно, русский панславизм в своих планах шел гораздо дальше на север и размышлял вслух о гибели «лоскутной империи». Как очень хорошо осведомленный в русских делах, Бисмарк едва ли не знал, что русский панславизм после русско-турецкой войны переживал моральный крах и полное и окончательное распадение, но предметом его опасений был не русский панславизм, а то общее славянское национальное движение, та борьба славянских национальностей за власть в пределах австрийской монархии, которую чаще всего в Германии 70—80-х годов прикрывали старым термином «панславизм», получившим у немецкой буржуазии одиозный оттенок со времени 1848 г. Дело было совсем не в русском панславизме. «Революционное славянство» грозило или поставить заново весь немецкий вопрос, или по крайней мере усилить антигерманские тенденции в австрийской монархии. Исход внутреннего кризиса в России, назревшего к 1879 г., — о чем весьма усиленно говорили в этом году в Европе — приобретал немаловажное значение для славянского вопроса в целом. Свободная Россия оказалась бы гораздо большим пугалом для исторически сложившейся Средней Европы, чем плод радикальных фантазий 1848 г., свободная великая Германия, для абсолютистской России[46]. И наоборот, русский абсолютизм был

[45] *G. Kolmer*. Parlament und Verfassung in Oesterreich, Bd. II. Wien und Leipzig. 1903. S. 65.

[46] Если в России «дело дойдет до революции, то что же станет с последним оплотом династии Гогенцоллернов?» — писал К. Маркс Ф. А. Зорге 27 сентября 1877 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т 34, стр. 230) и несколько ниже: «Если... поляки будут спокойно выжидать, пока пожар разгорится в Петербурге и Москве, и если Бисмарк выступит тогда в качестве спасителя, то Пруссия обретет... свою Мексику!»

максимальной гарантией того, что национальное славянское движение в Австро-Венгрии будет предоставлено собственным силам. Мы таким образом должны понимать приведенные выше рассуждения Бисмарка о панславизме на фоне толков по поводу внутреннего кризиса в России и русской революции. Только в таком случае для нас станет понятным, почему, по мнению Бисмарка, панславизм опасен прежде всего русской династии. Революционное славянство (конечно, в соединении с славянством русским) во главе с русским императором (конечно, не самодержавным[47]), или без него (русская республика?[48]) будет всегда союзником республиканских элементов не только во Франции, но также в Италии, Испании, даже в Англии.

9 сентября 1879 г., т. е. в разгар газетных пересудов о заключении Бисмарком австро-германского союза, Энгельс писал Марксу: «Было бы лучше, если бы в самой России дело пошло быстрее к кризису и возможность войны (между Германией и Россией.— *С. С.*) была бы устранена внутренним переворотом. Положение становится слишком благоприятным для Бисмарка. Одновременная война с Россией и Францией стала бы борьбой за национальное существование, и шовинизм, который вспыхнул бы при этом, на целые годы задушил бы наше движение. При этом, если бы присоединилась Англия, шансы были бы весьма благоприятны для Бисмарка: продолжительная упорная борьба, но три шанса против двух, что окончательный исход был бы такой же, как в Семилетней войне»[49].

Бисмарк боялся русской революции. Вся его политика в эпоху восточного кризиса была направлена к тому, чтобы ослабление России, нужное ему для международного господства Германии на континенте, было достигнуто без ослабления русского абсолютизма. А это возможно было лишь при условии русской победы над турками и устранения опасности, грозившей русскому абсолютизму изнутри. Бисмарку не удалось выманить Англию на путь активной политики на континенте, да Бисмарк, мы увидим, и не очень добивался этого. При таких условиях единственно целесообразной продолжала оставаться дружба с русским абсолютизмом, который был наилучшей гарантией и против русской революции, и против революции славянской, а вместе с тем и наиболее прочным залогом устойчивости внутренних отношений в двух немецких государствах Средней Европы. Здесь будет уместно сделать одно маленькое замечание. Если

[47] Бисмарк — императору Вильгельму, 7 сентября 1879 г. («Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 57): «Chauvinismus des slawischen Cäsarentums».

[48] Австрийскому кронпринцу Рудольфу Бисмарк сказал в 1887 г., что он считает Россию гораздо демократичнее, чем принято думать. Он думает, «dass Revolutionen und infolgedessen eine russische Republik Dinge sind, die, wenn die Gelegenheit sich dazu bietet, auch sehr eintreten konnten» (см. *O. Bismarck*. Die gesammelten Werke, Bd. VIII. Berlin, 1926, N 417, S. 559).

[49] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 85—86.

Бисмарк доказывал кому-либо пользу или вред той или другой ситуации, то почти наверняка можно сказать, что эта ситуация была еще более полезна или вредна для него самого. Так, в данном случае едва ли может быть сомнение в том, что панславизм наименее опасен был как раз для Российской империи и для ее династии, более опасен для Германии и больше всего затрагивал Австро-Венгрию. Рост славянского движения во время балканского кризиса вызвал большие опасения в Австро-Венгрии и сказался на некотором ослаблении дуалистического режима в политике национальностей графа Тааффе. Один из деятелей чешского национального движения, Ригер, человек прекрасно осведомленный о настроении австрийских сфер, уверял русского посла Новикова, что и здесь не обошлось без Бисмарка. Он будто бы внушил венскому кабинету мысль удовлетворить до известной степени чаяния чехов, чтобы они не стремились искать опоры в России [50].

Мы видим, таким образом, в какой мере вся система политики Бисмарка вросла своими корнями в континентальную почву. Известное выражение Бисмарка о «сытой Германии» («saturiertes Deutschland») нужно дополнить в том смысле, что сытыми в полном смысле слова были и должны были оставаться командующие классы Пруссии, победившие в 1870—1871 гг. и заключившие экономический союз 1879 г., выражением которого была новая таможенная политика германского канцлера. Но обе эти задачи, т. е. и закрепление гегемонии Германии в Европе и сохранение ее внутреннего социально-политического порядка, требовали мира в Европе, и в первую очередь устойчивости внутреннего порядка в монархическом треугольнике ее Востока. Бисмарк действовал именно в этом духе. Для него сохранение дружбы с абсолютистской Россией было необходимым выводом из тех оснований, на которых покоились политическая мощь юнкерства и крупной буржуазии в Пруссии и гегемония Пруссии в Германии.

Понятно поэтому, какое впечатление должны были производить на Бисмарка разговоры о русской конституции в последние годы царствования Александра II. Нигилизм, либерализм и панславизм с его революционными тенденциями, казалось,

[50] Новиков — Гирсу, 15 (27) октября 1879 г.— А.К.М., Vienne, I, лл. 493—496. «Le d-r Rieger ne m'a fait laissé ignorer qu'il croyait que l'ère Taaffé servant d'introduction à une nouvelle ère Hohenwart, n'avait pas été inaugurée sans espèce de patronage du Chancelier Allemand. Seulement au dire de deputé bohême ce patronage n'est pas sans restriction. Si en fait des Slaves il n'y avait que des Croates et des Serbes, le Prince Bismarck abandonnerait volontiers une domination sans réserve, mais il y a aussi les Czechs et ceux-ci sont trop voisins de l'Allemagne pour qu'il puisse vouloir grandir demesurément leur rôle. Néanmoins il aurait suggeré au Cabinet de Vienne l'opportunité de satisfaire jusqu'à un certain point leurs voeux afin qu'ils ne succombent pas à la tentation de chercher leur point d'appui en dehors de la Monarchie c.à.d. chez nous».

были недалеки от реализации. И в тот момент, когда вокруг нового императора завязалась борьба за политический курс, он тоже приложил свою руку к тому, чтобы обеспечить победу Победоносцеву и Каткову над колеблющейся волей Александра III. 3(15) апреля 1881 г. Сабуров доносил из Берлина, что, по словам Бисмарка, в правительственных кругах считают, что, прежде чем думать о реформах, необходимо, чтобы абсолютная власть возвратила себе свой престиж. Тлетворным веяниям необходимо противопоставить союз русской и германской монархий [51]. Несколько позже Сабуров писал Гирсу, что Бисмарк выражал свое возмущение по поводу того, что не только Орлов и Шувалов, но даже его старый друг Суворов проповедуют необходимость конституции. Сабуров счел необходимым заступиться за Орлова и Шувалова. Они, писал он, говорили не о конституции, а лишь о расширении Государственного совета выборными от земства [52–53]. Александр III читал эти письма и на первом из

[51] Сабуров — Гирсу, 3 (15) апреля 1881.— С. А., папка, 9, лл. 212—214: «Telle m'a paru être particulièrement l'opinion du Prince Bismarck. Jamais il n'a parlé avec plus de conviction de la solidarité qui doit unir les Trônes de Russie et de l'Allemagne, tandis qu'un mauvais souffle traverse le monde».

[52–53] Сабуров — Гирсу, 25 апреля (7 мая) 1881 г.— С.А. (см. ниже, стр. 264, источники), папка 9, лл. 249—251.

Вот некоторые выдержки из этого письма: «Bismarck m'a confié qu'il avait été frappé et surpris d'entendre exprimer les mêmes opinions (необходимость конституции.— *С. С.*) par tous les russes qui ont passé dérnièrement par Berlin. Tous lui ont paru pencher vers les idées constitutionnelles. A les entendre, on croirait qu'il suffirait d'établir une Assemblée de deputés pour que tout marchât bien en Russie. «Orlow, Schouvalow,— a-t-il ajouté,— même mon vieux ami Souvorow, m'ont exprime la même opinion».— Quant à Orlow et Schouvalow, je dois rectifier les impressions de Bismarck en ce sens qu'ils se sont bornés à mentionner l'idée d'un elargissement du Conseil de l'Empire par les выборные от земства et qu'ils n'ont nullement parlé d'un régime constitutionnel. «Vos dames surtout,— a-t-il ajouté,— expriment des idées très avancées». Il se trouvait dernièrement à diner à côté d'une dame russe très connue. Elle lui a dit qu'il était temps que la Russie ne fasse plus exception en Europe, et qu'elle ne soit pas la seule privée des bienfaites du régime représentatif. Bismarck l'a engagé a consulter d'abord les chefs de Cabinet de tous les pays européens pour savoir si ce sont réellement des bienfaits. Quand ils veulent faire quelque chose de bon et d'utile, ce régime représentatif leur oppose mille entraves; tandis que l'Empereur de Russie peut faire des grandes choses d'un trait de plume. Il n'a fallu qu'une «быть по сему» pour opérer l'oeuvre immortelle de l'émancipation des serfs. En me racontant cet entretien, le Prince a ajouté qu'il faisait des voeux pour que la Russie conserve aussi longtemps que possible la baguette magique du pouvoir absolu, ne fût-ce que pour accomplir les réformes qui lui sont nécessaires...» См. также: *Е. А. Перетц*. Дневник (1880—1883). М.—Л., 1927, стр. 70—71. «4 мая... Гр. П. А. Шувалов рассказывает, что при проезде через Берлин несколько дней назад он навестил Бисмарка. Последний был чрезвычайно недоволен действиями Лориса и просил Шувалова доложить от его имени государю, что политика последнего времени и заигрывание с общественным мнением погубят Россию, что нужно надеть на руку железную перчатку и просто-напросто зажать рот всем крикунам, мечтающим о конституции. Ког-

них сделал пометку, свидетельствующую, что внушения Бисмарка о необходимости прежде всего для России «un régime de severité» попали в цель: «Дайте прочесть это письмо гр. Лорис-Меликову». И тут же: «Это до того *верно и справедливо,* что дай бог, чтобы всякий русский, а в *особенности* министры наши поняли наше положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».

Итак, связь Германии Бисмарка с абсолютистской Россией была органичнее и глубже, чем это кажется тем из наших современников в Германии, которые, ратуя за английскую ориентацию современной германской политики и разоблачая безумие политики «нового курса», отказавшегося от английских предложений союза в 1899—1901 гг., подкрепляют себя аргументами из Бисмарка. Мы вообще не знаем, какие формы приняла бы англо-германская дружба, если бы Англия пошла навстречу предложениям Бисмарка в 1888 г.[54], и сейчас покамест этого вопроса не касаемся. Но совершенно ясно, что, прежде чем решиться на поворот от России к Англии (даже если бы Англия была более восприимчивой к предложениям германской дружбы, чем это оказалось на самом деле), Бисмарк должен был много раз подумать о том, каковыми могут быть для русского абсолютизма последствия дипломатической изоляции России и враждебного отношения к ней всей Европы (за исключением Франции). Полный разрыв Бисмарка с Россией со всеми вытекающими отсюда последствиями был бы несомненно тяжким ударом для престижа русского самодержавия внутри страны и мог бы иметь смысл лишь в том случае, если бы, как думал Энгельс, Бисмарк действительно «всеми силами стремился вызвать войну с Россией». Но в таком случае или русская революция, или, скорее, война на два фронта были бы весьма вероятны. Конечно, такая война при «разгоревшемся шовинизме» отодвинула бы дело социальной революции на многие годы, но это не значит, что ее результаты даже в случае победы Германии и ее союзников над русско-французским союзом, с точки зрения Бисмарка, были бы благоприятны для Пруссии, не говоря уже о том, что эта война вообще была бы сопряжена с огромным риском. Ведущаяся под лозунгом национального существования, война поставила бы заново немецкий вопрос в

да Шувалов отказался от этого поручения как потому, что он не сочувствует взглядам Бисмарка, так и потому, что не считает себя довольно близким его величеству, чтобы докладывать о подобных вопросах. Бисмарк ужасно рассердился и, обратясь к жене, присутствовавшей при этой беседе, сказал ей: «Tu entends, Bismarck n'est plus rien». Быть может, что ввиду отказа Шувалова Бисмарк дошел до государя через германского императора. Во всяком случае не подлежит сомнению, что падению Лориса рукоплескали в Берлине. Доказательством тому может служить статья «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», чрезвычайно превозносящая манифест».

[54] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, Kap. XXIX.

целом, и в таком случае весьма вероятно, что Пруссии пришлось бы в конце концов поневоле «раствориться в Германии». Путем огромного напряжения сил и подвергая колоссальному риску только что сколоченное национальное единство, что мог получить в результате этого Бисмарк? Великую Германию? Освобожденную Польшу? Или, наконец, усилившуюся за счет славянских областей, славянизированную и очень сомнительную в смысле верности Германии Австрию?

Ничего хорошего не предвещала для Бисмарка, конечно, и русская революция, если бы она, как того желал Энгельс, вспыхнула до войны. Конституционная ли только или республиканская Россия имела бы, как мы видели, по мнению Бисмарка, больше союзников, чем Россия самодержавная, но хуже всего было бы то, что вместе с этим увеличились бы славянские притязания в Австрии, возникла бы опасность для австро-мадьярского дуализма и не исключена была бы возможность и в этом случае постановки немецкого вопроса в целом. Конечно, при известных условиях и Бисмарк готов был согласиться на расширение Австрии включением в нее новых славянских областей. Об этом говорит настойчивость, с какой он старался в 80-е годы навязать своим восточным союзникам идею дележа Балкан на две сферы влияния: русскую и австрийскую. Но именно эта единственная форма, в которой он допускал славянизацию Австрии, ясно показывает, какие условия он считал необходимыми для этого. Во-первых, это означало, что дележ на сферы влияния (а засим, может быть, и более реальный раздел) возможен только на основе соглашения с Россией, а, во-вторых, это самое соглашение для России было бы фактическим отказом от ее традиционной национальной политики на Востоке. Ведь Россия в таком случае «предала» бы сербов Австрии. Совершенно ясно, что и эта единственно допустимая, с точки зрения Бисмарка, возможность славянизации Австрии могла бы быть осуществлена только русским абсолютизмом. Даже самый легкий либерализм Милютина и военных кругов в России в конце царствования Александра II приводил к политике, при которой никакой раздел Балкан не считался допустимым. Раз Россия желала быть только союзником и только «народной», либеральной Болгарии, ей незачем было дарить Австрии Сербию в качестве сферы влияния!

Итак, мы видим, что «русофильство» Бисмарка, его пресловутое, не раз им самим подчеркиваемое «русофильство», действительно существовало и имело свой raison d'être не только как необходимость, продиктованная ему международными расчетами, но и как звено цепи, связывающей внутренние устои, социальные корни исторически сложившейся Средней Европы. Его антирусские махинации не могли идти слишком далеко; во всяком случае они не должны были угрожать бытию русского самодержавия. Политика Бисмарка именно такой и была. Ослабить

Россию посредством победы, как во время русско-турецкой войны и ее подготовки, отвлечь ее внимание от Европы, создавая ей маленькие успехи на Балканах, как в 80-е годы, но всегда при этом уберегать русскую монархию от явных и крупных поражений — таковы были основные черты этого русофильства в политике Бисмарка. Конечно, такая политика имела смысл до тех пор, пока необходимый для «сытой Германии» мир был более или менее обеспечен. Если бы война надвинулась против воли Германии, все расчеты должны были бы стать другими. Пресловутое «русофильство» Бисмарка было тесно связано с не менее пресловутым «пацифизмом» его в 80-е годы. Если его помощь России и не всегда и не во всем оканчивалась удачей для последней, то в этом виноват был во всяком случае не он.

Предыдущие рассуждения наталкиваются на один факт, который как будто противоречит развитой мною мысли о значении русско-германской дружбы в политике Бисмарка. Как раз к осени 1879 г. относится один его политический шаг, который рассматривается даже критически настроенным Ротфельсом как серьезная попытка войти в соглашение с Англией против России[55]. В противоположность предыдущим случаям мы имеем на этот раз определенные данные в «Die Grosse Politik». Помещая их в IV томе коллекции, посвященном германо-английским отношениям[56], редакция «Die Grosse Politik» сделала примечание, что документы эти (№ 709—715) относятся, собственно, к заключению австро-германского союза, но так как в этой связи они играют лишь не имеющую значения и последствий эпизодическую роль, то явилось более целесообразным напечатать их в IV томе, так как они весьма характерны для германско-английских отношений эпохи Бисмарка. Мы сейчас увидим, что редакция сделала ошибку, выделив их из общей их связи с документами, относящимися к австро-германскому союзу, ибо они именно потому и характерны для германо-английских отношений эпохи Бисмарка, что они не имели сами по себе и не могли, как мы увидим, иметь большого значения и последствий, а то действительно небольшое значение, хотя и без последствий, которое они все-таки имели, стоит в тесной связи не только хронологически, но и логически с заключением австро-германского союза.

14 сентября 1879 г. Бисмарк, стягивавший в это время все резервы для борьбы с упрямым императором[57], не желавшим давать согласие на заключение союза с Австрией, прислал из Гаштейна, где он лечился, в Берлин Радовицу телеграмму следующего содержания: «Я сделаю сегодня князю Гогенлоэ... сообщение о положении вещей (дело идет о той же борьбе канцлера с императором.— *С. С.*) и считаю необходимым то же самое сообщить и графу Мюнстеру. Если последний в отпуску, то ему следует поскорее вернуться в Англию и, по возможности, получить от лорда Биконсфильда разъяснение, какова будет политика Англии в том случае, если мы будем и впредь отвечать отказом на русские требования и вследствие этого придем к разладу с Россией. Собственные интересы Германии не пострадали бы, если бы мы пошли навстречу русским требованиям. Лишь значение для нас дружбы с Австрией и Англией удерживает нас от этого; вследствие этого мы должны знать, что́ предпримет Англия, если мы поссоримся с Россией. Письмо императора Александра и донесение генерала Швейница сообщить Мюнстеру»[58].

Получив эту телеграмму, Радовиц заготовил соответствующую депешу, и 16 сентября 1879 г. она была отправлена Мюнстеру[59]. Последний лишь 27 сентября мог повидаться с лордом Биконсфильдом. О разговоре, который произошел между ними, имеются две не совпадающие друг с другом версии; одна идет от Биконсфильда[60], другая от Мюнстера[61]. Биконсфильд в обширном меморандуме, изготовленном в тот же день для королевы, рассказывает, что Мюнстер подробно распространялся на тему о кризисе русско-германской дружбы и даже сказал,что Россия готовится напасть на Австрию. Так как Германия нуждается в мире больше, чем другие державы, то она предлагает тройственный союз Австрии, Германии и Великобритании. Но Бисмарку, прежде чем говорить об этом с императором, надо знать, расположена ли Англия принять участие в этой системе. Дизраэли ответил на это, что он сожалеет о неудаче такого же предложения в 1876 г.[62], что он лично готов всегда идти на соглашение с Германией, но предупредил, что всякий шаг Великобритании, который мог бы быть истолкован как шаг, враждебный по отношению к Франции, вызвал бы неудовольствие в стране ввиду большой сердечности англо-французских отношений. По Мюнстеру, Биконсфильд, после того как немецкий посол «в двух словах» изложил ему цель своего визита, начал с того, что выразил свое удовлетворение по поводу того, что Россия, «ослепленная и охваченная безумием славянофильства», отталкивает от себя старого союзника и, кажется, готова рас-

---

[55] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik. Berlin und Leipzig, 1924, S. 52: «Er (Bündnisführer.— *С. С.*) hat, vergleichen mit den anderen Versuchen, die grösste Tragweite, sein Erfolg würde eine grundsätzliche Wendung der Bismarckschen Politik, eine «Option» im vollen Wortsinn bedeutet haben». См. также: *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, 1871—1914, Bd. I. Stuttgart, 1923, S. 280.

[56] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, S. 3 f.

[57] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, Bd. III. Stuttgart, 1913, S. 260—261.

[58] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 709.

[59] Ibid., N 710.

[60] *G. E. Buckle.* The Life of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, vol. VI. New York, 1920, p. 486 f.

[61] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 712, S. 7, Bem.

[62] См. выше, стр. 57—59.

торгнуть бывший столь для нее полезным союз трех императоров. Англия должна оставить свою политику невмешательства, навязанную ей Кобденом и его приверженцами. Ее естественные союзники — Австрия и Германия. Он с большой радостью готов заключить союз[63] с Германией. Суть вопроса — Франция и возможность ее союза с Россией. Но именно в этом пункте он может дать самые прочные гарантии. Франция ни в коем случае не нападет на Германию, если она будет знать, что Англия будет рассматривать это как casus belli; что же касается Германии, то, имея вполне обеспеченные границы с Францией, она само собой разумеется, не станет нападать на Францию. В заключение Биконсфильд сказал, что, если Бисмарк будет помогать Англии на Востоке, где ее интересы совпадают с австрийскими, и из-за этого поссорится с Россией, то Англия возьмет на себя обязанность удержать Францию от выступления. «Мы будем в этом случае удерживать Францию, насколько это от нас зависит»,— прибавил он. «И больше ничего?» — сделал вопросительное замечание Бисмарк на полях донесения Мюнстера[64].

На этом переписка не кончилась. 8 октября Радовиц по поручению Бисмарка писал Мюнстеру[65] уже не в виде поручения, а в поучение самому послу, которым Бисмарк был, по-видимому, на этот раз недоволен, что канцлер не удовлетворен в полной мере ответом Биконсфильда. Ведь вопрос был задан вполне определенный: «Что предпримет Англия, если мы поссоримся с Россией из-за того, что во внимание к дружественным нам державам Англии и Австрии мы, не будучи сами заинтересованы в восточных делах, откажемся поддерживать русскую политику на Востоке?» Совершенно ясно, что Германия должна в таком случае определенно рассчитывать на активную и вооруженную поддержку Англии против России... Если Германия не будет вполне уверена в ней, то для нее еще более усугубляется основание избегать конфликта с Россией из-за восточных дел. Конечно, нейтрализация Франции в случае войны Германии с Россией есть помощь, достойная благодарности, но война Германии с Россией, каковы бы ни были шансы Германии на победу, является для Германии несчастьем, даже и в том случае, если Франция в ней не будет принимать участия; «лишь в самом крайнем случае, лишь в случае, если окажутся замешаными самые важные интересы и нам будет вполне обеспечено прикрытие, мы можем отважиться на такую войну». Радовиц прибавлял, что канцлер просил не возбуждать снова этого вопроса с лордом Биконсфильдом и отнюдь не делать вида, «что мы нуж-

[63] Биконсфильд при этом, как он сам говорил Солсбери, старался избегать слова «treaty» (писаный договор), предпочитая ему менее определенное «alliance» (см. «Die Grosse Politik»...», Bd. IV, S. 8, Bem.).
[64] «Die Grosse Politik...», Bd IV, S, 9.
[65] Ibid., S. 10.

даемся в более выгодной для нас позиции английского кабинета или стремимся вынудить от английской политики бóльшие уступки». Но, с другой стороны, и лорд Биконсфильд не должен пребывать в уверенности, что его предложения создают достаточную почву для того, «чтобы мы приняли на себя последствия разрыва с Россией». Вследствие этого послу и предлагалось соответствующим образом рассеять эти иллюзии английского премьера. Несколько позже[66] англичане сообразили, что они, пожалуй, мало дали Бисмарку. И Мюнстер, и Солсбери старались уверить Бисмарка, что активная поддержка Германии Англией в случае войны с Россией сама собой разумеется. В подкрепление своим заманчивым предложениям Солсбери говорил, что совсем недавно (noch ganz neuerdings) Россия прощупывала почву для союза с Францией и даже с Италией. Никакого ответа из Берлина больше не последовало. Этим эпизод и кончился. Спрашивается, что все это значит?

И Ротфельс[67], и Рахфаль[68], и Таубе[69], специально занимавшиеся этим вопросом, единодушно видят в этом эпизоде одну из попыток Бисмарка вовлечь Англию в союз с Германией и Австрией. Но в их взглядах есть и существенная разница. Рахфаль и Таубе считают, что Бисмарк желал получить от Англии гарантию Эльзас-Лотарингии и что, таким образом, острие соглашения направлено против французского реванша. Ротфельс связывает примечание Бисмарка «И больше ничего?» (к тому месту донесения Мюнстера от 27 сентября, где последний передает обещание Дизраэли удержать Францию от выступления в случае войны Германии с Россией из-за юго-восточных дел) с разъяснением Бисмарка от 8 октября[70] (где он говорит, что ждал от Англии обещания активной и вооруженной поддержки против России) и делает вывод, что предлагавшийся Бисмарком Англии союз был направлен главным образом против России. Ротфельс поэтому склонен придавать этому шагу Бисмарка даже большее значение, чем два предыдущих исследователя, и видит в нем неудавшуюся попытку привлечь Англию к австро-германскому союзу против России (Option)[71].

Однако и та и другая концепции представляют собой чистейшее недоразумение, плод обостренного внимания к проблеме «Россия или Англия?» в послевоенной Германии. Характерно, что, следуя редакции «Die Grosse Politik», названные авторы выделяют этот эпизод из общей связи событий августа — октября 1879 г. и рассматривают его как нечто совершенно само-

[66] См. письмо Мюнстера Бисмарку от 17 октября 1879 г. («Die Grosse Politik...», Bd. IV, S. 13).
[67] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 45—52.
[68] *F. Rachfahl.* Deutschland und die Weltpolitik, Bd. I, S. 280—282.
[69] *A. Taube.* Fürst Bismarck zwischen England und Russland. Stuttgart, 1923, S. 40—42.
[70] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 713.
[71] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 52.

стоятельное. Ротфельс даже ставит этот запрос Бисмарка на одну доску с его политикой, направленной к заключению австро-германского союза. «В то время,— говорит он,— когда переговоры с Андраши и со старым императором относительно заключения союза двух держав еще висели в воздухе, Бисмарк пробовал в Лондоне почву насчет гарантий, которые могли бы стать наряду с австрийскими гарантиями, а может быть, и вместо них»[72]. Ротфельс прав лишь в одном отношении, что формально Бисмарк все время подчеркивал недостаточность английских гарантий именно против России, а не против Франции.

Чтобы решить вопрос, какой смысл имело это обращение Бисмарка к Англии в сентябре 1879 г., рассмотрим его с точки зрения хронологической. Мы сразу же приходим в недоумение. В самом деле, зачем понадобилось Бисмарку 14 сентября в срочном порядке вызывать Мюнстера из отпуска и поручать ему сделать Биконсфильду приведенный выше запрос? Хотел ли Бисмарк получить гарантию против Франции или против России — объяснение срочности запроса мы должны искать в соответствующем ухудшении германско-французских или германско-русских отношений. Ничего такого в действительности не было. С Францией отношения были в это время вообще хорошие; что же касается России, то пресловутое письмо Александра II от 3(15) августа, даже если считать, что оно в самом деле произвело на Бисмарка большое впечатление, было получено не позже 18 августа, т. е. почти месяц тому назад. Наоборот, после свидания императора с царем в Александрове не оставалось никаких сомнений, что русское правительство вовсе не желает разрыва с Германией. Бисмарк в это время боялся совсем не русской вражды, а русской дружбы, которая делала Вильгельма I в такой мере неподатливым на заключение союза с Австрией.

Еще большее недоумение вызывает в нас самое содержание запроса. Бисмарк спрашивает: что предпримет Англия, если Германия поссорится с Россией из-за восточных дел, не будучи в них непосредственно заинтересована, а только из дружбы к Англии и Австрии[73]. Если бы этот вопрос был задан 200 лет тому назад каким-нибудь немецким князем, то смысл его был бы прост и ясен, и английские политики ответили бы на него тоже вопросом: «сколько?», подразумевая при этом тысячи фунтов стерлингов. Германия Бисмарка, конечно, была далека от подобных сделок. Так же очевидно, что вопрос Бисмарка мог иметь какой-либо иной смысл, чем просто изъявление готовности таскать для Англии каштаны из русского огня, лишь в том случае, если бы разрыв с Россией был уже совершившимся фак-

[72] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 44.

[73] Это выражение мы находим у Бисмарка как раз в связи с возможностью направленной против России австро-англо-германской коалиции, которой так боялись русские в 1879 г. (Бисмарк — императору Вильгельму, 15 сентября 1879 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 477, S 80).

том; если бы Бисмарк или подготовлял нападение на Россию, как думал Энгельс, или был убежден, что Россия собирается напасть на него. Именно так поняли вопрос Бисмарка и Мюнстер и Биконсфильд. Последний и выразил свое полное удовлетворение по случаю развала союза трех императоров.

Мюнстера обвиняют обыкновенно в том, что он-де не понял и неудовлетворительно выполнил это поручение Бисмарка. Неспособный дипломат старого покроя, англофил, давно преследуемый идеей оторвать Германию от варварской России и вернуть ее в лоно культурного Запада, он, не особенно вдумавшись в смысл присланной ему депеши, стал нащупывать почву для англо-германского союза вообще, не обратив внимания на подчеркивание Бисмарком русской стороны вопроса[74]. Но критики Мюнстера в данном случае обнаружили еще меньше понимания, чем сам германский посол. Конечно, та компенсация, которую предлагал Биконсфильд Мюнстеру, поторопившемуся сделать вывод о разрыве русско-германской дружбы, была очень мала (обеспечение нейтралитета Франции в случае русско-германского конфликта). Но, как оказалось впоследствии, активная помощь Германии с английской стороны в случае русско-германской войны понималась в это время англичанами, как нечто само собой разумеющееся[75]. Следовательно, и с этой стороны все обстояло благополучно. Мюнстер не мог понять запроса Бисмарка иначе, чем так, как он его понял, т. е. что разрыв Германии с Россией уже совершился. В самом деле, если разрыва не было, если нападение на Россию не было для Германии необходимостью, вытекавшей из ее собственных интересов, если Бисмарк не был убежден, что Россия готовится напасть на Германию,— могли ли англичане дать Германии такую компенсацию, которая вполне уравновесила бы невыгоды разрыва с Россией из-за восточных дел?

При таких условиях Бисмарк толкал Россию на союз с Францией, ставил себя в зависимость от Австрии и Англии, которая в любой момент могла бы выйти из игры без всякого для себя ущерба, предоставив дорогим союзникам защищать себя своими боками,— и все это ради целей, которые не представляли для Германии никакого интереса! Мало этого, поскольку поддержка балканской политики Австрии косвенно лежала в интересах Германии, как залог ее внутреннего спокойствия и прусского господства, эту поддержку Бисмарк рассчитывал совместить с добрыми отношениями к России. Англия же ради защиты своих интересов на Босфоре должна была, как он выражался, идти к своей цели на корпус впереди Австрии.

Совершенно очевидно, что вопрос Бисмарка Биконсфильду мог иметь смысл лишь постольку и до тех пор, пока у Бис-

[74] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik, S. 49—50.

[75] Мюнстер — Бисмарку, 14 октября 1879 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 714.

марка были сомнения насчет истинных намерений русского правительства. Многое, однако, говорит за то, что он в 1879 г. вообще, а после александровского свидания в особенности вряд ли сильно опасался за мирный исход русско-германского разлада. Поэтому мы едва ли ошибемся, если будем утверждать, что вопрос был задан в нарочно нелепой форме, с явным расчетом получить отрицательный или по крайней мере неудовлетворительный ответ или же вызвать то недоразумение, которое и оказалось на деле. Но если это так, то остается предположить, что этот политический шаг для Бисмарка не имел самодовлеющего значения, что он был лишь средством для каких-то иных целей, которые могли иметь весьма малое отношение к содержанию запроса Бисмарка и, таким образом, не лежали непосредственно в сфере англо-германских отношений.

Для того чтобы убедиться, что это действительно так, вставим переписку Бисмарка — Радовица с Мюнстером в контекст переговоров о заключении австро-германского союза, откуда она совершенно неосновательно была изъята редакцией.

13 сентября 1879 г. Разгар борьбы между канцлером и императором, который после свидания с царем наотрез отказывается дать Бисмарку свое согласие на дальнейшие переговоры с Андраши о заключении австро-германского союза. Ближайший помощник Бисмарка Отто фон Бюлов находится неотлучно при императоре на маневрах, неустанно «обрабатывает» своего императора в духе инструкций из Гаштейна. Но все его усилия напрасны. Император и слышать не хочет о каком-либо союзе, направленном против России [76]. Бюлов в отчаянии. 13 сентября он телеграфирует Бисмарку пришедшую ему в голову счастливую мысль: нельзя ли придать договору с Австрией общую форму союза против нападения всякой третьей державы, не называя России вовсе [77]. Бисмарк на следующий же день отвечает Бюлову, что он независимо от Бюлова пришел к решению снова поднять в Вене перед Андраши вопрос об оборонительном союзе в общей форме. «Но у меня мало надежды на принятие этого предложения из-за Англии. Прошу пока не говорить его величеству, что надежды мало, так как я все же могу ошибаться насчет этого» [78]. В тот же день Бисмарк получил телеграмму от Бюлова, извещавшую его, что его мысль имела полный успех. Император сдается. Императора беспокоит теперь лишь одно: вероломство по отношению к царю. Царь, по его мнению, должен знать об австро-германских переговорах [79]. В тот

---

[76] Император Вильгельм — Бисмарку, 10 сентября 1879 г. — «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 466.

[77] Ibid., N 468.

[78] Ibid., N 469; «Meine Aussicht auf Annahme desselben ist aber gering Englands wegen. Dass sie gering ist bitte ich aber Majestät noch nicht zu sagen, weil ich darin doch irren kann».

[79] Ibid., N 470.

же день, и, надо думать, именно в развитие этой телеграммы, Бисмарк послал свой запрос к Дизраэли через Мюнстера [80]. Итак, Бисмарк видит, что упорство императора может быть сломлено, если союзному договору будет дана общая форма защиты против нападения всякой третьей державы. Но у него мало надежды на то, что такая форма будет приемлема в Вене *из-за Англии.*

Чтобы понять, что это значит, вернемся несколько назад, к дням свидания Бисмарка с Андраши (27—28 августа). Из кругов, близких к графу Андраши, у нас имеются сведения, что эти беседы протекали совсем не так спокойно, как можно судить по большому донесению Бисмарка Вильгельму I — единственному источнику, который имеется покамест у нас об этом достопамятном свидании [81]. Бисмарк и Андраши готовы были поссориться («förmlich in den Haaren lagen»); спор был очень жарким («starkes Ringen») [82]. Предметом этого спора и была как раз форма будущего союза. Бисмарк настаивал на общей форме, т. е. требовал от Австрии гарантии и против России и, что для него было важнее, против Франции; Андраши соглашался на союз только против России. Андраши, по словам Бисмарка [83], сказал ему при этом, что отношения Австрии к Англии в данный момент не допускают соглашения, направленного в первую очередь против Франции, ибо оно не встретило бы одобрения в Англии. Англии нужна Франция до тех пор, покамест Англия не знает, чего она может ожидать от политики Германии в будущем. Если Франция одна нападет на Германию, то австрийское прикрытие с тыла, Мец и Страсбург в руках немцев,— достаточны для успешной защиты Германии. Если же к французам присоединится Россия, то в помощь Германии выступит Австрия, одна или с Англией. Таким образом, заключал Андраши, предлагаемая им комбинация вполне обеспечивает мир в Европе.

Бисмарк и в тот момент и после, в окончательном виде, согласился на союз, имевший в виду защиту от нападения только со стороны России. Легко понять — почему. Реально общая форма союзного обязательства не давала Германии ничего больше того, что уже заключалось в формуле Андраши. Но когда в середине сентября вопрос об общей форме договора был поставлен снова и у Бисмарка появилась надежда на благополучное разрешение его конфликта с императором при помощи замены формулы Андраши этой общей формой, Бисмарк попробовал посту-

---

[80] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 709. Телеграмма Бюлова имеет входящий № 11, Бисмарка — № 65 (по реестру министерства иностранных дел в Берлине).

[81] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 455.

[82] *E. Wertheimer.* Graf Julius Andrássy, Bd. III, S. 243. Сведения идут от лица, близкого к Андраши (см. *L. Doczi.* An der Wege des Dreibundes.— «Neue Freie Presse», 13.X 1904).

[83] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 455, S. 34.

чаться в Англию. Политическое значение этой замены было ничтожно для Германии. Но для Австрии, дорожившей своими отношениями с Англией и не имевшей надобности ухудшать отношения с Францией, осторожность не была излишней. Необходимо было, таким образом, устранить препятствия, мешавшие Андраши согласиться на общую форму [84]. Для этого надо было, во-первых, по рецепту Андраши довести до сведения Англии о будущей политике Германии в желательном для Англии смысле, но и не связывая себя никакими обязательствами наперед, а во-вторых, получить от Англии заверение, что и она при известных условиях готова дать Германии гарантии против Франции. Запрос Бисмарка представляет собой самую первую стадию переговоров с Англией. Дальнейшие переговоры оказались ненужными. Австрийцы, как мог убедиться Бисмарк из личных впечатлений во время своей поездки в Вену 20—22 сентября 1879 г., никак не желали отказываться от своей формулы союза, а вместе с тем отпадала и необходимость дальнейших переговоров с Англией. 28 сентября Бисмарк имел беседу с прибывшим из России со специальной миссией Сабуровым, и для него стало очевидным, что Россия серьезно хлопочет о союзе с Германией. Англичане отошли на задний план.

[84] Бисмарк — Рейсу, 17 сентября 1879 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 478: «Sollte es nun unmöglich sein, das mehr gemütliche als politische Widerstreben des Kaisers gegen die Nennung Russlands zu überwinden, so denke ich, wird es uns in Wien doch gelingen, eine Wendung zu finden, welche dem Grafen Andrássy annehmbar ist und dem Kaiser weniger Widerstreben einflösst. Käme gar nichts zustande, so würde es für mich nicht möglich sein, im Dienste zu bleiben». См. также: ibid., N 482, особенно S. 96—97.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОССИЯ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Глава первая

Русско-германский союз и вопрос о проливах в политике русского правительства после Берлинского конгресса

Мы уже видели, какое значение «русская дружба» приобретала для Бисмарка с момента заключения австро-германского союза. Но едва ли правильна концепция М. Н. Покровского, который в восстановлении союза трех императоров видит только ловкий маневр Бисмарка. Историк преувеличил и ловкость Бисмарка и недальновидность русского правительства. В известном предисловии к изданию дипломатических документов он пишет: «В 1879 г. уже замаячил на горизонте призрак... *союза русско-французского.* Бисмарк это понял: приняв военные меры предосторожности (союз с Австрией, позже превратившийся благодаря присоединению Италии в «тройственный», был заключен в том же 1879 году), он постарался исправить дело и дипломатически. Отсюда вытекли разговоры германского канцлера с Сабуровым и Орловым и ряд записок первого, инспирированных этими разговорами. Как осла заставляют идти вперед, показывая ему издали пучок сена, царскую дипломатию опять манили к русско-германскому союзу Константинополем» [1].

Само собой разумеется, что вопрос о проливах и в 80-е годы должен был играть крупную роль в русской политике, и с этой точки зрения взгляд М. Н. Покровского правилен, но после двух восточных войн русское правительство должно было убедиться, что этот вопрос — узел, в котором переплетались многочисленные интересы,— не может быть решен одной Россией. Урок, полученный под Севастополем, был настолько поучителен, что, решаясь в 1876 г. на новую войну против Турции, русское правительство всемерно старалось рассеять всякое подозрение Европы насчет русских видов на проливы. Германские документы, приведенные выше, и еще более русские документы из архива русского посольства в Лондоне, совсем недавно опубликованные англичанами [2], убеждают нас в том, что русские не скупились

[1] «Русско-германские отношения. 1873—1914».— «Красный архив», т. I. М., 1922, стр. 7.

[2] «Russo-British Relations during the Eastern Crisis. Unprinted Documents (Archives of the Russian Embassy in London)» ed. by R. W. Seton-Wat-

на обещания в этом направлении. Другой вопрос, конечно, каковы были тайные намерения если не русского правительства в целом, то по крайней мере некоторых из его членов. На это можно ответить лишь одно, что в горячих головах никогда недостатка не бывает. Что же касается специально вопроса о проливах в конце 70-х годов, то важно отметить лишь, что ни Александр II, ни Горчаков вовсе не принадлежали к сторонникам войны с Турцией и что, решившись в конце концов начать ее, они прекрасно учитывали международную обстановку и никакими иллюзиями себя на этот счет не обольщали.

Берлинский конгресс был для русского правительства лишним поучением скромности. Если, однако, вопрос о проливах снова стал на очередь, если, как мы увидим, он сделался в России кардинальным вопросом долгих и подробных обсуждений, то это происходило вовсе не потому, что русское правительство, не примирившись с Берлинским конгрессом, желало предпринять новую авантюру в направлении к Константинополю и проливам. За Берлинским конгрессом и независимо от него последовал захват англичанами Кипра. Австрия, Англия, а может быть, и Германия готовы были, казалось, соединиться в антирусскую лигу. Турция готова была окончательно подпасть под влияние западных держав, в первую очередь Англии. Что если на Босфоре и Дарданеллах вместо дряхлеющей Турции в один прекрасный день окажется Англия? Именно эта-то возможность и определяла русскую политику в те годы. Именно она и заставила идти русское правительство на союз с Германией и Австрией независимо от посулов и соблазнов со стороны Бисмарка.

При изучении русских документов, относящихся к истории восстановления союза трех императоров, бросаются в глаза два факта: необыкновенные размеры переписки и строжайший секрет, в котором ее хранили. Папки секретного архива министра иностранных дел содержат в себе не одну тысячу страниц документов самого разнообразного характера, относящихся к этому предмету и датированных начиная с 1879 г., когда возникли переговоры о заключении союза, и, с небольшим перерывом, во второй половине 1881 и 1882 гг., вплоть до 1887 г. Помимо обычной переписки с послами мы находим здесь ряд докладных записок, принадлежавших лицам, игравшим крупную роль во внешней политике конца царствования Александра II, тщательную запись хода переговоров, которую вел Ламздорф, исторические обзоры, составленные для Александра III, и т. д. Одним словом, это было большое дело. Большое, хотя и не первостепенное значение могли бы иметь записки главного участника переговоров Петра Александровича Сабурова, назначенного в 1879 г. послом в Берлин. Но они были мне доступны лишь в

son.— «Slavonic Review», December 1924 — December 1927. Изданы важнейшие документы из переписки Горчакова с Шуваловым и Игнатьевым.

выдержках, опубликованных в Англии Симпсоном [3], который их получил непосредственно от автора. Впрочем, судя по этим выдержкам, они представляют собой главным образом передачу фактического материала, который весь был мне доступен по должностным бумагам Сабурова. Тенденциозность некоторых его положений легко исправить на основании германских документов и дневников Ламздорфа, веденных последним специально по вопросу о союзе трех императоров [4].

Дело было окружено непроницаемой тайной. Все входящие и исходящие имели особую нумерацию и писаны руками самих послов или (из центра) рукою Ламздорфа (даже копии). Заседания в присутствии царя, по-видимому, не имели даже протоколов, и о решениях можно судить лишь по переписке. Во все это дело было посвящено немногим более десяти человек.

Легко понять, чем вызывалась такая таинственность. Дело шло о союзе с теми самыми державами, которые считались в «публике» главными виновницами провала на Берлинском конгрессе. «Правительство боится обуздать прессу, которая, вопреки его воле, вовлекла его в войну. Наоборот, оно с удовольствием видит, что общественное недовольство обращается не на него, а на иностранные державы»,— писал немецкий посол Швейниц 8 августа 1879 г. [5] Прегрешения Бисмарка, с точки зрения русского правительства, были совсем не так велики, чтобы служить препятствием к возобновлению союза. В том самом донесении Швейница, которым Бисмарк не раз пользовался для доказательства неблагодарности и опасных намерений русского правительства, Александр II, выражая свое неудовольствие, тем не менее исходил из того положения, что дружественные отношения России с Германией продолжают существовать по-прежнему [6]. Беседы Сабурова с Бисмарком в Киссингене летом 1879 г., жалобы Бисмарка на неблагодарность русских и несколько позже признаки серьезного сближения Германии и Австрии заставили Сабурова предпринять решительные шаги в Петербурге, куда он приехал из-за границы в начале августа 1879 г. О дальнейшем нам рассказывают «Исторический обзор» [7],

[3] *J. Y. Simpson*. Russo-German Relations and the Saburoff Memoirs.— «The Nineteenth Century and After», vol. 82, N 490, December 1917; vol. 83, N 491, January 1918.

[4] «Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)». М.—Л., 1926.

[5] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. III. Berlin, 1926, N 443, S. 12.

[6] Ibid., S. 10. Швейниц, донося Бисмарку о жалобах царя, замечает: «Der Ton dieser Apostrophe war mild, fast traurig, nichts weniger als drohend...» (см. *H. L. Schweinitz*. Denkwürdigkeiten, Bd. II. Berlin, 1927, S. 65—66).

[7] «Aperçu historique». Находится в бумагах секретного архива МИД за 1880 г. в отдельном конверте № 104, стр. 56. На одной из копий имеется надпись: «Возвращено государем императором 28 сент. 1886 г., представлено его величеству ст. секр. Гирсом на докладе во вторник, 22 сент. 1886 г.» Это один из четырех или пяти литографированных экземпляров, изготовленных по распоряжению Гирса для осведомления берлинского и

составленный для Александра III в 1886 г. (писанный рукою Ламздорфа), и мемуары самого Сабурова.

Гирс, который в это время фактически управлял министерством, предложил Сабурову изложить результаты своих двух бесед с Бисмарком в Киссингене летом 1879 г. в докладной записке[8], которая была представлена Александру II незадолго до его отъезда в Варшаву на маневры и затем в Ливадию[9]. Это произошло всего несколько дней спустя после того, как Александр II отправил свое неудачное письмо Вильгельму I. Написанное им самим, без ведома Гирса, наполненное наивными жалобами на враждебное к России поведение германских агентов в комиссиях по исполнению Берлинского трактата, это письмо предостерегало берлинского дядю от тех «печальных последствий», которые могут иметь такие факты «для наших отношений доброго соседства, озлобив обе нации одну против другой, как и начинает это делать печать обеих стран»[10]. Бисмарк впоследствии старался изобразить дело так, что угрозы письма заставили его решительно повернуть в сторону Австрии. Документы «Die Grosse Politik» показывают, что он действительно сумел использовать этот неловкий шаг Александра II как раз для обработки императора Вильгельма и не успел лишь потому, что ему помешали русские. «Исторический обзор» удостоверяет интересный факт: «Записка Сабурова пролила совершенно новый свет на положение». В России, таким образом, даже не подо-

венского послов. Подлинник хранится в особом конверте с надписью: «Correspondance relative à la conclusion du traité secret avec l'Allemagne en 1887».— С. А., 1887, № 867, лл. 2—31.

Историю его происхождения объясняет приложенная при нем записка Ламздорфа: «Au retour en ville, après notre voyage à Brest-Litovsk, en sept. 1886, Mr. de Giers eut vent d'une grande intrigue dirigée contre sa politique et tendant à démontrer, que notre alliance avec les deux Empires voisins était non seulement nuisible, mais encore une trahison envers la Russie.— Une groupe d'intriguants: Ignatieff, Sabourow, Tatischew etc., etc. avait rèussi à gagner Katkow et à entreprendre une campagne acharnée contre le Ministre.— Celui-ci m'en fit la confidence et me demanda, si je ne pouvais pas retracer en grands traits l'origine et l'historique de l'entente à trois consacrée par le Traité secret de 1881. Comme ce travail devait être terminé le plus tôt possible, je le fis d'emblée sur papier de доклад et remis à Mr. de Giers vers le 20 du mois septembre les deux premières cahiers ci-inclus.— Le Ministre les presenta tels quels à l'Empereur à son «доклад» de Mardi le 28 sept. 1886. Au prochain «доклад» l'Empereur dit aux Ministre, que la notice lui avait paru très concluante et qu'il faudrait l'imprimer pour éclairer l'opinion publique.— Le Ministre trouva que c'était impossible vu le secret que nous étions engagés à garder sur le traité en question. Plus tard, Mr. de Giers se décida a faire littographier cette notice à 4 ou 5 exemplaires afin de la commuinquer au C-te Schouvalow, au P-ce Lobanow et à qui il y aurait bien de la faire connaître par la suite. Comte Wlad. Lamsdorff. St. Pétersb., 1886».

[8] «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 65—67.

[9] «Aperçu historique», p. 2.

[10] *С. С. Татищев*. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. II, СПб., 1903, стр. 539—541; «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 446.

зревали, какое впечатление производила газетная война в Германии. И этому можно поверить, если принять во внимание постоянный разброд в русском правительстве. «Наши отношения с Германией двигаются к кризису более серьезному, чем мы склонны думать»,— писал Сабуров[11]. «Вот этого-то я и боюсь»,— приписал Александр II[12] несколько позже. Но в Германии прекрасно знали и цену русским ламентациям и подоплеку газетной войны, не без успеха подогреваемой самим Бисмарком.

«Мемуар Сабурова,— повествует «Исторический обзор»,— показывал, с одной стороны, что, переходя от недоразумения к недоразумению, мы стоим у прилива возрастающего раздражения и с той и с другой стороны, что выпады нашей прессы, предложения, будто бы сделанные русскими французскому правительству[13], и многозначительная дислокация наших войск на

[11] «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 65, 77.

[12] Там же, стр. 77, прим.

[13] Речь идет все о тех же пресловутых предложениях союза, сделанных будто бы генералом Обручевым (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 515). Странным образом в «Aperçu historique» они являются причиной недоразумений уже в августе 1879 г. В действительности весь этот эпизод с предложением союза рисуется в следующем виде. Все показания, имевшиеся у Бисмарка и попавшие затем в Россию, идут из одного источника — от графа Андраши, который упомянул о них в разговоре с германским послом в Вене князем Рейсом (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 482, где это подтверждает сам Бисмарк). Рейс сообщил в тот же день, 8 сентября, в Берлин, «что петербургский кабинет всячески старается добыть себе союзников, на что у графа Андраши имеются определенные данные. Попытки русских в этом направлении становятся все более заметными в Париже и в Риме, хотя симптомы этого проявляются еще недостаточно ясно». Обеспокоенный известием, Бисмарк запросил 10 сентября своего посла в Париже князя Гогенлоэ. Посол в тот же день телеграфировал: «Прямых предложений касательно русско-французского союза сделано не было. Но возможны намеки («Anspielungen») в частных беседах между Ваддингтоном и русскими дипломатами. Россия работает также в пользу союза при помощи преданных ей газет «France» и «Estafette», а так как Ваддингтон не склонен к такому союзу, то и против министра». Редакция «Die Grosse Politik» (Bd. III, S. 82, Bem.) вполне правильно заключает, что из телеграммы Гогенлоэ нет оснований утверждать, что русский кабинет искал союза с Францией против Германии и что именно это обстоятельство, как думает Хамман (*O. Hammann.* Der missverstandene Bismarck. Berlin, 1921, S. 18), побудило Бисмарка заключить союз с Австро-Венгрией. Мы думаем, что верно лишь замечание Гогенлоэ в его мемуарах (*Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst.* Denkwürdigkeiten, Bd. II. Stuttgart, 1908, S. 275), что его телеграмма пришла «весьма кстати» («sehr gelegen»). Это случилось как раз в тот момент, когда для Бисмарка всякое доказательство русского недружелюбия и «неблагодарности» было драгоценным. Сам Ваддингтон сказал Гогенлоэ 10 сентября 1879 г. (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 659) лишь, что находящиеся на содержании у России газеты «France» и «Estafette» нападают на него за то, что «er dem Gedanken einer russisch-französischen Allianz sein Ohr verschliesse», и впоследствии отрицал приписываемые ему утверждения, будто русские добивались союза с Францией («Argus Soissonnais», 15, IX 1880 и «Matin», 7.XI 1885). Едва ли и Бисмарк серьезно считался с такого рода возможностью. Бушу он передал эпизод в комической форме. Французы предупредили его о русских попытках, «как

прусской границе породили в Германии убеждение в серьезной опасности, от которой Бисмарк готов был себя обезопасить со всей свойственной ему энергией; а с другой стороны, можно было разглядеть сквозь горечь жалоб, формулированных немецким канцлером, известную тенденцию предупредить бурю откровенным объяснением». Последнее утверждение было близко к истине, но не для данного момента. Письмо Александра II было слишком драгоценным для Бисмарка документом, чтобы им не воспользоваться. И как ни упирался Вильгельм I, защищая и племянника и Россию[14] от подозрительности Бисмарка, ему все же пришлось подписать ответ Александру II, который фельдмаршал Мантейфель повез в Варшаву. Об этом письме историческая заметка говорит: «Это письмо (т. е. ответ Вильгельма.— *С. С.*) грозило толкнуть отношения между двумя государями на прискорбный путь взаимных пререканий, которые неизбежно тяжело отозвались бы на их старинной дружбе». Напрас-

добродетельная жена, которая говорит своему мужу, если кто-нибудь де-
лает ей неприличные предложения» (*M. Busch*. Tagebuchblätter, Bd. II.
Leipzig, 1899, S. 565—566). В январе 1879 г. Бисмарк прямо высказывал
мысль, что принудить французов перейти в русский лагерь и вести по-
литику в антианглийском духе совсем не так легко («Die Grosse Poli-
tik...», Bd. III, N 656, S. 388).
Все попытки мои разыскать в архиве бывшего Министерства иност-
ранных дел что-либо, освещающее этот эпизод, не привели к существен-
ным результатам. Но есть косвенные указания, свидетельствующие о том,
что никаких серьезных шагов со стороны русского правительства сделано
не было, как это вытекает также из всего его поведения, являющегося
предметом нашего изложения. Русские, по-видимому, долго ломали голо-
ву, кто, где и когда мог делать Франции предложения союза. В «Aperçu hi-
storique» есть два места, объясняющие этот эпизод. В одном месте, в на-
чале документа, говорится, что трения между Россией и Германией были
«accentuée par les témoignages d'une bienveillance toute particulière qui
avaient été prodigués aux députations françaises lors des grands manoeuv-
res à Krasnoe Selo...» Но на стр. 17 рукописи «Aperçu historique» со ссыл-
кой на известный разговор князя Орлова с Бисмарком (напечатано в
«Русско-германских отношениях. 1873—1914», стр. 87—91) говорится:
«В августе (? — *С. С.*) месяце г. Ваддингтон известил его (Бисмарка.—
С. С.) о том, что лица уполномоченные, но не официальные зондировали
отношение французского правительства к заключению франко-русского
союза. Позже Сабуров получил доказательства, что такого рода попытки
действительно были во время больших маневров во Франции, причем бы-
ло названо имя ген. Обручева». Весьма вероятно, эти доказательства по-
лучены Сабуровым не от кого другого, как от самого Бисмарка, так как
эти показания вполне совпадают с версией, распространявшейся Бисмар-
ком же (см. его разговор с графом Сен-Валье.— *С. С. Татищев*. Импера-
тор Александр II, т. II, стр. 704). Единственный из влиятельных русских
политиков, который мог бы, и то неофициально, устроить такой демарш,
был, конечно, князь Горчаков, но и он держался (см. ниже) политики сво-
бодных рук, а с другой стороны, в это время потерял уже всякое значе-
ние. Поэтому мы едва ли ошибемся, если сделаем вывод, что весь этот
эпизод имеет весьма малое отношение к политике русского правительства
и характерен скорее для тех способов, при помощи которых Бисмарк во-
дил за нос своих дипломатических противников и политических друзей в
одно и то же время, т. е. русских.

[14] См. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 447, Bem.

ное беспокойство. За царственными марионетками стоял опытный комедиант! Письмо достигло своей цели. Русские начинали призадумываться. Обеспокоенный Гирс предложил устроить свидание двух монархов и объясниться начистоту.

Легко представить себе досаду Бисмарка, когда это предложение было принято. Он не рассчитал и напугал русских сильнее, чем надо было в этот момент. Его досада хорошо передается его телеграммой из Гаштейна от 1 сентября 1879 г.[15]: «Барон Мантейфель полагает, что император Александр будет искать союза с нами. Переговоры относительно этого в данный момент невозможны. Они могли бы оттолкнуть от нас Австрию и оставить нас затем с одной русской дружбой. Полная наша изоляция при всеобщем к нам недоверии отдала бы нас на произвол России. Мы не можем отважиться на это, даже если бы император Александр не разрушил веры в надежность его личного благорасположения. Мы не должны ставить себя в зависимость от расположения и верности настроенной против нас державы, которая в такой мере неблагодарна, что после огромных услуг, нами ей оказанных, она натравливает против нас свой фанатический народ, держит наготове на нашей границе армию, готовую к вторжению, несмотря на мир, без конца вооружается и затем страхом войны требует от нас вассалитета. Австрия — надежнее, ибо народ ее на нашей стороне; при этом она менее для нас опасна, привлекает на нашу сторону Англию, а в случае, если бы она не нашла в нас опоры, может подпасть под влияние наших врагов». Рассуждение, которое еще раз показывает, в какой мере австро-германский союз диктовался не столько потребностями момента, сколько вытекал органически из всей международной обстановки и находил свое оправдание, кроме этого, во внутренней структуре того и другого союзника. И каким наивным кажется утверждение Сабурова, разделявшееся теперь, в 1879 г., по-видимому, многими из членов русского правительства, что Бисмарк поддерживает близость с Австрией только за неимением лучшего и прекратит ее, лишь только этого пожелают русские[16].

Свидание состоялось 22 августа (3 сентября) 1879 г. Монархи остались довольны друг другом. Недоволен был только Бисмарк. Страшная картина грядущей революции в России, так ярко нарисованная Бисмарком перед взором императора Вильгельма незадолго до свидания в Александрове, рассеялась как дым. Император представил канцлеру три собственноручных доклада о свидании в Александрове[17] и наотрез отказался дать свое согласие на заключение союза двух держав. Но хода вещей это свидание, как мы видели, не остановило. Поездка

[15] Ibid., N 453.
[16] «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 81.
[17] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 457, 465, 466.

Бисмарка в Вену была для русского правительства явным показателем того, что дело, начатое в Александрове, нуждалось в дополнении. Вильгельм I должен был быть подкреплен Бисмарком. Гирс возымел мысль воспользоваться для этого дела Сабуровым, «которому германский канцлер поведал свои жалобы», для того чтобы тем же неофициальным путем довести до его, канцлера, сведения «наши ответы и наши возражения»[18].

В лице Сабурова мы встречаемся с одним из типичных способных дипломатов старого порядка в России. Европейски образованный русский барин, выросший и воспитанный в петербургской дворянско-бюрократической среде, он был тонким ценителем искусства, знатоком греческой керамики; понимал коечто в вопросах хозяйства, на которые смотрел истинно по-петербургски, сквозь призму колебаний процентных бумаг на бирже. Бюрократическая среда дала ему способность к усидчивой работе за письменным столом и склонность к интриге; нравы азиатского департамента министерства иностранных дел довершили его дипломатическое воспитание. Он умел соединять внешность безусловного подчинения своему министру с той самостоятельностью в фактическом выполнении дипломатических поручений, которая граничила с полным неповиновением и находила свое оправдание в расчете на успех предпринимаемых им шагов и окончательную апробацию со стороны абсолютного монарха, перед которым все были одинаково равны — и министры и их подчиненные. Сабурову принадлежит афоризм: «Всякая политика хороша, раз она признана таковой монархом, дурным может быть лишь ее исполнение». Но он был, конечно, достаточно умен для того, чтобы иметь о «хорошей политике» свое собственное представление, и достаточно ловок для того, чтобы добиваться для своих мнений абсолютно авторитетной поддержки монарха.

Как петербуржец, далекий от славянофильских увлечений и панславистских фантазий, он без труда воспринял жалобы Бисмарка летом 1879 г. и как опытный профессионал-дипломат сразу оценил и последствия полного разрыва с Германией в обстановке международных отношений после Берлинского конгресса, и блестящие возможности для своей собственной карьеры. Изоляция России — вот что казалось ему особенно страшным. «Происходит,— писал он осенью 1879 г.,— заметное сближение между кабинетами великих держав, за исключением нашего. Поэтому задачей последнего в данный момент является противодействие такой кристаллизации»[19]. С кем же идти России? «Тройственный союз осужден. Это соглашение, начавшееся с франко-германской войны, оказалось для нас более *обильным разочарованиями, нежели результатами*» («Увы! Это слишком

[18] «Aperçu historique».— С. А., 1879—1886.
[19] «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 79.

верно»,— приписал на полях Александр II). Остаются только две державы — Франция и Германия. Но Франции наша дружба может быть нужна лишь ради целей реванша, а Бисмарк, думает Сабуров, всегда найдет средства удовлетворить Францию и лишить нас союзницы. «Конечной целью всех дипломатических трудов наших европейских противников, как венских, так и лондонских, является примирение Франции с Германией, чтобы отнять у нас лучшую карту, когда-либо имевшуюся в нашей игре». Наоборот, нам нужен союз с Германией, «и каковы бы ни были недоразумения за последнее время, они далеко не перевешивают преимуществ, даваемых нам этою дружбою», потому что 1) сохраняется вражда между Германией и Францией — «лучшая карта в нашей игре»; 2) предупреждается сближение между Германией и Австрией: «сейчас князь Бисмарк поддерживает эту близость лишь за неимением лучшего, и мы можем прекратить ее, как только пожелаем»,— с наивностью утверждал Сабуров; 3) дружба Пруссии сберегает нам огромные средства, которые мы тратили бы для защиты нашей границы от Пруссии враждебной[20].

Необходимо спешить с восстановлением дружественных отношений с Германией. «Европа уже взволнована неожиданной — я хотел сказать: превосходящей ее надежды — перспективой нарушения нашего векового дружелюбия с Берлином». «Опасность, что Германия станет обходиться без нас, может только усилиться, если мы замедлим вернуть ее в нашу орбиту»[21]. Все это было написано по прибытии Александра II в Ливадию, куда в начале сентября был вызван Сабуров. Здесь состоялись два заседания под председательством самого императора. Присутствовали: Гирс, Милютин, Адлерберг и Сабуров. О содержании этих разговоров и решениях, принятых на этих заседаниях, мы узнаем из обширной докладной записки Сабурова, помеченной 6 сентября 1879 г.[22] Вот основные моменты этого документа. «Берлинский трактат не обладает условиями долгого существования»[23]. Возможны новые осложнения, и России надо подумать уже теперь о том, чтобы занять позицию, соответствую-

[20] Там же, стр. 79, 81, 83.
[21] Там же, стр. 83, 85.
[22] С. А., 1879. Записки Сабурова, спубликованные в разделе IV издания «Русско-германские отношения. 1873—1914», № 1—5, написаны им только после его приезда в Ливадию. «Aperçu historique» замечает, что Сабуров до свидания резюмировал свои беседы с Бисмарком «dans un mémoire qui fut placé sous les yeux de l'Empereur...» Это и есть документ № 1 раздела III «Русско-германских отношений», стр. 65—67, помеченный: «С.-Петербург, 13 августа 1879 г.» Из того же «Aperçu historique» мы узнаем, что по прибытии в Ливадию «Mr. Sabouroff put compléter au moyen des nouvelles notices écrites ses rapports sur les ouvertures du P-ce de Bismarck», причем в дальнейшем дается краткое изложение приведенных выше рассуждений Сабурова («Aperçu historique», p. 8—11).
[23] Александр II: «oui certes».

щую ее интересам. Эти осложнения могут быть двух родов: 1) возможен вход турецких войск в Румелию и занятие ими Балкан; 2) возможен развал Турции вследствие внутренней анархии. Для использования этих двух возможных осложнений, одного — очень близкого, другого — более отдаленного, в интересах России ей необходим союзник. Россия, как бы ни была она сильна, не может подвергать себя опасности общей коалиции, направленной против нее. Заставить турок отказаться от своего права, предоставленного им Берлинским трактатом, вводить свои войска в Румелию можно было бы, пожалуй, за известное вознаграждение, например за отказ от уплаты военных издержек. Но совершенно несомненно, что такая сделка не удастся, так как все западные кабинеты приложат свои усилия к тому, чтобы ее не допустить. Другое дело — если на стороне России будет Германия. Последняя в особенности необходима во втором случае. Развал Турции будет концом союза трех императоров, и Германия будет стоять перед неизбежностью выбора между ними и Австрией. «Возникнет вопрос о той цене, за которую Россия сможет привязать ее к себе». Это в свою очередь зависит от того, каких услуг потребует от Германии Россия.

«Россия не может допустить двух вещей: 1) расширения Австрии на Балканах за пределы, установленные Берлинским трактатом (т. е. за пределы Новобазарского санджака), или ее покушения на независимость Сербии и Черногории; 2) постоянной оккупации проливов Англией». Англия уже стремится к тому, чтобы захватить в свои руки всю систему военной обороны в Азиатской Турции. Она дает Турции своих военных инструкторов, и нет никакого сомнения, что она уже рассматривает все эти районы как входящие в сферу ее исключительной власти. «Все эти факты свидетельствуют о ее задней мысли занять в определенный момент проливы и закрепить их за собой и с моря и с суши». Александр II приписал: «В этом нет никакого сомнения, и я говорил это еще в 1876 г. в Эмсе».

Итак, в Европейской Турции Россия может вступить в конфликт с Австрией. Именно здесь роль Германии будет особенно значительной. «Если Австрия выступит одна, Германия должна остаться нейтральной, если Австрия найдет себе союзника, Германия обязуется соединить свои силы с нашими». «Что касается возможности войны с Англией как в Малой Азии, так и из-за проливов, то роль Германии ограничивается только предупреждением коалиции Англии с какой-нибудь другой державой. Благодаря деятельности Германии нам, таким образом, будет возможно разделить наших противников и бить их поодиночке, если счастье победы всегда будет сопутствовать нашему оружию». Что же может дать за это Германии Россия?

Россия гарантирует Германии ее завоевания 1870—1871 гг.—

Эльзас-Лотарингию [24]. Сабуров утверждал впоследствии, что по настоянию Милютина был прибавлен еще один пункт: «Необходимо установить *идеальную цель*, но ясную и точную, к достижению которой нужно было бы направить нашу политику. Эта цель — овладение проливами в случае, если обстоятельства приведут к уничтожению турецкого государства в Европе». Мы увидим дальше, в какой мере это утверждение Сабурова верно.

Приведенная выше программа била гораздо дальше, чем восстановление дружественных отношений в их прежнем объеме. Как и перед войной, выплывала идея привлечения Германии на сторону России и против Австрии. Трудность такого предприятия, в особенности после опыта 1877—1878 гг., была очевидна для русских дипломатов. Не совсем очевидной все же была для них, по-видимому, полная невозможность такой комбинации. Но мы уже видели, что Сабуров недооценивал серьезность сближения между Германией и Австрией и думал, что России достаточно захотеть, чтобы такая комбинация распалась. Тем не менее он полагал, «что вначале не следует решительно порывать с любимой для Бисмарка идеей союза à trois, включая и Австрию, несмотря на то что эта идея не более как фантом» [25]. Александр II одобрил эту записку, и с некоторыми изменениями она была принята как инструкция Сабурову, который вместе с тем уполномочивался отправиться в Берлин и продолжать свои, пока еще частные, переговоры с Бисмарком [26].

Едва Сабуров уехал из Ливадии, как там было получено письмо князя Орлова. Оно не давало ничего нового в сравнении с тем, что было известно от Сабурова, но еще раз воспроизводило в представлении русских правителей искусную мистификацию, при помощи которой маг и чародей дипломатического искусства одновременно и жаловался на своих друзей, оправдывался перед ними и грозил им в случае, если бы они вздумали стать его врагами.

Как раз в это время французская газета «Soleil» напечатала отчет о беседе одного из своих корреспондентов в Бадене с князем Горчаковым, который от имени русского правительства выразил Франции свое желание быть могущественной и сильной в отношении к Германии [27]. Убри доносил о том, что отношения становятся все более натянутыми [28]. Бисмарк неукоснительно повторял свои жалобы и обвинения, прибавляя к ним свои подозрения, что русские хотят войти, минуя его, в соглашение с Австрией и ведут в Вене интригу с целью свергнуть

---

[24] Докладная записка Сабурова от 6 сентября 1879 г.— С. А., 1879.
[25] «Aperçu historique», p. 13.
[26] Инструкция от 8 сентября 1879 г.— С. А., 1879.
[27] «Aperçu historique», p. 17.
[28] Убри — Гирсу, 16 (28) и 17 (29) сентября 1879 г.; телеграмма от 14 (26) сентября 1879 г.— С. А., 1879.

Андраши с поста австро-венгерского министра иностранных дел[29]. У Бисмарка была особая система воздействия, варьировавшаяся в зависимости от того, с кем ему приходилось иметь дело. Русских он бомбардировал обыкновенно неустанными жалобами на прессу, на концентрацию войск на границе, на глупость Горчакова и на русскую неблагодарность вообще. Усиления и ослабления тона зависели вовсе не от того, как вело себя по отношению к нему русское правительство, а в зависимости от его собственной надобности.

В середине сентября 1879 г. русская пресса смолкла. Александр II признал себя виноватым и покорно выслушивал поучения на тему о том, что писать письма, не посоветовавшись с министром, нельзя[30]. Но это было время, когда Бисмарк вел осаду крепости русофильства — самого Вильгельма I, обстреливал его беспрестанно все новыми и новыми аргументами, доказывая ему русскую неблагодарность и русскую опасность. В такую обстановку попал Сабуров со своей инструкцией, когда он, проездом в Дрезден, остановился на несколько дней в Берлине, чтобы выполнить данное ему в Ливадии поручение[31]. Берлинская и венская пресса была полна самых восторженных описаний поездки Бисмарка в Вену. Убри жаловался на грубости Бисмарка. Он утром этого дня — 14(26) сентября — виделся с Бисмарком и только что отправил в Ливадию телеграмму, в которой он высказывал убеждение, что Бисмарк заключил союз с Австрией.

Сабуров поэтому счел нужным предварительно подготовить почву. 16(28) сентября[32] он встретился со своим коллегой по Афинам Радовицем и в разговоре заметил, что если и ему, Сабурову, придется выслушивать столь малоутешительные речи, то он предпочитает не приступать к выполнению своей миссии, боясь уронить достоинство императора. В тот же день Сабуров был приглашен к Бисмарку и в течение трех дней своего пребывания в Берлине ежедневно посещал канцлера, имея с ним многочасовые беседы. Эти интересные и в то же время забавные беседы вводят нас в приемы дипломатической работы Бисмарка, в которой им осуществлялись его крупнейшие предприятия. Бисмарк не только подтвердил факт австро-германского союза, но изложил Сабурову основное содержание предполагаемого акта и документировал верность своих заявлений тем, что дал прочесть Сабурову подписанный им и Андраши меморандум, устанавливавший принципы будущего союзного акта[33]. Но преподнес все это он в весьма своеобразной форме.

Беседу Бисмарк начал с повторения своих жалоб на поведение России. Газетная травля во главе с «Голосом» имеет в его глазах большое значение потому, что сам князь Горчаков и император рекомендовали ее в свое время как серьезный орган. Он снова повторил версию о русских попытках привлечь на свою сторону Францию и о таких же слухах насчет Италии (Александр II приписал к этому месту: «в них нет ни слова правды») и прозрачно намекнул, что единственное вероятное объяснение предстоящей отставки Андраши то, что им недоволен император Александр II. В тот момент, когда он узнал, что Андраши уходит в отставку, для него стало ясно, что Австрия может выбрать одно из двух направлений в своей внешней политике: либо повторить коалицию в духе Кауница, т. е. вступить в союз с Россией и напасть на Германию, либо броситься в объятия сначала Англии, затем Франции для сопротивления русской политике на Востоке и создания ситуации, наподобие той, какая была в эпоху Крымской войны. Ни та ни другая комбинация не казалась ему допустимой. И та и другая обрекала Германию или на нейтралитет, или на роль противовеса такой коалиции с помощью России и при условии поддержки ее политики. «Мы были бы вдвоем против трех — обстановка невыгодная. Что же касается нейтралитета, то я вообще не люблю оставаться нейтральным,— прибавил Бисмарк.— Всегда рискуешь получить в результате двух врагов, в то время как, сделав выбор, будешь иметь только одного». Я поэтому решился отправиться в Вену, чтобы поговорить с самим императором Францем-Иосифом. Я спросил его, намерен ли он изменить свою политику по отношению к России в каком-либо отношении. Он мне ответил отрицательно. Мне нужны были гарантии, и я их получил. Чтобы держать Австрию, ей нужно было прежде всего придать уверенность. Она в высшей степени боязлива и подозрительна. Вы страшитесь ее завоеваний на Востоке? А вот если бы генерал Милютин знал, до какой степени в данный момент вас боится Австрия, он, без сомнения, не счел бы нужным указывать императору Вильгельму на опасности вашего положения на Востоке, грозящие со стороны этой бедной Австрии. Ведь она просит лишь, чтобы ей позволили жить. Именно этот страх гонит ее всегда в объятия запада. Я хотел вырыть ров между нею и западными державами. И мне

[29] Убри — Гирсу, 16 (28) сентября 1879 г.— С. А., 1879.

[30] Там же. По поводу письма царя Бисмарк сказал Убри: «Que pour sa part et sa qualité de Ministre constitutionnel il ne pouvait pas être l'ami de cès correspondances autographes qui échappaient au contrôle de conseillers directs de Souverains». Это говорилось в официальной беседе с послом, отчет о которой царь должен был прочесть. И он действительно его читал, как это видно из пометки и примечаний.

[31] Дальнейшее изложение базируется на донесениях Сабурова из Дрездена: Сабуров — Гирсу, 16—18 сентября ст. стиля; 18—23 сентября; 24 сентября с двумя приложениями. Последние два донесения очень пространны.— С. А., 1879.

[32] Радовиц (*I. M. Radowitz.* Aufzeichnungen und Erinnerungen, Bd. II. Berlin und Leipzig, 1925, S. 97—98) относит этот эпизод к 27 сентября по новому стилю.

[33] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 483; Сабуров — Гирсу, 24 сентября 1879 г., прил.— С. А., 1879.

это удалось. «Я сказал в Вене, что многое зависит от того, кто будет нападающим, но что во всяком случае Германия заинтересована в том, чтобы ни один из сражающихся не был поражен насмерть. Так как Австрия — слабейшая из двух и так как она стоит перед бо́льшим риском, этот ответ ее успокоил, и я смог получить то, чего хотел: вырыть ров между Австрией и Западом. Таков первый акт моей программы. Несмотря на легкие тучи в наших отношениях с Россией, я не отчаивался перейти ко второму акту: к восстановлению союза трех императоров и к восстановлению таким образом европейского равновесия на базе — трое против двух» [34].

Поощренный откровенностью Бисмарка, Сабуров приступил к практическим вопросам, на которых Бисмарк мог бы показать, что его комбинация полезна для России. Сабуров начал с вопроса относительно Восточной Румелии. Он дал понять Бисмарку, что возможный вход туда турецких войск несет с собой возрождение восточного вопроса в полном объеме. Он нарисовал перед ним картину новых болгарских ужасов, возбуждения в России и подъема панславизма. Бисмарк очень охотно пошел навстречу этому желанию русского правительства и тут же придумал остроумный выход из затруднительного параграфа Берлинского трактата. По его мнению, можно было распространить постановление Берлинского трактата о том, что при занятии турками Балкан расквартирование и продовольствие войск не должны ложиться на жителей, также и на занятие ими внутренних частей Восточной Румелии, вследствие чего это право турок окажется на практике невыполнимым. Затем он выразил свое согласие на поддержку ставленника России губернатора Восточной Румелии Алеко-паши и взял на себя труд добиться согласия на это Австрии. Сабуров был очень доволен достигнутыми в первый же день результатами и был вполне убежден в полезности для России позиции, какую Германия заняла в Вене (т. е. австро-германского союза!). Германия, по его мнению, берет на себя гарантии за поведение венгерского кабинета и в будущем уже не будет в состоянии умывать руки по поводу решений Австрии. У русских все преимущества пользоваться посредничеством «честного маклера» вместо того, чтобы вести непосредственные переговоры с Австрией. Поэтому на другой день он более решительно приступил к выполнению самых важных частей своей инструкции. Он сказал Бисмарку, что частые упоминания Бисмарком о сделанном будто бы им Горчакову предложении союза в 1877 г. привлекли особенное внимание императора, для которого этот факт служит доказательством, что по крайней мере в то время Бисмарк еще не отвернулся от своей политики самого тесного союза с Россией. Императора, сказал Сабуров, никогда об этом не осве-

[34] Сабуров — Гирсу. 18—23 сентября 1879 г.— С. А., 1879.

домляли [35]. Он прибавил, что хорошо было бы, если бы оба кабинета нашли необходимым координировать интересы одного на Востоке с интересами другого в Европе в духе тех идей, которые были высказаны самим Бисмарком в предложениях, сделанных им в 1877 г.

Вопрос был поставлен достаточно ясно. Сам Бисмарк в своей телеграмме к императору Вильгельму, приведенной, правда, в вольной передаче [36], рисует дело несколько по-иному. Сабуров будто бы задал вопрос, остается ли отношение Бисмарка к России тем же, каким оно было в 1877 г. Со своей стороны Сабуров будто бы заверил, что в будущем русская политика будет оборонительной, на базисе Берлинского конгресса.

Бисмарк ответил, что если он будет призван дать совет императору Вильгельму, то он будет во всяком случае действовать в том же духе, как и перед конгрессом и во время его, но что для него исключена политика, направленная ко вреду Австрии. Интерпретация Бисмарка не есть, правда, прямое искажение истины. Но она очень неточна, и причины этой неточности понятны. В тяжелые для Бисмарка дни, когда он вел борьбу со своим императором, подробная передача русских предложений сильно осложнила бы дело. Вильгельм I, который в это время чувствовал себя совершенно разбитым нравственно и готов был обвинять себя в вероломстве по отношению к царю [37], требовал от Бисмарка подробностей его беседы с Сабуровым. Упирая на слова Сабурова, что русская политика впредь будет оборонительной, он рисовал план включения России в союз Австрии с Германией, совершенно не понимая значения, какое этот союз имел в глазах его канцлера [38]. Понятен поэтому ответ Бисмарка на запрос Вильгельма о подробностях беседы с Сабуровым: он, Бисмарк, очень скептически относится к откровенностям Сабурова и видит в них лишь попытку расстроить дело союза с Австрией [39]. Еще меньше смысла было вводить императора Вильгельма в материю тех разговоров и намеков о предлагавшемся им России в 1876 или 1877 г. союзе, при помощи которого Бисмарк в свое время дурачил русских. Совершенно неверным является далее утверждение Бисмарка, что Россия готова в будущем вести свою политику на базе Берлинского

[35] Как мы уже указывали, дело идет не о 1877, а о 1876 г. (см. «Die Grosse Politik...», Bd. II, N 252). «Aperçu historique» (p. 20) говорит: «Feu l'Empereur n'en avait eu aucune connaissance. Il fit interpeller le P-ce Gortschakow, mais le Chancelier n'en gardait point le souvenir exact et ne put jamais éclairer cette circonstance».

[36] «Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 113, Bem.

[37] Ibid., N 493, Bem.

[38] Ibid., N 495, S. 113.

[39] Это, конечно, по меньшей мере неточно. Радовиц, видевший Бисмарка сейчас же после его беседы с Сабуровым, записал в дневник, что Бисмарк «sichtlich über die Mitteilung erfreut war...» (*I. M. Radowitz.* Aufzeichnungen und Erinnerungen, Bd. II, S. 102).

трактата. Мы уже видели, что цель русской политики с самого начала заключалась как раз в том, чтобы пробить брешь в этом неприятном для нее договоре. Именно с вопроса о фактической отмене одного из пунктов этого трактата и начал свою беседу Сабуров.

Нет никаких сомнений в том, что Сабуров точно передает свой разговор с Бисмарком. Вопрос о возможных отношениях России и Германии был, повторяю, поставлен ясно. Ответ на него тоже был ясный, в полном соответствии с событиями момента и намерениями Бисмарка. «Бисмарк,— продолжает свой рассказ Сабуров,— сказал мне после минутного молчания: «Мое желание союза с вами остается тем же, но я должен вас предупредить, что теперь произошло некоторое изменение в обстановке. В 1877 г. я был готов вступить с вами в оборонительный и наступательный союз. Я мог тогда взять на себя обязательство гарантировать даже ваши возможные победы. В данный момент я уже не могу. Если бы оказалось возможным заключить союз с вами, я мог бы его принять только как оборонительный»[40]. Тогда Сабуров изложил свой план русско-германского союза на основе взаимных гарантий, умолчав при этом о той части своей инструкции, в которой говорилось об антиавстрийском направлении этого союза. Предшествующее замечание Бисмарка устраняло возможность такого оборота. «Бисмарк раздумывал несколько минут, явно заинтересованный оборотом, какой принимал наш разговор,— пишет Сабуров.— Наконец он сказал: «В случае войны между Россией и Англией (из-за проливов) мы должны нейтрализовать Австрию. В таком случае наша обязанность была бы сильно облегчена, если бы вы не возражали против гарантии, которую мы дали бы Австрии в неприкосновенности ее территориального status quo. Я скажу больше: почему России не дать ей такую гарантию вместе с нами, если, как я надеюсь, союз à trois мог бы быть восстановлен»[41]. Сабуров уклонился от прямого ответа, заметив лишь, что было бы предпочтительнее договориться только с Германией. Можно заверить Австрию в том, что у России нет намерений напасть на нее, если бы она гарантировала России, что она не будет распространять сферу своих действий на Востоке за пределы, установленные Берлинским трактатом. Бисмарк удовлетворился этим замечанием, и в результате беседы собеседники пришли к соглашению по следующим пунктам: Германия обязуется: 1) препятствовать оккупации проливов Англией; 2) препятствовать всякому изменению status quo territorial в Европейской Турции без предварительного соглашения между Австрией и Россией. Россия обязуется: 1) нейтрализовать всякого возможного союзника Франции, если бы таковой пожелал напасть на Германию; 2) гарантировать территориальный status quo Австрии. Эти обоюдные обязательства были тут же сведены в три параграфа, явившиеся первым проектом русско-германского соглашения.

§ 1. В случае войны между Англией и Россией Германия останется нейтральной и обязуется в случае надобности силою оружия препятствовать всякой другой державе присоединиться к Англии.

§ 2. В случае войны между Францией и Германией Россия останется нейтральной и принимает на себя те же обязательства.

§ 3. Россия будет уважать неприкосновенность Австрии при условии, что эта последняя не будет распространять свою деятельность за пределы, установленные Берлинским трактатом, без предварительного соглашения с Россией.

Сабуров запустил зонд и глубже. Он спросил Бисмарка, нельзя ли теперь же поговорить относительно результатов, которые могла бы иметь счастливая война как между Россией и Англией, так и между Германией и Францией. «Я хотел,— пишет он,— выяснить его мнение по поводу окончательного решения вопроса о проливах»[42]. Само собой разумеется, что насчет последнего Бисмарк не сказал ни слова и сразу понял, чего от него добивался Сабуров. Он сказал Сабурову, что для успеха комбинации, относительно которой они только что пришли к соглашению, не следовало бы смешивать эти два вопроса. Со временем, сказал он, может быть, и можно будет получить от Австрии согласие на оккупацию проливов Россией, компенсируя ее, например, Салониками. Но теперь Австрия занята совсем другим и не думает о расширении на Балканах. Андраши сказал ему недавно, что мадьярская ладья полна, и, если бросить в нее горсть — будь то золота или грязи, она опрокинется. И Бисмарк снова повторил свою мысль: не следует касаться вопроса о Константинополе. Надо предоставить это событиям будущего[43]. К концу беседы Бисмарк записал для себя три параграфа соглашения для того, чтобы переговорить с императором Вильгельмом при первом же удобном случае. По его словам, император имел непреодолимое отвращение к подписанию союзных трактатов, но он надеется убедить его и считает неблагоразумным откладывать соглашение, потому что кронпринц под влиянием своей жены едва ли согласится подписать трактат, направленный против Англии. Собеседники условились, что их переговоры носят частный характер и будут сохранены в полной тайне. Бисмарк в заключение выразил желание ви-

[40] Сабуров — Гирсу, 24 сентября 1879 г.— С. А., 1879.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же: «Le P-ce Bismarck pense donc décidement que la solution de la question de Constantinople doit rester réservée aux évènements de l'avenir. Cette question poussé maintenant pourrait faire échouer la combinaison déjà si féconde sur laquelle nous venions de tomber d'accord».

деть Сабурова у себя в Варцине в декабре, чтобы продолжать переговоры после того, как он, Бисмарк, переговорит с императором[44].

В начале октября Сабуров явился для личного доклада в Ливадию[45]. Царь сделал на его докладе пометку: «Бисмарк ведет с нами двойную игру». В ответ на это Сабуров убеждал царя, что и в таком случае переговоры должны продолжаться. Двойная игра Бисмарка объясняется тем, что он только что заключил союз с Австрией. Но, по мнению Сабурова, Бисмарк безусловно предпочитает союз à trois соглашению с одной Австрией: «Он боится оставить нас вне этой комбинации и отбросить нас к Франции». Сабуров сообщает в своих мемуарах о том, что три пункта его предварительного соглашения с Бисмарком были признаны осуществляющими в большей части программу, изложенную в инструкции.

Через два дня после упомянутого выше разговора царь выразил свое согласие на продолжение переговоров, и Сабуров решил воспользоваться приглашением Бисмарка и посетить его в Варцине. Через несколько дней Сабуров уехал по семейным делам за границу[46] и должен был приехать за новыми инструкциями в ноябре в Петербург, к тому времени, когда туда вернется царь. Ввиду важности начатых им переговоров и успеха их решено было назначить его послом в Берлин вместо Константинополя, куда он предназначался раньше.

В отсутствие Сабурова Гирс подверг его деятельность самой резкой критике. Он вообще считал, что переговоры о заключении союза должны начаться только после зрелого размышления[47]. 26 октября он подал царю в Ливадии большой собственноручно написанный мемуар[48]. По его мнению, Бисмарк, успокоенный объяснениями в Александрове, не прочь восстановить союз трех императоров, как наилучшую гарантию интересов Германии как на западе, так и на востоке, где ее интересы до известной степени совпадают с интересами Австрии. Гирс считал, что Германия, удовлетворенная своим нынешним положением, стремится лишь упрочить его и имеет все основания вступить с двумя соседними империями в оборонительный союз, которому вполне соответствуют два обязательства, даваемые Россией по проекту Сабурова[49]. Но уравновешиваются ли русские обязательства теми, которые берет на себя Германия по отношению к России? Германия обязуется, во-первых, препятствовать оккупации проливов Англией; во-вторых, препятствовать всякому изменению территориального status quo в Европейской Турции без предварительного соглашения с Россией. «Но,— писал Гирс,— мы не можем смотреть уверенно на будущее, не получив действительных и существенных гарантий в отношении этих двух вопросов». Предварительный проект такой уверенности не дает. Три параграфа, набросанные Бисмарком и Сабуровым, гарантируют взаимно и для России и для Германии локализацию конфликта. Для Германии это залог верного успеха. Так ли обстоит дело в отношении России?

[44] «Aperçu historique», p. 25.

[45] Ibid., p. 26: «Notices et mémoires rédigés par M. Sabourow durant son second séjour à Livadia en octobre 1879». Копии, написанные рукою Ламздорфа. 4 документа в отдельной папке, без точной даты и наименования. По «Aperçu historique», Сабуров был в Ливадии в начале октября 1879 г.

[46] «Aperçu historique», p. 26.

[47] Ibidem.

[48] Докладная записка от 26 октября 1879 г.— С. А., 1879; ее содержание почти дословно приводит и «Aperçu historique», p. 27—29.

[49] Т. е. 1) нейтрализация всякого будущего союзника Франции; 2) гарантия территориального status quo Австрии.

Кто-то сравнивал войну между Россией и Англией с борьбой между слоном и китом. Такое сравнение, верное лишь отчасти, к сожалению, применимо, к полной невыгоде для России, в вопросе о проливах. Англия со своим могущественным флотом может достичь их в несколько дней со своей станции на Мальте, и, конечно, нейтралитет Германии, даже если бы к нему присоединились другие державы, не может воспрепятствовать этому факту. По пункту 1-му Россия, таким образом, дает больше, чем получает. Чтобы добиться соответствия уступок, надо, чтобы закрытие проливов, как вопрос общеевропейской важности, оставалось под наблюдением всех держав и чтобы Германия дала нам обязательство употребить все находящиеся в ее распоряжении средства, чтобы заставить уважать этот принцип[50]. Соглашение с Германией необходимо, но всякое такое соглашение есть паллиатив. Радикальное решение возможно только одно: создание на Черном море флота, достаточного для того, чтобы при первой тревоге перебросить к Босфору армию в 20 тысяч человек. Пока же мы должны, кроме упомянутого выше соглашения с Германией, поддерживать добрые отношения с Турцией, чтобы она не бросилась в объятия Англии и не открыла ей проход в проливы. «Если мы,— писал Гирс,— устраним эту опасность, если мы упорядочим военную и морскую сторону вопроса с тем, чтобы исподволь приготовиться к нападению на заранее известного противника, мы сможем спокойно ждать момента, когда окончательное решение вопроса о проливах встанет перед Европой как неизбежность». «Покойный император,— повествует «Исторический обзор»,— признал справедливость этой точки зрения. Пораженный аргументами в пользу восстановления Черноморского флота, изложенными еще один раз уст-

[50] «Aperçu historique», p. 31. Докладная записка Гирса от 26 октября 1879 г.— С. А., 1879: «L'Art. I-er projeté par M. Sabourow ne repondait donc que très imparfaitement à notre principal objectif. Pour qu'il en soit autrement... il faut que la fermeture des détroits comme une question d'intérêt européen, demeure sous le sauvegarde de toutes les Grandes Puissances et que l'Allemagne s'engage envers nous à user tous les moyens dont elle pourrait disposer pour faire respecter ce principe».

но, его величество сожалел, что истощенные последней войной финансы придадут этому затяжной характер, и решил, что пока мы должны прибегнуть к паллиативу, т. е. к союзу, стремясь изменить его в смысле замечаний, сделанных Гирсом» [51]. Было поэтому решено при возобновлении переговоров с Бисмарком прибавить к трем пунктам первоначального проекта три новых добавления, а именно:

А. Само собой разумеется, что, если Порта в случае войны между Россией и Англией позволит английскому флоту проникнуть в проливы, этот факт будет считаться как акт враждебный и повлечет за собой последствия параграфа 1-го.

В. Если, имея в виду войну с Россией или вследствие каких-либо иных политических событий, флот какой-либо державы попытался бы форсировать или оккупировать Дарданеллы, Германия присоединяется к России, чтобы противодействовать всеми силами подобному нарушению существующего положения владений [52].

С. Россия и Германия обязуются взаимно прийти к соглашению и действовать сообща во всех вопросах, касающихся изменения нынешнего положения владений в различных частях Оттоманской империи.

Последний пункт казался Гирсу необходимым ввиду обязательств, даваемых Россией Австрии. Что же касается первых двух пунктов, то они были вызваны тревожным положением на Босфоре. Английский агент в Константинополе Лейард как раз в это время грозил султану, не подчинявшемуся некоторым требованиям англичан, введением британского флота в Безику. На этих прибавлениях особенно настаивал приехавший в это время в Ливадию из Константинополя посол в Турции Лобанов-Ростовский, который на месте мог убедиться в том, что англичане не желают считаться с принципом закрытия проливов. Гирс считал, что и со стороны Германии возражений против таких добавлений не встретится. Бисмарк в одной из бесед с Сабуровым, упомянув о возможной попытке англичан завладеть ключами к Босфору, заявил, что в таком случае «Россия будет находиться в положении законной защиты и не может допустить Англии замуровать себя в Черном море» [53].

В начале ноября Александр II получил известное письмо Вильгельма I, в котором последний, пересылая ему меморандум о союзе двух держав, подписанный Бисмарком и Андраши [54], предупреждал своего племянника, что если бы нигилистической и панславистской агитации удалось «давлением своим увлечь правительство или компрометировать его в его политических сношениях, то... оно встретило бы солидарное противодействие в соседних странах» [55]. Но вместе с тем письмо содержало приглашение восстановить союз трех императоров, и, таким образом, перед русским правительством снова встала та обстановка, которая побудила его в августе и сентябре так внимательно пересмотреть свои отношения к соседним западным державам. Как только Сабуров вернулся в Петербург (в конце ноября), состоялось его назначение послом в Берлин и ему дали ознакомиться с новыми инструкциями, исправленными и дополненными Гирсом [56]. Но Сабуров самым энергичным образом стал протестовать против всякого упоминания вопроса о проливах. Он не постеснялся даже прибегнуть к «довольно неожиданному» [57] средству — обратиться к самому Горчакову, который только что приехал в Петербург и был лишь в самых общих чертах осведомлен о том, что делается в его ведомстве. В письме от 8(20) декабря 1879 г. [58] он писал Горчакову: «Воспитанный в Вашей школе, я, конечно, никогда не поколеблюсь идти на приступ», но что касается вопроса о проливах, Сабуров указывал, что его беседы с Бисмарком не дают никакой надежды на какое-либо заметное улучшение в положении этого вопроса в том виде, в каком он определен в существующих трактатах. Он уверял далее канцлера, что этот вопрос вовсе не был включен в первоначальную программу, составленную в Ливадии, и высказывал опасение, как бы теперь из-за проливов не погибло самое соглашение с Германией. В конце письма Сабуров предлагал Горчакову вести независимо одну от другой две линии переговоров: по вопросу о проливах в общей форме и при участии других держав, по вопросу о союзе с Германией — исключительно с этой последней. Ему удалось добиться такого разделения новой инструкции.

Спрашивается, почему так рьяно восстал Сабуров против добавлений Гирса, в которых он, как это видно из его мемуаров, видел руку Милютина? [59] Мы уже видели, что он не был

---

[51] «Aperçu historique», p. 33.

[52] «A. Il est bien entendu que, si la Porte, en cas de guerre entre la Russie et l'Angleterre laissait pénétrer une flotte Anglaise dans les Détroits, ce fait constituerait un acte d'hostilité qui entrainerait les conséquences de l'art. 1-er.

B. Si en vue d'une guerre avec la Russie ou à la suite d'autre événements politiques, la flotte de quelque Puissance venait à forcer les Détroits ou à les occuper, l'Allemagne s'unirait à la Russie pour s'opposer de toutes ses forces à une pareille violation de l'état de possession existante».

[53] «Aperçu historique», p. 37.

[54] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 483.

[55] Ibid., N 509; *С. С. Татищев.* Император Александр II, т. II, стр. 568—570.

[56] Инструкция от 22 декабря 1879 г. («Notice, une copie de laquelle a été envoyée à Sabourow»); написана рукой барона Жомини.

[57] «Aperçu historique», p. 41.

[58] В делах этого письма нет. Цит. по «Aperçu historique», p. 41—42.

[59] Против этих добавлений он написал несколько докладных записок, но, замечает «Aperçu historique», их нет при деле о заключении союза, так как, перечитывая их несколько позже, Сабуров их уничтожил. В данном случае показания «Aperçu historique» едва ли верны. Инструкция («Notice») Сабурову помечена 22 декабря 1879 г. При ней имеется не только ответ Сабурова, но и три его записки. Ответ помечен 24 декабря, но три

принципиальным противником включения вопроса о проливах в соглашение с Германией, даже в его «идеальной» форме, и лишь его беседы с Бисмарком и главное отказ Бисмарка от всякого соглашения à deux, направленного между прочим и против Австрии, заставили Сабурова усомниться в возможности добиться в данный момент какого-либо практического результата в этом направлении. Далеки от окончательного решения были и добавления, сделанные Гирсом под влиянием Милютина. Практически их предложения сводились к тому, чтобы Германия обязалась рассматривать принцип закрытия проливов обязательным для всех держав, подписавших трактаты 1841, 1856, 1871 и 1878 гг. Такое обязательство имело смысл как присоединение держав к заключению Шувалова на Берлинском конгрессе, заявившего протест против английского толкования статьи 18 Берлинского трактата, и, таким образом, было направлено против Англии [60].

Ответов на поставленный выше вопрос может быть несколько: 1) в вопросе о проливах и тесно с ним связанном восточном вопросе Сабуров мог иметь взгляды, отличавшиеся от взглядов Милютина — Гирса; 2) Сабуров мог считать вообще несвоевременным поднимать вопрос о проливах в какой бы то ни было форме и, наконец, 3) и пожалуй, самое верное, что здесь имелись и те и другие основания.

Обсуждение этого вопроса затянулось на целый месяц. Весьма поучительно проследить за тем, как шло это обсуждение, так как спорящие стороны исчерпали все аргументы за и против и высказали свои принципиальные точки зрения и на вопрос о проливах, и на восточный вопрос в целом, и, наконец, на роль предполагаемого русско-германского союза в их разрешении.

Уже в первых своих записках, написанных 22 ноября, Сабуров высказался в полном объеме по вопросу о проливах [61]. «С точки зрения русских интересов существует только одно

записки, по-видимому ошибочно к нему приложенные, имеют дату 22 нояб-
ря и представляют собой возражения на включение вопроса о проливах
в переговоры с Германией в их первоначальной форме. Они имеют назва-
ния, вполне совпадающие с указанными в его мемуарах: «I. La question
des Détroits; II. Projet d'une entente directe avec la Turquie; III. Nos ré-
lations avec l'Angleterre». Сабуров говорит: «C'était le Comte Milutine
qui insistait pour faire entrer la question des Détroits dans cette négocia-
tion. Il ne proposait pas, il est vrai, de stipuler dès à présent une occupati-
on des Détroits, par la Russie; mais il demandait des garanties contre la
faculté, pour l'Angleterre, de les franchir en cas de guerre, et de nous atta-
quer de la Mer Noire (Cap. VIII). Cette idée... me paraissait peu pratique
et risquait de compromettre le succès de toute la négociation. J'exposait
mes objections en rédigeant trois Mémoires qui trouvèrent l'Empereur à
Moscou». Это и есть три названных выше мемуара.

60 Декларация Солсбери относительно толкования указанного параграфа в
сущности сводила на нет всю статью 18 (см. ниже, стр. 146).

61 Три записки Сабурова от 22 ноября 1879 г. «I. La question des Détro-
its».— С. А., 1879.

удовлетворительное решение вопроса о проливах. Оно формулировано еще Николаем I в словах: «Мы должны владеть ключом к своему дому». Этот ключ может дать нашим южным границам полную безопасность. Одна батарея, поставленная при входе в Босфор, заменит нам флот и армию и всю цепь первоклассных крепостей, необходимых в настоящее время для того, чтобы охранять огромные пространства Черноморского побережья. Однако в настоящее время такое радикальное решение вопроса неосуществимо. Соглашение с Англией на этой почве невозможно. Одна сила может когда-нибудь разрешить его в нашу пользу. Важность его так велика, что он должен оставаться главным предметом нашей политики, каковы бы ни были перипетии, которые еще предстоит пережить восточному вопросу». Но именно поэтому предложения Гирса — Милютина, требующие от Германии материальной помощи против нарушения Англией принципа закрытия проливов, т. е. не только нейтралитета, но и ее прямого вмешательства, не имеют смысла. Природа проблемы такова, что никакой союзник не сможет оказать нам существенного содействия по той причине, что никакая держава в Европе не обладает морскими силами, достаточными для того, чтобы одержать верх над силами Англии. Проблема проливов может быть решена только нашими собственными средствами. Помощь Германии при англо-русской войне может заключаться в том только, чтобы отнять у Англии возможность заключить против России союз с какой-либо континентальной державой. Последнее достигается уже его, сабуровским, проектом. «Поэтому было бы неблагоразумным усложнять наши переговоры, требуя от Германии услуг, которых она не в состоянии нам оказать даже в том случае, если бы она хотела».

Таким образом, вместо того чтобы требовать от Германии не имеющей смысла помощи, за которую от России потребуют вполне реальной компенсации, было бы предпочтительнее ограничиться требованием, чтобы Германия оказала нам услугу, единственную, какую она может для нас выполнить: «держать под ударом остальную Европу, когда пробьет час нашей последней схватки с Англией». Другой аргумент в пользу предпочтения нейтралитета Германии перед ее непосредственным вмешательством заключается, по мнению Сабурова, в том, что нейтралитет Германии в случае англо-русской войны выгоднее для России, чем присоединение ее к совместным с Россией действиям. Германия теперь стала большой морской державой, имеющей свои интересы на Балтийском море и способной заставить уважать их. Англии придется считаться с этим в случае объявления блокады нашим портам, и поэтому она уже не сможет ограничиться простым объявлением блокады, а принуждена будет поддерживать ее согласно парижской декларации достаточным количеством военных судов, что может ослабить ее позицию на Босфоре. При нейтралитете Германии ее порты бу-

дут открыты для транзита наших продуктов; война, таким образом, не повлечет за собой полной приостановки нашей торговли.

Но если Германия не может обеспечить нам принципа закрытия проливов, то этого следует добиваться иным путем, смысл которого можно почерпнуть в истории трактатов, относящихся к проливам. Развитию этой своей мысли Сабуров посвящает вторую записку[62]. Наибольших успехов мы добились в 1833 г. договором в Ункяр-Искелеси, когда принцип закрытия проливов оказался обязательным для всех держав, кроме России. Это была цена за те услуги, которые Россия оказала султану. Это достижение русской политики постепенно свелось на нет последующими трактатами. Принцип закрытия проливов, запрещавший, по договору 1833 г., вход в Дарданеллы, был распространен Лондонским трактатом 1841 г. и на выход. Россия, таким образом, лишилась права проводить свои военные корабли в Средиземное море. Парижский трактат 1856 г. подтверждал тот же принцип, но уже допускал проход легких судов в качестве стационеров у Дунайских устьев или у Константинополя. Трактат 1871 г. допускал уже вход целых эскадр по призыву султана. Наконец, и эта последняя оговорка фактически исчезла на Берлинском конгрессе в результате декларации Солсбери по поводу статьи 18. Англия объявила, что ее «обязанности относительно закрытия проливов ограничиваются обязательством по отношению к султану уважать независимо принятые на этот предмет решения его величества». Таким путем Англия отказалась признать взаимность обязательства, признанного всеми державами в 1841 г., и ограничилась обязательством только по отношению к Турции, во-первых, а во-вторых, лишь в том случае, если оно является изъявлением независимой воли султана. Закрытие, проливов, например, по просьбе России не может служить для Англии препятствием к вводу в Дарданеллы своей эскадры. Фактически это сводится к тому, что Англия сможет вводить туда свою эскадру, когда ей заблагорассудится.

Ввиду этих новых обстоятельств может возникнуть вопрос, не лучше ли настаивать на признании противоположного принципа — открытия проливов. Никоим образом, думает Сабуров. Такая свобода повлекла бы за собой расширение сферы британского влияния и на эти территории, и в результате на Черноморском побережье появятся сначала угольные станции, а затем военные стоянки английских судов. Нет! Русскому правительству надо взять за образец Ункяр-Искелесийский договор и стремиться к тому, чтобы восстановить принцип закрытия проливов в том виде, в каком он существовал в этом договоре. Для этого необходимо сближение с Турцией. И оно, думает Сабуров, возможно. Англия ведет себя в Турции настолько агрессивно, что обращение последней к России вполне возможно. С другой стороны, и у России теперь нет никаких оснований быть во вражде с Турцией. «Наш традиционный враг, это — Турция в Европе. Этот враг повержен во прах и больше не подымется. Но в Азии турецкая нация у себя дома. Там нет родственных нам и притесняемых ею народов, которые бы вызвали наши симпатии. Нет никаких препятствий к тому, чтобы у Турции, как державы азиатской, оказались общие интересы с нами, когда встанет вопрос о гарантиях против Англии».

Весьма естественно, что, раз вопрос о проливах вопреки желанию Сабурова был поставлен на очередь, русско-английские отношения оказывались в центре внимания. Не мог их обойти и Сабуров[63]. Союз с Турцией против Англии и отказ от примирительной по отношению к Англии политики в Средней Азии — таковы средства, при помощи которых Сабуров считал возможным добиваться желательных результатов в вопросе о проливах. «Рассчитывая на превосходство своей морской силы, Англия считает себя вправе входить в проливы, когда ей заблагорассудится, и не чувствует необходимости купить это право уступками в нашу пользу». Ее надо поставить в такое положение, при котором она почувствовала бы эту необходимость. Для этого надо: 1) лишить Англию возможности составить коалицию против нас. Это будет предметом нашей дипломатической деятельности в Берлине; 2) войти в соглашение с Турцией относительно защиты Дарданелл против возможных покушений английского флота; 3) развить наши средства угрозы индийским владениям Англии и «преобразовать наши морские силы на Черном море».

Сабуров целиком разделял точку зрения, высказанную в записке военного министерства 1877 г., составленной Обручевым, в которой говорилось, что «Индия составляет главную заботу Англии и Босфор для нее важен лишь как средство в случае надобности беспрепятственно напасть на наши южные побережья»; «наоборот ... наша главная забота — в Босфоре; а возможность напасть на Индию важна лишь как средство склонить Англию к уступкам в жизненном для нас вопросе о проливах». Поэтому русское правительство должно прежде всего возвратить себе свободу действий в Средней Азии и воспользоваться последними событиями в Афганистане для того, чтобы раз навсегда освободиться от всех стеснительных для себя соглашений по поводу определения сфер русского и английского влияния на среднеазиатские племена и государства. Что касается Черного моря, необходимо увеличить транспортные средства, чтобы иметь возможность в каждую данную минуту быстро

[62] Три записки Сабурова от 22 ноября 1879 г. «II. Projet d'une entente directe avec la Turquie».— С. А., 1879.

[63] Три записки Сабурова от 22 ноября 1879 г. «III. Nos rélations avec l'Angleterre». Докладная записка Сабурова военному министру, декабрь 1879 г.— С. А., 1879.

направить значительную армию к проливам и успеть загородить Босфор прежде, чем Англия прорвется через Дарданеллы. По мнению Сабурова, для этого нужен не столько сильный военный флот, сколько хорошие транспортные средства. Итак, рассматривая со всех сторон вопрос о проливах, Сабуров приходил к мысли, что решить этот вопрос можно только силой. Для этого нужна активная политика на Востоке и в Средней Азии против Англии. Наоборот, от Германии не имеет смысла добиваться какой-либо иной поддержки, кроме обещания сохранить нейтралитет и принудить к нему всю остальную Европу.

Возражения Сабурова встретили, однако, сильные контрвозражения и со стороны Горчакова и со стороны влиятельного в то время, быть может даже более влиятельного, чем Горчаков, графа Д. А. Милютина. С первого взгляда может показаться, что Милютин — Гирс, требовавшие включения вопроса о проливах в предстоящее соглашение с Германией, были вообще воодушевлены широкими планами во внешней политике и поэтому дали повод к поучениям скромности со стороны Сабурова. В действительности было как раз наоборот. И в этом отчасти убеждают нас приведенные выше записки Сабурова. Русское правительство, руководимое в это время, поскольку дело касалось внешней политики, графом Милютиным, только потому и решило включить вопрос о проливах в соглашение с Германией, что оно готово было удовлетвориться и удовлетворилось в конце концов сравнительно немногим: признанием со стороны Германии и Австрии взаимной обязательности принципа закрытия проливов и в случае нарушения этого принципа обязательством предупредить Турцию, что она лишается преимуществ территориальной неприкосновенности, обеспеченной ей Берлинским трактатом[64]. Наоборот, перед Сабуровым носились широкие планы радикального решения вопроса о проливах в том духе, в котором некогда его хотел решить Николай I: «получить ключи от своего дома». В последующем можно наблюдать не лишенную комизма картину, как два действительных руководителя русской внешней политики старались сдерживать пыл честолюбивого дипломата, который, закусив удила, как горячая лошадь, несся к Босфору, пугая европейскую публику.

Сабуровские возражения не разубедили Милютина и Гирса. Д. А. Милютин был очень далек от каких-либо заманчивых авантюр и поэтому не соглашался ни на агрессивную политику по отношению к Англии, ни на исключение вопроса о проливах из программы переговоров с Германией, ставя в последнем случае весьма скромные цели объединения трех восточных держав на основе признания ими принципа закрытия проливов.

В среде правительства, по-видимому, были даже колебания,

---

[64] См. ст. III русско-германской конвенции от 18 июня 1881 г.— «Русско-германские отношения. 1873—1914», стр. 131.

стоит ли вообще хлопотать о союзе в том случае, если Бисмарк откажется, как утверждал Сабуров, включить вопрос о проливах в число предметов предстоящего соглашения. Это колебание усугублялось тем, что Горчаков, как ни мало было его значение в это время, был вообще против союза с Германией. «Он,— писал в своих воспоминаниях Сабуров,— допускал лишь «разговоры» (coseries) с Бисмарком, но исключительно для того, чтобы «щупать» (tâter) его и испытать его искренность». «Россия,— сказал Горчаков на последнем совете, состоявшемся перед отправлением Сабурова в Берлин,— должна быть свободной от каких-либо обязательств. Я Вас предостерегал от них, Ваше величество, в последние четверть века; я теперь слишком стар, чтобы менять свои убеждения». Поэтому решено было опросить наиболее крупных русских послов, посвятив их, таким образом, в тайну сабуровских переговоров. Ответы этих послов — Шувалова (Петра), Лобанова-Ростовского и Новикова, вместе с возражениями Гирса и контрвозражениями Сабурова, были сведены затем в записку в виде протокола, датированного 18 декабря 1879 г.[65]

Основные положения записки сводились к следующему: Гирс держался того мнения, что три пункта, сформулированные Бисмарком, не создают для нас равенства условий. Наши интересы не получают гарантий, соответствующих тем, которые мы даем интересам Германии. Для восстановления равновесия справедливость требует, чтобы Германия обещала нам по крайней мере свое дипломатическое содействие в вопросе закрытия проливов — вопросе, жизненном для нас и важном для всей Европы. В случае, если предлагаемый русским правительством соответствующий параграф будет отвергнут Бисмарком, не предпочтительнее ли было бы вовсе отказаться от соглашения, чем подписывать акт, который налагает на Россию серьезные обязательства, не давая взамен соответствующих выгод? Мнение Сабурова заключалось в том, что вопрос о проливах, на котором настаивали Гирс и Милютин, должен быть отделен от общего вопроса относительно соглашения с Германией. Бисмарк считал, что взаимные выгоды уравновешиваются уже в трех параграфах, которые он набросал во время беседы с ним, Сабуровым. Вопрос же о проливах им не был затронут вовсе. Если мы теперь, полагал Сабуров, выставим новые требования, то мы либо поставим под угрозу провала начатые переговоры, либо принуждены будем считаться с новыми требованиями со стороны Бисмарка. Шувалов из своего визита в Варцин вынес впечатление, что роль России в возобновляемом союзе трех императоров едва ли не будет несколько унизительной («non plus comme principal associé, mais comme simple commis»). Впрочем, и он не высказался категорически против соглаше-

---

[65] С. А., 1879.

ния. Лобанов-Ростовский полагал, что Сабурову не следует давать слишком определенных инструкций, так как события и взгляды Бисмарка могут быстро измениться. Со временем предлагаемые ему русскими гарантии могут получить для него большее значение, и он даст за них настоящую цену. Новиков предостерегал против неискренности Берлина и высказывал опасения насчет вреда, какой могут причинить преждевременные договоры. Задача русского правительства должна заключаться в том, чтобы избегать по возможности всего того, что скрепляет австро-германскую дружбу, факт которой не подлежит никакому сомнению, т. е. устранять страх перед панславизмом и перед русскими вооружениями.

Разноголосица и неопределенность мнений послов заставила правительство поставить на их решение три вопроса: 1) является ли для России необходимым восстановление союза à trois; 2) не слишком ли высока та цена, за которую Бисмарк открывает нам возможность такого союза, и 3) не слишком ли ничтожно то, что он дает нам взамен.

На первый вопрос послы ответили утвердительно, приведя следующую аргументацию. Австро-Германский союз, бесспорно, факт, не благоприятный для нас. Непосредственно он нам не угрожает, но возможная угроза в нем все же содержится. В данный момент он ставит нас в изолированное положение в Европе и придает смелости нашим противникам. Показателем этого является враждебная к нам политика Австрии и Англии на Востоке. Интересы нашей чести и достоинства на Востоке могут пострадать от этого и могут ввергнуть нас в затруднения, избегать которых заставляет нас нынешнее положение России. Участие России в качестве одного из членов тройственного союза с Австрией и Германией оказывается хорошей гарантией сохранения всеобщего мира. Не питая никаких иллюзий на благорасположение своих союзников, Россия может надеяться, что затруднения, которые могли бы возникнуть в будущем, пойдут по линии переговоров и соглашений, ослабляющих их серьезность. Союз даст вместе с тем гарантию того, что Австрия не будет распространять своей деятельности на Балканах за пределы, установленные Берлинским конгрессом, без предварительного соглашения с Россией и что будет поставлена преграда чрезмерной власти Англии на Востоке. Наоборот, отказ от соглашения, внушаемого Бисмарком, был бы для него оправданием его подозрительности в отношении к России и усилил бы враждебность всех ее противников.

На второй вопрос: не слишком ли высока та цена, за которую Бисмарк открывает нам возможность такого союза, послы ответили так. При данных обстоятельствах Бисмарк требует от нас гарантии мира. Такая гарантия не может считаться слишком высокой. В самом деле, единственное обязательство, которое берет на себя Россия, это — гарантировать Германию в слу-

чае войны против вмешательства третьей державы, иначе говоря, воспрепятствовать Австрии, как и в 1870 г., в случае новой франко-германской войны, выступить против Германии. Но заключенное в Вене австро-германское соглашение дает Германии полную гарантию против этого. Следовательно, наше обязательство сводится к тому, чтобы ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в дуэль между Францией и Германией.

Наше истощение в результате последней войны, абсолютная невозможность какого бы то ни было союза с французским правительством и австро-германский союз — совершенно достаточны для того, чтобы нам рекомендовать себе строжайший нейтралитет, но следует признать, что Франция 1879 г. непохожа на Францию 1870 г. Опасность видеть ее раздавленной для нас исключается. Германия знает, что она не сможет найти для новой войны с Францией также легко оснований и, быть может, дважды подумает прежде, чем напасть на Францию. Наоборот, она сама стремится оградить себя от нападения Франции, обеспечив себя двойной гарантией и со стороны Австрии и с нашей. С другой стороны, Франция в сознании, что у нее нет союзников, с трудом решится объявить войну. Отсюда следует, что нашими гарантиями мы обеспечиваем мир. И если Германия выигрывает в смысле безопасности, то Россия приобретает спокойствие, в котором она нуждается.

И наконец, на третий вопрос, не является ли чересчур маленькой цена, которую нам предлагает Бисмарк, послы дали такой ответ. Если бы Бисмарк согласился дать нам гарантию на случай войны со «всякой другой державой» против вмешательства третьей, то такое широкое обязательство было бы применимо к войне России и с Австрией, и с Турцией, и с Англией. Сомнительно, однако, чтобы он согласился на это. Но даже и для специального случая войны между нами и Англией обязательство препятствовать тому, чтобы третья держава приняла в ней участие, имеет огромную ценность. Устраняя вмешательство Австрии, Франции и Турции, Бисмарк устраняет возможность какой бы то ни было коалиции, а важность подобной гарантии нельзя не признать. Обязанности Германии окажутся, быть может, более серьезными, чем мы думаем.

Таким образом, вопрос был решен во всех отношениях в положительном смысле. Восстановление союза казалось выгодным даже и в том случае, если бы Бисмарк не пожелал разговаривать с русскими относительно гарантий на Босфоре. Это было признанием слабости России в результате войны, признанием ослабления ее международного значения, признанием независимости германской политики от России, это было, наконец, косвенным признанием триумфа германского канцлера. Почти повелительница Пруссии несколько десятилетий тому назад, Россия теперь, чувствуя свое полное одиночество, стучалась в дверь Бисмарка, готовая принять от него все, что он ей давал. Но

это было не только признание слабости. Соглашаясь на восстановление союза трех императоров, русское правительство косвенно выносило самому себе порицание за ту политику, которая привела его к русско-турецкой войне, выносило молчаливо осуждение тем общественным течениям, которые его толкнули на нее, и, чувствуя себя дважды слабым и от своих «побед» и от потери своей популярности даже среди этих общественных кругов, оно старалось глубоко спрятать этот, с его точки зрения, вполне разумный и вполне оправдываемый обстоятельствами политический шаг; ведь значение и смысл этого политического шага были непонятны для тех немногих, кто мог бы стать на сторону правительства, а одобрение со стороны остального оно почло бы за оскорбление себе. В этом-то и была трагедия русского правительства, переживавшего одни неудачи даже и тогда, когда они были одеты внешностью большого успеха, трагедия дряхлеющего учреждения.

Подробно остановившись на перипетиях спора вокруг вопроса о русско-германских отношениях, мы смогли получить представление о том, какое значение имел пресловутый вопрос о проливах в политике русского правительства. Бросается в глаза прежде всего отсутствие авторитетного руководства во внешней политике в целом. Если наиболее видные из руководителей ее были очень осторожны и далеки от широких планов, побед и завоеваний, то это нисколько не мешало тому, что у них под носом дипломатами помельче делалась своя собственная политика, порождавшая ту разноголосицу, которая вредила прежде всего и больше всего самому русскому правительству, теоретически направляемому единой волей, а фактически не выходившему из состояния перманентного хаоса. В частности, хорошей иллюстрацией этого является вопрос о проливах и об общем направлении балканской политики. Русское правительство, включив вопрос о проливах, поставило его исключительно на деловую почву, не только лишенную какой-либо окраски панславизма, но и вообще далекую от какой бы то ни было агрессивности. Оно боялось Англии и даже в своих суждениях о «возможностях» было подталкиваемо страхом перед вероятностью скорого и окончательного развала Турции.

Дискуссия отнюдь не кончилась совещанием послов и вручением Сабурову инструкции. Министерская записка, как мы видели, сама давала широкий простор деятельности такого честолюбивого дипломата, каким был Сабуров. А времени поговорить было больше чем достаточно. Ибо, как ни склонен был Бисмарк восстановить союз трех императоров, он на первых порах встретился с сопротивлением австрийцев, отнюдь не желавших спешить и видеть восстановленными добрые отношения между Россией и Германией, т. е. то самое, что они всячески старались предупредить, а после заключения австро-германского союза уже считали достигнутым.

Глава вторая

Заключение союза трех императоров

Сабуров должен был уехать в январе. Некоторые обстоятельства заставили его поторопиться. Из Вены и Берлина продолжали поступать тревожные вести в связи с только что заключенным австро-германским союзом. Германская пресса попрежнему поддерживала пикировку с русскими газетами. Особенно взволновали русское правительство вести, которые привез граф Шувалов, посетивший Бисмарка в Варцине на обратном пути из Лондона, Бисмарк сказал ему с грубой откровенностью по поводу событий этого лета: «Я ждал войны и телеграфировал лорду Биконсфильду: «Россия хочет напасть на нас. Могу ли я рассчитывать на Англию?» Биконсфильд ответил, что он приложит усилия к удержанию Франции в нейтралитете. Это было не то, о чем я его просил. Я хотел получить в свое распоряжение английский флот в Балтике». Мы уже видели, как обстояло дело в действительности. Бисмарк по обыкновению преувеличивал, так как пугать Россию в данный момент было в его интересах, но он не совсем лгал [1].

Приехав в Берлин в середине января, Сабуров убедился, что его присутствие не помогает ускорению дела [2]. Бисмарк был любезен и предупредителен по-прежнему; просил у Сабурова совета относительно своего выступления в рейхстаге, где он должен был затронуть события лета и осени в области международных отношений; запрашивал его — опять-таки очень любезно — о передвижениях русской кавалерии к германской границе, по поводу чего немецкие газеты снова подняли неистовый шум. Но именно этот последний запрос наводил Сабурова на грустные размышления. Запросы подобного рода становились слишком частыми. Русское правительство сначала недоумевало, затем начало выказывать признаки явного раздражения [3], не догадываясь об истинной причине опасений Бисмарка. Если бы оно знало, как его дурачили, оно имело бы полное основание прийти в ярость. Гогенлоэ в своем дневнике под 22 февраля 1880 г. рассказывает, что, когда он пришел в рейхстаг, он за-

[1] Шувалов участвовал в совещании послов. Таким образом, страхи перед Англией отчасти могли питаться наблюдениями Шувалова.

[2] Два письма Сабурова Гирсу: 17 (29) января и 21 января (2 февраля) 1880 г.— С. А., 1880.

[3] Сабуров — Гирсу, 17 (29) января 1880 г.— С. А., 1880.

метил по разговорам с Ласкером, Беннигсеном, Бендой, Дернбургом и др., что статья в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» — официозе Бисмарка — относительно агрессивной позиции России и Франции произвела большую сенсацию, и, комментируя ее, депутаты выражали свои опасения. «После я узнал от канцлера,— замечает Гогенлоэ,— что он написал эту статью лишь для того, чтобы, воздействуя таким образом на депутатов, заставить их голосовать за военный закон. Он (Бисмарк.— *С. С.*) смеялся, когда я рассказал ему о произведенном ею впечатлении» [4].

Но были и другие основания, почему Бисмарку незачем было спешить. Австрийцы оставались глухи к его зондированиям, а предложения русских все еще не выходили за пределы академических разговоров. Хотя Сабуров в первой беседе 31 января 1880 г. и заявил, что он уполномочен продолжать переговоры с Бисмарком, начатые им осенью, но прибавил при этом, что, быть может, в данный момент несвоевременно поднимать вопрос о переговорах с Веной. Бисмарк в свою очередь заметил, что, пожалуй, ввиду смены министра иностранных дел в Вене (Гаймерле вместо Андраши) спешить не следует [5]. Но когда Сабуров сделал отсюда вывод, что канцлер находит данный момент неподходящим для того, чтобы дать дальнейший ход идее союза à trois, то Бисмарк подчеркнул, что не он, а Сабуров находит это; напротив, он готов теперь же войти в дальнейшее обсуждение возбужденных Сабуровым вопросов.

Причины такой медлительности Сабурова, вероятно, объясняются тем, что он не считал удачной министерскую инструкцию. Раз в проекте русско-германского соглашения поднимался восточный вопрос, надо было не продешевить и во всяком случае не быть таким робким, как Гирс. Поэтому, вернувшись в феврале в Петербург, он снова имел несколько бесед с Гирсом и Милютиным, убеждая последних в том, что проект трактата невыгоден для России, ибо он далек от равновесия обязательств. В то время как на Западе руки Германии свободны, мы на Востоке связали свои руки условием предварительного соглашения с Австрией.

Он говорил Милютину, что исправить это можно двумя способами. Первый заключался в том, чтобы теперь же добиться соглашения с Австрией по делам Востока и действовать на Балканах на почве этого соглашения. Если его осуществление в данный момент встретит непреодолимое препятствие, то следует отложить его на несколько лет, а теперь заключить союз à trois на основе министерской инструкции, но сделать австро-русское

[4] *Ch. Hohenlohe-Schillingsfürst*. Denkwürdigkeiten, Bd. II. Stuttgart, 1908, S. 290.

[5] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. III. Berlin, 1926, N 515, S. 142.

соглашение по делам Востока обязательным условием при возобновлении союза à trois в будущем. Перенесение на будущее соглашения с Австрией казалось Сабурову неопасным. Бисмарк, думал он, находится в данный момент в прекрасных отношениях с Францией, и нет оснований бояться, что он воспользуется союзом, чтобы напасть на нее до того, как соглашение между Россией и Австрией создаст России на Востоке соответствующую компенсацию. Второе средство исправления Сабуров видел в том, чтобы теперь же превратить наметившееся соглашение в настоящий оборонительный и наступательный союз трех восточных монархий. Ему казалось, что Бисмарк пойдет на такую сделку: «à trois j'irai où vous voudrez»,— вспоминал он слова Бисмарка. Он набросал даже проект такого «настоящего союза» в виде двух параграфов.

§ 1. Три двора взаимно гарантируют их нынешние территории в Европе. Эта гарантия распространяется на status quo, созданный Берлинским трактатом в турецких провинциях, оккупированных Австро-Венгрией, равно как и на закрытие проливов Босфора и Дарданелл.

§ 2. Всякое нарушение одного из принципов, гарантированных предшествующим параграфом, будет рассматриваться как casus belli для трех держав.

С точки зрения Сабурова, подобный проект имел бóльшую цену, чем проект министерства

Само собой разумеется, что такой проект был неприемлем для Бисмарка. Не только оборонительный, но и наступательный союз с Россией, с острием, направленным на Восток,— что могло быть для него нелепее такой политики. Руководители русской политики тоже отвергли проект Сабурова. Милютин сказал Сабурову, что первый из предложенных им способов он находит более удобным. В этом направлении и пошли дальнейшие переговоры, закончившиеся принятием, с одной стороны, министерского проекта, а с другой — присоединением к нему дополнительного протокола, содержавшего в себе пункты русско-австрийского соглашения по делам Востока.

Гирс — Милютин отвергли проект Сабурова потому, что рассчитывать на большее, чем на простое дипломатическое содействие Германии в вопросе о проливах, было по меньшей мере наивным. Это понимал и сам Сабуров [6—9]. Но он с самого начала мечтал совсем о другом. В его голове носились планы окончательного решения восточного вопроса посредством союза à trois и при помощи Бисмарка. Намек Бисмарка на то, что, может быть, когда-нибудь Австрия и согласится на оккупацию русскими проливов в обмен на Салоники, по-видимому, произвел на него большое впечатление [10]. Мысль Бисмарка о разграничении сфер

[6—9] Соображения Сабурова в ответ на «Notice» барона Жомини от 22 декабря 1879 г. изложены в его записке от 24 декабря 1879 г.— С. А., 1879.

[10] Сабуров — Гирсу из Дрездена, 24 сентября 1879 г.— С. А., 1879.

влияния на Балканах между Россией и Австрией крепко засела в его голове и сделалась вскоре предметом продолжительных обсуждений в Петербурге. Произошло это несколько позже, когда наконец оказалось возможным приступить практически к восстановлению союза трех императоров. А это оказалось возможным, когда австрийцы потеряли надежду на поддержку Англией их политики на Востоке [11].

В апреле 1880 г. тори потерпели неожиданное поражение на выборах, и Гладстон, став у власти, похоронил австрийские надежды. Волей-неволей перед Австрией встала необходимость сближения с Россией. Эта же необходимость стала теперь перед Бисмарком не в меньшей степени, чем перед Австрией. Возможность англо-русского сближения, хотя бы и кратковременного, разрушала всю его систему. Она оживляла требовательность русских в восточном вопросе, и без того с уходом Биконсфильда складывавшемся неблагоприятно для Австрии, делала сомнительными австро-итальянские отношения, грозила отдалением России от Германии и, наконец, ставила саму Германию в ее отношениях к Австрии в положение большей зависимости, чем то допускали германские интересы с точки зрения Бисмарка. Одним словом, русским надо было показать, что германская дружба должна быть истинным фундаментом русской политики в сравнении с зыбучими песками английского парламентаризма.

Всякие недоразумения с Россией сразу исчезли. Русская конница и пехота прекратили свои грозные марши к немецкой границе. Угрозы канцлера посыпались теперь на голову Австрии.

Несмотря на падение Биконсфильда, в Австрии все еще не теряли надежд на английскую помощь. Князь Рейс доносил Бисмарку, что барон Гаймерле «проявляет изрядную робость в вопросе о проливах», боясь размолвки с Англией [12]. Бисмарк, рассказывая об этом Сабурову, прибавил: он велел ответить Гаймерле, что теперь не надо, как во времена Биконсфильда, выбирать между Россией и Англией. Россия, со своей стороны, далека от каких-либо широких планов и хочет лишь забаррикадировать себя. Все это было сказано в таком тоне, что Сабуров уже готов был видеть в этом начало ослабления австро-германской дружбы.

Нерешительность австрийцев была действительно очень велика, и перед Бисмарком серьезно встал вопрос о возможности союза с Россией без Австрии [13]. Позже, в 1887 г., он силою

[11] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 513.

[12] Сабуров — Гирсу, 9 (21) апреля 1880 г., № 3 и 8.— С. А., 1880. Гаймерле проявляет мало склонности к восстановлению союза трех императоров, считает союз двух держав вполне достаточным и не хочет и слушать о проливах.

[13] Теоретически он допускал его и раньше (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 515: «Ich habe sich für die Fühlung zu zwei mich insoweit zustimmend

вещей принужден был осуществить эту комбинацию, которая казалась ему всегда неудобной, так как она могла поставить его в положение арбитра между Россией и Австрией.

Улучшение международного положения России вызывало у Сабурова опасения, что русское правительство откажется совсем от предполагаемого союза с Германией и Австрией, что прочному благу союза с Германией предпочтут «временные выгоды», вытекающие из «благорасположения к нам английского кабинета»,— писал позже Сабуров [14]. Свою задачу поэтому Сабуров видел в том, чтобы подталкивать Бисмарка, дав ему понять возможность английского уклона русской политики в случае, если бы переговоры с Австрией пошли не особенно гладко, а с другой стороны, считал нужным укреплять Гирса и Александра II в проведении принятой ими программы [15].

Настойчивость Сабурова и его подозрения не были безосновательными по крайней мере в одном отношении. Англичане пробовали говорить с русскими о соглашении, и притом за счет Австрии. Одо Рассел, английский посол в Берлине, говорил в этом смысле с графом Шуваловым, а затем с Сабуровым. В письме от 8(20) мая Гирсу Сабуров писал: «Рассел сказал Шувалову, что, по его мнению, Россия и Англия могли бы договориться на следующих основаниях: 1) Англия соглашается совместно с Россией противодействовать распространению Австрии до Салоник; 2) взамен этого Россия признает принцип открытия проливов». Предложение это, как видим, стояло в самом резком противоречии с основными пунктами русской программы. Стали ли известны Бисмарку эти происки английского посла немедленно же [16] или только впоследствии — неизвестно, но симптоматично, что одновременно с этим Сабуров сообщал, что князь Рейс «открыл в Вене артиллерийский огонь» и что Бисмарк держит его, Сабурова, в курсе диалога, завязавшегося между Веной и Берлином. Дело в том, что Гаймерле, получив заверения от Гладстона, готов был успокоиться. Рейсу поручено было выразить австрийскому министру глубокое изумление Бисмарка по поводу той легкости, с которой Гаймерле дал себя успокоить. Конечно, говорил Бисмарк, Англия не объявит войны Австрии, но и Россия более не чувствует нажима со стороны Англии и может легко пренебречь австрийцами, если Австрия не обеспечит ей ее интересов. У России одна забота, и притом вполне законная. Она боится захвата проливов англичанами. Трактаты не обеспечивают ей безопасности в Черном море. Германия и Австрия сделают хорошо, если дадут России такое обе-

geäussert, als von uns nichts verlangt werden würde, was eine Teilnahme an Abmachungen gegen Österreich oder ohne dessen Wissen in sich schlosse»).

[14] Сабуров — Гирсу, 9 (21) апреля 1880 г., № 3.— С. А., 1880.

[15] Сабуров — Гирсу, 8 (20) апреля 1880 г.— С. А., 1880.

[16] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 719.

спечение, ибо в противном случае она, как и всякая держава в таком же положении, может сделаться чрезвычайно опасным соседом [17].

Но батареи, о которых говорил Сабуров, были направлены не только против Вены. Поведение Гладстона увлекало русское правительство, так сказать, против его воли. Разграничение Черногории и Греции с Турцией и признание Румынии и Сербии королевствами — таковы были те стороны Берлинского трактата, с которыми Биконсфильд, как известно, не спешил. Напротив, английские либералы оставались верными своему политическому credo, и перед Бисмарком встала опасность фактического сотрудничества Англии и России, острие которого — поддержка славянских народов на Балканах — было бы направлено против Австрии. «Говоря об общей политике на Востоке,— писал Бисмарк в ноябре 1880 г.,— нашими задачами являются: сохранение по возможности мира между всеми, в особенности же нам необходимо препятствовать конфликту между Россией и Австрией, равно как и совместному военному выступлению только России и Англии против Турции» [18]. Именно эти соображения и делали для Бисмарка балканский вопрос вопросом первостепенной важности, а задачу сближения Австрии с Россией и разъединения России и Англии неотложной.

В Сабурове Бисмарк нашел тот рупор, через который его увещевания были громко слышны в Петербурге. «Бисмарк снова возобновил свои уверения,— писал Сабуров 14 (26) июля Гирсу,— что, если в результате непредвиденных событий вопрос о проливах станет снова, мы будем иметь его на своей стороне» [19]. Неизвестно, к чему приведет политика, предпринятая Англией, говорил Сабурову Бисмарк. «Проливы — наиболее чувствительное для Турции место, на которое может нажимать Англия. Под предлогом исполнения Берлинского трактата Гладстон легко может быть поставлен перед необходимостью полного разрушения этого здания. Не следовало ли в этот момент получить от Австрии согласие на наш договор относительно полного закрытия проливов, которое было бы наиболее действительным средством для сохранения султана в Константинополе и могло бы предупредить катастрофу, которой ни вы, ни Австрия в этот момент не хотите» [20]. «Наша идея,— писал в восторге Сабуров,— в такой мере укрепилась в голове канцлера, что он в ней находит стороны, вполне совпадающие с его взглядами, и видит в ней средство, способное в будущем привлечь Австрию на сторону нашей восточной политики. «Тогда мы,— сказал Бисмарк,— сможем образовать монархическое каре и не

[17] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 521.
[18] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 719.
[19] Сабуров — Гирсу, 14 (26) июня 1880 г.— С. А., 1880.
[20] Там же.

обращать внимания на те конвульсии, которыми чревата судьба западных держав. Три императора, объединившись, достаточно сильны, чтобы не бояться агитации извне, они настоящие grands Seigneurs и удовлетворены наследием своих предков»». Это было слишком даже для Сабурова. «Слушая это profession de foi консерватизма, я вспомнил, что когда-то этот самый государственный муж не постеснялся воспользоваться услугами главарей венгерских революционеров!»

Великолепное красноречие Бисмарка было, впрочем, излишне. Мысль Сабурова о том, что именно теперь наступало время, благоприятное для скорейшего заключения союза с Германией, вполне разделялась в Петербурге. Наоборот, беседы Шувалова, которого, конечно, никак нельзя было заподозрить в германофобстве, с Одо Расселом вызвали сердитую реплику Александра: «Шувалов проводит свою политику, но она совсем не в моем вкусе» [21]. Сабуров узнал скоро об этом [22], но, уверившись в прочности намерений своего правительства, он сделал неверный вывод, будто оно готовится использовать благоприятную обстановку для того, чтобы получить от Германии согласие на самую отважную политику. Бисмарк, считая Сабурова особо доверенным лицом царя и, чувствуя намеки Сабурова, охотно шел на обсуждение всяких возможностей, думая, что он имеет дело с русским правительством. Комический дуэт этот продолжался почти в течение года. Бисмарк вполне раскусил Сабурова гораздо позже, лишь в 1883 г., когда зашел вопрос о возобновлении союза трех императоров, и отомстил ему за то, что честолюбивый дипломат, не подозревая того сам, заставил его откровенничать больше, чем было нужно.

Морская демонстрация, предпринятая по почину англичан с целью принудить Турцию к урегулированию черногорского вопроса, кончилась ничем. Англия предложила тогда оккупировать соединенными силами Смирну. Искушение было слишком велико даже для жаждавшего мира русского правительства. Оно немедленно приняло английское предложение. «Конечно,— пишет в своих мемуарах Сабуров,— положение было бы для нас очень удобным, если бы мы имели тогда флот в Черном море и десантную армию». Но, как известно, не было ни армии, ни флота, ни денег. «Мы не были в состоянии войти в проливы на равных условиях с Англией, оккупировать Босфор, предоставив ей оккупировать Дарданеллы и, таким образом, par un fait accompli разрешить вопрос...» Русское правительство могло быть втянуто в невыгодную сделку. «Если ослепление Турции приведет ее на этот раз к гибели, Англия факти-

[21] «Schouvalow a fait la politique à sa façon qui n'est nullement de mon goût».— Сабуров — Гирсу, 8 (20) мая 1880 г., № 14.— С. А., 1880.
[22] Частное письмо Гирса Сабурову от 28 мая 1880 г.— А.К.М., Berlin, I, лл. 253—263.

чески сделается хозяйкой проливов, Австрия, преследуя свои интересы, захватит Македонию, и нам, чтобы поддержать равновесие, придется предпринять континентальную войну, не успев заключить союз с Германией и имея в перспективе потерю навсегда проливов»[23],— писал Гирсу Сабуров.

Английская опасность побудила Бисмарка к решительным действиям по отношению к Австрии. В августе ему стало известно, что англичане соблазняли Россию союзом[24]. Было совершенно очевидно, что Австрия не может рассчитывать на поддержку Англией своей восточной политики. Предупредительность Бисмарка по отношению к русским достигла высшего предела. В конце августа должно было состояться свидание между ним и Гаймерле, и Бисмарк спешит уведомить об этом русского посла, не столько спрашивая, сколько доводя до его сведения темы предстоящей беседы своей с австрийским министром. Он явно соблазнял. Необходимо соглашение, передавал он через Гогенлоэ Сабурову, между Австрией и Россией относительно «возможностей» на Востоке. Оно необходимо, ибо без него союз à trois не будет иметь «солидной базы», и Германия всегда будет находиться в затруднительном положении между двумя союзниками. В этом соглашении вопрос о проливах должен быть разрешен в благоприятном смысле для России. Поскольку Турция является естественным хранителем проливов, наилучшим разрешением вопроса было бы привлечение Турции в систему союза трех императоров, доказав ей, что эта политическая система является наилучшей гарантией ее господства на Босфоре. Но перед этим Турция обязана ликвидировать два вопроса. Она должна покончить с черногорским вопросом и затем позже должна согласиться на соединение обеих Болгарий и на окончательную потерю Боснии и Герцеговины. Большего от Турции ни Россия, ни Австрия требовать не могут; между ними может установиться полная солидарность интересов относительно неприкосновенности проливов[25].

Доводя об этом до сведения Александра II, Сабуров указывал, что предварительное соглашение с Австрией относительно соединения обеих Болгарий желательно, но приведение этого в исполнение теперь же невозможно. Гарантировать Турции неприкосновенность ее остальных христианских владений в Европе, получив взамен этого согласие ее на соединение Болгарий, противоречит «национальным традициям». Предоставить Болгарии добиться этого силой,— значит быть втянутыми в новую войну, печальный опыт которой только что проделан. Поэтому Сабуров считал наиболее разумным принять это предложение и заручиться предварительным согласием Австрии на соединение Болгарии и Румелии, но исполнение этого плана отложить до того времени, когда Турция в результате ли войны с Грецией или по иной причине ослабеет настолько, что болгары смогут осуществить объединение без русской помощи. В Петербурге очень легко согласились с этими доводами.

Этот успех окрылил Сабурова. Падало его подозрение насчет неуступчивости русского правительства в боснийском вопросе. Он успел сообщить Бисмарку об этом решении русского правительства до его свидания с Гаймерле (состоялось 4—5 сентября н. ст. в Фридрихсруэ)[26] и, по-видимому, с некоторыми комментариями от себя, так как через несколько дней после свидания он получил от первого ответ, который показался ему чрезвычайно неожиданным. Бисмарк передавал ему через графа Лимбурга-Штирума, что «за отсутствием деталей, касающихся наших взглядов, он, Бисмарк, не мог «приступить к главному вопросу о возможностях на Востоке»» («aborder la question générale des éventualités en Orient»). Сабуров истолковал этот ответ в том смысле, что Бисмарк счел преждевременным коснуться проблемы Салоники — Константинополь[27].

Так выплыла снова и была поставлена на почву практических переговоров знаменитая проблема распределения сфер влияния на Балканском полуострове между Австрией и Россией, проблема, которая долгое время занимала Бисмарка и казалась ему наилучшим решением балканского вопроса и в австрийских, и в германских интересах. В лице Сабурова она нашла своего русского сторонника, поставившего ее перед русским правительством именно теперь, когда согласие его на окончательную аннексию Боснии и Герцеговины могло казаться Сабурову полным отказом от панславистских утопий. Тем не менее остальные вопросы, касающиеся Востока, были затронуты довольно подробно в беседе Бисмарка с Гаймерле. Гаймерле выразил свое удовлетворение по поводу того, что русские не собираются немедленно же осуществить объединение обеих Болгарий, и со своей стороны заявил, что австрийское правительство не придает особого значения окончательной аннексии Боснии и Герцеговины. Впрочем, последнее заявление означало лишь, что такую аннексию австрийцы отнюдь не хотят рассматривать как компенсацию за согласие их на соединение Болгарии с Восточной Румелией. Такое согласие должно быть обставлено иными гарантиями как в настоящем, так и в будущем. Границы Восточной Румелии не должны в случае соединения расширяться ни к югу (т. е. к Константинополю), ни к западу (т. е. наперерез железнодорожной линии к Салоникам). Это — гарантии на будущее. А в настоящем: 1) болгары должны прекратить свою пропаганду в Македонии. Из-за Македонии может прои-

[23] Сабуров — Гирсу, 10 (22) мая 1880 г.— С. А., 1880.
[24] «Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 147.
[25] Сабуров — Александру II, 16 (28) августа 1880 г.— С. А., 1880.

[26] См. «Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 149, Bem.
[27] Сабуров — Гирсу, 31 августа (12 сентября) 1880 г., № 19.— С. А., 1880.

зойти столкновение Болгарии с Турцией; Россия придет на помощь болгарам, и восточный вопрос снова встанет во весь рост перед Европой; 2) Россия должна посоветовать Сербии быть более уступчивой в переговорах по поводу торгового договора с Австрией и признать право на оккупацию Новобазарского санджака неотделимым от права на аннексию Боснии и Герцеговины [28]. Последнее требование было очень неприятным. Кому охота вспомнить старые промахи! [29] Поэтому решено было, ввиду того что Австрия, признавая за собой такое право, тем не менее не хочет осуществить его в ближайшем будущем, не затрагивать пока этого вопроса вовсе [30].

В общем результаты свидания были признаны вполне удовлетворительными. «Австрия принимает соединение Болгарии,— писал Сабуров.— Это новый замаскированный удар по Берлинскому трактату» [31]. Но беспокоили замыслы Австрии на Востоке: Новый Базар, влияние в Румынии, экономическое подчинение Сербии, запрет болгарам расширяться к югу и западу от нынешних границ Восточной Румелии. «Во всем этом,— признавал Сабуров,— сказываются безграничные честолюбивые замыслы, скрываемые, но непроизвольно выдающие себя, замыслы тем более страшные, что они находят в Германии своего соучастника и свою поддержку» [32]. В этом отношении Сабуров был едва ли прав так же, как и в тех наблюдениях, которые он делал относительно нынешнего поведения Бисмарка. «Если бы,— писал он,— австро-германский союз, заключенный в прошлом году, не имел бы в качестве немедленного корректива улучшение наших отношений с Германией, положение на Востоке было бы нестерпимо. В данный момент Бисмарк чувствует необходимость соблюдать равновесие между нашими и австрийскими интересами. Германия наших дней преследует в отношении к России ту же политику, что и Пруссия времен Фридриха Великого, когда она предложила раздел Польши. Турция труднее поддается разделу, но политические тенденции в Берлине те же самые, что и сто лет тому назад: создать между тремя императорами узы взаимной солидарности. Фридрих был честным маклером раньше Бисмарка!»

Сабуров, попав раз на любимую тему, больше уже не сходит с нее. 28 сентября (10 октября) 1880 г.[33] Сабуров доносил,

[28] Это право вытекало из секретного австро-русского соглашения, подписанного графом Андраши и князем Горчаковым 13 июля 1878 г. Выдержки см.: *E. Wertheimer*. Graf Julius Andrássy, Bd. III. Stuttgart, 1913, S. 135, Bem. 1.

[29] Сабуров — Гирсу, 31 августа (12 сентября) 1880 г.— С. А., 1880.

[30] Сабуров — Гирсу, 6 (18) сентября 1880 г.— С. А., 1880. Надпись Александра II: «Vaut beaucoup mieux ne pas soulever cette question».

[31] Там же; Сабуров — Гирсу, 31 августа (12 сентября) 1880 г.— С. А., 1880.

[32] Сабуров — Гирсу, 4 (16) сентября 1880 г.— С. А., 1880.

[33] Сабуров — Гирсу, 28 сентября (10 октября) 1880 г., № 24.— С. А., 1880.

что, по словам Бисмарка, Гаймерле согласился с русской точкой зрения на вопрос о проливах. «Очевидно,— прибавлял он,— в Берлине, как и в Вене, боятся, что мы будем увлечены Гладстоном и можем вызвать, не желая того сами, падение Турции». «Ее хотят спасти, а самое лучшее средство спасти ее — это заинтересовать нас в ее сохранении. Если же позже ее уже нельзя будет спасти совсем, то — разделить ее остатки между нами тремя по примеру Польши. Нынешняя задача Германии и Австрии,— по мнению Сабурова,— заключается в том, чтобы не допустить крушения Турции прежде, чем Россия и Австрия окончательно не договорятся. Наша позиция поэтому должна быть такова: идти с Англией до решения черногорского, греческого и армянского вопросов, не забывая основной цели — соглашения трех восточных держав вообще и специально относительно проливов» [34]. Бисмарк дважды сказал ему: «Я не разделяю предрассудков других кабинетов, опасающихся предоставить Константинополь России» [35]. Радовиц передавал ему, что Бисмарк не видит препятствий к тому, чтобы Россия «реализовала свои наиболее смелые мечты на Востоке, но при одном условии — дать Австрии жить и не оспаривать у нее ее законную сферу влияния в западной части Балканского полуострова. Это в скрытых словах все та же программа: Салоники — Константинополь»,— заканчивал свое письмо Сабуров. Бисмарк не скупился на обещания, тем более что их выслушивали с большим удовлетворением. Англичанам в наказание за их беспокойную политику на Востоке он сказал, что хочет, как и прежде, оставаться другом России, что его союз с Австрией абсолютно не мешает этому и что он намерен оказать весьма широкую поддержку России в ее восточной политике [36]. Конечно, это было сказано после того, как Бисмарк убедился, что русское правительство не намерено разрывать начатых с ним переговоров.

27 и 28 ноября н. ст. Сабуров посетил Бисмарка в Фридрихсруэ, чтобы иметь личную беседу с канцлером. Бисмарк сказал, что ему уже удалось убедить Гаймерле в правильности русской точки зрения на вопрос о проливах. «Австрия,— сказал он будто бы австрийскому министру,— в такой же мере, как и Россия, заинтересована в том, чтобы Черное море не превращалось в английский плацдарм. Австрии так же, как и России, нельзя пускать в Черное море бури океана». К сожалению, Гаймерле очень нерешителен. «Во время свидания он вел себя, как школьник, который горит нетерпением удрать из школы, или как пойманная дичь, которая старается вырваться, потеряв не

[34] Там же.

[35] Сабуров — Гирсу, 1 (13) ноября 1880 г., № 29.— С. А., 1880.

[36] Сабуров — Гирсу, 16 (28) ноября 1880 г., № 32.— С. А., 1880. Беседа Бисмарка с Одо Расселом.

слишком много перьев». Переговоры отложены по его просьбе, но это не значит, что они сорваны вообще [37]. Чтобы ускорить дело, надо обратиться непосредственно к императору Францу-Иосифу. Тогда Сабуров тотчас же затронул свою «идею». Бисмарк сказал, что, если бы в Вене был настоящий государственный человек с широкими взглядами, он не поколебался бы провести на карте Турции демаркационную линию, разделяющую австрийские и русские интересы к удовольствию обоих союзников. Но, к сожалению, австрийцы самые робкие в Европе люди; они боятся всякого вопроса, выходящего за пределы текущего дня; преждевременное обсуждение ни к чему не поведет, предупреждал Бисмарк Сабурова и затем снова рассыпался в уверениях, что он ничего не будет иметь против, если русские завладеют Константинополем [38].

В России, по-видимому, очень встревожились несколько неожиданным предприятием Сабурова. «Главный вопрос о возможностях на Востоке», упомянутый однажды Сабуровым, в устах Бисмарка приобрел характер провокации, ибо Бисмарку в Петербурге не склонны были очень доверять. Радужные настроения Сабурова, его уверенность в том, что русский клин все глубже входит между вчерашними союзниками Австрией и Германией, не разделялись даже самым Александром II [39], и в этом отношении он оказался более чутким, чем не в меру зарвавшийся дипломат. Но так или иначе вопрос «о возможностях» был поставлен, и русскому правительству пришлось дать на него ответ. На этот раз выразителем воли правительства оказался министр, который со времен русско-турецкой войны был едва ли не самым влиятельным в среде своих сотоварищей,— Милютин.

Милютин, как мы уже видели, очень внимательно следил за ходом переговоров. Наиболее важные бумаги и инструкции подвергались его просмотру и поправкам; его мнение имело часто значение окончательного решения. Понятно, что ему принадлежало если не первое, то во всяком случае наиболее веское слово. «Мысли о возможном решении восточного вопроса в случае окончательного распадения Оттоманской империи» [40] — таково заглавие записки, поданной Милютиным 5 октября ст. стиля и сделавшейся в последний год царствования Александра II принципиальным выражением официального правительственного мнения по восточному вопросу. Сохранение Турции, писал он, один из догматов европейской политики. Но события последнего времени сильно поколебали этот догмат. «Ныне нельзя уже не

---

[37] Опасения у Бисмарка в этом смысле все же были (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 520).

[38] Сабуров — Гирсу, 16 (28) ноября 1880 г.— С. А., 1880.

[39] Замечание Александра II к соответствующему месту письма Сабурова от ноября (без точной даты) 1880 г.: «Je le voudrais mais n'en suis nullement sûr».

[40] С. А., 1880, Pièces variées, N 4.

предвидеть в более или менее близком будущем окончательного распадения ветхого здания». В Европе ждут, что распадение Турции грозит общеевропейской войной и катастрофой. Но действительно ли необходимо дальнейшее существование в Европе этого «ненормального политического организма»? Задачи европейской дипломатии должны заключаться в том, чтобы придумать такую комбинацию, которая, удовлетворив законные потребности разных народностей Балканского полуострова, вместе с тем представляла бы достаточную гарантию для поддержания спокойствия и порядка в этой части Европы; иными словами — необходимо найти такое решение вопроса, которое на место «издыхающей» Турецкой империи поставило бы какой-либо другой, более жизненный политический организм.

Проект балканской федерации — таков план Милютина. Осуществление этого проекта, думает он, не может быть делом настоящего дня; может быть, даже его невозможно вообще достигнуть мирным путем. Но такова судьба всякого проекта, касающегося восточного вопроса. С одной стороны, выступают «эгоистичные выгоды» некоторых держав, с другой — этому способствует хаотическое состояние, в котором находится население в некоторых частях страны. В первом случае «главное и почти исключительное противодействие можно ожидать со стороны Австро-Венгрии. Для всех прочих держав, не исключая и России, решение восточного вопроса представляется, так сказать, с отрицательной стороны: каждая из них боится допустить захват добычи другою. Россия в этом отношении не составляет исключения: вопреки укоренившемуся в Европе убеждению о каких-то давних замыслах России на Константинополь, для нас желательно лишь одно: чтобы ни одна из европейских держав не присвоила себе преобладания на Балканском полуострове, и в особенности не захватила в свои руки входа в Черное море».

Исходя из этого положения, Милютин и развивает свою практическую программу политического устроения Балканского полуострова. Проект кажется ему приемлемым для всех держав, противодействие же Австрии можно будет парализовать, предоставив ей известную долю влияния на Балканском полуострове. Гораздо труднее справиться с другим затруднением, заключающимся в смешанном составе и малом развитии народонаселения в некоторых частях полуострова, преимущественно в западной. Здесь нет готовых элементов для прочной организации самостоятельных государств; здесь все остается еще в неопределенном положении. Как разграничить разные народности, могут ли даже слиться в один организм разрозненные и враждующие между собой племена, обозначаемые условным названием Албании? Понадобятся, быть может, вмешательство европейских держав, временные оккупации и т. д. Все это — осложнения, которые должны быть предусмотрены заранее, так как наибольшая

опасность заключается в том, что катастрофа Турции может упасть на голову неподготовленной Европе.

По мнению Милютина, желательное для России решение восточного вопроса могло быть следующее. Турция ограничивается своими азиатскими владениями. На Европейском континенте она удерживает за собой только Константинополь с прилегающей к нему территорией. На Балканах образуется федерация нескольких самостоятельных государств под общим покровительством Европы. Эта федерация составляется из Румынии, Сербии, Черногории, Болгарии, Албании и Греции. Если бы восстановление большой Болгарии в пределах Сан-Стефанского договора встретило сопротивление со стороны Австрии, поддерживаемой Германией, то, может быть, пришлось бы образовать промежуточное смешанное государство под названием Македонии. Босния и Герцеговина также входят в федерацию с оставлением их под властью Австрии подобно тому, как в прежнее время некоторые части Австрии и Пруссии входили в состав Германского союза. На таких же условиях в балканскую федерацию входит и Адрианопольский вилайет Турции с Константинополем, образованный из территории, оставшейся во власти турок из бывшей Европейской Турции. Мраморное море и проливы признаются нейтральной территорией под непосредственным наблюдением международной комиссии. Насильственное вступление в эти воды какого-либо военного судна без особого пропускного свидетельства от международной комиссии считается нарушением общеевропейского права. Проливы охраняются эскадрой шести великих держав.

Мы не будем останавливаться на проекте внутреннего устройства балканской федерации, который тоже имеется в записке Милютина. Достаточно и приведенного нами, чтобы видеть, что единственное достоинство этого политического документа заключалось в умеренности, вполне соответствовавшей положению России после русско-турецкой войны. Но это достоинство скорее отрицательное, с точки зрения того, чего нет в записке и что мог в ней ожидать, например, Бисмарк, взваливший на Милютина всю ответственность за воинственные тенденции русского правительства. После русско-турецкой войны пресловутый вопрос о проливах решался в ней в духе Рейхштадтской конвенции, с каковой совпадала и самая постановка проблемы: какова должна быть судьба балканских народов в случае окончательного распадения Турции. Но решение этой проблемы в виде балканской федерации исполнено было того политического прекраснодушия, той непрошенной заботы о судьбе других народов и государств, которые чаще всего являются основой для плохой политики, ибо они бывают построены не на ясном сознании борьбы интересов и соотношения сил борющихся государств и выступающих за ними классов, а на своеобразном политическом рационализме, позволяющем строить

идеальные системы, гармонически разрешающие противоположные интересы.

Что подобный проект никогда не мог стать реальностью, доказали последующие события. Но западноевропейские, в особенности австрийские, политики не могли согласиться с ним даже в теории, ибо единственно приемлемая для Австрии форма бытия балканских народов, как мы видели, была бесформенная куча мелких государств, а никак не их объединение. Признать целесообразность такового могла лишь Австрия, утратившая свой дуалистический характер и превратившаяся сама в федерацию, по крайней мере на одну треть славянскую. Но австро-мадьярская буржуазно-дворянская дуалистическая империя была еще слишком сильна и в таком переустройстве не нуждалась, а вместе с тем не могла допустить и балканской федерации.

Нетрудно указать корни этой политической романтики. Она была произведением того либерально-дворянского слоя, главным образом московского дворянства, который в романтике славянофильства и героике панславизма находил исход своим искусственно задавленным вкусам к политической деятельности и в то же время был достаточно далек от петербургского бюрократизма, чтобы проникнуться принципом, быть может, и авантюрной, но все же по-своему практической политики, видевшей в захвате проливов деяние, долженствовавшее прославить и укрепить династию. Бисмарк был по-своему прав, называя Милютина панславистом и революционером, хотя он в действительности не был ни тем ни другим. Ему, как и умственно близким к нему московским дворянам-славянофилам, была чужда боязнь подлинного консерватора и убежденного аристократа-реакционера Леонтьева, боязнь распада Турции и Австрии, так как и то и другое несло с собой появление на политической сцене «эгалитарных и свободолюбивых братьев-славян»[41]. Буржуазная сущность национального движения в его славянской ультрадемократической форме, столь отвратительная для Леонтьева, нисколько не отталкивала московских дворян-либералов, но наводила на грустные размышления австро-немецких либералов-централистов и германских консерваторов, видевших в славянском национализме грядущую славянскую антинемецкую революцию[42].

---

[41] *Н. Бердяев*. Константин Леонтьев. Paris, 1926, стр. 66.

[42] Для характеристики взглядов Милютина на славянский вопрос имеет значение его записка, написанная в Ливадии в ноябре 1879 г. (см. С. А., 1879) во время «газетной войны» русских газет с немецкими и австрийскими, в которых иногда были выпады, направленные против Милютина лично. Я привожу только небольшой отрывок, посвященный панславизму. «Панславизм — вот в сущности главный пункт (газетных) обвинений,— пишет Милютин.— Он один и может иметь серьезное значение в политике общеевропейской. Но что же именно разумеется под словом

Взгляды Милютина, конечно, не во всем совпадали с взглядами московских славянофилов. Ему чужд был их мистический ужас перед католицизмом, но принцип национального возрождения славянства при помощи России и резко выраженная антипатия к Австрии были сильны в нем настолько, что его проект, продиктованный, на первый взгляд, большой уступчивостью к этой державе, был в первую голову неприемлем именно для нее, так как он в конечном счете сводился к созданию ей сильного славянского противовеса и к потере в скрытой форме Боснии и Герцеговины.

Напрашивается сравнение политических идей Милютина и Сабурова. Петербургский бюрократ все средства политики ставил на службу одной цели — проливы. Дележ Балкан между Австрией и Россией был для него вопросом целесообразности и только. В 80-х годах, по его мнению, без такого дележа обойтись было нельзя, если только русская политика хотела подойти к практическому решению вопроса о проливах. Для Милютина захват проливов был совсем не обязателен, а в обстановке 80-х годов вообще выбывал из числа практических целей политики, но вопрос о судьбе славянства у него оказался доминирующим, а в практической постановке он означал прежде всего недопущение на Балканы австрийского влияния. И именно это последнее делало его политику неприемлемой для Австрии, а его имя одиозным в глазах Бисмарка, для которого австрийский

«панславизм»? Если придавать ему буквальное значение — стремление всех славянских племен к политическому соединению, то едва ли нужно доказывать, что в таком смысле он не существует. Россия никогда не питала мечты о соединении всех славян под свое крыло и недавно еще фактически доказала отсутствие всяких в ней честолюбивых замыслов распространения своего владычества над освобожденными ее оружием славянскими народами. С другой стороны, и сами племена славянские, разрозненные и географически, и религиозно, и по историческим условиям, никогда не желали и не могут желать быть поглощенными какою-либо одною державою...» «Обнаружившееся в текущем столетии пробуждение славянской национальности в среде некоторых племен встревожило Европу. В особенности Германия и Австрия увидели в своем славянском населении элемент враждебный. По естественному ходу вещей одна Россия стала заступницею и покровительницею славян — и вот где корень общего в Европе возбуждения против России». Россия не может отказаться от этой помощи славянам и не может помогать другим державам «в достижении их эгоистической цели — подавления славянского элемента». Отсюда возможны конфликты с Германией и Австрией, устранить которые — не во власти России. «При безграничном честолюбии германского канцлера, при фантастических планах лорда Биконсфильда, при безучастном и униженном положении Франции, наконец, при неизбежном распадении Оттоманской империи могут разыграться в близком будущем такие события, которые не позволят России остаться равнодушной свидетельницею их. Следовательно, если Германия вместе с Австро-Венгрией действительно и искренно желают сохранения мира в Европе, то они должны осторожно обходиться с вопросом славянским. В этом отношении не им приходится указывать России на опасность «панславизма». Не Россия затронет этот жгучий вопрос».

«Drang nach Osten» был непременным условием спокойствия в Германии. Повторяем, эти планы переустройства Балканского полуострова относились к отдаленному будущему. Пока же политика Милютина, спокойная и основанная на трезвом учете русской слабости в результате войны, была вполне приемлема для Бисмарка и вполне осуществима.

Разница во взглядах руководящего министра, каким был Милютин, и честолюбивого посла стала очень быстро обнаруживаться с того момента, как Сабуров приступил к зондированиям на счет «возможностей» («éventualités»), и привела к скрытой полемике, не лишенной интереса как для выяснения истинных взглядов правительства, так и для той политической комедии, которая оказывалась возможной благодаря крайней неустойчивости в самом правительстве последних лет царствования Александра II.

Антиавстрийская политика английского кабинета, несмотря на заверения Гладстона, сделанные им Вене, и растущая интимность в русско-германских отношениях начинали беспокоить австрийских политиков [43]. 18 декабря Рейс доносил Бисмарку, что Гаймерле буквально «осаждает его вопросами о состоянии, в котором находятся тайные переговоры с Россией» [44]. Интересы Австрии требуют сохранения хороших отношений к России, и он, Гаймерле, получил от императора полномочия вступить в переговоры, о которых говорил ему Бисмарк при свидании с ним в Фридрихсруэ. Гаймерле жаловался при этом на продолжающееся сопротивление русских во всех вопросах, касающихся интересов Австрии на Балканах: достаточно напомнить вопрос о болгарских железных дорогах, о судоходстве по Дунаю, об австро-сербском торговом договоре. Что Россия была бы не прочь удовлетворить Черногорию за счет Австрии, это ему, Бисмарку, известно лучше, чем здесь. К сожалению, приходится признать, что русское влияние на Балканах сильнее, чем австрийское, но изменить этого нельзя. Однако Россия не должна пользоваться своим влиянием исключительно для того, чтобы создавать Австрии затруднения. При этом Гаймерле сказал: «Если Россия хочет иметь свободные руки в северо-восточном углу полуострова, то она должна развязать руки Австрии на юго-западе и, кроме этого, в случае, если на Балканах произойдет какое-либо политическое переустройство, никоим образом не стараться из этих новых государственных образований создать врагов для Австрии. Если Россия хочет показать свое благорасположение к Австрии, она должна доказать это факта-

[43] Сабуров — Гирсу, 28 декабря 1880 г. (9 января 1881 г.), № 33.— С. А., 1881; Сабуров — Гирсу, 10 (22) января 1881 г.— С. А., 1881. Ср. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 520, S. 150. Выражение, что «die Russen hätten viel Wasser in ihren Wein (Zweibund.— *С. С.*) gegossen...», принадлежало Гаймерле.

[44] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 520, S. 148.

ми и деятельностью своих представителей в Бухаресте, Галаце, Софии, Белграде и т. д.» «Австрийский министр, замечал Рейс,— очень боится брать на себя какие-либо обязательства по отношению к России, так как он убежден, что его обманут».

Бисмарк повел решительную атаку на боязливого министра. «Мне кажется,— писал он,— что барон Гаймерле предъявляет слишком большие требования к соглашению с Россией, если он ждет, что оно создаст вместо соперничества обеих держав на Балканах, лежащего в природе их отношений, взаимное доверие и любовь. Этих чувств не было между ними и в промежуток между 1815 и 1848 гг., однако же им удавалось сохранять благодетельный мир в течение 30 лет. Конечно, власть в России уже не так цельна, как тогда: договор с императором, даже если к нему присоединится наследник, связывает ныне лишь одну часть власти, другая не повинуется и ведет свою политику. Нельзя отрицать того, что благодаря такому дуализму можно оказаться «обманутым», как говорит барон Гаймерле. Но без договора с императором еще легче попасть в такое же положение»[45].

Это увещевание подействовало, правда, не до конца. Гаймерле больше всего тревожила мысль, обеспечит ли соглашение с Россией спокойствие, в котором Австрия нуждалась в такой же мере, как и Германия. Но одна мысль тревожила его еще больше. Намек Гаймерле на разграничение сфер влияния на Балканах, выраженный в самой неопределенной форме, был подхвачен Бисмарком и передан Сабурову, которому Бисмарк дал прочесть некоторые части отчета Рейса от 18 декабря 1880 г.[46] Какую судьбу имела эта неосторожная откровенность Гаймерле в России, мы увидим несколько позже. Сейчас заметим лишь, что Рейсу дано было, по-видимому, поручение затронуть эту тему при удобном случае. Уже в донесении от 25 декабря Рейс сообщал весьма недвусмысленный ответ[47]. С некоторыми оговорками австрийский министр изъявлял готовность приступить к обмену мнений относительно восточного вопроса, однако решительно отказываясь затрагивать его в целом[48] или касаться окончательного регулирования его заранее, в расчете на крушение Турции и ее раздел. Он допускал лишь разговор о возможном соединении двух Болгарий «явочным порядком», в обмен на что требовал отказа от распространения этого движения на Ма-

[45] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 521, S. 152.

[46] *P. Sabouroff*. Ma mission à Berlin. 1879—1884. St. Pétersbourg, 1914, p. 130 sqq.

[47] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 522.

[48] Убри — Гирсу, 26 декабря 1880 г. (7 января 1881 г.) — С. А., 1881. Гаймерле сказал Убри: «Mais ce que je voudrais c'est que l'on n'entre pas dans trop de détails sur toutes les éventualités possibles en Orient. Et d'abord qui peut les prévoir? Qui sait combien de temps durera encore l'Empire Ottoman et comment il écroulera par un démembrement successif ou par une révolution à Constantinople».

кедонию и согласия на окончательную аннексию Боснии и Герцеговины, а также, в случае необходимости, и Новобазарского санджака. Успел ли Бисмарк сообщить Сабурову и это второе донесение Рейса от 25 декабря до отъезда русского посла в Петербург, где Сабуров был в конце декабря и начале января, сказать трудно. Во всяком случае, в своем донесении Гирсу от 29 декабря Сабуров, сообщая радостное событие о том, что Гаймерле решился, наконец, приступить к переговорам, продолжал всецело находиться под впечатлением еще более интересного для него вопроса о «демаркационной линии», о разделе сфер влияния, в то время как в Берлине уже был получен из Вены отказ обсуждать какие бы то ни было широкие планы предприятий на Востоке. Депеши из Вены в это время шли меньше двух дней, Сабуров видел Бисмарка 27 или 28 декабря, и, таким образом, более верно предположение, что эта часть ответа была скрыта Бисмарком от Сабурова намеренно.

Как бы то ни было, Сабуров счел возможным дать дальнейшее развитие идее Бисмарка, высказанной канцлером во время свидания его с Сабуровым 27—28 ноября 1880 г. и касающейся проведения на карте Турции демаркационной линии, разделяющей интересы России и Австрии. В донесении от 29 декабря[49]. Сабуров передавал смысл фразы из донесения Рейса от 18 декабря 1880 г.[50], но при этом весьма неточно. Вместо выражения à propos, каким оно является в донесении Рейса, заявление Гаймерле о демаркационной линии в донесении Сабурова приобретает значение центрального пункта разговора и передано в выражениях, показывающих, что или Бисмарк, читая вслух, дополнял от себя, либо сам Сабуров, увлеченный своими планами, вольно или невольно выдвинул на первое место то, что в действительности имело лишь характер беглого замечания[51]. Что

[49] Сабуров — Гирсу, 29 декабря 1880 г.— С. А., 1881; Lamsdorff. Notice.— С. А., 1881. Подробные дневники Ламздорфа имеются и за 1880 г. в С. А. Эта «Notice» хранится в папке № 8 (лл. 228—231). Название «Notice» и весь текст ее написаны рукою Ламздорфа. Она содержит очень важные дополнения как к донесениям Сабурова, так и в особенности к деятельности Милютина.

[50] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 520.

[51] Вот оно целиком: «Ne vaut-il pas mieux,— observa Mr. de Haymerlé s'en tenir au but convenu l'année dernière à Vienne — celui de travailler à écarter tout motif de conflit et de guerre entre la Russie et l'Autriche? — nous borner enfin à empêcher les coups de poing, sans courir après une alliance qui ne fera pourtant pas cesser la rivalité latente dans nos intérêts en Orient? Ensuite, si des problèmes plus graves s'imposent on pourrait convenir d'une ligne délimitant nos influences et allant du Nord-Est au Sud-Ouest. La Russie pourra faire ce qu'elle veut à l'Orient, l'Autriche à l'Occident de cette ligne, à condition toutefois que la Russie ne crée pas de son côté un Etat hostile à l'Autriche». Лишь последняя часть фразы, начиная со слов: «à condition» и т. д., близка к донесению Рейса. Но весь тон отрывка, твердый и определенный, совершенно не совпадает с донесением Рейса, не говоря уже о том, что Гаймерле ни одним словом не обмолвился относительно союза двух держав. Вот соответствующий отрывок в донесении

Бисмарк имел основание укреплять Сабурова в этой идее, не может быть сомнения. Раздел сфер влияния был принципом балканской политики Бисмарка, и желание его заставить русских высказаться по этому вопросу могло быть вполне естественным. Но вернее, пожалуй, второе предположение: искажение шло от Сабурова. В частном письме к Убри от 8 января [52] он передал этот отрывок донесения Рейса в его действительном контексте, с замечаниями Бисмарка и своими собственными выводами, которые ясно показывали, что планы «славной политики» не давали ему покоя.

Сабуров писал: «Влияние Гаймерле можно было предвидеть. Он отметил тот факт, что влияние России доминирует на Балканах, что оно развивается в ущерб австрийскому; он боится, чтобы Австрия не оказалась обманутой в переговорах о соглашении, и хотел бы определить сферы влияния линией, проведенной с северо-востока на юго-запад, т. е. от Добруджи к Эгейскому морю, предоставляя, таким образом, Сербию, Черногорию, Албанию, Македонию, течение Дуная и Румынию исключительному влиянию Австрии». Последние слова, начиная с «т. е.», передают заявление Бисмарка и являются, если сравнивать их с донесением Рейса, прибавлением, которое скорее всего надо рассматривать как толкование, сделанное Бисмарком или с целью позондировать русских, или скорее для того, чтобы выставить требование «с запросом», устранение которого приобрело бы характер услуги России. А свои услуги Бисмарк, как известно, считал дипломатическим долгом всемерно и всегда подчеркивать. На это отчасти указывает и само письмо Сабурова к Убри. «Эти поползновения,— пишет он дальше,— не получили одобрения Бисмарка. В своей роли честного маклера он, казалось, до сих пор склонялся на сторону Австрии. В настоящий момент он, кажется, восстанавливает равновесие, и даже с некоторым уклоном в сторону России. Если он удержится в таком положении, венскому кабинету придется весьма серьезно пересмотреть свои претензии» [53].

Сабуров не остановился только на том, что поделился своими мыслями с Убри. По-видимому, на его внушения в Петербурге не обратили должного, с его точки зрения [54], внимания, и он решил постучаться еще раз. 23 января (4 февраля) 1881 г. он писал Гирсу, что, хотя самое элементарное благоразумие предписывает не касаться этих вопросов (т. е. восточного вопроса) в целом (возможностей!) даже чисто академически, прежде чем станет известно, расположены ли Германия и Австрия говорить на эту тему,— ему все же кажется удобным воспользоваться начатыми переговорами, чтобы пролить некоторый свет на возможные меры Германии и Австрии [55]. Сабуров прибавлял, что он внушил Бисмарку мысль вызвать Гаймерле при посредстве Рейса на дальнейшие объяснения. «Кто знает, что из этого выйдет,— сказал Сабуров Бисмарку,— может быть, мы сможем найти элементы того соглашения, о котором наш нынешний проект говорит лишь как о пожелании, не формулируя его, однако. Всякий новый пункт соглашения будет в такой же мере выигрышем и для продолжительности союза трех императоров». Эта мысль понравилась Бисмарку. Он сказал, что он напишет о ней Рейсу, рекомендуя ему, однако, не смешивать официальных переговоров с этим специальным вопросом.

Со стороны Бисмарка это было уже мистификацией, так как трудно допустить, чтобы Сабуров в конце января мог сообщать о разговоре, имевшем место в начале декабря, а ведь 25 декабря Бисмарк уже имел вполне отрицательный ответ Гаймерле на вопрос о «возможностях». У Бисмарка было прямое желание вызвать русское правительство на дальнейшие откровенности, и то обстоятельство, что таковых не последовало, имело для него огромное значение на будущее. Что эти разговоры Сабурова с Бисмарком не совсем нравились в Петербурге, не подлежит никакому сомнению. Как в свое время при первых известиях о «главных вопросах о возможностях на Востоке», Милютин счел нужным написать свою записку, точно устанавливающую принципы русской политики на случай радикального решения восточного вопроса, так и теперь постоянные упоминания Сабурова о «демаркационной линии» побудили русское правительство предпринять некоторые шаги, чтобы унять посла, переходившего границу желательного. Сабурову была дана записка Милютина, из которой он мог бы почерпнуть для себя пример политической скромности. Однако это средство не подействовало. «Беспокойный дух» [56], как назвал его впоследствии Гирс, при помощи экивоков и двусмысленностей хорошо приспособил эту, казалось бы прямо противоположную его мыслям, записку к своей цели. Она лишь подлила масла в огонь его дипломатического рвения; он увидел в ней доказательство того, что и

Рейса: «Dass der russische Einfluss durch viele Österreich nicht zugängliche Mittel auf der Balkanhalbinsel stärker sei als der österreichische, sei zu bedauern, aber nicht abzuändern. Russland sollte denselben aber nicht ausschliesslich dazu benutzen, Österreich Schwierigkeiten zu bereiten. Wolle Russland freie Hand in dem nordöstlichen Teil dieser Halbinsel haben, so solle es Österreich freie Hand auf der südwestlichen lassen, und ausserdem, wenn eine Neugestaltung der Länder am Balkan sich vollziehen werde, nicht von vornherein erstreben, dass für Österreich durch diese neuen Länderschöpfungen Feinde heranwüchsen» («Die Grosse Politik...», Bd. III, N 520, S. 149).

[52] Сабуров — Убри, 8 января 1881 г.— С. А., 1880; Lamsdorff. Notice.— С. А., 1881.

[53] Lamsdorff. Notice, p. 3.— С. А., 1881.

[54] См. ответ Гирса от 2 (14) января 1881 г., а также: «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 523, Anlage.

[55] Сабуров — Гирсу 23 января (4 февраля) 1881 г., № 3.— С. А., 1881.

[56] «Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 316.

само русское правительство не прочь поговорить об «окончательном» решении «великого вопроса».

«Если Гаймерле,— писал Сабуров Гирсу 23 января (4 февраля) [57],— ответит, что он готов стать на путь более широкого соглашения, было бы уместным подвергнуть изучению комбинации, развитые в секретной записке гр. Милютина, относительно балканской федерации. Предлагая Австрии такую идею, т. е. участие ее в балканской федерации, как блестящее доказательство того, что мы желаем считаться с ее интересами на Востоке, мы могли бы требовать от нее в свою очередь, чтобы она считалась с нашими интересами, т. е. чтобы вход в проливы со стороны Черного моря принадлежал нам. Я почти наверняка могу сказать, что такая сделка будет одобрена Бисмарком, который возьмет на себя заботу убедить Австрию согласиться на это». Единственная опасность заключается в том, что о таком соглашении могут узнать англичане. Поэтому Сабуров предпочитал такому соглашению простые словесные объяснения. Они менее обязательны, конечно, зато более безопасны. В заключение Сабуров просил Гирса сообщить ему результаты обсуждения милютинской записки.

Это письмо Сабурова вызвало большую переписку, в которой подвергались принципиальному рассмотрению не только возможные решения балканского вопроса, но и modus procedendi русской политики в ближайшем будущем.

Бисмарк оказался прав, когда он говорил, что власть в России лишена той цельности, какой она отличалась при Николае I [58]. Сабуровские демарши были бы непонятны, если бы они не находили некоторого поощрения со стороны Александра II. Несмотря на все влияние, каким пользовался Милютин, у Сабурова еще оставалась надежда на то, что его планы будут одобрены, т. е. приобретут характер «хорошей политики», для хорошего исполнения которой он считал себя вполне способным. Нет ничего поэтому удивительного, что в том самом высоко официальном письме, которым Гирс хотел предупредить излишнюю торопливость Сабурова, мы находим заявление, что он, Сабуров, пошел навстречу желаниям его величества, внушая Бисмарку мысль воспользоваться переговорами для того, чтобы осветить вопрос о «возможностях», скрытых в будущем Востока [59].

Однако сейчас же со свойственной ему слабостью и неспособностью ясно и сильно проложить свой собственный путь в политике Гирс начинал цепляться за наименее вредное из средств, предлагавшихся ему другими и имевшее надежду быть одобренным свыше. Он, Гирс, согласен, что затрагивать эти серьезные «возможности» в предположительной форме в официальном соглашении трудно и неудобно. Он целиком разделял мнение Бисмарка, что эти «экскурсы в области возможного» не следует при переговорах с Австрией смешивать с переговорами о восстановлении союза трех императоров. Он считал даже, что неписаные соглашения достаточно гарантируются лояльностью трех императоров, сохраняя в то же время «достаточную эластичность», необходимую для того, чтобы иметь свободу действий (перед лицом неожиданности),— фраза в такой же мере неопределенная, как и двусмысленная. Он считает, что записка Милютина не является единственным основанием, на почве которого мог бы происходить обмен мнений. Эта записка подлежит еще обсуждению [60]. Но тут же он подчеркивал, что принципы ее бесспорно справедливы и что едва ли можно искать иного столь же рационального решения восточного вопроса. Эти принципы, писал он, всегда служили базой при неоднократных попытках развязать этот гордиев узел; они же лежат в основе Рейхштадтского соглашения.

Совершенно ясно, что такая высокая оценка идей Милютина понадобилась Гирсу только для того, чтобы тут же подчеркнуть, что эти принципы предусматривали в случае крушения Оттоманской империи учреждение мелких независимых государств и превращение Константинополя в вольный город, и таким образом дать почувствовать послу, что его идея соглашения насчет захвата проливов в данный момент не встретит отклика. Все это было похоже на нравоучение послу. О его «идеальной цели» пока не хотели говорить. Единственно, что Гирс отрицал,— это разграничение сфер влияний. Он нарочито оговаривался, что он делает это отнюдь не из склонности к панславизму, «dont les chimères ne se laissent pas analyser». Но Австрия выставляет такие требования, что с ними нельзя согласиться. Однако и тут Гирс не шел до конца. Он допускал разграничение, которое не влекло бы за собой ни завоеваний, ни аннексий, ни разделов; которое устанавливало бы лишь «границы, в коих каждый мог бы свободно развивать свое влияние и работать на пользу своих интересов, не сталкиваясь с недоверием и сопротивлением другого...»

Что мог подумать Сабуров, получив такое письмо? На экивок он ответил экивоком, нерешительности и неопределенности он противопоставил лукавство. Прикрывшись авторитетом Милютина, он попытался протащить снова свою программу. Его ответ 2(14) февраля 1881 г. [61] — образец дипломатической изворотливости. Громогласно присоединяясь к принципам Милютина, он извращает их до неузнаваемости и затем подсовывает

---

[57] Сабуров — Гирсу, 23 января (4 февраля) 1881 г.— С. А., 1881.
[58] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 521.
[59] Гирс — Сабурову, 30 января 1881 г.— С. А., 1881.

[60] В данном случае Гирс лишь точно передавал замечание Александра II на письме Сабурова от 23 января (4 февраля) 1881 г.: «Il faudra encore la (записку Милютина от 5 октября 1880 г.— *С. С.*) discuter».
[61] Сабуров — Гирсу, 2 (14) февраля 1881 г.— С. А., 1881.

давно знакомый проект: Салоники — Константинополь. Был ли он прав, поступая так? Ответом на это может служить короткая, но выразительная заметка царя на полях его донесения: «Я считаю эти идеи вполне правильными». Это могло бы считаться полной победой идей Сабурова, если бы мы не встретили на ответе Гирса, написанном совместно с Милютиным и опровергающем соображения Сабурова, фразу, такую же короткую и столь же выразительную: «C'est bien», которая показывала, что царь не совсем понимал, что происходило.

В ответе от 2 (14) февраля Сабуров излагал свои размышления по поводу «возможностей». Если он считает возможным воспользоваться запиской Милютина, то это потому, что в ней он находил одну идею, при помощи которой можно было бы соблазнить Австрию и получить от нее взамен некую большую выгоду. Эта идея — балканская федерация со включением в ее состав Австрии в силу оккупации ею Боснии и Герцеговины. План привлечения Австрии к «конфедерации», в которой Россия не принимала бы никакого участия, кажется ему достаточно привлекательным для Вены, чтобы получить от нее согласие на решение вопроса о проливах «в нашем смысле». Гарантии параграфа III предполагаемого соглашения (закрытие проливов), конечно, превосходны и по всей вероятности удовлетворят нас надолго, но они не вечны и зависят от длительности союза трех императоров. Истинной гарантией может быть только овладение проливами. Такая цель вполне совместима с идеями Рейхштадта. Ведь мы сохраняем принцип: Константинополь — вольный город, а о входе в Босфор рейхштадтские положения ничего не говорят, писал, наивничая, Сабуров. Этот вопрос, восклицает Сабуров, еще девствен и никогда не был предметом переговоров с каким-либо иностранным кабинетом. Он еще до сих пор не сделался в Европе страшилищем, как вопрос о Константинополе. Для нас же судьба великого города не имеет значения, раз вход в Черное море будет в наших руках. Но такое решение вопроса, еще раз подчеркивает Сабуров, возможно при сохранении основного принципа записки Милютина, т. е. если Австрия будет единственной великой державой, участвующей в конфедерации.

Знаменательное подчеркивание! В такой интерпретации милютинский проект оказался приемлемым для Сабурова. Ведь вся его теория «демаркационной линии» на Балканах была лишь средством к единой «идеальной цели», которую он приписывал графу Милютину, но в действительности был одержим ею сам,— к захвату проливов. Он легко отказывался от своей идеи дележа сфер влияния, потому что неожиданно для него милютинская конфедерация давала место влиянию Австрии на Балканах в гораздо больших размерах, чем при таком дележе, но сохраняла в то же время независимость Балканских государств, а это, с его точки зрения, могло вполне удовлетворить Россию, не за-

раженную панславизмом[62], и наконец давала России то, ради чего, по его мнению, велась вся балканская политика — русская, а не панславистская,— ключи от своего дома, проливы[63].

Он, по-видимому, допускал, что Австрия согласится на такую сделку, несмотря на то что, с его точки зрения, в мыслях Австрии было превратить дележ сфер влияний в реальный раздел Балканского полуострова[64]. Сабуров не откладывал дела в долгий ящик и в тот же день в частном письме к Гирсу предлагал уже создать секретный комитет, который занялся бы подготовкой мер, направленных к осуществлению захвата проливов[65]. Он вскоре получил ответ, который свидетельствовал, что, несмотря на одобрение Александра II, «чисто русская сторона восточного вопроса» находилась в сфере тех возможностей, которые выходили за пределы актуальной политики русского правительства.

Ответ на то письмо Сабурова, в котором он подверг рассмотрению милютинскую записку, был написан Гирсом с одобрения Милютина и с его примечаниями[66]. К проекту ответа Гирса приложено письмо последнего. Из него видно, что Милютин больше всего боялся, как бы в этом ответе не были допущены выражения, которые могли бы быть «поняты Сабуровым (при его настроении мыслей) в том смысле, как будто ему предоставляется теперь же затронуть вопрос (об окончательном решении балканского вопроса.— *С. С.*) в предварительных секретных беседах с Бисмарком. Не следует ли в этом месте определенно высказать,— приписал Милютин,— (хотя это будет и повторение), что даже и предварительные эти беседы с Бисмарком могут быть начаты при удобном случае не теперь, а лишь после окончательного установления ныне предпринятого тройственного соглашения». Ответ вполне соответствовал духу этого примечания. В нем Гирс всемерно подчеркивал, что вопросы, затронутые Сабуровым, равно как и запиской графа Милютина, должны быть еще подвергнуты обсуждению, но тут же прибавлял, что основы Рейхштадтского соглашения, т. е. создание на Балканах независимых государств и превращение Константинополя в вольный город, вполне совпадают с принципами записки Милютина,

---

[62] Сабуров — Гирсу, 2 (14) февраля 1881 г.— С. А., 1881: «Du moment où notre politique ne s'inspire pas d'idées panslavistes, je crois que nous pouvons rester satisfaits, si nous réussissions à assurer l'indépendance des petits Etats créés et à créer dans la Peninsule des Balcans».

[63] Там же. «Tout ce que dans ces limites nous pourrions accorder d'avantages à l'Autriche au point de vue de son influence politique et commerciale sur ces pays serait pour nous autant de moyens de la desintéresser du côté purement russe de la question d'Orientel que feu l'Empereur Nicolas de glorieuse mémoire l'a défini en reclamant pour la Russie la clef de la maison».

[64] Там же,: «...dans les idées de l'Autriche le partage d'influence devra conduire tôt ou tard à un partage réel et finir par se résoudre en annexion».

[65] Частное письмо Сабурова Гирсу, 2 (14) февраля 1881 г.— С. А., 1881.

[66] Гирс — Сабурову, 13 февраля 1881 г.— С. А., 1881.

тогда как отделение вопроса о Константинополе от вопроса о Босфоре в письме Сабурова от 2(14) февраля создает новое положение, в котором заинтересованы все европейские державы. Неприкосновенность проливов поставлена в проекте союза под гарантию трех императорских дворов. С того момента, как речь будет идти о постоянной оккупации русскими входа в Босфор, вопрос радикально изменится. «Такую уступку мы сможем купить лишь ценою соответствующих уступок в пользу Австрии. Согласия обоих дворов было бы недостаточно. Надо считаться с остальной Европой, и в особенности с Англией». «Мы поэтому смотрим на серьезные вопросы, поднятые запиской Милютина и вашим письмом, как на вопросы, подлежащие предварительному обсуждению с целью установить основы соглашения, которые сообщим конфиденциально князю Бисмарку в свое время и в своем месте».

25 февраля Гирс в частном письме, повторившем доводы предыдущего[67], внушал послу: «Нам кажется предпочтительным не заглядывать слишком далеко вперед и не брать на себя риск компрометировать настоящее ради неопределенного будущего». Предложение Сабурова «sont des solutions extrêmes que pour le moment nous cherchons à prévenir». Казалось бы, что все ясно. Но не тут-то было. При всей скромности своих дарований Гирс все же был дипломатом, достаточно умудренным опытом, чтобы не видеть, что политические размышления Милютина были романтикой, что в них не хватало главного — реальной цели, ради которой стоило бы вообще вмешиваться в балканские дела. Это сразу почувствовал и Сабуров. В записке военного министра он увидел лишь одни уступки со стороны России без достаточной компенсации со стороны Австрии и поэтому сейчас же ухватился за милютинский проект, как за хорошее средство для достижения главной, с его точки зрения, цели русской политики на Востоке — овладения проливами. Гирс пошел по иной линии в своей критике милютинского проекта, а в скрытой форме его инструкция Сабурову от 25 февраля была именно такой критикой. Он одобрял не столько политику Милютина, сколько его тактику — не поднимать переговоров об окончательном решении восточного вопроса слишком преждевременно, во всяком случае не трогать его до заключения союза трех императоров.

Однако, стараясь наполнить схему Милютина реальным политическим содержанием и сделать ее согласно дипломатической премудрости уравнением даваемого и получаемого, Гирс, как слабый человек, прежде всего бросился искать прецедента и нашел его в формуле Рейхштадтского соглашения. Это было не больше, как фикция, несмотря на внешнее совпадение рейх-

[67] Частное письмо Гирса Сабурову, 25 февраля 1881 г.— С. А., 1881.

штадтской promemoria[68] и милютинской записки. Федерация балканских государств была упомянута в Рейхштадте вскользь и весьма неопределенно, тогда как весьма ясно была предусмотрена недопустимость большого славянского государства. По проекту же Милютина Австро-Венгрия входила в состав славянской федерации, причем объединение это включало в себя и таможенное единство Балканского полуострова[69]. Сабуров был, конечно, прав, увидев в этом вытеснение России с Балкан. Гирс не мог по существу принять без изменений проект Милютина, но считал химерой и планы Сабурова. Утверждая, что милютинский проект не выходит за пределы Рейхштадтского соглашения, он, пользуясь неопределенностью последнего, дал ему такое толкование, при котором сохранялся только один пункт его, специально направленный против сабуровских планов,— пункт о Константинополе.

Гирс соглашался с Милютиным и подчеркивал, что Россия будет удовлетворена положением: Константинополь — вольный город. В остальном от милютинского проекта не оставалось ни одного камня, и в этой своей критике Гирс был более реальным политиком, чем Милютин. 25 февраля 1881 г. Гирс писал, что рассмотрение важного вопроса о соглашении с Австрией относительно «возможностей на Востоке», произведенное по приказанию царя, привело правительство к следующим заключениям. Такое соглашение могло бы осуществиться не сразу, а отдельными стадиями. Прежде всего нужно иметь в виду настоящее, затем предусмотреть случаи, которые могли бы нарушить условленный ход вещей, и, наконец, начертать окончательную цель, к которой должны стремиться три императорских двора, для подготовки как путей, так и средств, при помощи которых в случае решительного кризиса можно было бы осуществить принятые сообща решения.

Первая стадия — это сохранение status quo, ибо Россия нуждается в мире, ибо мир нужен и для балканских народов, нами освобожденных. Ему может угрожать опасность со стороны Турции в случае, если эта последняя вздумает занять Балканы[70]

[68] «Promemoria» от 28 июня 1876 г.— «Русско-германские отношения. 1873—1914».— «Красный архив», т. I. М., 1922, стр. 41—43.

[69] Фактически это было бы созданием такого большого славянского государства под эгидой Австрии. Милютин питал какую-то не допускавшую сомнений наивную уверенность, что балканская федерация, построенная по образцу Германской империи и включившая в себя Австро-Венгрию, будет лучшей хранительницей независимости отдельных балканских государств. Ему просто не приходило в голову, что реально могло осуществиться лишь подчинение славян Австрии. Только наивная уверенность в том, что экономику можно отделить от политики, могла внушить ему подобные идеи.

[70] Речь идет о праве Турции по Берлинскому трактату занимать своим гарнизоном Балканы ввиду того, что Восточная Румелия продолжала оставаться под властью турок.

или ввести свои войска в Восточную Румелию. Соглашение трех дворов должно предупредить эти возможности. Второй существенный пункт, о котором следует позаботиться теперь же,— это развитие коммерческих отношений, которые, естественно, должны являться целью держав, соседних с Турцией. Этот пункт министерской инструкции фактически сводил на нет проект Милютина. «Во всех иных местах можно отделить интересы экономические от политических союзов. На Востоке это невозможно. Торговля и пути сообщения суть проводники политического влияния. Свобода действия, которую вправе осуществлять всякое государство, может привести к политическому антагонизму. Чтобы избежать последнего, безусловно необходимо определить сферу, где каждый мог бы смотреть на свои интересы как на преимущественные, и сферу, в которой он должен был бы считаться с интересами другого. Логика вещей, впрочем, уже дала точные указания на этот счет». Для России это — Болгария, для Австрии — Босния и Герцеговина. Австрия сделала и дальнейший шаг в этом направлении: она настояла во время Берлинского конгресса на Новобазарском санджаке, а позже в Фридрихсруэ (имеется в виду свидание Гаймерле с Бисмарком 5—6 сентября 1880 г.), допустив слияние обеих Болгарий, она сделала особую оговорку насчет исключения Македонии и, наконец, предъявила России требование не ставить ей препятствий к заключению коммерческого договора с Сербией. Черногория в силу своего географического положения и небольших размеров не может вызывать забот в Вене. «Австрия приняла во внимание особые симпатии нашего августейшего государя к этой стране, но в то же время гарантировала свои морские и коммерческие интересы соглашениями, которые ей обеспечили порт Спиццу и морской контроль над побережьями».

Таким образом, вопреки желаниям Милютина «демаркационная линия» выплывала снова под другим соусом. Гирсу она была продиктована двумя соображениями: стремлением исходить из status quo, установленного Берлинским трактатом, который фактически уже допустил Австро-Венгрию в северо-западные части Балканского полуострова, и желанием положить предел стремлениям Австрии выйти за черту западной половины и распространить свое влияние на весь полуостров. Это, конечно, было не совсем то, чего добивался Сабуров и чего желал Бисмарк. И тот и другой хотели в сущности большего, чем простой раздел на две сферы влияния. Бисмарк считал, что влияние России в восточной части было бы равносильно полному хозяйничанью русского правительства в стране освобожденного ею народа. О последствиях такого хозяйничанья Бисмарк не задавал себе вопроса; быть может, потому, что был уверен, что Россию рано или поздно ждет провал. Сабуров, видя в этом разделе путь к Босфору, считал его одним из главных пунктов соглашения в будущем.

Гирс исходил из несколько иных побуждений. Он не хотел допустить коммерческого проникновения Австрии в Болгарию и участия в железнодорожном строительстве в восточной части полуострова — тенденции австрийской политики, обнаружившиеся непосредственно после Берлинского конгресса, и считал необходимыми контрмеры. «Судя по действиям венского кабинета,— писал он Сабурову 25 февраля,— он простирает свои виды и свои политические и коммерческие притязания за пределы этой сферы (т. е. и на восточную часть.— *С. С.*). Претензии его на контроль над дунайским судоходством, высказываемые им опасения насчет нашей позиции относительно Румынии, наконец, его настояния касательно первоочередности железнодорожной линии, которая установит прямую связь Австрии с Константинополем через Болгарию, с одной стороны, а с другой — с Салониками,— все это может привести в конце концов к тому, что весь Балканский полуостров от Адриатики до Черного и Эгейского морей окажется в сфере исключительного влияния Австрии. На подобных основаниях трудно установить согласие. Следует поэтому выбирать: либо соперничество — а оно может легко привести к конфликтам, несовместимым с общим согласием, к которому стремятся три императорских двора,— либо более справедливое распределение сфер интересов, признанное взаимно обоими государствами, и соглашение по тем пунктам, где эти сферы интересов неизбежно сталкиваются».

Что Гирс правильно оценивал в данном случае австрийскую политику, мы уже видели в своем месте. Но что хотел он поставить в противовес стремлению Австрии к экономическому овладению Балканским полуостровом? Можно ли было воздвигнуть у восточной части Балкан такую преграду, которая помешала бы проникновению австрийской торговли в Болгарию? Это возможно было лишь в случае вытеснения оттуда не только австрийцев, но и всех европейцев вообще и лишь путем включения Болгарии в таможенную границу России, а это последнее могло осуществиться только теми средствами, о которых говорили Гирсу Сабуров и Бисмарк,— при помощи фактического раздела. Согласие на раздел зависело, конечно, не только от одной Австрии. Сила австрийской политики в том и заключалась, что, ратуя за свободу Балкан от русских, австрийская буржуазия имела за собой мнение «Европы», подвизавшейся на Балканах наряду с Австрией. Австрийская буржуазия предпочитала свободное соперничество на Балканах русской гегемонии, хотя бы в одной только части, в расчете на то, что непосредственная близость полуострова к Австрии, усилившись с проведением железных дорог, поможет ей одержать победу на балканском рынке над всей Европой. Русские внеэкономическим путем преградили бы ей доступ в восточную часть даже и в том случае, если бы не сумели воспользоваться ею в своих собственных экономических интересах. На стороне Австрии была, таким об-

разом, «Европа», «цивилизация» и даже «свобода», правда, последняя в весьма ограниченном количестве и несколько позже. Что оставалось делать России? Противопоставить «прогрессу» «братские чувства» единокровных братьев и путем выключения этих братьев из сферы европейского экономического оборота создать условия, благоприятные для проникновения туда русского капитала?

Такова была мысль Гирса, таковы были также замыслы, весьма распространенные в русском правительстве, подогреваемые иностранными и русскими авантюристами, добивавшимися в Болгарии всяческих монополий и концессий под русской вывеской. Но вся беда заключалась в том, что русский капитал в целом не пошел в Болгарию, тот русский капитал, в котором была сила новой националистической политики России 80-х годов. Не пошел по очень простой причине: бороться с западноевропейским капиталом даже и в сугубо благоприятных условиях, которые ему могло бы создать правительство, он не мог. Ему нужны были совсем иные, экзотические рынки, где у него не было бы конкурентов. Он их нашел в Азии. А в Болгарию пошел иной капитал, денежный, связанный с большими железнодорожными концессиями, гарантированными правительством, пошел капитал, господство которого определяется не результатом упорной борьбы с конкурентами на рынке страны, а ловкостью в момент получения концессии...

Но продолжим разбор министерской инструкции. Мы видим, что, по Гирсу, разграничение сфер влияния вытекало из принципа сохранения status quo, созданного Берлинским конгрессом. Это была первая стадия соглашения с Австрией по восточным делам. Вторая стадия должна была иметь дело с теми событиями, которые могли возникнуть вопреки усилиям трех держав сохранить существующий порядок вещей на Балканах. Мелкие державы на Балканах имеют каждая свои претензии. Задача трех империй — не допускать всеобщего замешательства. Если же сила обстоятельств окажется сильнее воли держав и встанет вопрос об окончательном решении восточного вопроса, наступит третья стадия, относительно которой три империи должны также договориться предварительно.

Конечно, нельзя предусмотреть все возможности заранее; поэтому необходимо установить некоторые общие принципы. Они уже установлены в Рейхштадте в 1876 г. Они же развиты в записке Милютина.

Эти принципы следующие: создание независимых государств на Балканском полуострове; создание федеральной связи между ними на предмет решения общих вопросов; нейтрализация Константинополя и проливов и европейская гарантия созданного таким образом порядка. Но Гирс представлял возможным еще и четвертую фазу. «Если, наконец,— писал он,— события примут иной оборот противно всяким расчетам, тогда наступит

четвертая стадия — стадия непредвиденного и неизвестного. Она ускользает от всякого предусмотрения».

Как известно, именно эта стадия и наступила вопреки всем расчетам и предположениям. И несмотря на все надежды Гирса, что союз трех империй, договорившись о принципах, переживет и это испытание, она привела к крушению союза, «столь благотворно задуманной комбинации», как называл его Гирс. Но об этом после.

Сообразно с этим министерская инструкция сводила весь путь и содержание своих соглашений с Австрией, как настоящих, так и будущих, к следующим девяти пунктам, которые я здесь привожу дословно ввиду их важности [71].

«1. Обе державы считают сохранение нынешнего status quo на Востоке, в том виде, как он сложился в результате последней войны, и насколько возможно на долгий срок вперед, отвечающим их собственным интересам, всеобщему миру и миру христианских народов Востока.

2. Они войдут в соглашение для сохранения этого status quo против всякой попытки нарушить его, откуда бы таковая ни шла, используя для этой цели все влияние, коим они могут располагать, в пользу сохранения мира.

3. Покуда status quo будет существовать, обе державы будут с обоюдного согласия стремиться, с одной стороны, к тому, чтобы удерживать христианские народности в пределах учреждений, установленных для них Берлинским трактатом, и, с другой стороны, к тому, чтобы гарантировать им сохранение этих учреждений и обеспечить им возможность укреплять в этих пределах их национальное существование и развивать их материальное благосостояние.

4. Для этой цели обе державы предпишут своим представителям и агентам в этих странах избегать всякого личного соперничества, согласовывать свою деятельность во всех могущих возникнуть вопросах и в случае разногласия, прежде чем приступить к действию, доводить об этом до сведения своих правительств.

5. Обе державы придут к соглашению на тот предмет, чтобы развитие их коммерческих интересов и вытекающего отсюда политического влияния в этих соседних с ними странах не приводило их к антагонизму, в ущерб их согласию. С этой целью они согласятся относительно рациональной границы (всякого упоминания о «демаркационной линии» тщательно избегали.— *С. С.*), по ту сторону которой каждая из держав будет воздерживаться от действий, направленных против другой. В тех случаях, когда их интересы неизбежно будут сталкиваться по неко-

---

[71] Приложение к инструкции Гирса от 25 февраля 1881 г.: «Bases d'entente entre la Russie et l'Autriche, Pétersb., 21. II. 81».— С. А., 1881.

торым пунктам, они постараются найти с общего согласия удовлетворяющие обе стороны решения.

6. На случай, если, несмотря на их общие усилия продлить существующий порядок вещей, ему стали бы угрожать непредвиденные события, всегда возможные на Востоке, обе державы договорятся немедленно относительно принципов, кои должны направлять их деятельность, а равно и относительно сфер, в коих каждая из них будет действовать.

7. Принципы, указанные уже во время Рейхштадтского соглашения на случай возможного распадения Оттоманской империи, будут распространяться на следующие пункты: образование независимых государств на Балканском полуострове; федерация между ними, имеющая целью решения в их общих интересах; нейтрализация Константинополя и проливов; общеевропейская гарантия этого порядка вещей.

8. Лояльно договорившись преждевременно не ускорять исполнения этого признанного разумным плана, обе державы будут равным образом с общего согласия стремиться к тому, чтобы не отклоняться от установленной последовательности в его выполнении и устранять препятствия к последовательному его исполнению в том случае, если решительный кризис наступит раньше, чем план окончательно созреет.

9. Если бы события, вопреки всем предположениям, приняли оборот, требующий иных комбинаций, обе державы, прежде чем приступить к действию, договорятся относительно комбинаций, которые могли бы наилучшим образом примирить их интересы».

Эта программа заслуживает самого пристального внимания. То обстоятельство, что она явилась результатом обсуждения вопросов, вызванных деятельностью Сабурова и запиской Милютина, придает ей значение официальной программы. Трудно допустить, чтобы она могла быть составлена без участия Милютина. Упоминание о Рейхштадтском соглашении с прибавлением европейского контроля, т. е. включение всей программы Милютина, подтверждает эту догадку. И тем не менее в ней есть один пункт, который не вяжется с этой программой и который выдвигает снова, хотя и в ослабленном виде, пресловутую «демаркационную линию», тщательно избегая, правда, этого термина. Она выплывает под видом защиты «экономических интересов России в восточной части Балканского полуострова» не столько в виде конкретного указания на эти интересы, сколько в отрицательной форме — в виде преграды таковым же интересам австрийцев (железные дороги на Балканах!). Эта несогласованность определялась силою вещей. Раз влияние России на Балканах должно было сохраняться, ему надо было так или иначе материализоваться. Для Сабурова дележ сфер был лишь средством для главной цели — Константинополя. В милютинско-гирсовском проекте эта цель устранялась. Самый проект

Милютина был настолько неопределенен, что никакого конкретного решения для настоящего в нем нельзя было найти. Однако стремление австрийцев к экономическому подчинению балканских народов было налицо, и с этим надо было бороться, если не хотели потерять, как тогда думали, по крайней мере восток Балканского полуострова для русской политики. Болгария была нужна как возможный плацдарм для операций с целью помешать решению вопроса о проливах в антирусском духе и, может быть, решить его в наиболее выгодном для России смысле, буде такой оборот дел окажется возможным. Последнее, впрочем, в данный момент выходило за пределы реальных расчетов.

Инструкция 25 февраля, как и два предшествующих письма Гирса, была достаточно ясна в двух отношениях: правительство показывало Сабурову, что оно не склонно было приступать теперь же к обсуждению далеко идущих планов, с одной стороны, а с другой — вообще не считало удачной его идею поставить теперь же основной целью русской политики овладение проливами. Неопределенно стоял вопрос о пресловутой «демаркационной линии». Неопределенность эта вызывалась главным образом тем, что экономические интересы, о которых говорил Гирс, были пока еще в проекте, и неизвестно было, что может получиться из русских предприятий в Болгарии. И эта неопределенность скоро подала повод к небольшому эпизоду, характерному для неразберихи, царившей в русском правительстве.

Еще не успели высохнуть перья, писавшие Сабурову упомянутую выше инструкцию, как от него были получены еще два письма [72]. Сабуров доносил, что Гаймерле, приняв в принципе все предложения русских, снова высказывал опасения, не замышляла ли Россия новой экспедиции в Турцию, и вообще не скрывал своей подозрительности относительно той легкости, с которой восстанавливались дружественные отношения между Россией и Германией. Между прочим во втором письме Сабуров упоминал, что Рейс до сих пор не имел удобного случая поговорить с австрийским министром насчет «ligne de démarcation».

При этих двух письмах, полученных в Петербурге 25 февраля, лежит помеченная 26 февраля записочка барона Жомини буквально следующего содержания: «Это имеет огромное значение, как симптом *будущего* (курсив мой.— *С. С.*) союза с Германией за счет Австрии. Это — хорошая политика! В данный момент существенным пунктом является как раз эта демаркационная линия, которой не желал (?! — *С. С.*) Сабуров. Наше письмо [73], получившее одобрение, отвечает этой необходимости...»

---

[72] Сабуров — Гирсу, 22 февраля (6 марта) и 23 февраля (7 марта) 1881 г.— С. А., 1881.

[73] Т. е. инструкция от 25 февраля с приложением.

Можно было бы подумать, что это писал человек, свалившийся с луны. Не знаешь, чему больше удивляться — тому ли, что такие вещи мог писать товарищ министра после того, как вопрос так долго и всесторонне обсуждался, и после того, как он сам написал инструкцию 25 февраля, или тому, что ответ Сабурову, написанный бароном и содержавший в себе похвалу демаркационной линии, получил одобрение царя буквально на другой день после одобрения им инструкции от 25 февраля.

Быть может, разгадку всего этого следует искать в двусмысленности позиции Гирса, который, как мы видели, всем своим поведением обнаруживал нерешительность именно в этом вопросе. Да и как мог он выступать определенно, если, с одной стороны, всесильный министр — Милютин — высказался против, а царь, правда плохо понимая, в чем дело, за. Как бы то ни было, в ответном письме Сабурову барон Жомини, говоря о необходимости соглашения с Австрией по восточным делам, прибавлял: «В этом отношении демаркационная линия является существенным пунктом в наших глазах, как и в глазах Гаймерле. Мы будем ждать, что барон Гаймерле со своей стороны укажет более точно, что он понимает под демаркационной линией...» Этот проект был послан Милютину. Легко представить себе его изумление. «Из этих строк,— писал он, возвращая проект письма,— можно заключить, что и мы находим желательным осуществить прежние заявления Австрии об установлении демаркационной линии нашего и австрийского влияния на Балканском полуострове. Но мы уже не раз беседовали по этому предмету, и мне казалось всегда, что Вы, многоуважаемый Николай Карлович[74], согласились с моим убеждением, что провести означенную демаркационную линию для нас совершенно невозможно; что такое решение вопроса было бы тождественно полному преданию в руки Австро-Венгрии Сербии и Черногории; *что Австрия может фактически запустить лапы в сопредельных ей частях Балканского полуострова, тогда как Россия отодвинута Румынией от предоставленной нашему влиянию восточной части Балканского полуострова.* Поэтому мы, кажется, пришли к положительному убеждению, что предложение о разграничении сфер влияния — никоим образом допущено быть не может. Между тем в последних депешах Сабурова и в настоящем проекте ответа ему — опять выплывает эта злополучная мысль!..» И проект переписали. «В этом отношении,— сказано было в новом проекте,— демаркационная линия, упомянутая бароном Гаймерле, обнаруживает ход мыслей, с которым трудно согласиться».

За два дня два проекта, диаметрально противоположные в наиболее важных и принципиальных политических вопросах! «Исправления и сокращения, сделанные в возвращенном при

[74] Гирс.

сем проекте письма к Сабурову,— писал Милютин уже более спокойным тоном,— по моему мнению, вполне устраняют возбужденное прежней редакцией недоразумение. Но мне кажется, что все-таки было бы полезно независимо от этого ответа разъяснить Сабурову более категорично соображения, по которым для нас было бы невыгодно, даже невозможно пойти на тот путь к соглашению, который не в первый уже раз указывается нам Австрией. Этот путь, заключающийся в территориальном разграничении сфер влияния, конечно, очень выгоден для Австрии, но не для нас. Желательно было бы, чтобы послы наши в Берлине и Вене вполне усвоили себе это соображение».

В результате этих замечаний депеша 28 февраля, написанная Жомини, была дважды переделана и отправлена только 4 марта, вместе с депешей, возвещавшей Сабурову о событии 1 марта 1881 г.[75]

Этот небольшой эпизод дает характерную картину того, как делались важнейшие дела в министерстве иностранных дел конца царствования Александра II. Министерство без министра было в полном смысле слова министерством без головы. Перекрещивающиеся линии различных влияний, взглядов и просто интриг запутывались в сложный клубок бестолковщины, которая позволяла, правда, волочить повседневную политику, политику «от случая к случаю», но зато обрекала ее на безысходное противоречие, едва она касалась принципиальных положений или стояла перед необходимостью дать решения в определяющие исторические моменты. Милютин был наиболее крупной фигурой, но не принадлежал к министерству и привлекался только в наиболее решительные моменты. Гирс управлял министерством, но не чувствовал под собой прочной почвы. Вокруг них происходила борьба честолюбцев, готовых соблазнять перспективой «блестящих деяний» слабого монарха, который, не вникая в дело и даже не давая себе труда внимательно читать бумаги, писал «быть по сему» и «это правильно» на депешах, противоречивших друг другу в наиболее существенных вопросах правительственной политики.

На этот раз единство политической линии было спасено Милютиным, тем самым министром, которого Бисмарк готов был два года тому назад подозревать в самых адских планах войны, объявленной чуть ли не всей Европе, и революции в самой России.

Так кончилась эта продолжительная дискуссия, ведшаяся в недрах русского правительства по вопросу о настоящей и будущей политике России на Востоке. Восторжествовала наиболее умеренная линия. Рейхштадтское соглашение оказалось и теперь, как 5—6 лет тому назад, вполне удовлетворяющим русское правительство на случай возможного окончательного развала Тур-

[75] Lamsdorff. Notice, p. 5.— С. А., 1881.

ции. Оно казалось удовлетворительным, быть может, в еще большей степени, чем раньше. Опыт победоносной войны, закончившейся дипломатическим поражением, требовал сугубой осторожности и умеренности. Но были ли эти принципы приемлемы для Австрии? На это должно было ответить будущее, ибо министерские инструкции определенно предписывали русскому послу не поднимать никаких принципиальных вопросов до тех пор, пока не будет заключено соглашение трех императоров, и «не компрометировать настоящее неизвестным будущим». Инструкции Сабурову были достаточно определенны, и дело, давно подготовленное в своих основных чертах и тормозившееся только благодаря нерешительности австрийцев, спокойно вошло в русло тех дипломатических мелочей, редакционных поправок и боязливых задних мыслей, в которых дипломаты трех империй одерживали свои маленькие победы и терпели поражения в словесных турнирах, тешивших их самолюбие или огорчавших их, но не изменявших основных положений, определенных заранее их правительствами.

Остановимся вкратце на течении переговоров, приведших к заключению союза трех императоров 6(18) июня 1881 г. Вернемся назад к тому моменту, когда Бисмарк, долгое время нарочно не сообщавший Гаймерле сущности русских предложений, передал, наконец, 17 января 1881 г. через Рейса русский проект соглашения одновременно с письмом императора Вильгельма к Францу-Иосифу[76].

Такая тактика Бисмарка имела свои цели в свое оправдание[77]. Два соперника на Востоке — Австрия и Россия — старались заполучить от Германии поддержку, каждая для своей политики. В 1879 г. австрийцы могли думать, что Германия окончательно стала на сторону Австрии. Правда, союз был только оборонительный, но формальная сдержанность юридического документа нисколько не мешала тому, чтобы поддержка, оказанная Австрии в предшествующие годы в ее стремлении на Восток, получила дальнейшее развитие. Все зависело, конечно, не от буквы союзного обязательства, а от того, какую форму примут русско-германские отношения. Всякая международная сделка есть функция многих переменных. Русско-германская вражда, вспыхнувшая в эпоху Берлинского конгресса, была лучшим залогом австрийских успехов на Востоке. Понятно поэтому то беспокойство, которое стал проявлять Гаймерле, заметивший вполне определенные симптомы русско-германского сближения. Наоборот, русские политики, встретив готовность Бисмарка идти с ними на соглашение, заранее торжествовали победу, уверенные в том, что они пробили брешь в австро-германском союзе. Бисмарк готовил разочарование и той и другой стороне. Давая Австрии гарантию неприкосновенности, он,

[76] Тексты см.: «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 524, Anlagen I—II.
[77] *P. Sabouroff.* Ma mission à Berlin, p. 139.

как мы видели, был далек от того, чтобы поддерживать любой шаг Австрии на Востоке, но он в то же время все-таки предпочитал австро-германский союз русско-германской дружбе; чашка его политических весов склонялась скорее в сторону Австрии, чем России.

Для Австрии, таким образом, союз двух держав при существовании натянутых отношений к России был наилучшей комбинацией. Всякое сближение Германии с Россией, ослаблявшее цену австрийской дружбы для Германии, заставляло австрийцев беспокоиться. К восстановлению союза трех императоров их можно было лишь принудить силою. Этой силою оказались, с одной стороны, антиавстрийская политика Англии, с другой — начинающееся сближение Германии с Россией. Первая изолировала Австрию, второе заставило ее трепетать перед возможным разрывом союза двух держав и согласиться на меньшее из зол — восстановление союза трех императоров. На колебавшегося Гаймерле было оказано давление со всех сторон. Бисмарк хотел даже снарядить посольство в лице герцога Саксен-Веймарского к императору Францу-Иосифу. От этого, впрочем, пришлось отказаться по соображениям личного свойства. Рейсу была отправлена инструкция с приложением собственноручного письма императора Вильгельма в качестве подкрепления. Узнав об этом от Бисмарка, Сабуров, мечтавший прорвать фронт австро-германского союза, снова закинул удочку: не пойдет ли Германия на соглашение с одной Россией, в случае отказа Австрии. «Реализация замысла императоров Александра и Вильгельма,— сказал он Бисмарку,— не может зависеть от «да» или «нет» Австрии». «К моему приятному изумлению,— продолжает свой рассказ Сабуров,— Бисмарк ответил: «Вы предвосхищаете мою мысль. Я сам думал сделать Вам такое предложение. Перспектива союза Германии с одной Россией будет для меня средством нажима на Австрию». Итак,— писал Сабуров,— или Австрия принимает нашу программу, или же нам удастся изменить в течение одного года общеевропейское положение, заменив австро-германский союз союзом русско-германским»[78]. Сабуров, как видим, так и не понял системы Бисмарка. Для последнего союз с Россией вовсе не означал разрыва с Австрией.

В ответе, который пришел через несколько дней после упомянутого выше разговора, австрийский министр, ознакомившись с текстом предварительного договора[79], делал ряд замечаний, сводившихся к тому, чтобы ограничить круг держав, по отношению к которым Австрия обязана была сохранять нейтралитет в случае войны между ними и Россией, но прежде всего задавал Бисмарку вопрос, не произойдет ли каких-либо изменений в союзных отношениях, установленных в 1879 г., оттого, что Авст-

[78] Сабуров — Гирсу, 4 (16) января 1881 г.— С. А., 1881.
[79] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 524, Anlage II.

рия сделается членом нового союза. Это сообщает нам Сабуров. Но, судя по ответу Бисмарка от 1 февраля 1881 г.[80], Гаймерле хотел застраховать себя на всякий случай каким-то добавлением к тексту союза двух держав. Бисмарк ответил: договор 1879 г. остается в силе *«при всех обстоятельствах»*. Это было верно лишь формально. Союз с Россией усиливал его позицию по отношению к Австрии: в их взаимных отношениях вес Австрии уменьшался, Германии — увеличивался.

Барона Гаймерле, подвергшего критике проект договора, больше всего беспокоил 2-й раздел 1-го параграфа, где говорилось, что, если один из трех союзников будет принужден начать войну с какой-либо четвертой державой, два других будут сохранять в отношении третьего благожелательный нейтралитет и приложат свои усилия к локализации конфликта. По мысли Гаймерле, Россия, опираясь на этот параграф, может поглотить мелкие независимые государства, пограничные с ней и Австрией, и в первую очередь Румынию. Передавая эти опасения Сабурову, Бисмарк припомнил свой разговор с Гаймерле в Фридрихсруэ (5—6 сентября 1880 г.).

«Что мы будем делать, если Россия оккупирует Молдавию?» — спросил Гаймерле. Бисмарк ответил ему: «Когда Бенедетти спросил меня, что мы будем делать, если Франция займет Бельгию, я ему ответил, что Пруссия найдет свою «Бельгию» в другом месте. Итак, если бы Россия заняла Молдавию, ищите вашу Молдавию в другом месте. Оккупируйте Валахию и держите ее в качестве залога». «А если Россия займет Валахию раньше нас?» — спросил предусмотрительный австрийский министр. «Занимайте Сербию или Новый Базар или что-нибудь еще»,— ответил князь. «А если Россия нападет на нас в ответ на это?» — «В таком случае защищайтесь»,— был ответ.

«Гарантируете ли вы наши оккупации, если Россия будет их оспаривать»,— спросил Гаймерле.

«Нет»,— ответил Бисмарк[81].

Верен ли этот диалог, или он был сочинен Бисмарком специально для Сабурова, он довольно верно передавал взгляд Бисмарка на существо австро-германского союза.

Тем не менее, поскольку цель Бисмарка заключалась в предотвращении конфликтов, он сначала согласился с требованием Гаймерле относительно Румынии[82] и поддержал впоследствии просьбу Гаймерле о прибавлении слова «Великие» к слову «Державы». Таким образом, гарантия нейтралитета ограничилась только кругом великих держав. Эта поправка имела еще и другое значение для австрийцев. 7(19) марта Сабуров доносил Гирсу, что Гаймерле потому отказался внести поправку,

[80] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 525.
[81] *P. Sabouroff.* Ma mission à Berlin, p. 160—161.
[82] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 525.

исключающую Румынию из числа «четвертых» держав, и ограничился оговоркой «Великие» перед «Державами», что он не хотел связывать Австрию обязательством никогда не оккупировать Сербии. «Может случиться, что в один прекрасный день белградский кабинет попытается вести политическую пропаганду в сербских провинциях Австрии и вызвать в них революционные брожения. В таком случае Австрия ради своей собственной защиты не хотела бы связывать себе руки и отказаться от возможности прекратить сербскую агитацию введением войск в Сербию».

Вторым возражением Гаймерле был вопрос о посредничестве третьего союзника в случае конфликта между двумя из них. Он высказывал опасение, что России легче договориться с Германией, чем с Австрией, по восточным делам, и, таким образом, Россия всегда будет проводить свои пожелания. Этот пункт был впоследствии выброшен, несмотря на то что он принадлежал Бисмарку, а не России[83]. Ряд других мелких поправок показывал, что Гаймерле колебался и склонен был затягивать окончательное решение. Раздосадованный Бисмарк требовал, чтобы Рейс добился аудиенции у Франца-Иосифа. Немецкий посол должен был сказать австрийскому императору, что это единственный случай, когда Австрия может заручиться добрым отношением России. По отношению к Гаймерле Рейс должен был применить угрозы. «Вы скажете барону Гаймерле,— писал Бисмарк Рейсу,— что я дал обязательство русскому правительству получить от Австрии «да» или «нет». Мне нужен категорический ответ, который русский посол ждет уже три недели... Скажите ему также, что я абсолютно не намерен в случае его отказа разделять с Австрией ответственность за последствия, которые повлечет за собой ее отказ»[84]. Вместе с этим Бисмарк предоставлял самому Гаймерле определить срок союзного обязательства от 3 до 10 лет.

Угроза подействовала. Гаймерле согласился принять в принципе проект в качестве базы дальнейших переговоров и определил срок соглашения в три года. И поправки, и краткий срок показывали, что в самом начале союз был искусственной комбинацией, призванной не столько урегулировать совместную деятельность Австрии и России на Балканах, сколько не допустить, чтобы их соперничество привело к открытому конфликту. Будущее должно было показать, в какой мере эта цель могла быть достигнута.

7(19) марта 1881 г. Сабуров отправил в Петербург русский проект с детальными поправками Гаймерле[85]. К преж-

[83] Сабуров — Гирсу, 7 (19) марта 1881 г.— С. А., 1881.
[84] Сабуров — Гирсу, 22 февраля (6 марта) 1881 г.— С. А., 1881.
[85] Сабуров — Гирсу, 7 (19) марта 1881 г.— С. А., 1881.

ним возражениям Гаймерле прибавил новые; они касались Боснии и Герцеговины с Новобазарским санджаком и вопроса о проливах.

Вопрос о признании права Австрии на занятие Новобазарского санджака, неотделимый от ее права на занятие Боснии и Герцеговины, выплыл, по-видимому, еще при свидании Гаймерле с Бисмарком 5—6 сентября 1880 г. Бисмарк несколько раз добивался от России такого признания, ссылаясь на известный договор от 13 июля 1878 г., подписанный Андраши и Горчаковым. Но русские уклонялись от прямого ответа. Мало этого. В поправках к австрийским поправкам они не захотели признать даже права Австрии на аннексию Боснии и Герцеговины. Зато австрийцы взяли свой реванш в вопросе о проливах. Они отказались признать раздел 3-й параграфа 3-го, в силу которого три союзные державы обязывались предупредить Турцию в случае, если бы эта последняя нарушила принципы закрытия проливов, что она находится в состоянии войны с державой, в ущерб которой она это сделала. Гаймерле сказал, что признание принципа закрытия проливов «огромная» уступка России.

Удивленный и обиженный Гирс писал: «Мы не можем согласиться на такое изменение. Эта часть проекта является в наших глазах одним из *главных поводов к заключению трактата между дворами*. Чтобы укрепить нашу оборонительную позицию в Черном море, мы соглашаемся предоставить Австрии такие же гарантии, заключающиеся в параграфе 1-м. Мы пошли даже дальше: мы согласились, чтобы обеспечить ей ее интересы на Востоке, ограничить нашу свободу действия, обязуясь не вести своей политики в Турции изолированно и не производить изменений в ее status quo без предварительного соглашения с Австрией (Art. II) [86]. Подобного рода обязательства в отношении к Австрии мы принимаем в первый раз в истории наших отношений к Турции». Поэтому Гирс доводил до сведения Сабурова, что на этом пункте соглашения русское правительство будет настаивать безусловно. Оно не требует, чтобы Австрия защищала принцип закрытия проливов с оружием в руках. Оно лишь хочет предупредить такую возможность «моральным» нажимом на Константинополь [87]. Вообще желательно было бы сохранение первоначального текста соглашения. Поправки, сделанные на возвращаемом при сем тексте, являются «во всяком случае максимальными» [88].

Бисмарк понял опасность и обещал сделать все, что было в его силах [89]. 25 апреля (7 мая) Сабуров доносил, что Австрия согласна отказаться от всех поправок, за исключением раздела 2-го, параграфа 1-го, т. е. за исключением права на оккупацию Новобазарского санджака. Бисмарк со своей стороны поддерживал эту претензию австрийцев. «Их,— говорил он,— нужно вознаградить за то, что они отказались от всех своих требований и пошли на все уступки, за исключением этой» [90]. «Я пробовал оспаривать, насколько мог, действительность протокола, подписанного Горчаковым, все время чувствуя, что я поддерживаю тезис, который невозможно защищать»,— замечает Сабуров в конце своей депеши.

Желая за эту «уступку» получить большую цену, Сабуров предложил выработать особый дополнительный протокол, который содержал бы в себе пункты конкретных соглашений по восточным делам, и тут же набросал проект такого соглашения. Россия выражала свое согласие учитывать интересы Австрии на Балканах. Австрия и Германия отказывались от вмешательства в случае соединения Болгарии с Восточной Румелией и обязывались совместно с Россией удерживать турок от ввода своих войск в Восточную Румелию или от занятия ими Балкан. Выделение этих вопросов в отдельный протокол казалось Сабурову удобным в том отношении, что Австрия в письменной форме обяжется не препятствовать соединению Болгарии с Восточной Румелией [91]. «Мы открываем в наших отношениях с Австрией и Германией настоящий текущий счет, в котором я не отказываюсь увидеть в один прекрасный день оккупацию проливов Россией» [92]. «Мне кажется,— заметил к этому месту Гирс,— что предположения эти идут слишком далеко». «Может быть в настоящую минуту, но со временем это необходимо»,— приписал новый царь Александр III. Замечание только что вступившего на престол абсолютного монарха по принципиальному вопросу восточной политики могло иметь значение политической декларации. Гирс не мог не передать его Сабурову [93], и, таким образом, перед ретивым послом открывались новые перспективы.

Гирс одобрил проект выделить ряд вопросов в отдельный протокол и склонялся уже к тому, чтобы пойти на уступки Ав-

---

86 Art. II, Alinéa 2: «...Elles se promettent de plus, que de nouvelles modifications dans le status quo territorial de la Turquie d'Europe ne pourront s'accomplir qu'en vertu d'un commun accord entre Elles...» Австрийцы поняли это как намек на нежелание допустить аннексию Боснии и Герцеговины и поэтому предложили редакцию: «dans le status quo territorial *des provinces* de la Turquie d'Europe, *actuellement soumises à l'autorité de Sultan...*» Русские сначала хотели вместо слов «soumises à l'autorité» поставить «sous la souveraineté», но затем решили настаивать на прежней редакции.

87 Гирс — Сабурову, 25 марта 1881 г.— С. А., 1881.

88 Гирс — Сабурову, 26 марта 1881 г.— С. А., 1881.

89 Сабуров — Гирсу, 31 марта (12) апреля) 1881 г., № 20.— С. А., 1881.

90 «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 528.

91 Сабуров — Гирсу, 25 апреля (7 мая) 1881 г., № 1.— С. А., 1881.

92 Там же.

93 Гирс — Сабурову, 5 мая 1881 г.— С. А., 1881.

стрии в обмен на ее согласие на соединение обеих Болгарий [94]. Но когда этот вопрос был подвергнут обсуждению в присутствии графа Милютина, члены совещания решительно запротестовали. Самое большее, на что соглашалось русское правительство, было подтверждение протокола от 13 июля 1878 г. о праве Австрии на оккупацию, но не аннексию злополучного санджака [95]. Для Гаймерле пункт о Новобазарском санджаке оказался последним окопом, за которым он отсиживался от штурмующих его Бисмарка и Сабурова. Он и на этот раз проявил максимум упорства. Переговоры на некоторое время снова повисли в воздухе. «Я никогда не беспокоился за конечный успех переговоров в такой мере, как в данный момент,— писал Сабуров 7 (19) мая,— но мне, с другой стороны, досадно уступать в чем-либо австрийцам, у которых не хватает мужества на то, чтобы осуществить свои желания». Бисмарк сказал ему по этому поводу, что у Австрии хороший аппетит, но плохое пищеварение. Ей хочется, чтобы кушанья были на столе, хотя она и не может их есть. Однако он советовал принять требования Австрии и дать ей «компрометировать себя» в глазах Англии подписанием соглашения, в котором аннексия Боснии и Герцеговины была бы упомянута совершенно открыто [96]. Но русские уперлись [97].

Положение оказывалось безвыходным. Александр III был прав, написав на одном из докладов Гирса: «С австрийцами мы никогда не сойдемся, и никаких соглашений с ними иметь невозможно» [98]. Утомленный бесконечной волокитой, Бисмарк отказался быть посредником между австрийцами и русскими [99] и заявил, что он болен, правильно рассчитав, что нажим с его стороны на ту или другую сторону может быть вреден для Германии. 16 (28) мая Сабуров сообщил Гирсу контрпредложения австрийцев. Гаймерле требовал, чтобы Австрии была предоставлена полная свобода действий в Боснии и Герцеговине и Новобазарском санджаке; чтобы Россия не провоцировала и не ускоряла соединения обеих Болгарий; чтобы болгарская пропаганда не распространялась на Македонию (путь к Салоникам). Сабуров, боясь разрыва переговоров и гибели всего его предприятия, предлагал такую комбинацию: согласиться на аннексию Новобазарского санджака, но с условием, что эта аннексия произойдет не раньше, чем соединение обеих Болгарий [100], или, наконец, если и такая поправка неприемлема для русского правительства, то подписать текст договора всем трем державам, а текст дополнительного протокола в русской редакции подписать только России и Германии, а в австрийской — Австрии и Германии. Но русское правительство решило не отступать, хотя Гирс и колебался [101].

[94] Гирс — Сабурову, 5 мая 1881 г.— С. А., 1881. Впоследствии Гирс ссылался на то, что он был перегружен работой и не прочел как следует письма, составленного бароном Жомини.

[95] Записка Жомини и приложенные к ней записки Гирса от 9 мая 1881 г.— С. А. 1881 (лл. 295—300).

[96] Сабуров — Гирсу, 6 (18) мая 1881 г.— С. А., 1881.

[97] «Дело кончить надо, но и уступать Новый Базар не следует»,— примечание Александра III на депеше Сабурова от 12 (24) мая.— С. А., 1881.

[98] Записка Гирса от 9 мая 1881 г.— С. А., 1881.

[99] Сабуров — Гирсу, 15 (27) мая 1881 г., № 2.— С. А. 1881.

[100] Сабуров — Гирсу, 16 (28) мая 1881 г.— С. А., 1881 (Ламзд., № 29).

В депеше от 21 мая Гирс писал Сабурову, что император не допускает аннексии даже как компенсацию за соединение обеих Болгарий. Переговоры уперлись в стену. А Бисмарк все болел. Сабуров сообщал, что он лежит в постели, что ему, может быть, придется ехать на воды в Киссинген [102], что, наконец, кажется, дело не в болезни самого Бисмарка, а в том, что его сын хочет жениться на принцессе Каролат, которая бросила своего мужа; Бисмарк поссорился из-за этого со своим сыном. «Представьте себе великого канцлера, играющего роль «отца» в 3-м действии «Травиаты»». Однако и на этот раз дело было доведено до конца германским канцлером. Убедившись в том, что русские не сдадутся, он сразу выздоровел, нажал на Австрию, давно досадуя на нерешительных крючкотворов-австрийцев и дав им отповедь за азиатские способы их дипломатии [103]. Он передал через Швейница, что находит доводы русских правильными и мнение царя относительно Новобазарского санджака справедливым [104].

29 мая (10 июня) Сабуров телеграфировал: узнал от Бисмарка, что он снова взял в свои руки «Grande affaire». На следующий день он телеграфировал: он, Сабуров, «безжалостно» вычеркивал все добавления и исправления австрийцев, так как Бисмарк сказал ему, что всякая отсрочка теперь опасна и что посол, снабженный полномочием подписать соглашение, должен знать, на что он может решиться. Бисмарк, кажется, готов действовать в крайнем случае ультиматумом [105]. Гаймерле просил только, чтобы было упомянуто в протоколе, что русские ничего не предпримут для того, чтобы ускорить соединение обеих Болгарий. «Мы все получили,— писал по этому поводу Сабуров,— Австрия же все время только уступала. Мне почти жаль Гаймерле». «Это блестящий результат, и нам с Вами,— писал он Гирсу,— есть чем похвастаться». Сабуров просил поэтому согласиться на уступку [106]. Уступка была дана, но ее и не понадо-

[101] Не решаясь сам дать ответа, он привлек Жомини и Милютина. См. его записки к Жомини, приложенные к письмам Сабурова от 16 (28) и 17 (29) мая 1881 г.

[102] Сабуров — Гирсу, 21 мая (2 июня) 1881 г.— С. А., 1881.

[103] Бисмарк — Рейсу, 17 мая 1887 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 530.

[104] Записка Гирса о его разговоре с Швейницем приложена к депеше Сабурова от 27 мая (8 июня) 1881 г.— С. А., 1881.

[105] Секретная телеграмма Сабурова Гирсу, 30 мая (11 июня) 1881 г.— С. А., 1881.

[106] Сабуров — Гирсу, 31 мая (12 июня) 1881 г.— С. А., 1881.

билось. Бисмарк спешил и не согласился ждать ответа из Петербурга. 3(15) июня Сабуров телеграфировал, что Гаймерле уступил и в этом вопросе и что австрийский посол снабжен полномочием подписать договор. 6(18) июня договор был подписан. Еще 1(13) июня Сабуров с облегчением писал: «Счастливая неделя, заполненная осуществлением полезных дел...»

Итак, договор был заключен. Торжествующий Сабуров писал, что Гаймерле чувствует себя так, как если бы он подписал смертный приговор Турции[107]. Протокол к союзному договору — а в нем Сабуров рассчитывал увидеть однажды этот смертный приговор в виде оккупации русскими проливов — был тем листом бумаги, на котором были поставлены лишь первые цифры взаимных австро-русских счетов. От нового императора зависело теперь, по мнению Сабурова, вписать «новую блестящую страницу» в историю русской монархии.

[107] Сабуров — Гирсу, 1 (13) июня 1881 г.— С. А., 1881.

Глава третья

Новые времена — новые люди. Александр III как политик

Первое подробное известие об убийстве Александра II пришло в Берлин вместе с письмом Гирса от 3 марта 1881 г. Министр, исполняя приказ нового царя, писал, что посвященный отцом во все переговоры, которые он, Сабуров, вел с таким уменьем и ловкостью, царь целиком принимает принципы и цели переговоров не только как священный завет покойного императора, но и как результат своего личного убеждения. «Вы, таким образом,— заканчивал Гирс свое письмо,— можете ободрить Бисмарка и заверить его, что все то, что было одобрено покойным императором, разделяется целиком и в полном объеме его величеством»[1].

Получив это письмо, Сабуров, недовольный излишней, как он думал, поспешностью руководителя внешней политики России, передал это письмо Бисмарку «молча, без комментариев». Бисмарк сказал русскому послу, что не следует слишком спешить с заверениями в Вене относительно политических последствий перемены на престоле России. Гаймерле еще до сих пор чинит препятствия к заключению союза. Было бы хорошо дать ему почувствовать опасность, которая могла бы явиться для Австрии в результате перемены политического курса новым государем. «Если Австрия желает, чтобы все осталось по-прежнему, она должна заслужить это»[2]. Доводы эти показались Сабурову в такой мере важными для успеха ведшихся переговоров, что он немедленно отправил в Петербург телеграмму[3]: «Бисмарк выразил желание, чтобы мы оставили Австрию в неуверенности относительно намерений его величества, касающихся продолжения наших переговоров». «Странно!» — поставил недоуменную приписку Александр III[4]. Таков был дипломатический дебют нового царя. Сабуров впоследствии высказывал свое неудовольствие по поводу того, зачем понадобилось Гирсу так спешить с уверениями не только по отношению к австрийскому, но и германскому правительству. «Зачем,— говорил он,— Гирс отказался от выгод, которые можно было бы извлечь из неуверенности наших соседей в тот момент, когда они в особенности нуждались в прочности русской дружбы».

[1] Гирс — Сабурову, 3 марта 1881 г.— С. А., 1881.
[2] Сабуров — Гирсу, 7 (19) марта 1881 г.— С. А., 1881. (Ламзд., № 19а).
[3] Телеграмма Сабурова от 6 (18) марта 1881 г.— С. А., 1881.
[4] Там же.

По мнению Сабурова, один из главных принципов самодержавного строя заключается в том, что новый монарх вступает на трон с вполне свободной и ничем не связанной волей. Он должен иметь время для того, чтобы создать политический план своего царствования, «считаясь только со своими мыслями и своим сердцем». «Политика России не есть абстрактная наука, движущаяся согласно непреложным законам,— продолжает дальше Сабуров, не замечая, что высокий стиль его размышлений начинает смахивать на карикатуру.— В политике не существует абсолютной истины. Всякая система, которую избирает монарх, может быть дурна или хороша в зависимости от той ловкости, с какой выполняют ее его слуги». Такова идея абсолютизма. Но, как известно, дипломаты прежде всего должны быть практиками. Практиком был и Сабуров. Новое царствование — новые люди. Почему бы и не попытаться быть тем новым человеком, политическую систему которого изберет «свободная воля» нового монарха? Быть ловким исполнителем своей собственной системы он, во всяком случае, не отказался бы! Именно в эту сторону он и направил свою деятельность. Его ждали на этом пути одни разочарования. Человек, вступивший только что на русский престол, был немудрен и не способен ни на какую систему, и высокий принцип абсолютизма, так торжественно провозглашенный Сабуровым,— политика России не есть абстрактная наука и не движется согласно непреложным законам — никогда не оказывался в такой мере выражением, увы, самой подлинной действительности.

Император Александр II скончался 1 марта 1881 г. Вместе с ним сошла в могилу великая империя, жестокая и непреклонная абсолютистская империя Николая I, бюрократически-либеральная, слабая и распущенная, но пышная и все еще великолепная империя Александра II. На российском троне оказался человек, искренне и безоговорочно веривший в свое самодержавие, но именно этой постоянно в себе осознаваемой верой олицетворявший ее падение.

11 марта 1882 г. Валуев записал в свой дневник: «Мне стыдно перед иностранцами, стыдно перед своими и стыдно за своих. Дикая допетровская стихия взяла верх. Разложение императорской России предвещает ее распадение»[5]. На место «всероссийских элементов» стали элементы «китайгородские». «Мираж Москвы» — Катков, Аксаков, беспокоившие его в конце царствования Александра II[6],— подошли теперь к нему вплотную. Валуеву начинало казаться, что нынешнее правительство есть «временное правительство, наскоро сколоченное из оберофицеров, салонных политических dilettanti, небоевых генералов, неумелых сановников и нескольких мудрецов из московского Китай-города, с придачею пономаря Победоносцева»[7]. Эта характеристика оттираемого от власти сановника очень пристрастна, пожалуй, не во всем верна, но она живо отражает впечатления первых дней нового царствования. «National-Zeitung» еще 15 марта 1881 г. вторила Валуеву: «Полагают, царизм, как он был до сих пор, и его связь с Западом вообще и с немецким элементом в особенности будут главным предметом перемен, и усиление *московитизма*, как выдающейся черты внутренней и внешней политики, считается неизбежным». Эта оценка не лишена известной меткости. Она формулирует принципы нового царствования, а этому царствованию нельзя отказать в принципиальности. Его вдохновителем был Катков, его пророком — Победоносцев — люди, по всему и яркие и принципиальные.

Александр III жил и царствовал в такое время, когда эти новые принципы заострились, замкнулись в стройную систему политики, которую склонны были считать консервативной и просто реакционной. Веяния времени имели к нему тем больший доступ, что на его запоздалое воспитание и образование не обращали особенного внимания[8]. Они сказались прежде всего в его великом презрении к «паршивому», как он его называл, либерализму. И в этом презрении нашел свое отражение в упрощенной, подчас грубой форме, свойственной «нескладному уму»[9] царя, великий перелом конца 70-х годов, охвативший собой всю Европу, в особенности ее восточную половину.

Мутные весенние воды современного европейского капитализма не прошли мимо России. Банковское и железнодорожное грюндерство, ажиотаж и спекуляция 60-х и 70-х годов помогли русскому дворянству развеять состояния, доставшиеся ему после освобождения крестьян, и познакомили его со всеми тайнами буржуазного делячества. Отпечаток сомнительности в чистоте происхождения лежит на многих крупных состояниях русской чиновной, по преимуществу петербургской, бюрократии и кладет своеобразный налет на весь петербургский быт 60-х и 70-х годов. Дух грюндерства, тесно спаянный с русским или, точнее, с петербургским фритредом, и петербургский весьма благонамеренный либерализм — все это — явления одного и того

---

[5] *П. А. Валуев.* Дневник 1877—1884. Пг., 1919, стр. 186.

[6] Там же, стр. 192.

[7] Там же, стр. 171.

[8] Швейниц писал о нем в 1884 г. («Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. III. Berlin, 1926, N 638, S. 349): «Его воспитание не было построено в расчете на то, что он будет наследником; его воспитатели и участники его забав укрепляли в нем склонность к «чисто русскому»; к последнему относится наряду с небрежностью и неуважение ко всему иностранному. Преподаватели и государственные люди, читавшие лекции внезапно сделавшемуся наследником молодому великому князю, принадлежали к милютинскому или катковскому направлениям». См. также: *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. III. Л., 1924, стр. 331.

[9] Александр III — Победоносцеву, 23 октября 1876 г.— «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом 2. М.— Пг., 1923, стр. 1018.

же порядка, так же как и московски-протекционистская реакция против либерализма, против «заговора» европейско-петербургских биржевиков, разрушающих исконные устои почвенно-русской, земледельческо-дворянской, купеческо-московской жизни.

Эта реакция нашла в характере и политике Александра III своеобразное, но яркое выражение. «На Александра III,— говорит Витте,— не могли не влиять, при его в высокой степени честной натуре, те злоупотребления, которые в то время творились в области различных концессий, банков и различных промышленных обществ, к которым всюду примазывались государственные деятели. Само поведение морганатической жены императора Александра II, княгини Юрьевской,— в смысле каких-то сношений ее с различными дельцами, добыча в пользу этих дельцов различных концессий и льгот — не могло не отражаться на психологии царевича Александра Александровича»[10]. Витте ставит это настроение будущего Александра III в тесную связь с консервативными симпатиями его. Они прежде всего нашли выражение в частной жизни царя, в его скромной домашней обстановке, чистоте его семейной жизни, в его нелюбви к Петербургу, к пышной обстановке дворца — черты, которые напоминают несколько отношение Павла I к величественной, но распущенной роскоши екатерининского двора.

Политически взгляды нового царя складывались под влиянием тех же факторов. Его связь с московскими славянофилами, его восхищение литературной деятельностью И. Аксакова[11], наконец, его собственные «славянские» увлечения до и во время русско-турецкой войны — факты, довольно прочно теперь установленные. Но все это были лишь увлечения. Его хотя и очень простой, но по-своему здравый смысл подсказывал ему, что самодержавие, настоящее самодержавие, не очень-то мирится с славянофильским «единением царя с народом». 23 октября 1876 г. он писал своему другу и наставнику Победоносцеву: «Я вполне разделяю Ваше мнение о том, что пора было бы правительству взять в свои руки все славянские комитеты, пожертвования и *все это народное движение* (курсив мой.— *С. С.*), а не то бог знает что из этого выйдет и чем оно может кончиться»[12].

Славянофилы, таким образом, не могли похвалиться, что их идеалы нашли в нем свое осуществление. Умом Александра III, грубым и конкретным, овладела стихия «москвитизма», как ее называли на Западе, русского национализма, скажем мы, принимая во внимание, что сущность и направление этой политики, основанной на компромиссе крупного землевладения и крупной

[10] *С. Ю. Витте.* Воспоминания, т. III, стр. 332.

[11] *Ю. В. Готье.* Александр III. Характеристика (рукопись). См. также: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом 2, стр. 1018.

[12] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом, 2, стр. 1017.

национальной промышленности, были почти одинаковы во всех трех восточных империях. Это была стихия крепкая, почвенная, дворянско-буржуазная по сути, московская по происхождению, но не чисто славянофильская. В славянофильстве даже поздней формации, в эпоху примирения И. Аксакова с Катковым на пушкинском празднике, элементы этические, романтические, метафизические играют большую роль. Славянофильство и в это время не прочь поиграть в оппозицию и либерализм: «москвитизм» лишь иногда пользуется узорами славянофильского красноречия. Но он груб, торгашески эмпиричен, расчетлив, сбит из вполне реальных интересов. Его идеологом был Катков. Этот «москвитизм» в упрощенном виде сделался основанием политического миросозерцания Александра III. Но и он не мог захватить его до конца. Абсолютная монархия была еще слишком сильна, «москвитизм» нуждался в опоре государства, «кадил и льстил самовластью»[13], и Александр III чувствовал эту силу, достаточную для того, чтобы идти наперекор московским стихиям, когда они казались ему опасными для его самодержавия и династии. Об этих опасностях его предупреждали медоточивые уста Победоносцева.

Таковы были силы, определившие мировоззрение нового царя. Его личные качества не были таковыми, чтобы переработать в себе эти стихии в стройную систему, чтобы дать им достойную оправу. Его личная жизнь просто неинтересна; о ней нельзя рассказать даже забавного анекдота[14]. Будущий историк пройдет мимо него, обмолвившись несколькими словами; события и люди, его окружавшие, интереснее, чем он сам. Но поставленный не на свое место случайностью рождения, этот маленький человек и совсем ничтожный политик крепко верил в свое значение, верил в простоте сердца, не будучи в состоянии охватить рассудком ни сложности отношений его эпохи, ни трагической безвыходности своего собственного самодержавия. Его напряженная, но почти всегда безрезультатная работа давала ему иногда призрачное удовлетворение, но гораздо чаще приносила ему неудачи. Они не могли быть прикрыты никакими эвфемизмами и вызывали в нем сознание собственной умственной немощи и слепую ярость[15], связанную со страхом за свое собственное существование, за прочность своего трона, «под

[13] *П. А. Валуев.* Дневник, стр. 186—187.

[14] Как то доказывает статья Н. Н. Фирсова: «Александр III. Личная характеристика по его неизданным дневникам».— «Былое», 1925, кн. 1 (29).

[15] Бернгард фон Бюлов писал вскоре после окончания болгарской эпопеи в 1886 г.: «С некоторого времени никто не осмеливается противоречить императору в политических делах или даже сказать ему правду; Гирс еще меньше, чем люди, непосредственно его окружающие. Он опутывает себя сетью совершенно ложных представлений и ожиданий; когда же эту сеть прорывают факты, его величество впадает в глухой гнев, как если бы кто-нибудь причинил ему великую несправедливость» («Die Grosse Politik...», Bd. V. Berlin, 1926, N 990, S. 69).

который подкапывались бесчисленные, но невидимые враги». «Неограниченный властелин 120 миллионов, человек с грубым, но добродушным лицом, на котором лежит постоянный отпечаток меланхолии и глубоко затаенного страха»,— говорит о нем много раз видевший его Диллон[16]. Он в молодости — «добрый малый». «С годами, однако, в нем,— продолжает тот же автор,— начала проявляться все сильнее и сильнее резкая грубость, переходящая по временам в беспричинную ярость, когда царь напоминает взбешенного быка. Тогда он способен издать самый жестокий приказ»[17].

Характеристику Александра III дал нам Витте, характеристику неполную, сбивчивую, подчас просто двусмысленную. В его изображении Александр III — цельная натура, человек, отмеченный внутренним благородством души, прямой и искренний, и эти качества Витте признает за ним всегда, на всем протяжении своих «Воспоминаний». Но он путается, начиная говорить об уме Александра III, и впадает в явный трафарет, описывая его «деяния» в тоне верноподданнических восхвалений. Это сделано со скрытой целью подчеркнуть преимущества Александра III над Николаем II. Александр III был умственно ограничен и умственно неповоротлив. «Александр III,— писал Швейниц в 1886 г.[18],— не лишен нормальной одаренности крепкой натуры, он обладает чувством красоты и музыкальности и гораздо большими знаниями и начитанностью, чем он показывает, но он беден по части идей, крепко держится за те, которые он усвоил, и не дает себе труда продумать их и сделать из них дальнейшие выводы: в его голове мысли живут независимо одна от другой...»

Последнее замечание очень меткое и многое объясняет в его взглядах и деятельности. В них мы встречаем давно знакомую формулу: самодержавие, православие, народность. Но как изменилось их содержание! Никто так крепко не верил в спасительность самодержавия, как он, но и никто в такой мере, как он, не «ронял царского достоинства». Мещанская обстановка его жизни, грубость его «ядреных» выражений, отсутствие каких бы то ни было признаков величия в его внешности и обращении его с подданными и подчиненными[19] — доказательства этого.

[16] *Диллон.* Александр III. Характеристика.— «Голос минувшего», 1917, № 5—7, стр. 84.

[17] Там же, стр. 86.

[18] Швейниц — Бисмарку, 9 ноября 1886 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. IV. Berlin, 1926, S. 100.

[19] Ламздорф («Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890)». М.— Л., 1917, стр. 243) приводит интересную телеграмму царя в юбилей Финляндского полка. «Поздравляю от души лейб-гвардии Финляндский полк с праздником. В отчаянии, что мое нездоровье не позволяет мне лично это сделать и лишает меня удовольствия быть на празднике...» См. также случай с резолюцией на решении Государственного совета, приводимый Диллоном и Фирсовым («Былое», 1925, кн. I (29), стр. 107).

Никто так непосредственно и так буквально, как он, не понимал самодержавия, но и никогда единство правительства не было в такой мере фикцией, как при нем. Царь очень много работал, много читал — огромные тома газетных вырезок и резюме, хранящиеся в архиве министерства иностранных дел, все испещрены его пометками; царь добросовестно прочитывал всю дипломатическую корреспонденцию, огромную деловую переписку, касающуюся внутреннего управления, но из его пометок очень часто можно видеть, в какой мере он плохо понимал, что было написано.

Постоянный в своих привязанностях и в своих антипатиях, он медленно, но крепко подчинялся людям, которые сумели завоевать его доверие, не обнаруживая по отношению к ним подозрительности и не питая ненависти к превосходству их ума. Но именно в несложности его натуры лежала граница их влияния. Убедившись в своей самодержавности, в необходимости «национальной» политики, в спасительности православия, он не отступал от этих принципов, по-своему им понимаемых. Поэтому на него могли влиять только те, кто не только искренно или напоказ разделял его веру, но и способен был принять вид покорного исполнителя его воли, воли самодержца, сумел оставаться в тени, быть его частным советником. Елейно-покорный Победоносцев был ближе к нему, чем неистовый Катков, который лично никогда не был близок к Александру III, несмотря на то что последний во многом подпал под власть его теорий.

Александр III в простоте душевной думал, что он должен быть разумом и волей правительства России, но, не обладая при этом не только способностями Бисмарка, но и просто умом выше среднего, он потерял всякое руководство делами, попадался на удочку тех, кто умел ловко преподнести ему свою деятельность как безусловное осуществление его идей, а в конце концов совершенно разложил правительство, превратив своих министров во второстепенных исполнителей. «Наше правительство похоже на телегу с впряженными сзади и спереди лошадьми, которые тянут в разные стороны»,— говорил генерал Черевин будущему германскому канцлеру Б. фон Бюлову в августе 1886 г.[20]

Валуев в приведенной выше цитате поэтому был близок к истине. Никогда министры не имели так мало влияния на деле, как при Александре III, и никогда второстепенные и третьестепенные агенты правительства не отваживались вести самостоятельную политику в такой мере, как при нем, зная бессилие своих начальников перед волей царя. А он сам, будучи таким же беспомощным перед событиями, как и они бессильны перед ним, казался вечно несовершеннолетним, подающим на-

[20] «Die Grosse Politik...», Bd. V, N 980, S. 52.

дежды, впервые вникающим в дело[21]. Самодержавие и самостоятельность, казавшиеся ему такими реальными и простыми, превращались в величайшую фантастику. Он хотел править, как самодержец, в действительности же он распоряжался, как домохозяин[22]. Самодержавие Александра III было далеко от принципиального абсолютизма Николая I и было лишено какого бы то ни было налета легитимизма. Был страх перед нигилизмом и революцией, но последняя как средство практической политики признавалась вполне допустимой. Правда, в Европе, откуда она могла стать опасной и для России, ей старались противопоставить монархический треугольник, но в «Азии», например на Балканах, в этом отношении, как выражался сам Александр III, «женироваться было нечего»[23].

Его православие, сильное и неподдельное, было национально-политической религией и плохо мирилось с христианским универсализмом. Беседуя в 1881 г. с Сабуровым о балканских делах, Бисмарк упомянул о том, что турки, раздраженные французами и англичанами (захват Туниса — египетские дела), прислали в Берлин Али Низами-пашу для найма немецких чиновников и офицеров. Низами сказал, что немецкие чиновники ему нужны для того, чтобы «противопоставить их требованиям некоторых держав, которые хотят во что бы то ни стало реформировать Турцию, вопреки ее воле». Низами был страшно раздражен против французов из-за Туниса. «В этом чувстве сосредоточился весь фанатизм мусульман,— сказал Бисмарк,— Али Низами — истинный представитель своей расы. Он происходит из старинной и хорошей турецкой малоазийской семьи, предки которой от отца к сыну занимались тем, что избивали христиан в течение ста пятидесяти лет». Александр III подчеркнул эти слова и написал: «Это очень хорошо!»[24]. Что в этой характеристике подкупило Александра III в пользу бравого турка: крепость его национально-семейных традиций или его ненависть к Европе — сказать трудно. Скорее и то и другое. Но как все это далеко от христианских настроений!

---

[21] *П. А. Валуев.* Дневник, стр. 255—256.

[22] Письмо Бюлова от 15 ноября 1886 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. V, N 990, S. 72—73: «Der Krebsschaden des hier gegenwärtig herrschenden Systems besteht darin, dass Seine Majestät der Kaiser «privatmännisch, nicht staatsmännisch» regiere und zu wenig auf seine Minister höre, zuviel auf unberufene Ratgeber».

[23] А вот его резолюция на письме ирландского революционера О'Донован Росса, издателя газеты «The United Irishmen» в Америке, приславшего царю в 1885 г., во время англо-русского конфликта из-за Афганистана, письмо с предложением своих услуг против Англии: «Когда-нибудь и они пригодятся в войне с Англией. Во всяком случае пренебрегать ими не следует».— С. А. 1885. О'Донован Росса — один из видных фениев (см. *П. М. Керженцев.* Революционная Ирландия. М., 1918, стр. 41, прим. 2).

[24] Сабуров — Гирсу, 10(22) декабря 1881 г., № 136.— А. К. М., Berlin, *лл.* 457—458.

Нечего и говорить о народности и национализме Александра III. Некоторый налет квазидемократизма, свойственный консервативным течениям 80-х и 90-х годов, нашел свое отражение и во внешнем быту, и в языке нового царя. На его ремарках читатель невольно замечает влияние стиля катковских статей. Вместо редко встречающихся немногословных сдержанных фраз, написанных бисерным женским почерком Александра II, появляются толстый синий или красный карандаш, длиннейшие рассуждения, ужасная орфография, «крепкие» выражения и даже ругательства. Его политика была «национальной» в том смысле, как ее понимали в 80-х годах. Она была защитой русской «национальной» промышленности от наплыва иностранных, прежде всего немецких, товаров, но «национализм» самого Александра III был очень далек от «немцеедства», свойственного московским политикам.

Политика Александра в отношении Германии была более лояльна и устойчива, чем в Германии склонны были думать в первое время под влиянием известных симпатий царя к славянам. И в данном случае эта его верность германской дружбе, которую не могло поколебать красноречие Каткова в 1887 г., была подсказана царю верным инстинктом самодержца, державшегося самой крепкой монархии в свете[25]. Что касается славян, то Александру III принадлежит афоризм, делающий честь его здравому смыслу. «Наше несчастье в 1876 и 1877 годах,— сказал он однажды,— заключалось в том, что мы шли с народами, а не с правительствами. Русский император должен всегда иметь дело только с правительствами»— прибавил он[26].

Ни в одной области отрицательные черты его способов управления не сказывались с такой силой, как в области внешней политики. Правда, здесь у него имеется и крупная заслуга. Инстинкт династического самосохранения подсказал ему миролюбие[27] и питал его страх перед конфликтами и осложнениями. Его царствование было сравнительным затишьем. Но зато в области малых дел, в повседневной дипломатической работе ему и его правительству пришлось пережить ряд позорнейших поражений, быть, как говорил Валуев, «на счету невменяемостей»[28]

---

[25] Швейниц — Бисмарку, 9 ноября 1886 г.— «Die Grosse Politik...», Bd. IV, S. 100: «Das Interesse, welches gute Beziehungen zu uns für ihn haben, liegt so klar vor Augen, dass er sich ihm gar nicht verschliessen kann, wenn er es auch nicht annähernd im ganzen Umfange begreift. Der Kaiser fühlt, dass wenn auch nicht seine Sicherheit, so doch seine Bequemlichkeit durch ein Zerwürfnis mit uns gefährdet sein würde; ein starkes, wahrhaft monarchisches Deutschland neben sich zu haben ist Seiner Majestät angenehm...»

[26] «Die Grosse Politik...», Bd. V, S. 53.

[27] Бюлов писал Бисмарку 27 октября 1887 г.: «Гирс прекрасно знает, что в России в случае внешнего поражения вспыхнет революция, «по сравнению с которой Парижская коммуна покажется детской забавой» («Die Grosse Politik...», Bd. V, S. 308).

[28] *П. А. Валуев.* Дневник, стр. 243.

и растерять значительную долю и без того малого кредита, которым пользовалась русская дипломатия на Западе.

Во всем этом вина в значительной степени ложится на самого царя. Утверждение Юлиуса Ганзена, что Александр III только с болгарского кризиса 1885 г. начал вмешиваться в дела внешней политики,— абсолютно не верно [29]. В первые же дни своего царствования он написал на одном донесении Сабурова резолюцию, которая была декларацией его взглядов, руководящим принципом его политики: «Я понимаю одну политику: извлекать из всего *все*, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как *чисто русская, национальная*; никакой другой политики быть *не может и не должно*» [30]. Он внимательно следил за ходом дипломатической машины, и последнее слово принадлежало ему. Утверждение Витте, что Александр III был своим собственным министром иностранных дел, гораздо ближе к истине, чем можно было бы думать [31]. Но именно в этой деятельности, ограниченной по необходимости узким и замкнутым кругом лиц и окруженной тайной, его личное влияние было более заметным, чем где-либо, и оказывалось часто решительно отрицательным. Он видел людей, а не отношения, он верил и подозревал, уважал или презирал, но не был склонен к холодному расчету и не понимал логики событий. Он действительно «не женировался», действовал «прямо и решительно», но одному верному, но слабому Гирсу было известно, каких усилий стоило сглаживание последствий, валившихся ему на голову в результате политических выступлений его господина, и какой вред он наносил делу.

В расчете на это пристрастие царя к решительности и прямоте действовали его дипломатические и иные агенты за границей, мало считаясь с министерством и его инструкциями. В результате — Соболевы и Каульбарсы, Хитрово и Кумани, смелые дипломаты и бравые генералы с истинно азиатским вероломством искореняли последние остатки русского влияния на Балканах; Нелидовы и Сабуровы, Игнатьевы и Скобелевы подрывали доверие к прочности русских обещаний на Западе. «Гирс... порядочно озабочен заключаемыми Германией по всем направлениям союзами,— писал в 1883 г. Валуев [32].— Эти союзы явно направлены против нас, так сказать, на случай нерассудительного с нашей стороны задора. Нас никто не признает ни надежными, ни даже рассудительными. Мы на счету невменяемостей, но мы крупны, и против нас, потому что мы крупные, принимаются крупные меры предосторожности».

25 апреля (7 мая) Сабуров прислал большое донесение, в котором он изложил свой взгляд на предстоящее тройственное соглашение и выгоды, которые из него можно было бы извлечь в будущем.

«Секретный договор,— писал он в донесении,— преследует две цели: 1) укрепить наши мирные отношения с Германией и Австрией в настоящем и 2) подготовить благоприятное для нас разрешение восточного вопроса в будущем. Первая цель уже достигнута. В 1879 г. Германия и Австрия соединились против панславизма. Англия «морально» была тоже на их стороне. Франция патронировала грекам с явной целью укрепить их против славян. Россия находилась в полной изоляции! В настоящий момент все радикально изменилось. Австро-германского союза, враждебного России, больше не существует,—наивно утверждал Сабуров.— И уже не Англия, а мы являемся его частью. Больше этого. Мы уже заставили эти державы пошатнуть наиболее важные пункты Берлинского трактата, пункты, которые наиболее парализовали нашу деятельность на Востоке и которые уничтожили политические результаты нашей славной военной кампании. Но нельзя останавливаться на этом; нельзя забывать, что каждый русский император должен вписать славную страницу в историю своего народа». Сделать это можно, воспользовавшись заключаемым в ближайшее время союзом трех империй, но для этого необходимо установить принципы, долженствующие лечь в основу политики нового царствования.

С этнографического конгресса 1867 г. в России распространяется доктрина панславизма. Она оказала влияние на политику правительства во время последнего восточного кризиса. Но и само русское правительство, недовольное ролью Австрии в эпоху Крымской войны, поощряло панславизм: «Эта доктрина не может считаться «национальной идеей» в подлинном смысле этого термина. Панславизм — это та самая идея национальности, которая сделалась популярной благодаря политике Наполеона III». Но так как «славянская раса» является наиболее многочисленной и распространенной в Европе, отсюда следует, что «славянофильская доктрина» (последний термин у Сабурова равносилен панславизму) вызвала наиболее сильные беспокойства. Осуществление панславист-

---

[29] *J. Hansen*. Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim (1884—1898). Paris, 1907, p. 15—16.

[30] Резолюция царя на депеше Сабурова от 25 апреля (7 мая) 1881 г.— С. А., 1881, лл. 228—245.

[31] *С. Ю. Витте*. Воспоминания, т. III, стр. 268: «Император Александр III как-то раз сам так выразился: «Сам себе я министр иностранных дел». Александр III относился к Гирсу как к секретарю по иностранным делам, хотя это нисколько не исключало того, что иногда император Александр III слушал Гирса, когда он видел, что Гирс делает ему какие-нибудь указания, которых он не имел в виду». С этим вполне совпадают впечатления Бюлова. Гирс — только номинальный министр (см. «Die Grosse Politik...», Bd. V, N 990).

[32] *П. А. Валуев*. Дневник, стр. 243.

ских идей предполагает полную перетасовку современных государств. В основе панславизма, поучает Сабуров, лежит революционная идея. Всякий раз, когда эта идея выступала на практике, она вызывала против себя коалицию держав, которым она угрожала. Доказательство этого — последняя война. «Как русские, мы можем всегда найти союзников в Европе; как славяне — мы могли бы найти только противников».

Русская политика должна сохранять свою русскую индивидуальность. Славянские тенденции грозят пошатнуть ее собственные основы и дать дорогу революционным идеям. Достаточно послушать, что говорят корифеи панславизма в Австрии, в Турции, в России. Их политический идеал — великая славянская конфедерация; монархический принцип, лежащий в основе бытия Российской империи,— ничто для них. Турецкие и австрийские панслависты имеют перед нашими по крайней мере то преимущество, что они искренни; а вот наши, желая заставить себя слушать в России, прибегают к лицемерию. Этим объясняется странное противоречие, которое можно заметить у некоторых из них: изъявляя свое чувство преданности престолу и родине, они в то же время протягивают руку к революционным элементам, скрывающим себя национальной доктриной.

Петербургский дипломат прекрасно понял, какая опасность скрывалась в панславизме и в «национальной доктрине». Его размышления очень типичны для этого времени, когда «национальная доктрина» превращалась в национализм, а критическое отношение к панславизму и славянофильству сбрасывало с абсолютной монархии последний и без того очень тонкий налет либерализма. Итак — русская политика вместо славянской, политика русских интересов вместо химеры славянского объединения, таящего в себе революционную опасность,— вот, казалось бы, ясная программа нового царствования, программа, которая позволит «вписать новую славную страницу в историю России».

Но в чем же видел эти интересы Сабуров? Истый петербуржец и бюрократ, он не придумал ничего иного, как славу ради славы, ради крепости трона, ради укрепления тех принципов абсолютизма, которые, по его мнению, лежали в основе «бытия Российской империи». Внешний успех, маленькие или большие завоевания — вот то, что уже давно сделалось наиболее верным средством укрепления основ. Idée fixe Сабурова — оккупация проливов. «Эта проблема,— писал он,— тем более важна для нынешнего царствования, что, по всей видимости, это царствование будет свидетелем окончательного крушения Турции как европейской державы». «Вопрос о проливах может сделаться каждую минуту жгучим вопросом». Практические меры, которые предлагал Сабуров, сводились к тому, чтобы, «укрепляя тройственный союз, добиться от

Германии согласия на оккупацию проливов и получить от нее обязательство удержать Австрию в состоянии нейтралитета во время этой операции».

Вот и вся программа.

Как ни был ограничен Александр III, как ни склонен он был вначале видеть в оккупации проливов «славное деяние», от слов до дела было очень далеко.

Получив донесение Сабурова, он не счел возможным ответить на него по существу. «Я желал бы иметь мнение ваше и военного министра»,— написал он на донесении. В принципиальной стороне он со многим не согласился. «Много правды, много и неправды»,— приписал он. Но он не удержался от того, чтобы не изложить своего credo о руководящих принципах внешней политики [33].

Эта резолюция вместе с другой, наложенной на письме Сабурова от того же 25 апреля (7 мая) [34] о необходимости со временем обладать проливами, были сообщены Сабурову. Впоследствии Сабурова готовы были упрекать в непоследовательности. Согласившись однажды с идеей балканской федерации, предложенной графом Милютиным взамен разграничения сфер влияния, предлагаемого Бисмарком, Сабуров будто бы скоро снова вернулся к этому плану [35]. Но какой иной вывод мог сделать посол из двух резолюций, из которых одна, как ему казалось, порицала панславистскую политику и на ее место ставила политику русских интересов, а другая подтверждала, что одним из таких истинно русских интересов и была как раз оккупация проливов. Раз славянский вопрос превращался в средство для достижения последней цели, то вопрос о том, федерация или раздел, становился второстепенным. И так как на раздел готовы были как будто идти в Берлине охотнее, то Сабуров и предпочел это, наиболее, как ему казалось, легкое решение восточного вопроса, не преминув при этом намекнуть, что милютинская федерация не совсем благонадежна. Бисмарк давно, как известно, считал Милютина панславистом и революционером. Именно в этом чересчур «немецком» взгляде на дело осуществления «русских» интересов и следует искать причину крушения русского посла в Берлине и его политики два года спустя.

Заключение союза трех императоров, омраченное несколько неудачей, постигшей русское правительство в деле организации международного сыска цареубийц и политических преступников [36], было увенчано свиданием германского и русско-

---

[33] См. выше, стр. 206.
[34] Сабуров — Гирсу, 25 апреля (7 мая), № 2.— Ламзд., № 22/6.
[35] *Lamsdorff.* Notice.— С. А., 1881.
[36] *Е. В. Тарле.* Кн. Бисмарк и цареубийство 1-го марта 1881 года.— «Былое», 1919, № 14.

го монархов. Сабуров возлагал на него большие надежды. Оно должно было, по его мысли, сделаться исходным моментом для дальнейшего расширения базы соглашения между тремя державами по восточному вопросу. 28 августа (9 сентября) он отправил большую записку, в которой, давая краткий исторический обзор договора 6(18) июня 1881 г., он хотел внушить Александру III мысль затронуть во время предстоящего в Данциге свидания вопрос о дальнейшем развитии восточного вопроса. «Быть может,— писал он в записке,— его величество найдет возможным, выразив свое удовлетворение по поводу заключенного договора, прибавить тут же свое сожаление относительно того, что Австрия не дала более широкого толкования союзу и что она устранила вопрос о линии разграничения своей и нашей сферы влияний на Балканах» [37].

Увы! Надежды Сабурова оказались тщетными. Бисмарк рассказал ему, что Александр III ни одним словом не коснулся только что заключенного союза. По-видимому, канцлер вообще ожидал от этого свидания большего и был разочарован. «Князь Бисмарк,— рассказывает в своих мемуарах Сабуров,— желая подчеркнуть в глазах европейской публики политический характер свидания, пригласил меня поехать с ним в Варцин и остаться там на пару деньков. «Будут рассказывать,— сказал он мне,— что мы поехали документировать результаты свидания, а это то, что мне нужно».

Сабуров не раз впоследствии уверял, что канцлер, говоря о будущем договоре, рассматривал его нынешнее содержание как первый шаг, «как раму, в которую в будущем можно вставить более полный договор между нами и Австрией относительно будущих «возможностей» на Востоке». То обстоятельство, что Александр III не затронул вопроса о договоре, его беспокоило. Уже в декабре месяце, желая удостовериться в истинных взглядах Александра на договор и его будущее, он представил во время своего пребывания в Петербурге большую докладную записку. Ответа он не получил, и о судьбе своей записки он никогда не был осведомлен. А она-то и давала ключ к тому, какая разница существовала между русской политикой Сабурова и не менее русской политикой царя. Конечно, Сабуров не принадлежал к тому типу людей, которых можно бы сразу отклонить от принятого ими пути. Но все же резолюции Александра, сделанные на записке Сабурова от 25 декабря, могли бы предостеречь посла. Несколько слов о судьбе этой записки. Ее нет в бумагах, посвященных союзу 6(18) июня. На нее ни разу не ссылается Ламздорф, усердно записывавший весь ход переговоров до конца 1881 г. Специально к приезду Сабурова в Петербург в декабре 1881 г. он, заканчивая свое повествование, не удержался даже от

[37] С. А., 1881, лл 434—435.

критических замечаний по адресу непоследовательного посла как раз в вопросе о демаркационной линии, но ни единым словом не обмолвился насчет этой записки. Я нашел ее во второстепенных бумагах, касающихся порядка торжеств и предполагаемых награждений лицам, присутствовавшим на свидании в Данциге. И это очень показательно. «Идеи» Сабурова не были приняты министерством раньше, еще меньше встретили сочувствия теперь.

«Князь Бисмарк,— писал Сабуров,— разделяет мое мнение, что трактат 6(18) июня, открыв путь к соглашению между нами и Австрией, положил основание будущему разрешению восточного вопроса, когда обе стороны этого пожелают»... «По мнению Бисмарка, важный шаг был бы сделан, если бы мы согласились с Австрией относительно распределения сфер нашего влияния и интересов. Следовало бы провести черту — на восток от этой границы мы бы господствовали, а на западе мы бы предоставили Австрии полную свободу действий». «Это положительно невозможно»,— сделал примечание Александр III. Не имея никаких указаний свыше, Сабуров, по его рассказу, не решился ответить Бисмарку в каком-либо смысле на затронутый им вопрос. Теперь он представлял программу и испрашивал указаний, сообразуясь с которыми он мог бы действовать дальше.

Существует несколько способов решения балканского вопроса. Самый старый из них,— это способ, который имели в виду еще Екатерина II и Иосиф II: раздел Турции между Россией и Австрией. В настоящее время этот способ трудно осуществим. Во-первых, общественное мнение в России никогда не будет сочувствовать расширению австрийского владычества над славянскими племенами, в особенности над народностями, которые уже вполне освободились от турецкого ига с помощью нашего оружия. Во-вторых, выгоды были неравны. «Австрия покоряет! Россия освобождает! Вот коренное различие в исторических преданиях обоих государств. Австрия приобрела бы новые территории, тогда как России невозможно будет присоединить к себе болгарские земли, не отрекаясь от исконной своей политики». И наконец, в-третьих, и сама Австрия или, лучше сказать, Венгрия в Австрии едва ли пойдет на увеличение славянского элемента в империи. Второй способ — это освобождение всех славянских племен на Балканах и соединение их в единую федерацию. Сабуров не называет автора этого проекта, но ясно, что он имеет в виду и критикует проект, выдвинутый в конце царствования Александра II Милютиным, теперь (в декабре 1881 г.) уже вышедшим в отставку. «В основании этой программы лежит убеждение,— говорит он,— что узы признательности всегда утвердят за Россией исключительное влияние на эти племена и что, не делясь с Австрией, мы одни будем господствовать

над ними». «Этого непременно надо достигнуть»,— приписал Александр III. Основателен ли этот расчет или нет, предугадать невозможно, продолжал Сабуров.— «Лишь одно известно: в Вене расчет этот уже принят в соображение: программа, на нем основанная, встретит там энергичное сопротивление и могла бы быть исполнена лишь ценою упорной войны с Австрией. Если бы тем не менее этот план был принят, надо было бы или заручиться нейтралитетом Германии, гарантируя ей взамен за это ее западные границы, или же, выждав войну между Германией и Францией, напасть на Австрию. Но и в этом случае мы должны помнить, что мы будем стоять перед коалицией двух великих держав — Австрии и Англии». Александр III сделал к этому рассуждению такое примечание: «Раз что мы будем сильны на Черном море, Англии нам нечего бояться».

Итак, ни тот, ни другой способ решения неудовлетворителен. Значит ли это, что мы могли бы, продолжал Сабуров, «оставаться в совершенном бездействии на неопределенное время» — еще один способ или, вернее, форма нашей политики на Балканах. Против этого Сабуров решительно восстает. Во-первых, может появиться необходимость «ввиду внутреннего положения обновить славу русского оружия», а во-вторых, в Турции может разразиться окончательный кризис, и Россия против воли принуждена будет выйти из своего состояния бездействия. Поэтому необходимо прислушаться к советам Бисмарка, воспользоваться нынешними благоприятными отношениями с Германией и извлечь из них выгоды, пока князь Бисмарк еще не сошел с политической сцены и пока влияние его на ход событий еще не угасло.

Основная мысль Бисмарка, по мнению Сабурова, не что иное, как раздел. «Бисмарк думает, что было бы возможным удовлетворить Россию и Австрию проведением демаркационной черты, начиная от Дуная и кончая у Эгейского моря так, чтобы каждая из сказанных двух держав могла свободно действовать в предоставленной ей половине». «Этого допустить мы не можем»,— повторил Александр III свою надпись. Как же быть с национальностями, ставшими уже независимыми государствами? «Россия,— отвечает Сабуров,— без сомнения, призвала их к независимости не для того, чтобы предоставить их владычеству Австрии. Поэтому необходимо прежде всего исключить эти государства из территорий, подлежащих разделу, и обеспечить их независимость. Останутся Македония с Салониками и Болгария с Восточной Румелией, с Константинополем и проливами. На каких же основаниях мог бы состояться предлагаемый Бисмарком раздел? Тут представляется несколько возможностей: 1) Австрия может присоединить к себе Македонию, а Россия — Болгарию; 2) Македония может сделаться автономным государством под по-

кровительством Австрии, а Болгария — под покровительством России; 3) Австрия и Россия могут ограничиться занятием главных пунктов, т. е. Россия возьмет Босфор, Австрия — Салоники. «В этих условиях демаркационная линия в смысле предположений Бисмарка, может быть, оказалась бы возможной: ею бы создались две группы независимых государств: одна на востоке, другая — на западе. Румыния, Болгария, Румелия и Сербия (? — *С. С.*) [38] составили бы восточную группу под влиянием России, с Константинополем в наших руках. На западе — Черногория, Албания, Македония, Греция с центральным пунктом Солунь — составили бы вторую группу под влиянием Австрии».

Затем поднимается, по мнению Сабурова, еще один вопрос: что более для нас желательно — разделение этих государств на две отдельные группы или же одна общая конфедерация, с Россией и Австрией в качестве ее главных членов. Вот те главные мысли, которыми следовало бы обменяться с Бисмарком, буде русское правительство этого пожелает. Александр III сделал такую надпись над запиской Сабурова: «Все эти вопросы так важны и могут иметь такие серьезные последствия, что решить их теперь невозможно. Надо всесторонне и глубоко обдумать все это, и никакого спешного решения допустить невозможно». Эта резолюция дает повод думать, что русское правительство склонялось к решению, которое Сабуров считал самым неудачным: оставаться в совершенном бездействии на неопределенное время. Во всяком случае и в этот и в последующие годы оно тщательно избегало ставить какие-либо серьезные вопросы и пока не думало об окончательном решении балканского вопроса в целом. Да и как оно могло думать об этом? Оно чувствовало себя слишком слабым для того, чтобы бросить на чашу весов авторитет своей вооруженной силы, единственный авторитет, которым вопрос о проливах мог бы быть решен в его пользу.

Оно ограничило свою задачу в 80-е годы обороной от возможного наступления Англии в случае развала Турции. Оно отнюдь не мечтало получить «ключи от своего дома». Память о Севастополе была еще очень свежа, внутреннее положение неустойчиво; призрак революции в случае внешней неудачи следовал за ним по пятам и побуждал его к сугубой осторожности. Но положение: проливы либо в руках слабой Турции, либо в русских руках — было для него аксиомой. В 80-х годах вопрос о проливах еще и потому тревожил внимание русского правительства, что захват Англией Кипра и ее пред-

[38] Сабуров в данном случае лгал сознательно. Сербия, по мысли Бисмарка, во всяком случае должна была войти в сферу влияния Австрии; иначе не могла бы осуществиться ее связь с Салониками.

приятия в Малой Азии и Египте могли и должны были казаться началом конца Турции, поглощаемой Англией. А проливы в руках Англии — это была комбинация, которой оно опасалось больше всего. Как можно было предупредить такую возможность, не имея ни денег, ни флота на Черном море? Создать из славянского народа на Балканах форпост, передовые позиции, выдвинутые в глубь Балканского полуострова,— таковы были средства, которыми хотели парировать эту опасность. И на этом пути русское правительство попало в то противоречие, на которое в свое время указывали Маркс и Энгельс, а также «единственный аристократ» и настоящий консерватор Константин Леонтьев. Оно пошло на поддержку национального движения среди славян, не рассчитав, что последнее могло быть только демократическим, враждебным русской автократии в существе своем, несущим в себе зародыши революционного взрыва и разложения не только для Турции, но и для разноплеменной по составу Австро-Венгрии. «Эгалитарные и свободолюбивые» братья-славяне постарались отделаться сначала от русского царя-благодетеля, а затем, когда эта опасность больше им не угрожала, принялись за Австрию.

Все это, однако, произошло не сразу. Понадобился долгий опыт, многочисленные разочарования, прежде чем эти истины стали очевидными для русского правительства. Когда они стали очевидными и когда надежды на использование Болгарии в качестве военной позиции против Англии на Босфоре исчезли, а самая опасность появления Англии в проливах значительно потускнела, пришел конец и союзу трех императоров. Распалась связь между Россией и Австрией, оберегаемая Германией. Годы, последовавшие за заключением союза трех императоров, показали, что эта связь могла держаться только в спокойное время. Достаточно оказалось первого серьезного кризиса на Балканах, чтобы она разлетелась в прах перед той простой очевидностью, что ни один из двух друзей-соперников не желал делать друг другу никаких уступок и ни на какой дележ не соглашался. Таковы контуры будущего. Действительность, как и всегда, была конечно, гораздо сложнее. Задача последующего изложения и заключается в том, чтобы показать, почему и как Австрия способствовала вытеснению России с Балкан и не соглашалась ни на какой раздел, почему не пожелала дележа Россия и какую роль сыграла во всех этих передрягах дирижерская палочка Бисмарка.

КНИГА ВТОРАЯ

СОЮЗ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ В ДЕЙСТВИИ

Глава первая

Россия и Австрия на Балканах. Боснийско-герцеговинское восстание. События в Болгарии в 1881—1883 гг.

Монархический треугольник, скрепленный формальным договором 6(18) июня 1881 г, был равнодействующей различных сил, скрывая в своей единой для всех трех держав форме различные цели и надежды. Яснее всех были позиции и цели Бисмарка. В его политических расчетах, в его системе союзов единение трех императоров занимало вполне определенное место. Союз между Германией и Россией изолировал Францию и делал германскую политику независимой от австрийских вожделений на Востоке. Союз Германии и с Россией и с Австрией предупреждал возможность неожиданностей на Балканах, неизбежно влекших за собой неожиданности в русско-австрийских отношениях, и был гарантией устойчивости для внутреннего строя держав-союзниц.

Таким образом, не только сохранение связи с Россией, но и сохранение союза трех императоров, с точки зрения Бисмарка, было разумно и целесообразно.

Интересам Австрии, а в особенности Венгрии заключением союза трех императоров был несомненно нанесен некоторый ущерб. В союзе двух держав Австрия чувствовала себя более сильной по отношению к своей союзнице, чем в союзе тройственном. Но Австрия должна была подчиниться давлению из Берлина — такова ее участь, участь слабейшей. Кроме этого, союз с Россией ей давал кое-что. Как в XVIII столетии, несмотря на исповедуемый австрийскими политиками принцип сохранения Турции, Австрия принуждена была волей-неволей тащиться за более активной восточной политикой России, боясь прийти слишком поздно к моменту окончательного дележа турецкого наследства, так и теперь, после окончательного вытеснения ее из Германии и нового ее устремления на Восток, деятельность России на Балканах становилась объектом ее самого бдительного наблюдения.

Уже оккупация Боснии и Герцеговины, как ни желали ее династия и военные круги Австрии, встретила упорное сопротивление и в австрийской буржуазии и в венгерском дворянстве, боявшихся разжижения их славянской водой. Это сопротивление показывало, что в конце XIX в. общество, т. е. правящие классы обеих половин монархии, уже не относилось к внешней политике в такой же мере пассивно, как в XVIII сто-

летии. То обстоятельство, что для династии, бюрократии и придворных военных кругов в Австрии дальнейшая славянизация австрийской монархии вовсе не была так страшна, как для австрийцев и венгров, а временами казалась даже желательной, так как давала им надежду на дальнейшее укрепление их силы, лишь подливало масла в огонь. Пламенные статьи венской и в особенности будапештской прессы были направлены не только против России и панславизма, но и против официальной политики венского двора. Хотя в Австро-Венгрии прессе была предоставлена несравненно большая свобода, чем в России, призрачный австрийский конституционализм и монополия правительства во внешней политике давали повод подозревать его в «антинациональной», т. е. «антиавстрийской или антимадьярской, политике», в излишней близости и уступчивости в отношении к России, которая в представлении австро-венгерской прессы была всегда готова к самым коварным замыслам и самому предательскому поведению по отношению к своей неудачливой сопернице.

Колоссальный рост России за XVIII и XIX столетия бросался в глаза и был причиной молвы о необыкновенной изворотливости, макиавеллизме и исключительной ловкости русской дипломатии. Для самого австрийского правительства, боявшегося не в меньшей мере, чем русское, разоблачения только что заключенного союза по причинам, уже указанным, союз тем не менее представлял ту выгоду, что он ставил балканскую политику России под контроль двойственного союза и был со стороны России новым признанием действительности принципа, в силу которого каждый шаг обеих соперниц на Балканах мог совершиться лишь в результате обоюдного соглашения. Что при этом Австро-Венгрия могла рассчитывать не только на посредничество, но и на поддержку Берлина, было само собой понятно. Более хорошо осведомленные в действительной силе русской дипломатии, менее подверженные страху перед возможностью усиления славянского элемента в империи, чем державные нации, австрийские двор и правительство довольно легко примирились с неюзу двух держав, тем более что эта сделка сама свидетельствовала о желании русского правительства сохранять до поры до времени на Востоке status quo, установленный Берлинским конгрессом.

Мы уже видели, какие причины заставили русское правительство сейчас же после Берлинского конгресса идти на соглашение с Германией, а затем под давлением того же Бисмарка согласиться и на включение в это соглашение Австрии. Для русского правительства эта международная сделка была прежде всего сделкой ad hoc. Ослабленное войной, потерявшее свой общественный кредит, русское правительство искало

гарантий на случай, если бы ликвидация Турции поставила его лицом к лицу с Англией в самом важном для него пункте — в проливах. Параграф о нейтралитете устранял возможность возникновения обстановки, подобной 1854—1855 гг; соглашение о соединении обеих Болгарий обеспечивало России то единственное условие, при котором она могла рассчитывать на содействие Болгарии в случае окончательного решения восточного вопроса. Легко заметить, однако, что оба эти положения могли быть приняты и были в действительности приняты Австрией лишь при условии их строго оборонительного характера. Превращение их в «текущий счет» в духе сабуровского проекта, т. е. в базу для соглашения о дележе турецкого наследства, было абсолютно неприемлемо для Австрии. Несмотря на существование в Австрии общественных кругов, которые при известных условиях не отказались бы от завоеваний и присоединений, именно в это время, после оккупации Боснии и Герцеговины, чаша австро-мадьярской подозрительности была наполнена до краев и австрийское правительство больше, чем когда-либо, было склонно к мирному проникновению на Балканы, исключавшему какую-либо «конспирацию», как выражался позже Кальноки, направленную против султана.

Более длительное и наиболее важное значение для России союз имел в том отношении, что он обеспечивал активную (дипломатическую, конечно) поддержку принципа закрытия проливов со стороны двух наиболее крупных континентальных держав. В этом случае договор был направлен против Англии, поскольку своей декларацией к статье 18 Берлинского трактата она фактически сводила этот принцип к нулю. Нетрудно заметить, что и в этом отношении договор оставался строго оборонительным не только согласно букве, но и духу договора, так как всякая активная политика России на Востоке могла явиться результатом лишь предварительного соглашения с Австрией при посредничестве Берлина. Насчет выгодности и необходимости соглашений, подобных союзу трех императоров, могли быть различные мнения. Правительство русское, весьма мирно настроенное после Берлинского конгресса, сочло его достаточно выгодным. Московские политики, и среди них в первую очередь Катков, считали, что достоинству России больше соответствует политика свободных рук. Катков в течение всей своей деятельности предостерегал русское правительство от каких-либо формальных обязательств по отношению к центральным державам. В своем месте мы более подробно остановимся на этом вопросе и попробуем исторически осветить позиции того и другого. В данный момент нам важно лишь отметить, что самой слабой стороной монархического треугольника была та, которая соединяла две вершины его — Австрию и Россию, а

причина этой слабости лежала в области балканского вопроса.

Россия и Австрия были двумя государствами, у которых почти не было устойчивых общих интересов, их соединявших, но зато было много такого, что их постоянно разъединяло. Разъедающий государственное тело дуалистической Австро-Венгрии яд славянского национализма, казалось, уходил своими корнями в русскую почву, питал свои силы из русских источников. Славянское национальное движение и в самой Австро-Венгрии, и на Балканах вызывало постоянный страх у господствующих наций именно тем, что оно могло быть для них только вредным. История работала в пользу славян и против австрийцев и венгров и была для их политического господства постоянным memento mori.

Австро-славянские отношения в Австрии достаточно ясны сами по себе и особенных объяснений не требуют. Господство австрийцев было господством класса, капиталистически сильнейшего. Национальная вражда совпадала с классовой борьбой в форме, присущей капиталистически развивающемуся обществу. Славянские крестьянство, ремесленники, рабочие, мелкая буржуазия противостояли австрийской крупной буржуазии, господствующей политически в силу своего экономического преобладания. К концу XIX столетия, с появлением, например, у чехов наиболее передовой из славянских национальностей крупной буржуазии, национальная рознь осложнилась национальным соперничеством в пределах одного и того же социального слоя. Все эти отношения существовали, однако, в пределах одного и того же хозяйства. Экономическая связь между славянами и австрийцами в Цислейтании продолжала расти, несмотря на шум, производимый обострением национальной розни, которая питалась борьбой за политическую власть в пределах государства, но не была направлена против него. Быть может, национальная вражда никогда и не приняла бы резких форм, какие известны из истории чешско-австрийских отношений с 1897 г., если бы австрийская буржуазия как политически господствующая нация одна противостояла славянству. Одна она пошла бы рано или поздно на соглашение со славянами. Но у нее была опора в виде венгров, и это последнее обстоятельство было основной причиной всех национально-политических неурядиц и бед двуединой монархии.

Венгерско-славянская рознь была иного происхождения, чем рознь австро-славянская. Господствующее политически в землях короны св. Стефана венгерское дворянство, обширный класс крупных и мелких землевладельцев был как класс обречен на исчезновение общим ходом экономического развития. Свое политическое господство он принужден был поддерживать, так сказать, вопреки естественному ходу вещей,

искусственными способами. Извне его политическое господство укреплялось союзом с австрийской буржуазией и бюрократией в системе дуализма. За это Венгрия должна была поплатиться своей экономической самостоятельностью, превратившись в рынок для сбыта австрийских товаров и оставив надолго надежды на развитие собственной промышленности — единственное средство, которое могло бы вывести ее из исторического тупика. Внутри венгерское дворянство поддерживало свою власть исключительной в летописях конституционной истории избирательной системой, обеспечивавшей ему господство в рейхсрате, и, не будучи связано экономически со своими славянскими придатками, обречено было действовать на поднимающиеся славянские национальности мерами внеэкономического воздействия. Политический гнет и свирепая мадьяризация всеми доступными средствами — таковы были меры, которыми держалась эта система.

В неразрывной связи с нею стоит и внешняя политика Венгрии, прежде всего в отношении к своим непосредственным славянским соседям с юга. Натянутые отношения между Австро-Венгрией и Сербией и постоянные таможенные войны между ними объясняются не только тем, что венгерские дворяне-землевладельцы боялись конкуренции сербского хлеба и сербских свиней и всячески старались препятствовать проникновению сербского сырья на австро-венгерские рынки. Методы мадьярского господства способствовали тому, что зарубежное славянское государство делалось центром не только антимадьярской, но и антиавстрийской пропаганды; они ослабляли международное положение двуединой монархии в целом и совершенно лишали ее способности к дальнейшей ассимиляции славянских народов, казавшейся как будто естественной для Австрии, как экономического центра всего Дунайского бассейна. Отсюда же и ненависть венгерских магнатов к России, страшной для них тем, что она всегда могла найти в славянстве могучий рычаг для воздействия на Австро-Венгрию, пока в последней сохранялась система австро-мадьярского дуализма.

Поэтому исторически сложившаяся после 1867 г. Австро-Венгрия находилась в состоянии обороны даже тогда, когда она предпринимала на Балканах прямой захват. Лучшая иллюстрация этого — оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 г., предпринятая с целью предупреждения соединения этих провинций с Сербией. Можно было спорить по поводу того, в какой мере такие средства обороны действительны. В Австрии, как известно, много спорили на эту тему, и весьма многие такую политику порицали. Но в одном отношении господствующие нации — классы Австро-Венгрии — были всегда одного мнения: всякие движения России на Балканы, всякое вмешательство ее в дела славян принимались ими как прямой вызов бытию Австро-Венгрии, и они несомненно были правы, ибо, повторяю, история

работала против них. Выражением вечной тревоги в австро-венгерском общественном мнении были совершенно исключительная подозрительность австро-мадьярского общественного мнения по отношению к каждому шагу России на Балканах и постоянный страх перед русской пропагандой среди славян Австрии.

Оправдывались ли эта подозрительность и эти страхи фактами? На этот вопрос трудно ответить простыми «да» или «нет». Что панславистская, антиавстрийская, антимадьярская и антикатолическая пропаганда с русской стороны существовала, в этом, конечно, едва ли можно сомневаться. Но ее успех коренился в существе исторического процесса XIX в., в силе национального движения, а вовсе не в ловкости русской пропаганды или в дальновидности и адских замыслах русской политики. Наоборот, трудно найти пример большей неловкости, чем русская политика на Востоке 70-х и 80-х годов, большей нелепости, чем русский панславизм. О первой нам еще придется говорить подробно. Что же касается последнего, то он был уродливым явлением русской общественной жизни, порождением отсталого политического строя, своеобразной формой политического бездельничества общественных слоев, отодвинутых от практической политики.

В своем наиболее чистом, славянофильски облагороженном виде русский панславизм был ходулен, напыщен, риторически красив, но практически бессодержателен. Его бард — И. Аксаков был его типичным и наиболее талантливым представителем. «Выспреннее многоглаголание в пустом пространстве»— такова едва ли не лучшая характеристика действительной силы этого направления (Глеб Успенский). Практическая бессодержательность, отрицание «реальной политики» были возведены им в заслугу. Конкретная цель русской политики на Востоке — проливы — играла в панславизме в конце концов второстепенную роль. Вместо ясной и экономически обоснованной с точки зрения определенных интересов цели — захвата «ключей к собственному дому» — у панславистов выступает скорее представление о славянском граде божием, о центре всемирной славы славянства, о Константинополе и святой Софии. Константинополь при этом совсем не обязательно должен был принадлежать России. Такова, например точка зрения, наиболее практически мыслившего из них Н. Я. Данилевского [1].

О чистых славянофилах и говорить нечего. Политика реальных интересов была для Аксакова просто выражением «отменного расположения к безыдейности» [2], свойственного петербургской бюрократии. Подлинная реальность в политике — это осуществление «исторической идеи» русского народа, в котором

[1] *Н. Я. Данилевский.* Россия и Европа. СПб., 1889, стр. 419.
[2] *И. С. Аксаков.* Славянский вопрос. 1860—1886. М., 1886, стр. 684.

«национальное самоопределение совпало с высшим определением общечеловеческим» [3]. С точки зрения реальных интересов русская политика на Востоке непонятна. Что заставляло идти Россию на Балканы? «Побуждались мы разве материальными практическими интересами? Но никаких таких, очевидной и неотложной важности материальных интересов, которые бы стоили этой страшной траты людей и денег, даже и указать нельзя: русская-то торговля уже никак их не требовала! Добивались ли мы единственно свободного выхода из Черного моря? Да для торговых судов он свободен не менее, чем оба выхода из Средиземного моря, а что касается до военного флота, так не Турция могла бы его задержать, когда бы он у нас был, а Европа; восстановлять же флот мы и не помышляли до последней поры, хотя и имели до того времени вдоволь... Так что́ же нас двигало, наконец? Величавые ли фантазии доблестных венценосцев, политические мечты и самообольщения, так что теперь только, по прошествии чуть ли не полутора века, мы начинаем догадываться, что в нашей политике относительно славян и Балканского полуострова мы действовали якобы вопреки нашим «истинным интересам», что все это не более как ряд печальных ошибок, одним словом, в итоге бессмыслица, которую, однако же, рок так и толкает нас, *да и подтолкнет непременно,* повторить вновь!» [4]. Да, с точки зрения реальных интересов это, конечно, так. Но credo absurdum — именно эта бессмыслица имеет высший смысл, как историческая идея «русского народа». А русская идея и идея славянская — это одно и то же, утверждает Аксаков [5].

Однако, спускаясь с метафизических высот чистой идеи в область практической политики, панславизм попадал в среду крупных и мелких правительственных агентов, которые, вооружившись «высокими идеями», политиканствовали и интриговали вовсю. Можно сказать даже больше: политиканство и интрига вместо реальной политики, свойственные всякому политическому строю в эпоху его упадка, нашли в панславизме прекрасное орудие для своей деятельности, наилучшую форму своего выражения. В этой своей более практической и более зловредной форме панславизм находил сторонников и в среде самого правительства. Олицетворением панславизма этого сорта был знаменитый Mentir-pacha (Lügemeister — по-немецки) граф Игнатьев, человек, несомненно, талантливый вообще, но исключительно даровитый интриган. Панславизму и в той и в другой его форме русское правительство обязано было существованием особых «русских интересов» не только на Балканах, но и в самой Австрии, одним словом, везде, где были славяне

[3] Там же, стр. 679.
[4] Там же, стр. 674.
[5] Там же, стр. 680.

(за исключением поляков, конечно, ибо поляки со своим латинством были «живым contradictio in adjecto в славянстве»)[6].

Сущность этих «русских интересов» заключалась, по мысли проповедников панславизма, в том, что русское правительство должно было поддерживать славян и их самобытность везде и повсюду. Это были весьма неопределенные, так сказать, бесплотные, неспособные материализоваться интересы, ибо они, по верному замечанию того же И. Аксакова, принадлежали не конкретному русскому государству или русскому народу в их исторической, временем и местом обусловленной форме, а той метафизической сущности русского народа, которая «в *безумии* своих верований и чувств» стремится раскрыть в своей деятельности свое мировое предназначение[7]. Эти интересы были неделимы, ибо они были неконкретны; они были везде и нигде, ибо они появлялись вместе с интригами русского крупного или мелкого агента везде, где уже существовал австро-славянский антагонизм, и вместе с этим агентом исчезали. Они, конечно, сами по себе были бы достойны насмешки, но неизменный успех, которым они сопровождались в среде славян, желавших заполучить русскую поддержку, питал иллюзии русских панславистов, с одной стороны, и был для австрийцев и мадьяр в Австро-Венгрии постоянным напоминанием внутренней слабости этого своеобразного политического учреждения — с другой.

Мы сейчас не останавливаемся на вопросе о том, какое место занимал панславизм в славянофильском мировоззрении, в особенности в позднем славянофильстве; мы откладываем также до будущего исследование тех материальных интересов, с которыми и он, и позднее славянофильство были связаны. Сейчас нас интересует только следующее обстоятельство: почему панславизм был предметом такого страха на Западе, главным образом в Германии и Австро-Венгрии. Этот вопрос становится тем более естественным, что, согласно развитой выше точке зрения, мы как будто отрицаем всякое серьезное политическое значение за панславистскими теориями. Объясняется ли этот страх тем, что панславизмом пользовалось русское правительство или, быть может, русский панславизм находил отзвук, признание среди австрийских или балканских славян? На первый вопрос приходится ответить скорее отрицательно, чем положительно, на второй — может быть только безусловно отрицательный ответ.

Мы, несомненно, ошиблись бы, если бы приписали этот страх исключительно тому, что на Западе панславизм отожествляли с русской политикой на Востоке. Правда, там очень часто склонны были видеть в нем крайнее выражение тех интересов, которые лежали в основе восточной политики России. Но едва ли

[6] *И. С. Аксаков*. Славянский вопрос, стр. 681.
[7] Там же, стр. 780.

кто-нибудь серьезно верил в то, что конечной целью политики русского правительства было объединение всех или хотя бы одних балканских славян под главенством России. Люди такого размаха, как Бисмарк, прекрасно знали, что весь славянский вопрос для русского правительства есть лишь средство, и совершенно правильно считали, что целей следует искать в другом месте, в проливах, Константинополе или даже просто в «маленькой завоевательной войне».

Еще меньше объединения под эгидой русского абсолютизма желали сами славяне. Панславистские фантазии словака по происхождению, но чеха по культуре Коллара[8] были скорее поэтическими упражнениями, чем размышлениями политика; идеи поляка Гуровского[9] остались без отзвука и вызвали лишь подозрение в его политической честности. Единственным панславистом в русском понимании этого термина был, да и то с некоторыми оговорками (демократизм), словак Людевит Штур[10], откровенно предпочитавший русский абсолютизм венгерскому шовинизму; но и его идеи не получили распространения. Славянское движение в Австрии, поскольку оно перешло из области теорий к практической политике, при всех своих симпатиях к России всегда отмежевывалось от русского абсолютизма. Наиболее значительное в политическом отношении чешское национальное движение в своем правом течении до 1867 г. всемерно подчеркивало свою лояльность к Австрии (австрославизм) не без надежды занять в ней место одной из политически господствующих наций. Введение дуализма толкнуло его на фронду (поездка чехов в Россию на этнографическую выставку в мае 1867 г.)[11], но с объявлением политики национальностей при Тааффе (1879 г.) правые чешские националисты прекратили бойкотирование австрийского рейхсрата. Более демократическое (младочешское) течение, симпатизируя России, едва ли обманывало себя насчет реальности союза с абсолютистской Россией, хотя и пользовалось не раз проблематической возможностью такого союза как средством политического нажима на австро-венгерское правительство.

[8] *J. Kollár*. Ueber die litterarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slawischen Nation. 2. Aufl. Prag, 1844.
[9] *A. Gurowski*. La vérité sur la Russie et sur la révolte des provinces polonaises. Paris, 1834.
[10] *Л. Штур*. Славянство и мир будущего. М., 1867.
[11] Именно по этому поводу Палацкий писал: «Der Tag der Proclamation des Dualismus wird durch die unüberwindliche Notwendigkeit zugleich auch zum Geburtstag des Panslawismus in seiner am wenigsten wünschenswerten Form, und Pathen desselben werden die Väter des ersteren werden. Was dann nachfolgen mag, kann jeder Leser errathen. Wir, Slawen, werden dem mit aufrichtigen Schmerze, aber ohne Furcht entgegensehen. Wir sind vor Oesterreich gewesen und werden auch nach ihm sein!» (*F. Palacký*. Oesterreichs Staatsidee. Prag, 1865; *A. Fischel*. Der Panslawismus bis zum Weltkrieg. Stuttgart und Berlin, 1919, S. 328; *T. G. Masaryk*. Palacky's Idee des böhmischen Volkes. Prag. 1898, S. 46).

В 1848 г. Маркс и Энгельс бросили славянам упрек в том, что своей антинемецкой политикой они играют на руку реакции и объективно становятся на службу николаевскому абсолютизму. Слова Энгельса о славянской Вандее[12] и о немецкой революции оправдывались в полной мере. Но немецкая революция заставила себя долго ждать. Вместо свободной Германии, рожденной великой немецкой революцией, оказались Германия Бисмарка и скопировавшая ее внутренний строй дуалистическая Австро-Венгрия. С этого времени национальный славянский вопрос в Австрии потерял окраску, какую он имел в 1848 г. Для господствующих классов Австрии и Венгрии национальное движение славян, выставившее прежде всего требование расширения избирательного права, стало явно революционным, а подъем национального движения на Балканах грозил соединить свои силы с силами славянства внутри монархии. Что мог противопоставить этому историческому развитию австро-мадьярский дуализм? Его политика была политикой status quo и на Балканах и внутри самой Австрии — слабость этого средства в свое время очень хорошо охарактеризовал Энгельс: «...Та самая дипломатическая система, которая изобретена для предотвращения русских захватов в Турции, вынуждает десять миллионов православных христиан в Европейской Турции обращаться за помощью к России»[13]. Эта система сохранения status quo, говорит он несколько выше, является «могущественным стимулом, толкающим Россию к овладению Константинополем»[14]. Это было сказано в 50-х годах, но вполне приложимо в 60-х годах не только к Балканам, но до известной степени и к самой Австрии. В дальнейшем, отрицательное отношение к так называемому панславизму стало свойственно австрийским патриотам весьма консервативного склада[15]. Понятие панславизма расплылось, охватывая в своей неопределенности все славянское движение в целом[16], тогда как это слово к концу века почти исчезло из социалистического лексикона. И это понятно. Австрийская буржуазия и венгерские магнаты — а многие из них были в 1848 г. революционерами! — хорошо помнили лозунги «безумного года» и еще лучше умели ими пользоваться, плотно усевшись впоследствии в министерских креслах.

Консолидация Австрийской империи в форме австро-мадьярского дуализма в 1867 г., связав ее наступательную мощь

[12] *Ф. Энгельс.* Революция и контрреволюция в Германии.— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 85.
[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 32.
[14] Там же, стр. 31.
[15] *R. Charmatz.* Zarismus, Panslawismus, Krieg! Wien — Leipzig, 1915.
[16] Таково, например, понимание большого знатока этого вопроса и очень добросовестного ученого Фишеля в его важной работе «Panslawismus bis zum Weltkrieg».

в отношении к славянству, усилила позицию России и на Балканах и косвенно в отношении к самой Австро-Венгрии. Отражением этого и был в Австрии постоянный страх перед панславизмом, питаемый развертывающимся национальным движением среди славян, которому, казалось, помогала вездесущая, но неуловимая рука русского правительства. С другой стороны, несомненные симпатии славян к России, пока последняя еще не освободила их от турецкого господства и пока в Австрии не были удовлетворены их политические притязания, были источником в России славянофильской и панславистской фантастики, в которой было гораздо меньше здравого смысла, чем в австрийских страхах, ибо последние все же были выражением вполне реальной опасности, грозившей политическому господству австрийской буржуазии и мадьярского дворянства. В общем же напряженная атмосфера славянско-австро-мадьярских отношений была прекрасной питательной средой для политической интриги, в которую против воли впутывалась и большая политика восточных держав-союзниц.

Официальная политика двух правительств протекала в гораздо более спокойном русле и была проникнута большим взаимным пониманием и доверием, чем политика неофициальная, ведущаяся с обеих сторон на страницах повседневной прессы. Последнее обстоятельство приходится иметь в виду при изложении истории австро-русских отношений в 80-ые годы, ибо многое в официальной политике, особенно Австро-Венгрии, политические речи или парламентские выступления руководителей внешней политики объясняются тем, что им необходимо было считаться с возбуждением общественного мнения.

Значение нового союза для Австрии и России должно было обнаружиться на практике. Полем этой практики были Балканы. И исторически и экономически на Балканах намечалась граница, разделявшая полуостров с севера на юг на сферы австрийского и русского влияния соответственно двум конечным пунктам их всегдашних вожделений: Салоники для Австрии и Константинополь с проливами для России. Сама эта граница, как и форма осуществления тех интересов, которые она должна была разделять, была весьма неопределенна и в каждый данный исторический момент отражала действительное соотношение сил двух держав-соперниц. Начиная с проектов дележа турецкого наследства в XVIII столетии, Сербия и Болгария успели побывать гипотетически и в русской и в австрийской сфере влияния. Проекты простого дележа в эпоху австрийского абсолютизма по мере пробуждения национальных движений в Австрии и на Балканах и неожиданной живучести «больного человека» сменились проектами раздела Балкан на сферы влияния. Эти проекты дожили вплоть до конца 80-х годов. Именно период 80-х годов был временем окончательного их крушения, и то обстоятельство, что крушение совершилось, можно

сказать, под покровом союза трех императоров, имело для последнего роковое значение. Последние попытки двух соперниц ужиться, вопреки естественному антагонизму, оказались тщетными. Россия, как ни старался это предотвратить Бисмарк, принуждена была временно уйти с Балкан, а вместе с этим окончил свое существование и сам союз трех императоров. Вот почему австро-русские отношения на Балканах в 80-е годы приобретают для нас первостепенное значение.

Ни в одной сфере призрачность тех выгод, которые ожидались в России от монархического треугольника, не оказалась такой явной, как в области болгарской политики России. Если непосредственно после Берлинского конгресса и в самом начале 80-х годов русское правительство склонно было поставить знак равенства между своими отношениями к Болгарии и отношениями Австро-Венгрии к Боснии и Герцеговине и, быть может, надеялось в будущем это равенство осуществить фактически путем подчинения Болгарии в военном и экономическом отношении интересам России, то уж в 1883 г. оно должно было отказаться от таких надежд, и не потому, что их осуществлению мешала Австрия, а в силу естественного развития самой Болгарии. Дальнейшие события интересны, конечно, для внутренней истории Болгарии, дают лишний штрих для характеристики русской политики на Балканах, но особенного внимания исследователя русско-германских и русско-австрийских отношений не привлекают.

Прежде чем перейти, однако, к их изложению, мы остановимся на одном небольшом эпизоде. Он интересен тем, что случился непосредственно вслед за заключением союза трех императоров. Обе стороны, и Австрия и Россия, приложили все усилия, чтобы отнестись к нему согласно букве и духу нового соглашения, и тем не менее это могло осуществиться лишь с большим трудом вследствие тех препятствий, которые оба правительства встретили в общественном мнении обеих стран. Он характерен, таким образом, тем, что на его истории ясно видно, какие трудности должна была преодолевать новая дружба двух соперниц. Дело идет о восстании в Боснии и Герцеговине в 1881—1882 гг.

Своим возникновением восстание обязано исключительно внутренним взаимоотношениям во вновь оккупированных австрийских провинциях. Основная масса боснийско-герцеговинского населения — зависимое от своих мусульманских помещиков-беков христианское крестьянство (кметы) напрасно ожидала аграрных реформ, возвещенных еще в циркуляре графа Андраши от 18(30) декабря 1875 г.[17] Австро-венгерское правительство, в особенности же венгры, никогда серьезно не думало об аграрной реформе. Она могла быть соблазнительным примером для собственных венгерских крестьян, она укрепила бы положение новых славянских подданных, она, наконец, пугала взбудораженное общественное мнение в Венгрии призраком нового подъема панславизма. То обстоятельство, что последняя война началась боснийско-герцеговинским восстанием, невольно соединяла в их уме панславизм и революцию в одно и то же опасное движение, в одно из проявлений того неудержимого напора славянства на Запад, за спиной которого стояла великая азиатская держава — Россия. Поэтому почти на другой день после окончания русско-турецкой войны Андраши бил отбой по всей линии. Мемуар о восточных делах, переданный английскому правительству 21 апреля 1878 г. через графа Бейста, представляет для нас выдающийся интерес, ибо вся вторая часть посвящена внутренним отношениям в Боснии и Герцеговине[18].

Для Порты, доказывает Андраши, австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины выгодна, ибо только благодаря ей мусульмане этих провинций будут спасены от разгрома. «В случае, если дарованием Боснии автономии славянским стремлениям будет предоставлено широкое поле действия, то господство этого элемента (т. е. славян. — *С. С.*) может быть обеспечено только искоренением мусульман. Это уже показала Сербия. С удалением турецких гарнизонов оттуда исчезли все мусульманские семьи. Еще резче это должно повториться в Боснии, где борьба с мусульманами будет восстанием неимущих против

---

[17] О положении христиан-крестьян в Боснии и Герцеговине см.: *А. Н. Харузин.* Босния — Герцеговина. СПб., 1901, гл. XI. По турецким обычаям, а впоследствии и законам, христиане не имели права владеть землей. После турецкого завоевания боснийское дворянство и небольшая часть крестьянства смогли сохранить свою землю лишь переходом в мусульманство. Закон 1758 г. сохранял за христианами Боснии и Герцеговины ранее приобретенные ими земли, но не допускал расширения христианской земельной собственности. Еще в XIX в. предпринимались законодательные меры (закон 1852 г.) к недопущению христиан к землевладению. Впрочем, эти меры в эпоху упадка Турции были вызваны медленным, но все же растущим землевладением христиан. Положение христиан-кметов (крестьян) было очень тяжело, за исключением окраины Боснии, где при сравнительном многоземелье земля отдавалась боснийским беглецам и их потомкам, возвращавшимся на родину, на праве довольно льготной аренды. В коренной же Боснии помещики вели самостоятельную запашку при помощи батраков, были, следовательно, заинтересованы в увеличении малоземельного и безземельного крестьянства. Этим объясняется, что уже в XVIII в. крестьянство, лишенное земельной собственности, пользуется землей на условиях очень тяжелой аренды (до 1/3 урожая) и обязано нести тяжелую барщину. В XIX в. кмет — крестьянин-христианин, правда, не прикрепленный к земле, но вполне экономически зависимый арендатор, обязан платить высокую арендную плату и нести тяжелую барщину в пользу своего помещика-мусульманина, который в своих отношениях к кметам не стеснен никакими законами и базируется исключительно на хозяйственных соображениях. Отсюда понятно, что в Боснии и Герцеговине борьба между помещиками и крестьянами превратилась в борьбу полумесяца с крестом.

[18] «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. II. Berlin, 1926, N 400, Anlage II, особенно S. 286—289.

собственников. Если же Австро-Венгрия возьмет на себя управление Боснией и Герцеговиной, то ее задачей будет защитить мусульманскую религию и собственность». Таким путем, думает Андраши, будет вопреки панславистской пропаганде доказана возможность мирного сожительства мусульман с христианами, и это будет иметь огромное значение далеко за пределами Боснии и может повлиять на судьбу мусульман в Болгарии.

Результаты двухлетней политики, проводимой австро-венгерским правительством в Боснии и Герцеговине, оказались прямо противоположны ожиданиям Андраши, и в чрезвычайной сессии австрийской и венгерской делегации (декабрь 1881 — январь 1882 г.) было достаточно говорено на тему о медлительности правительства в вопросе аграрной реформы, которая должна была стать рычагом удачной оккупационной политики, а в действительности оказалась важнейшей причиной разгоравшегося восстания [19]. Восстали, впрочем, и не одни христиане. Беки, бывшие полновластные хозяева провинции, тоже были недовольны новыми хозяевами. Введение в 1881 г. воинской повинности было последним толчком к проявлению открытого недовольства. Восстание началось из старого очага Кривошие в Южной Далмации и перебросилось затем в глубь страны вплоть до линии Мостар—Сараево. Как и всегда, оно привлекало к себе всеобщее внимание сначала на Балканах, затем в Европе. Общественное возбуждение в Австро-Венгрии и Боснии сразу дошло до высокого градуса. В Венгрии готовы были видеть в восстании результат черногорской и панславистской пропаганды, в России славянофилы во главе с Аксаковым подняли шум, нашедший свое отражение в знаменитой речи Скобелева в Париже, произнесенной им 12 января 1882 г. перед сербскими студентами.

Статьи Аксакова в «Руси» были образцом фанатичной преданности идее славянства и той политической бестолковщины, которою вообще отличался московский публицист в вопросах внешней политики [20]. Составленные по всем правилам ходульного гимназического классицизма, эти филиппики против «австрийской кривды» оплакивали нравственное падение русской державы, бичевали падение интеллигенции, отрекшейся от «самобытности в сфере политических, нравственных и религиозных идей», и ставили ей в пример «грубые славянские племена», которые восстали-де на защиту своего православия против гнилых идеалов «общечеловеческого развития» и других благ мнимой европейской культуры. Статья заканчивалась прямым призывом к русскому правительству стать во главе сочувствия русских боснякам и герцеговинцам и «дать своей дипломатии подобающее в настоящую пору направление. Не то... Быть громам и быть ударам!» [21]

В Австро-Венгрии эти выходки барда панславизма пришлись как нельзя кстати. Правительство, два года тому назад выдержавшее от парламента трепку за оккупацию провинций, было повергнуто восстанием в страшный конфуз, и легенда о том, что в нем виноваты панславистские агитаторы и что в восстании участвуют исключительно христиане, т. е. славяне, могла послужить громоотводом. Аксаковское вдохновение и на этот раз сослужило службу «австрийцам и мадьярам». Местное событие, каким было восстание, обволакивалось поэтическими легендами, одна нелепее другой. Среди повстанцев царило убеждение, что Россия, Турция и Черногория заключили союз для борьбы с Австрией [22]. В России ходили легенды о том, что Австрия воспользуется восстанием, чтобы продвинуться дальше на Балканы и, может быть, осуществить мечту о занятии Салоник. В Австрии обвиняли Россию в том, что она снабжает повстанцев деньгами и оружием.

Как обстояло дело в действительности, мы можем знать довольно точно. В Цетинье в русском агентстве сидел в это время А. С. Ионин, тот самый, который года два с небольшим спустя был командирован в Болгарию восстанавливать там «порядок и конституцию». Это был умный человек, хороший, хотя и несколько склонный к нервозности, дипломат (одним словом, экземпляр очень редкий среди агентов, посылавшихся в 80-е годы на Восток). Из довольно значительной и очень интересной переписки, заполняющей черногорские папки министерской корреспонденции, совершенно очевидно, с одной стороны, какая каша интриг кипела вокруг этого дела, а с другой — как трудно было удержаться заинтересованным правительствам на позиции лояльности в отношении друг друга.

---

19 *E. Plener*. Erinnerungen, Bd. II. Stuttgart und Leipzig, 1921, S. 221—222; *Th. Sosnosky*. Die Balkanpolitik Osterreich-Ungarns seit 1866, Bd. II. Stuttgart und Berlin, 1914, S. 31.

20 См. статью от 23 января 1882 г. (*И. С. Аксаков*. Славянский вопрос, стр. 390): «Австро-венгерский поход на кривошиян, герцеговинцев, босняков, косвенным образом на Черногорию, это — поход на нас». «Немецко-мадьярские винтовки,— цитировал он из речи Скобелева 12 января,— направленные в родной нам славянской земле, в единоверные нам груди», направлены собственно в наши груди!.. Каждая пролитая капля славянской крови ложится на нашу душу, пятнает нас, взывает к отмщению». См. также статьи от 30 января, 5 февраля, 27 февраля 1882 г. (там же, стр. 408—437). Хорошим отражением политических сплетен, опутавших боснийско-герцеговинское восстание и выступления Скобелева, может служить большая книга «известной» О. К. (Ольга Новикова-Киреева) «Skobeleff and the Slavonic Cause» (London, 1883), особенно глава, посвященная речи Скобелева в Петербурге (p. 253). Дипломатическую переписку по поводу речи Скобелева в Париже см. в журнале «Красный архив», 1928, т. 2 (27), стр. 218—225.

21 *И. С. Аксаков*. Славянский вопрос, стр. 397.

22 Ионин — Гирсу, 9(21) января 1882 г.— О. А., Cettigné, 1882, л. 4—8: «La fable de d'alliance russo-turco-montenegrine est tellement repandue en Herzegovine et en Albanie qu'elle y est devenue comme une idée fixe parmi cette population».

Гирс еще в конце 1881 г. прислал в Цетинье весьма решительную инструкцию, увещевая Черногорию «быть благоразумной». 9(21) января 1882 г. Ионин доносил, что с этой стороны все обстоит благополучно. Благоразумие Николы было оценено и в Вене. Князю скоро пришло от Франца-Иосифа предложение принять 100 тысяч флоринов «на содержание пограничных кордонов», которые должны были следить за тем, чтобы повстанцы не превратили Черногорию в свое убежище[23]. «Басня о Салониках», как стали называть в переписке слух о готовящемся продвижении Австрии к Салоникам, тоже действительно оказалась басней[24]. Гирс уже читал благодушные нотации австрийскому послу на тему о том, какие ошибки допустило австрийское правительство во вновь оккупированных провинциях и почему произошло восстание[25]. И вдруг удар среди ясного неба. Удар оттуда, откуда его меньше всего ждали.

В июне австрийцы передали русскому правительству донесение своего агента из Софии Бигелебена о том, что на территории Болгарии от имени русского правительства формируются и посылаются в Герцеговину отряды на помощь повстанцам[26]. Встревоженным тоном Гирс писал Арсеньеву, оставшемуся в Софии после того, как агент Хитрово был отозван оттуда: «Дело это представляет большую важность, а потому Вы не оставите бдительно наблюдать за подобными происками и стараться их пресекать в самом начале»[27]. Был ли Гирс искренен? Думаем, что да. Несколько позже болгарский министр иностранных дел Волкович передал Арсеньеву ряд протоколов, составленных пограничными с Болгарией сербскими властями на перебежчиков из Болгарии в Россию и Герцеговину. Все эти перебежчики в один голос показали, что паспорта и деньги они получили от русского агента в Софии Хитрово[28]. «Долгом считаю довести до сведения вашего превосходительства,— писал Арсеньев, — о затруднительном положении, в которое поставлено ныне болгарское правительство относительно представителя Австро-Венгрии, обвиняющего болгарское правительство в том, что оно будто бы дозволило на своей территории формирование отрядов добровольцев для Герцеговины». «Надо будет им помочь как можем»,— приписал Александр III.

[23] Секретная телеграмма Шпейера Гирсу от 5 апреля 1882 г.— О. А., Cettigné, 1882, л. 111: «Князь,— доносил Шпейер.— благодарил, но сказал, что вручение этой суммы теперь же может его скомпрометировать, и поэтому следует отложить это до более удобного времени».

[24] Частное письмо Ионина Гирсу от 13 февраля 1882 г.— А.К.М., Vienne, II, лл. 98—102.

[25] Гирс — Убри, 18 февраля 1882 г., № 22.— А.К.М., Vienne, III, лл. 52—56.

[26] Бигелебен — Кальноки, 25 марта 1882 г.— А.К.М., Sofia, II, 1882, лл. 269—271.

[27] Гирс — Арсеньеву, 26 июня 1883 г., № 2606.— О. А., Sofia, II, л. 288.

[28] Арсеньев — Гирсу. 25 июня 1882 г.— О. А., Sofia, II, лл. 77—78.

На следующий день от Арсеньева была получена подробная депеша[29]. Он писал, что от некоторых, заслуживающих доверия русских и болгар, проживающих в Софии, он получил полное подтверждение подозрений австрийского правительства. В течение апреля и мая 1882 г. производились сборы по подписке на восстания в Герцеговине, и собранные суммы передавались Хитрово и Клоппенбургу (помощнику Хитрово), которые снаряжали деньгами и паспортами отряд добровольцев, отправившийся из Софии через Сербию в Герцеговину под предводительством черногорцев Ивановича и Поповича-Липовца, отставных офицеров русской службы[30]. Далее Арсеньев сообщал еще более пикантные подробности. Эти добровольцы выступили около 20 апреля небольшими партиями из Софии в город Берковац, близ сербской границы. Здесь они «прямо обращались к уездному начальнику, который размещал их в казармах и снабжал пищею, пока вся партия около 80 человек не собралась в Берковаце, откуда она затем двинулась в Сербию». На этом история этого славянского похода не кончилась. «Несколько дней тому назад,— писал Арсеньев того же 26 июня,— явились в дипломатическое агентство два черногорца и потребовали от меня паспортов и денежного вспомоществования для себя и для 40 других черногорцев, прибывших, по их словам, накануне в Софию». На вопрос Арсеньева, что сталось с их прежними паспортами, они «чистосердечно рассказали», что их документы отобраны сербскими властями, не пропустившими их в Герцеговину. 12 мая они со своим предводителем были арестованы в Сербии, где и оставались под арестом около шести недель. Когда Арсеньев отказался исполнить их просьбу, они пожалели о том, что уехал Хитрово, а затем, в ответ на повторный отказ Арсеньева дать им паспорта и деньги, они ушли, заявив, что от них так дешево не отделаются. «Узнал стороною,— писал Арсеньев,— что эти черногорцы, выходя из агентства, говорили о намерении своем на другой день явиться с 40 другими в сербское агентство с требованием о возвращении отобранных паспортов и в случае отказа решились перебить стекла в сербском агентстве и избить представителя Сер-

[29] Арсеньев — Гирсу, 26 июня 1882 г., № 48.— О. А., Sofia, II, лл. 95—96.

[30] Близкий к князю и консерваторам француз Кейе, отправленный в Болгарию французским правительством в качестве финансового советника, сообщает в своих интересных мемуарах (*E. Queillé*. Les commencements de l'indépendance bulgare et le prince Alexander. Paris, 1910, p. 108), что Хитрово осмелился даже, когда панславистские ресурсы истощились, просить у князя денежной помощи для снаряжаемых им герцеговинских повстанцев: «Un monténégrin, destiné à commander une bande en voie de formation, fut présenté par lui (Hitrowó.— *С. С.*) au palais. Le Prince, outré, prévint l'agent d'Autriche, le chargea d'aviser le cabinet de Vienne et fit reconduire les volontaires à la frontière serbe». О представлении князю черногорца говорит и Корти (*E. C. Corti*. Alexander von Battenberg. Wien, 1920, S. 119: «Umdiesen (den Fürsten.— *С. С.*) gegenüber Österreich-Ungarn zu kompromittieren»).

бии». Арсеньев поэтому счел необходимым предупредить об этом болгарское правительство, которое «во избежание международного скандала» распорядилось выдать черногорцам по 2 рубля на человека и отправить их в восточную половину княжества с зачислением на службу в жандармерию служивших в ней раньше. Надо полагать, что после такого мудрого решения болгарского правительства стекла сербского агентства остались целы.

Эпилогом ко всей этой истории может служить один любопытный документ, относящийся к более позднему времени. 23 октября 1884 г. русский агент в Софии Кояндер прислал своему шефу Гирсу пространное донесение[31], в котором мы находим последние отголоски боснийско-герцеговинской бури 1881—1882 гг. Несколько дней тому назад, рассказывал Кояндер, прибыл будто бы из России герцеговинский уроженец Святослав Бузаджич Правица Требинский, известный по участию, которое он принимал в снаряжении шаек инсургентов, долженствовавших проникнуть в 1881 г. в Боснию и Герцеговину. Правица явился в Софию, снабженный карточкой И. С. Аксакова, на которой были сделаны надписи об оказании «этому выходцу» полного доверия. Принятый благодаря этой рекомендации некоторыми эмигрантами и болгарами, Правица заявил от имени Аксакова, что ввиду постановления относительно полного присоединения к Австрии временно занимаемых ею двух славянских земель необходимо немедленно же протестовать против такого присоединения, подняв там восстание. На этот предмет, по словам Правицы, у Аксакова будто бы уже готово более 200 тыс. рублей, из коих 20 тыс. на первые расходы и организацию восстания будут им высланы сюда немедленно по получении известия о том, в чьи именно благонадежные руки возможно отправить эту сумму.

Правица не ограничился посещением русского дипломатического агента. Болгарский военный министр, русский офицер князь Кантакузин, сообщил Кояндеру, что Правица обращался к нему с просьбой снабдить его патронами и ружьями из казенных складов княжества, ссылаясь на то, что в 1881 г. в этом не встретилось никаких затруднений. Когда ему было отказано в этом, он снова явился к Кояндеру с карточкой Аксакова и с прежними требованиями. Кояндер заявил, что он не только не будет оказывать ему никакого содействия, но, наоборот, употребит все усилия, чтобы не допустить подобных интриг в Болгарии. Это заявление, по-видимому, подействовало на Правицу. «Через несколько дней,— писал Кояндер,— Правица снова зашел ко мне и заявил, что он отказывается от освобождения своей родины, но просил дать хотя бы 100 франков для некоторых

[31] Кояндер — Гирсу, 23 октября 1884 г., № 49.— О. А., Sofia, I, 1884, лл. 489—492.

его соотечественников, находящихся в крайне бедственном положении». Визитная карточка И. С. Аксакова с его собственноручной рекомендацией и приложена к донесению.

Теперь, после войны 1914—1918 гг., мы конечно, знаем несравненно больше, чем знал историк, которому принадлежит первый блестящий обобщающий очерк русской политики в Болгарии[32], но мы мало можем прибавить к той общей характеристике, которая была им сделана.

Каковы бы ни были мотивы, которые толкнули русское правительство в период оккупации на дарование болгарам либеральной конституции, либеральный уклон конца царствования Александра II оправдывал такое его поведение. Ведь дело шло не только о том, чтобы связать по возможности руки будущему болгарскому князю. Русские политики типа Дондукова-Корсакова шли сознательно на поддержку национального движения в Болгарии, стремившегося «исправить» несправедливости, нанесенные национальным идеалам Берлинским конгрессом. Соединение Болгарии с Восточной Румелией становилось не только желанной целью болгарских националистов, но и очередной задачей русского правительства. Дипломатически эта задача, как мы видели, разрешалась в договоре союза трех императоров.

Однако у болгарской конституции оказались враги в самой Болгарии, и враги тем более опасные, что они сидели в самом центре болгарского правительства и болгарского парламента. Это были князь и консерваторы.

Князь Александр Баттенбергский принадлежал к тому типу немецких князей, которые, скромно дослужившись до чина лейтенанта прусской или германской армии, считали себя во всяком случае достаточно опытными для того, чтобы управлять каким-либо «балканским» народом, и в случае, если им улыбалась судьба и их избирали на балканский престол, уезжали на свою новую родину с полным убеждением в высшей благодетельности их просвещенной миссии. У Александра Баттенбергского были все качества, чтобы стать монархом не хуже других: огромное честолюбие, вкус к интриге, широкий размах в удовлетворении своих личных прихотей и капризов и то уменье истинно по-царски сорить деньгами, которое входит в качестве основной составной части в понятие «величия», особенно на Востоке.

Жалкий конец его политической карьеры объясняется отнюдь не тем, что таяли сбережения болгарской казны и что вопрос о чрезмерных расходах на постройку княжеских дворцов и конюшен являлся самым скользким вопросом для сменявших друг друга болгарских правительств, в особенности для

[32] *М. Н. Покровский*. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, стр. 345—355.

либеральных. «Благодарная» нация простила бы князю его долги перед болгарской казной, удержись он на престоле до конца. Вся беда князя заключалась в том, что балканские престолы требовали от своих претендентов совсем особых качеств, каких у князя Александра не оказалось. Здесь нужны были исключительная изворотливость и недюжинный ум, ясное понимание своего внеевропейского и вместе с тем слишком европейского положения: надо было быть либо таким политиком, как знаменитый Никола Черногорский, который умел ловко эксплуатировать соперников на Балканах и сохранять репутацию незапятнанной политической честности, или идти напролом, как Милан Сербский (против своего народа, конечно, а не против великих держав).

Князь Александр, сын австрийского генерала и племянник русского императора, как князь болгарский являлся олицетворением европейского компромисса и должен был проявить сугубую политическую выдержку. Однако с самого начала своей политической карьеры он обнаружил малое понимание трудностей своего положения. Он не удовлетворился той долей власти, какую предоставляла ему конституция. Упразднив последнюю в 1881 г. при помощи русского влияния, он опять-таки не понял, что мог править после этого только как вассал России. Попытавшись высвободиться из-под власти русских, он поссорился с царем и навлек на себя подозрительность русской дипломатии, а своим проектом женитьбы на германской принцессе, осуществления которого он добивался с такой настойчивостью, чтобы не сказать с назойливостью, он окончательно погубил себя, навлекши на себя гнев всесильного канцлера, который не без основания видел в этом проекте попытку втянуть Германию в антирусскую политику не по разуму честолюбивого князя.

Само собой разумеется, что князь Александр не отважился бы сам на изменение конституции сначала и затем на разрыв с Россией, если бы он не нашел в стране поддержки свои планам. Честолюбие князя было ловко использовано теми, кто не менее князя жаждал ограничения конституции, видя в ней помеху для своей политики «на европейский образец», сулившей в этой крестьянской стране крупные и безнаказанные барыши. Это были болгарские консерваторы.

Честолюбие не по разуму и аппетиты не по средствам — такова характеристика внутренней и внешней политики Александра Баттенбергского. Попав на перепутье большой европейской политики, он сделался игрушкой в руках великих держав-соперниц, которые хотели превратить его в орудие своих вожделений и бросили его на произвол судьбы, лишь только убедились в его бесполезности. Для нас интересен не столько он сам, сколько та политика, которую через него и при его помощи хотели осуществлять две наиболее крупные соперницы на Балканах —

Россия и Австрия. В то время как для официальной политики абсолютистской царской России оказалось возможным хотя бы некоторое время поддерживать либеральную и демократическую конституцию Болгарии, политика второй, конституционной, страны всегда была направлена к поддержке всех абсолютистских покушений всех балканских царьков.

Объяснение этого парадокса лежит, однако, в самой природе австро-балканских отношений. Политика Австрии на Балканах стремилась быть политикой колониальной державы по отношению к колониям, которые, однако, не могли в силу ряда исторических причин окончательно политически слиться с государством, претендовавшим на роль метрополии. Политика Австрии по отношению к Балканским государствам поневоле должна была придерживаться принципа: «экономическая аннексия без политической». В своем месте мы подробно останавливались на причинах, в силу которых внутренняя структура дуалистической монархии, поставленной в определенные международные отношения, не допускала безоговорочной аннексионистской политики на Балканах в 70-е и 80-е годы.

Несмотря на то что с 1870 г., с начала так называемой эры Тааффе, в Австрии политически господствующей группой оказалась главным образом крупная поземельная аристократия, и общий для всей Восточной Европы переход к консервативной политике сказался с достаточной силой и здесь,— в отношении к Балканским государствам Австрия продолжала оставаться державой капиталистической и буржуазной. Задача экономического овладения балканским рынком, захваченным после Крымской войны 1855 г. французами и англичанами, разрешалась правительством Австро-Венгрии в двух направлениях: оно стремилось установить железнодорожную связь с Балканами и заключить благоприятные для себя торговые договоры с Балканскими государствами. И в том и в другом отношении Австрия, поддерживаемая Германией, сумела добиться существенных результатов, в особенности в западной половине Балканского полуострова. Но и в восточной его половине, молчаливо признанной в качестве русской сферы влияния, экономические успехи Австрии встречали сравнительно слабое сопротивление со стороны России. Эта политика Австрии осуществлялась, конечно, не только путем непосредственного нажима на слабые балканские княжества, но и посредством привлечения на свою сторону известных социальных слоев внутри Балканских государств, тем более что эти слои сами нуждались в поддержке извне. Это были крупные капиталисты, сильные экономически каждый в отдельности, но слабые в целом как группа в силу своей немногочисленности. Связанные своими капиталами с заграницей, главным образом с той же Австрией, и заинтересованные по преимуществу в крупных государственных концессиях и поставках, они не были австрофобами, потому что боялись ущер-

ба своему имуществу, и были консерваторами, потому что желали бесконтрольно распоряжаться государственным хозяйством. Если, таким образом, антиконституционные тенденции балканских государей находили в них надежную поддержку, то и Австрии с ними было бы легче договориться, тем более, что часто они были сами заинтересованы в австрийских предприятиях на Балканах [33].

Подобную картину мы видели в Сербии, где князь (с 1882 г. король) Милан и крупная буржуазия заключили торговый договор с Австрией, ставивший Сербию в тяжелую экономическую зависимость от Австрии, а сам король Милан пошел даже и на ограничения в пользу Австрии своего суверенитета взамен гарантии, данной Австрией его династии [34]. В меньшей степени это заметно и в Болгарии, где консерваторы, как известно, были «западниками». Князь Александр знал, что он делал, когда в феврале 1880 г., добиваясь от своего «северного дяди» согласия на упразднение конституции, грозил, что в случае отказа он обратится к Австро-Венгрии [35].

Союз Австрии с крупнокапиталистическими элементами и с княжеской властью на Балканах не представляет собой чего-либо ненормального. История колониальной политики полна примеров такого союза или, лучше сказать, такой зависимости местных капиталистов политически как будто независимых стран со слабо развитой национальной буржуазией от иностранного капитала. Этот иностранный капитал всегда бывает враждебен национальной революции, политическому торжеству национальной буржуазии, связанному для иностранного капитала с потерей его гегемонии и его колониальных сверхприбылей. Отсюда понятны также ярый национализм и австрофобство балканского либерализма и радикализма, в которых поднимающаяся национальная буржуазия находила свое идейное выражение. Будучи антиавстрийцами, либералы и радикалы, вполне естественно, были русофилами и остались бы таковыми повсюду и навсегда, если бы не политика русского абсолютизма в Болгарии.

Русская политика в течение 1881—1883 гг. совершила полный круг, возвратившись к исходному пункту, от которого она отправилась,— к необходимости восстановления Тырновской конституции, но за это время она растеряла свой авторитет, что имело большое значение для русско-германо-австрийских отношений. Плачевный итог болгарской политики России повлек за собой и крах союза трех императоров. Все попытки Бисмарка замазать трещину в русско-австрийских отношениях, вызванную русскими неудачами в Болгарии, остались втуне. Его расчеты не оправдались, и значительная часть его работы, направленной к поддержке обветшавшего здания монархической солидарности, пропала даром.

---

[33] Чрезвычайный посол России Ионин писал в разгар кризиса в Болгарии, приведшего к восстановлению Тырновской конституции 7(19) октября 1883 г. (депеша Ионина № 20 от 24 октября 1883 г.— O. A., Sofia, I, лл. 823—830): «Бигелебен (австрийский агент.— *С. С.*) с большим сожалением смотрит на ограничение власти князя конституционными порядками. Австрии, которая вполне сознает и признает даже законным (по выражению барона Бигелебена) наше влияние в Болгарии, выгодно, чтобы князь стоял как бы особняком от этой страны. (В таком положении князь volens-nolens может быть окружен и поддерживаем только небольшим кружком людей хотя и болгар, но по большей части пришельцев, как Волкович, Стоилов, Греков и др. (консерваторы, будущие, после переворота 1881 г., члены консервативного министерства; «клика», «триумвиры» и т. д., как их называли русские.— *С. С.*). Не будучи в состоянии бороть-
ся с нашим влиянием в стране, Австрия, напротив, имеет все шансы к
тому, чтобы безусловно управлять кликой, что для нее выгодно не столько
в политическом отношении, сколько в материальном. Вся почти иност-
ранная торговля в Болгарии находится в руках Австрии, которой для
усиления этой торговли нужно завладеть здесь концессиями, участвовать
в постройках железных дорог, в учреждении банков и т. д. Все это обык-
новенно дает доход министрам, а потому, если бы при единодержавном
князе министерством окончательно завладела клика, материальные выго-
ды Австрии были бы навсегда обеспечены. В этом случае соперничать с
Австрией не мог бы никто, а тем более Россия, лишенная здесь возмож-
ности вести торговлю в обширных размерах, не обладающая предприим-
чивостью (разве — вспышками и весьма непоследовательно), а потому не
имеющая возможности давать постоянный и верный доход министрам и
их клевретам. При конституционном правлении подкупать если не невоз-
можно, то по крайней мере трудно. Министры меняются, а взявшие взят-
ку не могут ручаться за тех, которые их заменят; кроме того, болгарам
надобно отдать справедливость, что они зорко следят за своими де-
нежными делами, а будучи сами народом расчетливым и отчасти
жадным, с большой ненавистью относятся ко всяким концессионерам и
предпринимателям. Если бы Россия захотела играть в Болгарии ту же
коммерческую роль, как Австрия, то, вероятно, и нам пришлось бы для
развития наших торговых дел держаться по отношению к внутренней по-
литике Болгарии австрийского образа действий, т. е. поддерживать едино-
державие и клику, ибо, вероятно, точно так же народ противился бы рус-
ским концессионерам, и последним так же, как и австрийским, го-
раздо удобнее было бы соглашаться со Стоиловым, который берет взят-
ки, чем с Цанковым, который их не берет».)

[34] См. австро-сербский союзный договор, заключенный в Белграде 16(28) июня 1881 г.— *Ю. В. Ключников* и *А. Сабанин*. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I. M., 1925, № 228, ст. 2 и 4.

[35] *E. C. Corti*. Alexander von Battenberg, S. 85.

Глава вторая

Возобновление союза трех императоров. Проект демаркационной линии и его судьба

События на Балканах в 1881—1883 гг. в связи с возобновлением союзного договора между тремя императорами на новый срок заставили союзников еще раз пересмотреть их восточную политику. Точка зрения русского правительства была не ясна для его союзников, когда события вынуждали их высказываться относительно «возможностей» этой политики в будущем. Теоретические размышления обоих руководителей внешней политики двух среднеевропейских держав были вызваны зондированиями Сабурова, торопившегося вписать новые крупные цифры в «текущий счет» союзного трактата. Легко представить себе, под влиянием каких впечатлений обсуждались в Берлине и Вене русская восточная политика и вопрос о будущих взаимоотношениях трех союзных монархий. Похоже было на то, что на Балканах назревают новые крупные события при главном участии России. Конец года рассеял эти опасения. Восстановление Тырновской конституции 1883 г. и временное успокоение умов в Болгарии были даже до известной степени фактами, неожиданными для европейских политиков и не совсем приятными для двух держав — союзниц России. Засим последовало возобновление почти без всяких изменений союза трех императоров. Все это были факты, которые заставили Бисмарка насторожиться. Можно было опасаться, что у русских ослабевает интерес к Балканам. Теперь уже не Сабуров, а сам Бисмарк не прочь был позондировать у русского правительства почву насчет «возможностей» на Балканах. Таким образом, балканская политика России подверглась обсуждению ее союзников в два очень отличных друг от друга момента: когда она казалась им слишком активной и когда она, по крайней мере для Бисмарка, грозила стать недостаточно активной для того, чтобы питать русско-австрийский антагонизм, скреплявший союз трех императоров. Каковы были результаты этого теоретизирования и к каким выводам, в частности, пришел наиболее сильный из двух теоретиков,— Бисмарк, мы сейчас увидим.

Уже в начале 1883 г. Сабуров, верный своему плану решения восточного вопроса и, так сказать, сгорая от нетерпения, писал Гирсу: «Ни в какое время политическое созвездие не было так благоприятно, как в настоящую минуту, для подготовки к решению восточного вопроса путем предварительного соглашения с соседними державами»[1]. Ему казалось, что с нынешним положением может сравниться разве эпоха Екатерины II, когда Англия была занята в Америке, «Франция поражена уже духом революции», Пруссия отдыхала после Семилетней войны. Теперь Англия занята ирландским движением. От вопросов, касающихся Балкан, она отстранена австро-германским союзом, а наступлением на Египет «она разорвала узы солидарности, соединяющие западные морские державы в делах Востока». Франция, терзаемая внутренними смутами, еще долго будет занята борьбой между монархическими и республиканскими партиями. Преобладающее значение на континенте имеет Германия. Но, окруженная тремя первоклассными державами, Германия подверглась бы серьезной опасности, если бы эти державы или две из них вздумали соединить свои усилия против нее. Поэтому Бисмарк устремляет все свои старания на укрепление империи и защиту ее от возможных коалиций. Именно для этого ему понадобилось соглашение между тремя монархами. «Этим соглашением он дорожит, и для сохранения его он,— писал Сабуров,— готов предоставить и нам и Австрии ту долю выгод на Востоке, которые бы не потребовали жертв с его стороны, лишь бы между нами не последовало разрыва, разрушающего его политическую систему». Александр III приписал к этому месту: «Мы у него никогда просить не будем».

Перед Сабуровым витает все время счастливый пример прошлого — раздел Польши. «Как в свое время раздел этого государства соединил интересы трех держав на все последующее время, так может быть и теперь с Балканским полуостровом». Усматривая в дальнейшем развитии «восточных вопросов» причины к возрастающему неудовольствию между Россией и Австрией, князь Бисмарк, думает Сабуров, решит также уничтожить яблоко раздора разделением Балканского полуострова между Россией и Австрией, если князем будет сознано, что этим средством предлог к раздорам между ними устраняется. «Итак, момент благоприятный, и надо спешить». «Бисмарку уже 68 лет, он может скоро сойти со сцены, и тогда нельзя уже будет использовать политическую мощь Германии в интересах наших планов на Востоке», писал Гирсу в следующем письме Сабуров[2]. В какой мере подобные утверждения были наивны, мы уже видели. Наивность их, впрочем, не замедлила обнаружиться и теперь. Ибо Сабуров не ограничился тем, что стал систематически бомбардировать своего шефа письмами, но принялся обрабатывать и другую сторону.

Гатцфельдт писал немецкому послу в Петербурге Швейницу по поручению Бисмарка, что Сабуров недавно затронул вопрос о продолжении союзного договора и уверял, что в настоящий

---

[1] Сабуров — Гирсу, 25 января (6 февраля) 1883 г., № 2.— С. А., 1883.
[2] Сабуров — Гирсу, 26 января (7 февраля) 1883 г, № 3.— С. А., 1883.

момент существует тенденция удовлетворить «притязания России» на Востоке[3]. Бисмарк просил Швейница разведать в Петербурге, говорил ли Сабуров по собственной инициативе или по поручению своего правительства. Но прежде чем для него стало ясно, что Сабуров выступал от себя, обстоятельства заставили его высказаться по существу относительно политики этого посла так, как если бы она была политикой его правительства. Поэтому последующая переписка Бисмарка представляет для нас высокий интерес. Не меньшее значение она имела и для самого Бисмарка, как и все, касающееся союза трех императоров. Вся эта переписка имеет даже особую нумерацию[4].

Прежде чем к ней перейти, надо рассеять одно недоразумение, которое может возникнуть у всякого, работающего над соответствующим отделом «Die Grosse Politik»[5]. Вслед за цитированным выше письмом Гатцфельдта от 6 февраля помещено донесение Швейница из Петербурга от 6 февраля (№ 600), которое можно было бы считать за ответ на запрос Гатцфельдта 5 февраля (17 февраля по новому стилю). Смысл его неясен, но некоторые выражения могут подать повод думать, что приведенное выше зондирование Сабурова насчет «притязаний России» сделано им по прямому поручению Александра III[6]. В действительности это донесение следует отнести к более раннему времени, т. е. к 5 февраля по новому стилю, а справка в русском архиве вполне разъясняет, какое поручение было дано Сабурову. Александр III просил напомнить Бисмарку, что договор между тремя монархиями должен оставаться в строгой тайне[7]. С этим совпадает указание Швейница, что сабуровское донесение в ответ на напоминание царя Бисмарку написано по-русски; этим объясняется также и то, почему у этого

[3] См. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», Bd. III. Berlin, 1926, N 599.

[4] Ibid., S. 285, Bem.

[5] Ibid., N 599—630.

[6] Ibid., N 600, S. 286: «Da man bei den Mitteilungen welche Herr von Sabu-row in Berlin macht, nicht immer ganz genau wissen kann, wieviel davon seiner Regierung und wieviel seiner eigenen Berechnung zukommt, so glaube ich ganz gehorsamst melden zu müssen, dass der geheime Auftrag, dessen er sich unlängst Eurer Durchlaucht gegenüber zu entledigen die Ehre hatte, ihm direkt und dringlich von Seiner Majetstät dem Kaiser Alexander erteilt worden war. Sein hierauf bezüglicher für den Kaiser bestimmter, russisch geschriebener Bericht ist hier, eingegangen und mir von Herrn von Giers vorgelesen worden...»

[7] Сабуров — Влангали, 16(28) января 1883 г.— С. А., 1883: «Государь,— сказал Сабуров Бисмарку,— вполне убежден в пользе этого соглашения и твердо желает продолжения дружественной политики в отношении к соседним державам; но его величество полагает, что в настоящее время общественное мнение в России несочувственно отозвалось бы к такому договору, если бы договор этот сделался известным». Последнее, замечает Сабуров, относится не к Германии, а к Австрии. Донесение написано, действительно, на русском, а не на французском языке.

документа нет особой нумерации, как у всех прочих, относящихся к делу о возобновлении договора. Таким образом, последнее сомнение в том, что Сабуров действовал по собственному почину, явно отпадает.

Гирс в ответ на большое письмо Сабурова от 25 января (6 февраля) старался охладить пыл посла[8]. Александр III не пожелал высказаться в окончательной форме до тщательного изучения вопросов, затронутых в письме посла, и он, Гирс, вообще сомневался, чтобы император дал теперь же согласие на начало переговоров. Желание государя ясно: «Воздержитесь от каких-либо переговоров с Бисмарком о возобновлении нашего трактата». «Мой рот закрыт,— отвечал ему Сабуров 12(24) февраля, — но я не могу удержаться от того, чтобы не думать об этом (восточном вопросе.— *С. С.*) непрерывно, ибо я инстинктивно чувствую, что нам предстоит осуществить или по крайней мере подготовить великое дело. Мое убеждение до такой степени сильно, что я порой начинаю желать, чтобы император отказался возобновить трактат, так как я уверен, что, если его величество примет это решение, в Берлине пойдут на бóльшие уступки, чтобы заставить нас заключить новый. Бисмарк сказал мне как-то, что Австрия никогда не захочет сбросить «фланелевую фуфайку», которую мы надели ей на тело. Я бы мог сказать то же самое и о Бисмарке. У него такой же ревматизм, как и у Австрии. Империя, созданная им, подвержена всем ветрам Европы, и за то, чтобы получить фуфайку и для себя, он, конечно, согласится дать нам пару туфель для паломничества в святую Софию».

И Сабуров снова приводил разнообразные доводы в пользу расширения базы возобновляемого договора. Возможны, думал он, три линии поведения: 1) возобновить договор без изменений; 2) заключить сепаратное соглашение с одной Германией; 3) заключить договор трех держав на расширенных основаниях. Первое весьма желательно и для Германии и для Австрии. Бисмарк сказал об этом откровенно. Но для нас это невыгодно. Два года тому назад соглашение помогло нам выйти из затруднительного положения. Теперь наше политическое положение превосходно. Мы можем поэтому дороже продать соседним державам то обеспечение безопасности, которое дает им наш трактат. Изменились и наши интересы. Тогда мы добивались согласия на соединение Болгарии и Восточной Румелии. Теперь это нас уже не интересует, как раньше, и не интересует по двум причинам. Во-первых, осуществление этого почти невозможно без содействия наших войск, так как болгары еще очень слабы и не могут отважиться на войну с Турцией. Во-вторых, наше общество начинает понимать, что если взоры болгар еще обращены на нас и если наше влияние еще господствует в

[8] Гирс — Сабурову, 4(16) февраля 1883 г.— С. А., 1883.

Болгарии, то это происходит потому, что соединение еще не совершилось, что болгары еще не осуществили всех своих желаний. «Все это он вычитал из газет и на этом основывает общественное мнение?!»— приписал к этой фразе Александр III.

«Мы имеем пример греков, румын, сербов. Все они оказались неблагодарными,— доказывал Сабуров.— День болгарской неблагодарности также придет. Зачем же нам самим ускорять его приход?» Итак, соединение Болгарии имеет для нас весьма сомнительный интерес. Тем не менее за него мы обещаем Германии нейтралитет в случае войны с Францией. Вот почему Бисмарк так дорожит нашим трактатом: пока существует трактат, судьба Франции находится во власти Германии. «Этого и не следовало бы нам возобновлять»,— прибавил Александр III и, как мы увидим впоследствии, оставался тверд в своем решении. Конечно, продолжал размышлять дальше Сабуров, Бисмарк не нападет на Францию. Но после его ухода ручаться за то, что немецкие генералы не нападут внезапно «à la Frederic» на Францию, нельзя. Поэтому следовало бы из предосторожности сузить значение параграфа о нейтралитете, заменив его гарантией Эльзас-Лотарингии. Тогда наша задача будет ограничиваться исключительно тем, что мы гарантируем Германии ее завоевания, не более того. Но и эта услуга не должна быть бесплатной. За Эльзас-Лотарингию Германия должна оказать поддержку нашим планам на Востоке. Возобновление трактата в прежнем виде было бы поэтому ошибкой. Он, Сабуров, уже намекнул Бисмарку, что нужно было бы превратить непопулярное в России соглашение в популярное. «Только не нам начинать об этом разговор»,— заметил Александр III.

Другая возможность, т. е. заключение сепаратного соглашения с Германией без Австрии, кажется в данный момент Сабурову невозможной вследствие крепости австро-германского союза. Практически возможной остается одна политика — политика возобновления тройного союза на расширенной базе, т. е. согласие России на раздел, подобный разделу Польши. Конечно, оговаривается Сабуров, термин «раздел» неприменим к Турции в том же смысле, как для Польши, так как на Востоке существуют новые государства, созданные нашими руками, самостоятельность которых мы отнюдь не намерены уничтожать, но более точное раскрытие смысла «раздел» уже выходит за пределы его компетенции и зависит от воли «его величества» (?!— *С. С.*).

Напрасно Гирс снова и снова предупреждал посла, чтобы он был осторожным. «Наша программа — терпеливо выжидать событий»[9]. «Нужно быть очень благоразумным». «Нужно избегать всего того, что могло бы раздражать нервы и возбуждать подозрительность по отношению к нашим намерениям, которые

---

[9] Гирс — Сабурову, 14(26) февраля 1883 г.— С. А., 1883.

остаются прежними»[10]. Сабуров потерял всякое чувство меры. Перед отъездом в Россию на коронационные торжества он имел беседу с Бисмарком и намекнул ему на возможность некоторых изменений в трактате. Со свойственным ему уменьем сказать многое, не сказав ничего, Бисмарк ответил послу: «Да, самое лучшее для меня создать нечто солидное, нечто такое, что могло бы предупредить на будущее возможность разрыва между нами». По мнению Сабурова, это значило: «Я не отказался бы поговорить с вами об изменениях, которые вы хотите внести в трактат, и даже о Константинополе»[11].

Сабуровские намеки, совпадавшие по времени с началом генеральских скандалов в Болгарии, явно начинали тревожить Бисмарка и Кальноки. Бисмарк снова жаловался на дислокацию русских войск[12]. Несмотря на заверения Гирса, что Сабуров действовал вопреки его инструкциям и что он, Гирс, совсем не думает входить в какие-либо переговоры о «возможностях»[13], у Бисмарка еще долго оставались подозрения насчет истинных намерений русского правительства[14], тем более что Сабуров, побывав в России, вынес убеждение, что все его планы отнюдь не безнадежны, и попытался сыграть va banque, довольно откровенно выступив против своего министра[15]. Подозрения Бисмарка были не безосновательны. Еще в конце марта Гирс сообщил по секрету Швейницу, что два честолюбивых дипломата, Сабуров и Нелидов, стараются привлечь императора на сторону своих планов, о которых император сейчас не думает[16]. С осени Сабуров возобновил опять свою работу.

25 августа 1883 г. в разговоре с Бушем Сабуров уверял последнего, что за продление трактата на новый срок без всяких изменений стоит только один Гирс. Большинство остальных влиятельных голосов высказалось за изменение трактата в смысле, более благоприятном для России. Таким образом, перед Бисмарком был поставлен вопрос, как действовать в том случае, если бы русские потребовали ответа на предложение расширить базу соглашения. Что касается направления, в котором могло произойти расширение соглашения, сомнений никаких быть не могло: перед Бисмарком снова встал восточный вопрос, а следовательно и вопрос австрийский.

В своем месте мы достаточно подробно осветили вопрос о том, какую роль играла в системе Бисмарка связь его с Россией. Возобновление союза трех императоров не было мерою

---

[10] Гирс — Сабурову, 25 апреля 1883 г.—С. А., 1883.
[11] Сабуров — Гирсу, 1(13) мая 1883 г.— С. А., 1883.
[12] Сабуров — Гирсу, 17(29) апреля 1883 г.— С. А., 1883.
[13] Швейниц — Бисмарку, 9 марта 1883 г. («Die Grosse Politik...», Bd. III, N 601).
[14] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 609.
[15] Ibid., N 605.
[16] Ibid., N 602.

ad hoc: союз был необходимым элементом той системы, при помощи которой «сытая Германия» («saturiertes Deutschland») могла совершать спокойно свое дальнейшее развитие. Обстоятельства нисколько не изменились и к 1884 г. Наоборот, те стороны объективной обстановки, которые в 1879—1881 гг. делали русско-германский союз особенно ценным для Бисмарка, с еще большей настоятельностью говорили теперь в пользу его дальнейшего укрепления. Неудачи русских в Болгарии были очевидны, мирное экономическое проникновение австрийцев на Балканы расширялось изо дня в день. Глухая вражда двух соперников принимала все более явные формы. Можно было ожидать внезапного наступления совершенно непредвиденных обстоятельств. Русско-германская дружба, как гарантия независимости германской политики от австрийских вожделений на Востоке, являлась безусловно необходимой. После 1882 г. она входила также как необходимое звено в цепь австро-германских и австро-итальянских отношений. «Для меня является безусловной истиной, что разрыв Австрии с Россией вместе с тем будет разрывом и с Италией, которая воспользуется этим благоприятным обстоятельством для того, чтобы попробовать захватить австрийские провинции»,— писал Бисмарк еще 29 января 1880 г.[17] Теперь больше, чем когда-либо раньше, бдительное око канцлера должно было быть на страже.

Переписка между Берлином и Веной убеждает нас в том, что Бисмарк готов был идти на некоторые уступки, если бы русское правительство их потребовало. До известного предела активность русской политики на Балканах была залогом спокойствия в Европе и крепости союза трех императоров.

Раздраженный по отношению к России язык его переписки с Кальноки не должен скрывать истинного смысла ее, направленного к тому, чтобы подготовить своего австрийского коллегу к не совсем приятным для него уступкам. Пересылая Рейсу для информации изложение новой беседы Сабурова с Бушем от 25 августа, в которой русский посол уверял Буша, что все влиятельные в Петербурге лица, в том числе и сам император, желают расширить содержание договора, Бисмарк писал 8 сентября 1883 г.[18]: «Наша задача прежде всего состоит в том, чтобы по возможности продолжить существующее соглашение с Россией и ограничить или локализовать ее деятельность. Если же эта задача окажется неосуществимой теперь или в будущем, мне кажется, для нас было бы правильнее не выступать первыми против России, но предоставить свободу ее стремлениям до тех пор, пока она не натолкнется на других более или в такой же мере заинтересованных противников, на активное содействие которых мы едва ли могли бы рассчитывать наверняка, если бы мы добровольно взяли на себя обязанность

[17] «Die Grosse Politik..», Bd. III, N 513, S. 135· cp. ibid., S. 197.
[18] Ibid., N 606.

воздвигнуть преграду русским стремлениям... Граф Кальноки согласится, вероятно, со мной, что когда Россия займет положение, на хребте которого будет лежать тяжесть седмиградских позиций, Австро-Венгрия сможет оказать на нее гораздо большее давление, чем до этого». «Совершенно иное отношение сохраняется до тех пор, пока Россия может выбирать, вести ли ей войну в Болгарии или в Галиции. Поэтому я считаю политически неправильным, если бы мы, т. е. прежде всего Австрия, взяли на себя роль европейского полицейского, удерживающего Россию. Ущерб, который может быть нанесен австро-венгерским интересам вне района Боснии — Сербии, конечно, очень значителен и не может быть терпим как длительное состояние, но он в первую очередь затрагивает Порту, Румынию и Англию. Последняя, вопреки Гладстону, никогда не допустит, чтобы Константинополь и вход в Босфор попали в русские руки и чтобы Малая Азия оказалась зажатой между русской Арменией и русскими позициями на Дарданеллах, которые превратились бы в станцию для вылазок на египетско-индийские морские пути. Англия тем менее может это допустить, что одна она не в состоянии ни выгнать русских из таких позиций, ни обеспечить себе соответствующий эквивалент. Последнее, однако, вполне возможно для Австрии, в особенности в союзе с Германией. Германия, не имея никаких территориальных требований и вожделений, могла бы присоединиться ко всякому соглашению Австрии и России как добрый сосед. Если такое соглашение возможно, в особенности без заговора против султана, то я считаю его в виде соглашения тройственного самым безопасным и самым полезным результатом, какого мы с Австрией можем достичь при нынешнем положении. Если же это не удастся, то мой политический приговор заключается в том, чтобы предоставить России свободно, на свой страх и риск идти своим путем до тех пор, пока другие державы не будут обеспокоены этим и не станут искать нашей поддержки».

В этот же день, 8 сентября, Бисмарк, как бы дополняя свою мысль, писал по поводу ведущихся тогда переговоров о заключении австро-румынского союза[19]: «Наилучшее, что мы могли бы сделать, это, конечно, принять Румынию в союз, однако этим не следует создавать себе препятствия к соглашению с Россией в духе последних сабуровских намеков, а если такое соглашение не удастся, необходимо держать открытыми ворота в Болгарию для русских, чтобы эти последние возбудили против себя те силы, союз с которыми в случае нужды будет для нас вернее обеспечен таким способом, чем при помощи бумаги с подписями»[20].

[19] Ibid., N 585, S. 268.
[20] Что это значит, видно из депеши Сабурова Гирсу от 22 августа (3 сентября) 1883 г. (С. А., 1883). Говоря о болгарских делах с Сабуровым, Буш, конечно, с соизволения, если не по прямому приказанию Бисмарка,

Кальноки как-будто согласился со всеми доводами Бисмарка; многие из них были ему знакомы со времени зальцбургского свидания 31 августа 1883 г.

Он не преминул, однако, указать Бисмарку на то, что и с его точки зрения договор 1881 г. не соответствует больше положению вещей, но не соответствует в смысле, прямо противоположном тому, на что намекает Сабуров. Договор 1881 г. своим острием был направлен против Турции. «Ныне же наоборот,— сказал Кальноки Рейсу,— мы оба согласны, что договор с Россией может быть заключен без заговора против султана». Сабуров же ссылается на Рейхштадтское соглашение, которое было заключено в расчете на развал Турции. Это совершенно несоединимо с теперешними взглядами, предусматривающими сохранение Турции и даже ее участие в войне, если бы таковая была навязана Австрии Россией. Если Бисмарк не разочаровывал сразу русского посла, то ведь это он сделал, как понял Кальноки из беседы в Зальцбурге, для того, чтобы «выманить лису из норы». Он, Кальноки, нисколько не сомневается, что русские будут делать далеко идущие предложения, так как расширение австро-германской лиги мира начинает становиться неудобным для русских, о чем можно судить по известиям, идущим из Константинополя, о деятельности Нелидова. В общем Кальноки считал, что Сабуров несколько переборщил в надежде, быть может, при большем запросе получить половину, а может быть, для того, чтобы выведать из ответа пределы австро-германского союза или союза этих же двух держав с Италией. В заключение австрийский министр замечал, что он все-таки не понимает, в какой форме возможно соглашение с Россией на основе сделанных Сабуровым заявлений.

Бисмарк ответил очень уклончиво. Так как он до сих пор не знает, в какой мере заявления Сабурова являются официальными, и так как не исключена возможность, что Сабуров зондировал не без согласия со стороны своего правительства, то он, Бисмарк, считает, что прерывать эти переговоры слишком рано не следует. Он, Бисмарк, действительно, говорил, что он не согласен вступать в заговор против султана, пока последний ведет себя мирно и дружелюбно, но ведь ни он, ни Кальноки не знают еще замыслов русского правительства по отношению к Турции, а если эти последние направлены на то,

обронил такую фразу: материальные интересы Болгарии «éloigneront ce pays peu à peu de la Russie au point de vue de commerce et de l'industrie: à moins qu'un jour Vous ne dominiez la Bulgarie *directement*, ce qui naturellement changera cette situation». Это подталкивание русского правительства на путь «славных деяний» на Востоке вызвало следующее замечание Сабурова: «J'ai tenu à Vous (т. е. Гирсу.— *С. С.*) rapporter cet épanchement tout intime, parce qu'il prouve due l'idée d'une Bulgarie comme province russe existe à Berlin au nombre des autres éléments d'accord dans la question d'Orient».

чтобы ее разрушение сделать целью союза, то всегда можно отказаться от такого соглашения.

Такова была обычная дипломатическая тактика Бисмарка: давать точный анализ обстановки лишь в пределах уже назревших фактов. Раз русское правительство не раскрывало своих карт и не давало конкретного материала, касающегося расширения базы соглашения, Бисмарк отказывался входить в подробности и давать конкретные ответы на предполагаемые вопросы. И тем не менее все же ясно, что в одном направлении он дал, правда, самый общий, ответ. Его концепт [21] является недвусмысленным ответом на вопрос, поставленный Сабуровым. Бисмарк готов был идти на дальнейшее обсуждение «возможностей», связанных с развалом Турции. Правда, он одновременно старался убедить австрийцев, что такое соглашение не имело практического значения, что оно даже выгодно для Австрии, так как оно переносило на другие державы заботу о том, чтобы поставить преграду русским вожделениям на Востоке. Кого он имел в виду? Турцию, Румынию и Англию, в особенности последнюю. Он хотел, чтобы она в восточных делах всегда шла на одну голову впереди Австрии [22]. Но ведь эти державы выступили бы лишь в случае новой восточной кампании России, если бы эта последняя, не ограничиваясь договором на случай развала Турции, сама попыталась бы нанести ей последний и сокрушительный удар.

Конечно, едва ли Бисмарк мог думать, что русское правительство пустится на такую авантюру, имея у себя за спиной в виде единственной гарантии договор с Германией и Австрией. Вопрос, следовательно, мог идти о разделе Балкан, полном и окончательном, лишь в качестве конечной более или менее «идеальной» цели. Ближайшая цель могла быть более скромной и, может быть, вполне осуществимой, но именно этой-то политической комбинации, лежащей в пределах возможного, и не хотели допустить австрийцы. Кальноки весьма недвусмысленно выразил это, заявив, что расширение базы договора невыгодно для Австрии [23]. В самом деле, какое иное отношение могли вызвать сабуровские планы у австро-венгерского политического деятеля, для которого нынешний status quo был отнюдь не плохим и подавал надежды сделаться лучшим. Прогресс и цивилизация в виде австрийского капитала делали верные успехи на Балканах. Естественный ход вещей — экономический подъем на Балканах, мало-помалу освобождаемых от оков турецкого хозяйничанья, находился в той стадии своего развития, когда он влек новые государства скорее к Западу, чем к Востоку. Хоть Сербия и не добровольно заключила в 1881 г. торговый договор с Австрией, времена, когда тяжесть его оказалась невы-

[21] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 606.
[22] Ibid., N 513.
[23] Ibid., N 610, S. 301.

носимой, были еще далеко впереди. Бисмарк как раз в это время не постеснялся сказать Сабурову о Болгарии следующее: «В этой стране русское правительство делает промах за промахом. В чем заключается ее главный интерес там? В том, чтобы турки туда никогда не вошли. А вместо этого что там делается? Русские министры, окружающие князя Александра, имеют в данный момент общественное мнение против себя. Страной скоро трудно будет управлять. Князь Александр старается сейчас завязать хорошие отношения с султаном, и может случиться, что в один прекрасный день турки войдут в княжество по просьбе самого князя Александра. России невозможно будет не вмешаться, и тогда восточный вопрос снова встанет во всей своей сложности».

Следуя своему правилу «в Болгарии я русский», Бисмарк допускал русское вмешательство по крайней мере в одной половине Балкан в гораздо большей степени, чем это считало желательным австрийское правительство. Делал ли он это для того, чтобы тем скорее и тем вернее изгнать русских с Балкан и облегчить там распространение австрийского влияния? Последующие события дают на это как будто положительный ответ: с 1886 г. Россия ушла с Балкан. Но такое объяснение едва ли верно. Как ни велики были успехи австрийцев на Балканах, трудности, которые они встретили при оккупации Боснии и Герцеговины, растущая оппозиция их влиянию в Сербии ясно указывали, что всякий дальнейший шаг Австрии будет встречать все большее сопротивление и облегчать русским работу, направленную к подрыву австрийского влияния. По мере проникновения Австрии на Балканы шансы дальнейших успехов уменьшались для Австрии в такой же мере, в какой для России увеличивалась возможность вредить австрийцам. Поэтому в 1884 г. позиция России на Балканах при всех промахах ее политики в Болгарии отнюдь не могла казаться столь слабой, какой она оказалась несколько позже. Перед Бисмарком, таким образом, стоял факт неизбежного сожительства на Балканах двух соперников, и эта комбинация во всяком случае не казалась Бисмарку только неизбежным злом. Напротив, пока взоры России были, по его мнению, прикованы к Востоку, пока в России не оставляли надежд на дружеское содействие Берлина в восточных делах, Бисмарк мог быть спокоен за то, что Россия не предпримет никаких неожиданных шагов на Западе, что существующая в России тенденция к союзу с Францией не получит перевеса.

Политика Бисмарка все время колеблется между двух полюсов: он не может допустить австро-русского столкновения, с одной стороны (в таком случае европейская война в широком стиле была бы неизбежна), и, с другой — для него нежелателен уход русских с Балкан, ибо в таком случае для России исчезла бы необходимость австро-русского союза и понизи-

лось бы значение союза с Германией. Слабое место политики Бисмарка, обусловившее его конечную неудачу уже в 1887 г.,— а гарантийный договор был его неудачей, поскольку он не был полной заменой союза трех держав,— заключалось в том, что он принужден был ценить союз с Австро-Венгрией выше, чем союз с Россией, но он мог рассчитывать на крепость союза двух держав лишь при условии сохранения австро-венгерского дуализма, который по своей национальной и классовой природе не желал идти на соглашение с Россией в том виде, в каком его проектировал Бисмарк. Раздел сфер влияния на Балканах имел смысл лишь как начало реального раздела, а этот последний был абсолютно неприемлем для Австро-Венгрии. Господствующие классы Австро-Венгрии не могли ни отказаться от антиславянской политики у себя дома, ни согласиться на риск откровенной борьбы с Россией за влияние на славянские народы Балканского полуострова.

Бисмарк, по-видимому, недооценил австро-мадьярских антиславянских опасений, хотя он все же учитывал значение славянского вопроса. План его — о нем я высказываюсь лишь в виде предположения — и заключался в том, чтобы на худой конец не препятствовать России в ее движении к Константинополю и проливам. Для России, овладевшей проливами, Франция была бы уже не нужна, а при таких условиях Германия могла бы без страха согласиться и на переустройство Австро-Венгрии в духе славянских вожделений. Повторяю, последнее лишь гипотеза. Но все же не раз высказываемые Бисмарком мысли о неблагодарности освобожденных народов вообще, а болгар в частности, делают такую гипотезу весьма правдоподобной.

В тот момент, о котором идет речь, впрочем, вопрос мог идти только о том, чтобы не допустить открытого столкновения двух его союзников. Откровенно стать на сторону Австрии и принять целиком ее программу постепенного ослабления роли России на Востоке — значило для Бисмарка разрушить союз трех императоров. Следовательно, надо было так или иначе показать, что эта политическая комбинация дает нечто и той и другой стороне и в то же время надо было сохранить ее основную роль: держать обе державы в состоянии взаимного антагонизма, повышающего для них цену дружбы с Германией. Другими словами: для Бисмарка уход русских с Балканского полуострова связан был с риском разрыва с Россией, которой больше не нужна была бы дружба Германии. Вот почему в политике Бисмарка мы встречаемся всегда с явным подчеркиванием того факта, что балканские интересы России, действительные или мнимые,— в существо этих интересов Бисмарк особенно не входил, хотя и признавал, что реальным в этих интересах был лишь вопрос о проливах,— признаются им в известном объеме и всегда могут найти в нем поддержку.

Практически, как мы уже не раз видели, эта идея чаще всего облекалась у него в форму раздела сфер влияния на Балканах между Россией и Австрией. Но как раз в этом пункте он и натолкнулся на сопротивление как той, так и другой стороны.

Интересный обмен мнений между Бисмарком и Кальноки не получил дальнейшего развития. Сверх всякого ожидания с русской стороны не последовало никаких официальных предложений в сторону расширения базы союзного договора. В ноябре 1883 г. Гирс побывал в Германии и Австрии, беседовал с Бисмарком и Кальноки и уверил их, что его августейший монарх никаких существенных изменений в договор вносить не намерен. Похоже было на то, что сабуровские намеки, сделанные им в августе в разговоре с Бушем, оказались чистейшим вымыслом. Так ли это было в действительности?

Вспомним, что́ говорил Сабуров Бушу. Сабуров утверждал, что во время его пребывания в Петербурге Александр III подробно обсуждал как с ним, так и с другими влиятельными лицами предстоящее возобновление договора с Германией и Австрией. У него, Сабурова, осталось-де впечатление, что только один Гирс стоит за возобновление договора при всяких условиях, даже в его теперешнем виде. Большинство же остальных «влиятельных лиц» желает внести изменения в смысле, более благоприятном для России. Император будто бы разделял эту точку зрения [24]. Все это — нарочитая ложь. Сам Сабуров, раздосадованный нерешительной политикой Гирса, писал Влангали 5(17) ноября 1883 г. [25], что, будучи в Москве во время коронации, он один против всех не считал возможным возобновить трактат до тех пор, пока «австрийцы и немцы не покажут нам всего того, о чем они между собой сговорились».

Сабуров действовал сразу на два фронта. Бисмарка он уверял в неизбежности расширения договора, русское правительство — в том, что того же самого желает Бисмарк. Каждую общую фразу Бисмарка он истолковывал в этом смысле. Приведенный выше отрывок из его беседы с Бисмарком, где последний, высказываясь о неловкой политике русских в Болгарии, предупреждал русских, что в случае вступления турецких войск в Болгарию и неизбежного засим вмешательства России может снова подняться весь восточный вопрос, Сабуров истолковывал следующим образом. Бисмарк как бы говорил: «Если вы не хотите входить со мной в соглашение, мне остается предоставить событиям течь их естественным ходом; я не буду больше употреблять моего влияния в Константинополе и в Вене в ваших интересах». Это чтение в мыслях показалось подозрительным даже царю. «Да он никогда этого не делал»,— не без иронии заметил Александр III. Сабуров заканчивал свое

---

[24] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 605, S. 292.

[25] Сабуров — Влангали, 5(17) ноября 1883 г.— С. А., 1883.

донесение: «Бисмарк горячо желает возобновления нашего трактата». Александр III заметил: «Сабуров хочет!»— и был вполне прав [26].

Мы не знаем подробно, что произошло во время пребывания Сабурова на коронационных торжествах в России. Вероятнее всего, что он нашел себе единомышленников в лице таких дипломатов, как Нелидов, который тоже был не прочь от «большой политики» в восточном вопросе [27]. Та смелость, с которой Сабуров пошел наперекор политике своего шефа, Гирса, в разговоре с Бушем 25 августа, была совершенно непростительна и свидетельствовала не только о слабости руководства из центра, но и о том, что Сабуров затеял рискованную интригу. По мнению Сабурова, Бисмарку надо бы внушить мысль, что Россия готова возобновить трактат лишь при условии дальнейших уступок. Это надо сделать теперь же, перед свиданием Бисмарка с Кальноки. Обо всем этом Сабуров писал Гирсу, не столько прося инструкций и указаний, сколько в форме простого предупреждения [28].

В какой мере и в это время Александр III был далек от планов Сабурова, показывает его заметка к этому месту депеши Сабурова: «Надо, чтобы Сабуров был весьма осторожен при разговоре». Как показывает донесение Буша, Сабуров такой осторожности не проявил. В своем отчете об этом разговоре он, конечно, оказался чрезвычайно скромным. «Было бы полезно знать,— сказал он будто бы Бушу,— до каких пределов могли бы мы договориться с Австрией» [29]. На это Бисмарк ответил, что он всегда готов употребить все усилия, чтобы поставить на более широкую базу соглашение России с Австрией и получить для этой цели распоряжение своего государя в тот момент, когда Сабуров будет в состоянии сообщить ему основы, на которых его правительство желало бы войти в такое соглашение [30]. Доводя об этом до сведения Гирса, Сабуров просил выслать ему копию текста Рейхштадтского соглашения. Зачем это ему понадобилось, видно из донесения Буша от 25 августа. Он намекал Бушу, что расширение базы договора возможно именно в духе этого соглашения, построенного в расчете на окончательный развал Турции.

---

[26] Сабуров — Гирсу, 17(29) апреля 1883 г.— С. А., 1883.

[27] Гирс — Сабурову, 14(26) февраля 1883 г.— С. А., 1883; ср. «Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 288, 289 и особенно S. 322.

[28] Сабуров — Гирсу, 9(21) августа 1883 г.— С. А., 1883. Свидание, о котором говорил Сабуров, состоялось в Зальцбурге 31 августа 1883 г.

[29] Сабуров — Гирсу, 14(26) августа 1883 г.— С. А., 1883. Буш относит этот разговор к 25 августа.

[30] Сабуров — Гирсу, 22 августа (3 сентября) 1883 г. С. А., 1883: «Le Pr. de Bismarck m'a fait répondre qu'il serait toujours disposé à employer les efforts pour amener une entente entre l'Autriche et nous sur les bases plus larges; et à demander à ce sujet les ordres de son souverain le jour où je serais en mésure de lui communiquer les bases sur lesquelles mon Gouvernement désirerait s'entendre».

Беспокойная деятельность зарвавшегося дипломата начинала надоедать. Александр III написал на донесении его от 22 августа (3 сентября): «Я полагаю, что когда Вы (т. е. Гирс. - *С. С.*) поедете за границу, то воспользоваться (sic!— *С. С.*) этим случаем, чтобы самому переговорить с Бисмарком и Кальноки о нашем секретном договоре и о тех переменах, которые мы желаем». Несколько ниже, против того места, где Сабуров просил прислать текст Рейхштадтского соглашения, Александр III написал: «Если вы находите это возможным, то можно». Эта приписка зачеркнута рукой самого царя, и, конечно, не случайно. Сабуровская политика потерпела крушение. «Император,— говорил Швейницу с воодушевлением Гирс,— избавился от некоторых ложных взглядов; он вполне твердо убежден, что искренняя дружба с Германией должна быть основанием его политики, и вот, посмотрите, что пишет Катков и в какой мере он отбрасывает от себя мысль о каком-либо союзе с Францией»,— добавил он, положив перед Швейницем номер «Московских ведомостей» [31]. Свидание с Гирсом 13 ноября 1883 г. (н. ст.) совершенно успокоило Бисмарка. Гирс отверг все сабуровские домыслы, заявив, что они относятся к области басен [32]. Единственное изменение — на нем он тоже не очень настаивал — свелось к удалению пункта 3-го первого параграфа [33]. Это был результат сабуровских инсинуаций. Сабуров доказывал, что Бисмарк постарается воспользоваться договором, чтобы напасть на Францию [34]. Гирс даже высказал Бисмарку пожелание заключить договор не на 3, а на 6 лет, но впоследствии отказался от этого и в беседе с Кальноки (он был в Вене с 19 по 21 января 1884 г.) заявил, что это лишь его собственная идея, относительно которой он не знает, одобрит ли ее царь или нет [35]. Вообще в это время он проявлял некоторую нервозность и неуверенность. Русский посол в Вене, князь Лобанов-Ростовский, объяснял это Кальноки тем, что Гирс получил в это время из Петербурга известия [36], что Сабуров нажимал там на все рычаги, чтобы дискредитировать его политику в глазах царя. Сабурова и на этот раз постигла неудача [37]. Отставка его была уже решенным делом.

27 января 1884 г. Герберт Бисмарк писал отцу из Петербурга, что вопрос о перемещении послов близок к решению. По его мнению, однако, Гирс не решится на полную отставку Сабурова, так как последний может примкнуть к игнатьевской партии и выдать ей содержание тайного договора, который, как и всякое соглашение с Австрией, должен быть в высшей степени непопулярным среди панславистов. Пока обстоятельства казались Герберту Бисмарку благоприятными. Гирс был в «радужном настроении» и вполне уверен в царе. Впечатления Бисмарка-сына относительно русско-германских отношений были таковы: «С нами вдвоем здесь в настоящий момент большинство, если не все, готово идти на любое соглашение, но за счет Австрии и при условии, что мы ее бросим». Панславистская агитация внедрила в горячие головы идею, что Прага и Константинополь — истинные цели русской политики. Гирс ему сказал: «Эти панславистские революционеры такие же враги для нас, как и для вас. Но мы должны стать против революции и, следовательно, стремиться к самому тесному сближению с самой крепкой в свете монархией, т. е. с Германией. Мы можем иметь дело только с монархиями. Связаться с бандой, вроде Греви, Клемансо, Флоке и тому подобными канальями, было бы для нас равносильно самоубийству».

12 февраля 1884 г. тот же Герберт Бисмарк писал, что и Гирс и император сияют. Когда император согласился парафировать договор, протестант Гирс непроизвольно перекрестился. «Что ты там делаешь?» — спросил его изумленный царь. Гирс ответил: «Ваше Величество, я благодарю бога за этот счастливый акт». Император дружески пожал ему руку. Договор на новое трехлетие был подписан в Берлине 27 марта (н. ст.).

Значение возобновленного на следующее трехлетие союзного договора между тремя империями совершенно понятно, когда дело идет о Германии или Австрии. Спрашивается, зачем он нужен был русскому правительству? Международная обстановка в 1884 г. была несравненно благоприятнее для России, чем в 1879 г. С результатами Берлинского конгресса не только примирились, но даже стали считать их совсем не плохими и в некоторых отношениях, как, например, в вопросе о соединении Болгарии с Восточной Румелией, начинали сомневаться, действительно ли это соединение лежит в интересах русской политики. Отношения с Англией значительно улучшились. Наоборот, австро-русские отношения оставляли желать лучшего. Союз между этими державами держался только на династиях и прави-

[31] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 607, S. 296.
[32] Ibid., N 611.
[33] «§ 1. Alinéa 3. Pour le cas spécial où l'une d'Elles (de trois parties contractantes) obtiendrait de l'un de ses deux alliés un concours plus positif, la valeur obligatoire du présent article restera dans toute la vigueur pour la troisième» (нейтралитет).
[34] «Aussi longtemps que ce Traité existe la France est à la merci de l'Allemagne»,— писал Сабуров еще 12(24) февраля 1883 г. (С. А., 1883). Германия, уверенная в том, что мы возобновим договор, «будет думать о том, чтобы воспользоваться новым возобновлением трактата и рассчитаться с Францией, пока мы этим трактатом будем связаны». См. письмо Сабурова Влангали от 5(17) ноября 1883 г.— С. А., 1883; см. также: «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 615, S. 313; N 616, S. 315; N 691, S. 320.
[35] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 615.
[36] От Влангали — см. «Die Grosse Politik...» Bd. III, N 627, S. 330.

[37] Его «интрига», уверял впоследствии Швейниц, вообще не была так серьезна, как думали, например, в Вене под влиянием неуверенности, проявленной Гирсом при свидании с Кальноки (см. «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 627, S. 329).

тельствах. Более широкой основы он не имел. Но и в отношениях между правительствами не все обстояло благополучно. Не говоря уже о влиянии общественных настроений, разжигавших ненависть с одной и с другой стороны, союз, в особенности для русских, мало-помалу терял свой смысл в силу изменения реальных задач русской политики. Если со стороны австрийской династии и австро-венгерского правительства желание поддерживать, вопреки волнам газетной травли и общественной ненависти, хорошие отношения с Россией были понятны — они давали Австро-Венгрии уверенность, что ничего экстраординарного без их ведома Россия на Балканах не предпримет,— то в чем мог заключаться смысл союза с Австрией для России? При обстановке, создавшейся после водворения Австрии на Балканах, и провале русской политики в Болгарии он почти потерял свое значение.

Картина была настолько ясна, что даже такой незатейливый дипломат, как Швейниц, писал в 1884 г.: «Дух независимости, пробужденный в жителях Болгарии и Румелии, и отсутствие географической и экономической связи, вроде той, какая связывает Сербию с Австро-Венгрией, будут препятствовать тому, чтобы русская супрематия в этих землях была превалирующей и длительной [38]. После восстановления Тырновской конституции это было ясно и для русского правительства. Соединение Болгарии с Восточной Румелией, выдвинутое русским правительством во время заключения союза трех императоров, теперь уже не казалось нужным. Но слабело значение и других целей союза. Тревога, вызывавшаяся в 1878—1879 гг. возможным распадом Турции, падала по мере того, как этот распад отодвигался в отдаленное будущее. Неплохи были и русско-английские отношения; во всяком случае страх перед захватом Англией проливов постепенно рассеивался. Реальность тех интересов, ради которых союз был желателен в 1879—1881 гг., бледнела, оставался лишь антагонизм, подогреваемый инстинктом самосохранения господствующих классов. Если тем не менее русское правительство шло на союз, то эта политика его коренилась в «монархическом инстинкте» [39] династии, в тайном намерении если не расколоть австро-германский союз, то по крайней мере быть в нем третьим, мешающим чересчур большой близости двух союзников. Она, наконец, объясняется сильно потускневшей на-

[38] «Die Grosse Politik...», Bd. III, S. 350—351.

[39] Гирс сказал Герберту Бисмарку 24 мая 1884 г.: «Vous savez que nous ne
portons pas dans notre coeur l'Autriche, il y a trop de pierres d'achoppe-
ment et de différences de vues entre nous, surtout pour le polonisme et le
catholicisme. l'Empereur n'a pas de sympathie pour les Autrichiens, nous
nous n'arrangeons avec eux que pour des raisons politiques. Cependant
l'Empereur m'a dit avant-hier: «Le prince Guillaume s'est très bien experimé,
il nous faut un lieu d'amitié et une entente à trois pour combattre les flots
de l'anarchie»» («Die Grosse Politik...», Bd. III, N 633, S. 341).

деждой на помощь, которую все еще склонны были ждать от скрепленной столетием дружбы двух восточных монархий, России и Германии. Все это были достаточно легковесные факторы, не устранявшие реальной слабости политической связи. Бисмарк понял опасность. Надо было показать русским, что союз имеет практическое значение; надо было подогреть падающую энергию русских, надо было снова укрепить то взаимное положение двух соперников на Балканах, при котором каждый из них не терял бы надежды на помощь Германии против другого.

Для Бисмарка легкость, с которой Россия пошла на возобновление союза трех императоров без всяких изменений в договоре, была отнюдь не хорошим симптомом. Признаки недоверия Александра III к нему были налицо [40], плохо скрываемое раздражение царя в отношении австрийцев прорывалось даже в официальных разговорах [41]. Легко могла прийти мысль, что договор потому и возобновляют, что не придают ему особенного значения и в то же время не желают официально его разрывать из опасений вызвать подозрения. Предосторожности во всяком случае были нелишни.

Весной 1884 г. в Петербург снарядили принца Вильгельма (будущего императора Вильгельма II) в подкрепление монархической солидарности, и почти одновременно с этим Бисмарк по собственному почину снова выдвинул мысль о разграничении сфер влияния на Балканах между Австрией и Россией. Таким образом, Сабуров ошибался лишь относительно содержания тех «уступок», на которые Бисмарк готов был идти и пошел бы в интересах своей собственной политики. Были и другие причины, почему Бисмарк считал нужным возобновить разговоры о «разграничительной линии». Если у русских падал интерес к Балканам, то, наоборот, австрийцы были крайне встревожены последними событиями в той части Балкан, которую они считали безусловно своей.

Восстание, поднятое русофилами-радикалами в Зайчарском округе в 1883 г., было явно направлено против австрийской креатуры, короля Милана, и шло под лозунгом «национального» движения. Сербская буржуазия, собравшаяся под знамя радикальной партии, была настроена явно против Австрии и навязанного ею Сербии торгового договора. Сербские националисты, как ни велики были их разочарования в России после русско-турецкой войны — Россия сделала ставку на Болгарию и покинула Сербию на произвол Австрии,— продолжали всячески поддерживать русофильские настроения в расчете на помощь России против Австрии. Они не боялись вмешательства русского абсолютизма в их дела. Россия слишком далека для того,

[40] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 624.

[41] Швейниц — Бисмарку, 9 марта 1884 г. («Die Grosse Politik...», Bd. III, N 628).

чтобы производить в Сербии эксперименты, но угроза Австрии русской дружбой была небесполезной. Русские агенты панславизма находили здесь поэтому очень благоприятную почву.

В январе 1884 г. Кальноки даже зондировал в Берлине почву насчет военного похода в Сербию[42], но Австрия претендовала также и на то, чтобы ее материальные интересы в Болгарии были признаны Россией. Таким образом, экономически явно наступательная политика Австрии вызывала опасность такого «подогревания русских интересов» на Балканах, которое меньше всего входило в планы Бисмарка, ибо она могла кончиться не только разрушением союза трех императоров, но и австро-русским столкновением.

Подводя 5 сентября 1884 г., по поручению канцлера, итоги русско-австрийским отношениям в первые три года существования союза, Лотар Бухер приходил к самым неутешительным выводам[43]: «Не нужно закрывать глаза на то, что как с русской, так и с австрийской стороны было много нарушений против постановлений 1—5 протокола, содержащих практическое применение § 2 союзного договора (постановления, касающиеся восточного вопроса)». Австрийцы склонны объяснять все продолжающиеся революционные движения в Сербии махинациями официальных представителей России в Белграде. Но если всем этим русские показывают, что они недостаточно считаются с австрийской сферой интересов, то и граф Кальноки был далек от смысла союзного договора, когда он в январе 1884 г. высказывал намерение вторгнуться в Сербию в случае продолжения в ней революционного замешательства. Отношения русских и австрийских официальных агентов друг к другу в Сербии и Болгарии всегда резко враждебны. Во время последнего сербско-болгарского конфликта (пограничный конфликт летом 1884 г.) лишь вмешательство германского представителя привело к соглашению. То же самое и в Болгарии. В теории — согласие, на практике — ожесточенное соперничество. Венский кабинет совершенно забывает, что Болгария является сферой русских интересов, жалуется, что русское правительство стремится к русификации Болгарии и подкапывается под князя Александра.

Бисмарк, несколько встревоженный излишним, как ему казалось, заступничеством Австрии за неудачливого болгарского князя, решил выяснить вопрос о возможности конкретного соглашения между Россией и Австрией в форме разграничения сфер их интересов на Балканах. 17 июня он писал Рейсу в Вену[44], что проведение разграничительной линии ему кажется несомненно возможным. Он просил затронуть эту тему в разговоре с Кальноки и намеревался сделать то же самое и в отношении русских. «До тех пор, пока не удастся прийти к положительному соглашению относительно будущего, лозунги сохранения мира и монархической солидарности будут лишь паллиативами, а беспокойства насчет непрочности будущего Европы останутся теми же, что и теперь. Если вообще возможно найти такую границу, которая оказалась бы в данный момент приемлемой и в Вене и в Петербурге, то у меня нет никакого сомнения насчет того, что Россию можно будет заставить ее соблюдать. Я боюсь только, что как там, так и здесь не теряют надежды по возможности взять все». В заключение Бисмарк считал желательным поднять этот вопрос, устроив для этой цели совещание монархов. Ответ Кальноки представляет для нас исключительный интерес; он показывает, что, несмотря на постоянные жалобы австрийцев на козни русских, все же именно они, а не русские были в это время на Балканах наступающей стороной. Кальноки не допускал никакого разграничения и боялся, что признание за русскими прав на влияние хотя бы в одной части полуострова равносильно передаче русским carte blanche на весь полуостров. Спекулируя на русской опасности, Кальноки, таким образом, добивался от Бисмарка молчаливого согласия на полное изгнание русских с Балкан.

На запрос Бисмарка, почему его беспокоит судьба Александра Болгарского, Кальноки отвечал, что ни он, ни австрийское правительство не заинтересованы персонально в судьбе болгарского князя — им важно сохранение устойчивости. «Устойчивость — не в лицах, а в отделении австрийской сферы от русской»,— заметил на полях Бисмарк. Но именно в этом пункте Кальноки и не желал давать безусловного согласия. Положение, из которого исходил Бисмарк, что соглашение трех империй покоится на том, что Россия предоставляет Австрии свободу действий в Боснии и Сербии, а Австрия России — в Болгарии, Кальноки не считал полностью приемлемым. «Это ново для меня»,— заметил Бисмарк. Кальноки объяснял дальше, почему он не может безусловно согласиться на раздел влияний. Австрия совсем не хочет выходить за пределы, установленные в то время, когда она дала России свое согласие на соединение Болгарии с Восточной Румелией, и никаких более широких целей вообще себе не ставит[45]. А ведь согласие было дано, напоминал Кальноки Бисмарку, совсем не потому, что Австрия допускала превращение Болгарии в русскую провинцию; наоборот, она надеялась и ожидала, что такое соединение усилит болгарский элемент. Для Австрии согласиться на раздел в том виде, как его предлагает Бисмарк, означало бы дать России carte blanche на весь Балканский полуостров. («Совсем нет», отметил в примечании Бисмарк.) Этим был бы

[42] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 644, S. 367.
[43] Ibidem.
[44] Ibid., N 637, S. 348.

[45] См. такое же категоричное заявление Франца-Иосифа («Die Grosse Politik», Bd. III, N 642, S. 362).

сделан первый шаг к созданию великого славянского государства в духе Сан-Стефанского договора, против которого так решительно боролся граф Андраши. В примечании к этому месту Бисмарк уличал Кальноки в непоследовательности. Чем больше будет такое славянское государство, тем в большей степени оно будет антирусским. Но если Кальноки вообще боится крупного славянского государства, то не следовало бы соглашаться и на соединение Болгарии и Восточной Румелии. Австрия, продолжал доказывать Кальноки, должна бороться против «славянского кольца» и поэтому не может совершенно отказываться от некоторого влияния в Болгарии. Окружение Австрии славянами обязательно произойдет, если обе Болгарии[46] превратятся в русские провинции. Огромная масса балканского славянства увидит в этом знак того, что славянское дело пришло в движение. Опираясь, с одной стороны, на весьма ненадежную (для Австрии) Черногорию, а с другой — на Россию, славяне охватят Австрию полукольцом, затруднят ей обладание Боснией, отрежут ее от Турции, которая окажется брошенной на произвол судьбы.

Кальноки сомневался, чтобы такие перспективы были приемлемы для Германии, которая еще недавно смотрела на Турцию как на один из важных факторов в случае осложнений русско-германских отношений. С другой стороны, уничтожение всякого влияния Австрии в Болгарии повредит ее материальным интересам («hic haeret!».— примечание Бисмарка). Можно привести немало примеров, что как раз тогда, когда Австрия политически стушевывалась, русские сейчас же пользовались этим, чтобы нанести ущерб австрийским интересам, например в железнодорожном вопросе. Подобная политика была бы очень болезненно воспринята в обеих половинах империи и для австрийского министра недопустима. Вообще, он, министр, не понимает, как можно провести эту линию. Неразвитые государства Балканского полуострова доступны всякой интриге, в особенности панславистской, апостолы которой ведут свою агитацию, не считаясь с линией разграничения. Таково, например, положение в Сербии. Эта страна вошла в сферу влияния Австрии совсем не в результате соглашений с Россией, а благодаря стараниям австрийской политики и по воле ее короля. Тем не менее русские махинации там не прекращаются. Если радикалам удастся в один прекрасный момент при помощи револьвера устранить австрофильского короля, то немедленно вынырнет господин Ристич со своими русофильскими единомышленниками. И все это в сфере австрийского влияния.

Кальноки согласен предоставить Болгарию русским, поскольку этим не нарушаются интересы других, и в силу этого он не намерен отказываться от справедливого влияния в ней Австрии. Такая политика неизбежна для австро-венгерского министра иностранных дел, в особенности если принять во внимание венгерские требования. Его и так Тиса обвиняет в излишней уступчивости к России. Он согласен с Бисмарком, что потакать венгерскому шовинизму не следует, но он не может идти против венгров в тех случаях, когда замешаны их материальные интересы. В заключение Кальноки изъявил готовность продолжать дальше обсуждение затронутого вопроса. «Я не хочу»,— написал в конце донесения Рейса Бисмарк. Для него стало ясно, что его предложение не было принято.

[46] Т. е. Болгария и Восточная Румелия.

Раздел сфер влияния на Балканах был возможен только в том случае, если бы Австро-Венгрия отважилась на дальнейшее продвижение. В самом деле, как и при каких условиях могла она допустить окончательное внедрение русских в Болгарии? А ведь с этого и должно было начаться «проведение» знаменитой линии. Ясно, что лишь в случае предоставления ей таких же прав в другой части Балкан, прежде всего в Сербии. Но мы уже видели, что всякое новое увеличение славянских подданных, да еще таких, как сербы, т. е. подданных, вкусивших от плода самостоятельного существования, грозило Австрии и в особенности Венгрии неисчислимыми последствиями. Наоборот, сохранение Сербии, при условии ее экономического подчинения Австрии, гарантированного королем Миланом, могло казаться наилучшей комбинацией, ибо оно предохраняло Австрию от внутренних кризисов и перестроек и давало ей возможность экономически преуспевать на всем Балканском полуострове, не исключая и Болгарии. Предлагаемый Бисмарком дележ не давал ей никаких преимуществ. Он прежде всего ухудшал ее экономическое положение в Болгарии, он навсегда лишал ее надежды увидеть в один прекрасный день удаление русских из Болгарии. Он, одним словом, ставил под сомнение намечавшийся, казалось, естественным ходом вещей разрыв «славянского кольца». А надежды на изгнание русских из Болгарии имелись и, как мы видим, были построены на весьма дальновидных расчетах. Поскольку в Болгарии дело шло об укреплении самостоятельности этого нового государства, Австрия, как союзница России и вместе с тем держава, не претендовавшая на захват власти, могла казаться там благодетельницей. Другое дело в Сербии, где уже начинали чувствоваться «блага цивилизации».

Итак, чем сильнее был напор России в Болгарию, Австрии в Сербию, тем прочнее росло в них тяготение в противоположном направлении — обстоятельство, способствовавшее тем политическим махинациям двух великих держав на Балканах, которые крайне обостряли их взаимоотношения.

Опыт, полученный Бисмарком из его переговоров с Кальноки, был достаточен для того, чтобы не давать дальнейшего хода своим попыткам. Несмотря на то что Швейниц, ознако-

мившийся с инструкцией Бисмарка Рейсу от 17 июня[47], доносил, что, по его мнению, русские пойдут на предлагаемый Бисмарком раздел[48], ответ Кальноки был настолько решителен, что Бисмарк не счел возможным задать в Петербурге вопрос о разграничительной линии. Впрочем, мы едва ли можем сомневаться насчет ответа, какой он мог получить из Петербурга. Сабуровская политика шла в том же направлении. Вопрос о разделе сфер влияния, как помнят читатели, был поставлен в самом начале царствования Александра III и натолкнулся на решительное сопротивление царя. Отдавать Сербию во власть Австрии считали абсолютно недопустимым. У царя еще очень сильны были славянские симпатии, прочно осевшие в его представлении от эпохи русско-турецкой войны. Таким образом, налицо как будто оказалось как раз то, чего Бисмарк боялся больше всего: ни та ни другая сторона не теряла надежды получить все.

Действительность была несколько иной. Австрии и России просто нечего было делить на Балканах. Дуализм лишил австрийскую монархию дальнейшей поглощательной способности, а «национальные фрагменты» на Балканах выросли уже из тех пределов, когда они могли быть объектами всевозможных разделов и перекраиваний. Экономически важные для Австрии как рынок Балканы в силу своей славянской природы висели угрозой над бытием дуалистической Австро-Венгрии, и эта угроза с течением времени не только не уменьшалась, но, можно сказать, росла пропорционально успехам австрийского капитала на Востоке. Способствуя экономическому развитию славянских государств, Австрия вскармливала силы того самого славянского национализма, который должен был в первую очередь обратиться именно против нее. В этом исторически неизбежном и предопределенном объективными условиями капиталистического развития XIX в. ходе вещей черпала свою силу антиавстрийская, национально-славянская пропаганда, за которой немцам и венграм вечно мерещился призрак панславизма, а русское правительство не желало отказываться от этого вкладываемого в его руки самой историей страшного оружия против своей обреченной соперницы. Именно это и обусловило неудачу планов предполагаемого Бисмарком раздела.

Конгресс трех императоров, о котором хлопотал Бисмарк, т. е. свидание в Скерневицах 15—17 сентября (н. ст.) 1884 г., никаких изменений не внес. Он, правда, несколько разрядил атмосферу, сгустившуюся над австро-русскими отношениями. Еще до того как оно имело место, Кальноки посетил Бисмарка, чтобы, как предполагал Бисмарк, поведать Австрии и всему свету, что тесные отношения между Австрией и Германией про-

[47] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 637.
[48] Ibid., N 638, S. 351.

должают существовать, а также чтобы убедиться, что между Россией и Германией нет никаких тайных соглашений, которые могли бы ошеломить Австрию во время предстоящего свидания трех монархов в Польше. Бисмарк снова пытался убедить Кальноки в необходимости фактически придерживаться линии разграничения австрийских и русских интересов. Теперь он старался показать, что такое разграничение вытекает из уже существующих трактатов. Он упирал на то, что Россия ведет себя сдержанно в Сербии, тогда как Австрия в Болгарии не соблюдает меры. С этим Кальноки легко согласился. Он предостерегал лишь против далеко идущих планов, спекулирующих на возможном развале Турции, вроде предлагавшихся в свое время Сабуровым. Но все это было сказано лишь на худой конец и, конечно, не могло стереть того впечатления, которое осталось у Бисмарка от донесений Рейса о первых двух его беседах с Кальноки насчет злополучной черты.

Австро-русские отношения были такого рода, что устранить опасную сторону их соперничества на Балканах[49] оказалось совершенно невозможным. Это должны были признать и сами немцы, несмотря на больше чем удовлетворительный исход скерневицкого свидания[50]. За первым крупным кризисом на Балканах последовал разрыв австро-русской дружбы, унесший с собою, и на этот раз навсегда, идею союза трех императоров.

[49] Ibid., N 643.
[50] Ibid., N 644.

Источники

Архивные материалы

Использованные мною неопубликованные дипломатические источники принадлежат к следующим фондам Архива российского министерства иностранных дел:

1) Секретный архив министра за 1879—1888 гг. (С. А.)
2) Архив канцелярии министра (А.К.М.):
   а) папки Vienne, 1879—1888, папки I, II, III, IV, V и т. д., донесения из Вены и экспедиции в Вену;
   б) папки Berlin, I—V и т. д., то же за те же годы;
   в) папки Copenhague, I—II, то же за 1883, 1885, 1886 гг.;
   г) папки Constantinople, I—IV, то же за 1882—1883 гг.;
   д) папки Sofia, I—IV, то же за 1879—1886 гг.;
   е) папки Cettigné, I—II, то же за 1882—1883 гг.;
   ж) папки Belgrad, I—III, то же за 1883 г.
3) Архив Азиатского департамента (О. А.) (Общий архив):
   а) папки Sofia, I—IV, с 1879 по 1886 г.;
   б) папки Cettigné, I—II, за 1882, 1883 гг.;
   в) папки Belgrad, I—II, за 1883 г.
4) Главный архив:
   а) папки, относящиеся к железнодорожному вопросу на Балканах;
   б) папки, относящиеся к делам Дунайской комиссии.

Кроме этих фондов мною использованы папки с газетными вырезками по Азиатскому департаменту и папки газетных резюме и вырезок, подававшихся для прочтения Александру III, с интересными иногда замечаниями царя на полях. Наконец, мною использованы папки так называемых дешифрантов, т. е. телеграмм иностранных послов в России своим правительствам, систематически дешифрировавшихся большими специалистами этого дела, служившими при министерстве. Последние, впрочем, дали мне сравнительно немного. Печатные источники указаны ниже.

Опубликованные источники

Ключников Ю. В. и *Сабанин А.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. I. M., 1925.
«Русско-германские отношения 1873—1914».— «Красный архив», т. I. M., 1922.
Amtliche Aktenstücke zur Geschichte der europäischen Politik 1885—1914
(Die belgische Dokumente zur Vorgeschichte des Weltkrieges). Vollstän-
dige Ausgabe der vom deutschen Auswärtigen Amt herausgegebenen dip-
lomatischen Urkunden aus den belgischen Staatsarchiven. Im Auftrage
des Auswärtigen Amtes. Herausgegeben von Bernhard Schwertfeger. Bd.
I—V mit 2 Ergänzungsbände und 2 Kommentarbände. Berlin, 1925, Bd. I.
Revansche-Idee und Panslawismus 1885—1893. Kommentarband I.
Russo-British Relations during the Eastern Crisis. Unprinted Documents (Ar-
chives of the Russian Embassy in London), ed. R. W. Seton-Watson.—
«The Slavonic Review», Dec. 1924— Dec. 1927.

Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Im Auftrage des Auswärtigen Amtes herausgegeben von Johannes Lepsius, Albrecht Mendelssohn Bartholdy, Friedrich Thimme, Bd. I—VII. 3. Aufl. Berlin, 1926—1927.
Das Staatsarchiv. Sammlung der offiziellen Aktenstücke zur Geschichte der Gegenwart, Bd. I — XLV. Hamburg, 1861—1886.

Аксаков И. С. Славянский вопрос, 1860—1886. М., 1886.
Анучин Д. Г. Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877—1878 гг.— «Русская старина», 1895, февраль — май, август — декабрь.
Валуев П. А. Дневник 1877—1884. Пг., 1919.
Витте С. Ю. Воспоминания, т. III. Л., 1924.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. СПб., 1889.
Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1875—1887 гг. М., 1898.
Ламздорф В. Н. Дневник (1886—1890). М.— Л., 1926.
Паренсов П. Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. ч. IV—V. СПб., 1908.
Bismarck Otto von. Gedanken und Erinnerungen, Bd. I—II. Stuttgart, 1898.
Bismarck Otto von. Die Politische Reden, Bd. 1—14. Hrsg. H. Kohl, Stuttgart, 1892—1905.
Bismarck Otto von. Die gesammelten Werke, Bd. VIII. Hrsg. Willy Andreas. Berlin, 1926.
Bismarck-Jahrbuch. 1894—1899. Bd. I—IV. Hrsg. v. H. Kohl. Berlin — Leipzig, 1894—1899.
Brauer Alexander, Marcks Erich und *Müller Karl.* Erinnerungen an Bismarck. 6. Aufl. Stuttgart, 1924.
Busch Moritz. Tagebuchblätter, Bd. I—III. Leipzig, 1899.
Eckardt Julius. Aus der petersburger Gesellschaft. 2 Aufl. Leipzig, 1874.
Eckardt Julius. Berlin und St. Petersburg. Preussische Beiträge zur Geschichte der russisch-deutsche Beziehungen. Leipzig, 1880.
Eckardstein Hermann. Lebenserinnerungen und Politische Denkwürdigkeiten, Bd. I—II. Leipzig, 1919—1920.
Eckardstein Hermann. Die Isolierung Deutschlands. (III. Band der Lebenserinnerungen und Politischen Denkwürdigkeiten). Leipzig, 1921.
Hohenlohe-Schillingsfürst, Chlodwig. Denkwürdigkeiten, Bd. I—II. Stuttgart und Leipzig, 1907.
Koch Adolf. Fürst Alexander von Bulgarien. Mittheilungen aus seinem Leben und seiner Regierung. Nach persönlichen Erinnerungen von Adolf Koch. Darmstadt, 1887.
Klemm Max. Was sagt Bismark dazu? Ein Wegweiser durch Bismarcks Geistes- und Gedankenwelt, Bd. I—II. Berlin, 1924.
Lichnowsky Karl Max. Auf den Wege zum Abgrund. Londoner Bericht Erinnerungen und sonstige Schriften, Bd. I. Dresden, 1927.
Lucius von Ballhausen. Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart und Berlin, 1921.
Masaryk Tomáš Garrique. Palacky's Idee des böhmischen Volkes. Prag, 1898.
Mijatovich Chedomille. The Memoirs of a Balkan Diplomatist. London, 1917.
Mittnacht Hermann. Erinnerungen an Bismarck. Bd. I—II. Stuttgart, 1904—1905.
O. K. [Olga Novikoff]. Skobeleff and the Slavonic Cause. London, 1883.
Oesterreich's Handelsinteressen im Orient. Statistische Beiträge, bearb. v. «Industriellen Club». Wien, 1878.
Palacký František. Oesterreich's Staatsidee. Prag, 1866.
Poschinger Heinrich. Fürst Bismarck und die Diplomaten, 1852—1890. Hamburg, 1900.
Pribram Alfred Francis. Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns. 1879—1914, Bd. I. Wien und Leipzig, 1920.

Pribram Alfred Francis. Zwei Gespräche des Fürsten Bismarck mit Kronprinz Rudolf von Oesterreich.— «Oesterreichische Rundschau», 1921.

Queillé Euméne. Les commencements de l'indépendance bulgare et le Prince Alexandre. Souvenirs d'un français de Sofia. Paris, 1910.

Radowitz I. M. von. Aufzeichnungen und Erinnerungen, Bd. I—II. Berlin und Leipzig, 1925.

Rudolf Kronprinz. Politische Briefe an einen Freund, 1882—1889. Wien, 1922.

Sabourof P. Russie, France, Allemagne (1870—1880).— «La Revue de Paris», 19e Année, N 6, 15 Mars 1912.

Schweinitz Hans Lothar von. Denkwürdigkeiten, Bd. I—II. Berlin, 1927.

Simpson I. Y. Russo-German Relations and the Saburoff Memoirs.— «The Nineteenth Century and After», vol. 82, N 490, December 1917; vol. 83, N 491, January 1918.

Valentin Veit. Neues über die Vorgeschichte des Rückversichtigungsvertrags. Eine Aufzeichnung des Botschafters General v. Schweinitz.— «Zeitschrift für Politik», Bd. XII. Berlin, 1923.

Waldersee Alfred Graf von. Denkwürdigkeiten, Bd. I—III. Stuttgart und Berlin, 1923—1925.

Указатель имен *

* Курсивом выделены страницы, где данное имя встречается только в примечаниях.

Оглавление

КНИГА ВТОРАЯ

Сергей Данилович Сказкин

Конец австро-русско-германского союза

Утверждено к печати
Отделением истории Академии наук СССР

Редактор *Ю. Р. Ульянов*
Редактор издательства *Ю. И. Хаинсон*
Художник *С. С. Верховский*
Художественный редактор *Ю. П. Трапаков*
Технический редактор *Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 4/II-1974 г.
Подписано к печати 21/III-1974 г.
Формат 60×90$^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 18,7.
Тираж 2100. Т-06501. Бумага типографская № 1.
Тип. зак. 151

Цена 1 р. 25 к.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

в Болгарии. Это заявление, повидимому, подействовало на бравого революционера. «Через несколько дней,—писал Кояндер,—Правица снова зашел ко мне и заявил, что он отказывается от освобождения своей родины, но просил дать хотя бы 100 франков для некоторых его соотечественников, находящихся в крайне бедственном положении».

Визитная карточка И. С. Аксакова с его собственноручной рекомендацией приложена к донесению.

Глава II.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА В БОЛГАРИИ В 1881—84 г.г. И СОЮЗ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ.— ПЕРЕВОРОТ 1881 г. В БОЛГАРИИ. — МИНИСТЕРСТВО РУССКИХ ГЕНЕРАЛОВ.— ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТЫРНОВСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.

Мы приступаем теперь к тому периоду в истории взаимоотношений трех восточных монархов-союзников, которому суждено было увидеть конец их монархической солидарности, столь усердно подогреваемой и охраняемой Бисмарком.

Дальнейшее изложение требует нескольких предварительных замечаний. Мы здесь отнюдь не собираемся писать истории балканского кризиса 1879—87 г.г. во всех его подробностях. Такая задача была бы просто не под-силу одному исследователю. «Болгарские дела» в истории русской внешней политики—чрезвычайно сложная задача и требуют совершенно самостоятельных исследований не только в архиве бывш. М. И. Д., но и обязательно в архивах военном и синодальном. Еще до сих пор не могут быть установлены даже отдельные факты этой истории. Разнообразные влияния, шедшие часто из источников, которые не имели никакого отношения к русскому дипломатическому ведомству и которые, однако, оказывали сильное влияние на политику русских дипломатических агентов в Болгарии, еще до сих пор не могут быть определены с необходимой для истории полнотой. Мы, конечно, знаем теперь, после войны 1914—18 г.г., несравненно больше, чем знал историк, которому принадлежит первый блестящий обобщающий очерк русской политики в Болгарии [1]), но мы мало можем прибавить к той общей характеристике, которая была им сделана.

История русской политики в Болгарии есть фрагмент русской истории, фрагмент, еще не написанный, и ждущий своего исследователя. Наша задача гораздо скромнее. Мы хотим дать здесь лишь общий очерк истории русско-болгарских отношений и того места, которое занимала русская политика в Болгарии в политике трех императоров.

Болгарские недоразумения начались со времени царствования Александра III. Это не случайность. Как бы ни были прозрачны те

[1]) М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России.

мотивы, которые толкнули русское правительство в Болгарии в период оккупации на дарование болгарам либеральной конституции, либеральный уклон конца царствования Александра II оправдывал такое его поведение. Ведь дело шло не только о том, чтобы связать по возможности руки будущему болгарскому князю. Русские политики типа Дондукова-Корсакова шли сознательно на поддержку национального движения в Болгарии, стремившегося «исправить» несправедливости, нанесенные национальным идеалам Берлинским конгрессом. Соединение Болгарии с Восточной Румелией становилось не только желанной целью болгарских националистов, но и очередной задачей русского правительства. Дипломатически эта задача, как мы видели, разрешалась в договоре союза трех императоров. Цели такой политики были совершенно очевидны. Поддержкой национального движения хотели привязать Болгарию к России, сделать Болгарию русским форпостом на Балканах, усилить свою позицию на случай давно ожидаемого окончательного краха турецкой империи и неизбежной в таком случае войны с Англией. Можно было, разумеется, сомневаться в дальновидности такой политики. Но до тех пор, пока не исчезли надежды на переустройство русского государства на новых, более свободных основаниях, можно было рассчитывать на то, что национальное движение в Болгарии не будет антирусским. Конечно, для этого требовалась очень искусная и осторожная политика, которая, может быть, оказалась бы не под силу и не такому расхлябанному правительству, как русское. «Освобожденные народы не бывают благодарными»,—замечает Бисмарк [1]), вспоминая печальные для России последствия болгарской эпопеи. Но и эти малые основания для успеха русской политики исчезли с того момента, когда над последними остатками русского либерализма был поставлен православно-самодержавный крест.

Политика «бескорыстия», об'явленная русским правительством в дни Берлинского конгресса, находила некоторое общественное оправдание на фоне панславистской романтики, но, конечно, не могла удовлетворить само правительство, тем более, что оно, несмотря на победоносную войну, растеряло симпатии даже среди панславистов. Попробовав затем извлечь из этого бескорыстия кое-какие выгоды, а прежде всего на Балканах, оно встретилось с болгарским национализмом, не отказавшимся от своих симпатий к освободительнице-России, но отнюдь не желавшим быть в ее руках простой пешкой на шахматной доске большой европейской политики. Во всем этом, впрочем, не было еще большой беды. Политика исходит из принципа do ut des. Можно было договориться с болгарами. Но для этого надо было иметь вполне определенные цели и желание договориться. Казалось бы, что с того момента, когда панславистская романтика потеряла всякий кредит, а русский панславизм сменился русским национализ-

[1]) Ged. u. Er., II, 270.

мом, сознательно и принципиально корыстолюбивым, можно было ожидать ясной формулировки «русских» интересов в Болгарии. Но этого не случилось. Смена одного направления политики другим, смена политики панславистской политикой русского национализма, отнюдь не обозначала, что русский и в особенности московский капитализм, поднявший флаг национализма, немедленно бросится на экономическое завоевание братьев-славян. Московский капитализм оказался слишком слабым, чтобы конкурировать с французским, английским или даже австрийским. Попытки, предпринятые Морозовым и другими московскими фирмами, завязать торговые сношения с Болгарией потерпели полное фиаско. Балканы уходят из поля зрения московской политики и, оказавшись вне сферы непосредственных экономических интересов, становятся уделом одной дипломатии. Отсюда понятна удивительная разноголосица, царящая в так называемом «общественном мнении в России» по поводу каждого события, совершавшегося на Балканах. За Болгарией, как об'ектом русской политики, сохраняется лишь военно-стратегическое значение, и нет, поэтому, ничего удивительного, что часто в политических вопросах последнее слово принадлежит не министерству иностранных дел, а генеральному штабу, не Гирсу, а Милютину или потом Обручеву. Так как это стратегическое значение Болгарии заключалось в том, что она была для русского правительства путем из России в Турцию, к проливам, и должна была предоставить русским, изгнанным «Европой» с Балканского полуострова, свои военные силы на случай решительных событий, то вполне понятно, что вопрос об организации армии и ее подчинении русскому командному составу и вопрос об организации стратегических железных дорог стали на первом плане в политике русского правительства в Болгарии. Истинно-русские предприниматели, добивавшиеся концессий на постройку железных дорог в роде Полякова и Гюнцбурга, имена которых тесно связаны с печальной памяти болгарскими событиями 80-х годов, были отнюдь не представители русского капитала, ибо русские капиталисты, как класс, не были заинтересованы в болгарском железнодорожном строительстве. Это были предприниматели-одиночки, те самые интернационально-железнодорожные акулы славной эпохи континентального фритреда, которые теперь, переживая дома плохие дела, несли с жаром «прогресс и цивилизацию» в отсталые окраины Европы. Бонту, Гирш, Поляков, Гюнцбург, «сам» Блейхредор—вот имена этих хищников, подбиравших падаль на больших дорогах европейских кризисов и катастроф и прикрывавших затем свою «работу» усиленной филантропической деятельностью.

Покровительствуемые русским и австрийским абсолютизмом эти предприниматели и организуемые ими компании готовы были служить кому угодно, лишь бы им позволяли раскинуть свои сети,—вести железные дороги в любом направлении, лишь бы им были гарантированы доходы. Со стороны организованного капитала, пропитанного в 80-х г.г. национализмом, эти господа вызывали презрительное отношение и жалобы на то, что они позорят нацию и подрывают работу солидных фирм.

Каково было отношение идеологов национализма к балканской политике России?

В 80-х годах русский капитализм и правительство находятся в тесном союзе. Правительство покровительствует национальной промышленности, русский национализм поддерживает абсолютизм и престиж правительства повсюду, где это прямо не противоречит его экономическим интересам. Балканы были одной из таких областей.

Подводя итоги 4-летнему хозяйничанью русского правительства на Балканах, Катков писал в 1883 г.: «Россия не имеет на Востоке никаких своекорыстных интересов. В этом, с одной стороны, ее сила, а, с другой, этим об'ясняется как бы недостаточная изворотливость и настойчивость ее в преследовании своих целей» (разр. моя. *Ск.*). Уверения в бескорыстии России обыкновенно встречают улыбку недоверия. В них видят обычную фразу, к какой из приличия прибегают и прожженные аферисты. Но, говоря о бескорыстии России..., мы не думаем взбираться на метафизические высоты. Россия... не страдает ни избытком населения... ни избытком труда и капиталов, которые бы не находили места у себя и рвались бы на всякую эксплоатацию, где только возможно; русского труда и русских капиталов при всем их обилии едва достаточно для разработок нетронутых сокровищ в ее собственных недрах...». Поскольку дело касается Балкан,—устами Каткова говорила сама святая истина... Но, если так, то к чему же тогда вся балканская политика, так дорого стоившая уже и принесшая впоследствии столько разочарований и русскому правительству, и русскому абсолютизму, и даже самому русскому национализму? И современники, в особенности «Европа», и последующие историки, стоявшие под влиянием этой «Европы», как ни склонны были они низко ценить способности русского правительства, не могли отделаться от той вполне естественной мысли, что это упорное вмешательство России в балканские дела, эта, подчас совершенно не поддающаяся никакому учету наперед, капризная и зигзагообразная политика, скрывала в себе вероломное и коварное в своих средствах и вполне определенное в своих целях устремление—к Константинополю, к проливам. Это была та «тихая сапа», которую вели русские цари, начиная с Екатерины II, в направлении к Босфору и Дарданеллам[1]). С этим едва ли можно согласиться. Мы уже видели в первой части нашей работы, каковы были предпосылки политики русского правительства на Балканах. В 80-е годы ее ни в коем случае нельзя назвать агрессивной. Ее задачи заключались, как мы видели, в том, чтобы предупредить

[1]) М. Н. Покровский, Русско-германск. отношения, Центрарх, 1922 г., стр. 6.

захват проливов Англией. Проливы либо турецкие, либо ничьи, либо русские,—никакое иное решение не допускалось. Но по мере того, как с начала 80-х годов исчезала опасность английского захвата и русско-английские отношения улучшались, слабела бдительность русского правительства, а вместе с этим теряла свою остроту единственная конкретная цель, привлекавшая к себе и заслуживавшая его внимания. Балканская политика 80-х годов поражает историка, исследующего этот вопрос по документам, не упорством в стремлении к ясно сознаваемой цели, а исключительной расхлябанностью, неряшливостью и полнейшей неспособностью понять и учесть обстановку, в которой эта политика осуществлялась. С начала и до конца она была проявлением «старого порядка», делом абсолютизма и бюрократии и только этих общественных сил и знаменовала собой их идейный и материальный крах, подобный которому абсолютизм пережил впоследствии еще один раз—в эпоху японской войны и дальновосточной авантюры. Это была политика, лишенная конкретной цели и находившая себе оправдание лишь в поддержке престижа того уже дряхлеющего учреждения, каким был русский абсолютизм. Это была политика нелепых целей, отвлеченных принципов, потерявших свое значение и жизненный смысл, политика, которая именно в силу своей бесцельности искусно эксплуатировалась финансовыми проходимцами и политическими авантюристами.

Задача укрепления русского абсолютизма и его престижа в самой России оказалась перенесенной в сферу внешней политики в гораздо большей степени, чем это допускалось той об'ективной ролью, какую до сих пор играл русский абсолютизм в славянском вопросе. До сих пор благоприятствовавший развитию национальной самостоятельности славян, он оказался теперь опасным для их национальной свободы. Именно на этой основе и разыгрывается трагикомедия русской политики 80-х годов в Болгарии, осложненная тем «эрратическим» состоянием, в каком находилось правительство Александра III в первую половину его царствования, и особенно дезорганизацией и слабостью ведомства иностранных дел.

Русское правительство,—уходя под давлением Европы из только-что созданной его усилиями Болгарии, оставило в наследство будущему болгарскому князю либеральную конституцию. Демократическая в своей основе, в соответствии с демократизмом только-что освобожденной нации, эта конституция была еще более демократизирована учредительным Великим народным собранием в Тырнове, открытым русским комиссаром князем Дондуковым-Корсаковым 10/22 февраля 1879 г. Русское правительство, изготовившее [1]) проект этой конституции, не высказало никакого

[1]) См. Милюков, Болгарская конституция в сборн. «Политический строй соврем. государств», т. I, с. 553; Матвеев, «Болгария после Берлинского конгресса», СПБ., 1887.

протеста против радикальных тенденций, обнаружившихся в исправлении проекта, им внесенного. Оно исходило при этом отнюдь не из любви к либерализму, а из вполне правильного расчета: в болгарском парламенте оно видело гарантию против антинациональных тенденций, казавшихся ему возможными в политике будущего болгарского князя. Чем меньше была власть князя, тем крепче были гарантии. Но такая политика оправдывалась лишь до тех пор, пока болгарский «народ» сохранял свою преданность России и готов был подчиняться своему «старшему брату».

Иллюзии в существовании «здорового национального ядра», которое по своей славянской природе непременно тяготеет к России, держались очень долго в России, подогреваемые славянофильской и националистической публицистикой. И надо заметить, что эти илюзии не были совершенно беспочвенны. Поход 1877 г. оставил глубокое впечатление в болгарском населении. Хотя во время восточной войны «расчет на активное соучастие болгар совершенно не оправдался» [1]), и болгарское население вообще оказалось гораздо зажиточнее и богаче, чем его старший брат [2])—русский мужик, и отнюдь не заморенным и разоренным турками, тем не менее, по единогласным отзывам русских агентов, престиж России и русского имени стоял еще долго после войны 1877—78 г.г высоко в Болгарии.

Результат русско-турецкой войны для основной массы болгарского населения, для болгарского крестьянина был, несомненно, благоприятен. Болгарская интеллигенция после освобождения тоже могла рассчитывать на политическую роль в стране. Лишь часть болгарской буржуазии, сумевшей делать хорошие дела и при турецком режиме (чорбаджии), не была совсем довольна происшедшими переменами. Поэтому русское правительство при достаточно умелой и осторожной политике имело все шансы рассчитывать до известной степени на Болгарию, и весь вопрос заключался лишь в том, чтобы ясно определить, что нужно и что можно было ждать от этой молодой развивающейся страны.

Несколько лет после того, как опустился занавес над последним актом болгарско-русской трагикомедии, один из горячих поклонников Каткова, человек, близко стоявший к русской дипломатии и хорошо ее знавший, утверждал, имея в виду события 1886 г., что русская дипломатия за 8 лет, прошедших после Берлинского конгресса, не додумалась до единственной и главной цели русской политики в Болгарии. Рассуждая об одном из крупнейших поражений русской дипломатии—болгарско-турецком союзном договоре 20 января / 1 февраля 1886 г., он писал: «Не любопытно ли,

[1]) Покровский, Войны царской России, 274.
[2]) Гл. Успенский, Письма из Сербии, 1876. Полн. собр., соч., изд. Маркса, т. V, 629—657; проф. Э. Д. Гримм. Органический Устав, София, 1922, стр. 137.

что турецкие дипломаты, не колеблясь, предложили болгарскому князю установление между Турцией и Болгарией именно того modus'a vivendi, которое наиболее приличествовало взаимным отношениям этой страны и ее освободительницы России и до которого в продолжение восьми лет, истекших после Берлинского конгресса, не додумалась русская дипломатия? Я разумею неразрывный союз, скрепленный полным слиянием болгарской армии с русской, с обязательством для первой участвовать в защите русских пределов от всякого нападения, и наоборот» [1]).

Татищев был неправ лишь в одном отношении. Русская дипломатия имела в виду эту цель, но оказалась не в состоянии ее осуществить. Об'ективный ход вещей толкал русскую дипломатию от одной глупости к другой до тех пор, пока «мера вещей» не исполнилась до конца. Русская дипломатия в такой же мере была виновата в поражениях на Балканах, как и те общественные круги, к которым принадлежали Катков и Татищев, ибо политика России на Балканах в 80-е годы была результатом их поддержки, а охраняемый ими русский абсолютизм нашел в системе политики Александра III (если вообще слово «система» к ней приложимо) на Балканах свое наиболее яркое выражение. Татищев был неправ также, обвиняя в неловкости и бездарности только одну русскую дипломатию, которую он, по причинам личного характера, ненавидел до глубины души. Дипломаты выполняли лишь высочайшую волю, которая в «неразумии» своих поступков в наиболее ответственные моменты внешней политики подтверждала правило о «разумности всего действительного». Она уже была фантомом, но не реальностью.

Либеральная конституция, данная Россией только-что освобожденной стране и демократизированная тырновским Великим народным собранием, была нужна русскому правительству, как гарантия против «антинациональной» (читай антирусской) политики будущего болгарского князя. Совершенно неожиданно она оказалась полезной и с другой стороны. Она сделалась высокой дамбой против гибельного влияния русского абсолютизма и его учреждений в Болгарии на симпатию болгар к России: она оказалась прекрасным средством против молодецких подвигов незатейливых русских генералов и незадачливых русских дипломатов, которых отправляли на воеводство в эти отдаленные страны, обязанные вечной благодарностью народу-освободителю и его великому царю.

Пока действовала конституция, политические промахи и просто безобразия русских агентов не выходили за пределы собственно парламентских конфликтов и партийных интриг. Это значение болгарской конституции стало совершенно очевидно даже для правительства Александра III, несколько позже, после того как был

[1]) Татищев, Из прошлого русской дипломатии, СПБ., 1890, стр. 442.

проделан печальный опыт, вынесенный им из той поддержки, какую оно оказало абсолютическим поползновениям князя Александра болгарского в период между 1881—1883 г.г. Но, повидимому, и в самом начале конституционного режима в Болгарии в рядах русского правительства были люди, которые, если и не понимали ясно этого значения болгарской конституции, то во всяком случае догадывались о нем и напрягали все усилия к тому, чтобы парализовать махинации, направленные к ее уничтожению. А в таких махинациях не было недостатка, и шли они отнюдь не из России, несмотря на то, что конституцией недовольны были москвичи, славянофилы и националисты. Славянофилы были в опале, для националистов Балканы, как мы видели, не представляли особого интереса вообще. У болгарской конституции оказались враги в самой Болгарии и враги тем более опасные, что они сидели в самом центре болгарского правительства и болгарского парламента. Это были князь и консерваторы.

Князь Александр принадлежал к тому типу немецких князей, которые, скромно дослужившись до чина лейтенанта прусской или германской армии, считали себя, во всяком случае, достаточно опытными для того, чтобы управлять каким-либо «балканским» народом и в случае, если им улыбалась судьба и их избирали на балканский престол, ехали на свою новую родину с полным убеждением в высшей благодетельности их просвещенной миссии. У Александра Баттенбергского были все качества, чтобы стать монархом не хуже других: огромное честолюбие, вкус к интриге, широкий размах в удовлетворении своих личных прихотей и капризов и то уменье истинно по-царски сорить деньгами, которое входит в качестве основной составной части в понятие «величия», особенно на Востоке.

Жалкий конец его политической карьеры об'ясняется отнюдь не тем, что таяли сбережения болгарской казны и что вопрос о чрезмерных расходах на постройку княжских дворцов и конюшен являлся самым скользким вопросом для сменявших друг друга болгарских правительств, в особенности для либеральных. «Благодарная» нация простила бы князю его долги перед болгарской казной, удержись он на престоле до конца. Вся беда князя заключалась в том, что балканские престолы требовали от своих претендентов совсем особых качеств, каких у князя Александра не оказалось. Здесь нужны были исключительная изворотливость и недюжинный ум, ясное понимание своего внеевропейского и вместе с тем слишком европейского положения; надо было быть либо таким политиком, как знаменитый Никола Черногорский, который умел ловко эксплоатировать соперников на Балканах и сохранять репутацию незапятнанной политической честности (в балканском масштабе, конечно), или итти напролом, как Милан Сербский (против своего народа, конечно, а не против великих держав).

Князь Александр, сын австрийского генерала и племянник русского императора, как князь болгарский, являлся олицетворе-

нием европейского компромисса и должен был проявить сугубую политическую выдержку. Однако с самого начала своей политической карьеры он обнаружил малое понимание трудностей своего положения. Он не удовлетворился той долей власти, какую предоставляла ему конституция. Упразднив последнюю при помощи русского влияния, он опять-таки не понял, что мог править после этого только как послушный вассал России. Попытавшись высвободиться из-под власти русских, он поссорился с царем и навлек на себя подозрительность русской дипломатии, а своим проектом женитьбы на германской принцессе, осуществления которого он добивался с такой настойчивостью, чтобы не сказать с назойливостью, он окончательно погубил себя, навлекши на себя гнев всесильного канцлера, который не без основания видел в этом проекте попытку втянуть Германию в антирусскую политику. не по разуму честолюбивого князя.

Само собой разумеется, что князь Александр не отважился бы сам на изменение конституции сначала и затем на разрыв с Россией, если бы он не нашел в стране поддержки своим планам. Честолюбие князя было ловко использовано теми, кто не менее князя жаждал ограничения конституции, видя в ней помеху для своей политики «на европейский образец», сулившей в этой крестьянской стране крупные и безнаказанные барыши. Это были болгарские консерваторы.

История партийной жизни в Болгарии поможет нам выяснить, в какой мере и почему эта партия была антиконституционной и вместе с тем антирусской.

Славянское национальное освобождение на Балканах, благодаря вмешательству великих держав, совершилось задолго до того, как внутри народов созрели силы, достаточные для самостоятельного выполнения национально-революционной задачи[1]). Результатом этого было то, что сейчас же после освобождения во внутреннем строе освобожденных стран появлялись тенденции, вопреки конституционному порядку, установленному державами-освободительницами, копировать тот самый социально-политический режим, от которого они только-что были освобождены.

Этот социально-политический режим находит себе об'яснение в особенностях исторического развития всех по преимуществу земледельческих стран, какими были также и славянские страны на Балканах. Классические крестьянские государства в эпоху торгово-капиталистического хозяйства были странами классических форм абсолютизма. Примеры—дореволюционные Франция и Австрия.

Переход государственного хозяйства на денежные основы влечет за собой политическое укрепление центральной власти, распоряжающейся громадными суммами, поступающими в виде

[1]) См. М. Горов, Борьба крестьян Болгарии, стр. 34, ГИЗ., 1927 г..

налогов с многомиллионного, но неспособного к организованному отпору крестьянского населения. Поскольку налог является источником силы центральной власти, организация налоговой системы и армия, гарантирующая незыблемость абсолютического порядка, являются основными институтами абсолютизма. Последнее обстоятельство своеобразно отражается на ранней истории национальной буржуазии. Известная часть капиталов и притом наиболее крупных вкладывается в финансово-податные предприятия государства и оказывается потерянной для торговли и промышленности. Появляются слои буржуазии, связавшие свою судьбу с судьбой абсолютизма и его финансовой системы, превращающейся мало-по-малу в хищническую эксплоатацию крестьянства. Но налоги, выколачиваемые от мужика, не в состоянии покрыть государственного дефицита. Двор и бюрократия сами втягиваются в золотую игру финансовых дельцов, государственных кредиторов, банкиров и откупщиков государственных налогов и податей. Государство переживает периодические крахи и банкротства.

История крупных французских капиталов дореволюционного периода—наиболее поучительный пример этой стороны европейского абсолютизма. В середине XVIII в. известный мемуарист д'Аржансон прекрасно отметил это любопытное явление. Все деньги из провинции стекаются в Париж, чтобы принять участие в финансовых операциях королевской казны: деревни беднеют, промышленность падает. «Нет ни одного коммерсанта, ни одного частного лица, которые могли бы быть богатыми, не принимая участия в финансовых делах короля, что является вестью более или менее близкого всеобщего краха».

Можно было бы подумать, что строки замечательного анонимного памфлета, появившегося за 6 лет до мартовской революции в Австрии, являются простым пересказом вышеприведенного места из дневника д'Аржансона, до такой степени они совпадают с ним по смыслу[1]): «За 25 лет мира (после Венского конгресса),—говорится в памфлете,—государственный долг утроился, а сумма процентов, уплачиваемых по этим долгам, удесятерилась... Причина этого ненормального состояния лежит в «ошибочной» финансовой системе. Государственные финансы целиком попали в руки нескольких биржевых дельцов; подобно акулам они окружают государственный корабль при каждом новом займе, чтобы схватить «золотую добычу», которую им бросают, к сожалению, с излишней щедростью. Все свободные капиталы устремляются на эту плодоносную почву государственных долгов, уходя из промышленности и земледелия. Правительство даже не пробует об'являть подписку на свои займы с тем, чтобы путем привлечения капиталистов

[1]) (Von Andrian) Oesterreich und dessen Zukunft, Hamburg, 1842, S. 102, (3 Aufl., ibid, 1843); к нему V. Bibl, Der Zerfall Oesterreichs, Wien, 1924, B. II, S. 45.

помельче создать более дешевые условия для займов; нет, оно передает их без всяких условий паре банкиров, к которым вполне подходит французская поговорка: «Эти финансовые люди поддерживают государство так же, как веревка повешенного».

Если таковы были характерные черты старого порядка в крупных европейских земледельческих государствах, то все это в миниатюре (но относительно гораздо крупнее и отвратительнее) повторялось в самостоятельных славянских государствах на Балканах в 70 и 80-е годы. При отсутствии развитой, как класс, национальной буржуазии власть в стране, несмотря на существование парламента, попадала в руки короля и немногочисленных денежных тузов, которые кормились у государственного кошелька, добывали себе крупные поставки, подряды и в особенности концессии на постройку железных дорог,—это поистине золотое дно европейского грюндерства. Князь Александр Болгарский, пытавшийся вопреки большинству народного собрания править с любезными его сердцу консерваторами и добивавшийся разрешения России на изменение конституции, а то и на полную ее отмену, имел перед собой соблазнительный пример в лице известного Милана Сербского. Этот государь со своими «напереднягами» бесконтрольно распоряжался в стране, выпускал ежегодно новые займы и раздавал концессии, увеличивая для этого без конца налоги на сербского крестьянина на пользу и процветание венского Länderbank'a [1]) и вообще устроился бы очень недурно, если бы не финансовые крахи [2]) и периодические крестьянские восстания [3]). За это он должен был заплатить полной экономической

[1]) В 1868 г. сумма долга (госуд.) достигала всего 500 тыс. дукатов. С этих пор гос. долг стал быстро расти: в 1881 г. был выпущен новый заем в 90 милл. фр. на жел. дор. строительство, и с тех пор займы следовали друг за другом из года в год... К 1 янв. 1905 г. гос. долг сербск. корол. составлял уже свыше 465 милл. франков при годовом бюджете в 89 милл. фр. Погодин, «История Сербии», стр. 158.

[2]) Едва был заключен железнодорожный заем 1881 г., как потерпела крах компания Бонту, получившая концессии на постройку железных дорог (1882 г.). По донесению из Белграда, сербская казна потеряла 21 милл. франков. Убри писал Гирсу 4/16 февр. 1882 г. (Confident. Vienne, II, л. 46, А. К. М.), что официальное сообщение опровергало слухи о том, что в результате этого краха потерпели личные капиталы австрийского императора, т. к. де они не имели никакого отношения ни к компании Бонту, ни к венскому Länderbank'у, финансирующему компанию Бонту. Однако, Убри тут-же прибавлял: «Cette dernière (Länderbank) a simultanement restitué au Gouvernement sept millions qu'il lui avait confié. Cette décision avait probablement pour but de raffermir la position de M-r Dunajevsky (мин. финансов Австрии) que l'on représantait comme fort ébranlée». Не лучше было и положение короля Милана. Тот же Убри писал Гирсу 8/20 марта 82 г. Vienne, II, л. 109: «Apres le désastre Bontoux, le Prince Milan s'est trouve dans une position difficile. Il a fait valoir vis-a-vis des Puissances, qu'il devait proclamer la Royauté pour relever son prestige fortement atteint». Такова была «внутренняя» история провозглашения королевства в Сербии.

[3]) Восстание в Зайчарском округе в 1883 г.

и значительной долей политической зависимости Сербии от Австро-Венгрии по договору 6/18 июня 1881 г.

Ядро болгарской консервативной партии составляла крупная буржуазия, истинная программа которой заключалась в захвате власти и в спокойной, обставленной всеми законными средствами, эксплоатации государственного кошелька в своих интересах, при помощи подрядов, концессий и увеличения гос. долга.

Консерваторы организовались как партия еще в тырновском Учредительном собрании. К консерваторам принадлежали высшее духовенство и крупная буржуазия, часть которой (чорбаджии) разбогатела еще при турках, сумев прекрасно приспособиться к особенностям режима и эксплоатируя народные массы не хуже турок [1]). Часть чорбаджиев была равнодушна к делу национального освобождения, другая часть—просто враждебна. Благодаря своему богатству, многие из них получили образование в Западной Европе и жили там, возвратившись на родину только после ее освобождения (напр., Греков, Начевич и Стоилов, так наз. «триумвират»). Немногочисленные и лишенные широкой опоры в стране, они могли добиться своей цели только при помощи внешней силы. Ее они видели во власти князя, и укрепление этой власти, конечно, не в форме абсолютизма, а при помощи приличной олигархической конституции, сделалось одним из важнейших пунктов их политических домогательств. Политические права должны были, по их мнению, принадлежать крупным землевладельцам, капиталистам и гражданам с средним и высшим образованием; должна быть организована верхняя палата, которая, как они заявляли, должна была поддерживать равновесие между князем и Народным собранием. Во внешней политике, они всегда были на подозрении у русского правительства, считавшего их австрофилами, что было неверно. Но в отношении к России они, пожалуй, в гораздо большей степени, чем их антагонисты-либералы, стояли на-страже «национальной независимости», так как, будучи непосредственно лично заинтересованными в получении концессий и государственных подрядов, они боялись, и, как мы увидим, не без основания, что им придется делить добычу с русскими предпринимателями.

Гораздо многочисленнее и организованнее, чем консерваторы, выступали либералы. Это была демократическая интеллигенция, близкая по своим идеалам и политической программе к русскому народничеству, с которым она через своих вожаков, большею частью учившихся в России, была непосредственно связана [2]).

В земледельческой стране, с сравнительно слабой буржуазией, какой была Болгария непосредственно после освобождения, этой интеллигенции (в особ. учителям, чиновничеству и низшему ду-

[1]) Staneff. Geschichte der Bulgaren, II, S. 86.

[2]) В. Богучарский, Активное народничество семидесятых годов, гл. IX, стр. 292 и дальше. Много материала по этому вопросу см. Е. Волков, Христо Ботев, Гиз, 1922.

ховенству) принадлежала большая сила, и политическая власть выпадала из ее рук лишь в такие моменты, когда князю и консерваторам удавалось воспользоваться посторонней силой для их удаления. Принужденная мириться с конституционно-монархическим строем, установленным для Болгарии Берлинским конгрессом, эта партия, в особенности ее левое крыло, было по своим политическим симпатиям республиканским [1]). В эпоху Национального собрания в Тырнове эту партию возглавляли Каравелов, Славейков и Цанков, и вокруг них группировались политические деятели, боровшиеся за национальное освобождение страны. Не будучи лично заинтересованны в госуд. предприятиях, либералы готовы были пойти на гораздо большие уступки русским в пресловутом железнодорожном вопросе (в 1881 г. консерваторы обвиняли либералов в том, что они пришли к власти благодаря деньгам русского железнодорожного предпринимателя Полякова). Связанные с крестьянской массой, они в большей степени, чем консерваторы, опасались прослыть врагами России.

С этими-то партиями и встретились русское правительство и его агенты.

Как ни старались русские внушить князю и сменявшим друг друга болгарским правительствам, что необходимо стоять выше партий и преследовать лишь «истинные» интересы страны, подобного рода советы, естественно, пропадали даром, и русское правительство само в лице своих агентов с самого начала должно было стать к этим партиям в известные отношения.

После переворота 1881 г., совершенного против желания русских, но с их помощью (с русским правительством, как мы увидим, случались такие казусы), русское вмешательство во внутренние дела Болгарии сделалось совершенно неизбежным, и с этого времени обнаружились вся неподготовленность и вся нелепость политики русского правительства, обусловленная исторически, так сказать, «об'ективная» глупость его. Интересы России, как понимало их русское правительство и, следовательно, должны были понимать его агенты в Болгарии, тянули его неизбежно к либералам, самое существо русской глупости—к консерваторам. Колебания между этими двумя партиями совершались в разное время по-разному, в зависимости от личных способностей и темпераментов самих агентов, но так как последние были представителями огромной политической силы—русского правительства,— они неизбежно усложняли обстановку, запутывали отношения и в конце-концов запутывались сами в совершенно безысходную сеть противоречий, осложнявшихся личными и партийными интригами, в такой мере сильными в этой еще очень молодой в политическом отношении стране.

[1]) Пастор Кох не находит достаточно крепких слов, чтобы достойным образом охарактеризовать либералов: «Karawelow, Stambulow und Genossen waren noch wilde Radikale, Rothäute im Staatsleben was vom Stambulow später selbst offen zugestanden wurde». Koch, Fürst Alexander von Bulgarien, S. 44.

Со всеми русскими агентами, и прославившимися своими громкими делами в Болгарии и более скромными, повторялась одна и та же история. Явившись в Болгарию, они сначала становились решительно на сторону консерваторов, громили «анархистов и нигилистов-либералов», но затем, раскусив их, переходили на сторону либералов и начинали обвинять первых в том, что они предались и даже продались австрийцам. Мы видели уже, что они ошибались сами и вводили в заблуждение свое правительство. Позднейший историк довольно правильно заметил, что всякая оппозиция в Болгарии находилась на стороне русских и оказывалась горячей сторонницей «русского влияния». Наоборот, партия, стоявшая у власти, — а в период между 1881 — 1883 г.г. это были по большей части и с помощью русских же консерваторы, — была антирусской уже по одному тому, что хотела независимости. В довершение всех неудач русского правительства нужно отметить исключительно неудачный подбор своих агентов, не говоря уже о мелких чиновниках, посылаемых из России. Жалобы на них не прекращались. Это были, говоря о главных агентах, или люди совсем неопытные или просто бездарные, ехавшие в Болгарию как в русскую губернию и совершенно не считавшиеся ни с национальным самолюбием болгар, ни с материальными интересами болгарской казны и болгарской буржуазии.

Мы не будем здесь останавливаться подробно на деятельности русского правительства и на истории русско-болгарских отношений в период, непосредственно следовавший за освобождением и Берлинским конгрессом, тем более, что эта история достаточно освещена документально и историческими воспоминаниями. Подозрение, существовавшее в Европе, насчет истинных намерений России относительно Болгарии, намерений превратить ее в русскую губернию, находило свое оправдание в нелепых выступлениях русских агентов в период оккупации [1]), в крайней нерешительности и растерянности Петербурга относительно того, как быть с Болгарией и как ее устроить. Эта подозрительность хорошо передана в словах De Launay: «Когда Болгария была освобождена сначала в Сан-Стефано, а потом в Берлине, благодаря непосредственной деятельности и воле России, всем казалось естественным, что она превратится в своего рода передовую русскую провинцию, и этого все ожидали и в Европе и в самой Болгарии» [2]). Но Александр II оказался достаточно трезвым политиком, чтобы замышлять что-либо подобное после того, как он согласился на Берлинский конгресс, и князь Черкасский сделал верный вывод

[1]) Паренсов П., Из прошлого, ч. IV. В Болгарии: «Я глубоко убежден, что многих из наших врагов в Болгарии, да и в других местах, создали мы сами; создали их главным образом наши представители на месте, гражданские и военные, не всегда удачно выбираемые». Это сказано слишком мягко.

[2]) De Launay, La Bulgarie d'hier et de demain, Paris, 1907, p. 372.

из всей политической обстановки относительно будущего, посоветовав Александру II возможно меньше вмешиваться во внутренние дела Болгарии [1]).

Смерть Черкасского не изменила направления русской политики в Болгарии. До конца своей жизни Александр II, поддерживаемый Милютиным, твердо стоял за сохранение конституции, выработанной учредительным В. тырновским собранием, к великому неудовольствию князя болгарского и его политических друзей.

Мы не знаем, какими соображениями руководствовался Милютин, противостоявший всем попыткам князя Александра добиться от русского правительства согласия на изменение тырновской конституции. Но этой политике нельзя отказать в последовательности. Она была продиктована всей международной обстановкой и стоит в тесной связи с основными линиями большой политики России после Берлинского конгресса, нашедшей в лице гр. Милютина своего настоящего руководителя.

В первой части этой работы мы видели, что это было время напряженнейших отношений к Англии, время великого страха русского правительства перед событиями, которые могли бы наступить в случае ликвидации турецкого наследства при крайне неблагоприятных для России условиях, в обстановке ее финансового и военного истощения после русско-турецкой войны. Эти обстоятельства, как мы видели, заставили русское правительство искать соглашения и с «честным маклером» и со своим наиболее опасным соперником на Балканах—Австрией. При таких условиях отношения России к Болгарии получали первостепенное значение, отразившееся на содержании договора 6/18 июня 1881 г., в основе которого в сущности и лежат два вопроса: русско-английские отношения в связи с вопросом о проливах и вопрос болгарский, также тесно связанный с проливами.

Наиболее конкретными и ясными были задачи военного министра, и поэтому вполне понятно, что Милютин, едва ли не самый крупный человек конца царствования Александра II, обнаружил в своем влиянии на внешнюю политику России вполне определенную и продуманную линию. Ее можно было бы в нескольких словах охарактеризовать так: уступки наиболее сильной болгарской партии—либералам в вопросах конституции при условии молчаливого согласия болгар на организацию у них армии, согласно желаниям России. Соглашение было полезно и той и другой стороне. Согласиться на конституцию не представляло особых неудобств ни для русского правительства, ни, в частности, для Милютина, наиболее либерального из его членов. Создание в Болгарии постоянной сильной армии и почти поголовного народного ополчения было в такой же мере в русских, как и в болгарских

---

[1]) Д. Анучин. Кн. В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии, «Русская Старина», 1895.

интересах. На очереди и той и другой стороной был поставлен вопрос о соединении Болгарии и Восточной Румелии. В случае нового осложнения в восточном вопросе о проливах болгарская армия под командой русских офицеров совершила бы два дела сразу: дело национального об'единения и помощь России против Турции—Англии в наиболее важном для России пункте. Все это не больше как предположения, но они вполне согласуются со всеми фактами, известными нам в области взглядов Милютина и его деятельности в болгарском вопросе. Что Милютин был далек от панславизма, в чем его подозревали и в Германии и в Австрии, что он был абсолютно непричастен к нелепым планам присоединения Болгарии к России или захвата Константинополя и тому подобным авантюрам, совершенно очевидно из той записки по восточному вопросу, которую мы приводили выше, а также из всей его деятельности при заключении союза трех императоров.

Могла ли такая программа осуществиться на практике и были ли болгарские либералы склонны пойти на соглашение с Россией на таких условиях?

На этот вопрос можно ответить утвердительно, но с оговоркой. Английский агент в Болгарии, чрезвычайно «интересовавшийся» судьбами нового княжества, в особенности вопросом, не окажется ли Россия при помощи болгарского войска в один прекрасный день в Константинополе, получил от Каравелова заверения, что болгары не имеют ни малейшего желания ни превратиться в русскую провинцию, ни служить русским интересам вообще [1]). Этот ответ может показаться прямо противоположным моему утверждению, но это не так. Вопрос англичан диктовался страхом перед захватом Константинополя русскими. Каравелов уверял, что болгары не будут участниками такого захвата. С другой стороны, актуальная политика России 80-х годов (а не политика с точки зрения but idéal на Балканах диктовалась таким же страхом перед захватом проливов англичанами в случае распада Турции, а отнюдь не стремлением овладеть Константинополем, в чем ее подозревали англичане. В пределах этой задачи русской политики политика болгарская могла быть, конечно, вполне благоприятна для России, поскольку последняя помогала болгарам осуществить об'единение обеих Болгарий. Англичане прекрасно понимали значение этого факта в русско-болгарских отношениях [2]).

Организация болгарской армии находилась целиком в руках русских офицеров. Военный министр Болгарии назначался с «соизволения» русского царя, а фактически последним. Связь военного

---

[1]) Staneff, Geschichte der Bulgaren, II, S. 104.

[2]) Лорд Дефферин, английский посол в Петербурге, говорил своему австрийскому коллеге, будущему мин. иностр. дел Австро-Венгрии Кальноки, что, быть может, было бы лучше помочь болгарам осуществить их национальные желания (соединение Болгарии с. В. Румелией) и тем окончательно оторвать их от России. Это было сказано в 1879 или в 1880 г. См. Corti, op. cit., S. 99.

ведомства в Болгарии с русским военным министерством была очевидна и составляла предмет постоянных жалоб князя, а надо заметить, что князь жаловался всем, кому мог, и пуще всего Европе: Германии, где его выслушивали молча, Австрии и Англии, где ему при этом высказывали горячее сочувствие. Неудивительно, что князь, жаждавший расширения своей власти, должен был вести борьбу в двух направлениях: за армию и против конституции. Он нашел горячую поддержку среди консерваторов, поскольку дело шло о конституции, но его планы относительно армии встретили в их среде более сдержанное, а иногда и просто отрицательное отношение. Князь желал иметь консерваторов на своей стороне, но хотел их иметь послушными. Консерваторы желали иметь князя при себе и боялись, что армия, излишне преданная князю, может стать в его руках орудием против них самих. Но до поры до времени они готовы были помогать ему и в этом отношении.

Подпольная работа князя против конституции началась, можно сказать, на другой день после того, как он принес ей торжественную присягу [1]).

Начиная с сентября 1879 г., мы имеем ряд писем князя царю, наполненных жалобами на конституцию и на свое затруднительное положение. Ответы царя были недвусмысленны, но все же они оставляли огорченному князю некоторую надежду, которая позволила ему впоследствии (в 1882 г.) утверждать, что и «царь-освободитель» был согласен на переворот, совершенный им в 1881 г.

«Ясно,—писал Жомини от лица Александра II,—что болгарская конституция, принятая в условиях, которые давали, быть может, слишком много простора увлечениям, и опубликованная со всей поспешностью, требовавшейся обстоятельствами, имеет

[1]) Сам князь излагает события несколько иначе в своем рассказе, составленном для германского кронпринца. С 1882 г., когда начали портиться отношения между князем и русским правительством, князь не раз предпринимал апологию своей политики. Такой апологией, несомненно, является и этот рассказ, составленный, повидимому, около 1886 г. (Corti, op. cit., 127, 134, 164, 169, 190). Тем не менее данные, им приводимые, не лишены интереса. Прибыв после своего избрания на болгарский престол в Ливадию, князь, поддерживаемый отцом, заявил протест против «geradezu lächerlich freisinnige Verfassung» своего будущего отечества и поставил условием принятия короны ее изменение. Александр II будто бы телеграфировал Дондукову-Корсакову о необходимости прибавить к конституции параграф, согласно которому князю предоставлялась инициатива возбудить вопрос об изменении тех частей конституции, которые оказались бы с течением времени «не практичными». Дондуков ответил, что приказание Е. В. исполнено, но потом оказалось, что этот параграф так и не был прибавлен к конституции. (Corti, op. cit., S.S. 63, 66). Koch в названной выше работе о князе Александре (стр. 19) повторяет ту же версию, но прибавляет, что просьба князя была исполнена в §§ 167—168 конституции. Текст конституции на русском языке см. Э. Де Лавеле, Балканский полуостров, с ценными приложениями Н. Е. Васильева, Москва, 1889, стр. 71—83. Как бы то ни было, князь после этого все же присягнул на верность конституции в том виде, в каком она была принята тырновским Народным собранием.

недостатки в некоторых отношениях, но возможность ее изменений и позднейших улучшений, во всяком случае, не исключена совсем». Однако тут же царь предостерегал своего дорогого Sandro от какой-либо поспешности, горячо рекомендовал ему умеренность и лойяльность к конституции: «Каковы бы ни были слабые стороны тырновской конституции, мы не должны забывать, что она торжественно принята тобой»,—поучал он своего племянника [1]). Ламентации князя были вполне понятны. Министерство, составленное им из консервативного меньшинства тырновского Великого народного собрания, рассматривалось в стране, как первое нарушение конституции. Генерал Паренсов, военный министр Болгарии, не желал величать князя его высочеством, ссылаясь на то, что конституция признавала за ним лишь титул светлости, и всячески противился всем попыткам князя организовать болгарскую армию на прусский образец. Начинали давать себя чувствовать и другие неприятные для князя и особенно для консерваторов стороны «русского влияния». Поднимался железнодорожный вопрос, которому выпало на долю сыграть столь крупную роль в истории русско-болгарских отношений [2]). Ему мы отведем еще почетное место в нашем изложении в свое время. В данный момент он пока еще только поднимался, и князя тревожили не столько он, сколько только-что закончившиеся выборы в первое обыкновенное Народное собрание, которые принесли решительное поражение консерваторам.

Оно открылось 21 сентября / 2 октября 1879 г. Честолюбивому князю, желавшему играть роль высокого суверена, либералы напомнили некоторые примеры из истории французской революции. Когда князь вздумал читать тронную речь, сидя на троне в папахе, в то время как депутаты слушали его стоя, в зале раздался шум протеста. Уходя из залы, князь слышал громкие возгласы, требовавшие отставки министерства. Было очевидно, что соотношение партийных сил складывалось в стране не в пользу князя и его приспешников.

Перед князем стояла в перспективе отставка консерваторов и призыв к власти ненавистного ему лично «анархиста» и «ниги-

[1]) La grande tâche du jour serait d'arriver à ce rémaniement si désirable par une action aussi ferme et persévérante dans la poursuite de son but, que pleine de prudence et de modération quant au choix de ses moyens, en se maintenant sur le terrain légal et en cherchant á profiter du puissant concours que peut y apporter le temps, qui fera ressortir aux yeux de pays tous les inconvenients des institutions actuelles. Quels que soient les côtes faibles de la constitution á Tyrnowo, nous ne saurions oublier qu'elle a été solennellement acceptée par Toi. C'est dans l'ordre établi par cette constitution même que Tu dois d'abord chercher à la réviser afin de l'établir sur les bases mieux appropriées aux besoins de la Bulgarie...» Письмо Алекс. Болгарского царю от 8/20 сент. 79 г. А. К. М. Ответ царя от $\frac{28 \text{ сент}}{10 \text{ окт.}}$ 79. (С. А., 79, л. 314—317) из Ливадии.

[2]) Staneff, Gesch. d. Bulgaren, II, 98—99.

листа» Каравелова. Верное конституции большинство Народного собрания в ответ на тронную речь отказалось титуловать князя «высочеством». Князь не принял ответа. Положение создавалось безвыходное. Князь хотел распустить собрание, но не решался на это без согласия русского правительства. Русский агент в Болгарии Давыдов стал в этом вопросе на сторону князя. Военный министр генерал Паренсов и прикомандированный к персоне князя полковник Шепелев [1]) высказались за точное соблюдение конституции. Князь попробовал составить коалиционное министерство, но либералы отказались войти в него. Тогда князь распустил собрание и поручил тырновскому митрополиту Клименту составить новое консервативное министерство. К этому времени относится второе, еще более настойчивое письмо кн. Александра царю от 27 ноября и ответ царя от 17/29 декабря 1879 г., за которым последовала и личная поездка князя в Петербург. Переписку сохранил наш Архив мин. ин. дел [2]); впечатление князя об его поездке дают нам его личные воспоминания [3]).

Письмо князя показывает, что он еще не совсем отказался от мысли править при помощи консерваторов. Он настаивал на личном вмешательстве царя с целью отмены конституции и дарования новой и предупреждал, что если царь не согласится, то он, князь, готов сам произвести государственный переворот в желаемом для него смысле. Ответ Александра II очень интересен. В нем повторяются все аргументы в пользу лойяльного отношения к конституции [4]). Царь наотрез отказывался от личного вмешательства в пользу ее отмены и предостерегал князя от государственного переворота, чреватого последствиями как для него самого, так и для страны [5]). Царь советовал князю назначить но-

---

1) В том же изложении событий князем для герм. кронпринца (Hartenau Archiv, Corti, op. cit., 70) рассказывается, что в заседании палаты принимали участие русские командиры бригад и дивизий, действовавшие вместе с радикалами. (?)

2) Письмо князя царю от 27 ноября, А. К. М.; ответ царя князю от 17/29 дек. 79 г., С. А., 79 г., л. 318—325.

3) Corti, op. cit., c. IV.

4) Il ne faut pas oublier que la Constitution existante en Boulgarie a
été élaborée d'après les prescriptions du Traité de Berlin par les députés de la
nation, auxquels par mon ordre une entière liberté de décision a
été expressément reservée. Cette Constitution telle qu'elle est sortie de leur
délibération, a été reconnue par toutes les Puissances.

5) «Mon intervention directe pour l'abolir (la Constitution) et en octro-
yer une nouvelle m'exposerait à l'accusation d'exercer une ingérance illé-
gale dans la Principauté. Ce n'est donc pas dans cette voie qu'il est dé-
sirable de procéder pour remédier aux inconvenients que l'experience a révélé.
D'autre part un Coup d'état accompli de Ton autorité pour abolir la Con-
stitution, fournirait le prétexte d'une agitation dangereuse pour Toi et pour
le pays. Je pense donc ainsi que je Te l'ai déjà écrit de Livadia (письмо от 21 сент./10 окт. 79 см. выше qu'il faut chercher dans les voies légales et avec
toute la prudence possible les moyens de modifier l'ordre des choses qui a
produit de si tristes résultats».

вые выборы и, не выходя из рамок легальности, воздействовать на заблудшие умы большинства нации путем личного убеждения и при помощи администрации, старательно избегая при этом незаконных приемов, которые могли бы послужить впоследствии «предлогом для нападок злонамеренных людей» [1]). Но на этот раз пером Жомини, составлявшим этот ответ, водила другая рука, рука Гирса, и письмо вышло образцом той министерской лапши, в которой тонула всякая определенность и ясность, столь несвойственные этому маленькому человеку и робкому политику. Царь разрешал воспользоваться при этой пропаганде авторитетом его имени и чувствами признательности болгарского народа по отношению к России [2]). Если в палате окажется правительственное большинство, то князь сможет достичь пересмотра конституции легальным путем, в противоположном случае князь, испробовав легальные средства и засвидетельствовав перед страной и Европой свое «желание уважать закон», будет в праве прибегнуть к «более энергичным мерам» [3]). Князю рекомендовалось в таком случае распустить палату и апеллировать к стране, создав Великое народное собрание (une assemblée générale), и предложить последнему проект новой конституции [4]).

Так, уже в этом письме, т.-е. в конце 1879 г. русское правительство давало князю детальную программу переворота, совершенного им в 1881 году. И напрасно письмо снова и снова повторяло свои советы осторожности и лойяльности. Слово было произнесено. Оно свидетельствовало о полной неуверенности русского правительства относительно того, какого пути ему следует держаться в наиболее важных вопросах болгарской политики [5]),

---

1) «Les ministres, les personnes bien pensantes et les fonctionnaires investis de Ta confiance pourraient utilement Te seconder dans cette tâche et influer sur les électeurs, en évitant soigneusement les procédés illégaux, qui fourniraient plus tard des prétextes aux attaques des malintentionnés».

2) «Si dans cette propagande de la raison et du bien publique, l'autorité de mon nom, de mes conseils et des sentiments de gratitude du peuple Bulgare envers la Russie peut T'aider, je Te laisse toute latitude pour en user».

3) «En cas contraire (т.-е. если палата окажется с либеральным большинством) après cet essai loyalement tenté, qui attesterait aux yeux du pays et de l'Europe Ton désir de réspecter les lois, Tu serais en droit de recourir à des mesures plus énergiques».

4) «Il n'entre nullement dans ma pensée de T'imposer cette marche (т.-е. «более энерг. меры»). Il se peut que Tu juges inutile et même nuisible de tenter une nouvelle épreuve électorale dans l'état actuel des ésprits et que Tu préfères recourir, dès à présent, au moyen extrême de la convocation d'une Assemblée générale.—Je t'en laisse juge. Mais je crois que si la marche que je T'indique est possible, elle serait plus prudente et laisserait plus de temps pour la réflexion et la persuasion...»

5) В этом убеждает нас инструкция Давыдову от 17 декабря 1879 г. (С. А., л. 330—337), копия которой была отправлена князю Александру... «A la distance où nous sommes il nous est imposible d'apprécier les questions d'opportunité. En politique il y a des moments où les décisions énergiques sont commandées par les circonstances, il y en a d'autres où les termes moyens sont préférables». Это—образец министерского глубокомыслия. Далее министерская инструкция повторяла, что его величество предоставляет

оно давало князю надежды, и нет ничего удивительного, что князь охотно последовал петербургским советам. Были назначены новые выборы, а сам князь, ободренный достигнутыми успехами, отправился в Петербург.

Но не даром князь называл генерала, князя Дондукова-Корсакова «нигилистом в генерал-ад'ютантском мундире», а пуще всего жаловался на русских военных [1]), которые питали к нему, по его мнению, самые низкие чувства. Та часть русского правительства, которая преследовала в Болгарии вполне определенные цели, имела такое же вполне определенное мнение о болгарской конституции. Одним словом, князь в своих покушениях на конституцию встретился с решительным отпором со стороны военных и их шефа Милютина. Корти, в своей работе о князе Александре использовавший личный архив князя, утверждает, хотя и не указывает при этом точно источника, что князь встретил в Петербурге решительное противодействие своим планам отмены конституции именно со стороны партии Милютина и Дондукова-Корсакова, которые видели в таком акте посягательство на русское влияние в Болгарии. Быть может, это только домысел самого князя, который смотрел на дело сам как-раз таким образом. При проезде в Петербург через Бухарест князь имел беседу с австрийскими представителями. Князь называл конституцию главным камнем преткновения, мешающим ему править самостоятельно и создать преграду русскому влиянию [2]).

Но в данном случае князь не ошибался. Дело дошло до стычки между князем и Милютиным в присутствии самого царя. Князь жаловался на своего министра генерала Паренсова, который отказывался выполнять его приказы без предварительного соглашения с Милютиным и который посылает Милютину тайные политические донесения относительно, его, князя, поведения. Царь решил в этом личном вопросе уступить князю. Паренсов был отозван. В конституционном вопросе царь стал решительно на сторону своего министра. Князю посоветовали или, как он сам рассказывал, приказали попробовать править при помощи либерального министерства. «Панславист» Милютин готов был итти рука об руку с «нигилистом» Каравеловым и Цанковым [1]). Впрочем, в согласии с своими письмами, Александр II обещал не отказать князю в помощи, в случае, если и эта попытка окажется безуспешной [2]).

Рассказывая обо всем вышеупомянутом, князь сообщал интересные подробности. Нерешительный Гирс держался в стороне от этих споров, но, когда он узнал, что Милютин потерпел частичное поражение, он готов был заключить князя в свои об'ятия [3]). Татищев упрекал впоследствии наше дипломатическое ведомство в том, что в стремлении защищать свою ведомственную дипломатическую независимость оно готово было пожертвовать делом, которому оно служило, и обвинял его в том, что оно в междуведомственных пререканиях с военным министерством готово было радоваться промахам русской политики в Болгарии, раз эта политика осуществлялась не дипломатами, а генералами [4]). В такой категорической форме это едва ли верно, а факты, приводимые Татищевым, не подтверждаются документами. Известная доля «пререканий», как мы увидим ниже, была налицо, но в болгарском вопросе Гирс больше всего опасался излишней определенности действий; он был противником активной политики где бы то ни было, а в данный момент, в пору заминки в русско-германских переговорах, мог быть сугубо осторожен. С другой стороны, Милютин, как ни далек он был от панславистов, которые, по мнению князя, ненавидели либеральную болгарскую конституцию, был все же затронут славянскими симпатиями в большей степени, чем «европеец» Гирс, который, как и большинство русских дипломатов, знакомых с «Европой», был действительно после Берлинского конгресса очень далек от панславистских и от славянофильских фантазий. Таким образом, обстановка, создавшаяся ко времени первого приезда князя в Петербург в 1880 г., несмотря на готов-

---

целиком решение князю, итти ли ему легальным путем или прибегнуть к перевороту, но при этом прибавлялось: «Il ne faut pas oublier toutefois qu'un échec de ce dernier moyen risquerait d'empirer l'état des choses d'une manière peut-être irremédiable. C'est pourquoi il nous parait plus prudent de n'y recourir qu'à la dernière extremité, apres avoir epuisé les moyens legaux». Таким образом, князь мог сделать вывод, что русским правительством необходимость изменения конституции во всяком случае считалась неизбежной и желательной.

[1]) Auf der Armee,—телеграфировал он своему отцу в февр. 1880 г.,—«kann ich nicht zählen, da der Kriegsminister Parenzow... sehr zweifelhafte, unehrliche Rolle spielt. Er und alle Russen, ausser Davidow, haben sich gemein gegen mich benommen». Corti, op. cit., 81. Князь был прав. Шепелев, привезший в Петербург письмо князя от 27 ноября, сделал устный доклад Александру II, в котором «указывал на подстрекательство австрийских и германских агентов к насильственному перевороту с целью уничтожить конституцию, служащую оплотом русского влияния в стране». Александр II сказал ему в ответ: «Ты совершенно прав; как бы ни дурна была сочиненная нами конституция,—не нам отнимать ее, не мне уничтожать результаты славной войны в пользу Австрии; а австрийцы, как видно, уже начинают действовать». Шепелев замечает, что эти слова послужили основанием как ответу царя князю, так и последующим инструкциям нашим дипломатическим агентам. Письмо полк. Шепелева графу Д. А. Милютину от 28 апр./10 мая 1881 г. Sof., II, 448—453, О. А.

[2]) Corti, op. cit., S. 78.

[1]) Ibid., 81—82.

[2]) Ibid., S. 82. Князь считал Милютина панславистом. Это, конечно, абсолютно неверно. «Панслависты» в это время не меньше князя ненавидели болгарскую конституцию. См. Татищев, 372—373. Точка зрения Милютина была гораздо сложнее. См. выше.

[3]) Corti, op. cit., S. 83.

[4]) Из прошл. русск. диплом, 388. Татищеву хотелось показать, что дипломатия в своем преклонении перед Европой, верная берлинск. трактату, была чужда «национальных интересов», носителем которых в России были военные. Это, конечно, абсолютно не вяжется с фактами, но вполне понятно в устах Татищева, старавшегося в 1890 г. в пользу франко-русского союза.

ность русского правительства при известных условиях удовлетворить желание князя, была явно для него неблагоприятна. Вполне естественно, что он обратил свои взоры на Австро-Венгрию, где он всегда встречал отменную любезность.

Что политика князя с самого начала была двуличной, это теперь совершенно очевидно, после опубликованной работы Корти, построенной на документах княжеского архива. Называя ее так, мы совсем не вкладываем в это слово какой-либо этической оценки. Политика всегда есть политика, и свое оправдание она находит в успехе. Но именно с этой точки зрения политика князя не заслуживает никакой похвалы. Его политика провалилась не от недостатка аппетита к интригам и махинациям сразу на два фронта—австрийский и русский, а от недостатка уменья и малого ума, качества, которые никоим образом нельзя отнять от князя.

Князь Александр находился в самых сердечных отношениях с австр. агентом в Софии, графом Кевенгюллером, который советовал князю «одним ударом освободиться от этой чумы» (т.-е. от русских) и показать свой авторитет, так как в противном случае он стоит перед угрозой превращения в марионетку, веревочки от которой будут находиться в чужих руках»[1]). Гаймерле заявил в апреле 1880 г. гофмаршалу князя, барону Ридезелю, что симпатии Австрии на стороне Болгарии и ее князя, но именно болгарского князя, а не правителя маленькой России[2]). Сам князь держался в беседе с австрийскими дипломатами того же мнения. Графу Кальноки во время своего первого пребывания в Петербурге он жаловался на настоящее нашествие в Болгарию русских самого отвратительного сорта, которых он, однако, должен принимать, так как в самой Болгарии нет нужных людей. Он, князь, не может защитить себя от этой, как он выразился, «сволочи» (Gesindel). В этих жалобах князя было много верного, но из этого совсем не следовало, что князь очень высоко ценил и представителей «своего народа». И консерваторы и либералы плохи, потому что они в одинаковой мере демократичны и ненадежны. Плоха сама конституция, при существовании которой невозможно управлять[3]). Впоследствии он даже считал, что Кальноки должен был поставить ему памятник за то, что благодаря его ловкости болгары освободились от русского ига и приобрели ярую ненависть к России[4]).

Повторяю, и такая политика могла бы быть целесообразной и достаточно ловкой, если бы перед князем стояла широкая цель, оправдываемая политическими принципами его времени и его среды и политическими задачами его «нового отечества». Ничего такого в действительности не было. Честолюбие не по разуму и аппетиты не по средствам—такова характеристика его внутренней и внешней политики. Попав на перепутье большой европейской политики, он сделался игрушкой в руках великих держав-соперниц, которые хотели превратить его в орудие своих вожделений и бросили его на произвол судьбы, лишь только убедились в его бесполезности. Для нас интересен не столько он сам, сколько та политика, которую через него и при его помощи хотели осуществлять две наиболее крупные соперницы на Балканах—Россия и Австрия. О первой мы уже говорили. Политика второй в сравнении с политикой первой державы поражает нас одним историческим парадоксом. В то время как для официальной политики абсолютической царской России оказалось возможным, хотя бы некоторое время, поддерживать либеральную и демократическую конституцию Болгарии, политика второй, конституционной страны, всегда была направлена к поддержке всех абсолютических покушений всех балканских царьков. Об'яснение этого парадокса лежит, однако, в самой природе австро-балканских отношений. Политика Австрии на Балканах стремилась быть политикой колониальной державы по отношению к колониям, которые, однако, не могли в силу ряда исторических причин окончательно политически слиться с государством, претендовавшим на роль метрополии. Политика Австрии по отношению к балканским государствам поневоле должна была придерживаться принципа: «экономическая аннексия без политической». В своем месте мы подробно останавливались на причинах, в силу которых внутренняя структура дуалистической монархии, поставленной в определенные международные отношения, не допускала безоговорочной аннексионистской политики на Балканах в 70 и 80 годы. Наша задача здесь сводится к тому, чтобы показать, какое влияние оказывала эта политика экономического подчинения без прямого политического на социальные отношения в балканских государствах. Несмотря на то, что с 1879 г., с начала так называемой эры Таафе, в Австрии политически господствующей группой оказалась главным образом крупная поземельная магнатерия, и общий для всей Восточной Европы переход к консервативной политике сказался с достаточной силой и здесь,—в отношении к Балканским государствам Австрия продолжала оставаться державой капиталистической и буржуазной. Задача экономического овладения балканским рынком, захваченным после крымской войны 1855 г. французами и англичанами, разрешалась правительством Австро-Венгрии в двух направлениях: оно стремилось установить железнодорожную связь с Балканами и заключить благоприятные для себя торговые договоры с балканскими государствами. И в том и в другом отношении Австрия, поддерживаемая Германией, сумела добиться существенных результатов, в особенности в западной половине Балканского полуострова. Но и в восточной его половине, молчаливо признанной в качестве русской сферы влияния, экономические успехи Австрии встречали сравнительно слабое сопротивление со стороны России. Эта политика Австрии осуществля-

[1]) Corti, 89.
[2]) Corti, S. 88.
[3]) Ibid., S. 84.
[4]) Ibid., S. 128

лась, конечно, не только путем непосредственного нажима на слабые балканские княжества, но и посредством привлечения на свою сторону известных социальных слоев внутри балканских государств, тем более, что эти слои сами нуждались в поддержке извне. Это были крупные капиталисты, сильные экономически каждый в отдельности, но слабые в целом как группа, в силу своей немногочисленности. Связанные своими капиталами с заграницей, главным образом с той же Австрией, и заинтересованные по преимуществу в крупных государственных концессиях и поставках, они не были австрофобами, потому что боялись ущерба своему имуществу, и были консерваторами, потому что желали бесконтрольно распоряжаться государственным хозяйством. Если, таким образом, антиконституционные тенденции балканских государей находили в них надежную поддержку, то и Австрии с ними было бы легче договориться, тем более, что часто они были сами заинтересованы в австрийских предприятиях на Балканах [1]).

[1]) Чрезвычайный посол России Ионин писал в 1883 г. в разгар кри-
зиса в Болгарии, приведшего к восстановлению Тырновской конституции
7/19 окт. 1883 г. (Dép. № 20 от 24 окт. 83 г. Sof., I, 823—330. О. А.): «Би-
гелебен (австр. агент) с большим сожалением смотрит на ограничение
власти князя конституционными порядками. Австрии, которая вполне со-
знает и признает даже законным (по выражению барона Бигелебена) наше
влияние в Болгарии, выгодно, чтобы князь стоял как бы особняком от
этой страны. В таком положении князь vollens-nolens может быть окру-
жен и поддерживаем только небольшим кружком людей, хотя и болгар,
но по большей части пришельцев, как Вулкович, Стоилов, Греков и др.
(консерваторы, будущие после переворота 1881 г. члены консервативного
министерства; «клика», «триумвиры» и т. д., как их называли русские. *Ск*.). Не
будучи в состоянии бороться с нашим влиянием в стране, Австрия, напро-
тив, имеет все шансы к тому, чтобы безусловно управлять кликой, что
для нее выгодно не столько в политическом отношении, сколько в матери-
альном. Вся почти иностранная торговля в Болгарии находится в руках
Австрии, которой для усиления этой торговли нужно завладеть здесь кон-
цессиями, участвовать в постройках железных дорог, в учреждении бан-
ков и т. д. Все это обыкновенно дает доход министрам, а потому, если бы
при единодержавном князе министерством окончательно завладела клика,
материальные выгоды Австрии были бы навсегда обеспечены. В этом случае
соперничать с Австрией не мог бы никто, а тем более Россия, лишенная
здесь возможности вести торговлю в обширных размерах, не обладающая
предприимчивостью (разве—вспышками и весьма непоследовательно), а по-
тому не имеющая возможности давать постоянный и верный доход мини-
страм и их клевретам. При конституционном правлении подкупать, если
не невозможно, то по крайней мере трудно. Министры меняются, а взяв-
шие взятку не могут ручаться за тех, которые их заменят; кроме того
болгарам надобно отдать справедливость, что они зорко следят за своими
денежными делами, а будучи сами народом расчетливым и отчасти жадным,
с большой ненавистью относятся ко всяким концессионерам и предприни-
мателям. Если бы Россия захотела играть в Болгарии ту же коммерче-
скую роль, как Австрия, то вероятно и нам пришлось бы для развития
наших торговых дел держаться по отношению к внутренней политике
Болгарии австрийского образа действий, т. е. поддерживать единодержа-
вие и клику, ибо, вероятно, точно так же народ противился бы русским
концессионерам, и последним так же, как и австрийским, гораздо удобнее
было бы соглашаться с Стоиловым, который берет взятки, чем с Цанко-
вым, который их не берет».

Подобную картину мы видели в Сербии, где князь (с 1882 г. король) Милан и крупная буржуазия заключили торговый договор с Австрией, ставившей Сербию в тяжелую экономическую зависимость от Австрии, а сам король Милан пошел даже и на ограничения в пользу Австрии своего суверенитета взамен гарантии, данной Австрией его династии [1]). В меньшей степени это заметно и в Болгарии, где консерваторы, как известно, были «западниками» (русские называли их «австрийцами» или просто изменниками). Князь Александр знал, что он делал, когда в феврале 1880 г., добиваясь от своего «северного дяди» согласия на упразднение конституции, грозил, что в случае отказа он обратится к Австро-Венгрии [2]).

Союз Австрии с крупно-капиталистическими элементами и с княжеской властью на Балканах не представляет собой чего-либо ненормального. История колониальной политики полна примеров такого союза или, лучше сказать, такой зависимости местных капиталистов политически как-будто независимых стран, с слабо развитой национальной буржуазией, от иностранного капитала. Этот иностранный капитал всегда бывает враждебен национальной революции, политическому торжеству национальной буржуазии, связанному для иностранного капитала с потерей его гегемонии и его колониальных сверхприбылей. Отсюда понятен также ярый национализм и австрофобство балканского либерализма и радикализма, в которых поднимающаяся национальная буржуазия находила свое идейное выражение. Будучи антиавстрийцами, либералы и радикалы вполне естественно были руссофилами и остались бы таковыми повсюду и навсегда, если бы не глупейшая антинациональная политика русского абсолютизма в Болгарии, которая оттолкнула в конце-концов от России болгарских радикалов и либералов.

До тех пор пока русский капитализм оставался незаинтересованным в Болгарии, русский абсолютизм мог вести без особой для себя опасности либеральную политику на Балканах, получая в лице славянского национального движения сильнейшую поддержку против мадьярско-немецкой Австро-Венгрии.

Все это приходится иметь в виду, чтобы понять настойчивость, с которой болгарский князь жаждал отмены конституции. Первая неудача не смутила его, и во второй и третий приезды в Россию в апреле 1880 г. и марте 1881 г. он снова поставил все тот же вопрос перед русским правительством. Однако последнее продолжало стоять на своем. Тогда князь, воспользовавшись чрезвычайно благоприятной обстановкой, последовавшей за убийством Александра II, решил пойти на крайнее средство и поставить нерешительное русское правительство перед дилеммой: «я или конституция».

[1]) См. австр.-сербск. союзн. договор. Ключников и Сабанин, Международн. политика, № 228, 16/28 июня 1881 г., ст. 2 и ст. 4.

[2]) Corti, 85.

Прежде чем перейти к истории «превратa» 1881 года, мы должны рассеять одно недоумение, которое может возникнуть у каждого, кто хорошо знаком с историей этого переворота. В 1882 г. в самый разгар борьбы князя с генералами, обвинявшими князя в том, что он предался австрийцам и что он по наущению австрийцев произвел в 1881 г. переворот, в газете «Pester Lloyd», № 231, от 11/23 августа 1882 г. была опубликована Стоиловым инструкция Гирса от 11 марта 1882 г. за № 10 русскому агенту в Софии Кумани, заменившему собой прежнего русского агента Давыдова. Русскому по происхождению, но стоявшему близко к князю журналисту Головину, известному впоследствии своей апологией политики князя, было поручено использовать это разоблачение для доказательства того, что и правительство Александра II соглашалось на переворот, осуществленный князем в 1881 г. Обо всем этом тогда же временно исполнявший обязанности русского агента в Софии Арсеньев узнал от самого Головина. Последний на этот раз, по какой причине—неизвестно, предал русскому правительству и князя и проделку Стоилова, передав Арсеньеву подлинник шифрованной депеши на имя чиновника политической канцелярии князя, Моравенова, предназначенной для передачи ее ему, Головину. Сообщая об этом Гирсу 15/27 августа телеграммой № 65 [1]), Арсеньев просил Гирса опровергнуть подлинность разоблачения, сделанного Стоиловым в газете «Pester Lloyd». Гирс сделал такую пометку на телеграмме от 15 августа: «Трудно сделать это опровержение, потому что по сличении с подлинником документ этот оказывается довольно верным».

Это, однако, не позволяет нам сделать того вывода, какой принял М. Н. Покровский в том смысле, что русское правительство знало о намерениях Баттенберга и совсем не расположено было ему мешать [2]). Обстановка была гораздо сложнее. Инструкция Гирса Кумани [3]) мало чем отличается от письма Александра II князю и от инструкции Гирса Давыдову. И смысл был тот же самый: надо использовать все легальные возможности в пределах конституции, прежде чем решиться на государственный переворот.

Не было бы ничего удивительного, если бы русское правительство заняло ту позицию, какую ему приписывает М. Н. Покровский. Наоборот, приходится удивляться тому, что оно все же так упорно сопротивлялось желаниям князя, и князь это прекрасно понимал, не решаясь на переворот вплоть до благоприятного момента. А это случилось, когда не стало Александра II, ибо князя сдерживала не столько «вермишель» гирсовских инструкций, из которых можно было бы сделать какой угодно вывод, а ясно выраженное нежелание Александра II, разделявшего позицию своего военного министра.

[1]) Тел. Арсеньева, tél. secret. 15/27 août 1882. Sof., II л. 376. Подробная депеша о том же 16/28 авг., № 65, ibid., Sof. л. 145.

[2]) М. Н. Покровский, Войны и дипломатия царской России, 346.

[3]) Dépêche à Coumany 11 mars, 1880, № 10. Sof., 1880. л. 2—24, А.К.М.

Русское правительство,—если в данном случае говорить о министерстве иностранных дел,—было застигнуто переворотом 27 апреля 1881 г. врасплох. Это можно в данный момент утверждать с полной достоверностью. Да и сам Александр III, как ни мало он был расположен к конституции вообще, а к болгарской в частности [1]), не ожидал, что князь будет действовать так стремительно. Весной 1880 г. выборы дали большинство либералам, князь призвал лично ему ненавистного Цанкова, и либералы согласились даже называть князя «его высочеством». Одно время могло казаться, что между князем и либералами состоится примирение. Сессия второго обыкновенного Собрания оказалась плодотворной. Смещенный по требованию Австрии с поста премьера Цанков [2]) был, правда, заменен Каравеловым, но и это не ухудшило как-будто отношений между князем, с одной стороны, министерством и палатой—с другой.

Отправившись в Петербург на похороны Александра II, князь говорил Шепелеву, встретив его в Вене, «что он вполне доволен положением дел в княжестве, что все идет спокойно и правильно, что доходы страны достигли совершенно неожиданного развития и, наконец, что отношения его, князя, к министерству, если и не интимны, то вполне удовлетворительны» [3]).

Донесения русского агента в Софии Кумани были самого успокоительного в том же смысле тона, а Кумани не принадлежал к поклонникам князя и к планам отмены конституции относился отрицательно. Его нелады с князем послужили отчасти причиной его отозвания в апреле 1881 г., но инструкция, данная его преемнику Хитрово [4]), вполне отражала успокоение, наступившее в Болгарии, по мнению русского правительства. Предлагая новому агенту самое бережное отношение к молодому князю, «соединенному узами с нашей августейшей императорской фамилей», Гирс останавливался затем особо на вопросе о конституции. Он признавал ее несовершенства, но он в то же время подчеркнул, что она была выработана по постановлению Берлинского конгресса, принята вотумом народа и признана Европой: «Ce n'est donc qu'avec une extrême prudence et que dans les voies légales qu'il serait possible de chercher éventuellement une amélioration de l'ordre de choses existant en Bulgarie au moyen d'une réforme constitutionelle». Необходимо избегать потрясений, но,—добавляла инструкция,—«кажется, что вопрос о конституции в настоящее

[1]) На донесении Лишина от 8 апр. 81 г. о том, что Эрнрот совершенно поссорился с болгарскими министрами и прекратил с ними всякие сношения, Ал. III сделал надпись: «Меня это вовсе не удивляет, оно и быть не может иначе с этой дурацкой конституцией, которую мы подарили Болгарии».

[2]) Stan:ff, op. cit, S. 106. Sof., II, за 81 г., л. 178. О. А.

[3]) Шепелев—гр. Милютину от 28 апр./10 мая 81 г. Sof., II, 81, л. 448—453.

[4]) Инструкция Хитрово от 8 апр. 81 г. Sof., II, 81, л. 359—368.

время устранен под влиянием наших советов умеренности». Законодательная деятельность собрания протекает вполне удовлетворительно [1]).

Русское правительство, однако, ошиблось; быть может, даже было искусно введено в заблуждение. Князь не покидал планов отмены конституции и, повидимому, не думал о серьезном перемирии с либералами и конституцией [2]). Он предоставил им полную свободу в надежде на то, что их политика провалится сама собой. Но дело у либералов пошло не так плохо, и князю пришлось прибегнуть в конце-концов к насилию. В лице генерала Эрнрота и некоторых членов русского агентства он нашел людей, вполне ему преданных и готовых поддержать его планы. Было ли осведомлено ближе русское правительство о замыслах генерала Эрнрота, ибо он был автором меморандума 22 апреля / 4 мая, представлявшего, так сказать, диспозицию готовящегося переворота, который был несомненно результатом соглашения между ним и князем? На этот вопрос надо ответить отрицательно. В план Эрнрота посвящен был секретарь агентства Лишин, о плане знал сам русский агент Кумани, который в это время собирался покинуть Болгарию. Но генерал Эрнрот, сообщивший ему свое твердое намерение предложить князю немедленно же по возвращении из Петербурга созвать Великое народное собрание и потребовать себе на 5 или 7 лет чрезвычайные полномочия, так как с либералами абсолютно невозможно иметь дело, все же согласился с Кумани, что необходимо подождать прибытия нового русского агента Хитрово и его инструкций [3]). Запоздалые письма Кумани вызвали недоумевающий вопрос царя: «Я одного не понимаю, почему Кумани раньше не писал ничего об этом, а только теперь, когда уже факт совершился» [4]). Мы теперь понимаем почему. Никто этого переворота не ожидал именно в тот момент, когда он совершился. Полковник Шепелев, который в это время был в Вене, принимая участие в Conférence à quatre по пресловутому железнодорожному вопросу вместе с болгарским делегатом Стойчевым, писал Милютину 28 апреля (ст. ст.): «Вчера получены Стойчевым весьма серьезные и полные опасности в будущем известия из Болгарии о совершившемся там перевороте и о созвании князем Великого народного собрания... Сведения эти тем более поразили Хитрово (который на пути в Софию остановился как-раз в это время в Вене *(Ск.)* и меня, что не далее как третьего дня приехавший из Софии г. Кумани подробно сообщал нам о решении генерала Эрнрота побудить князя к созыву Великого собрания, чтобы добиться от него приостановки на 5 лет действия настоящей конституции и образования Верховного совета, составленного из иностранцев, для управления страной, но вместе с тем Кумани передал уверения Эрнрота, что последний не сделает ни одного шага в этом направлении до приезда в Софию г. Хитрово и до ознакомления с полученными им инструкциями. Следовательно, в промежуток четырех суток между выездом Кумани из Софии и прибытием его сюда должны были произойти в Болгарии такие события, которые заставили Эрнрота ускорить исполнение государственного переворота, не дождавшись нового русского представителя, или же надо допустить невероятное, что русское правительство санкционировало подготовлявшиеся Эрнротом меры, идущие совершенно вразрез с инструкциями, данными неделю тому назад г. Хитрово». Действительно, последнее предположение было невероятно. Представить себе упрямого финна, прямолинейного и честного человека и весьма ограниченного политика Эрнрота и награжденного всеми дипломатическими добродетелями, за исключением одного—таланта,—Гирса в роли Маккиавелли довольно затруднительно. Да в этом и нет надобности. События при полном освещении их дипломатическими документами дают ключ к пониманию того, что произошло. Эрнрот впоследствии печатно заявлял, «что о своих планах он не признал удобным сообщить посредством дипломатического агентства в Софии и имел на это свои основания» и что князь по прибытии в Софию (16/28 апреля 1881 г.) никаких указаний из Петербурга ему не передавал [1]). Это вполне согласуется с фактами. Приехав в Петербург, князь, несмотря на не совсем подходящую обстановку, все же успел представить новому царю свои обычные жалобы и на «полуреспубликанскую» конституцию и на «корыстных» либералов, пользующихся конституцией для устройства своих делишек [2]). «Князь,—замечает Корти [3]),—не встретил в России сопротивления, но Александр III все же заметил ему, что он может делать все, что он считает нужным, но пусть он не рассчитывает на его активную поддержку. В остальном он обещал выполнить целиком все, что считал долгом сделать его предшественник как для Болгарии, так и для князя». Рассказ Корти осно-

---

[1]) Ibid. Ces questions qu'un moment paraissaient à l'ordre du jour en Bulgarie semblent d'ailleurs écartées actuellement sous l'influence de nos conseils de modération. L'activité législative de l'assemblée bulgare si elle n'a pas toujours été bien inspirée n'a pas de moins fait naître aucune commotion grave en dehors de son enceinte. La Principauté a traversé assez tranquillement la première et par conséquant la plus difficile periode de son existance...

[2]) Corti, 82. со слов самого князя (wie er selbst sagte) говорит, что либералы были призваны к власти по приказанию русского правительства. «Der Fürst war entschlossen, dem neuen Kabinett freie Hand zu lassen. Es musste sich selbst zurgunde richten. Erst dann hielt er es für möglich, die Verfassung, das Russiche Danaergeschenk, zu beseitigen oder wenigstens gründlich zu ändern».

[3]) 2 письма Кумани Гирсу из Вены от 26 апр./8 мая и 28 апр./10 мая 81 г. Соф., II, л. 445—446, л. 454—463. Последний факт подтверждается письмом Шепелева Милютину от 28 апр. 81 г.

[4]) Надпись Ал. III на Extrait de deux lettres de Coumany en date de Vienne 26 apr./8 mai—28 apr./10 mai 81. Sof., II, л. 445—446.

---

[1]) Письмо Эрнрота в «Русск. Старин.», ноябрь 1886 г., стр. 477.

[2]) Corti, op. cit., S. 108.

[3]) Ibid., S. 109.

вывается на данных княжеского архива, и поэтому почти невероятно, чтобы князь умолчал о разрешении покончить с конституцией, если бы такое разрешение ему было дано в Петербурге без всяких оговорок. Наоборот, и это место биографии князя и все приведенные выше документы говорят за то, что в официальном отношении и в данном случае было повторено приблизительно то же, что и в предыдущие приезды князя в Петербург. Гирс по обыкновению мямлил, Александр III оставался нерешительным, хотя внутренне был всецело на стороне проектов князя, а в общем события в России отодвинули болгарские дела на задний план [1]).

Но князь хорошо «учел обстановку», какой она была в России в марте—апреле 1881 г., и тактически поступил вполне правильно, издав манифест 27 апреля (9 мая), не подождав Хитрово и его инструкции, ибо последняя, став известной князю, наложила бы на него обязательство добиться от русского правительства формального письменного согласия, в чем он, весьма возможно, потерпел бы полное фиаско. Тактика князя заключалась в том, чтобы поставить Гирса и царя перед совершившимся фактом. Князь попал в «тон времени». Его прокламация, возвещавшая народу отставку либерального правительства и созыв Великого народного собрания, у которого князь намерен был просить приостановки конституции на 7 лет и чрезвычайных полномочий для себя, выпущена была за 2 дня до царского манифеста 29 апреля, которым были рассеяны последние либеральные надежды в России.

Итак, русская политика на Балканах стояла перед новой ситуацией и перед новыми задачами, серьезность которых ее руководители едва ли понимали.

Каково будет отношение русского правительства к совершившемуся только-что факту? От этого зависела вся его будущая

---

[1]) Эрнрот замечает («Русск. Стар.» 86 г., ноябрь, 477.), что этими делами, т.-е. болгарской конституцией с болгарскими делами сообща, «в Петербурге, повидимому, не интересовались». Т. обр., обычное утверждение, встречающееся даже в поздних работах (Staneff, op. cit., S. 107), что князь произвел переворот, получив на это согласие русск. правительства, не совсем соответствует фактам. Ад'ютант князя Корвин сказал Стойчеву, что поездка князя из Петербурга в Берлин и затем пребывание его в Вене имели будто бы целью заручиться согласием и «нравственной поддержкой» этих двух кабинетов на предстоящий переворот. Когда же Стойчев заметил, что главные условия успеха есть согласие России, то Корвин ответил: «Россия так занята внутренними делами, что князь нашел неудобным отвлекать внимание государя болгарскими неурядицами». Впрочем, позже, когда благожелательная князю позиция русского правительства была уже очевидна, австрийцы тем не менее отрицали свое согласие на переворот (Fonton à Giers 15/27 juin 81, V, 5, л. 320: Kallay m'a formellement affirmé que le Prince Alexandre à son passage ici n'a ni consulté ni prevenu l'Autriche sur le Coup de Etât).—Этому можно поверить, т. к. для австрийцев момент, избранный князем, не был удобен. Сабуров писал тогда же, 30 апр./12 мая: (Berl., 11, 201): Le Gouvernement Autrichien a télégraphié ici, qu'il ne désapprouvait pas la décision du Pr. Alexandre, mais qu'il aurait préféré son ajournement après solution complète d'affaire Greque, pour ne pas avoir deux complications sur les bras».

политика. Но именно этот момент в России был менее всего удобен для спокойного решения международных задач. Русское правительство находилось в том процессе колебаний в определении своего собственного курса, в котором каждый технический вопрос управления приобретает принципиальную окраску и превращается в программу. То же случилось и с болгарским вопросом. «Принцип» восторжествовал над целесообразностью, и правительство Александра III принуждено было проделать горький опыт разочарований и «скандалов на всю Европу», прежде чем оно пришло к сознанию, что в 1881 г. оно совершило крупную ошибку, поддержав князя и дав ему возможность при помощи русской силы уничтожить ту самую конституцию, которую оно в течение 2-х лет считало наилучшим средством для укрепления в Болгарии своего влияния.

Неожиданный для России «превrat» 27 апреля 1881 г. вызвал в кругах русского правительства небольшую, но красноречивую полемику. Прикомандированный к особе князя полковник Шепелев рисовал для России в будущем самые мрачные перспективы. Если,— думал он, Великое народное собрание даст князю полномочия и согласится на образование особого совета из иностранцев, то случится одно из двух: либо «иностранный» — вероятнее всего, австро-немецкий—совет действительно все заберет в свои руки и будет управлять по указке австрийских и германских дипломатических агентов, либо распоряжения совета встретят противодействие со стороны массы второстепенных административных исполнителей,—а эта масса все-таки останется болгарской,— и тогда пойдут бесконечные неурядицы, волнения и т. д., которые придется, быть может, подавлять русскими офицерами «для вящшего утверждения иностранцев в Болгарии». Но может случиться, что Великое народное собрание откажет князю в требуемых им полномочиях. Тогда князю придется или отречься от престола, как он об этом заявил в прокламации, или разогнать собрание и водворить диктатуру, опираясь на войска, предводимые русскими офицерами. Трудно сказать, что предпочтительнее. Отречение князя—это вмешательство Европы, возможная иностранная оккупация и т. д. Диктатура с помощью русских офицеров, насильно навязывающих стране князя, не менее пагубна для русского влияния. «Иностранцы не замедлили бы воспользоваться таким оборотом дела, чтобы в глазах болгар выставить Россию в самом неприглядном свете, поборницей деспотизма, и тем подорвали бы в них веру и привязанность к нашему отечеству». «Итак, из всех перечисленных выше случайностей исход один и тот же: конец русскому влиянию среди балканских славян и возбуждение в них нами же самими ненависти и недоверия к русскому правительству». Таковы печальные выводы, к которым приходил Шепелев в конце своего длинного донесения гр. Милютину от 28 апреля/10 мая 1881 г. По его мнению, правительству следовало бы запретить ген. Эрнроту принимать на себя обязанности

председателя совета министров или же совершенно отозвать его оттуда. Пересылая письмо Шепелева Гирсу, Милютин в сопроводительной записке всецело присоединяется к своему агенту: «Не полагаете ли Вы,—писал он 29 апреля 1881 г.,—что лучше (подч. Милютиным) всего нам уклониться от всякого вмешательства в личный вопрос о положении генерала Эрнрота в Болгарии, предоставив ему самому, как знает, уладить дело с князем Александром. Если они вдвоем решились на такой шаг, о котором теперь мы узнали из газет, то, значит, они не желают слушать наших советов и подчиняться нашему руководству». Гирс, однако, лучше понимал настроение царя. Взгляд Александра III на болгарскую конституцию ему был известен из апрельских ремарок царя на донесении Лишина. Поэтому одновременно с письмом Шепелева он представил царю донесение Лишина, которое рисовало совершенно в другом свете события в Болгарии [1]. Временно исполнявший обязанности русского агента, Лишин писал, что князь имел все основания обратиться к народу, «долженствующему сделать выбор между своим князем и назойливой толпой крикунов, величающих себя защитниками народных прав». Эти «защитники» народа не имеют ничего общего с массой болгарского народа; это—интеллигенция, получившая образование за границей—на Западе или в России—и «возвращающаяся на родину без всяких средств, но с большими надеждами и с еще большими претензиями». Настоящая народная партия—это консерваторы, в состав которых входят духовенство, зажиточные городские и деревенские жители, которых политические враги их «называют чорбаджиями (кулаками), приверженцами старого порядка вещей». Но они немногочисленны, тогда как либералы «влияют на массу посредством полуобразованных сельских учителей и небогатых ремесленников, рассеянных по главнейшим городам княжества и жадно прислушивающихся к речам ораторов, сулящих народу свободу и богатство». «Весьма ясная картина, и я уверен—совершенно правдивая»,—написал царь на депеше.—Я никогда не доверял Шепелеву и всегда считал его человеком вредным и с весьма подозрительным оттенком!»—пометил он на письме Шепелева. «Подозрительный оттенок» шепелевского образа мыслей заключался, конечно,—догадаться не трудно—в том самом «паршивом либерализме», от которого незадолго до этого царь предостерегал своих министров [2].

Итак, участь болгарской конституции была решена. Гирс ответил Милютину, что Эрнроту нужно остаться до тех пор,

---

[1]) Лишин—Гирсу от 30 апр. 81 г. Соф., II, 475—481.
[2]) Резолюция Ал. III на донесении Сабурова от 3/15 апр. 81 г. (С. А. № 9, л. 212—214), в котором Бисмарк советовал прежде всего для России «un regime de severite»: «Это до того верно и справедливо, что, дай бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши, поняли наше положение, как его понимает кн. Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом».

«пока он не окончит предпринятого князем переворота», и эта фраза вполне соответствовала дальнейшему течению событий. То, что было начато князем, было блестяще закончено русскими, которые приняли, таким образом, на себя не только «моральную» ответственность за совершонный князем переворот, но и предоставили все свои материальные силы в распоряжение князя, чем и обеспечили ему полный успех его предприятия.

Как отнеслись к перевороту державы-союзницы? Небольшой экскурс в область австрийской политики на Балканах, анализ балканской политики Бисмарка, помещенные выше, уже подготовили нас к положительному ответу на этот вопрос. Политика Бисмарка, неизменно благожелательная к Австрии, в отношении к России, как и всегда, покоится на соображении: чем глубже увязнут русские в свои балканские дела, тем слабее они в Европе. Само собой разумеется, что он при этом больше всего боится скомпрометировать себя перед Россией; он действует осторожно и подчеркивает «незаинтересованность» Германии. «Бисмарк находит,—телеграфировал Сабуров 29 апреля 11 мая 1881 г. [1]),—что, если князь болгарский не может оставаться с нынешней конституцией, следует попробовать изменить ее. Бисмарк полагает, что кн. Александр во время своего последнего визита в Петербург договорился с императорским кабинетом или, по крайней мере, не оставил его в неведении относительно своих намерений. При своем проезде через Германию он выразился в том смысле, что он «не может сохранить корону, не изменив конституции». «Я тоже всегда находил это единственным выходом для князя из отвратительного положения, в котором он находится»,—сделал пометку на этой телеграмме Александр III. Однако почти одновременно Сабурову сделалось известным, что князь совершил переворот, не спросив совета у русского правительства, и уже 30 апреля он телеграфирует Гирсу, что, по мнению Бисмарка, князь Александр совершил большую ошибку, опубликовав манифест, не посоветовавшись с императорским правительством относительно выбора момента [2]). Но Бисмарк скоро успокоился. Из Петербурга пришло заверение, что там даже довольны переворотом, и Бисмарк начинает оказывать русским самую дружескую помощь. «Представитель Германии фон Тилау,—писал Хитрово Гирсу 19/31 мая [3]),—постоянно убеждает меня не стесняться в выборе средств для поддержания княжеского престижа. Г. Тилау более всех советовал князю прибегнуть к принятым им решительным мерам». Агенты Бисмарка, как известно, на собственную политику не отважива-

---

[1]) Сабуров—Гирсу, тел. 29 апр./11 мая, 81 г. Berl., II. л. 199; tél 30 avr. 12 mai 81., ibid., л. 201. А. К. М.
[2]) Bismarck trouve que le Pr. Alexandre a eu grandement tort de lancer son manifeste sans consulter le Gouv. Imperial sur le choix de moment. Tél. 30 avr./12 mai 81, ibid., л. 201. А. К. М.
[3]) Хитрово—Гирсу, dépêche, № 61 от 19/31 мая, Sof., II, л. 215—220. О. А.

лись, и поэтому образ действий Тилау можно рассматривать как результат инструкций.

Убри телеграфировал из Вены, что там так же не предвидели переворота, как и в России. «Но совершенно очевидно,—прибавлял Убри,—что австрийское правительство относится с симпатией к пересмотру конституции в сторону усиления власти князя» («и я тоже»,—отметил на полях Александр III). Австрийцы находили лишь, что переворот произведен не во-время.

«Нам все равно, как это случилось и по чьему совету, но нам надо и мы обязаны поддерживать князя». Такую резолюцию сделал царь на депеше Сабурова от 29 апреля/11 мая 1881 г., в которой русский посол в Берлине излагал подробно свою беседу с Бисмарком по поводу переворота в Болгарии [1]). Эта резолюция сделалась исходной мыслью русской политики в Болгарии в ближайшее время. Злоключения этой политики в течение двух с лишков лет были доказательством того, что мысль была ошибочной. Русская политика в течение этого периода лет совершила полный круг, возвратившись к исходному пункту, от которого она отправилась в 1881 г.—к необходимости восстановления тырновской конституции, но за это время она растеряла свой авторитет и подготовила свой «моральный» крах, завершившийся в 1886 г. окончательным уходом русских из Болгарии. Период «полномочий» представляет поэтому огромный интерес для истории русско-болгарских отношений. Не меньший интерес он имеет и для историка русско-германско-австрийских отношений. Крах болгарской политики России был вместе с тем и крахом союза трех императоров. Все попытки Бисмарка замазать трещину в русско-австрийских отношениях, вызванную русскими неудачами в Болгарии остались втуне. Его расчеты не совсем оправдались, и значительная часть его работы, направленной к поддержке обветшавшего здания монархической солидарности, пропала даром. Мы остановимся пока на русской политике в Болгарии эпохи «полномочий», чтобы затем вдвинуть ее в рамки общеевропейских событий и в частности русско-германско-австрийских отношений.

В свое время я указал на то, какое значение имела болгарская конституция в русско-болгарских отношениях. Она, если можно так выразиться, охраняла «русское влияние» в Болгарии, ставя преграды произволу и русского абсолютизма и русской бюрократии. Теперь эта преграда исчезла, а позиция русского правительства по отношению к перевороту 27 апреля неизбежно усиливала соблазн неограниченного вмешательства во внутренние дела Болгарии. Обстоятельства эти требовали от русского правительства не только особой осторожности, но и ясного сознания своих политических задач, определенности и единства политического руководства. Ко всему этому правительство Александра III было способно в еще меньшей степени, чем прежнее. Двойственность в руководстве внешней политикой, создавшаяся раньше в результате вмешательства Милютина, была мало заметна благодаря тому, что влияние его оказывалось часто решающим. После его ухода, в начале нового царствования, его традиции и его политика продолжались генералом Обручевым, но последний не имел авторитета, каким пользовался Милютин у Александра II, а между тем после отмены конституции значительно расширилось поле непосредственного воздействия русского военного ведомства на внутреннюю политику Болгарии. Как ни старался Гирс соблюсти все дипломатические обычаи и приличия, свойственные отношениям двух государств, восстановить единство политического руководства, он, конечно, не был в состоянии. Болгария имела дело не с Россией, как с державой, а с русскими ведомствами и с русскими администраторами и министрами, стремившимися распространить русские бюрократические приемы со всеми их пороками на управление страной, переживавшей весну национального возрождения. Русских подозревали в том, что они хотели превратить Болгарию в русскую провинцию. Таких целей у русского правительства не было. Это не подлежит теперь никакому сомнению. Но его агенты, большие и малые, своим поведением оправдывали наихудшие подозрения в этом смысле. Будучи болгарскими администраторами, они продолжали оставаться русскими и являлись представителями русских интересов, как они их понимали.

В частности та военно-политическая задача, которая была поставлена в предыдущее царствование—создание большой болгарской армии,—заставляла их смотреть на Болгарию как на укрепленный форпост против Турции и Англии. Но если такая задача могла рассчитывать на успех лишь как часть общей болгарской национальной программы, то совершенно очевидно, что политика русского правительства в отношении ко внутренним порядкам в Болгарии должна была быть и конституционной и либеральной. Такой она и была при Милютине. С воцарением Александра III и с переворотом 27 апреля эта политика превращалась в покушение с негодными средствами, оказывалась заранее обреченной на неуспех.

Какое положение занимало во всей этой неурядице министерство иностранных дел, какова была политика его руководителя Гирса? Не раз упоминаемый мною Татищев писал свою заметку «о болгарских делах» с целью доказать, что политика ненавистного ему дипломатического ведомства была всегда антинациональной, что она мешала делу истинно русских людей в Болгарии, какими были военные и сам император Александр III. Все это было написано post factum (в 1890 г.). Говоря о политике военных, Татищев рисует ее такой, какой она была при Милютине. Он упрекает Гирса в том, что он не понял, что русским надо было всегда итти вместе с болгарскими либералами. Он забывает при этом, что его идейный предшественник, М. Н. Катков, вместе с И. Аксаковым, порицал болгарскую конституцию и болгарскую

[1]) С. А. 81, п. 9, л. 270—271.

интеллигенцию, т.-е. болгарских либералов, и приветствовал переворот 1881 г. Он нарочно замалчивает факт одобрения переворота со стороны Александра III и сваливает всю вину на русских дипломатов, иностранцев по происхождению (и тут немцы!), неспособных понять истинных национальных интересов России. В действительности положение Гирса было чрезвычайно трудное. Явно выраженная воля абсолютного монарха, кем бы и чем бы ни была она обусловлена, для него была об'ективным фактом или, чаще, просто лишним препятствием, которое надо было преодолевать. Близость Александра III к военным и панславистским кругам, как мы уже видели, делала его весьма чувствительным ко всяким «нашим задачам» на Балканах и диктовала ему часто решения, шедшие вразрез со всякой логикой. Практически задача Гирса сводилась к тому, чтобы смягчать и предупреждать нажимы и удары, которые сыпались и сверху и из других ведомств; на большее, на собственную политику, он по малым своим дарованиям и слабости не был способен. В одном лишь следует отдать ему справедливость. Подчиняя русско-болгарские отношения требованиям европейской политики России (в этом, по мнению Татищева, и заключалось «антинациональное» поведение Гирса), отказываясь от всяких широких планов и «славных деяний» на Балканах, Гирс действовал вполне в соответствии с тем положением, в котором находилась Россия после русско-турецкой войны, с положением внешней слабости и внутренней неустойчивости. Если его и можно упрекнуть в чем-либо, то только, пожалуй, в недостатке энергии, с которой он отстаивал свою политику от покушений извне и главным образом со стороны своего решительного, но неумного повелителя. Такова была русская политика в целом. Злоключения ее в Болгарии начались на следующий же день после переворота.

Александр III, человек очень посредственного ума, доверял не столько логике, сколько людям. Князь болгарский оказался недостаточно проницательным для того, чтобы понять, что безграничное доверие, каким он пользовался у царя, могло легко смениться такой же безграничной подозрительностью. «Князь Александр,—писал Хитрово 4 мая [1]),—сказал мне, что он смотрит на себя, как на наместника (lientenant) императора и считает долгом повергать все свои действия на одобрение его величества». «Это он постоянно говорил и отцу и мне»,—заметил Александр III на полях телеграммы, и с спокойной и наивной уверенностью прибавил в конце ее: «вообще не могу не радоваться этому перевороту, только бы князь довел до конца начатое дело спокойно и твердо».

Действительно, князю нужны были и твердость и спокойствие, ибо положение его оказывалось не совсем удовлетворительным.

---

[1]) Хитрово—Гирсу, tél. secr. 4 m i 81. Sof., II, 81, л. 112.

Англия открыто высказывала свое неудовольствие, внутри страны либералы развивали успешную агитацию, и князь уже взывал к России о помощи.

Осторожная политика Гирса, предписывавшего Хитрово «избегать всякой инициативы, которая могла бы повлечь за собой нашу ответственность» [1]), была чистейшей химерой, раз налицо было приказание царя поддержать князя. Русские офицеры были отправлены в провинцию в качестве чрезвычайных комиссаров, русский агент Хитрово поехал в путешествие с князем, который должен был подогреть воодушевление болгарских селяков в свою пользу к предстоящим выборам в Великое народное собрание. Вести, поступавшие из Болгарии, говорили о сильнейшей агитации против князя. Либералы распускали слухи, что переворот совершен вопреки воле России, и посылали в Петербург петиции, умоляя царя «напомнить господарю (т.-е. Александру) его клятву сохранять конституцию и вместе с тем повелеть своим русским подданным офицерам не вмешиваться в наши внутренние дела» [2]).

Русское правительство по совету Хитрово сделало официальное заявление министру иностранных дел княжества, рассеивавшее всякие сомнения на этот счет [3]), а царь отказался принимать петиции либералов. «Я от революционеров никаких телеграмм не принимаю, а эти либералы не что иное, как социалисты. Народ булгарский, я уверен, будет за князя, а это—только шайка крикунов и подлецов»,—написал на одной из таких телеграмм-петиций Александр III.

Но события все же оставались серьезными. «Критическое положение, созданное благодаря тому, что здесь действовали без всякой подготовки и, так сказать, по-детски,—писал Хитрово 27 мая/8 июня,—будет спасено непоколебимой верой всей Болгарии в незыблемость воли императорского правительства». Но дело было, конечно, не только в этой вере. Русские офицеры, сопровождаемые агентами консервативной партии, действовали неотразимо на политические убеждения болгарских мужиков, а русское правительство, на худой конец, подготовляло международное вмешательство в пользу князя. Австрия и Германия были согласны на такое вмешательство безоговорочно. Надеялись привлечь и Англию, хотя сведения оттуда были не совсем благоприятными. Германский посол в Лондоне Мюнстер доносил, что лорд Гренвилль находится под влиянием версии, согласно которой

---

[1]) Tél. secr. Гирс—Хитрово 7 мая 81. Sof., II, л. 318: «Vous devez appuyer le Prince Alexandre dans la crise actuelle, mais en évitant toute initiative qui pourrait entrainer notre résponsabilité».

[2]) Тел. на имя государств. канцлера из Софии от 7/19 июня 81 г. Sof., II, л. 221, подписанная Цанковым, Сукнаровым, Словейковым и Каравеловым.

[3]) Нота русск. дипл. агента в Софии, опублик. в «Державном Вестнике» от 30 мая/11 июня 1881 г.; текст у Татищева, стр. 371.

князь Александр является нарушителем конституции. «Он колеблется между желанием сделать что-нибудь в пользу князя и необходимостью оставаться верным традиционным принципам английской политики, которая всегда отдавала свои симпатии либералам» [1]).

Тревоги русского правительства оказались напрасными. На выборах в Великое народное собрание успех князя превзошел все ожидания. Описывая подробности этого радостного события, Хитрово рассказывал, что «в некоторых общинах крестьяне в наивности своей избрали представителем самого князя и даже государя императора, заявляя, что ни к кому другому они доверия не имеют» [2]).

1/13 июля было открыто 2-е Великое народное собрание в Систове. Вожаки либеральной партии, избранные в собрание, не были допущены до участия в нем, и князь получил требуемые им полномочия. В этот же день Эрнрот подал в отставку [3]) и несколько позже уехал в Россию, а в Болгарии было образовано консервативное министерство с двумя русскими офицерами в качестве министров внутренних дел (Ремлинген) и военного (Крылов). Герои будущего триумвирата (Начевич, Греков, Стоилов) остались в тени.

«Je Vous félicite sincèrement du succés ubtenu et m'en rejouis d'autant plus que j'y vois le gage du développement pacifique et heureux qui pourra désormais assurer à la Bulgarie toute la prospérité que je lui désire»—писал князю царь немного спустя после счастливого исхода систовского собрания [4]). «Местное самоуправление без малейшего политического значения, поддержанное и увенчанное высшей и центральной властью, совершенно откровенной и свободной в кругу правительственной деятельности» [5]) — этот идеал Ив. Аксакова, казалось, был достигнут. Если результаты «свободной» власти князя оказались не особенно счастливыми, то русскому правительству нельзя было обвинять в этом никого, кроме себя. А симптомы весьма неприятного для русского правительства нового оборота дел начали появляться, можно сказать, на другой день после получения князем «полномочий».

---

[1]) Сабуров—Гирсу, 11/23 июня 81 г. Berl., I, л. 285—290.

[2]) Хитрово—Гирсу, dépêche secr. 11/23 июля 81 г., № 81. Sof., л. 285—290. О. А.

[3]) Утверждение Корти (S. 112): «Général Ernroth müsste die Sache mit seiner Rückberufung bezahlen» не верно. Политика ген. Эрнрота получила самое высокое одобрение (см. ниже).

[4]) Ал. III князю Александру 27 июля 81, тел. шифр. Соф., II, л. 327.

[5]) Аксаков—кн. Александру, Славянский вопрос, 406—407; и дальше там же: «Итак, демократия в основании,—самостоятельность общин,—народ, истинный народ—центром тяжести—первенство интересу и духу народному,—уменье снискать популярность—частое совещание со страной—уважение к религии, почтительное отношение к духовенству,—с божьей помощью удастся Вам сделать Болгарию и могучею и счастливою», — писал с детской наивностью Ив. Аксаков.

Хитрово, вернувшись из своей поездки с князем, во время которой он мог писать только урывками, сообщал Гирсу в интереснейшей депеше от 31 июля/12 августа: «На мне лежит тяжелый долг нарисовать Вам правду, какой бы непрятный оттенок она ни носила... Княжеское правительство на следующей день после своего триумфа оказывается в более запутанном, более трудном и щекотливом положении, чем накануне только-что совершившегося пересмотра конституции». Хитрово согласен с тем, что болгарская конституция была испорчена тырновским собранием «entrainée dans les exagérations d'un faux libéralisme». Он разделяет мнение русского правительства, что в результате излишнего либерализма создалась «олигархия» интеллигенции, захватившей должности в княжестве и превратившей его в государство чиновников [1]). Над ними стоял князь, пользующийся лишь призраком власти и ограниченный со всех сторон, и под ними инертная, безучастная к общественным делам крестьянская масса. Вожаки партий, добираясь до власти, замещали места ставленниками своей партии, которые в свою очередь прилагали все усилия к тому, чтобы поддерживать министерство своей партии. Но Хитрово все же признает, что либералы управляли лучше, чем консерваторы, и имели бо́льшую опору в стране. Если бы они продержались у власти еще некоторое время, они бы навсегда обеспечили эту власть за собой, и это обстоятельство было причиной того, что князь поспешил с переворотом. Хитрово ничего не имеет против переворота, но он решительно порицает средства, которые при этом применялись. Переворот был совершен внезапно. Никто к нему не был подготовлен—ни русское правительство, ни болгарское общественное мнение. Князь сам говорил ему, Хитрово, по приезде последнего в Болгарию, что он собирался произвести пересмотр конституции осенью и что лишь настойчивость Эрнрота заставила его сделать это немедленно. Авторитет князя сразу упал после переворота. Либералы весьма умело распространяли слухи, что переворот произведен под влиянием Германии и Австрии и направлен против России. Пришлось спешно спасать князя. «Si à mon arrivée j'aváis montré un moment d'hésitation, la cause du Prince était perdue et l'oeuvre qui nous a coûté tant de sacrifice—gravement compromise».

Надо было прибегнуть к чрезвычайным мерам, но в результате их скомпрометирована Россия. Русские офицеры в качестве

---

[1]) Tout ce qu'il y avait dans le pays de lettré, tout ce qu'il avait en dehors du pays de bulgares vivant d'existance parasite et prolétaire est venu s'abattre sur les emplois publiques de la jeune Principauté. Ainsi s'est formé cette oligarchie qui dans ces derniers temps représentait pour ainsi dire à elle seule l'état bulgare, n'ayant au dessus d'elle qu'un Prince avec l'ombre d'un pouvoir limité de toutes parts, et au dessous la masse inerte des paysans complètement désintéressée dans la marche des affaires publiques... Au fond cette constitutjon n'était qu'une constitution de fonctionnaires public (de tchinownichs). Хитрово—Гирсу 31 июля/12 авг., dépêche secr., № 88. Sof., I, л. 282—323. О. А.

чрезвычайных комиссаров, сопровождались агентами консервативной партии. Последние в избытке усердия, желая привлечь на свою сторону крестьян—на горожан рассчитывать было нечего,—надавали им обещаний по части сбавки налогов и прибегали к прямым обманам, в роде заранее отпечатанных избирательных бюллетеней. Теперь налоги придется выколачивать при помощи все тех же русских офицеров! [1]). Каковы же результаты всего этого злоупотребления русским именем и русским авторитетом? Самые плачевные. Князь оказался изолированным. Консерваторы, опираясь на роль, сыгранную ими во время выборов, рассчитывали быть господами положения. Образование временного правительства, в которое вошли только двое из настоящих вожаков консервативной партии, Стоилов и Железкович, было для них разочарованием, и они отвернулись от князя. Епископ Нафанаил Лучский сказал про победу князя словами Пирра: «еще одна такая победа, и я погиб!» В данный момент князь может опереться лишь на внешнюю силу в виде русских офицеров и на силу влияния русского имени в Болгарии. Вместе с этим задачи русского правительства в Болгарии становятся очень трудными. «Наша непосредственная деятельность ограничивалась организацией армии, которой командовали русские офицеры, и деятельностью военного министерства с русским министром во главе. Дипломатический агент мог ограничиваться передачей князю советов императорского правительства, абсолютно не вмешиваясь во внутренние дела страны... Страна не могла взваливать на нас никакой ответственности и была воодушевлена по отношению к нам лишь чувством признательности за освобождение».

«Последние события в корне изменили сущность взаимных отношений. В настоящее время страна убеждена, что переворот совершон по инициативе русского генерала и мог совершиться только с помощью русских офицеров, облеченных полномочиями чрезвычайных комиссаров. Полномочия были даны страной князю только в силу безграничного доверия к России и преклонения перед волей ее правительства и его величества императора».

«Совершенно очевидно,—заканчивал Хитрово свою депешу,—что нам, как можно скорее надо выбраться из этого ненормального и опасного положения. И однако мы не можем сделать этого прежде, чем мы не будем уверены в будущем дела, созданного нашими победами и жертвами. Всякий результат, который не оправдывал бы необходимости переворота, неизбежно будет обращаться против нашего нравственного авторитета, которым мы пользуемся и должны пользоваться в Болгарии до того момента, когда она будет в состоянии сама осуществлять свои исторические предназначения».

[1]) «Or, après pue les ésperances éphémères ont été maladroitement semées parmi les populations rurales, c'est sur nos officiers que retombe aujourd'hui la tâche ingrate de maintenir de l'ordre et de la perception des impôts»... Ibid.

Эта депеша для нас тем более драгоценна, что она была написана до того момента, как произошла ссора между князем и Хитрово. Она показывает, что и Хитрово и князь прекрасно поняли трудность положения. Князь сделал из него необходимые выводы. Окруженный враждебно настроенными к нему либералами, разочарованными, но не потерявшими еще надежду на захват власти консерваторами, он чувствовал себя добычей русского правительства, дружественно поддержавшего его неразумное увлечение. Призрак власти, манивший его до переворота, оказался призраком и после него. Признать себя «наместником» России не на словах только, а и на деле, значило навлечь на себя ненависть всех партий и в первую очередь консерваторов. Пойти на сделку с консерваторами—значило потерять кредит в стране, которая шла за либералами, и сделаться игрушкой в их руках, потеряв надежду на русскую поддержку окончательно. Князь придумал иной исход. Уверяя русское правительство в дружбе и преданности, он попытался привязать к себе лично ту силу, которой он был обязан своим успехом — русское офицерство и подчиненную ему болгарскую армию. Замысел князя был прост и подсказывался непосредственной обстановкой. Около князя уже успел образоваться кружок любимцев из русских офицеров. Расширить этот кружок и превратить офицеров в преторианцев, чуждых стране и преданных князю, осыпающему их повышенными окладами, чинами и орденами—все это была не мудрая и не новая программа. Опираясь на эту силу, князь мог вступить в соглашение с кем угодно и прежде всего с теми же консерваторами, которые при таких условиях были бы уже не опасны для его власти. А такое соглашение диктовалось необходимостью и было выгодно как для князя, так и для консерваторов. Князь получал кредиты на постройку своих дворцов и конюшен, консерваторы—подряды и поставки. Очень хорошо понял обстановку и Хитрово, но выводы, которые он сделал, оказались, как мы сейчас увидим, несколько неожиданными. Махнув рукой на «моральный» вес русского имени, он попытался сначала сорвать с князя материальные выгоды для Поляковых, Гюнцбургов и К°. Меньше всего поняло в том, что произошло, русское правительство. Гирс отвечал на пространную депешу Хитрово нудной жвачкой, а Александр III, просто не раскусивший сути депеши, написал изумительную резолюцию: «Может быть, многое и справедливо, но напрасно он (т. е. Хитрово. *Ск.*) старается умалить действие генерала Эрнрота, которому все-таки главным образом принадлежит честь всего переворота в правлении страной. Генерал Эрнрот показал себя молодцом и выказал много характера и знания дела». Смягчающим для царя обстоятельством было лишь то, что он не читал самой депеши, а лишь министерское извлечение из нее. После этого, конечно, не могут казаться удивительными слова самого Эрнрота, что по приезде в Петербург он ни от кого не слышал порицания своим действиям. Гирс мог считать подвигом с своей сто-

роны уже то, что он не сообщил Эрнроту столь высокой оценки его политического глубокомыслия.

Получив при помощи русских свои полномочия, князь на первых порах чувствовал необходимость отблагодарить русское правительство. Кабинет, составленный после систовского Великого народного собрания, включал двух русских. Шли переговоры о замене одного из них, временно исполнявшего должность министра внутренних дел, полковника Ремлингена, более авторитетным лицом—Эрнротом или Домонтовичем. Но эти переговоры скоро исчезли со страниц дипломатической переписки.

Уже 19 августа тот же Хитрово писал, что хотя лично князь не внушает ничего, кроме симпатии, но его характер настолько слаб, что он всегда подпадает под влияние последнего, кто с ним имел беседу. В результате «русское влияние» стоит перед величайшей опасностью. Он, Хитрово, пробыв 4 месяца в Болгарии, пришел к убеждению, что переворот по замыслу людей, толкавших на него князя, был направлен против русского влияния. Ген. Эрнрот и сам князь были простыми орудиями в руках Грековых, Начевичей и Стоиловых, дублировавшихся агентами Австрии, Германии и Франции. Впрочем, он допускал, что германский агент в свою очередь был только игрушкой в руках Австрии.

С этого времени упоминания об интригах этих «soi-disant conservateurs» более не сходят со страниц донесений Хитрово [1]). Горизонт начинает заволакиваться тучами. Нет уже прежнего доверия к князю. Выборы в новый Державный совет, произведенные по знакомому рецепту, дали подавляющее большинство консерваторам. Цанков и либералы стали проповедывать восстание. Тогда князь приказал закрыть либеральные газеты и впоследствии выслал Цанкова во Врацу. Все это, однако, не могло бы послужить достаточным основанием для той вражды, которая вскоре вспыхнула между князем и консерваторами, с одной стороны, и Хитрово — с другой, если бы не железнодорожный вопрос. Считая, что князь обязан своим успехом во время переворота только России, Хитрово решительно потребовал не только осуществления «русского» проекта железной дороги от Дуная к Софии, но и выступил ярым защитником знакомой уже нам «русской компании» Полякова—Гюнцбурга. Надо заметить, что об этой стороне деятельности Хитрово почти умалчивает в своей переписке. Но за него постарались консерваторы, которые, начиная с ноября 1881 г., повели в газетах «Българин» и «Български Глас», издаваемых на капиталы Хаджиенова, городского головы г. Софии

---

[1]) 18/30 августа, 81. Хитрово — Гирсу. Sof., I, 341 — 345. O. A. Le petit groupe des soi-disant conservateurs à la tête desquels se trouvent M-rs Stoiloff, Grekoff, Natchevitch et Voulkowitch, qui s'est déjà entiérement ralié aux eux, tache d'entourer le Prince d'une véritable muraille cdinoise. Leur idéal est un Gouvernement, dont ils auraient tous les avantages en laissant toute la responsabilité au Prince seul.

и главного претендента на железнодорожные подряды, бешеную кампанию против Хитрово и русских. Железнодорожному вопросу суждено было сыграть огромную роль в русско-болгарских отношениях, и поэтому на нем следует остановиться особо.

Военно-стратегические задачи, ставшие перед русским правительством после русско-турецкой войны, были продиктованы опасением близкого разложения Турецкой империи и захвата проливов Англией. Международная обстановка во время войны и конгресса показала, что Россия не может рассчитывать на безусловную поддержку Германии и что всякая «историческая задача» на Балканах может быть решена только в результате соглашения с Австрией, неприкосновенность которой, как великой державы, сделалась аксиомой германской политики. Поэтому русское правительство, обеспечив себя от неожиданностей со стороны центральнынх держав и добившись от них формального признания своих преимущественных прав на «освобожденную» Болгарию, стало устраивать в ней свои дела, сообразуя свою политику с основной потребностью текущего момена—с необходимостью обеспечить себя от неожиданностей со стороны Англии, в случае, если бы эта последняя вздумала укрепиться на берегах Босфора.

Болгария была кратчайшей сухопутной дорогой к проливам. Организуя в Болгарии большую армию, которая, как надеялись в России, послужит авангардом против Англии и Турции, русское правительство обратило внимание и на развитие железнодорожной сети в Болгарии, в направлении, соответствовавшем ее военным задачам. Здесь его, однако, ждали большие разочарования. «Русское» направление железных дорог не совпадало для Болгарии с направлением экономически целесообразным (западным). Финансы молодого государства не позволяли постройки дорого стоящих и не являющихся необходимыми железных дорог, и поэтому правительство Болгарии имело все основания сопротивляться желаниям России. Удивительнее всего то, что русское правительство не позаботилось о том, чтобы обеспечить своим планам поддержку на Берлинском конгрессе, в то время как Австро-Венгрия добилась постановления о соединении ее железнодорожных линий с балканскими и теперь требовала скорейшего осуществления «интернациональных» линий, долженствовавших связать ее экономически с Константинополем и Салониками. Агенты русского правительства попробовали действовать напролом, требуя от Болгарии «благодарности» за освобождение ее от турецкого ига. Их рвение усугублялось тем обстоятельством, что за их спиною стояли крупные компании железнодорожных предпринимателей, жаждавших получить концессию с доходами, обеспеченными правительством. Деятельность этих компаний на Востоке представляет собой интересную страничку в истории европейского капитализма эпохи континентального фритреда, а их успехи и барыши об'ясняются тем, что в своем экономическом развитии Восток значительно отставал от остальной Европы и представлял, в силу

отсталости своего социального и политического строя, широкое поле для рыцарей наживы.

Уже с 70-х годов Балканы и Восток привлекают внимание железнодорожных предпринимателей. Железнодорожная горячка с середины 50-х годов в Европе закончилась грандиозным крахом 1873 г., который в значительной мере был вызван железнодорожной спекуляцией и дутым железнодорожным предпринимательством. Но если для больших государств Европы железнодорожная болезнь закончилась кризисом и переобременением государственной казны платежами по железнодорожным облигациям (в России, напр., в 70 г. эти платежи доходили до 50 млн. руб. ежегодно) [1]), то рвение железнодорожных культуртрегеров, перенесенное после кризиса 1873 г. в остальные страны Востока, грозило последним сущим разорением, экономическим и политическим порабощением. Один из великих энтузиастов новых средств сообщения, египетский хедив, поплатился за свои увлечения своей независимостью и колоссальным обнищанием своих подданных, обираемых англо-французскими капиталистами во славу последнего купона египетского займа. Другой из таких энтузиастов, турецкий султан, был очень недалек от таких же последствий. Пользуясь подкупностью высшего чиновничества, английские и французские предприниматели под покровительством своих правительств добивались концессий на железные дороги, которые часто были совершенно бесполезны для самой Турции, но зато служили важными путями английской и французской торговли. В результате успешной деятельности англо-французского капитала, «открывшего» в эпоху Восточной войны 1854—1855 г.г. балканский рынок, австрийцы экономически были почти вытеснены с Балкан [2]), и, таким образом, Австрия поплатилась экономически за свою черную «неблагодарность» по отношению к России. Англичане и французы, начиная с 60-х годов, построили в Турции ряд железных дорог, которые шли от морских портов в глубь страны, но далеко не доходили до тех пунктов, где оканчивались железные дороги Средней Европы. Во время оккупации Боснии и Герцеговины оказалось, что доставка английских товаров через Салоники для оккупационных австрийских войск стоила дешевле, чем доставка своих, австрийских [1]).

[1]) См. Витте, Воспоминания, том III, гл. VII «О железнодорожных королях». Упоминаемые здесь Поляков и Губонин подвизались и в Болгарии.

[2]) По данным В. Прсселя, знаменитого составителя первого проекта Багдадской жел. дороги и большого знатока Востока, торговля с Турцией, которая до Крымской войны на $^2/_3$ находилась в руках Австрии, в десятилетие 1863—1872 г. перешла большей частью в руки англичан и французов. Из 395 млн. марок общего оборота с Турцией

на долю Англии приходилось		192	млн. мар.,
» » Франции »		58	» »
» » Германии »		30	» »
» » Австро-Венгрии »		27	» »
» » Швейцарии »		16	» »
» » Голландии »		12	» »
» » Италии »		11	» »
» » Бельгии »		7	» »

Эти данные приведены у P. Dehn'a, Nach dem Orient, Einleitung. В Вене спохватились только со времени русско-турецкой войны, но пришли к выводам еще менее утешительным, чем Прессель. (См. Oesterreichs Handelsinteressen im Orient, Wien, 1878, издат. «Industrieller Klub», S 57—59. Продукты текстильного производства доставлялись в Турцию в конце 70-х годов почти исключительно Англией (из общего ввоза в 68.206 тысяч гульденов на долю Англии приходилось 61.710 тысяч гульденов), см. вышеупомянутое изд. «Industrieller Klub». S. 40 Интерес английских либералов к Балканам имел, т. обр., вполне материальные основания.

В Вене спохватились только в конце 70-х годов, когда последствия продолжающегося экономического кризиса поставили перед австрийской промышленностью вопрос о расширении внешнего рынка. Русское продвижение на Балканы вызвало опасения в том смысле, что запретительная система, начинавшая водворяться в России, может распространиться и за пределы ее нынешних границ (т.-е. на Балканы [2]): австрийскому правительству Балканы начинали казаться обетованной землей, сулившей ему разрешение кризиса и освобождение его от страха перед социализмом [3]). «Friede und Arbeit!»—так в двух словах резюмировала высокоавторитетная брошюра пожелания австрийских промышленников относительно австрийской политики на Балканах.

Понятно поэтому крайнее упорство Австрии, добивавшейся исполнения тех постановлений Берлинского трактата, которые позволяли ей пробиться к Константинополю и Салоникам и таким путем уничтожить экономические преимущества, вытекавшие для англичан и французов из расположения железных дорог. Такова была международная сторона турецкого железнодорожного строительства.

Каким способом строились эти железные дороги, можно догадаться без особого труда. Страны, подобные Египту и Турции, с бесправной массой и подкупным чиновничеством, проявлявшим исключительный энтузиазм по поводу подобных предприятий, были настоящим золотым дном для «рыцарей легкой наживы» («Glücksritter»—по немецкой терминологии). На Балканах в конце 60-х годов, когда там впервые стали строиться железные дороги, действовала фирма Langrand—Dumonceau, которую поддерживал граф Бейст. Австрия рекомендовала ее Турции в 1868 г., желая вознаградить ее за «потери», понесенные ею в Австрии. Вскоре она разорилась окончательно, и ее место занял, и тоже по австрийской рекомендации, «знаменитый» барон Гирш. Это был крупный мошенник, типичный биржевой делец, подкупавший правительства и содержавший прессу, которая вела в его пользу оглушительную

[1]) Paul Dehn, op. cit., Einleitung, S. III—IV.

[2]) Oesterreichs Handelsinteressen im Orient, S. 51.

[3]) Ibid., S. 55.

агитацию. Газета «National Zeitung» называла железнодорожные предприятия Гирша «eine der grössten finanziellen und politischen Skandal unserer an solchen sicher nicht armen Zeit» [1]). Концессионный акт [2]) давал концессионеру право на постройку и эксплоатацию железн. дороги, ведущей от Константинополя к Саве, с ответвлением к Салоникам, Шумле и Дедеагачу. Турецкое правительство гарантировало 14.000 фр. дохода с километра в год. На основе этой гарантии был создан ряд других предприятий, так же быстро появившихся, как и исчезавших, за кулисами которых был все тот же Гирш. Как истый биржевой делец, Гирш оставил себе лишь дело финансирования предприятия, а постройку железной дороги передал известному строителю дороги Paris—Lion—Mediterranée инж. Talabot, который обязался уплачивать Гиршу гарантию по 8.000 фр. за километр в год по окончании постройки, в то время как Гирш обязался доставлять материал для постройки за 30.000 фр. с клм. Турецкое правительство не только согласилось на такую передачу, но пошло даже дальше: оно гарантировало Талябо те самые 8.000 фр., которые последний обязался платить Гиршу и в качестве залога внесло во французский банк 13 млн. франков. Дальнейшая стадия операции заключалась в следующем: Талябо снова уступил все свои права Гиршу, который выступал теперь уже в двух лицах—в качестве строителя и эксплоататора. Строитель Гирш обязан был давать Гиршу-эксплоататору материал за 30.000 фр. с километра, эксплоататор Гирш—строителю Гиршу обязан был уплачивать 8.000 фр. ежегодной гарантии с километра, кроме тех 14.000 фр., которые были гарантированы турецким правительством в общем порядке. В общей сложности по нескольким договорам турецкое правительство на таких условиях сдало концессий на 1.250 километров. Все эти обязательства и ренты были капитализированы на венской бирже в количестве 1.980.000 штук акций по 400 фр. нарицательных, дающих 3% и подлежащих выкупу через 104 года по 180 фр. Таким образом, Гирш, успешно произведший эту операцию благодаря соответствующей газетной подготовке, выручил 356.400.000 фр., тогда как ему для финансирования постройки надо было всего 254.545.451 фр.; 101.854.546 фр. оказались расходами по финансовым операциям! Орган австрийского министра иностранных дел «Frembdenblatt», утверждал, что Гирш на одной финанс. операции «заработал» 54 млн. фр., а на всей турецкой постройке около 125 млн. фр. В 1882 г. турецкие билеты упали с 180 фр. до 25. Больше всего пострадали германские и австрийские капиталисты.

Во что обходились эти железные дороги подданным султана, свидетельствуют исчисления знаменитого Пресселя, представившего Порте в 1873 г. доклад о положении железнодорожного

[1]) P. Dehn, op. cit., 53.
[2]) Actes de la concession des chemins de fer de la Turquie d'Europe, Constantinople, 1871.

строительства в Турции. Турецкой казне грозит неминуемый крах и кабала—таков вывод Пресселя. Через 25 лет турецкая казна будет стоять перед дефицитом в 12 миллиардов 886 млн. франков, считая по 14% на занятый капитал. Известный граф Игнатьев, сообщая русскому правительству данные Пресселя, прибавлял, что английские капиталисты не считают их преувеличенными: «Один из них сказал мне на-днях, что, по его мнению, «железные дороги разорят Турцию и что, если она будет продолжать нынешнюю систему постройки, ее, самое позднее, через 5 лет постигнет полное банкротство» [1]). Такова была оборотная сторона «строительной горячки» [2]).

Удача финансовых операций Гирша об'ясняется отчасти тем, что Гирш, выступавший до 1870 г. под эгидой французского правительства, после разгрома Франции стал усиленно подчеркивать свое «баварское» происхождение и сделался вскоре предметом особых ухаживаний австрийского правительства, мечтавшего о том, чтобы забрать экономически в свои руки румелийские железные дороги [3]). Результатом этих ухаживаний австрийцев был договор 18 мая 1872 г., заключенный между Гиршем и Портой, согласно которому к 1875 г. Гирш должен был выстроить железные дороги, соединяющие Константинополь и Салоники с южноавстрийскими линиями (в направлении Belowa—Sofia—Pirot). Но по каким-то непонятным причинам работы на главной линии задержались. Железные дороги строились не с того конца, с какого нужно было Австрии, а попрежнему от морских портов в глубь страны, что было очень выгодно англичанам. Впоследствии оказалось, что барон Гирш был в приятельских отношениях с принцем Уэльским, будущим королем Англии, Эдуардом VII. В 1886 году благодаря ему Гиршу удалось сорвать с Болгарии в качестве выкупа за Рущукско-Варненскую железную дорогу (одну из совершенно бесполезных и для Турции и для Болгарии) куш, вдвое с лишним превышающий ее действительную стоимость [4]). События 1875—78 г.г. прервали работы по постройке железных дорог, и, таким образом, и после Берлинского конгресса Австрия оказалась в том же положении, в каком она находилась еще в 1873 г. Нажим на Турцию и Сербию, а теперь, кроме этого, и на Болгарию, с целью добиться соединения их железных дорог с австрийскими приходилось начинать сызнова.

Согласно §§ 10 и 38 Берлинского трактата, на Сербию и Болгарию переходили обязательства, которые в свое время приняла на

[1]) Игнатьев—Горчакову 7/19 июня 1873 г.; папки: турецкие жел. дор., Гл. Арх., л. 10.
[2]) Ibid., Игнатьев—Горчак. 23 апр./3 м. 73. «Le sultan est en proie à une véritable fièvre de chemin de fer. Il s'interesse à tous les détails de leur construction et exige de ses Ministres des résultats immédiats»...
[3]) Гл. Архив, папка: турецк. железные дороги. Игнатьев—Горчакову 26 янв./6 февр. 75 г., № 24.
[4]) Jord. Dantchoff, Das Eisenbahnwesen in Bulgarien, Leipzig, 1917, S. 5.

себя Турция по соединению своих железных дорог с австрийскими. § 38 Берлинского трактата гласил, что вопрос соединения должен быть урегулирован немедленно по восстановлении мира путем заключения договоров между четырьмя заинтересованными державами: Австро-Венгрией, Сербией, Болгарией и Турцией. В июле 1880 г. Австро-Венгрия подняла вопрос о созыве в Вене конференции этих четырех держав. Перед болгарским правительством встала задача примирить интересы страны с требованиями Австро-Венгрии и покровительствуемой ею компании Гирша, превратившейся с 1 января 1880 г. в «австрийскую» под названием «Betriebsgesellschaft der orientalichen Bahnen» и вступившей во все права и обязательства прежней Compagnie d'éxploitation des chemins de fer de la Turquie d'Europe, зарегистрированной в Париже 11 января 1870 года.

Русский архив содержит большую, но мало интересную переписку, касающуюся Conférence à quatre. На основании ее можно установить, что болгарские делегаты выступали на ней с согласия русского правительства и после предварительного соглашения по всем пунктам с русским агентом (полковником Шепелевым). Русское правительство, конечно, не случайно принимало так близко к сердцу интересы болгар. Параллельно с заседаниями Conférence à quatre, железнодорожный вопрос оживленно обсуждался в Софии. Болгары, не протестуя против постройки своего участка железной дороги: Белова—София—Пирот (Цариброд—Вакарель), всячески старались отделаться от услуг компании Гирша. Русское правительство поддерживало их в этом направлении, выдвигая на место Гирша своих кандидатов, петербургских банкиров Гюнцбурга—Полякова и их представителя, инженера генерала Струве. Похождениям этих героев не совсем приличной для русских аферы способствовало то обстоятельство, что агенты русского правительства, действовавшие в Болгарии, оказались в подозрительной близости к этой компании, развивавшей весьма широкие планы полного захвата болгарской казны и болгарских доходов в свои руки. Железнодорожные концессии были лишь скромной частью золотой добычи, которую должна была дать «облагодетельствованная» страна «русским» предпринимателям. И, прежде чем перейти к подробностям железнодорожного вопроса в Болгарии, весьма поучительно остановиться на деятельности барона Гюнцбурга и К° в целом.

Не успела Болгария освободиться от «турецкого ига», как туда нахлынули разного рода искатели приключений и легкой наживы с различными соблазнительными проектами. Что среди этих предпринимателей большинство было «русских», было вполне понятно, но не должно вводить нас в заблуждение. Австрийцы, немцы и французы, орудовавшие в Турции до войны и представляемые часто в едином лице все того же неизменного и интернационального и по происхождению и по кошельку барона Морица Гирша, должны были отступить на задний план перед рус-

скими благодетелями. Но странным образом, самые крупные из русских претендентов, барон Гюнцбург и С. Поляков, находились в весьма дружеских и даже родственных отношениях с интернациональным бароном и русскими были только частью, вероятно, даже наименьшей своей частью, так как главные их капиталы и дела пребывали и совершались в Париже. Повидимому, это было прочное гнездо дельцов, связанных между собою общими гешефтами и готовых каждую минуту стать гражданами любого государства.

В лице русских чиновников, отправленных в Болгарию после войны в качестве различного рода экспертов и советников, эти предприниматели нашли великолепных помощников и ходатаев, патриотически усердствовавших на разнообразных поприщах болгарского народного и государственного хозяйства. Уже в конце 1879 г. некий Утин подал в совет болгарских министров проект устройства в Болгарии национального банка, осуществить который брался банкирский дом Гюнцбург и К°. 12 января известный нам полковник Шепелев телеграфировал Милютину [1]: «Совет министров одобрил проект банка Гюнцбурга, внесенный Утиным, представил его на утверждение князя, который желает скорейшего осуществления; ибо министры решили закрыть прежний банк по его несостоятельности и израсходованию фондов. Давыдов советует князю не утверждать проекта до получеия мнения из Петербурга. Весьма важно скорее получить одобрительный отзыв нашего правительства для устранения австрийских и французских конкурентов, интригующих против учреждения, содействующего русскому влиянию».

Телеграмма эта показалась Милютину настолько важной и секретной, что он собственноручно изготовил ее копию и отправил Гирсу. Но в министерстве иностраннных дел были уже знакомы с этим вопросом и, повидимому, не считали себя достаточно компетентными, чтобы решить это дело сразу, тем более, что у дипломатического агента Давыдова были на этот счет какие-то сомнения, как это видно и из приведенной выше телеграммы Шепелева. Во всяком случае, в этом же архивном фонде имеется датированная 11 января записка министра финансов Грейга [2]) по поводу учреждения национального банка в Болгарии, довольно детально рисующая аферу русских банкиров. Это было типичное грюндерство. Авторы проекта преполагали учредить болгарский национальный банк с акционерным капиталом в 25 млн. фр. и открыть действия банка по взносе на акции 20% с номинальной их стоимости, т.-е. 5 млн. фр. При этом они требовали, чтобы банку было предоставлено право вести не только обыкновенные краткосроч-

[1]) Шепелев—Милютину 12 янв. 1880 г. Копия, писанная рукой само о гр. Милютина, была переслана Гирсу и хранится в папке. Sof., II, 1880, л. 185. О. А.

[2]) Записка мин. фин. Грейга по поводу учреждения национал ного банка в Болгарии 11 янв. 1880 г., № 422. Sof., II, л. 197—199.

ные операции как за свой счет, так и по комиссии, но и право выпуска банковых билетов с принудительным курсом наравне со звонкой монетой, а также право чеканить монету и учреждать сберегательные кассы и ломбарды. Кроме этого, они испрашивали освобождения операций от гербового сбора и всяких других податей и налогов. После окончательного устройства недвижимой собственности в княжестве они предполагали производить также и выдачу долгосрочных ссуд закладными листами. Сообщая обо всем этом Гирсу, Грейг находил, что русскому правительству вообще не следует связываться с такими делами, а с этим предприятием в особенности. Дать привилегию на выпуск банковых билетов с принудительным курсом значило бы поставить в зависимость от банка все денежное обращение страны. Болгарскими финансами распоряжались бы в таком случае парижские банкиры (Гюнцбург, как мы сказали, имел свое основное местопребывание в Париже). «Наконец, — заканчивал свое рассуждение Грейг, — следует заметить, что по проекту устава банка никаких сроков не назначено ни для первого по акциям взноса (5 млн. фр.), ни для полной оплаты акций, и, таким образом, утверждение сего устава было бы равносильно дарованию бессрочной концессии, которая могла бы лишь препятствовать возникновению других банков, учреждение коих могло бы быть допущено с пользой для княжества». Но Грейг не ограничился официальной бумагой и сделал приписку: «Je dois ajouter que, à mon avis, la Principauté ne devait en aucun cas admettre l'installation d'une banque priviée p r i v i l é g i é e (подчеркнуто Грейгом) et serait sagement de s'en tenir comme nous à une Banque de l'Etat. Si elle ne suit pas ce conseil, elle aura bientôt lieu de s'en repentir amèrement».

Следует заметить, что все это дело всплыло впервые в то время, когда в Болгарии у власти стояли консерваторы. По какой причине они так легко согласились на этот проект,—трудно сказать. Был ли это с их стороны тактический ход, или они рассчитывали принять участие в предприятии, которое для их собственных капиталов оказалось чересчур крупным,—решить мы не можем. На некоторое время вопрос о банке сошел со сцены. Это было время поездки князя Александра в Петербург. С марта у власти появились либералы, и дело о банке возникло снова [1]). Но потому ли, что консерваторы боялись, что они, лишившись власти, не смогут получить свою долю, или они вообще не сумели столковаться с бароном Гюнцбургом,—они открыли на страницах своих органов ядовитую кампанию против Гюнцбурга и его русских доброжелателей. Нового русского агента, Кумани, они просто обвиняли в том, что он состоит на содержании у Гюнцбурга [2]). Гирс

[1]) Частное письмо Лишина от 19 апр./1 мая, Sof., I, 1880, л. 590 О. А.

[2]) «Български Гласъ», 15/VI 80, № 80. «Пакъ по националниятъ банкъ в София».

запросил Кумани, и последний ответил, что он действительно получил от Гюнцбурга 50 тыс. франков, но что это его собственные деньги [1]). Консерваторы, стоявшие во время своего министерства близко к делу о национальном банке, повидимому, были прекрасно осведомлены о ходе дел весной и летом 1880 г. Русское министерство иностранных дел, действительно, одно время склонялось к тому, чтобы с своей стороны поддержать Гюнцбурга, несмотря на отрицательный отзыв министра финансов [2]). Однако позже, с того времени, как в болгарских консервативных газетах поднялась кампания против Кумани и национального банка, вопрос окончательно сошел со страниц министерской переписки. Раздраженный нападками консерваторов, Кумани жаловался князю. Князь предлагал преследовать газеты судебным порядком, намекая, что все это происходит оттого, что консерваторы находятся в «оппозиции», и не удержался, чтобы не развить еще раз любимую мысль о необходимости изменить болгарскую конституцию [3]). На этом дело пока и кончилось.

Не успев в одном деле, Гюнцбург—Поляков не потеряли, однако, надежды добиться своего в другом. На очереди стоял созыв Conférence à quatre и окончательное решение железнодорожного вопроса. И в этом вопросе Гюнцбург и К° имели «руку» в лице русских инженеров Копыткина, Саранчева, Яншина и Белова, которые в начале 1881 г. составили при болгарском министерстве особую комиссию для разбора концессионных предложений различных железнодорожных компаний. О том, кто были эти люди, красноречиво говорит одна депеша третьего по счету русского агента в Софии, Хитрово, сменившего Кумани в 1881 г., накануне переворота: «Приходится выслушивать в здешней публике по поводу разных баснословных концессий и контрактов, заключенных на разные казенные постройки по ведомству, во главе которого стоит русский инженер». Результатом этого оказывается, что болгары начинают приглашать французских инженеров. «Но как ни прискорбно было видеть их на болгарской службе, подающих свое мнение в столь интересующем нас вопросе о железных дорогах,—ратоборствовать слишком за русских инженеров по выбору г. Копыткина... у меня язык не поворачивается» [4]). Комиссия, руководимая Копыткиным, сразу решила два вопроса: о необходимости пригласить в качестве концессионеров Гюнцбурга—Полякова—

[1]) Кумани—Гирсу от 17/VI 80. Sof., 1, 1880 л. 633—638 О. А.

[2]) Из письма Лишина от 19 апр./1 мая 80 г. (Sof., I, 1880 г. л. 590—594. О. А.) видно, что Гирс одобрил «arrangement avec Güntzburg», и соответствующая депеша была послана в Софию 18 апр. 1880 г.

[3]) Lettre confid. de Coumany 2/14 VII 1880. Sof., I, 1880, л. 640—644 О. А. «On comprendra á St. Petersbourg combien la liberté de la presse est nuisible en Boulgarie et combien il serait urgent de modifier la Constitution»...—сказал князь русскому агенту.

[4]) Хитрово—Гирсу депеша 31 января/12 февр. 82 г., № 15., Sof., 1882. л. 94—97. О. А.

Струве [1]) и о необходимости отвергнуть притязания барона Гирша. Для последней цели комиссия составила большой меморандум, отправленный в Вену Шепелеву, который был послан на Conférence à quatre вместе с болгарскими делегатами [2]). Меморандум дает довольно ясную картину состояния железнодорожного вопроса в Болгарии в 1881 г. в связи с претензиями Гирша. Болгария, в случае, если она признала эти претензии, должна была бы заплатить за постройку новых железных дорог и устройства порта в Варне 51.700.000 фр. Эта сумма слагалась из следующих статей: стоимость дороги София—Цариброд в 120 килом.—24.000.000 фр., Варненский порт—2.500.000 фр. и железная дорога Ямболи—Рущук—25.200.000 фр. Капитал этот ссужал болгарскому правительству Гирш, взимая за это обычные для железнодорожных предприятий на Балканах 11%, что было бы равносильно ежегодной уплате 5.678.000 фр. К этой сумме надо было прибавить уплату километрической гарантии по уже построенной Рущукско-Варненской железной дороге, в общем 3.500.000 фр. [3]), а всего одних %% и гарантий 9.178.000 фр. (при общем гос. доходе в 25—30 млн. фр.!). При этом надо было иметь в виду, что дороги, построенные Гиршем, прежде чем стать вполне годными к эксплоатации, требовали добавочной затраты, по русским вычислениям, в 27.000 фр. на километр. Исходя из того, что прежняя компания («французская» с Гиршем во главе) обязана была осуществить постройку линии к 1875 г. и что юридически она перестала существовать с 1 января 1880 г. (превратившись в «австрийскую» с тем же Гиршем во главе), болгары отказывались признать претензии Гирша на передачу ему концессий, несмотря на то, что последнему оказывало сильную поддержку австрийское правительство [4]). Последнее увидело себя вынужденным уступить, и несколько позже (31 мая 1883 г.) болгарам, с помощью русских, удалось добиться от Гирша формального отказа от его претензий. Между Болгарией и Австро-Венгрией была заключена конвенция, в силу которой Болгария обязывалась построить принадлежащую ей часть международной линии не позже 15 октября 1886 г. (§ 5 конвенции).

---

[1]) Лишин—Гирсу 23 апр./5 мая, деп., № 49. Sof. 1881, л. 156. и дальше О. А. К депеше приложен протокол заседаний вышеупомянутой комиссии, на которых проект Гюнцбурга—Струве был признан наиболее подходящим.

[2]) Меморандум, как и большинство бумаг, относящихся к Conférance à quatre, находится в папках корреспонденций из Вены (Vienne, I и особен. Vienne V) А. К. М. Vienne I dép. 26 fevr./10 mars 81, № 110, Memorandum ad № 41, ibid., л. 112—130.

[3]) Эта гарантия, как уверял впоследствии С. Поляков, фактически не выплачивалась болгарским правительством. См. записки Полякова Победоносцеву в 1887 г. К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, полут. 2, стр. 737.

[4]) Убри—Гирсу 18/30 марта 1881 г., Vienne, I, л., 164—178, № 58. Убри подтверждает полную солидарность австро-венг. правительства и «Betriebsgesellschaft» Гирша.

Гораздо большее значение для внутренне-политических отношений получил вопрос о другой линии проектируемых болгарских железных дорог, от Дуная (конечный пункт Рущук или Систово) к Софии, которая имела большое стратегическое значение для России на Балканах.

Русское правительство не могло открыто действовать против «интернациональной» линии, проведение которой предписывалось Берлинским трактатом. Но оно хотело парализовать возможную для себя опасность железнодорожной связи Болгарии с Австрией проведением путей, идущих от Дуная (Рущук или Систово) к Балканам и Софии. Эта линия должна была связать Болгарию с Россией и обеспечить последней быструю переброску войск к важнейшим стратегическим пунктам на Балканах [1]). Русское правительство, конечно, было бы непрочь от того, чтобы «русские» линии были проведены в первую очередь, но не очень на этом настаивало [2]), не желая лишний раз раздражать Австрию. До падения министерства Дизраэли оно, как мы видели, вообще готово было итти на большие уступки среднеевропейским державам, желая избавить себя от страха перед Англией, а с появлением у власти в Англии либералов переговоры о заключении союза трех императоров пошли ускоренным темпом, и надо было избегать поводов к лишним ссорам. Оно поддерживало «русских» предпринимателей, но тоже не очень решительно. Впоследствии С. Поляков жаловался, имея в виду как раз болгарские железные дороги, что с министерством иностранных дел никакого серьезного дела вести нельзя: оно и секреты сохранять не умеет, и ни на что путное решиться не в состоянии [3]).

Неопределенность позиции и нерешительность русского правительства об'яснялись отчасти тем обстоятельством, что одно время у него появились сильные союзники в лице болгарских либералов и Франции и оно могло надеяться на то, что его самые затаенные надежды, т.-е. постройка «русской» линии раньше «интернациональной», будут осуществлены чужими руками. Банковские проекты Гюнцбурга и К° вызвали в Австрии подозрения. 17 июня 1880 г. [4]) Кумани телеграфировал в Петербург, что Австрия формально требует назначения болгарских делегатов для соглашения по статье 10 Берлинского трактата. «Цанков намерен

---

[1]) О стратегич. значении «русских» линий см. М. Покровский, т. I, Войны царской России, 1924 г., стр. 349 и дальше.

[2]) Koch, op. cit., 57. Его показания, как лица близкого к князю и настроенного против русских, имеют большой вес. Вот что он говорит по этому поводу: «...doch lies es (das officielle Russland) dem Fursten freie Hand (в вопросе о ж. д.) und empfahl ihm nur Klugheit an, die internationalen Verpflichtungen mit den Hülfsquellen und inneren Bedürfnissen Bulgariens in Einklang zu bringen». Эти показания вполне согласуются с документами русского архива.

[3]) К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. I, полутом 2, стр. 577, № 525.

[4]) Tél. sect. de Coumany 17/V. 180. Sof., I, 187. O. A.

ответить,—добавляла телеграмма,—что для выбора делегатов и снабжения их инструкциями нужно, чтобы Порта предварительно сообщила лежащие на ней обязательства. Вместе с тем Цанков желал бы, чтобы составилась серьезная русская компания, Гюнцбурга или другого, могущая, с одной стороны, облегчить упомянутое соглашение, а, с другой,—построить железные дороги внутри Болгарии. Если одобрите, Цанков готов от себя запросить Гюнцбурга. Иначе Болгария невольно попадет в лапы Штатсбана (австро-французское общество железных дорог) или Гирша».

Опасения либералов были вполне понятны. Им еще не были известны требования Австрии и Гирша, и заручиться поддержкой со стороны России на всякий случай не мешало. Кумани, еще недавно называвший болгарскую конституцию наскоро состряпанной «magna charta» и рекомендовавший русскому правительству не мешать конституции выказать свою непригодность и «дать ей, так сказать, измочалиться» [1]), теперь усиленно ухаживал за либералами и даже навлек на себя подозрение австрийского правительства в том, что он готов стать во главе радикальной партии [2]). Другим союзникам России, правда временным, оказалась французская железнодорожная компания и стоявшее за ее спиной французское правительство. Заметим, что вся эта соблазнительная для русского правительства история разыгрывалась после падения консерваторов в Англии. С появлением Гладстона в Болгарии ожили надежды на «исправление» Берлинского трактата. Шли митинги за соединение Болгарии с В. Румелией. Английские манчестерцы непрочь были защитить Болгарию от австрийских товаров и благосклонно смотрели на французские и русские махинации, направленные против австрийских домогательств скорейшей смычки австрийских железных дорог с болгарскими и турецкими [3]).

Уже 24 июля Кумани телеграфировал, что рекомендованные Деказом Дессер и Ронна предлагают от имени Staatsbahn'a (нужды нет, что неделю тому назад это учреждение вызывало у Кумани страх!) вместе с Лионским кредитом и наследниками Перейра железную дорогу от Крайовы через Александрию, Систово, Тырново, Габрово и Шипку к румелийской линии, что отвлечет международный транспорт от гиршевской линии Филиппополь—Белград (в Болгарии линия Вакарель — София — Цариброд. *Ск.*) и может

---

[1]) Lettre partic. de Coumany 17/29 февр. 80. Соф., I, 1880, л. 567—570. О. А.

[2]) Lettre partic. de Coumany 21 апр./3 мая. 80. Sof., I., л. 599—600. О. А. Австрийцы следят за поведением Кумани. Его визит к Словейкову по поручению сына последнего—его, больного, Кумани навестил в Николаеве— истолковывается в том смысле, что Кумани хочет стать во главе радикальной партии. Думают,—писал Кумани,—que je cherchais à reconcilier le Prince avec ce parti dans l'unique but de pousser ensuite contre les Turcs tous les Bulgares précedés de la milice guidée par les officiers russes». (Это было после появления у власти в Англии Гладстона, когда по Болгарии шла агитация в пользу соединения с В. Румелией.)

[3]) Koch, Alex. v. Bulgarien, S. 56.

из'ять Болгарию от непосредственного давления Австрии. «Они кажутся,—прибавлял Кумани,—людьми серьезными и желающими сообразоваться с нашими интересами» [1]).

Они действительно оказались людьми серьезными и первое, что они сделали, была их просьба к русскому правительству о ссуде. В ответ на это из Петербурга последовал отказ и совет принять в компанию русских капиталистов [2]). 11 августа торжествующий Кумани сообщал [3]), что после долгих и трудных прений министры, поняв, наконец, важность вопроса, решили письменно заявить Дессеру и Ронна, что принимают предложенное им направление и обязуются приступить к переговорам о финансовых условиях. При этом было условлено, что если будущая конвенция не будет утверждена Народным собранием, то обе стороны свободны. «Сверх того,—замечал Кумани,—французские инженеры обязались передо мной принять русских капиталистов к участию в деле, если они пожелают, а также отказаться от обеспечения Болгариею гарантий каким-либо специальными доходами княжества. Вообще надеюсь, что и наши и болгарские интересы будут достаточно охранены против видов Австрии».

Этим надеждам не суждено было сбыться. Австрийское правительство категорически заявило, что оно никоим образом не намерено отказываться от прав, обеспеченных ему Берлинским трактатом, относительно соединения железных дорог по линии Белова—София—Пирот (т.-е. постройки «интернациональной» линии) и что оно сочло бы за нарушение этих прав всякую концессию или расход на какую-либо другую дорогу прежде постройки этой [4]). Требование Австрии было энергично поддержано Бисмарком [5]). Напрасны были возражения и даже протесты Франции против такого толкования Берлинского трактата [6]). Австрия стояла на своем, а русские, повидимому, вовсе не решились на формальный протест и признали приоритет «интернациональной» линии [7]).

---

[1]) Tél. secret de Coumany, 24/VII 80. Sof., II, 1880, л. 188. О. А.

[2]) Tél. secr. de Coumany, 30/VII 80. Sof., II, 1880, л. 189—190.

[3]) Ibid., tél. secr., Sof. I, л. 191.

[4]) Tél. secr. de Coumany 5/17 sept. 80. Sof., 1880, л. 59. А. К. М.

[5]) Koch, op. cit., 57. Бисмарк сказал князю... in seiner derben Weise: «Wenn Bulgarien seine internationalen Verpflichtungen nicht enthält, halten wir uns an Eure Hoheit».

[6]) Tél. secr. de Coumany. Sof., л. 80 et 87 10/22 окт. и 3/15 ноября 80 г. А. К. М.

[7]) Это ясно из всей огромной переписки между Убри и Гирсом, хранящейся в папках Vienne I, V, относительно Conférence á quatre в 1881 г. Убри резюмировал сам состояние вопроса в большом донесении Гирсу от 5/17 марта 1881 г. (Vienne, V, л. 124—127 А. К. М.). При проезде князя Александра в Петербург на похороны Александра II, в Вене было заседание, на котором принимали участие князь, Стоичев (болгарский делегат на Conférence à quarte), Гарровер [англ. инженер (представитель дороги Варна—Рущук), выступавший теперь на стороне болгар], Стоилов, полковник Шепелев и Убри. Все сошлись на том, что «La ligne Zaribrod—Bellowa est une obligation morale pour la Bulgarié; une fois construite, elle présentera même des avantages... IIo... J'ajouterai aussi, que je l'ai relevé des le début, que

Этим, однако, железнодорожный вопрос далеко не был исчерпан. «Русская» линия могла строиться и одновременно с «интернациональной»—это, во-первых, а, во-вторых, оставался нерешенным вопрос, кто будет строить и ту и другую линию.

Одновременная постройка обеих линий грозила, конечно, болгарской казне кабалой на более или менее продолжительное время. Но если бы Австрии удалось добиться того, чтобы «интернациональная» линия осталась за Гиршем, полем борьбы между русскими и болгарскими предпринимателями осталась бы только русская линия, и в таком случае почти наверняка ее стали бы строить одновременно с «интернациональной», если не русские, то болгары, так как их капиталы и энергия жаждали приложения. Русское правительство не понимало, что Гирш при известных условиях мог оказаться невольным его союзником. Русские агенты, преследовавшие свои выгоды, сообразовались в еще меньшей степени с целями своего правительства и интриговали во-всю. Последнее обстоятельство и превратило железнодорожный вопрос в настоящую язву общественной и партийной жизни Болгарии.

Кумани, ухаживавший до поры до времени за французскими предпринимателями, скоро бросил их и перешел на сторону Гюнцбурга и К°, с которым его связывали денежные дела. Дессер и Ронна подали в упомянутую выше комиссию инженера Копыткина свой проект отдельно от проекта Гюнцбурга—Струве. Что здесь вопрос мог быть решен для них отрицательно—едва ли они сомневались. Но у них были могущественные союзники.

Гюнцбург, Поляков и Струве не были новичками в Болгарии. Еще первое министерство, составленное князем из консерваторов, имело дело с одним из их проектов и отклонило его, заявив, что оно завалено другими делами и не имеет времени разбираться в таком сложном вопросе [1]. Истинные причины отказа, однако, были иные. За правым крылом консерваторов, возглавляемым Начевичем, Грековым и Стоиловым (т. наз. «триумвиратом»), фактически стоял городской голова (кмет) г. Софии Хаджиенов, болгарский Гаусман, как называл его Хитрово. Это был крупный болгарский капиталист, разбогатевший на подрядах еще в эпоху турецкого владычества. Теперь он жаждал поработать на общую пользу и поэтому свирепо ратоборствовал в своей газете против «евреев» (Гирш, Гюнцбург и Поляков были евреи). Не будучи в состоянии осуществить постройку на собственные средства, Хаджиенов и его сторонники связались с покинутым Кумани французскими капиталистами и представили своей проект в комиссию Копыткина [1]). Пока, впрочем, они были бессильны, так как у власти стояли либералы.

pour ce qui nous concerne, nous devrions paralyser l'inconvenient stratégique de ce chemin de fer par ceux, aboutissant au Danube de Sofia—Roustchouk et de Jamboli—Schoumla. Si j'ai un regret, c'est que l'on ait negligé le moment voulu pour inaugurer ces lignes. Aujourd'hui il faut attendre l'issue des négociations actuelles» (т. е. Conférence à quatre).

[1]) См. газету «Българинъ», 13 дек. 1881 г., № 102. Эта газета субсидировалась Хаджиеновым и усердно освещала железнодорожный вопрос с консервативной точки зрения.

Позиция либеральной партии во всех этих вопросах была менее определенна. Их появление у власти немногим предшествовало победе либералов в Англии. Последнее сыграло немаловажную роль в политике либералов в 1880 и 81 г.г. до переворота, совершенного князя в Болгарию [2]). Опорой против этих происков неожиданно иски князя и консерваторов против конституции. Княжеские взгляды на конституцию были им известны еще с самого приезда князя в Болгарию [3]). Опорой против этих происков неожиданно оказалось русское правительство. Лично незаинтересованные в предприятии, как консерваторы, либералы, поэтому, охотно шли или по крайней мере делали вид, что идут навстречу пожеланиям русского правительства в вопросе о банке и железных дорогах. В 1880 г. они, быть может, и не совсем были не искренни. Вмешательство Франции в железнодорожные дела на Балканах, доброжелательное отношение Англии усилили позицию Болгарии против Австрии и особенно против непомерных притязаний Гирша. Известный циркуляр Гладстона к европейским державам, в котором он предлагал требовать от Турции скорейшего выполнения всех обязательств, наложенных на нее Берлинским трактатом в пользу христианских народов на Балканах,—окрылило надежды болгарских националистов на осуществление Великой Болгарии если не в пределах Сан-Стефанского договора, то во всяком случае присоединением В. Румелии. В таком случае помощь России могла оказаться не лишней, а вместе с тем наглядно доказывалась польза русского направления проектируемых линий. Все это вместе взятое об'ясняет нам, почему болгарские либералы, будучи принципиальными противниками постройки железных дорог при помощи концессий, в 1880 и 81 г.г. все же соглашались на очень большие уступки русскому правительству. Каравелов и Цанков уверяли Лишина [3]), что они готовы немедленно же выдать концессию на проведение железной дороги Систово—Шипка, чтобы поставить Австрию перед совершившимся фактом. Цанков, как министр иностранных дел, заявил, что дело подготовлено и дипломатически. Содействие Англии обеспечено обещанием выплачивать 1.500.000 фр. в год. Рущукско-Варненской компании. Франция обещала поддержку, если в концессии будут принимать участие француз-

[1]) О проекте Дессера и Ронна весьма подробно сообщает депеша Лишина от 23 апр./5 мая 1881 г., № 49. Sof., I, 1881, л. 156 и приложение к ней, протокол комиссии, л. 157—167. О связи консерваторов с французами см. Staneff, Geschichte der Bulgaren, II, S. 109.

[2]) Koch, op. cit., 19.

[3]) Депеши Лишина, №№ 101 и 105 от 8 и 16 ноября 1880 г. Sof, I, л. 123—126 и л. 127—133. О. А. Точности Лишина в данном случае можно доверять вполне; он был сторонником князя и консерваторов и стоял далеко от махинаций Кумани.

ские капиталисты. Италия тоже не намерена поддерживать Австрию. Депутаты ждут лишь указаний императорского правительства, чтобы сообразовать с ними свои решения.

Однако русские агенты Гюнцбурга и Полякова напрасно питали одно время иллюзии насчет того, что либералы будут податливее, чем консерваторы [1]). Позиция либералов в 1880—81 г.г. в железнодорожном вопросе была явлением временным. Как показали дальнейшие события, либералы не меньше консерваторов боялись иностранных концессий и займов. Разница между ними была лишь та, что консерваторы желали распоряжаться казенным пирогом бесконтрольно и непрочь были стать собственниками железных дорог, тогда как либералы были сторонниками государственного железнодорожного хозяйства и ненавидели Хаджиенова и его соратников не меньше, чем «евреев», т.-е. австрийских и русских концессионеров, стоявших, кстати сказать, настолько близко друг к другу, что довольно трудно было сказать, где кончался Гирш и начинался Поляков. Впрочем, и в 1880 г., как показывает вышеприведенный документ, либералы боялись передать концессию в руки одного Гюнцбурга.

К началу 1881 г., как это показывает донесение Лишина о работах комиссии Копыткина [2]), дело обстояло таким образом. Гюнцбург—Поляков, с одной стороны, Дессер и Ронна с болгарами, с другой—уже не желали делить шкуру еще не убитого медведя и поэтому выступали самостоятельно. На горизонте все еще в угрожающей позе стоял Гирш, поддерживаемый австрийским правительством [3]), и на предстоящей сессии Conférence à quatre должен был решиться вопрос, будет ли строить «интернациональную» линию Гирш или кто-либо другой. Вокруг этих трех групп происходила настоящая свистопляска. Австрийцы, французы, англичане, болгары, а пуще всех и хуже всех русские старались заранее заполучить хотя бы часть золотой добычи, если не удастся захватить всей.

Кумани и ряд других русских инженеров и чиновников (Копыткин с своей комиссией, «друг» князя Александра, полковник Ремлинген, и прикомандированный к министерству юстиции чиновник Каченовский, «eclaireur de Günzburg» [4]), как его называл сам кн. Александр, и др.) целиком попали в золотые сети Гюндбурга—Полякова и в такой мере вошли в роль агентов этой компании, что, кажется, начали забывать свои прямые обязанности [1]). Деятельность Кумани вывела, наконец, князя из терпения, и он попросил русское правительство убрать его из Болгарии. Последнее сделало это тем более охотно, что за Кумани значились кое-какие грешки по части постройки нового здания русского консульства [2]).

[1]) Консерваторы обвиняли либералов в том, что они держали руку «еврейской» компании и что даже своим появлением у власти в 1880 г. они обязаны деньгам Полякова, данным на предвыборную агитацию в их пользу. Газ. «Българинъ» за 1881 г., 17/30 дек., № 102.

[2]) Лишин—Гирсу, деп. № 49 от 23 апр./5 мая 1881 г. Sof., I, л. 156—167. О. А.

[3]) Частн. письмо Лишина 19 апр./1 мая 1880 г., л. 540—594. О. А. Гирш похвалялся, что Болгария, хочет ли она дать ему концессию или нет, все равно в его руках в силу постановлений Берлинского трактата.

[4]) Лишин—Гирсу, деп. от 16/28 ноября 1880 г., № 101. Sof., II, 1880 г., л. 127. О. А.

Уехал Кумани из Болгарии незадолго до переворота.

«Патриотическая» работа Кумани в Болгарии натолкнулась на неожиданное препятствие со стороны генерала Эрнрота. Сменивший ген. Паренсова на посту военного министра, будущий едва ли не самый главный участник переворота 1881 г., генерал Эрнрот приехал в Болгарию в мае 1880 г. Человек очень консервативных симпатий, прямой и исполнительный, он был одним из тех немногих русских агентов, честность которых признавали одинаково и друзья и враги. В железнодорожном вопросе он, к великому негодованию русских, поддерживал проект болгарско-французской компании и никак не желал считаться с интересами «русских» предпринимателей. Мы можем лишь догадываться о том, какими мотивами он при этом руководствовался. Но то, что мы знаем, говорит за то, что он, пожалуй, был в это время единственным политиком, сообразовавшимся с целями своего правительства. Полагая, вероятно, что двух зайцев убить сразу нельзя, т.-е. и построить русскую линию и получить концессию на нее для русских предпринимателей, он верно рассчитал, что проведение русской линии будет во всяком случае обеспечено, если в нем будут заинтересованы сами болгары. А болгар нужно было заинтересовать, т. к. не исключена была возможность такого оборота дела, что постройка русской линии будет отложена на неопределенное время, как это позже и случилось. Дело в том, что с начала заседаний Conférence à quatre в 1881 г. [3]) стало очевидным, что австрийское правительство вовсе не намерено поддерживать компанию Гирша как conditio sine qua non соглашения с Болгарией. У консерваторов появились надежды, что постройка «интернациональной» линии попадает в их руки. Пока этих надежд не было, они усиленно интересовались русским проектом. Теперь они начали поговаривать, что русская линия не так уж нужна, во всяком случае с ней можно и не торопиться, так как постройка двух линий сразу будет

[1]) Хорошо осведомленный в этих делах поверенный князя пастор Koch, 57, говорит, что Кумани поддерживал исключительно частные интересы компании Гюнцбурга и выдвигал в качестве «русского» проекта не совсем то, чего желало русское правительство (вместо проекта Рущук—София проект Систово—Тырново, т.-е. более западное направление). Лишин доносил от 16/XI 80 (Sof., II, 1880, л. 178—180), что Гюнцбург предлагал князю еще более западную линию Рахово (Орехово)—София. Эта линия еще в 1917 г. значилась в числе предположенных к постройке. См. Dantschoff, Das Eisenbahnwesen in Bulg. (прилож. карты).

[2]) Koch, op. cit., S. 58.

[3]) Первое заседание ее было 17/29 февр. 1881 г. Tél. sect. Oubrie à Giers, Vienne, 1881, V, л. 87.

не по карману болгарской казне. Чем выше стояли шансы русской компании, тем громче кричали консерваторы о разорении болгарской казны дорогими и ненужными железными дорогами. Повидимому, именно из таких соображений Эрнрот и считал, что «интернациональную» линию надо отдать Гиршу [1]). Болгарам она не нужна, и они будут ограничиваться уплатой за нее гарантии в 350.000 фр. в год. Им более необходима дорога к Дунаю. Концессия на нее должна быть отдана Дессеру и Ронна и стоящим за ними болгарским консерваторам. Сменивший Кумани Хитрово, не меньший апологет русской компании, чем его предшественник, с изумлением писал в Петербург [2]), что генерал Эрнрот упорно отстаивает проект Дессера (Систово—Тырново—Румелия) против проекта Гюнцберга (Рущук—Тырново—София) и вообще имеет планы, «диаметрально противоположные планам вашего превосходительства, графа Милютина, полковника Шепелева и болгарских делегатов в Вене». Но дело было, конечно, не в проектах, а в том, кто за ними стоял, и Эрнрот понимал дело лучше, чем только-что явившийся в Болгарию Хитрово.

Чтобы закончить историю с железными дорогами в Болгарии, надо сказать несколько слов об отношении к этому вопросу князя Александра. Он попал почти в безвыходное положение. На него нажимали Австрия и Германия, Россия официальная и Россия полуофициальная; им хотели управлять либералы, его считали своим консерваторы. Не будучи способным твердо пролагать свою линию политики, он давал обещания направо и налево. Австрийцев он уверял, что он смотрит на «интернациональную» линию как на «моральный» долг не только перед Австрией в силу постановления Берлинского конгресса, но и перед своей страной, так как эта линия должна была связать Болгарию с культурой и цивилизацией. У русских он просил поддержки против австрийских требований [3]), а в 1881 г. даже жаловался на упрямство Эрнрота, не желающего считаться с интересами русского правительства, и настаивал на немедленном появлении в Болгарии представителя «русской» компании [4]).

Словом, запутавшись сам, он без нужды путал других. Позже, после переворота 1881 г., в благодарность за поддержку, он надавал русским неисполнимых обещаний и в конце-концов сделался козлом отпущения перед русским правительством за грехи болгарских партий, которые выдвигали его вперед всякий раз, когда

[1]) Лишин—Гирсу 16 ноября 1880. Sof., II, 1880, л. 178—180. А. О.
[2]) Хитрово—Гирсу 12/24 мая 1881 г. Sof., I, л. 212—214.
[3]) Coumany 5/17 sept. 1880. Sof., 59. А.К.М.
[4]) Хитрово—Гирсу деп. № 60. от 12/24 mai 1881. Sof., I, 212—214. О. А. «En face de insistance Ehrnrothe sur ce point (проект Дессера) le Prince Alexandre s'en est alarmé et m'a fait entendre que la présance ici en ce moment d'un réprésentant des entrepreneurs russes serait nécéssaire. C'est à cette occasion que j'ai l'honneur d'adresser à V. Exc. mon télégramme secret sur la nécessité de la présance ici du gen. Strouve».—На депеше Гирс написал: «Генерал Струве отправляется на-днях в Софию».

нужно было действовать против русских планов. В этом случае он, пожалуй, действительно оказал своей новой родине большие услуги!

Все это вместе взятое помогает нам понять, почему болгарские консерваторы так торопились с переворотом. Выше мы видели, каковы были общие причины переворота. Железнодорожный вопрос в той стадии, в какой он находился в феврале — марте 1881 г., заставлял их усиливать энергию. Надо было прибрать к рукам колеблющегося князя, надо было иметь в своих руках власть к тому моменту, когда в национальном собрании станет на очередь вопрос о концессиях, а с открытием Conférence à quatre этот момент был не за горами; надо было, наконец, воспользоваться совершенно исключительным положением, когда влиятельнейший из русских агентов генерал Эрнрот был всецело на их стороне и, что самое главное, на стороне их железнодорожного проекта и притом находился в таких отношениях со своими либеральными коллегами по кабинету, что они не разговаривали друг с другом.

Таким образом, на этот раз на переворот толкали в буквальном смысле слова «железные силы истории».

Таково было положение дела в Болгарии ко времени достопамятного переворота весной 1881 г. Легко представить себе, во что превратится железнодорожный вопрос после переворота 1881 г. Русское правительство, а в еще большей степени русские дельцы и поддерживавшие их русские агенты, с одной стороны, и болгарские консерваторы, севшие у власти благодаря русским же—с другой, стояли теперь друг против друга. Умиряющее влияние либералов, которые в железнодорожном вопросе в сущности не говорили ни да, ни нет и попросту тянули дело в стадии предварительных рассмотрений, исчезло вместе с Тырновской конституцией. Консерваторы, добившись смещения Кумани и добравшись до власти, встретились с русскими притязаниями, тем более настойчивыми, что их требовали теперь в «благодарность» за помощь, оказанную им при перевороте. Если русское правительство не без основания смотрело на себя как на благодетеля кн. Александра, то русские агенты, прилагавшие старания к счастливому для князя исходу систовского Народного собрания 1/13 июля 1881 г., прямо считали, что русское дело, дело Полякова и К°, должно быть решено бесповоротно в положительном смысле. Дипломат Хитрово, сменивший Кумани, ярый панславист и весьма отважный политик, и подполковник Ремлинген, любимец князя, временно исполнявший в данный момент должность министра внутренних дел, — храбро принялись за дело. Ремлинген старался в пользу Полякова, Хитрово пришел в конце-концов к выводу, что настоящим строителем железных дорог и собственником их должно быть само русское правительство [1]). Но пока они действовали заодно и, чтобы

[1]) Хитрово—Гирсу, деп. 4 февр. 1882 г. Sof., I, л. 277—293. О. А. ...«Железные дороги в наших, т.-е. не в руках той или другой частной

добиться своих целей, давали настойчивые советы князю в том смысле, что будущий министр внутренних дел Болгарии должен быть обязательно приглашен из России. Ремлинген сумел уже настоять на подчинении ведомства общественных работ, ведавшего железными дорогами, своему министерству, и, таким образом, железнодорожный вопрос должен был оказаться целиком в русских руках. Как ни были признательны консерваторы русским, на это согласиться они, конечно, не могли. Материальная подоплека политических пертурбаций обнажилась, и недавние друзья вцепились друг в друга. Консерваторы и Хаджиенов открыли яростную кампанию против русских на столбцах своих газет «Българинъ» и «Български Гласъ». Встревоженный поворотом дела, тем более неожиданным, что князь раньше сам распинался за «русский» проект, Хитрово отправился в Петербург со своим планом железнодорожного строительства в Болгарии, с целью попутно выяснить и вопрос о кандидатуре на пост болгарского министра внутренних дел.

Упомянутая выше газетная кампания была ближайшим образом вызвана тем, что Ремлинген поручил генералу Струве произвести предварительные изыскания по линии Рущук—София, при чем поручился, что расходы в сумме не более 300.000 левов будут уплачены Струве либо болгарским правительством, либо будущим концессионером в том случае, если бы компания Гюнцбурга—Полякова не получила концессии. Генерал Струве очень хорошо воспользовался своим положением и как русский и как близкий к Рем-

компании, хотя бы и русской,—а именно в руках русского правительства в силу непосредственного его участия,—обеспечили бы наше здесь положение совершенно». 31 янв./12 февр., деп. № 16 (Sof., л. 98—101. О. А.). Хитрово писал: «Si la Russie pouvait diréctement venir en aide à la Bulgarie d'une façon ou d'une autre dans l'esprit du projet dont j'ai été le defenseur en dernier lieu, cette combinaison serait acceptée avec reconnaissance par le pays tout entier... Quant à imposer ou même à recommander directement à la Bulgarie une compagnie privée quelconque, fut-elle même russe, toute pression de notre part dans ce sens serait certainement impopulaire et serait peser sur nous une responsabilité lourde et dangereuse».—Князь тоже думает,—сообщал Хитрово в депеше № 17 от того же числа (л. 102 и д. О. А.),—что от болгар ничего не добьешься и что они не согласятся дать концессии на всю сеть (pour tout le réseau)... «a moins que cette obligation ne leur soit imposée peremptoirement par le Gouv. Impér. Son Altesse m'a beaucoup engagé à insister auprès du gouvernement Bulgare en reclamant le payment intégral et immédiat de sa dette de 10 millions roubles à la Russie pour l'occupation. Son Altesse pense qu'une fois la Bulgarie mise en demeure de devoir payer cette somme, on pourrait la destiner du consentement du Gouv. Imper. à la construction des lignes ferrées et obliger de cette facon les bulgares de consentir à la concession du réseau en entière à la Compagnie Strouvé—Günzburg». Собственно таким путем князь хотел вывернуться из чрезвычайно затруднительного положения, в которое он попал с своими обещаниями русским по поводу жел. дорог. Хитрово, позже Соболев вполне одобряли этот план, но русское правительство отказалось дать какие-либо средства и проявило в этом вопросе непонятное упорство.

лингену человек [1]). В декабре 1881 г. он представил проект не только железной дороги Рущук—София, но и некоторых других линий на территории Болгарии. Министры-болгары не согласились с действиями Ремлингена и позволили другим компаниям, между прочим Хаджиенову, производить параллельные изыскания. Струве протестовал, ссылаясь на обещание зам. министра внутр. дел, т.-е. Ремлингена, не позволять производить изыскания никому, кроме него, Струве. Но минстры-болгары заявили, что они с этими обещаниями не могут считаться и что в интересах страны должна существовать свобода изысканий; они не против русской компании, но под условием, что она не будет работать, подобно Гиршу, «като прави скупо и лошаво». Борьба в кабинете министров скоро перебросилась за его пределы. Происходившие в это время выборы в Державный совет сделались ареной борьбы за и против Гюнцбурга. Ремлинген, недавний друг консерваторов, ездил по стране и агитировал против «патриотов», как теперь называли себя консерваторы, предвосхищая на 4 года знаменитую миссию барона Каульбарса [2]).

Но консерваторы тоже не дремали, и выборы прошли для них с большим успехом. Русское правительство, не решаясь прямо вмешаться в дело, косвенно все же протестовало против выборов, запретив харьковскому профессору болгарину Дринову принять пост председателя Державного совета [3]). Таким образом, русское правительство сразу же почувствовало, что с консерваторами у него дело идет не особенно ладно и что оно, пожалуй, ничего не выиграло, поспособствовав отмене конституции. Положение Ремлингена в кабинете становилось невозможным; Хитрово признавал, что вмешательство его в борьбу партий было «пагубным» [4]). Князь увидел себя принужденным пожертвовать своим любимцем. Гирс, получив об этом телеграмму от временно управляющего русским агентством Клоппенбурга (Хитрово в это время защищал

[1]) Дальнейшее изложение опирается на большие статьи в болгарских газетах «Българинъ» 1/13 дек. 1881 г., 17/29 дек. 1881 г. и «Българский Гласъ» 30 янв. 1882 г.

[2]) Рассказывая об этом, газета «Българинъ» от 3 декабря 1881 г. заканчивала: «Вы, таким образом, видите, что в течение трех лет банк Полякова чинил всяческие препятствия к введению порядка в стране с намерением воспользоваться беспорядком, чтобы завладеть богатствами страны посредством железных дорог и банков».

[3]) Гирс—Клоппенбургу, tél. (без даты), ноябрь 1881 г. Sof., 1881 г., II, л. 354. «В виду допущенных нарушений избирательного закона, утвержденного князем, Дринов затрудняется принять пост председателя Державного совета, если неправильно состоявшиеся выборы не будут отменены. Доведите об этом немедленно до сведения князя и уведомьте по телеграфу, согласится ли князь на условия Дринова, присутствие которого в Болгарии в настоящих обстоятельствах мы считаем крайне необходимым для поправления дела (условия Дринова—частичная кассация выборов)».

[4]) Хитрово—Гирсу, деп. № 8 31 янв./12 февр. 1882 г. Sof., I, л. 36. A.K.M. L'activité inconséquente et maladroite du Colonel Roemlingen a été désastreuse sous ce rapport...

в Петербурге свой план), сделал такое замечание на полях для царя: «осмеливаюсь заметить по поводу представляемой у сего телеграммы, что нахальное требование о замене полковника Ремлингена болгарским министром за то единственно, что он оказывал предпочтение русской компании, нами рекомендуемой, для проведения железной дороги, мало оправдывает уверение, что так называемые консерваторы питают большую преданность к России». «Совершенно справедливо. Надеюсь, что Ремлинген останется на своем месте до назначения Домонтовича»,—приписал с своей стороны Александр III. Ремлинген на некоторое время остался. Но в отсутствие Хитрово консерваторы совершенно завладели князем, и последний дипломатично давал понять русскому правительству, что на консерваторов никоим образом нельзя смотреть как на врагов России и что железнодорожный вопрос в их глазах есть вопрос денежный, а не политический [1]). В России никак не хотели понять, что болгарские консерваторы и «предприемачи» просто ждут подачки.

В конце декабря Хитрово вернулся в Софию, и дела его с консерваторами пошли еще хуже. Почему это произошло—становится отчасти понятным из болгарских консервативных газет, так как официальных сведений у нас нет. «Български Гласъ» [2]) рассказывал, что в Петербурге Хитрово представил в «барановскую» железнодорожную компанию подробный проект концессии на болгарские железные дороги. В рассмотрении проекта приняли участие все министры (? *Ск.*). Проект Хитрово, защищавшийся неким высшим сановником из министерства иностранных дел, гласил, что концессия должна быть отдана Гюнцбургу и гарантирована как русским, так и болгарским правительствами. Хитрово предлагал

---

[1]) К сожалению, телеграммы князя царю нет в архиве. Ответ царя от 24 ноября 1881 г. (Sof. II, 1881, л. 345. О. А.): «J'ai reçu le télégramme de V. A. La question dont il s'agit est si sérieuse (железнодор. вопр.) et compliqué, qu'elle ne peut être résolue qu'après mûres réflexions. Elle touche aux interêts de la Russie auquels je dois veiller malgré toute la sollicitude dont mon Père et Moi avons donné les preuves à V. A. et à la Bulgarie. Après cela je ne comprendrais pas que V. A. n'eût pas la possibilité d'empêcher la direction des affaires de tomber aux mains d'un parti hostile à la Russie. Je pense dans tous les cas, que Vous ferez bien avant de prendre une décision d'attendre le retour prochain de mon agent diplomatique, qui Vous exposera mes points de vue». Смысл этой телеграммы становится совершенно ясным из ответа князя, переданного через Клоппенбурга.Tél. secr.28 ноября/10 дек. 1881 г. Князь просит передать по телеграфу: «Le parti conservateur n'a jamais été hostile à la Russie et ne sera jamais ni pire ni mieux que le parti libéral et tous deux seront toujours pour la Russie, parce que la masse du peuple tout à fait devoné à la Russie. La questions des chemins de fer est considerée par les conservateurs comme une affaire purement d'argent et non politique. Du reste V. M. peut-être persuadée que tant que durerons mes pleinspouvoirs, les Bulgares ne commettrons jamais un acte hostile à la Russie. J'attendrai l'arrivée de M. Hitrovo». Alexandre.

[2]) «Български Гласъ», № 2 за 1882 г.

продать в России большинство акций и в случае неудовлетворительного результата употребить турецкую контрибуцию. Комиссия,—повествовала дальше газета,—отвергла предложение Хитрово и решила, что России не следует принимать никакого участия в концессии на болгарские железные дороги и что болгарское правительство само должно дать гарантии. Но на этом дело не остановилось. Хитрово, пользуясь сильной протекцией, представил свой проект императору, который, как говорят, отнесся к нему благосклонно.Таким образом,—заключали газеты,—Гюнцбург хочет сразу получить две гарантии. «При таких условиях не самъ Гюнцбургъ, но и баба може да приема концессии и да прави железны путища». Нам,—добавляет газета,—железные дороги «още не су нуждни». Сначала надо устроить внутренние дела. Далее газета отмечала, что петербургские газеты почти ничего не говорят насчет болгарских железных дорог. Они об'ясняли это тем, что такие газеты, как «Порядок», суть просто органы Гюнцбурга. «Голос»—правая рука Полякова (е десната рука на Полякова). В Петербурге нельзя найти друзей более неразлучных, чем Поляков и Краевский. «Това су единъ пълтъ, единъ духъ». «А мы,—замечала газета,—скажем: один карман, один расход».

Болгарская газета, повидимому, была очень осведомлена. Хитрово в Петербурге потерпел, по крайней мере, частичное поражение. Министерство иностранных дел отказалось итти за своим агентом. Еще в ноябре Гирс телеграфировал Клоппенбургу, что Домонтович может быть командирован в Болгарию лишь в том случае, если этого желает князь [1]). Но так как князь желал возвращения ген. Эрнрота, то Гирс давал согласие и на это, но прибавлял: «Во всяком случае, государю императору благоугодно, чтобы управление это (т.-е. ген. Эрнрота) было непродолжительным» [2]).

В железнодорожном вопросе русское правительство не решалось, повидимому, поддерживать далее компанию Гюнцбурга—Полякова. Во всяком случае, после поездки Хитрово в Петербург, мы уже не встречаем у Гирса того отношения к этому вопросу, какое можно было бы ожидать на основании его ремарки, касающейся Ремлингена [3]). Самому Хитрово Гирс всемерно рекомендовал—«быть благоразумным». Если Хитрово не удержался на этой позиции и продолжал с не меньшим, чем раньше, жаром поддерживать «русское дело», то это обстоятельство об'ясняется, во-первых, тем, что он готов был бороться за русский проект независимо от того, кто его будет осуществлять—провал компании Гюнцбурга его не остановил бы,—а, во-вторых, консерваторы и сами были, повидимому, одно время недалеки от того, чтобы

---

[1]) Гирс—Клоппенбургу 26/XI 1881, Sof., II, л. 346.

[2]) Гирс—Клоппенбургу 26/XI 1881, Sof., II, л. 349.

[3]) См. стр. 276.

договориться с Гюнцбургом. Последнее обстоятельство дает возможность понять многое в чрезвычайно запутанной обстановке конца декабря, января и февраля 1881—1882 г.г.

31 января (12 февраля) 1882 г., в одиннадцатой депеше этого многотрудного для русского агента дня [1]), Хитрово утверждал следующее. Хаджиенов убедил князя и министров-консерваторов в том, что, если бы ему удалось вступить в секретное соглашение со Струве—Гюнцбергом, он мог бы «устроить» такое национальное собрание, которое не отказало бы этим предпринимателям в концессии на болгарские железные дороги. «Но,—прибавлял Хитрово,—Хаджиенов сумел скрыть от князя, что в случае неуспеха Струве—Гюнцбурга,—а на этот случай он и держит в секрете свою сделку с ними,—он имеет в запасе своего Гюйо (французская компания) и австрийцев во главе с Гиршем. Вообще, —добавлял Хитрово,—этот господин (т.-е. Хаджиенов) с невозмутимым цинизмом высокомерно заявляет, что он может «устроить» Народное собрание и обыкновенное и чрезвычайное, любого «оттенка» за 40 тысяч фр. за каждые выборы».

Сделка между Хаджиеновым и Гюнцбургом, однако, не состоялась [2]). И причина этого лежала вовсе не в том, что они не сошлись в цене. Происки компании Гюнцбурга сделались настолько непопулярными у расчетливых и хозяйственных болгар, боявшихся через концессии попасть в экономическую и политическую кабалу, что борьба с нею превратилась в своего рода избирательный лозунг. Хаджиенов, как ни низко ценил он болгарских избирателей, повидимому, не решался соединить судьбу своих капиталов с русской компанией. Даже Хитрово признавал [3]), что навязывать или прямо рекомендовать Болгарии частную компанию, даже русскую значило бы выступить с очень непопулярным предложением. «Болгары, за исключением князя, боятся концессий». Правда, он имел при этом в виду старый проект генерала Струве, который добивался концессии на всю сеть болгарских железных дорог (включая и «интернациональную» Цариброд—София—Вакарель). Интересно, что князь, по крайней мере по словам Хитрово, не только не разочаровал ретивого русского агента, но и уверял его, что при нажиме на болгар и в случае, если русское правительство согласится отдать на постройку железных дорог болгарский долг России (28 млн. фр.) [4]), последние согласятся на то, чтобы

[1]) В этот день Хитрово отправил 20 депеш сразу.

[2]) См. «С.-Петерб. Вед.», № 319 1881 г. «Поговаривают, что Гюнцбург предлагал болгарским предпринимателям взять концессии вместе и что последние не согласились». («С.-Петербургск. Ведомости» инспирировались болгарскими консерваторами). Хаджиенов в газете «Българинъ» (7/29 дек. 1881 г., № 102) опровергал свою связь с Гюнцбургом.

[3]) Хитрово—Гирсу 31 янв./12 февр. 1882, № 16.Sof., I, л. 98—101. О. А.

[4]) Ibid. Этот долг, следуемый России по Берлинскому трактату, был потребован Россией от болг. правительства нотой от 31 сент. 1881 г. Передача ноты была задержана до 19 дек. 1881 г./1 янв. 1882. Передана зам. дипллом. агента Клоппенбургом в этот день за № 919.

отдать компании Гюнцбурга концессию на всю сеть. Весьма возможно, что если бы, как предлагал Хитрово, русское правительство согласилось на материальную помощь, русский проект был бы осуществлен, если не «русской» компанией, то, по крайней мере, самими болгарами. Князь в таком случае вышел бы из затруднительного положения, в какое он попал со своими неисполнимыми обещаниями. «Български Гласъ», ставший с появлением у власти консерваторов официозом, заявлял, что выплата долга России есть вопрос чести для болгар [1]). Но так как русское правительство не желало давать ни копейки, то и железнодорожный вопрос не двигался с места. Хитрово выходил из себя. Его поведение становилось не совсем обычным для представителя «иностранной державы». Это была форменная война с консерваторами, все более и более овладевшими князем, и, наконец, с самим князем после того, как Ремлинген был удален, и его место занял один из «триумвиров» — Начевич. Когда консерваторы захватили и Державный совет, Хитрово окончательно перешел на сторону либералов. Памятуя пословицу: «à le guerre comme à la guerre», он окунулся с головой в партийную склоку. «С момента моего приезда в Софию [2]),—писал он Гирсу,—я живу, как в лихорадке и в настоящем вихре событий; у меня почти не остается времени, чтобы изложить на бумаге самые необходимые донесения. Ежедневно у меня бывают продолжительные разговоры с князем, который постоянно ищет случая встретиться со мной не для того, чтобы узнать мое мнение, но чтобы убедить меня в преимуществах новой политики, в которую он, кажется, безоговорочно ввязался» [3]). С другой стороны, его, Хитрово, «осаждают» представители других партий и групп. Все дело в том, что после победы консерваторов либералы настаивают на министре внутренних дел из русских, желая этим ослабить своих противников, ибо до выборов в Державный совет либералы были сильно обескуражены, узнав, что он, Хитрово, едет в Петербург на поиски подходящего министра. Но,—уверяет Хитрово,—болгарская масса всегда с удовольствием примет «настоящего» русского. Поэтому в одной из бесед с князем он выразил ему свое неудовольствие на назначение Начевича министром внутренних дел. Он, Хитрово, ездил в Петербург по желанию князя; он отстаивал там просьбу князя отправить в Болгарию русского в качестве министра внутренних дел; ему трудно теперь доказывать противоположное. «Я не скрыл от князя, что отказ его от этой идеи (русский министр внутренних дел) произведет в России неблагоприятное впечатление». В ответ на это князь уверял Хитрово в том, что Начевич дал ему слово подчинить вполне свою политику в железнодорожном вопросе видам России и обеспечить

[1]) «Български Гласъ» 1882 г., № 8, 31 янв./12 февр.

[2]) По возвращении из Петербурга в декабре 1881 г.

[3]) Хитрово—Гирсу 29 дек. 1881 г., № 119. Sof., I, л. 491—502 О. А.

победу ее требованиям [1]. Князь, таким образом, хорошо понимал, чего добивался Хитрово. Повидимому, эти «постоянные» беседы с князем были совсем не такого невинного характера, какими их рисует депеша русского агента. Князь скоро не выдержал и послал царю весьма энергичную телеграмму с жалобой на Хитрово. Действительно, последний переходил всякие границы дипломатических приличий. Об этом можно судить по ответу Гирса—Александра III от 17 января 1882 г., очень обидному для дипломата [2]. «Император ответил князю, что вы получите инструкцию не вмешиваться в борьбу партий и оказывать дружескую поддержку его министрам. Его величество одобряет попытку управлять при помощи министров-консерваторов и полагает, что мы не должны излишне вмешиваться во внутренние дела. Это было бы равносильно разрушению доверия страны к своему государю. Что же касается железнодорожного вопроса, его величество находит, что он недостаточно изучен. На Вас возложена обязанность собрать более точные сведения. Пока император преподает Вам совет благоразумия. Вопрос этот касается, прежде всего, Болгарии. Она должна решать его в зависимости от своих интересов и ресурсов». А в результате чтения выдержек из двадцати депеш Хитрово, помеченных 31 января/12 февраля 1882 г., Александр III написал: «Хитрово делается положительно все более и более невозможным в Болгарии» [3]. Но Хитрово уже закусил удила. Его интриги с либералами становились для князя тем более опасными, что либеральная агитация достигла в то время высокого напряжения. Насилия над либеральными вождями со стороны консерваторов, закрытие их газет и бегство Каравелова и Славейкова в Филиппополь подогревали агитацию. Цанков начал проповедывать революцию. Тогда князь велел арестовать Цанкова и интернировать его во Враце (в ночь на 7 февраля 1882 г.). В Врацу открылось настоящее паломничество с приветствиями «святому» Цанкову [4].

Чтобы парализовать поддержку, оказываемую Хитрово либералам, князь опубликовал телеграмму царя от 17/31 января в газете «Бъгарский Гласъ». В депеше № 21 от 14/26 февраля Хитрово жаловался Гирсу на резкую перемену в отношениях к нему князя и его министров. Князь совершенно избегает всяких деловых разговоров и делает это «видимо напоказ»,—писал он. Положение вскоре осложнилось ссорой в среде русских офицеров, в которой оказались замешаны любимцы князя Ползиков, Ремлинген и др. Эта ссора приобрела характер принципиального спора. Противники Ползикова и К° называли его и его соратников «немцами» [1]. Князь и Хитрово вмешались. Дело кончилось тем, что военный министр Крылов счел себя вынужденным подать в отставку. Но и нервы князя не выдержали. Скандалы с русскими, интриги Хитрово, а главное, бешеная агитация либералов, усилившаяся после ареста Цанкова настолько обострили положение, что князь снова решил прибегнуть к помощи русского правительства, рассчитывая на то благосклонное отношение царя, о котором свидетельствовали его телеграммы и письма.

[1] Хитрово—Гирсу 29 дек. 1881 г., № 119. Получена в Петербурге только 12 февр. 1882 г. Впоследствии Начевич ни одним словом не обмолвился насчет своего обещания. См. Хитрово—Гирсу 31 января/12 февраля. № 7. Sof., I., 1882, 24—35. О. А.

[2] Tél. secr. № 9 17 janv. Sof., 82, л. 148.

[3] Extrait d'une lettre particulière de Hitrovo de 31 janv./12 fevr. 82. Sof., A. K. M., л. 33 и дальше.

[4] Staneff, Gesch. d. Bulg, II, S. 110.

В конце апреля он неожиданно появился в Вене, намереваясь ехать в Россию. Изумленный Убри телеграфировал Гирсу 17/29 апреля 1882 г. [2], что князь просит царя принять от него личные об'яснения относительно мало удовлетворительного положения вещей в Болгарии и возвратить ему генерала Эрнрота в качестве председателя совета министров без портфеля. «Сюрприз!»—сделал пометку царь на телеграмме. 21 апр./3 мая Убри пояснял со слов Кальноки. Положение в Болгарии серьезное. Поведение Хитрово «tout à fàit impossible». Он ведет интриги против князя в ущерб его авторитету и нормальному развитию страны. Александр III подчеркнул последние слова и написал: «даже австрийцы это заметили!».

Судьба Хитрово была решена.

***

Вскоре после от'езда Хитрово из Болгарии, князь поехал в Петербург за министрами. Нас не должно удивлять то обстоятельство, что князь и консерваторы, с такой яростью ополчившиеся против Хитрово, снова прибегали к помощи русского правительства, надеясь этим укрепить свое положение. «Опыт» русской помощи, какую они получили от Хитрово вначале, был вполне для них удовлетворителен. Если после получился скандал, то в этом был виноват зарвавшийся агент, но никак не правительство в целом, которое как-будто открыто порицало своего агента и затем отозвало его из Болгарии. На консервативные симпатии Александра III приходилось рассчитывать и впредь, тем более, что положение консервативного кабинета с февраля месяца 1882 г. становилось безвыходным. Успешная агитация либералов показывала, что громадное большинство населения не на стороне консерваторов. Экстренное изменение конституции, которое обеспечило бы консерваторам политическое преобладание, с соблюдением видимости конституционного порядка—такова была задача «триумвирата», диктовавшаяся ему требованиями момента: стремлением сохранить в своих руках власть и получить гарантии и против либералов и против князя, так как излишнее усиление его власти

[1] Хитрово—Гирсу, dépêche 20/IV 82. Sof., I, 82, л. 11—20. О. А.

[2] Убри—Гирсу, tél. secr. 17/29 avr. 1882. Sof., II, л. 355. О. А.

было опасно и для них. Были ли их расчеты на русское правительство правильными? Болгарским консерваторам можно поставить в упрек недостаток политической опытности и дальнозоркости вообще, и за эти грехи они поплатились: с 1883 г. они сошли с политической сцены. Было два вопроса, которые для них имели важное значение: вопрос конституционный, т.-е. изменение конституции в желательном для них смысле, и вопрос железнодорожный, т.-е. либо полное устранение претензий Гюнцбурга—Струве, либо, по крайней мере, соучастие в нем,—и то и другое на тот случай, если русское правительство потребует во что бы то ни стало проведения «русской» линии.

Поддержка по первому вопросу со стороны русского правительства была обеспечена вполне. Сам Александр III заявил открыто свое одобрение правительству консерваторов, и одобрение это было тем более ценно, что оно одновременно было порицанием деятельности Хитрово. Консерваторы могли надеяться также и на удовлетворительное решение второго вопроса. Они вели ожесточенную кампанию против «еврейских» капиталистов. Но это, конечно, не значило, что они были безусловно против русской линии. Они боролись лишь против скрытых интриг русских дельцов, пользовавшихся официальной поддержкой и надеявшихся заполучить все, и выступали естественно под флагом национальных и государственных интересов. Они знали также, что поддержка, оказываемая русским правительством Гюнцбургу—Струве, совсем не была безусловной. Неоднократные телеграммы царя убеждали их в этом. В Петербурге, где у них были свои люди и где они имели приют на страницах газеты В. Комарова («С.-Петербургские Ведомости»), у финансового барона были сильные противники: «Новое Время»—перепечатку этой статьи мы находим в газете «Българинъ»—иронически спрашивало: «Итак, представителем «русских» интересов в Болгарии является Гюнцбург?»—Правда, «русская» линия стоила очень дорого (около 40 млн. фр.), компания Гюнцбург, желавшая получить концессию на всю сеть болгарских дорог, определяла стоимость ее постройки ни больше ни меньше как в 110 млн. руб. [1]). Правда и то, что со времени заседаний Conférence à quatre болгары почти наверняка могли рассчитывать на то, что постройка «интернациональной» линии попадет тоже в их руки, и поэтому постройка русской линии уже не была для них необходимостью,—можно было «заработать» и без нее. Но если бы русское правительство взяло на себя часть расходов? — При таком условии консерваторы не отказывались поговорить даже с компанией Гюнцбург.

В мае 1882 г. князь послал Головина в Москву к Каткову и Аксакову просить у них совета насчет кандидатов на министерские посты в Болгарии, а вскоре затем отправился и сам в Петер-

[1]) Подробный обзор железнодор. вопроса мы находим в инструкции Ионину, № 97, 30/VII 83 г. Sof., II, 83, л. 301—310, 381—398., написанной Зиновьевым, откуда мною и заимствованы все приводимые здесь цифры.

бург просить у Александра III генерала Эрнрота [1]). Эрнрота ему не дали, а вместо него в Болгарию приехали два русских генерала: Соболев, в качестве министра внутренних дел, и Каульбарс, в качестве военного. 23 июня/4 июля 1882 г. было образовано новое министерство под наименованием «министерство русских генералов и консерваторов», которому принадлежит столь печальная известность в истории русско-болгарских отношений.

Приглашение князем двух русских генералов на посты болгарских министров кажется фактом маловероятным. Ведь можно было заранее предвидеть, что новая попытка будет не лучше предыдущих. Но факт остается фактом. Катков, очень хорошо осведомленный относительно того, при каких условиях происходило это «призвание русских министров», писал в 1883 г. в разгар борьбы князя с генералами, что когда князь Александр приехал за ними в Россию, то «с русской стороны ему замечали, что было бы полезнее и практичнее доверить управление страной благонадежным лицам из самих болгар. Но князь находил это неудобным при раздраженном состоянии, в каком находились умы в Болгарии. Русский государственный человек, казалось ему, находясь вне партий, мог успешнее повести дела, а, с другой стороны, поддержать доверие России к правительству князя» [2]). Эти слова Каткова,—в тот момент, когда они были написаны, Катков был еще вполне благосклонен к князю и осуждал поведение Соболева,—имеют значение первоисточника. Они вполне подтверждаются документами [3]). И князь и консерваторы, думавшие снова воспользоваться престижем русского имени для укрепления своей позиции, не обнаружили большой политической зрелости. Труднее об'яснить поведение русского правительства, тем более, что Гирс, кажется, понимал, какие последствия могут произойти от этого. Но «коготок увяз, всей птичке пропасть». Вступив раз на путь вмешательства во внутренние дела чужой страны и сделав один ложный шаг, русское правительство вынуждено было сделать и второй и испить до дна горькую чашу прежде, чем оно смогло убедить тех, кого следовало, что его политика в 1881 г. была в корне неправильна.

Руководящую роль в новом министерстве взял генерал Соболев, присоединив к портфелю министра внутренних дел председательство в новом кабинете. Каульбарс был его верным союзником, вернее, его тенью. Соболев был решительный и бравый генерал, смотревший на свою политическую роль в Болгарии, как на командование дивизией. «В Болгарию я ехал,—писал впоследствии он Эрнроту,—с желанием установить в ней законность и порядок» [4])—фраза в такой же мере неопределенная, как и малообе-

[1]) Убриц—Гирсу 17/29 апр. 82. Tél. sec. Sof., II, 1882, л. 355.
[2]) «Моск. Вед.» за 1883 г., № 292.
[3]) Инструкция Ионину, № 97, 30/VII, 83 г. Sof., II, 301—310, 381—398.
[4]) Соболев—Эрнроту 15/27 сент. 1886 г. «Русская Старина», ноябрь 1886 г., стр. 482.

щающая [1]). Последующие события действительно показали, что генералу нельзя было отказать в чисто-военной быстроте и натиске при полном отсутствии политических дарований. Нельзя сказать, чтобы у него не было никакой программы. Ему казалось, что одних «нравственных» связей между Россией и Болгарией недостаточно, ибо они «при господстве неблагодарности в политике легко порывались». Надо было, как он выражался, завязать несколько «материальных узелков». Что имел при этом в виду генерал—можно видеть из тех мер, которые им были предприняты или только намечены. Он чуть было не добился перевода запасного фонда княжества в Россию. Он настаивал на том, чтобы болгарский долг русской казне остался на месте и был бы расходуем на такие предприятия, целью которых было бы скрепление «родственных уз», т.-е. попросту говоря, руссификация Болгарии. Одновременно с этим он наивно уверял, что все бросаемые против него обвинения, будто он стремился превратить Болгарию в русскую провинцию, являются ложью. Этому можно поверить, зная его политическую наивность.

Его деятельность приняла форму европейского скандала. Русское правительство все это знало и видело, негодовало и даже вступало с генералом в полемику, но ничего с ним поделать не могло, ибо за ним стоял сам Александр III. До сих пор царь доверял князю, теперь, к несчастью для князя, в Болгарии появился человек, которому цар доверял больше, чем князю. Поэтому и конец генеральских подвигов оказался иным, чем политики Хитрово. Хотя генералы и были в конце-концов отозваны, но и князь навсегда потерял в глазах царя свою репутацию.

Приехав в Болгарию, генералы нашли готовым проект изменения конституции в желательном для консерваторов смысле. Проект консерваторов устанавливал двойную систему выборов, имущественный и образовательный ценз, лишал избирательного права чиновников и значительно уменьшал число депутатов. Впоследствии Соболев обвинял консервативную клику в «гениально составленном заговоре» против народа и приписывал этот заговор опыту француза Себастиани, одного из участников «18 брюмера» Луи Наполеона [2]). Это не помешало, однако, самому Соболеву согласиться на его введение. Повторилась старая ошибка: русские на первых порах становились на сторону консерваторов. Но если раньше Хитрово должен был действовать согласно инструкции из

[1]) Упоминавшийся выше француз Кейе (E. Queilleé, op. cit., p. 130) так описывает свою первую встречу с генералом. «Во время первой деловой беседы с генералом несколько дней спустя по его прибытии, он показал мне раскрытую книгу, которая лежала у него на столе. «Вот,—сказал он—собрание законов и распоряжений, изданных мною в Бухаре, которую мне поручено было организовать. У меня, таким образом, под рукой все, что мне нужно для княжества; в затруднительном положении я не окажусь!» Я думал, что он шутит и взглянул на него. Но он смотрел на меня с серьезностью первосвященника»...

[2]) «Русская Старина», сент. 1886 г., стр. 705, прим.

центра, Соболев поддерживал консерваторов просто в силу российской привычки считать либералов «анархистами».

Дальнейшая история деятельности русских генералов варьировала знакомую уже нам по выступлениям Хитрово тему о мошенниках—консерваторах и об истинных представителях народа—либералах. Разница заключалась лишь в темпераменте действующих лиц и в скандальном характере всей генеральской эпопеи, об'ясняющейся тем, что русские генералы были не только агентами русского правительства, но и болгарскими государственными деятелями.

Итак, первая задача консерваторов была достигнута. Снова при помощи русского правительства на либералов был надет намордник. Оставалось теперь осуществить вторую задачу: решить в свою пользу железнодорожный вопрос. Он-то и сделался яблоком раздора между генералами и консерваторами. Страстность, которую при этом проявили обе стороны, вполне понятна. Если раньше консерваторам приходилось защищать свои интересы от агента дружественной, чтобы не сказать родственной державы, то теперь эта держава сделалась сама частью болгарского министерства. То же самое можно сказать и о генералах. Хитрово смотрел со стороны на происки консерваторов. Генералы в качестве болгарских министров и блюстителей болгарских интересов с негодованием видели, что для болгарских консерваторов «власть и нажива» — главная цель политики. Пусть это негодование было наивным, сила его от этого не уменьшалась.

Надежды консерваторов на то, что с русским правительством можно договориться по железнодорожному вопросу рушились не сразу. У консерваторов, повидимому, довольно долго сохранялась иллюзия, что «русская» линия, как русское дело, будет осуществлена на русские казенные деньги. В надежде на это князь в свою очередь поддерживал надежды русского правительства, уверяя его, что вопрос зависит исключительно «от воли его величества» [1]), но при этом не раз намекал на необходимость материальной поддержки со стороны России. Ответы царя, составленные, конечно, в министерстве иностранных дел, очень интересны. Они показывают, что Гирс в это время был уже очень далек от того, чтобы вести активную политику в Болгарии. Средства были; у русского правительства были деньги даже в самой Болгарии (только-что торжественно признанный самими болгарами оккупационный долг), но их категорически отказывались дать на постройку железных дорог. «Я—телеграфировал 25/XI 1882 г. [2]) царь,—был очень доволен, узнав из телеграммы вашего высочества, что Вы решили вести железную дорогу от Софии к Рущуку. Его высочество один может быть судьей в вопросе о наилучшем способе постройки. (Князь Александр просил у царя совета,

[1]) Tél. Alex. de Bulgarie à Alexandre III 20/XI 82. Sof., 1882, л. 96. А. К. М.

[2]) Sof., 1882, л. 166. А. К. М.

строить ли en régie или en concession). Средства, которыми располагает страна, мне неизвестны; могу помочь, только ссудив (en pretant) необходимый для постройки линии материал...» Немного позже [1]), на повторный вопрос князя, царь подчеркнул свое прежнее решение, несмотря на то, что князь прямо указывал, что русская помощь есть conditio sine qua non постройки русской линии [2]). Совершенно очевидно, что в это время Гирс не думал добиваться ее постройки во чтобы то ни стало. Живой обмен телеграммами между царем и князем в конце ноября и начале декабря 1882 г. был вызван тем, что в это время (8 декабря) должно было собраться новое Народное собрание на основе только-что опубликованного закона. Победа в нем при таких условиях была обеспечена за консерваторами, и князь спешил поставить все точки над i в самом животрепещущем для них вопросе. Значение русской субсидии прекрасно понимали и генералы, но для них было ясно, что от русского правительства многого ждать нельзя. Они поэтому просили через Арсеньева [3]), чтобы обещанная раньше Гирсом [4]) субсидия в 1½ млн. фр. ежегодно была бы обращена на покупку Рущукско-Варненской жел. дороги, построенной англичанами, но фактически находившейся в руках того же Гирша. Генералы при этом считали, что было бы весьма важно об'явить наиболее влиятельным членам Народного собрания возможность помощи со стороны России, «дабы этим об'явлением устранить главное препятствие к постройке в Болгарии железных дорог русского направления» [5]). Эти последние они думали осуществить при таких условиях на болгарский счет.

[1]) Sof., 1882, л. 187. А. (К. М. без даты, но по смыслу текста несколько позж').

[2]) Tél. secr. de Prince Alex. a l'Empereur 4/XII 82. Sof., 107. A. K. M. «Vu que le Traité de Berlin a imposé à la Bulgarie les chemins de fer de Vakarel—Tzaribrod et Varna—Routschouk, les ésprits bulgares craignent de s'impliquer des nouveaux engagements. Cette crainte est le seul obstacle à la réalisation immédiate de la ligne qui ira de Sophie vers la Russie. Cet obstacle serait évité, si Votre Majesté m'autoriserait à faire entrevoir à la Chambre l'espoir que dans le moment donné la Russie viendrait à l'aide, afin d'assurer à la Bulgarie que ses depenses seront toujours en équilibre avec ses recettes». Ответ царя Александра III ibid (без даты), л. 187. А. К. М.: «Quel que soit mon desir de venir en aide à la Bulgarie dans la question importante des chemins de fer, il m'est impossible de la faire sous une autre forme et dans une autre mésure que celles dont j'ai fait part à V. A. dans mes derniers télégrammes. J'ai pensé que cette assistance serait suffisamment éfficace pour être appréciée à sa juste valeur. Je regretterais qu'il en fut autrement, mais les Bulgares sont seuls juges de leurs propres intérêts». Последняя фраза при всей своей неясности все же не может быть иначе истолкована, как отказ русского правительства от политики quand même.

[3]) Sof., 108, tél. secr., Арсеньев—Гирсу от 5/XII 82. А К.М.

[4]) Предписание Гирса 5/XII 81 г., № 149, прил. 3. Ibid.

[5]) Tél. secr., Арсеньев—Гирсу 6/XII, 82 г. Sof., 113. А.К.М. «Генерал Соболев и Каульбарс просят меня передать следующее: по рассмотрении бюджета 1883 г. в министерском совете оказалось возможным по более точным данным определить доход княжества в 36 млн. фр., а расходы в 32 млн. фр. Предполагается предложить Народному собранию, которое соберется в будущую среду, 8-го декабря, постройку железной дороги от Софии до Систова на протяжении 275 км. Линия будет стоить 42 млн. фр., которые предположено взять из имеющегося фонда и из остатков бюджетов на 4 года. Следовательно, дорога будет построена без займа. Но этому выгодному для России и Болгарии плану препятствует обязательство Болгарии по Берлинскому трактату относительно Варно-Рущукской дороги, и есть основание полагать, что Народное собрание не решится разрешить израсходование всех наших наличных средств из опасения, чтобы княжество не оказалось несостоятельным по обязательствам, возложенным на него тягостным для него Берлинским трактатом. Вопрос о Варно-Рущукской жел. дороге уже давно волнует умы Болгарии и препятствует установлению порядка вещей в княжестве, и началу постройки жел. дороги. Поэтому было бы весьма желательно успокоить наиболее влиятельных членов Народного собрания, об'явив им конфиденциально от имени русского правительства, что Россия придет, в случае надобности, на помощь болгарскому правительству в деле приобретения Варно-Рущукской жел. дороги. Мое мнение совершенно согласно с вышеизложенным».

Проект, составленный в этом духе и принятый министерством, должен был быть внесен в открывающуюся сессию Народного собрания. Это собрание, по счету третье обыкновенное, открылось 8 декабря и состояло всего из 56 членов, главным образом состоятельных людей, близких к консерваторам. 12 февраля оно закончило свои занятия. К этому же времени относится начало лютой вражды между консерваторами и генералами. Что же произошло? Принятие соболевского проекта в совете министров совсем не означало, что болгары-министры были с ним согласны. Они пока еще не решались открыто выступить против «генералов», ими же самими приглашенных, но, как впоследствии жаловался Соболев, втихомолку вырабатывали другой проект, которым предусматривались внешний заем и получение крупного капитала от русского правительства [1]). В конце-концов консерваторы выдвигали все тот же проект постройки жел. дороги на русский счет, но с своим собственным участием. Если консерваторы вели подкоп против проекта генералов, то и генералы едва ли были абсолютно искренни, выступая хранителями интересов русской и болгарской казны, как писал Обручеву Соболев. На горизонте снова появилась тень пресловутого генерала Струве. О нем особенно усердно хлопотал генерал Каульбарс [2]). Болгарские консерваторы уже в январе 1882 г., т.-е. в самый разгар сессии, могли убедиться, что всякая сделка с генералами по железнодорожному вопросу

[1]) Соболев—Обручеву 30 янв. 83 г. конфид. Sof. II, 83. л. 6—7. О. А.

[2]) Каульбарс—Ванновскому конфид. (I) 16/II 83 г. (Sof., II, 245—247) писал, чтобы болгарскую депутацию, которая должна была направиться в Россию для поздравления царя (по случаю коронации), повезли на Коломенский завод и устроили ей *случайную* (курсив Каульбарса) встречу с ген. Струве. «Личное знакомство с ним и даже, возможно, посещение депутатами Коломенского завода покажет болгарским представителям, что они имеют дело с серьезной фирмой, что значительно облегчило бы нам отдать постройку пути в русские руки и отклонить разные австрийские и французские компании, которые уже теперь начинают работать с двоякой целью: нажиться в Болгарии и упрочить здесь без того сильное западно-европейское влияние...» Подозрения консерваторов, т. обр. (Собол., «Р. Стр.», стр. 750, прим.), оказались основательными.

еще более безнадежна, чем их попытки договориться непосредственно с русским правительством. Не оправдало их надежд и Народное собрание, которое, несмотря на свой исключительно благоприятный для консерваторов состав, отнюдь не желало обогащать «патриотов». Не решившись просто провалить русский проект,— надежды на получение денег от русского правительства были еще не совсем потеряны,—оно приняло законопроект, топивший постройку в море всевозможных предварительных изысканий, которые должно было произвести само болгарское правительство (§ 1). Далее, собрание требовало, чтобы подряды на постройку железных дорог сдавались по частям с публичных торгов во время сессий (§§ 2, 3, 4) и чтобы всякое обязательство, выданное правительством, подлежало его утверждению [1]).

Генералы не считались ни с чем и шли напролом. 27 января,—писал Соболев Обручеву,—мне удалось разоблачить до некоторой степени это дело (т.-е. железнодорожный план консерваторов, составленный тайно от генералов), и мы решительно воспротивились всему тому, что может нанести ущерб финансам Болгарии и косвенно финансам России [2]). То, что было изложено в письме в спокойных выражениях, на деле обозначало открытый разрыв генералов с консерваторами, со всеми его последствиями. Генералов немедленно же использовали политические противники консерваторов—либералы. В феврале и марте в правительственных и политических кругах Болгарии уже кипела лютая борьба, и эхо генеральских скандалов раздавалось по всей Европе. Нам нет надобности входить в подробности этих событий и следить за теми конфликтами, которые в конце-концов сделали невозможным дальнейшее существование министерства, возглавляемого русскими генералами. Достаточно лишь сказать, что побежденными в этой борьбе оказались не только русские генералы, но и консерваторы. Но на войне кроме побежденных бывают еще и просто потерпевшие посторонние. Такими потерпевшими оказались неразумный князь и еще более неразумное русское правительство. А оно действительно оказалось глупее даже князя Александра. Считая его виновником всего происшедшего, оно повело кампанию против него лично, отравляя ему его и без того горькую судьбу.

К концу февраля положение в кабинете оказалось настолько серьезным, что министры из болгар, возглавляемые «триумвиратом», подали князю меморандум [3]), в котором они излили свое негодование на генералов и указывали на опасность возвращения либералов к власти. Князь собрал тогда, по его словам, совещание из депутатов от духовенства и виднейших граждан и задал вопрос, что делать дальше. После горячих дебатов, продолжавшихся несколько дней, было решено, что князь должен дать отставку болгарам-министрам, поскорее отправиться на коронационные торжества и просить царя об отозвании генералов. Пока же ему советовали не назначать новых министров на место ушедших, а всю власть передать ген. Соболеву и тем подчеркнуть временный характер отставки болгарских министров.

[1]) Каульбарс—Ванновскому 16/II 83. Sof., 1883., 11, л. 245—347, приложение (текст законопроекта). О. А.

[2]) Соболев—Обручеву 30/I 83 конфид. Sof., 11, 83, л. 6—8.

[3]) Он напечатан Соболевым в его записках («Русск. Старина» за 1886 г.). Соболев получил его непосредственно от князя.

13/III 1883 г. отставка министров-болгар стала совершившимся фактом. Соболев, повидимому, даже не понял всей двусмысленности своего положения и остался очень доволен решением князя [1]), рассчитывая теперь беспрепятственно распоряжаться по-своему. Князь снова оказался лицом к лицу с официальной Россией в образе не знавших никакого удержу русских администраторов из военных. Если консерваторы думали, что этим они добьются отзыва генералов русским правительством, то они на этот раз глубоко ошиблись. Генералы остались, а вся ненависть царя обрушилась на одного князя, за спиной которого они спрятались. Брошенный на произвол судьбы в образе России, князь волей-неволей принужден был искать защиты у Европы. На свое несчастье он сначала нашел горячее сочувствие в Австрии. Кальноки был сильно встревожен проектом генералов, выдвигавших на первый план постройку русской линии. Соединение Австрии с Константинополем и Салониками грозило отодвинуться на неопределенное время. Поэтому изгнание «генералов» из Болгарии сделалось в той же мере настоятельной необходимостью для австрийских политиков, как и для болгарских консерваторов. Австрийскому агенту фон-Бигелебену было предписано обратить внимание князя на опасность «оттеснения болгарского элемента и предоставление безусловной власти русским министрам» [2]). Князь в отчаянии—а такую неосторожность можно было сделать только в отчаянии — заявил агенту: «граф Кальноки должен поставить мне памятник за то, что я в течение последних месяцев удерживал у власти ниспровергавших всякую законность и право генералов и терпел их хозяйничание на пользу и благо австрийской политики. Понятно, что болгары хотят избавиться от русского рабства, как и от всякого другого, но теперь они пылают лютой ненавистью к России и совершенно забыли, что она сделала для них». Эта фраза показывает силу раздражения князя, но она едва ли верно передает состояние умов в Болгарии в этот момент. Князя и консерваторов ненавидели в этот момент нисколько не меньше, чем русских генералов. Либералы готовы были примириться с генералами, лишь бы свалить своих противников [3]). Князь начинал вкушать

[1]) Corti, S. 129. Весь этот эпизод передан на основании рассказа самого князя, написанного им для германского кронпринца Фридриха-Вильгельма, будущего императора Фридриха III.

[2]) Corti, S. 127.

[3]) Соболев прямо говорит, что увольнение «триумвирата» произвело большую радость в стране («Русск. Старина», 86, стр. 725, прим.). Показание это, конечно, немного стоит, но последующая тактика либералов показала, что генерал был не далек от истины.

прелести своих «полномочий». Оставалась одна надежда—обращение к царю, и так как положение князя в собственном государстве становилось час от часу невыносимее, то он обратился к уже испытанному им средству: он отправился путешествовать с тем, чтобы в конце путешествия прямо проехать в Москву на коронацию [1]). Впрочем, его путешествие не было лишено некоторого политического оттенка. Бигелебену он сказал, что восточный вопрос может быть решен в тот день, когда Сербия, Болгария и Греция придут к соглашению относительно будущей политической географии полуострова. Подобного рода мечты были неуместны особенно теперь, когда князь чувствовал себя изгнанным из своего собственного княжества, но тот факт, что князь говорил о них австрийскому агенту, не лишен интереса. Князь крепко рассчитывал на австрийскую поддержку против России и на проектируемый союз смотрел как на антирусское средство. Он не знал, что связанная договором 1881 г. с Россией Австрия готова была покинуть его в любой момент. Он не знал, что еще совсем недавно Кальноки отдавал его на волю России, выражая русскому послу в Вене свое полное удовлетворение по поводу передачи всех министерских функций Соболеву, не без иронии, впрочем, прибавляя, что могло быть и хуже [2]). Австрийцам пока надо было одного: добиться проведения в первую очередь «интернациональной» линии и заставить болгар подписать соответствующую конвенцию на Conférence à quatre, которая как-раз в это время заканчивала свои занятия [3]).

[1]) Лобанов—Гирсу 4/13 апр. Vienne, I, 271—272. «A propos du voyage que va entreprendre le Prince Alexandre le Comte Kalnoky a fait l'observation qu'apparement c'est devenu une habitude chez les Princes indépendants, ou vasseaux de la Peninsule des Balcans de s'absenter de leurs États dans les moments difficiles».

[2]) Tél. secret. Lobanow — Giers. 2/14 mars 1883, Vienne, I, 60: «La crise de Sofia inquiète beaucoup Kalnoky... le prestige du Pr. Alexandre et son autorité morale ne sont plus les mêmes qu'autrefois. Il ne voit de salut que si le Gouvernement Impérial s'interposait officiellement pour prévenir les complications qu'Il redoute...» Австрийцы выражали опасение, что Болгария превратится в русскую провинцию и боялись изгнания кн. Александра. Информация из Болгарии в этом смысле в австрийские газеты были очень обильны, нелепые выходки и речи Соболева подтверждали, казалось, самые худшие подозрения на этот счет. Несколько позже (Лобанов—Гирсу, dépêche 1/23 mars 1883, Vienne, 1883, I, л., 245—249) Кальноки говорил тому же Лобанову: «Dieu nous préserve d'une complication qui aurait pour conséquense l'abdication ou l'expulsion du Pr. Alexandre. Le Gouvernement Russe est seul en mésure de prevenir une pareille éventualité en s'interposant officiellement dans le differend actuel».

[3]) Железнодорожный вопрос находился в этот момент в последней стадии своего раз ешения. Болгары, добивавшиеся в 1881 г. устранения Гир на, потребовали теперь (в апреле 1883 г.)от австрийского правительства, чтобы Гирш дал формальный отказ от своих претензий, заявляя, что в противном случае они не подпишут остальных условий конвенции, выработанной на Conférence à quatre, а среди условий было согласие болгарского правительства на проведение «интернациональной» линии в первую очередь. Представитель австрийского правительства Согиени не возражал против устранения Гирша, но заявил, что отказываться за Гирша он не может; он лишь уполномочен заявить, что австрийское правительсгво употребит все

Раз это было сделано, судьба князя их интересовала мало. А князь в надежде на австрийцев поспешил удовлетворить это их желание. Из Афин князь телеграфировал «своему» министерству, что он вопреки желаниям своих русских министров считает необходимым в первую очередь строить требуемую Берлинским трактатом «интернациональную» линию [1]).

Разрыв между князем и его русскими министрами был полный.

Итак, русское правительство уже в апреле 1883 г. могло подвести итоги своей двухлетней политики в Болгарии. Болгарский князь спасался от своих русских министров, а эти последние, несмотря на всю «полноту власти», беспомощно барахтались в сетях интриг, расставленных ловкими руками, вызывая опасения и насмешки в Европе и, так сказать, «тихую злобу» у самого русского дипломатического ведомства, которое, однако, ничего не могло предпринять с этими доверенными самого русского царя. 4/16 апреля Лобанов, заявляя о желании поделиться мыслями по поводу болгарских событий, писал Гирсу [2]): «Я прошу позволения сделать это с полной откровенностью, потому что чем больше положение может казаться неприятным и даже пагубным для нас, тем больше растет необходимость смотреть ему в лицо». «Вести, идущие из Болгарии, показывают, — писал дальше Лобанов, — что русское влияние там падает. Можно ли видеть во всех этих согласных между собой рассказах общий заговор против истины?»—вопрошал он. «В настоящее время,—вторил ему сам виновник событий ген. Соболев,—Болгария находится в опасном положении. Влияние России здесь постепенно ослабевает, и если в данную минуту повсюду раздаются голоса, что Россия имеет стремление создать из Болгарии свою провинцию, если европейская пресса утверждает,

усилия, чтобы заставить Гирша подписать отказ. Болгарские делегаты уже готовы были итти на уступки и запросили Софию, но в тот же день вечером они получили две телеграммы: от Соболева и от князя. Соболев предписывал им не подписывать конвенции до тех пор, пока не будет получен отказ Гирша. Князь, к которому австрийское правительство обратилось непосредственно, телеграфировал из Афин, чтобы делегаты удовлетворились австрийским предложением и не медля подписали конвенцию. Делегаты пришли к Лобанову с вопросом, что им делать. Лобанов рекомендовал им подписать конвенцию, но потребовать от австрийского правительства, чтобы Гирш в шестимесячный срок представил свой отказ. Обо всем этом Лобанов сообщал Гирсу в депеше № 29 от 23 апр. (5 мая) 83 г.. Vienne, I, л. 283—302. На другой день (24 апр./6 мая) 83 г. (I, ibid., л. 305—306) Лобанов сообщал, что князь вторично потребовал от делегатов подписания конвенции. Je puis me tromper, mais il m'a semblé voir percer dans les paroles de Kalnoky une certaine satisfaction du désaccord existant entre le Prince et ses ministres et le désir de ne pas laisser échapper occasion de le faire paraitre au grand jour.—По приезде князя в Москву, Катков выражал князю свое неудовольствие по поводу этого поведения его. См. Corti, op., cit., S. 135.

[1]) Corti, op. cit, S. 131; Koch, op. cit., 132—133. Утверждение Коха, что это приказание рассорило князя с официальной Россией излишне упрощает дело.

[2]) Лобанов—Гирсу. Lettre part. person. et secr. 4/16 avr. 1883. C. A. 1883.

что в Болгарии господствуют русские, то это происходит только оттого, что в последнее время здесь приняты некоторые существенные меры для противодействия значительному усилению австрийского влияния». Последнее утверждение, как видим,—похвала своей собственной деятельности. Соболев продолжает: «Кто же виноват в этом упадке русского влияния? С тяжелым чувством докладываю вашему превос-ву, что Австрия, водворившись в Сербии, как у себя дома, поработив Боснию и Герцеговину, старается достигнуть того же во всех трех болгарских областях (Болгарии, Румелии и Македонии)... Австрийское течение особенно усилилось со времени июльского переворота 1881 года (Александр III поставил здесь «?»), и его можно остановить только лишь принятием энергичных мер и начертанием определенной программы для внешней и внутренней политики княжества (разрядка Соболева). До сего времени мы не имеем прочной программы. Австрия же, сильно поддерживаемая Германией, действует систематически» [1]). Здесь Соболев попал, действительно, в самое больное место русской политики на Балканах. Он не понимал только одного, что если бы русская политика имела определенную программу, то его, Соболева, никогда бы не было в Болгарии. Понятно, что такое донесение не могло не задеть министерства. Зиновьев—Гирс соглашались [2]) с тем, что влияние Австрии сильно в Болгарии, но устранить его ведь нельзя, а что касается обвинений Соболева в отсутствии программы, то это ложь. Программа была и есть: это—упрочение русского влияния в Болгарии, это—укрепление престижа князя Александра. Сам Соболев еще в феврале текущего года представлял дело в весьма не безнадежном виде и хвалился, что, имея поддержку «триумвирата», он надеется уничтожить в зародыше эту гнусную интригу» (т.-е. оппозицию, либералов! *Ск.*). А вот теперь, после министерского кризиса, он впал в противоположную оценку, считая, что Стоилов, Греков и Начевич «принадлежат к числу самых непопулярных людей в Болгарии» и что «громадное большинство населения осталось довольно их удалением из кабинета». «Свою неудачу генерал сваливает на министерство. Но остается невыясненным, что именно подало ген. Соболеву повод обвинять русскую политику в Болгарии в отсутствии программы, а также, в чем должна заключаться программа, которую, по его мнению, должно усвоить императорское правительство». Эта заметка, написанная Зиновьевым в ответ на вышеприведенное донесение Соболева, снимает с министерства всякое подозрение в маккиавеллизме. Итти дальше этих общих мест и политической наивности было некуда. Но едва ли можно обвинять министерство. Оно было бездеятельно потому, что оно было бессильно; оно скромно плелось в хвосте других ведомств, занимаясь дипломатическим штопанием прорех, совершонных другими. В эпизоде с генералами его роль была в особенности жалка. Оно больше других противилось их назначению, оно принуждено было терпеть их молодецкую расправу, оно, наконец, должно было покрывать своим авторитетом их деятельность даже и после того, как ее вредоносное значение сделалось для него совершенно очевидным.

[1]) Соболев—Гирсу 13 апр. 83. Sof., II, 83, л. 63—64. С. А.
[2]) Записка Зиновьева от 13 апр. 83. Sof., II, л. 256—260. О. А.

В Россию князь приехал не один. Почти одновременно с ним там появился Соболев и две болгарских депутации, одна—с князем, другая—снаряженная Каульбарсом. Последний в отсутствие князя и Соболева, оставшись «регентом», успел произвести выборы в городской совет. Победили, конечно, радикалы. Каульбарс назначил городским головой Софии русского подданного Сукнарова и отправил его во главе делегации в Россию просить царя от имени «болгарского народа» о замещении кн. Александра братом царицы, принцем Вольдемаром Датским [1]). Борьба продолжалась и здесь, но силы были неравны. У князя оказалось много недругов из числа тех, кого отозвали по его просьбе из Болгарии. Просьба князя отозвать генералов [2]) и дать ему Эрнрота не имела успеха [3]).

Была одобрена программа Соболева, требовавшего расширения прав народного представительства и ограничения власти князя. Это было время, когда в Петербурге начинали называть болгарских либералов, недавних «анархистов» и «нигилистов», народной партией в противовес «эксплуататорам»-консерваторам. В Петербурге решили, что «престиж» требует возвращения генералов в Софию во что бы то ни стало. Князь еще до того, как эта резолюция была принята, отправился домой такими же окольными путями, какими он приехал в Россию. Его поистине жалкое положение лучше всего передают его собственные слова русскому послу Лобанову в начале июля, когда он прибыл в Вену с намерением отправиться через несколько дней в Софию: «J'ai peur de retour-

[1]) Corti, op. cit., 133.
[2]) Corti, op. cit., 135—136.
[3]) Князь утверждал, что царь сначала дал ему лично согласие на отправку Эрнрота в Болгарию, но затем, уже после его от'езда из России, было принято противоположное решение. Corti, op. cit., 135. Это весьма похоже на правду. Lettre de Cabinet adressée à S. A. le Pr. Alexandre de Bulgarie, Peterhof, 22 Juin 1883 (имеется копия его в пап. Sof., 1883, л. 33—35 А. К М.), царь писал: J'y (об отправ. Эрнрота) ai maintenant mûrement réfléchi et tout en appréciant la droiture, la fermeté et les aptitudes administratives du Gen. Ehrnroht Je suis arrivé à la conviction que ce choix ne répondait pas à l'état présent des choses. Il me réserve de chercher avec la prudence nécéssaire un fonctionnaire capable de réaliser Votre désir et le mien auquel pourrait être confié définitivement mon agence diplomatique. En attendant, pour ne pas laisser cette agence sans direction, j'ai résolu d'envoyer provisoirement à Sofia le Conseilleur d'Etat actuel Ionine, qui a été longtemps accredité à Cettigné et est destiné à être mon représentant auprés de l'Empereur de Bresile... — Здесь не только замена Эрнрота Иониным, но и отказ вообще посылать русских в качестве министров (кроме военного, конечно).

ner mais il faut». Понять такое настроение князя нетрудно. Его поездка по столицам убедила его, что ждать помощи неоткуда. В Берлине Бисмарк, пригласив его к себе, прочел ему нотацию [1]). Дела в Болгарии идут очень плохо. Ему, Бисмарку все равно, кто ею управляет, болгарские министры или русские генералы. Но из-за Болгарии может быть нарушен европейский мир. «Вы, например, думаете о соединении Болгарии с В. Румелией. Знаете ли Вы, что из-за этого может быть поставлен на карту европейский мир? Зачем Вы ездили в Черногорию и Грецию, искали союзников? Вообще все это мальчишество (Kindheit)!»,—закончил Бисмарк. Хороший прием, оказанный ему в Ишле австрийским императором не мог рассеять его мрачного настроения. Из Болгарии продолжали приходить самые неуспокоительные известия относительно хозяйничанья «регента» Каульбарса. Последним ударом было известие, которое князь прежде всего узнал из газет [2]), что царь отказывался посылать в Болгарию Эрнрота, а вместо него туда едет с чрезвычайной миссией статский советник Ионин. Князь уверял Лобанова [3]), что он готов преклониться перед волей царя, но его положение безвыходно. Из Софии ему сообщают, что генералы распространили в публике все подробности переговоров его с русским правительством. Отказ царя послать Эрнрота рассматривается в Болгарии как полная победа генералов над ним. Его возвращение будет сигналом к волнениям. Он предвидит, что в предстоящую (чрезвычайную) сиссию Народное собрание вынесет вотум недоверия нынешним министрам и что при таких условиях железнодорожный вопрос будет решен не в пользу России. У него нет никакого авторитета. Цанков ездит без его разрешения по Европе. Министры не слушают его: «Ça leur est bien égal: ils s'en iront, mais moi—je reste»,—заключил он свою беседу с Лобановым [4]).

«Нам необходимо поддержать Соболева и Каульбарса, это подлая интрига, и князя я в п о л н е (курсив царя) виню во всем этом»,—написал Александр III на депеше Лобанова. Мы не знаем подробностей того, что произошло после от'езда князя из России, но в противоположность прошедшему году, не ему, а своим генералам поверил царь. Для князя это было равносильно потере царского доверия раз и навсегда. С этого момента в Петербурге перестали считаться с князем.

* * *

Приезд в Софию чрезвычайного русского посла Ионина начинает собой новый период в истории русско-болгарских отношений. Об этой миссии впоследствии создались настоящие легенды [1]). То обстоятельство, что с его миссией связано было жестокое политическое поражение князя и консерваторов, способствовало распространению этих легенд. Консерваторы, как известно, были европейцы по образованию и кошельку и прессой умели пользоваться превосходно. Из всей газетной и журнальной литературы, дошедшей до нас с того времени, имеет значение лишь книги духовника Александра Баттенбергского, пастора Коха и русского журналиста Головина, о которым мы уже упоминали выше [2]). Документы, опубликованные в Софии—Берлине в 1893 г. под названием «Оккупационный фонд», документы из секретного архива русского правительства с «предговором» известного радикала Д. Петкова, представляют собой грубейшую и безграмотную подделку, которая, как и всякая подделка, конечно, довольно правдоподобна [3]), но тем не менее все же остается подделкой [4]). Из более поздних публикаций большое значение имеет книга Корти, но надо заметить, что все эти три свидетеля восходят к одному и тому же источнику, к рассказам самого князя Александра, и, таким образом, дают показания лишь одной стороны. В документах, извлеченных из архива бывшего министерства иностр. дел, мы имеем показания другой стороны. Они, конечно, также не беспристрастные, как и первые, но, будучи донесениями изо дня в день и отражая собой весь процесс переговоров русского посла с князем, они дают более надежный материал, чем рассказы князя, в особенности изготовленное им post factum для германского кронпринца общее повествование, лежащее в основе изложения Корти. Само собой разумеется, что, даже имея все русские документы, невозможно восстановить в точности все детали борьбы, закончившейся восстановлением тырновской конституции руками ее злейших врагов, руками князя и консерваторов, с одной стороны, и русского правительства, с другой.

Ионину предоставлены были широкие полномочия вообще [5]), но ничто не свидетельствовало в такой мере о двусмысленности положения русского правительства, как инструкция, которой он был снабжен. Министерство ставило перед ним задачу поддержания «престижа» России и оставление генералов, хотя бы временно, на своих постах. Но рядом с этим в инструкции было высказано по-

[1]) Лобанов—Гирсу 10/22 июня 83. Sof.. I. л., 345—349. А.К.М. Князь сам рассказывал об этом благоволившему ему лично Лобанову.

[2]) Corti, op. cit., S. 139.

[3]) Лобанов—Гирсу 8/20 июня 83. С. А., л. 171.

[4]) Лобанов—Гирсу 10/22 июля 83 г. С. А., 83, л. 206—209.

[1]) Примером может служить очень важная в др. отношениях книга Spiridon'a Gorčevič'a «Bulgarien und Ostrumelien», Leipzig, 1886. Она довольно хорошо передает болтовню, которой питалась тогдашняя западноевропейская публика, охотно воспринимавшая, в Австро-Венгрии особенно, всякие нелепости насчет политики русского правительства.

[2]) A. Koch, Fürst Alexandre von Bulgarien, Darmstadt, 1887; A. Golovine, Furst Alexandre I von Bulgarien, Wien, 1896.

[3]) См. М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX стол., стр. 348.

[4]) В чем легко убедиться сличением напечатанных документ в с фолдами мин. иностр. дел.

[5]) Инструкция Ионину № 97 30/VII 83. Проект ее написан рукой Зиновьева. Sof., 11, л. 301—310 и 381—398. О. А.

желание, чтобы конституция была восстановлена, и князь отказался от своих полномочий. Правда, в ней повторялись обычные фразы о несовершенстве Тырновской конституции, но Гирс—Зиновьев (инструкция принадлежала перу директора азиатского департамента) признавали, «что совершенная отмена установленного Тырновским собранием порядка вещей едва ли возможна в настоящее время». Князю рекомендовалось восстановить конституцию, с правом пересмотра ее «на основании созданных учреждений» и «добытого опыта» путем созыва Великого народного собрания», которое должно быть созвано, «как только обстоятельства окажутся к тому благоприятными». Как ни была инструкция полна неопределенностей и недоговоренности, смысл ее, однако, совершенно ясен. Двухлетний опыт «с полномочиями» не прошел даром для русского правительства. Оно возвращалось теперь вспять к порядкам до 1881 г. И, конечно, такой возврат, заключавший в себе молчаливое порицание своей собственной политики последних двух лет, был вызван не только тем, что теперь, потеряв доверие к князю, считали необходимым восстановить гарантии, созданные против всякого князя болгарского конституцией 1879 г. Возврат был вместе с тем признанием краха консервативной политики в Болгарии, поворотом в сторону «народной партии», как теперь именовал либералов даже Катков, отказом от непосредственного вмешательства во внутренние дела Болгарии. Одним словом, это была полная капитуляция с молчаливым признанием тех последствий, которые она в себе заключала. Что восстановление конституции означало конец власти генералов, министерство, повидимому, прекрасно понимало, но, быть может, именно таким образом оно и думало осуществить зараз две противоположных задачи: сохранить престиж и упокоить царя, с одной стороны, и убрать из Болгарии генералов, с другой. Даже в железнодорожном вопросе правительство било отбой по всей линии. Россия признавала в инструкции законность требований Австрии о проведении в первую очередь «интернациональной» линии и соглашалась на выработанный кн. Хилковым план постройки болгарских железных дорог, план, который исключал возможность каких бы то ни было концессий [1]). Русское правительство признавало, таким образом, резолюцию Народного собрания сессии 1882—1883 г. и конвенцию Болгарии с Австрией от 27/IV 1883 г. и лишь настаивало на том, чтобы линия Систово—София была проведена в первую очередь среди остальных. И в железнодорожном вопросе, как и в остальных, «полномочия» не дали русскому правительству ничего: в этом оно признавалось теперь в инструкции Ионину.

Чрезвычайно трудная задача выполнить инструкцию, в которой капитуляция правительства Гирса была прикрыта фразами о

[1]) Этот план лег, действительно, в основу постройки всех железных дорог в Болгарии и был одним из немногих хороших русских подарков Болгарии. См. I. Dantschoff, Das Eisenbahnwesen in Bulgarien, S. 10—11,

поддержании престижа, была возложена на русского дипломата Ионина, и, надо сказать, что Ионину удалось более или менее удовлетворительно выйти из трудного положения.

Бывший русский агент в Цетинье, назначенный теперь посланником в Бразилию, Ионин «проездом» должен был выполнить чрезвычайную миссию умиротворения умов в Болгарии. Ионин был умным человеком, опытным дипломатом и талантливым политиком—явление очень редкое среди русских агентов на Балканах. Его миссия заставила говорить о нем, как о нервном и придирчивом дипломате, но своей дурной славой он обязан был главным образом князю и его агентам, а князь, как мы увидим, имел основание быть им недовольным: своим политическим поражением он был обязан именно Ионину.

Проездом в Софию Ионин остановился в Вене, где он беседовал с графом Кальноки [1]). Эта беседа интересна в том отношении, что она дает нам представление об официальной точке зрения в Австрии на болгарские события. Австрийцы опасались, как бы болгарский вопрос не осложнился в общеевропейский, в особенности если бы русские вздумали изгнать князя из Болгарии, требовали, чтобы конвенция 27 апреля о проведении «интернациональной» линии не подвергалась никакому сомнению. До остального им не было дела. Ионин заверил графа, что хотя временное удерживание генералов в Софии и сделалось необходимостью, из этого, однако, не следует, что все их действия правительство «a priori» признает за правильные и не подлежащие критике. Граф не отказал себе в удовольствии щелкнуть по носу своего противника. Он заметил, «что он ничего не имеет против управления страной посредством русских в высших должностях в Болгарии. Он считал бы это даже полезным, ибо опытных и честных болгар нет, но он жалеет о том, что этот опыт до сих пор не удавался. «Князь молод, неопытен и находится до сих пор в Болгарии, как в лесу». Он «ужасно жалуется, жалуется на все и оказывается какой-то беспомощной жертвой, так что он мне надоел своими жалобами,—продолжал Кальноки,—но я не могу, с одной стороны, не находить, что и генерал Соболев не более опытен, чем князь, и я не скрою от вас, что и к его характеру я не имею особенного уважения». В заключение граф заверил Ионина, что он не раз подтверждал приказание австрийскому агенту в Софии не вмешиваться во внутренние дрязги и уклоняться от всякого участия в демонстрации против русских генералов. Это уверение Кальноки близко к истине. Получив свою «интернациональную» линию, австрийцы охладели к князю, имевшему неосторожность излишне ретиво отстаивать австрийские интересы [2]).

[1]) Ионин—Гирсу, Вена, 4/16 авг. 83 г. Sof., 11, л. 100—110. О. А.

[2]) «Более того, что граф говорил или обещал, мы от Австрии и требовать не можем, да, кроме того, мне показалось, что кн. Александр не основывает свой теперешний образ действия на обещаниях или одобрении со стороны Вены и Германии, как это могло отчасти нам казаться в Петербурге»,—

Лишь дальнейшие осложнения и возможность появления на сцене восточного вопроса в целом, в связи с борьбой между князем и русским правительством в октябре—ноябре, снова заставили всполошиться не только Кальноки, но и Бисмарка, и фантом русской конницы, марширующей к восточным границам центральных держав,—обычный дипломатический прием Бисмарка—снова появился на столбцах австро-венгерских и германских газет.

Ионину казалось полезным, чтобы князь, а затем и другие знали, что он едет «без всяких враждебных намерений к кому бы то ни было и без всяких готовых решений», тем более, что его приезду предшествовали слухи, будто он везет готовую конституцию, отмену княжеских полномочий и готов даже жертвовать князем, чтобы удержать генералов в стране [1]). Поэтому, залучив к себе одного из «триумвиров», Стоилова, который был в это время в Вене и намеревался ехать по поручению князя в Петербург «об'ясняться», он изложил ему цель своей миссии: «Я хотел,—писал Ионин Гирсу,—воспользоваться первым попавшимся случаем, чтобы показать мое решительное намерение стать выше личностей». Он начал свою беседу с Стоиловым с того, что протянул ему руку примирения. «Генералы могут быть неопытны, они могли также наделать ошибок—мы это допускаем, но нельзя же не допустить, что все остальные, во всяком случае, не меньше виноваты в неопытности и ошибках, а в таком случае все должны в этом чистосердечно признаться, протянуть друг другу руки и помириться...»

В Петербурге остались не совсем довольны первыми шагами чрезвычайного посланника. Не доверяли австрийцам, боялись излишней откровенностью скомпрометировать генералов. «Генералы могли ошибаться, но намерения их были чисты и бескорыстны, тогда как противники их руководились своекорыстными целями и запятнали себя вопиющими злоупотреблениями»,—писал

писал Ионин в том же донесении. См. также tél. secr. et de Fonton à Giers 3/15 avr. 83. Vienne. I, 118 A. K. M., его же tél. 18/30 août 83. Ibid. «Kalnoky après avoir va Stoilow, m'a dit avoir donné ordre à Agent Autrichien de ne pas associer à demarches collective des Representants Etrangers à Sofia au sujet des reclamations pendantes entre eux et les Ministres Bulgares». Жалобы князя на австрийцев см. Corti, 142. См. также Lettre secrète de Giers à Fonton, 5 авг. 83, № 121, Vienne, II, 77—79. А.К.М., где Гирс пишет, что австрийский посол показал ему письмо Кальноки, в котором этот последний заявлял, что: «tout ce que nous faisons en Bulgarie inspirait à Vienne une grande méfiance. On y voyait la pensée de russification et d'annexer finalement la Principauté, contrairement au Traité de Berlin». К обоюдному удовольствию, эта подозрительность пока была рассеяна взаимными об'яснениями, удовлетворившими обе стороны. См. Гирс—Лобанову 24 авг. 83. Sof., II, л. 94—97. А К.М.—Уже после встречи с князем Ионин мог убедиться, что австрийцы сдержали свое слово. 23 авг. 4 сент. 83 (Sof., II, 148—153. О. А.) Ионин писал: «Bigeleben, agent d'Autriche, est de retour à Sofia dépuis hier soir. Il a été déjà deux fois chez le Prince et j'ai tout lieu de croire que son influence nous a été favorable».

[1]) Частные письма Ионина Гирсу из Вены от 4/16 авг. 83. Sof, II, 114—122. О. А.

Гирс. Депеша Ионину подчеркивала, что на нем лежит обязанность поддерживать авторитет генералов, ибо такова воля царя [1]).

По приезде в Софию, Ионин сразу убедился, что его примирительные намерения совсем неуместны. Партийная борьба кипела, князь и консерваторы старались только об одном: выжить генералов [2]). Было совершенно очевидно, что генералам придется уходить. Во главе антигенеральской кампании стоял консервативный Державный совет. Генералов обвиняли в том, что они хотят изгнать князя и об'явить свою диктатуру. В своем заявлении, поданном князю, Державный совет жаловался на то, что генералы требовали, чтобы поздравительная телеграмма царю была послана через них, а не через князя, что генералы без нужды увеличивают число русских офицеров в болгарской армии и, наконец, что болгарские офицеры занимают только подчиненные должности. Все это было верно. Деятельность генералов в армии в особенности вызывала неудовольствие болгарских офицеров. Но в одном генералов упрекать нельзя. Ни о какой диктатуре в данный момент они не думали [3]). Наоборот, в этот момент они чувствовали себя очень непрочно, их судьба была почти предрешена, и их энергия была вызвана исключительно тем невыносимым положением, в какое их поставила необходимость поддержать престиж и исполнить волю царя. «Генерал не составил здесь эпохи,—писал про Соболева Ионин тотчас по прибытии в Софию,—и если бы пришлось обратиться к мнению страны на его счет, то можно было бы встретить одно равнодушие. Впрочем, генерал Соболев говорил мне это и сам в Петербурге, а здесь уже в первый день по приезде я убедился, что генерал не ошибается».

Многое зависело от того, какую позицию займет Ионин. На этот раз русский агент оказался достаточно ловким. Ему стало ясным, что спасти положение только силою русского влияния и имени — нельзя. Надо было искать опоры в самой стране, и Ионин сразу же понял, что единственное средство выйти из положения заключалось в том, чтобы опереться на либералов. Обстоятельства сами толкали его на этот путь. Генералы еще раньше пробовали действовать в таком же духе и не без успеха. Выборы в начале 1883 г. в местные муниципальные советы прошли, с помощью тех же генералов, с успехом для либералов. Теперь слухи о генеральской диктатуре и о том, что они будто желают изгнать князя из Болгарии, оказались в руках либералов хорошими средствами для того, чтобы вынуждать от князя уступки в их пользу. Генералы, таким образом, были пока еще

[1]) Гирс—Ионину, авг. (без даты) 83 г. Sof., II, 326—329. О. А.

[2]) Деп. Ионина Гирсу 16/28 авг. 83. Sof., I, л. 59—78. О. А. «По приезде моем в Софию я должен был убедиться, что мои надежды на совершенно мирный исход дела не совсем основательны и что князь доказал еще рядом фактов неизменную волю во что бы то ни стало удалить генералов».

[3]) Это продолжает утверждать Станев в своей Geschichte der Bulgaren, S. 113, II Teil.

нужны в Болгарии. Результаты такой политики либералов не замедлили скоро сказаться. Испуганный слухами, князь готов был итти на компромисс со своими политическими противниками. Еще до приезда Ионина в Софию Начевич хлопотал о соглашении с ними при обязательном условии отставки генералов,— князь, повидимому, считал, что без генералов никакие либералы ему не страшны,—но из либералов выразил готовность сотрудничать с консерваторами один Цанков, остальные и слышать не хотели ни о каком компромиссе. Принял ли, или нет Цанков это обязательное условие—мы не знаем. Вероятно, нет. Выгоды генеральского управления для либералов были слишком очевидны. В перспективе были дополнительные выборы 16 депутатов в обыкновенное Народное собрание. При общем их количестве в 56 человек исход их был весьма небезразличен для партии. Соболева Цанков уверял несколько позже в обратном: он, де, сам в качестве обязательного условия выставил оставление генералов на их постах [1]), на что князь будто бы никак не хотел согласиться,—но этот разговор имел место уже после того, как для либералов выяснилась благоприятная для них позиция Ионина [2]). Сомнения в искренности Цанкова в данном случае имеют некоторые основания. Мы имеем одно любопытное показание князя. 26 августа к нему пришел Цанков и сказал: «Geben Sie uns die Varfassung von Tirnowa wieder und am demselben Tage werden die Russen totgeschlagen» [3]). Но, повторяем, выгоды временного пребывания генералов были слишком очевидны для либералов, и поэтому такое заявление Цанкова, если только князь не ошибается в дате, скорее следует отнести к области методов этого болгарского политика старой турецкой школы.

Итак, с момента приезда Ионина положение быстро изменилось в пользу генералов. На одной стороне—князь и консерваторы, чувствующие свою слабость и уповающие только на штыки, с другой,—генералы, либералы и Ионин—хотя и не формальные союзники, но действующие до поры до времени в одном направлении.

«Может быть, вашему высокопревосходительству,—писал Ионин [4]),—покажется и не совсем удобным то обстоятельство, что я волею-неволею должен был итти при этом заодно с либералами. Это, несомненно, слишком резкий переход от нашего прежнего образа действий, приведшего Болгарию к систовским полно-

[1]) Соболев—Ионину 17 авг. 83. II, л. 142—43. О. А.

[2]) Ионин—Гирсу 15/27. Tél. secr. Sof., 174. АКМ. «Accord entre les libéraux et les conservateurs pour lequel le Prince travaillait, en vue de prouver au monde que les Russes ne sont plus nécéssaires en Bulgarie parait être rompu, parce que le Prince ordonna aux conservateurs présenter comme condition secrète de sine qua non de ce cet accord le renvoi de Sobolew. Les libéraux regrettent cette demande et déclarent Sobolew indispensable comme garantie de paix et légalité des élections».

[3]) Corti, S. 143.

[4]) Ионин—Гирсу депеша № 1 16/28 авг. 83. Sof., I, 83, л. 59—78. О. А.

мочиям. Но в Болгарии существуют, с одной стороны, недовольный народ, ропотом которого воспользовалась прежняя либеральная партия, совершенно потонувшая в массе, а, с другой,—несколько эксплоататоров, которые, пользуясь денежными средствами и княжеской милостью, окружили себя стаею клевретов, почти исключительно из среды чиновничества».

В тот момент, когда Ионин приехал в Софию, страсти разгорелись до такой степени, что надо было действовать, не откладывая дела в долгий ящик. Министерская инструкция не давала для руководства никакой опоры, и Ионин решился действовать на свой страх и риск.

Мы подходим к наиболее смутному периоду ионинской миссии. Ткань сбытий, которую до сих пор, хотя и с трудом, можно было восстановить на основании документов, запутывается здесь окончательно в неразрешимый клубок. Мы имеем две параллельные серии показаний. Они идут от противников, готовых в этот момент на самые крайние средства: от князя и Ионина. Ясны лишь результаты. Но достаточно мысленно представить их себе, чтобы увидеть, в какой мере они были неожиданны и для одной и для другой стороны. В самом деле, через три с небольшим недели после приезда Ионина князь восстановил Тырновскую конституцию, и русское правительство не протестовало против этого. Если принять во внимание, что князь действовал не один, а за ним стояли его верные «триумвиры» и их консервативное окружение,—то получается довольно любопытная картина: Тырновская конституция была восстановлена руками ее принципиальных противников. Так оно и было в действительности, ибо хотя русское правительство и пришло к выводу, что его политика в 1881 г. была ошибкой, оно отнюдь не желало полного восстановления этой конституции. О князе и консерваторах нечего и говорить: конституция казалось им и оказалась на деле концом их политического господства. Чтобы понять, как это произошло, обратимся к документам.

В момент приезда Ионина обстановка была такова. В начале сентября должна была состояться чрезвычайная сессия обыкновенного Народного собрания. Гвоздем этой сессии были ратификации железнодорожной конвенции с Австрией и конвенции по оккупационному долгу с Россией. Князь и заинтересованные материально в постройке железной дороги «триумвиры» теперь более чем когда-либо желали удаления генералов. Генералы были страшны не только тем, что их присутствие предрешало исход дополнительных выборов. «Надобно иметь в виду еще и то,—писал Ионин 21 августа [1]),—что настойчивость княжеской клики и непременное желание ее удалить генералов об'ясняются, кроме общей политической цели, главным образом заговором с корыстной целью. Располагая голосами депутатов теперешнего

[1]) Ионин—Гирсу, деп. № 4 от 21 авг. 83. Sof.. I, л. 119—144. О. А.

Народного собрания и обессилив генералов, князь хотел в предстоящую сессию заставить вотировать железнодорожный вопрос и тотчас же приступить к конвенциям. С этой целью все уже было приготовлено: концессионеры были найдены, и о взятках были заключены чуть ли не формальные условия. Допустить осуществление этой интриги значило бы закабалить страну алчной болгарской и иностранной клике аферистов. Вот к чему привели пресловутые систовские полномочия», — нравоучительно прибавлял Ионин, забывая, что и с русской стороны их приветствовали в свое время не без надежды закабалить страну аферистами русского происхождения.

Князь «просил» генералов уйти в отставку, но последние, ссылаясь на приказ царя, отказывались. Тогда князь и консерваторы решили воспользоваться сессией, чтобы выразить генералам вотум недоверия и заставить их уйти со скандалом, раз они не желали повиноваться добром.

План Ионина был очень прост: соединиться с либералами и изолировать князя и его «клику». Тотчас же по прибытии 12/24 августа [1]) Ионин отправился к князю и вручил ему письмо царя [2]). Князь хотел отпустить его, но Ионин заявил, что ему необходимо об'ясниться тотчас же. После заметного колебания князь согласился. Ионин заявил энергичный протест против поведения князя в отношении генералов и в ультимативной форме пред'явил ему следующие требования: при открытии предстоящей сессии Народного собрания князь должен заявить в тронной речи, что оно собрано исключительно для ратификации русской и австрийской конвенций и для принятия бюджета и что никакие дальнейшие прения допущены быть не могут. Такое воздержание от прений (т.-е. выражения недоверия генералам) князь должен мотивировать тем, что перед страной стоит задача спокойно обсудить новый устав, который положил бы конец временному порядку и хаосу, явившемуся результатом смеси абсолютизма с парламентаризмом, действующих одновременно. Короче говоря, временное оставление генералов, назначение комиссии для выработки проекта изменений Тырновской конституции и в перспективе— конец полномочий — таковы были требования Ионина. Разговор шел в течение трех часов в самых энергичных выражениях [3]). «До настоящего время наше намерение,—сказал Ионин,—было терпеливо выслушивать и обсудить с Вами ваши желания и жалобы, но в виду вашего образа действий, в виду скандалов, устроенных исподтишка и посредством интриг, мы не можем более входить в прения...» Генералы приехали сюда по вашей просьбе.

---

[1]) A. Koch, op. cit., S. 139, ошибочно указывает дату прибытия и первой аудиенции 1 сентября.

[2]) Tél. secr. 12/24 авг. Sof., л. 151—153. А. К. М.; деп. № 3 от 19 авг. Sof., II, л. 89—118. О. А.

[3]) «Entrevue très orageuse avec le Prince pendant trois heures». Tél. secr. 12/24 août 83. Sof., л. 151—153.

Вы, а не Болгария поставили их министрами, и то в силу полномочий, ибо Вы без русских не могли бы управлять страной. Подвергнуть вопрос на обсуждение «осколков» парламента — недопустимо. Было бы другое дело, если бы в Болгарии была конституция и было ответственное министерство». В ответ на это князь стал жаловаться. Русское правительство было всегда непоследовательным. Оно всегда мешало ему преследовать «его политику». Оно посылало ему постоянно лиц, с которыми он не мог жить, и брало от него тех, которых он любил и которые входили в его виды. Наконец, в Петербурге слушали все сплетни, а не хотели никогда выслушать его и войти в его соображения, между тем как он только и думал служить России. Правда, Россия помогла ему в 1881 г., но затем, не имея никакой системы, не поддерживала его власть. Русские якшались даже с либералами и попадали в их ловушку. Требовать после этого, чтобы неприятные ему генералы продолжали оставаться в Софии — несправедливо. «Наконец, — сказал князь, — меня везде называют немцем, и генералы первые кричат об этом на улицах. Как же Вы хотите, чтобы меня это не взорвало? Я немец, действительно, и горжусь этим, но я доказал мою преданность государю русскому и я не забываю, что Россия сделала для Болгарии». Князь наотрез отказался исполнить требование Ионина: «Вы подрываете мою власть и требуете унижения моего самолюбия. Генерала Соболева страна терпеть не может»,—сказал князь.—Я имею сведения противоположные, — ответил Ионин. Князь: «В таком случае пусть выскажется парламент». Ионин: «Вот этого-то я и не хочу допустить. Что здесь в Болгарии более действительно: полномочия или парламент? Если полномочия, то я требую удовлетворения от Вас, а не от парламента». Князь: «Я вижу, вы предлагаете мне распустить парламент, — но я не могу нарушать прав народа и парламента высказываться по всем предметам управления». Ионин: «Странное отношение к парламенту после рущукского переворота [1]), который, конечно, не соблюл прав народа». Князь: «Вы сами, русские, помогли мне сделать этот переворот». Ионин: «Что же нам было делать, когда Вы нас приперли к стене, сели на пароход и сказали нам: «я—или конституция», — мы думали, что Вы нужны, хотели мира и принуждены были все поддерживать, хотя Вы нас не известили о ваших намерениях. Неужели Вы думаете, что Россия может спокойно переносить подобные сюрпризы и преследовать только вашу личную пользу? В настоящее время мы переживаем такой же кризис, как и в Рущуке, и ради Бога не говорите нам: «я—или генерал Соболев!». Князь: «Но, наконец, полномочия все-таки существуют!» Ионин: «Да, но должны прекратить свое существование, Вы с ними не могли сладить, и если Вы хотите стать теперь выше уколов честолюбия и, начав новую эру, сделаться

---

[1]) Систовского, конечно.

настоящим князем, то Вы разом завоюете себе блестящее положение в стране, Вы покажете ей, что Вы в настоящее смутное время не желаете заниматься пустыми разговорами или бранью в парламенте, незаконном и выбранном из-под палки, только чтобы служить ширмою для самовластия, что Вы распускаете этот парламент не по прихоти, не для того даже, чтобы спасти репутацию русских генералов (для этого мы найдем и другие средства), а для того, чтобы покончить с двусмысленностями, и затем — среди водворенного таким образом спокойствия — собрать лучших людей страны для совета с ними о наиболее совершенном устройстве княжества». «Я,—прибавил Ионин,—русский и стою и по принципу и по чувству за самодержавие. Но самодержавие должно опираться на бесспорное единение между страной и властелином, тогда и вопли каких-нибудь утопистов ничто. Но в данном случае единоличная власть ваша не опирается на страну, она приобретена чужим влиянием, хотя бы и нашим, и имеет опорою только малое число лиц, которые служат этой власти из-за своекорыстных выгод». Князь ответил, что у него уже готова новая конституция, происходит слияние партий, болгары хотят управлять сами и русских генералов им в таком случае не будет нужно. Ионин ответил, что генералы и не претендуют на власть. Они ждут времени, когда Болгария достигнет той степени зрелости и спокойствия, когда их услуги не будут нужны. Но теперь их пребывание у власти необходимо. Князь настаивал на отставке Соболева и соглашался оставить только Каульбарса. О Соболеве он сказал: «Знайте, что я его ненавижу и считаю ничтожеством». Так как Ионин продолжал настаивать на категорическом ответе, князь спросил, вытекают ли его требования из прямого повеления государя императора и привез ли он эту программу из Петербурга. Ионин ответил утвердительно и прибавил в ответ на замечание князя, что он, князь, уступает и ждет уступок со стороны России, что никаких уступок не будет и быть не может [1]). Такой ответ Ионина был равносилен для князя об'явлению войны.

Положение Ионина было не из легких. «В конфликтах с генералами князь старается,—писал он,—играть на патриотической струне, выставляя себя защитником самолюбия болгар против иностранного, т.-е. русского, влияния и произвола. Именно на этой почве сейчас и развертывается действие [2]). Ионин понял, что может рассчитывать на победу лишь в том случае, если он будет бить князя его же оружием. Только с помощью либералов и осуществляя их программу, Ионин мог рассчитывать «спасти» реноме непопулярных генералов. Принужденный итти шаг за шагом навстречу требованиям либералов, он в конце-концов дал сам и заставил русское правительство дать согласие на тот пункт их

[1]) Ионин—Гирсу, деп. № 3 19 авг. Sof., II. л. 89—118. О. А.
[2]) Tél. secr. 12/24 août 83. Sof., I, л. 151—153. А. К. М.

программы, который являлся альфой и омегой их политических домогательств, — на восстановление Тырновской конституции. Все это, конечно, ему стало ясно не сразу. Но одно он понял с самого начала, что оставление генералов у власти на долгий срок—вещь абсолютно невозможная, и на этом не настаивал [1]). Результаты этих выводов Ионина не замедлили сказаться очень скоро. Уже 15/27 авг. Ионин телеграфировал Гирсу, что дополнительные выборы в обыкновенное Народное собрание по городам Софии, Тырново и Царибводу окончились полной победой либералов, и тут же добавлял, что намечавшееся между либералами и консерваторами соглашение, «в пользу которого работал князь с целью доказать всем, что русские больше не нужны в Болгарии, — кажется, не состоялось, потому что князь приказал консерваторам выставить в качестве conditio sine qua non соглашения отставку Соболева. Либералы не принимают этого требования и заявляют, что Соболев необходим, как гарантия мира и законности выборов». Теперь Ионин решил действовать еще более энергично и потребовать от князя безотлагательного исполнения выставленных им ультимативно требований. 17 августа он просил князя дать ему аудиенцию, но князь отказался, сказавшись больным. Сообщая об этом в Петербург [2]), Ионин просил дать ему разрешение обратиться к князю с требованием в письменной форме, в случае, если на другой день князь опять откажется его принять. Он считал необходимым прибавить к прежним требованиям [3]) новое, а именно, что в виду общего положения нужны гарантии и что в качестве таковых гарантий русское правительство считает необходимым сохранение нынешнего «нейтрального» министерства до созыва Великого народного собрания, которое решит вопрос о форме правления. Нынешнее министерство, по его мнению, должно ограничиваться текущими делами и воздерживаться от издания каких-либо важных актов законодательного характера. Систовские полномочия, повергшие страну в хаос, должны прекратить свое существование немедленно же. Получив эту телеграмму, Гирс испугался. В особенности расстроило его упоминание о Великом народном собрании, которое должно было, по мнению Ионина, решить вопрос о болгарской конституции. Он подчеркнул эту фразу и написал: «По моему мнению, этого никак не следует ему (т.-е. Ионину? князю?) говорить». Александр III согласился с своим министром, пометив синим карандашом: «опасно!». Чего же боялось наше дипломатическое ведомство? Оно само об'яснило это—в ответе телеграммой Ионину. Оно боялось компрометировать себя перед европейскими державами актом, столь неприкрытого вмешательства во внутренние дела

[1]) Против Koch'а, который говорит, будто Ионин требовал от князя оставления генералов на 2-летний срок.
[2]) Tél. secr. 18/VIII 83. Sof., л. 177. А. К. М.
[3]) Относительно ограничения прений нац. собрания и временного оставления генералов.

Болгарии?! [1]). Осторожность была не совсем неосновательна, т. к. Ионин, добившись все-таки на следующий день аудиенции (18 авг.) у князя, закатил ему такую сцену, что перепуганный князь, несмотря на то, что эти требования были ему пред'явлены в устной форме, все же немедленно обратился к помощи «Европы». 18-го на аудиенции [2]) князь сначала решительно отказывался принять требования Ионина относительно ограничения прений предстоящего Народного собрания и заявил категорический протест против оставления Соболева до созыва Великого народного собрания. Соболев настроен к нему враждебно, и при нем выборы вообще окажутся неблагоприятными для консерваторов. Князь, повидимому, все же не думал, что русское правительство пойдет так далеко в уступках либералам [3]). На замечание Ионина, что уволить Соболева—значить сделать неприятность царю, князь сказал: «Я тоже государь в своей стране, прошу Вас тотчас же сказать генералу Соболеву, чтобы он подал в отставку». Ионин отказался. Князь настаивал. Он будет по телеграфу просить царя об увольнении Соболева. Ионин заявил, что князь получит отказ. «В таком случае, я здесь не князь, если я не могу распоряжаться моими министрами, я лучше уеду из Софии». «Как Вам будет угодно»,— был ответ.

Разговор продолжался в таком же духе. «Я сейчас же призываю Грекова и поручаю ему составить новое министерство и посылаю отставку теперешнему так же, как и генералу Соболеву. Прошу Вас немедленно об'явить ему это мое решение». Ионин снова отказался. Князь сказал, что он пошлет за генералами и об'явит им свою волю. «Что вы тогда сделаете?» — спросил он. «Генералы Вас не послушают и скажут Вам, что они будут помимо Вас управлять страной впредь до раз'яснения спора». — «Так это будет независимое правительство рядом со мной! Вы знаете, как это называется?»—«Знаю,—ответил Ионин,—и очень сожалею, но Вы сами поставили меня в такое безвыходное положение. Мы не в состоянии более уступать и не боимся последствий».—«Вы имеете на это инструкции государя императора?»—спросил князь, подавленный оборотом, какой принимало дело. — «Нет,— ответил Ионин, — но всякий русский обязан прежде всего защищать честь своей родины».

[1]) Giers à Ionine 18—VIII 83. Reçu tél. de 18. «Ne sortez pas de Vos instructions générales ni de programme proposé verbalement au Prince et que l'Empereur a approuvé. Si le Prince persiste à ne pas vous recevoir-insistez par écrit. Quant à cessation des pouvoirs et convocation de la Grande Assémblée—n'en faites mention dans Votre lettre. Ce serait un acte de l'ingérence directe, contraire aux stipulation des traités. Ne perdez de vu que Votre lettre sera sans doute communiquée aux cabinets Il ne faut pas qu'elle fournisse des armes contre nous». Алексадр III надписал: «совершенно верно».

[2]) Télégr. secr. Ionine 18 août. (получ. 19) 83. Sof., л. 84—189. А. К. М.

[3]) Ионин—Гирсу 21 авг. 83. Sof., I, деп. 119—144. О. А.; тел. секр. 19/VIII. Sof., л. 184—189. А. К. М. (послана 18-го августа).

«Из всего вышеизложенного, ваше высокопревосходительство, можете усмотреть, — писал позже Ионин, — что я переступил предел данных мне инструкций. Но вметсе с тем Вы соблаговолите согласиться, что при обстоятельствах, в которых я застал Болгарию и важности которых мы не подозревали в Петербурге, мне, посланному сюда экстренно, и в виду внимания, обращенного на мою миссию всей Россией, невозможно было оставаться в пределах чисто дипломатических сношений» [1]).

Князю стало ясно, что на этот раз русское правительство выдаст его головой либералам. Не хочет ли оно совсем от него отделаться? Такой вопрос был теперь вполне естественен, т. к. угроза Ионина была слишком определенна. Правда, опасность грозила князю лишь в случае отказа исполнить требование русского агента, но само требование уничтожало всякую тень политической самостоятельности князя и было облечено, с точки зрения дипломатических приличий, в неслыханно дерзкую форму. Поэтому князь тотчас же пригласил к себе представителей держав, подписавших Берлинский трактат, и обратился к ним за помощью. Из ответов их он мог убедиться, что в политике европейских держав его личная судьба ничего не значила. Германия осталась на своей позиции незаинтересованности. Австрия умывала руки. Инструкции Кальноки Бигелебену говорили о том, что вся ответственность за русские выходки падает только на одну Россию. Англия Гладстона была тоже не склонна к выступлениям против России [2]). Тогда князь пригласил к себе генералов. Он, по его словам [3]), предложил им подать в отставку, но они отказались, ссылаясь на приказ царя, и заявили ему, что они останутся министрами даже вопреки его требованию.

Показания Ионина [4]) вполне совпадают с этим, но в них есть некоторые интересные детали. Генералы осведомили Ионина, что их зовет князь. Они пробыли там довольно долго, и Ионин стал беспокоиться, подозревая арест. Но оказалось, что хотя князь и предложил Соболеву подать в отставку, но, встретив с его стороны решительный отпор, «просил как-нибудь уладить все это дело». Больше всего он жаловался на грубость Ионина, уверяя, что, не будь этого, он мог бы кое в чем уступить. «Генерала Соболева он просил, тем не менее, уехать из Софии, чтобы избавить Болгарию от потрясений», или, в крайнем случае, оставить портфель министра и сделаться его тайным советником. Но и такое предложение не имело успеха. Генералы держались твердо.

[1]) Ионин—Гирсу, деп. № 4, 21 авг. 1883. Sof., I, л. 119—144. О. А.

[2]) Донесение Бигелебена Кальноки 5 Sept. 83. Corti, op. cit., S. 142; Koch, op. cit., S. 146—147.

[3]) Corti, op. cit., S. 142.

[4]) Ионин—Гирсу, деп. № 5 10/22 сент. 1883. Sof., I, л. 145—158. О. А. Tél. secr. 19/VIII 83. Sof., л. 184—189. А. К. М.

На следующий день генералы и Ионин сговорились быть у князя вместе, «pour faire dernière tentative» [1],—писал Ионин Гирсу. Но утром 20-го князь прислал к нему двух своих докторов и, ссылаясь на нездоровье, просил его быть у него без генералов. Ионин согласился. Аудиенция продолжалась 2 часа [2]). Князя после вчерашней аудиенции больше всего мучила мысль, не имеет ли русское правительство определенного желания выпроводить его из Болгарии. В таком случае он предпочел бы удалиться немедленно, чем подвергать себя риску быть изгнанным национальным собранием (великим, конечно, избранным в тех условиях, которые были поставлены Иониным, т.-е. при Соболеве в качестве министра внутренних дел) *(Ск.)*. Ионин уверил его в искреннем желании царя видеть его попрежнему в стране, при условии, однако, что князь впредь не будет ставить Россию в затруднительное положение, как в данный момент. Князь все-таки просил Ионина дать ему слово употребить все свое влияние к тому, чтобы будущее национальное собрание не

---

1) Tél. secr. Ionine 19 VIII 83. Sof., I, л. 184—189. A. K. M.

2) Вот эта важная телеграмма Ионина от 20 VIII 83. Sof., л. 197—98. A. K. M. «Aujourd'hui matin prince envoya ses deux médecins me dire qu'étant très indisposé, il ne pouvait me recevoir avec généraux, mais me prie venir seul. Soupçonnant encore ruse, j'ai consenti cependant. Long entretien de ceux heures. Il chercha d'abord me brouiller avec généraux, proposant différentes solutions, mais insistant surtout pour savoir si Gouv. Russe avait désir arrêté qu'Il disparaisse de Bulgarie; dans ce cas il préférait partir de suite que courir le risque d'être chassé par l'Assemblée. En le rassurant j'ai dit que sincère désir de S. Maj. est de le conserver dans pays, mais que s'Il ne nous donnait pas de preuves que dorénavant Russie n'aura plus craindre de sa part être ouvertement froiseé comme à ce moment, S. Maj. Le sacrifiera probablement à la dignité de l'Empire. Tranquillisé savoir que nous ne voulons pas le chasser du pays à tout prix, Il m'a prie de lui donner parole employer toute mon influence afin que future Assemblée ne produise vôte publique de méfiance contre lui ce qui le ferait quitter Bulgarie avec honte. Je lui ai donné parole s'Il remplissait consencieusement ce que nous lui demandons. Il consentit à tout, me remerciant longuement de mes conseils paternels et conserva chez lui projet manifeste, que j'ai redigé pour en étudier details. Dans ce projet j'ai soigneusement sauvegardé son amour-propre. Il cherchait surtout combinaison qui puisse le debarasser de Sobolew, Il serait meme être prêt pour rétablir constitution Tyrnovo tout court. Le lui dit que cette petitesse nuirait seulement à sincérité de son repentir aux yeux de S. Maj. Je lui reprochais aussi qu'au lieu d'être Prince, Il n'est que serviteur aveugle d'une mauvaise clique personnellement hostile aux généraux, que c'est rôle mesquin et je l'invitais pour son propre bien s'élever au position vrai Prince—manière gagner affection peuple, qu'Il a complètement perdu. Enfin nous nous separâmes protestation de sa part de reconnaissence. Il regrettait ne pouvoir signer immédiatement Manifeste étant malade, mais promis le faire dans un-deux jours. Je lui fis observer que chaque rétard présentait danger, vue extrême exitation peup'e—ce qui est vrai. Je crains encore être certain du succès. Prince caractère faux et petit, ne peut se détacher de sa clique qui le tient par un passé inavouable et qui est perdu avec retablissement notre influence. Prince finassera encore—je serais sur mes gardes prêt à tout que perdre cause. Visiblement peur peut seul agir. Selon tout évidence Prince reçu lettre Vienne avec conseil céder (сохранена орфография подлинника).

вынесло ему публично вотума порицания, что заставило бы его покинуть Болгарию с чувством стыда. Ионин дал слово при условии, что князь добросовестно выполнит все его требования. Князь согласился на все и оставил у себя проект манифеста, составленного Иониным, «чтобы изучить его детально». В действительности он хотел, по возможности, оттянуть время подписания манифеста, который, по его мнению, разрушал его авторитет и подрывал его личный престиж [1]). Все еще не веря утверждениям Ионина и опасаясь за свою собственную судьбу, которая с подписанием манифеста оказывалась в руках либералов [2]), князь медлил, добиваясь от русских новых гарантий и уступок [3]), пробовал отложить подписание до 30-го и сдался, наконец, 23 августа под общим напором русских и либералов, поставивших перед ним угрозу враждебных демонстраций. Этот манифест был опубликован 30 августа (11 сент. н. ст.) в подарок царю в день его именин, как залог безграничного послушания князя. Манифест гласил: «Мы, Александр I... об'являем нашим верным подданным, что мы решили немедленно назначить комиссию, долженствующую состоять из первейших и почтеннейших людей княжества, без различия политических убеждений. Эта комиссия будет заседать под нашим председательством, чтобы в кратчайший срок выработать проект новой конституции. Проект будет затем внесен в Великое национальное собрание, которое должно быть созвано немедленно же после окончания работ комиссии, чтобы придать проекту его окончательную форму. До введения в действие конституции нынешние министры сохраняют свои портфели, ограничивая свою деятельность исключительно разрешением текущих дел и сохраняя должный нейтралитет во всем, что касается внутренней политики...» [4]).

---

1) C'est sur Votre ordre et contre ma conviction que j'ai écrit le manifeste qui détruit mon autorité princier et mon préstige personnel». Tél. secr. de Pr. Alexandre царю от 29 авг. 83. Copehnhague, 83., л. 53—61. Получено в Копенгагене 9/IX н. ст.

2) Ibid. La convocation de la Grande Assemblé: nationale dans les circonstances actuelles amènera ma chute, car les chefs du parti libéral qui maintenant font semblant d'être russes, sont les mêmes qui, étant Ministres, étaient les ennemis les plus acharnés de Russie, et une fois le pouvoir en mains ils voteront une constitution, qui rendra ridicule où impossible la Monarchie en Bulgarie. Mon dévouement sans bornes pour Votre personne n'es. pas changé et la seule consolation que j'ai dans ma situation presque désespérée c'est que mon honneur et mon avenir sont en Vos mains». Ловко составленная телеграмма в расчете поссорить царя с либералами, противниками Монархии (с прописной буквы!), все же достаточно красноречиво передает страх князя.

3) Tél. secr. Ionine 20/VIII 83. Sof., 204. A. K. M. Le Prince appela Sobolew et lui declara qu'il est dans l'impossibilité de souscrire à mes demandes s'il ne lui donnait pas par écrit certains garanties. Sobolew réfusa. Il verrait demain le Prince, mais il n'en sortira rien. Le Prince demanda à remettre decision au 30 août, mais il trompe. Effervescence est grande et notre influence seule maintient l'ordre. Si le Prince tarde, viendront démonstrations orageuses...»

4) Цитирую по Koch'y, op. cit., S. 147—148; Gopčević, op. cit., S. 242.

Манифест, как мы уже говорили, был написан Иониным и представлял собой суммирование тех требований, которые Ионин пред'явил князю еще на первой аудиенции. Казалось бы, что все было кончено. Со стороны князя капитуляция была полной. Но консерваторы и князь, подписавший манифест против своей воли и убеждения, еще не сдались окончательно. Последующие события до манифеста 6 сентября, восстановление Тырновской конституции показывают, почему вопрос о генералах сделался для консерваторов и князя центральным. На сцену снова появился железнодорожный вопрос, в последний раз и в окончательной форме. И, быть может, именно ему Тырновская конституция обязана своим восстановлением в 1883 г.

Тактика князя и его партии нисколько не изменилась. После подписания первого манифеста, состоявшегося 23 августа, князь попробовал навлечь подозрение царя на противоестественный, с точки зрения абсолютизма, союз между русскими и либералами. Здесь его ждало полное разочарование. Возрастающая требовательность Ионина показывала, что Петербург безусловно поддерживает своего агента. Так это и было в действительности. Князю больше не верили [1]), а решительность Ионина прямо нравилась царю [2]). Во-вторых, княжеская партия занялась антигенеральской (антирусской назвать ее нельзя) агитацией в печати. Ненавистного Соболева консерваторы хотели дискредитировать, распустив слухи, что он «предает» Болгарию, настаивая на безусловном признании австро-болгарской железнодорожной конвенции. Слухи эти имели под собой полное основание. Русское правительство, поняв, наконец, что против «Европы» и ее Берлинского трактата (§ 10) не пойдешь, решилось не препятство-

[1]) См. на предыдущей странице телеграмму князя Александра 29/VIII 83. Гирс, отсылая ее обратно в Копенгаген (где в это время находился царь), снабдил ее таким примечанием (см. Copenhagen. 83, л. 135 от 29 авг./10 сент.): «Представляя сегодня текст секретной телеграммы кн. Александра ваш. вел—у, беру смелость высказать мое убеждение, что выраженные в ней князем опасения неосновательны и даже неискренни. Действуя согласно преподанной ему инструкции, Ионин добивался лишь устранения влияния небольшой клики, связанной с князем какими-то темными интересами, которая (т.-е. клика. *Ск.*) своим произволом и злоупотреблениями уронила кредит князя в стране. Эта же клика упорно добивалась удаления русских генералов с целью устранить встреченное с их стороны противодействие успеху ее неблаговидных замыслов. Вел. нар. собрание, созвать которое князь обещался манифестом 1 июля 1881 г., должно положить конец этому печальному положению дел, прекратить антагонизм партий и приступить к исправлению Тырновской конституции княжества для устранения из оной несовместных с положением страны крайне либеральных начал и укрепления княжеской власти на законных основаниях. Ионину предписано действовать в этом смысле, и сочувствие, встреченное им в Болгарии, позволяет рассчитывать, что усилия его увенчаются успехом». Александр III сделал пометку: «Совершенно разделяю ваше мнение, то же самое впечатление эта депеша сделала и на меня. А.»

[2]) Tél. secr. de Giers à Ionine 22/VIII 83. Sof., 18. A. K. M. Ibid. 24/VIII. Поздравления с успехом. Об этом свидетельствуют также многочисленные ремарки царя на телеграммах и депешах Ионина.

вать далее осуществлению австрийских вожделений, надеясь заручиться в остальном поддержкой Австрии. Оно, как мы видели, не ошиблось. Теперь «изменники и австрофилы» консерваторы возвращали Соболеву его эпитеты обратно. Действуя так против той самой конвенции, в осуществлении которой они были непосредственно материально заинтересованы, консерваторы, конечно, отнюдь не хотели отказываться от нее окончательно и итти против Австрии. Они просто рассчитывали ловким маневром привлечь Австрию на свою сторону в их распре с генералами. Расчет их был ясен. Делая этот неожиданный вольт, они, во-первых, облекали в патриотическую форму вотум недоверия, который они готовили генералам в Народном собрании (либералы, подозревая консерваторов в сделке за счет казенного сундука, были вообще против конвенции, за которую теперь ратовали генералы), они, во-вторых, показывали Австрии, что конвенция не может быть признана до тех пор, пока генералы, а не они, будут у власти. Такого рода тактика вынуждалась самым характером интересов, которые консерваторы преследовали: они опасались, как бы постройка линии не уплыла из их рук. А это обязательно случилось бы, если бы, паче чаяния, после ратификации конвенции генералы остались бы на своих местах. Это была тонкая политика, но где тонко—там и рвется,—именно на этом консерваторы и попались. Рассказывая post factum о случившемся, Ионин писал о событиях, непосредственно предшествовавших манифесту 7 окт. [1]) (ст. ст.): «Как ни хлопотал я, чтобы ограничить прения этого собрания (т.-е. сентябрьск. сессии обыкновен. Нар. собрания) только двумя вопросами: утверждением австрийской и русской конвенций, однако перед самым открытием сессии оказалось, что и при этих условиях нельзя будет избежать скандала или открытия борьбы на поприще общей политики. Сначала вожди консерваторов согласились с князем на принятие в принципе австрийской конвенции с тем, впрочем, чтобы окончательная ратификация оной была отложена, так как большинство собрания, не имея доверия к настоящему министерству, не позволит провести на практике столь важного финансового проекта. Генерал Соболев, настаивавший перед либералами, чтобы австрийская конвенция была принята беспрепятственно, с целью удовлетворить Австрию,—говорил по этому поводу и с князем, поставляя ему на вид, что удовольствие выразить порицание министерству не стоит конфликта с Австрией, который можно накликать промедлением ратификации. Отвечая Соболеву, князь имел смелость сказать ему: «Тем лучше, тогда Австрия увидит, почему я не в состоянии действовать на почве трактатов, и вмешается в наши дела». После подписания манифеста 23 авг. (30 авг.) князь,—рассказывал дальше Ионин,—сначала подавленный, опять очнулся».

[1]) Ионин—Гирсу, деп. № 5 от 10 сент. 83. Sof., I, л. 145—158. О. А.

Мысль оставить генералов министрами «оказалась для него невыносимой». Слухи, которые привез Цанков из Бухареста, что Румыния и Сербия вступили в австро-германский союз [1]), снова ободрили князя, и он пред'явил Соболеву неожиданное требование, чтобы депутаты, принося клятву на верность конституции, упоминали бы в ней и о своей верности «полномочиям» [2]). Так рассказывает Ионин. Можно, однако, думать, что причины «бодрости» князя были другие. Ионин и в телеграммах и в своих очень пространных депешах мало и неохотно говорит об обстоятельствах восстановления Тырновской конституции. И это вполне понятно. Это восстановление было поражением для него, как дипломата, хотя следует заметить, что для русского правительства оно оказалось наилучшим выходом из, казалось бы, безвыходного положения... Дело было в следующем. Либералы прекрасно учли деликатность положения и тонкость политики консерваторов. Они сделали великолепный в тактическом отношении ход, при помощи которого они разом, так сказать, делали шах и мат и князю с консерваторами и русским во главе с Иониным. Не доверяя князю и его конституционным намерениям, получившим свое выражение в манифесте 23 авг. (30 авг.), они ловко воспользовались все тем же пресловутым железнодорожным вопросом, чтобы заполучить от князя прочные гарантии того, что конституционные обещания князя претворятся в действительность. «По общему убеждению, — пишет Ионин в той же депеше № 5 от 10 сент. 1883 г.,—консерваторы и князь были в высшей степени заинтересованы в ратификации австрийской конвенции и готовы были пожертвовать всем, чтобы ратификация эта состоялась по возможности скорее; и это тем более, что, в виду постройки железной дороги, о которой идет речь, и у князя и у его клики существовали денежные обязательства и долги по обещанной уже конвенции. Либералы были убеждены также, что выступи они против конвенции, — а в данный момент, по тактическим соображениям, против нее агитировали и консерваторы,— многие из последних, не совсем ярых и материально заинтересованных, перешли бы на их сторону ради патриотичности заявления». Поэтому, по соглашению с Иониным, либералы решили поставить перед князям и консерваторами ультиматум: или немедленное восстановление Тырновской конституции, ратификация конвенции и отставка генералов, или срыв предстоящей сессии Народного собрания на вопросе австр. конвенции и, следовательно, оставление князя на произвол русских генералов и русского правительства — обстановка, при которой железнодорожные аппетиты консерваторов остались бы без удовлетворения.

[1]) Tél. secr. Ионина 5/IX 83. Sof., 229. А. К. М.
[2]) Tél. secr. 6/IX 83. Sof., 234—241. А. К. М. «Ободренный поддержкой иностранной прессы и тем, что Сербия и Румыния вступили в австро-германский союз, князь снова стал решительным против нас».

В соответствии с этим они составили заявление для внесения его в Народное собрание. В нем либералы, выражая князю благодарность за об'явленный манифест (т.-е. маниф. 30/VIII), обещающий законный порядок вещей, полагали, что, по смыслу манифеста, этот законный порядок может быть отложен на долгое время и что лучше было бы скорее вывести страну из переходного состояния, т.-е. теперь же об'явить Тырновскую конституцию восстановленной. Либералы не отказывались, однако, от того, чтобы внести в конституцию изменения при помощи комиссии, назначенной собранием, созванным нарочно с этой целью. Они соглашались, далее, в принципе с конвенциями, как австрийской, так и русской, так как обе они вытекали из обязательств, возложенных на Болгарию Берлинским трактатом, но считали настоящее собрание некомпетентным решать вопрос о конвенциях окончательно. Ссылаясь при этом на текст конвенций, дающий с 10 окт. 1883 г. годовую отсрочку для определения денежных средств Болгарии, либералы говорили в своем заявлении, что в течение этого года успеет собраться конституционное собрание, которое и решит дело законным порядком. Ставя денежные выдачи в зависимость от будущего конституционного собрания, либералы приобретали лишнюю гарантию прочности конституционного порядка. Решившись на такое заявление, либералы составили и план действий на случай, если бы князь отказался восстановить Тырновую конституцию немедленно же. После дополнительных выборов число либеральных депутатов настолько возросло, что их протест против австрийской конвенции, поддержанный умеренными консерваторами, имел бы за собою большинство собрания. В расчете на это они, с согласия Ионина и генералов, решили провалить дорогую для консерваторов конвенцию, и так как этот провал произошел бы с согласия министерства, т.-е. Соболева, а самая конвенция была единственным вопросом, по поводу которого Соболеву могло быть выражено недоверие со стороны собрания, то генералы могли бы спокойно продолжать свою полезную деятельность в Болгарии и дальше. Тонко задуманная консерваторами политическая кампания, рассчитанная на привлечение либералов против конвенции и, следовательно, против «австрофилов»-генералов, которые ее поддерживали, была ловко парирована их политическими противниками. Князь и консерваторы стояли перед дилеммой: или сдаться на милость либералов, получив от них конвенцию, или очутиться лицом к лицу с генералами, действующими теперь уже если не в согласии, то и не вопреки Народному собранию, и имея в перспективе все же неизбежное Великое народное собрание, избранное при содействии генералов, а поэтому,— в этом князь не сомневался,—крайне враждебное ему и консерваторам. Если князь и консерваторы колебались перед выбором, то во всяком случае недолго. Последнее обстоятельство, т.-е. Великое национальное собрание, избранное «генеральским» спо-

собом, их страшило больше, чем что-либо другое. И руководитель умеренных либералов, «великий» (в турецком смысле этого слова) Цанков очень хорошо это понял. Князь так рассказывал о том, что побудило его решиться на немедленный отказ от полномочий и на восстановление Тырновской конституции. Незадолго до открытия собрания, а может быть, и в этот самый день [1]), к нему явился Цанков и сделал ему такое сообщение: «Генерал Соболев имел неосторожность доверительно сообщить ему, что русское правительство желает, чтобы Великое народное собрание потребовало вместо новой конституции—десятилетний протекторат России над Болгарией». Такова дословно версия, передаваемая Corti по документам княжеского архива. Более пространна, но и более нелепа версия Koch'a [2]), но и в ней в центре стоит пресловутый десятилетний протекторат. Все эти сведения, принадлежат ли они Цанкову, или самому князю, необходимо решительно отбросить в область бесчисленных легенд, которыми обросло это событие [3]).

Русское правительство можно упрекать во многом, но подобного рода подозрение не вяжется со всем ходом болгарской политики Гирса—Зиновьева в 1883 г. и не находит абсолютно никакого подтверждения в документах. Можно подозревать, в виду настойчивости утверждений князя об его разговоре с Цанковым, лишь одно, что Цанков ловко провел князя, добившись, благодаря такому запугиванию, от консерваторов согласия на

[1]) Koch и Corti, приводя этот забавный случай, относят его: первый ко времени открытия собрания, второй—на день открытия. И тот и другой базируются на рассказе самого князя. Но второй допускает явную неточность, относя день открытия собрания ко 2 сент., тогда как оно в действительности, как это явствует из телеграмм Ионина Гирсу от 6/IX 83. (Sof., л. 234—241. А. К. М.) и из его же депеши от 10 сент. № 5, было открыто 4 сент. (ст. ст.). См. Koch, op. cit., S. 149; Corti, S. 143.

[2]) Koch. S. 149. Соболев будто бы сказал Цанкову: «Russland liege an der Tirnower Verfassung nicht das Geringste, es wünsche vielmehr eine Verfassungsänderung, und vor allem die Annahme einer russischen Schutzherrschaft auf zehn Jahre mit russischen Ministern und bat ihn, in der nächsten Kammer (? Ск.) den Antrag auf Absetzung des Fürsten und Errichtung eines zehnjährigen Protectorates durch Russland zu stellen». Все это можно скорее отнести насчет неточности воспоминаний Koch'a, т. к. его утверждения—явная бессмыслица. Если бы даже русское правительство и желало десятилетнего протектората, то получить его оно могло бы рассчитывать только от искусственно подобранного Вел. нар. собрания, избранного под руководством генералов в качестве болгарских министров, а не от ближайшего обыкновенного собрания («in der nächsten Kammer» у Koch'a). Но и Великое народное собрание, избранное «генеральским способом», могло быть только либеральным и поэтому ни на какой протекторат России, тем более десятилетний, согласия бы не дало.

[3]) В качестве примера этих легенд можно привести наиболее подробный и обстоятельный рассказ о событиях у Gopčević'a. У него, как у журналиста, мы находим полное отражение газетных слухов, а шли они гл. обр. со стороны князя и консервативной прессы, дирижируемой Хаджиеновым—Начевичем (см. op. cit., S. 251). S. 246—254.

восстановление Тырновской конституции. Донесение Ионина несравненно правдоподобнее, и хотя оно не лишено известной ретушевки, оно все же близко к истине, давая два параллельных изображения: в телеграммах, отражавших ход событий по мере того, как они развертывались, и в его пространных донесениях post factum. Из всего этого документального материала можно вынести лишь одно, что генералы, а отчасти и сам Ионин были до известной степени озадачены неожиданно состоявшимся в последний момент компромиссом между умеренными либералами во главе с Цанковым и консерваторами. Обычное изображение событий таково: князь, испугавшись диктатуры генералов, согласился восстановить Тырновскую конституцию при том условии, что Народное собрание единогласно обратится к нему с соответствующей просьбой [1]), но потребовал при этом известных уступок со стороны либералов. В ночь с 3/15 на 4/16 сентября состоялось собрание обеих партий, без ведома генералов [2]). Соглашение состоялось на том, что с восстановлением Тырновской конституции и долженствующей за сим последовать отставки генералов должен быть составлен коалиционный кабинет [3]), чрезвычайная сессия Народного собрания об'являлась обыкновенной, и на него (а не на особую комиссию, как в манифесте 23—30 авг.) возлагалась обязанность выработать проект изменений Тырновской конституции [4]) для внесения его в предстоящее Великое народное собрание. 4 сент. было открыто собрание, и князь произнес тронную речь, а 6-го на заседании, когда должен был обсуждаться адрес в ответ на тронную речь, генералы были поражены тем обстоятельством, что в комиссию по составлению адреса были избраны 6 либералов и 6 консерваторов. Только теперь генералы поняли, что у них за спиной состоялся компромисс, и когда комиссия, после минутного обсуждения, вынесла готовый уже адрес [5]) о восстановлении Тырновской конституции, генералы покинули с бранью зал заседания, сопровождаемые криками «ура!» [6]).

Из телеграмм и донесений Ионина можно восстановить следующую картину. Выше мы привели план действий, выработанный либералами совместно с Иониным на тот случай, если бы князь отказался дать Тырновскую конституцию. «Узнав об этом

[1]) Koch, op. cit., S. 150.

[2]) Таково утверждение Koch'a. Ibid., S. 150.

[3]) Gorčevič, op. cit., 248.

[4]) Koch, 150.

[5]) Текст его у Koch'a: «Мы, народные представители, воодушевленные верноподданнической преданностью к в. высоч-ву, просим в. в. восстановить манифестом Тырновскую конституцию, с одновременным указанием тех пунктов ее, которые должны быть пересмотрены и изменены. Вопрос об изменениях должен быть передан на рассмотрение этого собрания, для каковой цели настоящая чрезвычайная сессия должна быть превращена в обычную законодательную».

[6]) Koch, op. cit., S. 151.

плане,—рассказывает Ионин в донесении № 5 от 10 сентября[1],—«князь и его клика согласились на немедленное провозглашение конституции». Перешибить русских, однако, можно было, только предложив либералам нечто бо́льшее, чем манифест 23—30 авг. При таких условиях князь надеялся сохранить и трех корифеев («триумвират»—Греков, Начевич и Стоилов) в министерстве. Кроме того, князь и консерваторы, поймав либералов на эту удочку, могли требовать от них уступок. В сущности, если бы Тырновская конституция была восстановлена, то по ее содержанию должно бы быть собрано Народное собрание из 200 человек, и выборы эти, на основании всеобщего голосования, конечно, были бы либеральные, — но теперь либералы должны были пойти на компромисс — признать настоящее собрание законным и правоспособным для пересмотра конституции и для составления проекта изменений, имеющих быть представленными на утверждение Вел. нар. собрания. Теперешнее собрание имеет большинство консервативное, следовательно, все выгоды на стороне князя. «Либералы,—утверждает далее Ионин,—понимали, что с точки зрения Тырновской конституции этот шаг — беззаконие; они понимали также опасность коалиционного министерства, но перспектива получить тотчас же Тырновскую конституцию и взять власть в свои руки вскружила им голову. Либералы надеялись к тому же, что, имея за собой народ, они заставят делать по-своему и не допустят князя до обмана». Во время этих переговоров, длившихся некоторое время, Цанков и Балабанов (вожди умеренных либералов) приходили к Ионину за советом и об'яснениями. Он решительно предостерегал их от поспешности и увлечений, «но так как,—пишет Ионин,—все, повидимому, уже было заранее устроено и так как либералы были безусловно уверены в себе, а князя боялись (он, между прочим, уже заявил им, что консерваторы отказываются от участия в редакционной комиссии и что, таким образом, последняя не может состояться),—то я сказал им, что мы, русские, заботимся только о благе Болгарии, и если новая комбинация представляется болгарам лучшею гарантиею этого блага,—то мы не станем препятствовать ее осуществлению, но оставляем все на их собственной ответственности». Таким образом, Ионин признает, что компромисс состоялся без его ведома («все уже было заранее устроено»). Признает он далее и то, что комбинация, придуманная либералами, была не совсем в духе русских пожеланий, и, следовательно, соглашается с тем, что его миссия потерпела частично поражение. «В сущности,—пишет он,—последняя комбинация (т.-е. компромисс) была нам невыгодна. Правда, князь бросался в крайности, которые могли быть для него гибельны, но на время княжеская клика лишала меня до некоторой степени моего прежнего положения и парализовала мою возможность действовать. С другой стороны,

[1]) Ионин Гирсу, деп. № 5 от 10 сент. Sof., I, л. 145—158. О. А.

отставка генералов являлась естественным следствием всего происшедшего. По манифесту 30 августа генералы должны были остаться на своих постах, до введения парламентского образа правления—теперь конституция провозглашалась и притом Тырновская, с которой мы никак не могли быть солидарны. Правда, таким образом, от'езд генералов из Болгарии становился естественным, их не высылали уже волею князя или выражением недоверия в собрании, но впечатление на массы составляется не доводами, а фактами,—факт же оставался тот, что, несмотря на огромный переворот по форме в пользу народа, генералы все-таки уезжали». Далее Ионин пишет: «В виду важности такого положения дел я немедленно же пригласил генералов к себе, чтобы посоветоваться с ними,—они так же, как и я, сознавали неудобства новой комбинации, но соглашались, что теперь нужно подать в отставку». Все это как-будто мало вяжется с тем изображением событий, по которому генералы были застигнуты врасплох компромиссом между консерваторами и либералами. Но из депеши Ионина № 5 от 10 сентября неясно, когда именно компромисс между либералами и консерваторами стал ему известен. Весьма возможно, что и сам Ионин был оповещен о нем только по открытии собрания. Интересно отметить, что в телеграммах Ионина как-раз за это время (с 1 сентября по 4-ое) перерыв. Телеграмма, отправленная из Софии 4 сентября[1]), кратко сообщает о том, что собрание открылось, но в ней нет ни слова ни о компромиссе, ни о поведении либералов. Следующая телеграмма от 6 сентября[2]) прямо говорит о состоявшемся решении князя восстановить конституцию и о необходимости отставки генералов. В депеше от 10 сентября Ионин прибавляет: «Я решил телеграфировать ваш. высокопрев-ву повергнуть к стопам е. вел. мое мнение, что генералы должны подать в отставку и притом тотчас же по появлении нового манифеста, дабы отставка министерства имела вид сознательного и решительного шага. Я боялся еще одной неприятности, чтобы князь не опубликовал манифеста одновременно с новым составом министерства, не дожидаясь отставки прежнего. Однако княз на это не решился». Все это вместе укрепляет нас

[1]) Tél. secr. Ionine, получ. 6/IX 83. Sof., л. 234—241. А. К. М.

[2]) От него же 6/IX 83. Sof., л. 242—245. А. К. М. Вот текст: «Кризис кончился тем, что после долгих интриг и колебаний князь обещал депутатам обеих партий не назначать комиссии, а просто восстановить Тырновскую конституцию, что, конечно, привело их к соглашению. Это может кончиться плохо для князя, но это уже не наше дело. Нам это выгодно, ибо исполнение манифеста в консервативном духе возлагало бы на нас трудную ответственность при настоящем настроении умов. Генералы думают, что их роль кончена и что в виду получения удовлетворения манифестом и введения конституции, которая сделала бы их ответственными министрами, что не входило в виды государя императора при отправлении их сюда во время полномочий, они могут подать в отставку, как только будет издан новый манифест. В виду сего осмеливаюсь просить Вас испросить соизволение г. и. подать им в отставку. Вероятно, это надо будет сделать послезавтра.—Конвенции будут скоро ратифицированы».

в мысли, что Цанков с товарищами все-таки провели не только князя, но и русских [1]). Но делать было нечего. Что же касается русского правительства, оно было довольно. Разрешение уйти в отставку генералы получили так скоро, как только мог передать его телеграф [2]). Генералы уехали из Софии, получив полное удовлетворение на банкете, который им устроили левые либералы, недовольные политикой Цанкова. А на докладной записке Гирса, представлявшего последние донесения Ионина из Софии и говорившего о «неблогонамеренности, с которой вел себя князь», и о тех громадных затруднениях, с какими приходилось бороться Ионину, царь написал: «Я *очень доволен* всеми энергичными действиями Ионина и *в особенности* ценю его решительность, стойкость и *взятую им на себя ответственность*, не испрашивая всякий раз указаний из Петербурга, чем он еще раз доказал свое *умение* и свою *находчивость*» [3]). Ионин мог утешать себя этим за те огорчения, которые он пережил в последние дни кризиса.

Впрочем, он скоро мог убедиться, что фактический исход кризиса во многих отношениях оказывается, пожалуй, наиудобнейшим и наиболее выгодным. Князь, вынужденный отказаться от полномочий, отнюдь не думал складывать оружие. Консерваторам положение казалось тоже не совсем безнадежным. Теперь, после от'езда генералов, они могли рассчитывать воспользоваться еще одной силой, способной повернуть события в их пользу. Этой силой были болгарская армия, предводимая русскими офицерами. При таких обстоятельствах политика, направленная к ликвидации политической роли русского офицерства в стране и, следовательно, к устранению каких-либо поводов к вмешательству во внутренние отношения Болгарии, становилась очередной задачей русского правительства. Опыт прошлого говорил, что борьба с либералами едва ли сулит князю победу, если борющиеся стороны будут предоставлены самим себе. Если русское правительство, наученное горьким опытом, начинало, наконец, понимать, что наилучшая для него политика в Болгарии есть политика невмешательства, и, кажется, готово было (надолго ли?) твердо держаться, этого принципа, то для Ионина это было совершенно ясно [4]). Восстановление Тырновской конституции без ведома и

[1]) Позже Ионин писал: «В начале своей деятельности Цанков (т.-е. уже в качестве министра, после 7/19 сент.) опасался моего недовольства за его недобросовестный поступок с нами». Dép. № 13, oct. 83. Sof., л. 238—263. О. А. Князь прямо говорил, что либералы обманули генералов, см. ниже.

[2]) Tél. secr. de Giers à Ionin 7/ IX 83, № 155: «Государь вполне разделяет мнение Ионина и согласен, чтобы наши генералы подали в отставку».

[3]) Докладная записка Гирса от 7/IX 83. Sof., II, л. 168. О. А.

[4]) Ионин—Гирсу 11/23 сент., деп. № 6. Sof., I, л. 165—172. Ионин сказал князю еще при свидании 5 сент. 83 г.: «Кто знает, быть может, нам придется благодарить Вас за этот шаг (т.-е. за восстановление Тырновской конституции)... дело в том, что если бы Вы оставались на почве манифе-

совета русского правительства развязывало последнему руки. «Положение князя,—писал Ионин 9/X—83 г. [1]),—очень трудное, почти отчаянное. Нам теперь надо, обессилив княжескую клику, оставить князя лицом к лицу с народом и ждать, что будет». «Князь телеграфировал государю императору, что решился на Тырновскую конституцию и принял отставку генералов с моего согласия. Я бы всеподданнейше просил государя императора в ответе не выражать одобрения или неодобрения, оставляя этот шаг на ответственности князя, ибо шаг этот—последствие неискренности князя и борьбы с нами. Князь теперь будет стараться посредством интриг уничтожить совершившееся,—народная же партия будет усиливать себя всеми средствами, и дело может кончиться весьма серьезно. Чтобы не компрометировать русское имя, прошу уполномочить меня об'явить русским офицерам, чтобы служить здесь только в строю, а не в жандармских командах; народная партия намерена уничтожить ненавистную жандармерию, лучше предупредить ее (т.-е. народную партию. *Ск.)*».

Ионин нисколько не ошибался насчет интриг князя. Еще не высохло перо, которое подписало манифест о восстановлении Тырновской конституции, как князь уже строчил гнуснейшую—другого слова не придумаешь — телеграмму царю, пытаясь предать своих сегодняшних союзников, своих вечных лютых врагов—либералов «Либералы,—писал он 9/21 сентября 1883 г. [2]),—гораздо скорее, чем я думал, оправдали мнение, высказанное мною о них в последней телеграмме к вашему величеству [3]), ибо, обманув генералов, они соединились с консерваторами в единодушном вотуме собрания, они поставили меня перед альтернативой или отречься от престола или восстановить Тырновскую конституцию. Лишенный моих полномочий манифестом 30 августа, я должен был согласиться на конституцию». Далее князь уверял царя, что только благодаря ему в ответном адресе собрания было вычеркнуто порицание генералам, и собрание воздержалось от всякой враждебной манифестации по их адресу: «Quoique c'est la Russie qui m'a fait faire cette humilation publique je déclare à V. Maj. que je continuerai, comme dans le passé(Алекс. III написал к этому слову: «надеюсь, что лучше») de sauvegarder et de défendre uniquement les

ста 30 авг., то нам было бы ужасно много хлопот. Мы нравственно гарантировали этот манифест, а между тем, чтобы из него вышло что-нибудь порядочное, предстояли нечеловеческие усилия в виду общего взаимного недоверия, интриг и возбуждения страстей. Вы нас освобождаете от этой работы». При этом Ионин предупредил, что каковы бы ни были последствия,—«мы не будем употреблять наши силы ни в ту, ни в другую сторону».

[1]) Tel. secr. Sof., 9.IX 83. Sof., л. 248—255. А. К. М.

[2]) Tél. secr. de Giers à Toll. S.-Pétersbourg. 9/21 cept. 83. Copenhague. 125. А. К. М.

[3]) Князь имеет в виду tél. secr. 20 août 83. А. К. М. «... les chefs du parti qui maintenant font semblant d'être russes sont les mêmes qui, etant Ministres, étaient les ennemis le plus acharnés de la Russie...»

intérêts de la Russie en Bulgarie. D'accord avec M. Ionine j'ai accepté la démission des Généraux». Гирс нашел, что это было «полным искажением фактов». Ложь была очевидна. «Я положительно больше не верю словам князя»,—заметил на полях царь—и на этот раз он был вполне прав. Князь во всяком случае не принадлежал к тем людям, к которым сохраняют уважение даже враги в пылу борьбы.

Борьба между князем и либералами, завязавшаяся почти на другой день после провозглашения конституции, правда, не получила такой острой формы, как в начале сентября, но имела и для одной и для другой стороны не меньшее значение. Борьба за конституцию превратилась в борьбу за армию, ибо армия на стороне князя делала призрачной только-что вырванные у князя уступки.

В своем месте мы уже упоминали о том, что князь давно начал принимать меры, чтобы привлечь эту силу на свою сторону. Русское правительство, рассчитывавшее на болгарскую армию в своих целях, всячески поддерживало и князя и его правительство в тех случаях, когда дело шло об увеличении армии или о привлечении новых русских офицеров к ее инструктированию. В результате к описываемым событиям болгарская армия представляла собой внушительную силу, вызывавшую подозрительное внимание со стороны Сербии и Австрии. Опыт 1881 г. показал князю, какое употребление можно сделать из этой силы, и нет ничего удивительного, что именно с этого времени датируется его особенно благосклонное внимание к армии и к русскому офицерству. Привлечь его на свою сторону повышенными окладами, орденами и личным благоволением и создать около себя преданные ему части преторианцев, ненавистных стране и зависящих только от своего господина,—таковы были замыслы князя. Эта задача настолько ему удалась, что испугались даже его ближайшие друзья из консерваторов. В начале 1883 г., еще при генералах, консервативные министры настойчиво домогались уничтожения жандармерии, которой командовали русские офицеры, лично преданные князю, и только вмешательство Соболева предотвратило это неприятное для князя дело. Ионин, прибыв в Софию, сразу почувствовал это новое и неожиданное для него значение русского офицерства. Борьба за влияние на него настоятельно диктовалась обстоятельствами, и с этой точки зрения увольнение в отставку Соболева казалось ему чрезвычайно опасным. «Отставка Соболева в особенности отозвалась бы на поведении русского офицерства,—писал он Гирсу 21 августа 1883 г. [1]),—которое князь всячески привлекает на свою сторону. Изгоняя Соболева, князь как бы давал понять, что «он, так сказать, выигрывал в споре с государем императором и доказал бы офицерам, что, что бы ни делала Россия, офицеры эти в своих выгодах должны повиноваться безусловно его воле и не рассчитывать на поддержку своей родины». «К несчастью,—прибавлял он,—многие из русских офицеров в Софии позабыли почти про свое отечество и делаются мало-по-малу не болгарами (это бы еще ничего!) и не слугами князя, а просто сообщниками княжеской клики» [1]).

[1]) Ионин—Гирсу 21 авг. 83, № 4. Sof., I, л. 119—144. О. А.

Намерения князя после восстановления Тырновской конституции сводились к тому, чтобы, удалив Каульбарса, назначить на его место одного из преданнейших ему офицеров, генерала Лесового. Первая половина этой задачи была выполнена, хотя и с тяжелыми потерями для авторитета князя. С тем бо́льшей поспешностью он приступил теперь ко второй.

Незадача князя заключалась в этот период в том, что русское правительство ради спасения своего престижа и так назыв. «русского влияния в Болгарии» считало теперь, после двухлетнего опыта с княжескими полномочиями, необходимым сделать ставку не на княжеской абсолютизм, а на либералов и на конституцию. Этого князь очень долго не мог понять, и этим об'ясняются многие его промахи, в роде приведенного выше письма его к царю. А между тем его противники—русские, так же как и противники его полномочий—либералы, имели еще достаточно оснований, чтобы держать против него общий фронт. Если либералы вообще косо посматривали на армию, — она обходилась стране в копеечку и сверх этого ничего до сих пор им не принесла, кроме огорчений,—то теперь для такого недоверчивого отношения к ней имелись тем более веские основания. Внезапное восстановление князем Тырновской конституции вызывало такие же подозрения, как и всем известное это тяготение к «сильной власти». То обстоятельство, что именно теперь князь поднял вопрос о замещении поста военного министра своим человеком, конечно, не могло внести успокоения в ряды министров-либералов. Даже министры-консерваторы в этом пункте не совсем разделяли взгляды князя и высказывали некоторые опасения. Назначение военного министра с согласия царя казалось им достаточной гарантией, чтобы удержать командный состав, т.-е., главным образом, русское офицерство, в нейтральном положении в случае, если бы князь вздумал воспользоваться штыками для сведения на-нет конституции. Что каса́ется русских, русского правительства и его агента в Болгарии, Ионина, то сохранение старого порядка в деле назначения военного министра, т.-е. с согласия царя, казалось им необходимым и впредь. Русское правительство было согласно с Иониным также и в том, что излишняя близость части русского офи-

[1]) Князь писал царю в октябре 1883 г.: «L'armée ne jouit pas de popularité en Bulgarie: 1) à cause des dépenses que l'entretien des troupes néćessite; 2) à cause de l'ésprit démocratique qui est la base du caractère du peuple; 3) parce que les Bulgares ne cachent leur conviction qu'ils ne peuvent seuls entamer une guerre sans concours de la Russie et dans ce cas la Russie n'aurait pas besoin de l'aide microscopique de la Bulgarie». Koch, 158. Все это было, конечно, написано в расчете на то, что русские, нуждающиеся в болгарской армии, могут рассчитывать только лично на князя, так как лишь ему одному болгарская армия обязана своим существованием.

церства к князю, равно как и служба их в жандармерии при данных обстоятельствах, едва ли могли быть терпимы. Во всем этом политика правительства и Ионина вполне совпадала с политикой либералов. В одном только Гирс побоялся следовать за своим решительным агентом. Ионин настаивал на необходимости воспользоваться благоприятными обстоятельствами и изгнать князя из Болгарии. Этим навсегда, как он думал, можно было бы покончить с гнездом антирусских интриг. Еще 23 авг./4 сен., т.-е. сейчас же после окончания первой фазы борьбы за восстановление конституции, Ионин в частном письме к Гирсу обронил фразу: «Il était si facile de le (le Prince Alexandre) faire traverser le Danube une fois pour toute que c'était tentant, mais la sagesse, vu un million de considération, devait prévaloir»... [1]).

«Мы вовсе не намерены изменять руководившим до сих пор нами убеждениям,—отвечал ему Гирс—Зиновьев,—побуждавшим нас заботиться о поддержании авторитета князя, и готовы будем и впредь оказывать ему самое искреннее с нашей стороны содействие, но, само собой разумеется, под условием, чтобы и он относился к нам вполне искренне и воздержался бы от той двойственности, которой, к сожалению, отличался в последнее время его образ действий» [2]). Возобновление борьбы в новой форме после восстановления Тырновской конституции снова поставило перед Иониным вопрос о более радикальных мерах.

Около 11 сентября в Копенгагене была получена телеграмма князя. Он просил царя разрешить ему назначить генерала Лесового военным министром [3]). Это было понято как начало нового натиска князя и на конституцию и на ее новых ревностных поклонников, русских. «Назначение Лесового при том положении дел, которое я имел честь представить в моих предшествующих донесениях, было бы решительным политическим событием,—ударом нашему влиянию и положению в Болгарии», — писал Ионин 12/24 сентября [4]). «Опираясь на русских офицеров, князь может произвести переворот в роде систовского. Необходимо отозвать офицеров, в первую очередь таких, как Лесового, Ползикова и др., окружающих князя и превратившихся в его камарилью [5]), и строго определить положение русских офицеров в Болгарии». «В случае

[1]) Частное письмо Ионина Гирсу 23 авг. (4 сент.) 83. Sof., II, л. 148—153. О. А.

[2]) Зиновьев—Гирс—Ионину № 110. 29 авг. 83, весьма секретно. Sof., II, л. 314—320. О. А.

[3]) Tél. secr. de Prince Alex. Copenhague. 1883, л. 123. «Je prie V. Maj. de me permettre de nommer le gén. Lessovoy Ministre de la Guerre. Après les expériences faites je ne puis plus accepter un Ministre que je ne connais pas personnellement et qui ne connait pas la Bulgarie. En même temps je me porte garant auprès de V. Maj. que l'armée sera guidée dans les mêmes principes que jusqu'à présent et que chaque ordre de V. Maj. sera militairement executé».

[4]) Dép. № 7a 12/24 сент. 83. Sof. 1 83, л. 173—190. О. А.

[5]) Dép. № 8 13/21 сент. 83. Sof. 1, 83, л. 207—218. О. А.

переворота русское правительство ни в коем случае не должно удерживать князя. После переворота в Систове и узнавши князя вполне, мы, скрепя сердце, должны притти к тому убеждению, что если князь без насильственных мер не может остаться в Болгарии, то лучше, чтобы он уехал отсюда, а потому нельзя ни поддерживать в князе надежды на возможную помощь, ни помогать ему косвенно или прямо в случае явных действий против него народа». Так как назначение Лесового вопреки протесту Ионина [1]), как ему казалось, было решено князем в положительном смысле, Ионин выработал следующий план действий, прося Гирса одобрить его. В случае решимости князя открыто выступить против русских требований следует или отозвать из Болгарии всех русских офицеров и, так. обр., пойти на полный разрыв, или, «предварительно об'яснившись с Европой», решиться на нечто в роде временной оккупации Болгарии. Эту временную оккупацию Ионин рисовал себе так. Если князь порвет сношения с Россией и даст, как он грозит, отставку русским офицерам, то русское правительство, заручившись согласием Европы, об'явит князю и болгарскому правительству, что власть князя не считается безусловной и что, «оставляя его ведаться, как ему угодно, с народом, оно с своей стороны приняло меры к тому, чтобы спасти страну от хаоса». Это «спасение страны от хаоса» заключалось в том, что русское правительство должно было приказать русским офицерам даже и в том случае, если бы князь дал им поголовную отставку, не покидать войска и удержать их от вмешательства в распрю между князем и народом. «По всей вероятности, в данном случае все обошлось бы мирно, ибо наша твердость заставила бы князя немедленно выехать из Болгарии». Для исполнения этого плана, в случае его одобрения, Ионин предлагал послать в Болгарию, не спрашивая князя или только сообщивши ему, генерала, который принял бы командование над русскими офицерами и подчиненными им войсками. Не лишним было бы при этом «подготовить в Одессе баталиона четыре и послать их затем в Варну под начальством все того же генерала. Конечно, этот отряд отправился бы в Варну не для военных действий, а «чтобы выяснить нашу волю и цель и вывести тем болгарский народ из сомнения насчет наших намерений». При таких условиях, — думал Ионин, — «наше влияние будет решающим» [2]). Как видим, это был план очень оригинального «невмешательства» во внутренние дела Болгарии!

Мысль об удалении князя не дает теперь покою Ионину. «Князь, говорят, едет в Петербург,—писал он Гирсу в частном письме 14/26 сент. [3]),—как и всегда будет говорить и жаловаться,

[1]) Депеша № 7а 12/24 сент. Sof., I, л. 173—190. Ионин заявил протест пока только от своего имени и следом отправил обширное донесение, об'ясняя, почему это назначение не может быть допущено.

[2]) Депеша № 8 13/25 сент. 83. Sof., I, стр. 207—218. О. А.

[3]) Частное письмо Ионина Гирсу 14/26 сент. Sof., II, л. 177—182. О. А.

что положение его в Болгарии невыносимо, если ему мы вполне не уступим, и, как это часто было, что он готов скорей отречься от престола. Его можно было бы поймать на слове, ибо он сделал бы этим самым великодушное и единственное доброе дело для Болгарии. И для него это лучшее—кончится ведь тем же, только со скандалом». Тут Ионин обнаружил даже прозорливость! Своим планам Ионин придавал весьма серьезное значение. Когда 16 сентября он, получив, наконец, телеграмму о том, что царь не соизволяет на назначение Лесового, просил позволить ему задержать сообщение этой телеграммы князю до тех пор, пока в его руках не будет точных указаний на тот случай, если князь не будет считаться с телеграммой царя. «Жду от князя крайностей. Он посылает к офицерам тайно спрашивать, будут ли они за него в случае разрыва, с намерением выслать всех, кто не за него» [1]). Ионин просил далее, в случае, если правительство решит отозвать Лесового, выслать из Болгарии также и офицеров, бывших главными зачинщиками деморализации армии. «Цель князя—восстановить полномочия, обманув страну Тырновской конституцией,—заканчивал он свою телеграмму,—выясняется все больше. Негодование в стране растет. Телеграммы отовсюду выражают сожаление об от'езде генералов и манифесте 30 августа. Здесь были демонстрации в их честь, с участием новых министров. Вчера приехал Каравелов. Буду действовать на него успокоительно». Последнее замечание вводит нас в круг той борьбы, которая снова разгорелась вокруг конституции. Левая часть либералов и радикалы были недовольны Цанковым и его товарищами из умеренного лагеря, а Цанков, теснимый снова консерваторами и князем, тем сильнее держался за русских, чем меньше надежд оставалось у консерваторов на разрешение конституционного спора в каком-либо компромиссном и удовлетворительном для них смысле. Борьба за армию—а в этот момент в ней сосредоточился и вопрос конституционный—начинала не на шутку тревожить Цанкова. Князь торопил Ионина с ответом насчет отношения царя к назначению Лесового, но так как ответ не приходил, он придумал новую меру, заключив из долгого молчания, что ответ едва ли будет для него удовлетворительным. Он решил выделить из полномочий военного министерства должность главнокомандующего, подчинив ее непосредственно себе. Этим путем он подчинял армию себе, оставляя русским потерявшую свое значение должность министра [2]).

Кроме этого, он настаивал на том, чтобы добавочное вознаграждение русским офицерам за инструкторские обязанности, которое решено было выплачивать из сумм недавно принятого Народным собранием оккупационного долга, поступило в его распоряжение и было распределяемо им самим. Легко представить себе негодование и страх Ионина и временно исполнявшего

---

[1]) Tél. secr. 16/IX 83. Sof., л. 276—278. А. К. М.
[2]) Tél. secr. 19/IX 83. Sof., л. 287. А. К. М.

должность военного министра, русского полковника Редигера, когда они узнали о новых «кознях» своего врага и когда им стало известно, что консервативное большинство Народного собрания (незаконного, после восстановления Тырновской конституции!) провело в спешном порядке и в отсутствии министров первую часть новой «интриги»—отделение власти военного министра от власти главнокомандующего [1]). В Петербург снова полетели телеграммы за телеграммами: «Для нас момент критический» [2]). «Или мы должны решиться бросить Болгарию, или разорвать эту паутину интриг и дерзостей. Действовать мы можем еще быстро и решительно: совершившийся факт даст нам возможность и с Европой разговаривать лучше, ибо в руках у нас будет главный залог—страна». Ионин соглашался даже, что «на первый раз можно обойтись и без высадки в Варне, если это слишком трудно; только для демонстрации послать бы два, три военных судна, и если можно генерала Каульбарса», а пока «приказать Редигеру временно взять команду над офицерами, а, следовательно, и над войском, прямо от имени государя императора». «Это будет,—заключал он,—так сказать, оккупацией и низложением князя, но эту меру достаточно можно мотивировать и перед Европой: оскорбительным поведением против нас и хаосом, в который князь привел страну». Гирс введен был этими телеграммами в очень затруднительное положение. Царь был вне досягаемости в пути из Копенгагена в Петербург, и решительный ответ на не менее решительные требования Ионина был в данный момент невозможен. Однако для него было ясно, что план Ионина по меньшей мере опасен. Из двух «или-или», принимая во внимание спокойствие в Европе и исключительно благоприятное для России международное положение, Гирс склонялся к тому, которое Ионину казалось наименее удовлетворительным.

Предлагая Ионину выигрывать время, пока не приедет царь, Гирс телеграфировал [3]): «Предлагаемая Вами в депеше № 8 мера, а именно: высылка в Варну небольшого русского отряда—неудобоисполнима и крайне опасна. Поэтому нам придется вероятно ограничиться формальным заявлением князю, что при настоящем положении дела наши офицеры должны подчиняться лицу, которое будет избрано государем императором, а в случае сопротивления князя отозвать офицеров с принятием надлежащих мер против ослушников. По об'яснении с Обручевым, заключение наше представлю на высочайшее б л а г о у с м о т р е н и е и сообщу Вам по телеграфу». Ионину приходилось складывать оружие и ожидать наихудшего [4]). И действительно, не дожидаясь ответа царя,

---

[1]) Tél. secr. 19/IX 83. Sof., 288. А. К. М.; tél. secr. 20/IX 83. Sof., л. 289—290. А. К. М.
[2]) Tél. secr. 20/IX 83. Sof., л. 297—303. А. К. М.
[3]) Tél. secr. 21 sept. 83. Sof., 83, л. 25. А. К. М.
[4]) Вот его ответ на министерскую телеграмму, приведенную выше (Tél. secr. 24/IX 83. Sof., л. 310—325. А. К. М.). Reçu tél. du 21. «Буду

князь назначил Лесового [1]). Тогда Ионин (26 сент.) довел до сведения князя, что царь не согласен на назначение этого офицера. Военный министр должен оставаться на прежнем основании, т.-е. и как министр и как главнокомандующий и должен быть прислан из России. До прибытия министра все остается по-старому. Изменения могут быть внесены только по соглашению с новым министром. Князь подчинился наполовину. 27-го он предложил Редигеру пост. военного министра с тем, однако, чтобы капитан Котельников, один из друзей князя, был назначен начальником штаба. Редигер, видя в этом скрытую форму разделения власти, отказался наотрез. Положение становилось безвыходным.

До Ионина дошли слухи, что князь собирается внести в собрание проект сокращения армии и увольнения в связи с этим в отставку части русских офицеров, оставив только преданных себе (около 100 челов.). Но совершенно неожиданно помощь пришла с той стороны, откуда Ионин потерял всякую надежду получить ее. Министры-либералы, по мнению Ионина окончательно запутавшиеся в сетях консерваторов и «оставленные страной», испугались реформаторского пыла князя по отношению к армии. Непосредственно после истории с Редигером к Ионину явился Цан-

оттягивать, но это трудно. Князь ни за что не согласится принять генерала, посланного государем имп--м, или назначит его безгласным министром, а командиром войск, вероятно, будет Лесовой. Это еще хуже, ибо просто насмешка. Либеральных членов министерства я убедил стоять на назначении министра с соизволения государя имп-ра и не допускать опубликовывать напечатанный уже указ о разделении власти, но министры эти оставлены народом. Вся страна против них, обвиняя их в обмане России. На их сопротивление князь не обратит внимания. Убедившись в недоверии госуд. имп-ра, князь идет напролом. Вот план действий, на которые согласился с Редигером. Будем медлить пока только возможно, в крайности же я потребую принять министра по назначению гос. имп-ра и безусловно на прежнем основании. Если князь не согласится на это, я, по повелению гос. имп-ра, отзываю в Россию, об'являя в случае ослушания дезертирами: Лесового, Логвенова, Мосолова, Ползикова, Ремлингена и Тигерстера. Князь ответит, вероятно, дав отставку верным России офицерам. Тогда мы тотчас же по высочайшему повелению приказываем строжайшим образом всем без исключения офицерам подать в отставку и оставить, не медля, свои посты. Затем, так как офицерам по финансовым соображениям выехать тотчас же нельзя, то частным распоряжением приказываем оставаться им на местах жительства впредь до получения ими полугодового содержания на под'ем от импер-го правительства. Эта мера будет вполне легальна и безукоризненна в отношении Болгарии и Европы. Последствия ее будут, вероятно, таковы. Здесь произойдет великое смятение; князь или покорится безусловно, или уедет, затем вся страна увидит, что без русских нет спасения, и сама будет просить оставить офицеров, кои окажутся еще на местах. Теперь же настроение страны нам вполне благоприятно. Смею просить скорейшего ответа на сие, а в случае соизволения госуд. импер-ра на этот план,—разрешения насчет полугодового оклада; впоследствии все равно можно будет получить из болгарского долга; в крайности же, смею думать, что импер. прав-во должно решиться на жертву. По зрелом обсуждении, считаю этот план лучше прежнего (т.-е. изложенного в депеше № 8). Мы не даем предлога обвинять нас во властолюбии и докажем, что без нас жить нельзя...»

[1]) Tél. secr. 27/IX 83. Sof., л. 330. А. К. М.

ков и заявил ему, «что интересы России в военном вопросе совершенно тождественны с интересами Болгарии, что страна и он, Цанков, не могут допустить безусловной власти князя над русскими офицерами и особенно отсутствия русского контроля при назначении военного министра. Окружающие теперь князя русские офицеры,—говорил дальше Цанков,—ненавистны стране настолько же, насколько она уважает офицеров, находящихся в строю. Цанков предложил отправиться вместе с другими либеральными министрами к князю и потребовать от него полного подчинения русским требованиям в военном вопросе, а в случае отказа князя подать в отставку. В тот же день один из министров-либералов был снова у Ионина и сообщил, что министерство в целом, даже Греков, Начевич и Стоилов, т.-е. министры-консерваторы, согласны с заявлением Цанкова и готовы явиться in corpore к Ионину, чтобы подтвердить это. После некоторых колебаний Ионин принял болгарское министерство, и решение их было сообщено князю. Вскоре после этого князь получил телеграмму царя, предлагавшего ему сохранить в военном вопросе status quo до приезда царского флигель-ад'ютанта для заключения формального договора, долженствующего определить положение русского офицерства в Болгарии и разрешить вопрос о порядке назначения военного министра [1]). Об'ясняется ли этот неожиданный поворот министерства одним лишь страхом перед возможностью военного заговора против конституции со стороны князя и его друзей из среды русского офицерства, того страха, которого, как мы видели, не были лишены даже консерваторы; была ли причина этого в том, что умеренные либералы боялись начавшегося сближения русских и в частности Ионина с радикалами,—сторонники князя обвиняли Ионина в том, что он вызвал Каравелова из Восточной Румелии, куда последний бежал после переворота 1881 г.[2]),—сказать трудно. Но это новое и на этот раз окончательное уклонение Цанкова в русло русской политики обеспечило победу русских и полное политическое поражение князя. Несмотря на то, что русское правительство умудрилось совершить еще одну нелепость (Обручев отозвал Лесового и Ползикова, а князь, вне себя от оскорбления, дал отставку всем русским офицерам своей свиты и приказал болгарским офицерам, учившимся в России, вернуться домой), русские требования были выполнены. Князь согласился на уничтожение Державного совета [3]), на окончательный

[1]) Депеша № 14 от 22 окт. 83. Sof., I, 264—282. О. А. Tél. secr. de Giers 3 oct. 83. Sof., л. 27. А. К. М.

[2]) Koch., S. 154.

[3]) Tél. secr. 15/XI 83. Sof., 438—442. А. К. М. «По настоянию либеральных членов министерства, Державный совет распущен. Это произвело разлад в министерстве, и сессия совета, начинающаяся сегодня, вероятно, будет бурная. Хотя министерство и князь и согласились распустить собрание после этой сессии, но князь и консерваторы, видимо, стараются избегнуть этого, интригуя против Цанкова, с целью поссорить его со мной. Вчера двенадцать самых влиятельных консерваторов пришли ко

роспуск прежнего консервативного Народного собрания и на принятие русских условий в военном вопросе [1]). Деятельность русских офицеров ограничивалась только чисто военной или военно-морской службой (§ 2). Полицейская и гражданская служба им воспрещалась безусловно под страхом потери прав на обратное принятие на русскую службу (§ 3). Они подчинялись болгарским военным законам, несли ответственность перед болгарским правительством, но ни под каким предлогом и ни в какой форме не должны были вмешиваться в политические дела княжества или входить в состав каких-либо политических партий, кружков и других явных или тайных сообществ (§ 4). По всем делам, обязанностям и требованиям, вытекающим из положения их, как русских офицеров, они были подчинены непосредственно военному министру, назначаемому с соизволением царя и функционирующему в качестве представителя русской военной власти в Болгарии. Как русские подданные, они подчинялись русскому дипломатическому агенту в Болгарии (§ 5). Русское правительство не остановилось только на этом договоре. В ответ на один из периодически приходивших из Болгарии слухов, что князь непрочь воспользоваться военной силой для упрочения своей власти, Гирс телеграфировал Ионину: «Передайте флигель-ад'ютанту Каульбарсу, что на случай, если бы князь Александр решился прибегнуть к военной силе для подавления волнений в Болгарии или для каких-либо насильственных действий против народа, ему предоставляется волею государя императора предложить всем русским офицерам отказаться от участия в таковых действиях и отстраниться от командования войском» [2]).

Как ни ясно было поведение русского правительства с момента прибытия Ионина в Болгарию, князь, повидимому, никак не мог до конца убедить себя в том, что русское правительство серьезно решило итти с либералами. Русский абсолютизм в роли охранителя народных прав в Болгарии, Александр III в тесном союзе с Цанковым, Славейковым, Каравеловым и прочими «анархистами» и «нигилистами»—все это было действительно настолько невероятно, что попытки князя испробовать крепость отношений у новых союзников и подкопаться под этот союз кажутся вполне понятными. Но просьбы консерваторов к русскому правительству о присылке снова русских министров, замысел князя снова сблизиться с русскими и лично оправдаться перед царем и для этого отправиться в Петербург оказались безуспешными. Ионин заявил консерваторам, что русского управления в Болгарии больше не будет [1]). Зиновьев—Гирс предписали Ионину «быть весьма сдержанным» в сношениях с князем, «как бы ни старался последний о восстановлении своих прежних отношений». Министерство считало теперь, что его позиция выяснена окончательно. «Мы старались устранить разлад между князем и страной, и если князь не захотел воспользоваться предложенным нами в этом смысле содействием и не понял своего призвания, то, с одной стороны, мы не считаем себя в праве в угоду ему становиться вразрез с явно выраженным страной желанием и рисковать влиянием нашим». Тырновская конституция, конечно, плоха, но в виду невозможности притти в данный момент к соглашению с народными представителями «мы принимаем совершившийся факт и, дабы не подвергать себя никакой ответственности, с коей сопряжено постоянное вмешательство во внутренние дела страны, предпочитаем предоставить самим болгарам установить внутренний порядок вещей, наиболее обеспечивающий будущность их отечества, и будем пользоваться нравственным влиянием нашим лишь в видах предупреждения неблагоразумных увлечений». Гирс при этом добавил, что его величество не имеет ничего даже против уменьшения болгарской армии [2]). Министерская депеша встретилась с телеграммой Ионина, в которой он, доводя еще один раз до сведения Гирса о желании князя поехать в Петербург, предостерегал своего шефа от интриг князя: «его величество, тронутый раскаянием и слезами, которые, вероятно, будут, может оказать о п я т ь (разрядка моя. *Ск.*) поддержку клике для угнетения и эксплоатации народа». Зиновьев не счел возможным переписать эту фразу с дешифранта на лист, подаваемый царю. «Эти слова лучше пропустить»,—надписал он [3]) и был прав, ибо в них заключался жесточайший приговор политике последних двух лет, произнесенный одним из ее наиболее способных исполнителей.

Князю, т. обр., не оставалось ничего, кроме полной покорности.

25 декабря он распустил последнюю сессию Народного собрания, избранного на основе полномочий, и об'явил полное восстановление Тырновской конституции, без всяких изменений. Министры-консерваторы ушли в отставку, и князь остался лицом к лицу с Цанковым и русскими, из-за которых уже выглядывала юркая фигура Каравелова. «Второй переворот,—писал Ионин—наконец, совершился. Князь мрачный и угрюмый едва читал свою речь, и ему внимали с злобно-сосредоточенным видом отвергнутое народом большинство собрания, которое только присутствовало при констатировании своего полного фиаско» [4]).

мне. Раскаиваясь в своем поведении, они просили прощения и присылки сюда русских министров, ибо иначе настанет анархия. Эта депутация, видимо, подослана князем. Я ответил, что русского управления в Болгарии больше не будет и что князь и народ сами теперь должны выработать modus vivendi».

[1]) Текст договора, привезенного бароном Н. Каульбарсом, приложен к депеше Ионина № 21 от 6/XI 83 г. Sof., л. 331—338. О. А. и у Koch'а, 174—176.

[2]) Tél. secr. 24/XI 83. Sof., 83, л. 31. А. К. М.

[1]) Tél. secr. 15/XI. Sof. 83, л. 438—442. О. А.

[2]) Зиновьев—Гирс—Ионину. 19 ноября 83., № 169. Sof., II, л. 360—365. О. А.

[3]) Tél. secr. 2)/XI 83. Sof., л. 444—450. А. К. М.

[4]) Депеша Ионина, № 33 от 25 дек. 1883 г. Sof., I, л. 437—449. О. А.

Все хорошо, что хорошо кончается. Эту пословицу наверное не раз вспоминали представители русского правительства, подводя итоги только-что минувшему кризису. Он научил их многому. Непочтительная фраза, сорвавшаяся с уст Ионина, была лишь более резким, чем допускалось приличиями, выражением тех взглядов, которые свойственны были руководителям внешней политики России. И если царь, не способный по природе своего умственного склада размышлять о логике событий, готов был обвинять во всем князя и подозревать повсюду его интриги, то осторожный Гирс думал и действовал, конечно, весьма принципиально и позволил Ионину пойти до конца по тому пути в его политической деятельности, который по существу был отступлением русских за позиции 1879 г. Ибо в период до 1881 г. еще живы были страхи, вызванные ослаблением России в только-что минувшую кампанию; у большой России могла быть надежда на предотвращение захвата проливов Англией при помощи «маленькой России»—Болгарии. Теперь страх рассеивался в тумане отдаленного будущего, надежды блекли, зато только-что пережитый опыт ясно говорил, что болгары, ревниво охраняющие свою независимость, больше не желали опеки своего «старшего брата», опеки, принимавшей формы довольно бесшабашного самоуправства, и что всякая политика, построенная на вмешательстве во внутренние дела освобожденной страны, была заранее обречена на неудачу.

Русские интересы могут быть осуществлены не путем непосредственного распоряжения силами чужой страны, а обоюдным соглашением, не мерами административного воздействия русских министров в Болгарии, а путем международной сделки двух одинаково независимых государств—таков был внутренний смысл ионинской фразы, что в Болгарии больше не будет русского управления. Но это был только один из выводов. Другой, еще более парадоксальный вывод, касался самого существа русско-болгарских отношений. «Русское» влияние могло существовать только на фундаменте болгарской конституции — таков был смысл второго вывода. Это было ясно для всех участников кризиса 1881—1883 г.г. и нашло своего красноречивого истолкователя в лице Ионина и своего осуществителя в лице русского правительства, решившего окончательно отказаться от всяких экспериментов с «полномочиями». Для русского правительства оба эти вывода были, конечно, решительным осуждением своей собственной деятельности периода полномочий. Но правительство самодержавного царя да еще такого, который всерьез верил в свое самодержавие, заранее включало в свои расчеты заведомую непоследовательность своих действий, тем более, что в переплетающихся влияниях, стремящихся перетянуть на свою сторону «независимую волю» самодержца, упрямого и неумного, деятели министерства иностранных дел не могли похвастаться своей силой и принуждены бывали не раз исправлять чужие глупости и прикрывать чужие грешки. Вот почему и на этот раз благополучно закончившийся опыт не давал

никаких гарантий того, что глупости не повторятся. Но пока что, пользуясь благополучным концом, русское правительство могло позволить себе роскошь самокритики: к тому же последняя была не бесполезна, как возможное предупреждение промахов в будущем.

«В Болгарии существует один несомненный фактор,—писал Ионин, подводя итоги только-что закончившемуся кризису,—это русское влияние, но несомненно также и то, что это орудие в наших руках сильно притупилось». Виноваты в этом сами русские. «Мы еще сами не могли определить себе той цели, которую нам можно было бы и нужно бы преследовать в Болгарии. В связи с этим запутывались мы и в выборе средств, так что каждый агент наш составлял свой особый план действий и разрушал работу своего предшественника».

«Россия,—думает Ионин,—не оправдала надежд болгарского народа и интеллигенции, инстинктивно тянущихся к ней, потому что в ней одной они видят защиту против возможной политической и экономической кабалы со стороны Европы, особенно Австрии, и от нее одной они ждут осуществления своих национальных идеалов, соединения Болгарии с В. Румелией и Македонией. Беспрестанная перемена взглядов, людей и систем, переход от Тырновской конституции к едва замаскированному деспотизму смутили умы и поколебали наш нравственный кредит». «В конце-концов нам приходится теперь искусственно поддерживать симпатии, которые при обыкновенных условиях должны были бы развиваться и расти сами собой». Этим пользуются иностранцы. Они уверяют болгар, что для России самостоятельная Болгария вовсе не нужна: для нее она лишь удобная арена ее будущих политических проектов. Россия поэтому хочет управлять Болгарией сама, при помощи своих людей. Все старания России сосредоточены вокруг того лишнего корпуса войска, который Болгария может дать ей в случае надобности. К сожалению, действия русских в Болгарии «как бы согласовались с речами иностранцев». А в результате в Болгарии даже в либеральных кругах растет сильнейшая оппозиция против русских. «В этой части оппозиции составилась мысль, что в своих внутренних делах Болгарии необходима полная независимость от внешнего влияния, а особенно от русского, которое опасно тем, что опирается на массу народа и преследует не болгарские интересы, а лишь свои внешне-политические цели». Этот поворот общественного мнения «лишь результат нашей непоследовательности и наших колебаний».

Русские плохо разбирались в болгарских делах, отдали Болгарию в результате систовского переворота в руки камарильи, жадной и корыстной, и сделались невольными сообщниками ее. Камарилья, ловко пугая нас нигилизмом болгарских либералов, прикрывалась русским влиянием, русским офицерством и болгарскими штыками, которыми оно командовало, делала вид, что она отдается в руки России, чтобы еще более скомпрометировать ее,

и прекрасно успевала в своих целях. На эту удочку попались и генералы. «Согласно общим воззрениям, господствовавшим тогда в России, они в Болгарии увидели лишь князя, а в его клике— представителей порядка и самодержавия и с этой точки зрения стали управлять страной». В конце-концов генералы раскусили консерваторов, но именно с этого времени и начались их злоключения. Ионин сознается, что «генералам поневоле пришлось оставить излишнюю разборчивость в средствах», но что же было делать, раз «на сочувствие страны при существовании полномочий им нельзя было особенно рассчитывать». Да к тому же они не обнаружили элементарного политического такта. «Старания наших генералов поддержать как-нибудь влияние России в Болгарии компрометировали нас еще более. Ни новоприбывшие чиновники и офицеры из русских воспитанников, ни тем более предполагаемая постройка Россией и почти на русские деньги железных дорог, ненужных болгарам, не достигали этой цели. То же надо сказать и про разные фантастические планы, в роде проекта переселения в Болгарию в большом количестве староверов, которые долженствовали взять в руки неблагодарных болгар [1]), готовых, повидимому, окончательно от нас отвернуться». «Все эти проекты пугали болгар, которые не могли не видеть в них замаскированную эксплоатацию страны и производили полную смуту в умах насчет желаний и намерений России».

В конце-концов даже Соболев понял, что привлечь на свою сторону болгар значило возвратить им конституцию. «Но,—замечает Ионин, — вашему высокопревосходительству известно, как отзывалось это слово в России и как трудно было Соболеву произнести его, паллиативы же могли только испортить дело». Тем не менее это слово пришлось произнести, так как иного средства восстановить престиж России не было: «русские в глазах болгар уже превратились в угнетателей». Так была восстановлена конституция. А за сим естественны были и все последующие шаги в военном вопросе и в вопросе о полном восстановлении конституции. Ионин уверял, что хотя в Болгарии и сильны тенденции освободиться от всякой опеки, в том числе и притом в первую очередь от русской, тем не менее русское влияние после восстановления конституции сильно возросло. Но он не остановился на этом. Он сделал и самый важный вывод из всего своего рассуждения о русско-болгарских отношениях за 1881—1883 г.г. Отдавая должное Тырновской конституции как средству против князя [2]), он написал: «Никогда Тырновская конституция не довела бы нас до настоящего и именно для России прискорбного кризиса, а главное, при ней мы никогда бы не могли столь сильно

[1]) Я не нашел в архиве быв. М. И. Д. никаких следов этого изумительного предприятия отважных генералов.

[2]) «... Никакой вред, происходящий от Тырновской конституции, не может сравниться с вредом от личного воздействия князя на управление...» Деп., № 13 от окт. 1883 г. Sof., I, л. 238—263. О. А.

скомпрометировать наше влияние и наш престиж». «Все это весьма обстоятельно и толково изложено и справедливо»,—заметил Александр III [1]). Комментарии историка, думаю я, ко всему этому излишни.

Глава III

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.—ВОЗОБНОВЛЕНИЕ СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ.—ПРОЕКТ ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ И ЕГО СУДЬБА.

События на Балканах в 1881—1884 г.г., в связи с возобновлением союзного договора между тремя императорами на новый срок, заставили союзников еще раз пересмотреть их восточную политику. Точка зрения русского правительства для нас более или менее ясна из предыдущего. Но она, конечно, была совсем неясна для его союзников в тот период, когда события вынуждали их высказываться относительно «возможностей» этой политики в будущем. Теоретические размышления обоих руководителей внешней политики двух среднеевропейских держав были вызваны зондированиями Сабурова, торопившегося вписать новые крупные цифры в «текущий счет» союзного трактата. Выступление зарвавшегося руского посла в Берлине совпало по времени с последним, наиболее скандальным периодом генеральского управления в Болгарии. Легко представить себе, под влиянием каких впечатлений обсуждались в Берлине и Вене русская восточная политика и вопрос о будущих взаимоотношениях трех союзных монархий. Похоже было на то, что на Балканах назревают новые крупные события при главном участии России. Конец года рассеял эти опасения. Восстановление Тырновской конституции и временное успокоение умов в Болгарии были даже до известной степени фактами неожиданными для европейских политиков и не совсем приятными для двух держав—союзниц России. За сим последовало возобновление почти без всяких изменений союза трех императоров. Все это были факты, которые заставили Бисмарка насторожиться. Можно было опасаться, что у русских ослабевает интерес к Балканам. Теперь уже не Сабуров, а сам Бисмарк непрочь был позондировать у русского правительства почву насчет «возможностей» на Балканах. Таким образом, балканская политика России подверглась обсуждению ее союзников в два очень отличных друг от друга момента: когда она казалась им слишком активной и когда она, по крайней мере для Бисмарка, грозила стать недостаточно активной для того, чтобы питать русско-австрийский антагонизм, скреплявший союз трех императоров. Каковы были результаты этого теоретизирования и к каким выводам в частности пришел наиболее сильный из двух теоретиков, Бисмарк—мы сейчас увидим.

[1]) Депеша Ионина, № 13 от октября 1883. Sof., I, л. 238—263. О. А. (50 страниц!).

ОГЛАВЛЕНИЕ